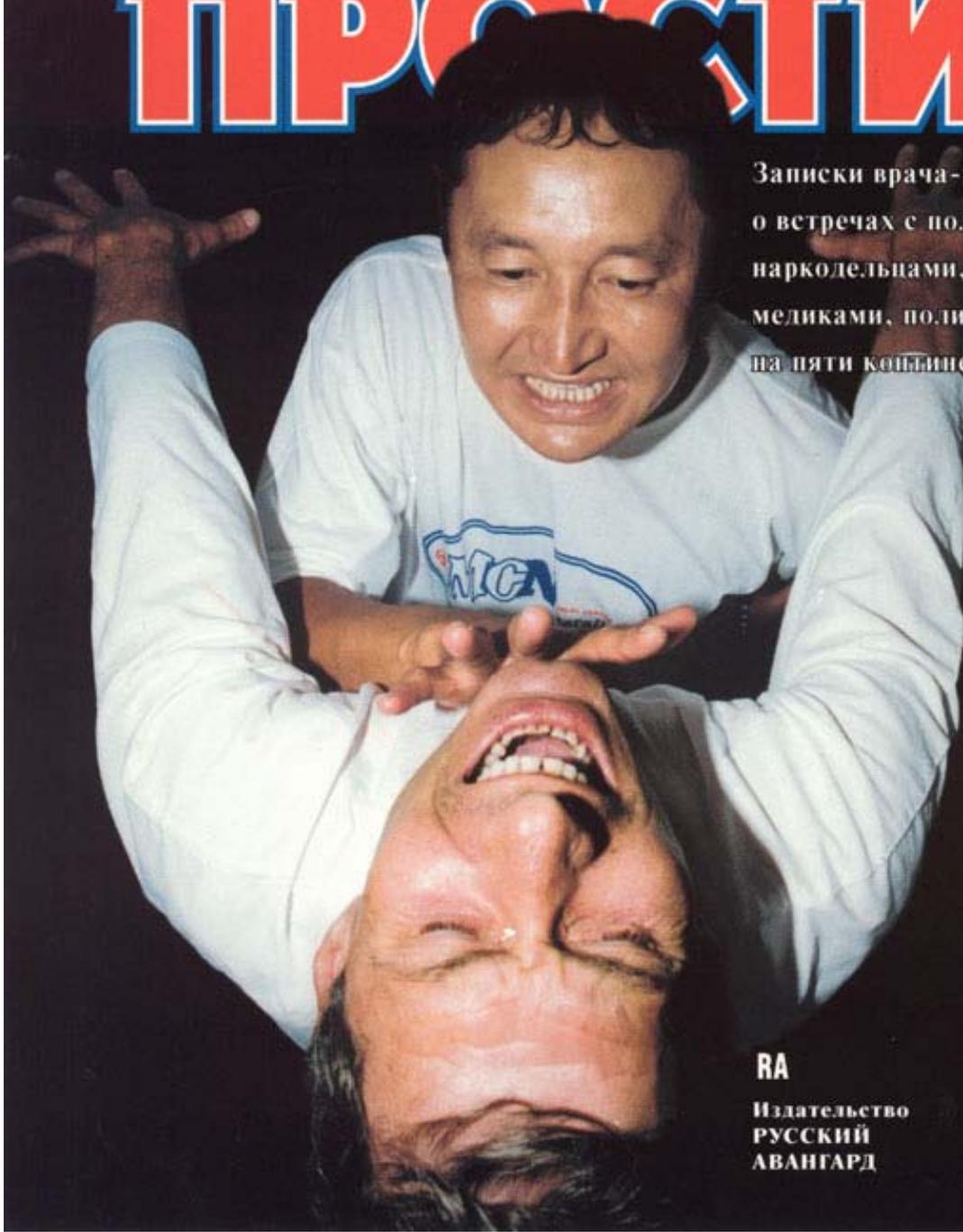

Женишбек Назаралиев

ИЗБАВЬ И ПРОСТИ

Записки врача-нарколога
о встречах с полицией,
наркодельцами, больными,
медиками, политиками
на пяти континентах.

РА

Издательство
РУССКИЙ
АВАНГАРД

*Светлой памяти моего отца,
психиатра Болсунбека Назаралиева,
который передал мне свою профессию,
помогающую людям в их беде*

ЖЕНИШБЕК НАЗРАЛИЕВ

ИЗБАВЬ И ПРОСТИ

Записки врача-нарколога
о встречах с полицией,
наркодельцами, больными,
медиками, политиками
на пяти континентах

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕДИЦИНСКАЯ ПРЕССА»
МОСКВА – С.-ПЕТЕРБУРГ
2001

УДК 343.575+616.89-008.441.33
ББК 56.14+67.408
Н19

Литературная запись
ЛЕОНИДА ШИНКАРЕВА

Фотографии из архивов
Ж. НАЗАРАЛИЕВА, Л. ШИНКАРЕВА,
В. ДОЦЕНКО

Дизайн и верстка
ЛЕОНИД ЗАВОЛОКА

Как помогают наркобольшим и противостоят незаконному обороту наркотиков в России, Кыргызстане, Таджикистане, а также в Великобритании, Голландии, США, Боливии, Бразилии, Колумбии, Гане, Нигерии, Кении, Индии, Китае, Пакистане, Австралии? Врач-нарколог, создатель Медицинского Центра в Бишкеке профессор Ж. Б. Назаралиев в последние годы побывал в этих и других странах, изучая, как решаются проблемы. Он размышляет о том, что из мирового опыта было бы полезно сегодня использовать в интересах отдельной личности и общества в целом.

Написанная в живой и свободной форме, книга адресована всем, кого волнует наркотическая угроза, кто столкнулся с ней в своей семье, в кругу друзей, на работе, кто помогает наркобольшим или по роду службы борется с наркобизнесом. А также широкой читательской аудитории — тем, кто хотел бы представить, с каким практическим опытом в этой области наше поколение шагнуло в новое столетие.

ISBN 5-94222-004-2

© Назаралиев Ж.Б., 2001
© Шинкарев Л.И., 2001
© Заволока Л., дизайн., 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	10
<i>Глава первая</i>	
ВОСЕМЬСОТ КИЛОМЕТРОВ ПО ПАМИРУ: КОНТРАБАНДИСТЫ И ПОГРАНИЧНИКИ.....	12
<i>Эхо афганской войны в Медицинском Центре в Бишкеке — На шинах через Пяндж — Жизнь и смерть бадахшанского Робин Гуда — Его Высочество Ага-Хан IV встречается с хорогскими наркоперевозчиками — За что таджики судили российского пограничника — 50 тысяч долларов за поворот головы в сторону</i>	
<i>Глава вторая</i>	
ПРОВИДЦЫ И ЦЕЛИТЕЛИ ИЗ РОДА КЫТАЙ.....	22
<i>Первое потрясение в Токтогуле — «Ясновидящие» предки нашей семьи — Внушение и лечение словом у киргизов — «Это какое-то шаманство!» — Магнетические флюиды Месмера — Павлов и Фрейд о природе гипноза — Кыргызская школа наркологии — Как хотели превратить Фрунзе (Бишкек) в наркотический Гонконг — Аскар Акаев: «Пока я президент, опийного мака у нас не будет!»</i>	
<i>Глава третья</i>	
МОЛОДОЙ МЕДИК ИЩЕТ СВОЙ СПОСОБ ВРАЧЕВАНИЯ.....	34
<i>Что увидели ученые Нью-Йорка в МЦН — Пять наших принципов — Экскурс в историю: как я перепутал столбняк с шизофренией и что из этого вышло — «Жениш, ты нашел свою корку хлеба» — От «собачьего рефлекса» к препарату «гамма-200» — Эксперименты с братом Сталбеком — «...Работаем! Руки вперед!»</i>	
<i>Глава четвертая</i>	
НАРКОПОЖАР В ЗЛАТОГЛАВОЙ МОСКВЕ	45
<i>Пациент из столичной элиты — Мажоры на «Титанике» — Мои опыты в московских домах — Таможня и нигерийцы — Почему село вступилось за «наркобаронессу» бабу Машу — Государственная Дума: закон и вокруг — Международный конгресс в Колонном зале Дома Союзов — Горбачев: «Может быть, это знак того, как в России относятся к проблеме наркомании?»</i>	
<i>Глава пятая</i>	
ГАЛЛЮЦИНАЦИИ НА КАНАЛАХ АМСТЕРДАМА.....	59
<i>Кофе-шопы: возмутители спокойствия в Европе — Что за мифом о легализации наркотиков — Музей марихуаны на Ахтербургвал — Заанстрик учил Петра Первого поднимать конопляные паруса — Джеймс Бартон до тюрьмы и после — Что курят красотки в квартале «Красных фонарей» — «Мы никому не навязываем нашу политику, а можем только объяснить, что мы делаем в своей стране — и почему»</i>	
<i>Глава шестая</i>	
БРИТАНЦЫ ЗА СНИЖЕНИЕ ВРЕДА	92
<i>Симпозиум психиатров в Черч-Хаусе — Как в МЦН возвращают наркоманов в общество — По ночному Брикстону с наркодилером — Зачем Шерлоку Холмсу искусственные стимуляторы? — Скотланд-Ярд: «Не победа, а снижение вреда» — 40 минут с офицерами разведки — Помощь от «Ангела» — Кыргызский плов посреди Лондона — Десятилетняя программа: «Построим лучшую Британию»</i>	

Глава седьмая ГЕРОИНОВЫЕ ЛАБИРИНТЫ НЬЮ-ЙОРКА.....	109
<i>Возвращение в Беш-Кунгей на подлете к Манхэттену — «Экс» у входа в «Тоннель» — У доктора Бенни Примма, советника президентов США — Поддерживающая терапия: споры о метадоне — Офис по особым наркотикам — Альтернативные программы Ронды Фердинанд — Наш пациент между Бишкеком и Бруклином — Специальные агенты DEA</i>	
Глава восьмая К ИНДЕЙЦАМ АМАЗОНКИ ЗА СЕКРЕТОМ БОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТА.....	125
<i>Полиция и контрабандисты на протоках реки — Вальдивино: «Не пойму, почему все помешались на коке...» — Сквозь лес растительных галлюциногенов — Легенда о Манко Капак, «матери коки» — Полеты от отвара аяхуаски — В гостях у Хитомы Сафиямы, вождя уитотос — «Мы сохранились, потому что не забыли наших традиций...» — Корона индейского вождя летит к Тянь-Шаню</i>	
Глава девятая КАРТЕЛИ КОЛУМБИИ: ДО И ПОСЛЕ ПАБЛО ЭСКОБАРА.....	136
<i>Разговор с наркоторговкой Патрисией — «Дно» в квартале Капучино — Пациенты сеньоры Марии Изабель — Лечебная сауна: опыт «Прометей» и опыт МЦН — Басука, наркотик Южной Америки — Обыск в порту Картахены — Полковник Нуньес Нуньес: «Мы боимся, что теряем время» — О русской подлодке говорят, но ее никто не видел — Калийский картель и «солнцевская группировка» — У могилы Пабло Эскобара</i>	
Глава десятая БОЛИВИЙЦЫ ПЕРЕД ВЫБОРОМ: АНАНАС ИЛИ КОКА	144
<i>Коку подарил Бог Солнца инкам на Титикаке — Зачем компании «Кока-Кола» листья Лос-Юнгаса — Кыргызский колпак открывает дорогу в Кочабамбу — Что такое УМОРА — Реабилитационный центр «Сан-Висенте» — С «Когтями тигра» в Чапаре — «Больше будет кокаина — скорей подохнут гринго!» — Как покончить с наркобизнесом без насилия? — Русские Ревтовы в окружении подпольных плантаций — В чем подозревали Че Гевару</i>	
Глава одиннадцатая БРАЗИЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ С ЗАПАХОМ МАРИХУАНЫ	177
<i>Бумажные змеи над фавелами Рио-де-Жанейро — Убийство за щепотку кокаина — Детям о наркотиках: театр Марии Терезы де Акино — Солар-ду-Сул: дом посреди пути — День в лечебнице, где прячутся звезды — Снова о МЦН: зависимые и созависимые — Трудная история Констанции Тейшейры де Ферейташ</i>	
Глава двенадцатая ОТКУДА ПОШЛИ АФРИКАНСКИЕ НАРКОКУРЬЕРЫ.....	187
<i>Кончина Отумфуо Опоку Варе II: траур и наркотики несовместимы — В Институте медицинского использования растений под Аккрой — Поможет ли ибоба отучить от сильных наркотиков, алкоголя, табака? — Бездомные тянутся в REMAR — Перевозка героина в прическах нигерийских красавиц — 6000 агентов NDLEA — Программа «Жгите траву!» — Психиатрический госпиталь Йаба: двойной диагноз</i>	
Глава тринадцатая ЗАВИСИМЫЕ ЛЮДИ КЕНИИ И СЕЙШЕЛ	201
<i>Снег посреди Африки: явь или галлюцинация? — «Этим копьем я убил семь слонов!» — Мирра для храбрости — Масаи предпочитают пиво — МЦН: история эфедринового наркомана — Юные токсикоманы в Найроби: «Заплати, скажу» — Фотография со шприцем — На Сейшелах: штраф 500 000 — Как меня одурачили с цитранеллой — Сара Рене — надежда островитян</i>	

Глава четырнадцатая	
АВСТРАЛИЯ:	
«НАРКОТИЗАЦИЯ ВСПЯТЬ».....	217
<i>Почему рыдала Барбара Насир из народа гэддоа — «Двенадцать шагов» в госпитале Варбуртона — Анжела и Тони Вуд: «Нашу девочку не вернешь» — Мэрг Уэли, защитница наркобольных в районе Св. Килды — Программа штата Виктория: уменьшать потребности и контролировать ситуацию — Новозеландец Тревор Грайс о «великой краже мозгов»</i>	
Глава пятнадцатая	
АБОРИГЕНЫ ТАСМАНИИ	
И КОМПАНИЯ «ДЖОНСОН И ДЖОНСОН»	229
<i>Ночь на пароме «Спирит оф Тасмания» — Чем обменивались каторжники и островитяне — МЦН: больные из криминального мира — Два часа в баре «Собачий дом» — Зачем наследникам братьев Джонсонов отийный мак — Как Бишкек лечил жертву галлюциногенных грибов — Где снять абстиненцию в Хобарте? — Доктор Джексон: «Не в тебе зло, а в твоей болезни»</i>	
Глава шестнадцатая	
ПАКИСТАН:	
ОПИУМ, БЕЖЕНЦЫ И АЛЛАХ.....	241
<i>Муллы мечети Фейсала на антинаркотических занятиях — Генерал Зафар Аббас: «И да поможет нам Аллах!» — «Най Зиндаги»: десять дней на детоксикацию и годы — на реабилитацию — Приют Парвин Азам-Хан в Пешаваре — Поездка в лагерь афганских беженцев — Зачем губы детей мажут опиумом — К пуштунам через Хайберский проход — У пограничников поста Мични</i>	
Глава семнадцатая	
ЧЕМУ УЛЫБАЮТСЯ БУДДЫ	
В ТАИЛАНДСКИХ МОНАСТЫРЯХ	269
<i>Король Рама IX амнистирует всех смертников, кроме наркоторговцев — Пайон Панси: «Закон отрезвляет не возможностью кары, а осознанием масштабов своего преступления» — Реабилитация в полицейском участке Супанбури — Врачи и пациенты комплекса Таньярак — Монастырь Опиумной Трубки: «Это свехсекретно!»</i>	
Глава восемнадцатая	
ИНДИЙСКИЕ ФЕРМЕРЫ	
ВЫРАЩИВАЮТ МАК.....	279
<i>Зачем Робинзон Крузо продавал опиум в Китай? — Верховный бог Шива: тайна синего горла — Что курят в двух шагах от Тадж-Махала — «Второй фронт» в Азии — «Под маком у нас сегодня 13000 гектаров» — Монополия государства и деревенский ламбрадар — Как стал наркоманом фермер Нир из Пенджаба — Легализация: аргументы доктора Мохана</i>	
Глава девятнадцатая	
КИТАЙСКИЙ ОПЫТ:	
РАССТРЕЛЫ И ЛЕЧЕНИЕ.....	289
<i>Опиумные войны: мой герой Линь Цзэсюй — Все в руках министерства общественной безопасности — Высшая мера: за и против — Даосы из Сычуани: «Только совершенствуя себя, поднимаешься по лестнице, ведущей к Небу» — Чем рискуют контрабандисты в Юньнани — Куньмынь: опыт принудительного лечения — «Один плюс один» профессора Янга Гудонга — Юные монашки Района Тысячи Островов: освободись от сильных страстей и никогда не будешь печалиться</i>	
Глава двадцатая	
ТИБЕТ:	
ТРУДНАЯ ДОРОГА К ИСТИНЕ.....	303
<i>Мой друг Ильяс и уроки обучения сердца — На подступах к Лхасе: «Губительны не поступки, а помыслы» — Тень Будды в садах Лумбини и на развалинах Капилавасту — Пять наставлений этической практики — Что пьют в Гималаях? — Центр тибетской медицины: «Наркоманов у нас нет» — Три составляющих «внутренней теплоты» —</i>	

Лама из Поталы: «Надо только поверить в себя!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ317

ПРИМЕЧАНИЯ319

ОТ АВТОРА

— Нет, — говорил Хитома Сафиама, вождь индейского племени уитотос, спускаясь со мной по тропе к берегу Амазонки. — Мы тысячу лет жуем листья коки, она растет у наших хижин, а больных от нее, ты видишь, у нас нет. Европейцы просто не знают, как смешивать высушенный лист с пеплом ракушки, посасывать шарик за щекой. Говорят, они коку нюхают, курят, вводят иглами в кровь... Как дикари!

Со времен Марко Поло, когда на мировых торговых путях появились наркотики как экзотические товары, носители разных культур с их помощью снимали боль, изменяли сознание, сопровождали свои религиозные празднества¹. Даже в страшных видениях они не могли представить, как на переломе двадцатого и двадцать первого столетий наркотические полимагистралы опояжут земной шар, неся неслыханные богатства людям и синдикатам, пренебрегающим законом, и оборачиваясь бедствием, одним из самых разрушительных в человеческой истории. В грохоте разбитых судеб, традиций, режимов люди перестают слышать и понимать друг друга. Когда афганский, боливийский, кенийский крестьянин прячет в лесах свой кусок земли с наркотическими растениями — часто единственную возможность прокормить семью, ему трудно принять действия властей, которые посылают к нему солдат с горящими факелами. Еще меньше сочувствия у них вызывают люди, живущие за тридевять земель, по слухам, не бедствующие, готовые доводить себя наркотиками до сумасшествия, до гибели. При чем, скажите, наши растения, спрашивают крестьяне. «Если кто-то гонит из пшеницы алкоголь, а не печет хлеб, разве пшеница виновата?»

Два обстоятельства я учитывал, принимаясь за эти записки.

Страны бывшего советского блока стали наркотизироваться позднее других, после «холодной войны», быстро догнав, а кое в чем опередив регионы традиционного употребления психоактивных веществ². Правительства, законодатели, общественность, очнувшись от первого оцепенения, методом проб и ошибок, принялись искать решения, не зная об опыте стран, обожженных наркоогнем давно. На международных конференциях, при встречах с наркоманами, наркоперевозчиками, уличными торговцами, полицией, таможней, службами безопасности, больными и их врачами на пяти континентах я остро чувствовал, как мало мы знаем друг о друге.

Свои способы лечения и борьбы появились у каждого народа, в том числе у тех, перед кем проблема наркотизации встала в недавние времена, и молодой их опыт может тоже кое-что добавить в копилку мирового опыта. Я хотел бы в своих записках рассказать и о новых подходах, принятых в наркологическом Центре Бишкека. Не потому только, что это первое негосударственное медицинское учреждение на территории бывшего Советского Союза. По разработанному здесь авторскому методу стрессовой психофармакотерапии курс лечения прошли свыше десяти тысяч больных из многих стран, в том числе России, Украины, Кыргызстана, США, Германии, Греции.

Мой рассказ — не учебник по наркологии и не трактат о «катарсисе по Назаралиеву», как называют журналисты стресс-энергетическую психотерапию — заключительный этап бишкекского опыта лечения наркомании. Это, если хотите, заметки потомственного врача, выходца из древнего кыргызского рода, известного своими целителями и ясновидцами. Кровь предков-кочевников часто вскипает во мне. От них, я думаю, упрямец, помогающее мне и моим друзьям внедрять в реабилитационный процесс новую наукоемкую технологию лечения и нетрадиционные подходы к пациентам как к жертвам больного общества. Меня не привлекают бесплодные дискуссии о том, излечима ли наркомания или удел медицины лечить ее без надежды вылечить³. Для людей, зависимых от наркотиков, медики — часто единственная надежда на помощь в попытках противостоять горестным обстоятельствам жизни, на пути к физическому и духовному возрождению.

Записки автобиографичны, но не ждите от них свойственной жанру строгой хронологии. Живя внутри меняющегося и во многом ущербного общества, я хотел бы разобраться, скорее, в собственных переживаниях, нежели в логике внешних событий, не всегда доступных здравому смыслу.

Мне бы никогда не написать эту книгу, если бы не поддержка моих учителей и друзей — В.Р.Бауэра, А.И.Добрыднева, В.В.Карманова, Э.К.Кубатова, А.А. Онина, И.С. Садыбакасова, А.А.

Штейнбаха, всех сотрудников Медицинского Центра в Бишкеке, поверивших в новый метод лечения, вместе со мной переживших нелегкие времена и принимавших на себя часть моей ноши, когда меня носило по свету.

Отдельная благодарность Л.И.Шинкареву, спутнику в моих поездках, помогавшему собирать и обрабатывать материал для этой книги.

И, конечно, вряд ли работа была бы завершена, если бы не великое терпение моей жены Розы, ее доброта и понимание, которые я всегда чувствую.

январь, 2001 г.

Глава первая

ВОСЕМЬСОТ КИЛОМЕТРОВ ПО ПАМИРУ: КОНТРАБАНДИСТЫ И ПОГРАНИЧНИКИ

Эхо афганской войны в Медицинском Центре в Бишкеке — На шинах через Пяндж — Жизнь и смерть бадахшанского Робин Гуда — Его Высочество Ага Хан IV встречается с хорогскими наркоторговцами — За что таджики судили российского пограничника — 50 тысяч долларов за поворот головы в сторону

Хорошо помню день, когда пришла в голову мысль однажды выломиться из нескончаемой суеты, вырваться из города, очутиться у реки Пяндж, на афганской границе. В Бишкек, в Медицинский Центр Назаралиева (МЦН), привезли изможденного, небритого, со впалыми щеками пациента лет тридцати. В свое время он был известным в стране спортсменом-каратэистом, ростом сто восемьдесят два сантиметра и весом девяносто килограммов. Теперь хронический наркоман, с острым отравлением опиатами. Начал колотиться в 1984 году, когда был разведчиком-десантником в спецчастях Советской Армии в Афганистане.

Чего только не наслушался, чего не насмотрелся персонал, но история этого больного отозвалась в душе многих, кто его выхаживал, и еще долго после расставания с ним, собравшись в ординаторской, медики предавались воспоминаниям, благодаря Бога за то, что отвел от нас самих и наших близких возможность оказаться на его месте и в тех самых обстоятельствах.

Из рассказа пациента:

— Прибыв на Кандагар, захожу в палатку, там восемнадцать — двадцать десантников, уже ожидающих возвращения домой. Они были земляки, я для них чужой, и вдруг безо всякого повода они бросились на меня с кулаками. Пришлось напрячься и тоже кой-кому попортить физиономию. Когда нас разняли и я приводил себя в порядок под умывальником, они достали из гимнастерки мой военный билет, увидели, что я дагестанец, подошли извиняться: «Мы думали, узбек!» Как я скоро понял, они все сидели на игле; кололся весь взвод. Вещевой мешок, доверху набитый опиумом, был за палаткой. Перед выходом на ночное задание, когда шли выбивать из селений душманов, каждый кололся. При своем первом боевом крещении в горах смотрю: я подустал, а все бодрые. «Ты чего скачешь, как конь?» — спрашиваю одного. «Укололся». В следующий рейд я тоже укололся, не отставать же. Сначала было сухо во рту, подташнивало, но скоро втянулся. Спиртного не было, сухой закон, а кошмара без допинга не выдержать.

У десантников, рассказывал больной, опиум и героин были в неограниченных количествах — их брали в кишлаках. Раз в три месяца взвод совершал налеты на кишлаки для пополнения запаса наркотиков и для передачи приятелям в соседние части. Душманы сопротивлялись. По три дня продолжались бои за то, кому владеть наркотиками. Десантники лучше вооружены, их поддерживала авиация, и они одерживали верх. Загнав крестьян внутрь глиняных жилищ, взвод саперными лопатами сгребал с плоских крыш в мешки разбросанный для просушки опиум. Раз в три месяца командование присылало в захваченные кишлаки вертолет для вывоза опиума на военный аэродром. На летном поле мешки перегружали на военно-транспортный самолет, вылетающий в Советский Союз. «Медикаменты для наших госпиталей», — говорили офицеры, руководившие погрузкой. Каждые три месяца с аэродрома поднимался и брал курс на родину борт с одной-двумя тоннами наркотиков.

— Вы кололись для прилива сил? — спрашивал я.

— Скорей, чтоб забыть ужасы.

В армии мой пациент дважды болел желтухой, бывал ранен, возвращался в строй, но с

наркотиками не расставался. Теперь удивляется: на гражданке умирают от передозировки, от заражения, а в армии кололись всем взводом одной иглой — и ничего. Набирали раствор шприцем из столовой ложки, ее носили в вещмешке за спиной. Раствор готовили в банке из-под кока-колы или спрайта, кипятили на сухом спирте, который им выдавали, чтобы в пути подогреть продовольственный паек. Кололись по четыре-пять раз в день, десять граммов на троих.

Когда через два года он демобилизовался, полиэтиленовые мешочки с порошком (смесь опиума с героином) затолкал под погоны и под петлицы. На родине запаса хватило на четыре дня. Он заметался в поисках доз. К нему приходили земляки, в том числе старики-аксакалы, как к герою войны, просили выступить перед народом. Тогда он решил «завязать». Пять лет не принимал ни грамма. А потом сорвался, попал в Москву и занялся рэкетом, имел много денег («бывало, сто тысяч долларов в день»), купил квартиру в центре столицы. Перешел на амфетамины, метадон, ЛСД, стал завсегдатаем ночных клубов. Как участника афганской войны, к тому же инвалида, его приняли без экзаменов в университет на факультет журналистики, учебу бросил, числился где-то дворником, и снова крутилась богемно-криминальная карусель. У него уже были жена и двое детей. В дни, когда сыну, тоже каратэисту, чемпиону республики среди сверстников, исполнилось двенадцать лет, пациента поразила внезапная мысль: что будет с мальчиком, когда на него обрушится — а это рано или поздно случится — правда об отце. «Мне стало страшно за моих детей», — скажет он потом.

У больного зрачки сужены, он не реагирует на свет, производит впечатление сонного или смертельно усталого человека. Часто испытывает тошноту, с трудом дышит. Болят суставы, мышцы. Нетрудно снимать последствия острой передозировки, синдрома отмены, обеспечивать комплекс медицинских и реабилитационных услуг; труднее давалась разработанная применительно к его случаю психотерапия, направленная на восстановление личности. Под влиянием наркотиков, в обстановке войны, массового озлобления, безнаказанности в нем долго притуплялись человеческие способности. Например, к состраданию. И все-таки что-то совестливое дремало в этом человеке и пробудилось при мысли, как перенесет сын правду об отце.

Наркоманы со стажем часто объясняют желание бросить курить или колоться неловкостью перед взрослеющими детьми. Была ли эта причина единственной или главной у нашего пациента, трудно сказать. Он трогательно расставался с персоналом, уверяя, что покончил с наркотиками навсегда, а потом срывался, возвращался, все начиналось снова, и это повторялось пять раз. Профессиональное самолюбие медиков удовлетворяла одна деталь: придя снова к мысли о лечении, он все-таки возвращался в наш Центр, клянясь, что уж на этот раз срыва не случится. После нашего расставания летом 1999 года, как мы слышали, он перевез семью в южный портовый город, устроился на работу, сохраняя в глазах сына ореол героя афганской войны.

Однажды я спросил, откуда опиаты, которые он употреблял в последние годы.

— С Памирского тракта.

Старинный тракт, петляя по горам Кыргызстана и Таджикистана, — это дорога моей родины. Я никогда не бывал в местах, где тракт начинается, и теперь, слушая больного, испытывал, как уроженец этих мест, чувство собственной вины за происходящее на памирском контрабанда-пути. В Центре не одного меня это мучит. Наш персонал — почти полторы сотни врачей, медсестер, лаборантов, санитарок, поваров, менеджеров, научных сотрудников. Люди разного возраста, семейные и холостые, за годы совместной работы, переживая за каждого больного, давно понимают друг друга и одинаково встревожены тем, как земля наших предков становится — уже стала! — одной из перевалочных баз на пути опийных наркотиков из глубин Афганистана и Пакистана в республики Средней Азии, в восточные районы России и через Европу, до Британских островов¹. У нас оказываются люди, попавшие под наркотический каток, часто им раздавленные, мы умеем возвращать к здоровой жизни многих, но не можем понять, почему народы, осознавшие беду, содержащие мощный репрессивный аппарат и армию, не могут себя защитить. Желание разобраться, как удастся наркодельцам тащить опиаты через границы государств, множить число наркозависимых больных, потенциальных наших пациентов, становилось навязчивой идеей.

Однажды осенью я по делам оказался в Оше, откуда уходят грузовые машины с углем в Горный Бадахшан. Знакомый водитель предложил отправиться вместе. Через двое суток езды по серпантину высокогорных дорог я попал, наконец, в Хорог, намереваясь, если удастся, найти наркоперевозчиков и пройти обратный путь если не с ними, то хотя бы по их следам.

Пограничный Хорог, столица Горного Бадахшана, в месте впадения реки Гунт в Пяндж разбросал постройки и огороды. Проходя сквозь толпы ярко одетых памирцев вдоль торговых рядов шумного, пахнущего медом, сахарными дынями, нанизанным на нитки сушеным инжиром восточного базара, трудно поверить, что совсем недавно, в середине девяностых годов, здесь шла гражданская война. Был взорван мост на автотрассе Хорог — Душанбе, и памирцы оказались в полной изоляции. Остановились предприятия, опустел базар, жизнь замерла. Часть молодых людей вошла в отряды самообороны, присягнувшие таджикской оппозиции. Об этом не принято было вслух говорить, даже опасно, но жители знали, откуда у молодых ребят деньги на оружие. Глухими ночами на надувных автомобильных шинах они переправляли наркотики с левого (афганского) берега на правый (таджикский).

Разделенные рекой местные жители с давних времен гостили друг у друга, переплывая реку на пустотелых желтых тыквах (кило) или на надувном козьем бурдюке (саноч). Даже для тучного человека достаточны были две тыквы или один бурдюк. Веревкой тянули за собой груз — тоже на тыквах или бурдюках. Эти средства переправы на реке сегодня увидишь редко. Теперь хорогцы используют остойчивые автомобильные шины. Устроившись на резиновом круге верхом, балансируя телом и раскинутыми ногами, перевозчики короткими деревянными веслами-лопатками гребут от афганского берега к Хорогу. За ними на таких же шинах прыгают по волнам мешки с грузом. Пограничники видят нарушение границы, но поделаться ничего не могут. Расстояние между заставами десять — двенадцать километров. Разглядев в бинокли что-то неладное, быстро добраться горным берегом к месту переправы не на чем, а открывать огонь бесполезно: убойная сила автомата до полутора километров.

К рассвету вытащенные на берег мешки с опиумом и героином навьючат на ожидающих в условленном месте лошадей или спрячут в грузовой машине. Впереди опасная дорога на север. Пару дней отдохнув, бурлаки повяжут головы платками, узелком на затылке, и ночью спустят свои шины в Пяндж.

У контрабандистов совсем не враждебные отношения с российскими пограничниками. В небольшом поселении почти все знакомы и при случае выручают друг друга. Когда афганские моджахеды захватили в заложники и переправили на свой берег восемь российских пограничников, бойцы отряда самообороны покойного Алеша Аембекова (легендарного Горбуна), они же перевозчики наркотиков, по просьбе погранотряда упростили моджахедов, своих партнеров, оптовых торговцев наркотиками, освободить русских. И на тех же надутых шинах, на которых тайно переправляют ночной товар, вернули пограничников. С конца восьмидесятых и до середины девяностых годов хорогские контрабандисты почти не таились. Их одежды постоянно пахли запахами другого берега — кизячным дымом, свежим клевером, пылью афганских ковров.

Поговаривают, будто афганцы переправляют опиийные препараты через Пяндж в Россию, расчетливо и мстительно совершая «акт возмездия». Не в силах адекватно ответить на ракетные и бомбовые удары, оборвавшие жизнь многих афганцев, они будто бы задумали нанести обидчикам урон другим способом. Эта версия, подразумевающая продуманную неким афганским центром стратегию бескровного отмщения, слишком тонка, чтобы быть похожей на правду. На самом деле, и памирцы это знают, при операциях с наркотиками на обоих берегах реки верх над всеми побуждениями берет коммерческий интерес. Из Хорога на афганскую сторону контрабандисты переправляют на шинах мешки с мукой, крупой, сахаром, ящики с подсолнечным маслом, канистры с бензином, узлы с одеждой и обувью. В обратный путь гребцы берут сумки с афганским опиумом и бумажные пакеты с пакистанским героиновым порошком.

За перенос небольшого груза на тридцать-сорок километров до ближайшего пункта передачи на пути в Европу молодой бадахшанец может получить половину месячной зарплаты местного прокурора. А кто берется пройти много дальше, до Мургаба (триста верст) или даже до кыргызского Оша (семьсот сорок верст), договорившись с шестнадцатью контрольно-пропускными постами (пограничными, милицейскими, национальной безопасности, таможенными двух республик — Таджикистана и Кыргызстана) или обойти их стороной, тот одной ходкой обеспечит существование своей семьи на годы вперед. В транспортировке наркотиков, говорили мне, так или иначе участвует каждый пятый молодой житель Горного Бадахшана.

На бадахшанском рынке цена героина колеблется от пяти до семи тысяч до лар о вз килограмм. Если контрабандистам удастся пройти до Оша, они получают за этот пакет двадцать пять тысяч. В Бишкеке цена — до сорока тысяч. А кто доберется до Москвы, может взять за килограмм до ста тысяч долларов. Каждый год на пограничных постах Кыргызстана и Таджикистана задерживают, не пропускают в Россию и дальше два-три десятка килограммов

героина и сотни килограммов опия-сырца. Сколько нагруженных товаром ходоков все-таки попадает в российскую столицу и как им удается распродавать афганские наркотики в разных местах, в том числе на Лубянской площади, почти напротив окон Федеральной службы безопасности, — этот вопрос не предполагает логического объяснения.

Что за люди в Горном Бадахшане стоят у истоков великого наркотического пути от Афганистана до Европы? Воображение рисует таких богатых людей, имеющих свои армии, способных на равных говорить с властями, как колумбиец Пабло Эскобар. Я был удивлен, когда в Хороге на улице Саломеи Нерис мне показали сторожа хлебозавода, семидесятипятилетнего Абдурахмана Аембекова, в свое время одного из самых оборотистых наркодельцов. Из одиннадцати его детей, участников контрабандных операций, двое — братья Алеш и Талибек, слывут организаторами самых рискованных переправ через Пяндж. Алеш Аембеков по кличке Горбун (у него с детства был искривлен позвоночник) в начале девяностых годов стал вожаком отряда таджикской антиправительственной оппозиции. Дерзкие нелегальные проникновения в Афганистан и Пакистан за оружием и наркотиками (вырученные за наркотики деньги часто шли на оружие и содержание отряда в сто двадцать бойцов) принесли ему славу сорви-головой, с которым приходилось считаться российским погранвойскам. Именно к нему обратилось российское командование за помощью, когда афганские моджахеды захватили группу пограничников.

Алеш погиб странно и загадочно. В Хорогском аэропорту в его машину кто-то подложил взрывное устройство. Вернувшись в город и подъехав к воротам автобазы, где размещался штаб отряда, он открыл дверцу машины, и раздался взрыв. Его похоронили на склоне холма вблизи впадения в Пяндж речки Гунт. За металлической оградкой мраморная плита с фотографией Алеша Аембекова и датами жизни: 1961 — 1994. По памирскому обычаю, в центре могилы камешек, прикрытый белой с цветочками пиалой.

В Горном Бадахшане Алеш слывет защитником памирской бедноты. Здесь вам расскажут, как во времена, когда область была отрезана внутритаджикской войной от всего мира, на вырученные от продажи наркотиков деньги он содержал хорогскую больницу, ясли, детский сад, сиротский дом, кормил сотни людей. Трудно поверить в образ такого памирского Робин Гуда, но, если вы усомнитесь в народной молве, вас проведут в пятиэтажный дом, где в двухкомнатной квартире живет Тобон, вдова Алеша, с тремя малыми детьми. В квартире никакой мебели, нет даже обычных в хорогских домах ковров. «Мы с Алешем все отдавали бедным», — как бы извиняясь, скажет одетая во все черное молодая вдова.

Младший брат Алеша — Талибек Аембеков — поклялся найти убийц, поступить с ними по закону гор, но, судя по всему, те были профессионалами и не оставили следов. Талибек держит в строгости отряд, состоящий из родственников и молодых людей, проверенных в операциях, в том числе контрабандных, когда ими руководил старший брат. Он владеет столовой, кондитерской, баней, имеет две легковые автомашины. Первоначальный капитал, он этого не скрывает, принесла ему, как многим бадахшанцам, переправа наркотиков через Пяндж, но в последние годы ни он сам, ни его бойцы этим не занимаются.

Приостановить или хотя бы ограничить переправу афганских наркотиков сумел один совершенно не вооруженный человек — Его Высочество Шах Карим Ал-Хусайни, Ага-Хан IV, глава (Имам) исмаилитов мира². Выпускник Гарвардского университета, кавалер ордена Почетного легиона Франции (орден ему вручал Миттеран), один из самых богатых людей мира, он через свои фонды, созданные на разных материках под эгидой Организации Объединенных Наций, обеспечивает социальные программы в Азии и Африке. С 1992 года Фонд Ага-Хана в Швейцарии снабжает Горный Бадахшан, каждого жителя области, независимо от того, исмаилит он или исповедует другую религию, хлебом, маслом, сахаром, крупами... Даже если никто из памирцев не будет работать, благотворительные фонды Имама гарантируют им и их детям сносное существование, возможность учиться, получать бесплатную медицинскую помощь. В Хороге не встретишь дом, где после трапезы семья не обращала бы благодарный взор к его портрету; фотографии Ага-Хана такая же принадлежность памирского жилища, как в доме православного человека — икона.

В 1995 году Ага-Хан в сопровождении президента Таджикистана прилетел в Горный Бадахшан. Берег Пянджа прежде не видел такого множества людей. Никто не закрывал двери домов, но в те четыре дня, когда шах был гостем памирцев, в области не было отмечено ни одной квартирной кражи. С разрешения местных властей и российских пограничников на встречу с

шахом прибыли посланцы афганских исмаилитов. В те дни верующие исмаилиты (мюриды) заменили традиционное приветствие «Салам алайкум!» — «Алайкум салам!» на новое, с тех пор вошедшее в обиход: «Дидор мубурак!», что означает «Лицезрением поздравляем!». Имам призывал использовать общемусульманские ценности Востока и Запада для обеспечения согласия и стабильности отношений между мусульманскими и немусульманскими странами. Он просил людей простить друг друга за ранее совершенные проступки и грехи, не покушаться на жизнь других. И проявлять заботу о своем здоровье, здоровье других, отказаться от спиртных напитков и наркотиков, не связывать себя с наркобизнесом.

Четыре дня полетов Имама на вертолете по бадахшанским кишлакам и бесед (мулакаты) с мюридами стали духовным праздником. По воспоминаниям памирцев, тогда «вокруг пели птицы и смеялись горы». Многие встречи шаха можно было предвидеть, но одну не мог бы предсказать ни один из мудрецов. Шах принял командиров и бойцов отрядов самообороны, или, другими словами, организаторов транспортировки афганского опиума и пакистанского героина. Никогда еще в зале областной администрации Горного Бадахшана не собиралось столько контрабандистов, уверенных в полной своей безопасности, гарантированной именем Имама. Среди приглашенных был Талибек Аембеков. Имам попросил перестать употреблять наркотики и больше не участвовать в наркоторговле.

— Вы, бадахшанцы, можете считать себя самыми счастливыми среди своих зарубежных сородичей, так как по числу образованных людей на душу населения занимаете чуть ли не первое место в мире, при этом сохраняете свои древние традиции и культурные ценности. Стремление молодежи к интеллектуальному развитию, к новым знаниям — это большое счастье для общества, — говорил Имам³.

Встреча закончилась. Талибек и его товарищи спустились к Пянджу, отыскивали свои старые шины и весла, забросили их в кусты, чтобы не попадались на глаза. Большинство бойцов отряда, покуривавших наркотики, бросили это занятие — воля Имама свята.

И все же время от времени на тропах Памира пограничники ловят с наркотиками контрабандистов, в том числе жителей Горного Бадахшана, часто вооруженных, готовых пройти путь любой ценой. Стало быть, не для всех исмаилитов свята воля религиозного вождя?

— В каждой семье свои уроды, — пожимает плечами Талибек.

«Дело по обвинению Б-на Сергея Геннадиевича, 29 марта 1968 года рождения, уроженца города Свердловска, гражданина Российской Федерации... Разведен, имеет двух детей, ранее не судимый. Содержится под стражей в изоляторе временного содержания Дарвазского ОВД.

Суд установил: Б-н С.Г., служивший в воинской части 2111 Группы погранвойск Российской Федерации в Республике Таджикистан на должности командира отделения инженерно-дорожного взвода, находящегося в селе Калай-Хум Дарвазского района, в январе 1997 года незаконно приобрел от военнослужащего контрактной службы рядового К-ва О. в обмен на свою новую гражданскую одежду девятьсот восемьдесят граммов вещества темно-коричневого цвета со специфическим запахом, похожего на опий-сырец, и тайно хранил на территории отряда на складе горюче-смазочных материалов, закопав под чинарой. После увольнения из части извлек вещество из тайника и положил в свой вещмешок. По прибытии в аэропорт при посадке в вертолет при досмотре его личных вещей вещество обнаружено и изъято. В судебном заседании Б-н подробно рассказал об обстоятельствах преступления и раскаялся в его совершении...».

У народов Памира традиционно дружеское отношение к России и ее пограничникам. Тут помнят, как еще сто лет назад российские офицеры, осознавая стратегическое значение горной области по отношению к сопредельным странам — Афганистану, Пакистану, Индии, много сделали для изучения природных богатств края, его истории, культуры. Присоединение правобережья Пянджа (Восточного и Западного Памира) к Российскому государству (1895 г.) освободило бадахшанское население от унижительных притязаний афганских и бухарских эмиров, обеспечило им относительно самостоятельное развитие. Для Москвы тридцатых годов Горный Бадахшан звучал так же романтично, как Дальний Восток или Северный полюс. Завоз дефицитных товаров в отрезанную горами область был лучше, чем в крупные промышленные центры. В годы «холодной войны», когда мало кто из советских людей имел возможность бывать за границей, многие стремились попасть в Хорог, чтобы купить модную одежду и бытовую технику.

Хотя в наши времена ситуация изменилась и в Горном Бадахшане почти не осталось русских, только погранотряды, памирские женщины, как двадцать, как пятьдесят лет назад, несут на заставы лепешки и овощи. Образованные люди (в Советском Союзе памирцы действительно

выходили на первые места по числу специалистов с высшим образованием относительно всего населения), они работают, многие из них как вольнонаемные в Хорогском, Мургабском, Ишкитимском, других российских погранотрядах. Местные жители как могут помогают пограничникам отлавливать контрабандистов. И делают это не из страха, а из осознания действительной опасности распространения опиумных веществ.

По словам памирцев, с пограничниками что-то стало происходить, когда вместо отслуживших срок солдат и офицеров, призванных по закону о всеобщей воинской обязанности, стали появляться контрактники.

Среди них немало озабоченных тем, как за предусмотренное договором время поправить свое материальное положение. На удаленных от Хорога постах у шлагбаумов, остановив для проверки машину местного жителя, контрактники будут долго ее держать, придираясь к пустякам, трепать владельцу нервы, пока доведенный до отчаяния человек не догадается предложить деньги или бутылку водки. Случай с контрактником Б-ном, осужденным за наркотики, сам по себе тривиальный, тревожит возможностями вовлечения в запретный бизнес пограничников.

У областного суда в Хороге свои проблемы.

По дороге на Мургаб задержали гражданина М-ва с сорока килограммами шестьюстами граммами опиума-сырца. Следственным органам в качестве «вещественных доказательств» пограничники передали триста граммов, а остальное, по их словам, уничтожили. Но суд не может судить человека за контрабандный провоз почти двух с половиной пудов наркотиков, если предъявлена только щепотка. Согласно статье 78 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, вещественные доказательства должны быть сохранены до вступления приговора в законную силу, а их дальнейшую судьбу определяет суд. Пограничники уничтожают наркотики, следуя инструкции своего руководства, из опасения, как бы переданные местной власти наркотические вещества снова не пошли в коммерческий оборот. Памирцы, в свою очередь, подозревают пограничников: конфискованные вещества, возможно, военными вертолетами и самолетами, не подлежащими досмотру, уходят в Россию.

Дорогу от Хорога на Ош (Восточно-Памирский тракт) протяженностью семьсот сорок километров начали пробивать в 1934 году, чтобы окончательно высвободить Горный Бадахшан из высокогорной изоляции, дать ему выход к Ферганской долине. Даже шестьдесят с лишним лет спустя, проехав по тракту на грузовой машине, то натужно поднимающейся на перевал, то ныряющей в низину под грохот обрывающихся из-под колес валунов, с почтением начинаешь думать о контрабандистах. Они готовы повторять этот маршрут, каждый раз рискуя попасться у одного из шестнадцати шлагбаумов, охраняемых вооруженными людьми. Безумные попытки можно предпринимать разве что от большой нужды или от жажды приумножить капиталы. Я слышал рассказы о замерзающих в снегах водителях и о машинах, летящих с обрыва в ущелья или бесследно уходящих на дно горных речек.

Такие мне представлялись картины, когда водитель самосвала, молчаливый пожилой кыргыз, привозивший уголь в Хорог и собравшийся в обратную дорогу, согласился в течение светового дня довезти меня до Мургаба.

Первые километры и встречи на посту Кызыл-Арт (пять километров от Хорога) и вслед за ним у других шлагбаумов разочаровывают оскорбляющей обыденностью. Остались позади заросли бадахшанской облепихи, дальше ни прутика — мир горных плато. Посты в отапливаемых углем вагончиках на полозьях. Вагончики с нарами в два яруса тускло освещены керосиновыми лампами, выхватывающими из полутьмы тряпье, ведра с водой, мешки с крупами, портативный радиоприемник. Постовые в овчинных полушубках, в которых и спят. Проверив документы, выпрашивают у водителя бензин и что-нибудь съестное. Это оброк, которого не миновать. Спорить бессмысленно и небезопасно.

Отчаянно крутя рулем на крутых поворотах, когда с левой стороны — уходящая в небо отвесная стена, а с правой — затянутый туманом обрыв, водитель всматривается в дорогу, объезжая выбоины и сорвавшиеся со скал, выкатившиеся на дорогу камни.

— Провези я из Хорога в Ош пару мешков наркоты, хватило бы купить дом, разбить сад, завести отару овец, пяток коров и больше никогда не трястись по тракту, — говорит водитель.

— Большой риск, — отзываюсь я.

— А так не рискую? Но тогда знал бы, за что.

Контрабандисты знают, за что рискуют.

На 285-м километре пост Жаман-Тал. Машина тормозит перед шлагбаумом. Рядом на

скальных обломках круглый металлический вагончик, похожий на железнодорожную цистерну. А может, это она и есть. Мы вышли, раскинули руки, потянулись. На пологих склонах черные яки щиплют желтую траву. Хотя здесь не самый высокий перевал, дышать по-прежнему тяжело, холодный воздух не вбираешь, а вталкиваешь в грудь. На ветру передвигаешься лицом в сторону, откуда дует, потому что здесь самая уязвимая часть тела — спина, у многих пограничников радикулит.

Проверив наши документы, осмотрев машину, пограничники пригласили в вагончик, угостили горячим чаем в жестяных кружках. Мы разговорились. На счету поста немало задержанных наркоперевозчиков. Сопровождая крупную партию, контрабандисты обычно подъезжают раньше, чем машина с товаром, и торгуются с теми, кто на посту. Молодому офицеру, с которым наркodelьцы безуспешно вели разговор о пропуске партии опиума-сырца, бросили на стол фотографию его маленькой дочери, жившей с матерью в Краснодарском крае. «Не пропустишь — живой не увидишь...» Он не пропустил, но место службы пришлось сменить.

За пропуск крупной партии наркокурьеры предлагают от двадцати до пятидесяти тысяч долларов. «Тебе ничего не надо делать, только на секунду отвернись», — смеются пограничники.

Зная посты, с которыми не договориться, хозяева груза останавливают машину за пятьдесят километров до шлагбаума, взваливают рюкзаки с товаром за плечи и группами по три-четыре человека идут по горным тропам, по колено в снегу, пока не выйдут на условленное место, где их поджидает прошедшая досмотр машина. Пограничникам известны эти уловки, они преследуют контрабандистов, но обнаружить их удается не всегда. Транспорта нет, даже лошади. Все — на ногах.

Иногда контрабандисты группой до десяти человек идут от Хорога на север, взвалив на плечи мешок с двадцатью — тридцатью килограммами опия. Кто ведет навьюченных лошадей, берет груза двести — триста килограммов. Идут вдоль рек и через труднодоступные перевалы.

Получив сообщения от местных жителей, платных информаторов, пограничники на машине добираются до конца дороги, а дальше пешком. Идут двое-трое суток, ночуя в снегу, прячась в камнях от ветра. Обнаружив перевозчиков, берут их на тропе. Иногда контрабандисты, продвигаясь лишь в темноте, заметив наряд (у них бинокли ночного видения), прячут товар и оружие в камни и поворачивают назад. У них своя разведка, они оснащены современными средствами связи. Пограничники же даже в штабе отряда крутят ручки телефонных аппаратов, доставшихся им, похоже, от времен гражданской войны.

Иногда наряд находит в горах трупы замерзших: контрабандисты лежат, занесенные снегом на тропе, обняв мешок со смерзшимся товаром.

Пограничники убеждены, что на крупные партии наркотиков поступает заказ и их прохождение контролируется. Однажды, рассказывают на посту, у контрабандистов взяли около трехсот килограммов опия; по словам задержанных, груз предназначался для Амстердама — там его ждали через два дня. Видимо, груз был заранее оплачен, задержка партии неминуемо должна была вызвать вторую попытку. И точно, месяц спустя, был задержан груз такого же веса и в той же упаковке.

— Стало быть, весь путь от Москвы до Амстердама у них обеспечен прикрытием, — говорит майор П.

— Кто же их прикрывает?

— Вопрос лучше задайте в Москве.

Мургаб вытянулся в зажатой горами низине двумя-тремя улицами скученных глинобитных домиков на четыре километра из конца в конец. Здесь высота четыре с лишним тысячи метров, и чувствуешь ее при каждой попытке поймать открытым ртом почти лишенный кислорода воздух. Здесь нельзя делать резких движений и быстрых шагов. В первые часы я передвигался по кишлаку как заторможенный, отворачиваясь от пронизывающего ветра и останавливаясь перевести дух через каждые три-четыре коротких шага. Когда, распрощавшись с водителем, я дошел наконец до проходной российского погранотряда, у меня было только желание прислониться к стене и по ней сползти на пол, пасть ниц как можно ниже, чтобы сделать облегчающий тело глубокий вдох. Как я раньше не понимал эту радость — ничем не стесненное дыхание?

Полковник Решетников из кадровых российских офицеров, привыкших безропотно и честно служить отечеству, где прикажут. Неприхотливостью в быту, верностью долгу, хлебосольством и личной храбростью они напоминают лучших из русского офицерства, какими мы их себе представляем по Лермонтову и Толстому. Вверенный ему отряд с заставами и постами

вдоль таджикско-китайской границы чаще других обнаруживает наркотики из Хорога. Говорят, его солдаты не дрогнули даже в тот момент, когда бадахшанские наркодельцы подбросили им отрубленную голову несговорчивого командира поста.

— Это легенда! — успокаивает полковник, но не слишком уверенно.

Пограничники — единственная реальная в районе власть, способная противостоять транзиту наркотиков. Местные органы милиции и национальной безопасности малочисленны, у них недостаточно транспорта, вооружены, по их собственным словам, только для вида, чтобы пугать. Нет боеприпасов, давно износилось штатное обмундирование (милиционеры ходят в гражданском), все люди в кишлаке знают, кто и где припрятывает наркотики, но разоблачать не смеют. И не только потому, что многие представители власти и наркоторговцы в родстве или связаны иными крепкими узами. Пограничники отслужат свой срок и вернуться на родину, а у этих другого дома нет. Наркотиками торгуют на базаре, у заправочной станции, возле саманных жилищ; мальчишки десяти-одиннадцати лет, поглядывая, нет ли поблизости российских офицеров, почти открыто предлагают расфасованный в пакетиках опиум. При мне к водителю «уазика» подошли трое молодых мургабцев. «Товар надо?» — «А сколько у тебя?» — «Могу восемь килограммов...»

В давние времена мургабские старики курили опиум, который доставляли сюда вместе с мукой, ячменем, овощами на лошадях и верблюдах с маковых плантаций Чуйской долины, с северных мест. Аксакалы плотно закрывали двери и окна от любознательных детских глаз и при свете лампы, сидя на корточках, расслаблялись, втягивая через длинный носик кувшинообразного сосуда опийный дымок и передавая сосуд по кругу. Они курили до тех пор, пока всех, даже самых мрачных, не распирал дикий приступ беспричинного хохота. В шестидесятые — восьмидесятые годы об этих забавах стариков уже почти никто не слышал, но с распадом Советского Союза, в начале девяностых, когда пограничники в Хороге какое-то время не знали, что и от кого охранять, наркотики повалили по тракту, Мургаб оказался в центре транзита, и наркотики, как с поворотом магнита, пошли в обратном направлении — с юга на север.

Хотя Мургабский район входит в состав Таджикистана, основное население здесь — потомки кыргызских кочевников, когда-то покинувших Ферганскую долину в надежде пробраться в Китай, но так и не добравшихся до него. Земля обнадеживала, но, только поставив юрты и осмотревшись, люди обнаружили, что вокруг нет никакой растительности выше колен. «Нур кап» или «Мур кап», то есть «тень от солнца», назвали они безжизненное место, где только юрты давали от солнца тень. Сегодня в кишлаке больше шестнадцати тысяч жителей.

Десять месяцев в году отапливают глиняные жилища привозимым за четыреста километров из Оша углем. Пригибаясь под ветрами, ходят с ведрами до ближайшей колонки с водой и кормятся, наравне с бадахшанскими исмаилитами, продуктами, которые к ним завозят по велению их как бы приемного духовного отца Ага-Хана IV.

В районной администрации висит схема строительства железной дороги от Мургаба, почти от кишлака, к перевалу Кульма, в сторону китайских городов Таш-Кургана и Урумчи с выходом на Каракорумское шоссе. Шоссе через Пакистан спускается к Индийскому океану. Для сотрудников местной власти, уроженцев кишлака, это предмет гордости. Их кишлак получает выход к морю. Рельсовый путь разбудит производительные силы, ускорит движение капиталов, но с тревогой думаешь о том, достанет ли сил мургабцам и помогающим им российским пограничникам (если они останутся в местах нынешней дислокации) противостоять неизбежному контрабандному продвижению по новому шоссе чистого героина. В обратном направлении в сторону Афганистана и Пакистана можно ожидать нелегальную перевозку китайских химикатов⁴.

И когда в Мургаб приходит из Оша, Бишкека, Москвы или другого города телеграмма такого примерно содержания: «Везу орехи для твоих детей...» — даже в районном узле связи знают, что товар в пункте назначения. Земляк возвратится домой не с пустыми руками.

«Ошский узел» — называется Международный антинаркотический проект ООН по контролю за наркоситуацией в Средней Азии (Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан). Мне известно о нем по рассказам полковника милиции Александра Зеличенко. Могучий бритоголовый человек, он прошел дороги и тропы трех соседствующих республик, расположенных вблизи Афганистана и Пакистана и оказавшихся в эпицентре наркотического взрыва начала девяностых годов. Тогда впервые на кыргызской земле обнаружили и конфисковали пять килограммов афганского опия, а вскоре и первые триста граммов героина. Объемы конфискации наркотиков возрастали в геометрической прогрессии, счет пошел на десятки и сотни килограммов. Наркотики

предназначались для транзита за рубеж, но с 1998 года заметили стремление наркодельцов сделать опий, и особенно героин, массовым товаром на внутренних рынках. В республике стало расти число больных, зависимых от героина, это было видно и по контингенту наших пациентов.

Александр Зеличенко в свое время возглавлял Службу по борьбе с наркобизнесом Министерства внутренних дел Кыргызстана. По его наблюдениям, наркотики из района афгано-пакистано-иранской границы попадали в Иран, оттуда в Турцию и дальше морем в Европу. Но с начала восьмидесятых годов по рекомендации ООН и в целях защиты здоровья нации исламская Республика Иран ужесточила антинаркотическое законодательство, возвела на границах оборонительные сооружения, объявила контрабанде наркотиков джихад. К борьбе с ввозом наркотиков привлекли специальную Исламскую национальную гвардию. Тогда международная наркомафия освоила другой маршрут — через республики Центральной Азии в Россию, оттуда в регион Балтии, в страны Европы. Этому благоприятствовал последовавший за развалом СССР распад единой пограничной службы, когда-то охранявшей его внешние государственные границы. Ситуация на границах вышла из-под контроля властей, внутренние же границы между некогда союзными, а теперь суверенными республиками еще долго оставались прозрачными.

Жители Центральной Азии, многие из них, традиционно курившие гашиш, в новой ситуации стали переходить к внутривенным инъекциям опия и героина, по преимуществу афганского происхождения. Среди потребителей наркотиков преобладают безработные и незанятая молодежь в возрасте от тринадцати до двадцати двух лет. В наркобизнес стали широко вовлекать женщин: им можно было меньше платить, их реже подвергают арестам (особенно многодетных), у них больше опасений за судьбу своей семьи, а потому они редко выдают тех, кто втянул их в незаконный промысел. В некоторых местностях женщины составляют до сорока процентов от общего числа задержанных наркокурьеров.

Наркобизнес в Средней Азии все откровеннее контролируется организованными преступными группировками, параллельно занятыми торговлей оружием, взрывчатыми веществами. У продавцов наркотиков при осмотре изымают боевые гранаты, автоматы Калашникова, фальшивые денежные знаки.

В один из приездов в Ош мне повезло застать Александра Зеличенко в городе. Он вернулся из поездки по области и был полон новых наблюдений. Наркодельцы стали объявляться в отдаленных селениях, ища молодых мужчин, оставшихся без работы и готовых взяться за любое дело. Им предлагают отправиться на заработки за пределы республики, суля хорошую оплату труда и соглашаясь сразу же выдать его семье в качестве аванса продукты питания. Кто устоит?

Завербованных таким образом вывозят в соседние государства, передают наркодельцам как залог за крупную партию героина. Пока героин не будет продан и хозяин не получит деньги, заложник остается у него на положении раба, выполняет тяжелую работу.

Александр Зеличенко — один из разработчиков «Ошского узла», первого в Центральной Азии проекта, направленного на укрепление в регионе силовых антинаркотических структур и развитие приграничного взаимодействия. Международный проект одобрен правительствами Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана. Сюда направляют транспорт, новейшие средства связи, полицейское и таможенное оборудование. Персонал силовых структур региона перенимает мировой опыт борьбы с наркоторговлей⁵.

Когда машина ныряет вниз и облака остаются над головой, взору открываются картины горного царства. Пейзаж — как во времена сотворения мира. Мы останавливаемся у новых шлагбаумов. Пограничники в касках вновь проверяют документы, досматривают машину, личные вещи. Машины с номерами местных властей проходят беспрепятственно. Мне рассказывали, как на одной из таких машин по тракту вывезли сорок килограммов героина. Пару месяцев спустя порошок был обнаружен на рынках Новосибирска.

Самый серьезный досмотр будет на 540-м километре, на посту Сары-Таш (Алайский район Ошской области). Трое-четверо пограничников примутся разглядывать бензобак, карданный вал, радиатор — нет ли следов спайки. Ищут следы разбортирования колес. Контрабандисты помещают наркотики в автомобильные камеры, вшивают в сиденья, опускают в целлофановых мешках в потайной люк в бензобаке, даже на днища заполненных горючим автоцистерн. Пограничники надевают защитную одежду, спускаются в цистерны, стоя по грудь в бензине, шарят руками по дну. Однажды, рассказывали мне, подозрение вызвали борта грузовика. Доски как доски, с такою же облезлой краской, как все другие, но, может быть, самую малость толще обычных. Их простукивали, опускали и поднимали — ничего... Когда пограничник с размаху

проткнул борт заточкой, посыпался белый порошок. В выпиленных пазах было двенадцать килограммов опия и восемьсот пятьдесят граммов героина.

Обычный ответ водителя: «Два дня назад взял машину у напарника. Представления не имею, что у нее в бортах или где еще».

Пограничникам помогают собаки, натасканные на наркотики. Обычно они хорошо работают три-четыре года. Но не на Памире. На высоте, когда трудно дышать, собаки долго не выдерживают, наносятся, тупеют, сами как бы становятся наркоманами.

Мы присели с пограничниками на корточки возле шлагбаума и разговорились. Обнаруживать удается разную по весу контрабанду, от граммов до двух-трех сотен килограммов. Иногда среди задержанных оказываются люди весьма высокого по здешним меркам положения. Однажды пассажиром машины со спрятанным наркотиком оказался начальник контрразведки одного из оппозиционных воинских формирований. Обиднее всего для пограничников случаи, когда задержанные ими с «товаром» контрабандисты, переданные местным властям, несколько дней спустя по той же дороге возвращаются к себе в Ош или в Хорог как ни в чем не бывало.

У пограничников крепкие нервы, но даже они временами не выдерживают угроз. Незадачливый наркоперевозчик, передаваемый вызванной милиции, непременно скажет напоследок задержавшим его: «В отпуск ты больше не поедешь. Тебя увезут!»

Что же начинаешь понимать в конце пути?

С конца восьмидесятых годов Памирский тракт остается оживленным каналом переброски опиатов из наркосеющего афгано-пакистанского аграрного комплекса через Центральную Азию в Европу. Распад Советского Союза, выход его бывших республик на мировые рынки, признание доллара расчетной валютой стимулируют наркобизнес, быстро освоивший запущенную было межгосударственную горную дорогу.

Войны, революции, потрясения в беспокойном регионе затрудняют объединение стран, оказавшихся жертвами, практически исключают эффективный совместный контроль за перевозками по тракту и сбытом наркотических веществ. Пока обстановка в этой части материка остается нестабильной, у шлагбаумов будут нести службу забытые властями люди, живущие, как на острове, и готовые за ведро бензина и буханку хлеба пропустить кого угодно и с чем угодно.

Местные жители, испытывая одновременное давление с трех сторон (преступного мира, правоохранительных органов, своих семей, требующих сносного содержания), вынуждены делать выбор в пользу преступного мира, дающего какую-то работу и даже возможность делиться доходами с теми, тоже бедствующими, кто по замыслу властей должен их препроваживать в тюрьму. Незаконный провоз наркотиков оказывается выгодным всем сторонам. Не думаю, что с наркоперевозками удастся покончить прежде, чем будут созданы условия, при которых населению станет выгоднее заниматься другим делом⁶.

На исходе вторых суток въезжаю в ночной Ош.

Здесь расскажут, как после шестнадцати проверок на трассе в город каждый день все-таки попадает до ста килограммов наркотиков. Отсюда машины идут на Казахстан и дальше — по дорогам Урала, Сибири, Дальнего Востока. Из Ошского аэропорта можно через Бишкек лететь в Москву — рейсы восточных направлений принимает аэропорт Домодедово.

В Домодедове, говорил мне командир одной заставы, он сам видел, как из самолета спустился по трапу мужик с чемоданчиком, прошел погранконтроль и таможню, на выходе из аэровокзала встретился с поджидавшим его другим мужиком. Они обменялись чемоданчиками, и первый вернулся к стойке оформлять билет на обратный рейс.

Глава вторая

ПРОВИДЦЫ И ЦЕЛИТЕЛИ ИЗ РОДА КЫТАЙ

*Первое потрясение в Токтогуле — «Ясновидящие» предки нашей семьи —
Внушение и лечение словом у кыргызов — «Это какое-то шаманство!» —
Магнетические флюиды Месмера — Павлов и Фрейд о природе гипноза —
Кыргызская школа наркологии — Как хотели превратить Фрунзе (Бишкек) в
наркотический Гонконг — Аскар Акаев: «Пока я президент, опийного мака у нас
не будет!»*

Я начал рассказ с поездки по Памирскому тракту не потому, что тщеславно надеялся возбудить читательский интерес; скажу честнее — не только потому. Говоря о наркотизации, расплывающейся по земле, хотелось с самого начала дать почувствовать общность культурно-исторических процессов, независимо от того, происходят ли они на равнинах Сибири, в сельве Южной Америки или горах Тянь-Шаня, где я рос в многодетной семье учительницы и врача-психиатра. Мне не избежать обращения к прошлому моей семьи, если хочу — а я хочу — понять, как отразилась в нем кыргызская история, и добраться до истоков интереса наших предков к психическим расстройствам и изменению сознания.

Мне было двенадцать лет, когда я пережил самое раннее в своей жизни потрясение. Это случилось в Токтогуле, кыргызском поселке на берегу водохранилища, которое тогда казалось морем. Мы со сверстниками гоняли по галечнику грохотавшие обручи из-под бочек. Однажды, еще не переведя дыхание, я по каким-то своим делам забежал к отцу в психоневрологический диспансер. Отец не любил, когда его тревожили в часы приема больных. Я притаился за белым шкафом и стал свидетелем поразительного, как мне показалось тогда, происшествия. Двое хмурых мужчин, оба в национальных халатах, пронесли мимо меня в кабинет носилки. На носилках лежала женщина с бусами на шее и испуганными глазами. Опустив носилки на пол, мужчины приподняли женщину и усадили на стул перед отцом. Разговор вели мужчины, а женщина, не проронив ни слова, смотрела на отца умоляюще. Как я уловил, на ее семью свалилось горе и у нее отнялись ноги. Отец что-то говорит ей негромким ровным голосом, а под конец — я не верил ушам! — приказывает подняться и идти к нему. Он распростер руки, как это делают женщины, призывая ребенка сделать первые шаги. Не сводя глаз с отца, женщина поднялась и шагнула к нему. Мужчины были готовы прийти к ней на помощь, но она продвигалась вперед, раскинув руки, словно шла по грудь в воде.

— Что это? — я изумленно спрашивал отца.

— Истерический паралич.

Только позже, став студентом-медиком, я стал понимать поразившую меня сцену. Словами, жестами, оттенками голоса отец привел больную в гипнотическое состояние и помог ей мобилизовать скрытые возможности нервной системы. Это был обычный в психотерапии способ лечебного воздействия на психику, а через нее — на поведенческий комплекс больной. Вводить непосредственно в мозг пациента помогающую ему информацию можно с помощью технических средств (радио, телефона, аудиозаписи, музыки и т.д.), но отец всегда предпочитал живое слово. И хотя в наши времена возможности использования техники возросли многократно, мне интереснее воспринятый от отца непосредственный контакт с пациентом. Это я к тому, что применение мною и моими коллегами психотерапевтических приемов для лечения наркологических заболеваний во многом основано на опытах медиков поколения моего отца.

В нашем провинциальном поселке то был первый гипнотический сеанс, о котором долго

говорили, приписывая отцу способность к мистическим заклинаниям. Только в студенческие годы я стал понимать, откуда на самом деле у отца дар воздействия словом на материальные процессы в организме больного. Дело не в одних природных способностях. В библиотеке отца были книги по внушаемости и гипнозу с древнейших времен. Мне были особенно интересны наставления египетских жрецов. Их способ врачевания предусматривал применение снадобий в сочетании с заклинаниями и внушением, часто с погружением больного в состояние гипнотического сна. Внушаемость и гипноз долго оставались окутанными тайной, что не мешало их широкому распространению, особенно в храмах Востока. Высшим искусством освобождения от страданий через внушение и слово владел Иисус Христос. В Новом Завете приведены хрестоматийные образцы исцеления людей психотерапевтическими методами.

В Европе конца восемнадцатого — начала девятнадцатого века учение о гипнозе было предметом жаростных дискуссий в стенах медицинских обществ и академий; в них были втянуты особы царствующих домов, в их числе король Франции Людовик XIV и королева Мария-Антуанетта. Сам термин «гипноз» в медицинскую практику ввел английский хирург Джеймс Брейд (1795 — 1860). Он стал изучать зависимость восприятия больным гипнотического внушения от особенностей его нервной системы. И он же открыл возможность излечения истерических параличей методами психотерапии. Идеей медицинского использования гипноза и внушения были увлечены Жан-Мартен Шарко, Ипполит Бернгейм, Отто Веттерстранд, другие европейские светила.

Основоположителем научного изучения гипноза в России второй половины XIX века был известный физиолог профессор Харьковского университета Василий Яковлевич Данилевский (1852 — 1939). Проводя опыты с пресмыкающимися и с птицами, он обосновал единство природы гипноза у человека и животных. Через три года после его смерти, когда на Украине полыхала война, медицинский институт из Харькова был эвакуирован в кыргызскую столицу Фрунзе. Ученики Василия Яковлевича стали обучать гипнозу («эмоциональному гипношоку») кыргызское студенчество. Среди будущих медиков-психиатров был мой отец Болсунбек Назаралиев.

По натуре отец был очень спокойный человек, я не припомню случая, когда бы он на кого-нибудь повысил голос. Мне приятно было видеть, как горожане при встречах низко кланяются ему. Дома в свободные минуты отец играл на кыргызском струнном инструменте — комузе и писал возвышенные стихи о наших национальных героях и о красоте отрогов Тянь-Шаня.

К восприятию методов народной медицины отец был предрасположен своей родословной; ее исторические корни уходят в далекие времена, когда кыргызы поклонялись духам Неба, Воды и Гор, солнцу, луне, огню; у них всегда был при себе оберег — обернутый в красные и синие тряпки талисман «кут». Покровительницей наших предков, принадлежавших к древнему роду кытай, была хищная птица джагалмай — ее изображение вышивали в узорах, которыми покрывали колчаны для стрел, седла коней и верблюдов.

Со времен древних знахарей, сыгравших немалую роль в становлении культуры, в том числе культуры здоровья, не прекращается спор между ревнителями различных подходов к облегчению человеческих страданий. Отчужденность традиционной и нетрадиционной медицины я бы отнес к одному из самых больших недоразумений нашего времени. Предметом расхождений часто оказываются способы мобилизации скрытых возможностей человеческой психики для борьбы с болезнью; это противостояние до сих пор продолжает влиять на моральные и этические устои общества. Ущербность медицинской междоусобицы особенно чувствительна перед лицом сотрясающих страны и континенты сегодняшних социальных бед.

На заре цивилизации кыргызские кочевники с их анимистическими верованиями собирали в горах ритуальные растения, среди них галлюциногены. Они всегда были в притороченных к седлам кожаных мешочках — в виде сушеных плодов, стеблей, листьев, ягод, клубней. Расположившись на ночлег под снежной горой, кочевники жевали припасы из дорожной аптечки, вызывая наркотические ощущения, снимающие тревогу, успокаивающие. На стойбищах находился лекарь-шаман (бакши). На нем обычно была высокая шапка, или чалма. В руках плеть — камча, небольшой бубен и нож. Люди отдавали себя во власть колдовских заклинаний; с помощью галлюциногенов вызывали в сознании завораживающие видения; глухие удары бубна, журчание рек, посвисты горного ветра воспринимались как льющая из-под облаков умиротворяющая, прекрасная, многоцветная музыка. Долины гор полыхали красным маком и зеленоватым морем эфедры. Их использовали целители разных уровней (кёз-ачык, куучу, бакши), из них готовили лекарства, но я не слышал, чтобы пациенты, сами целители, а тем более шаманы страдали наркотической зависимостью. Среди древних врачевателей встречались люди с

психическими отклонениями — шизофреники, параноики, эпилептики, но наркоманов не было.

В русской народной медицине тоже применяли растения, содержащие наркотические вещества, особенно индийскую коноплю и препараты из нее. В деревнях ими лечили многие заболевания: от простуды верхних дыхательных путей, ревматизма, воспаления кишечника до столбняка, чумы, холеры. И при бессоннице, мигренях, даже при укусах собак или змей врачи и народные лекари с одинаковой уверенностью предлагали настойки из конопли. Сигареты с сухими побегами конопли применялись при астме, бронхите, зубной боли, мигренях. Как болеутоляющие и снотворные средства препараты из индийской конопли открыто использовались на территории Советского Союза до середины пятидесятых годов, когда по решению властей их исключили из государственной фармакопеи.

Об удивительных растениях, успокаивающих, снимающих боль, вызывающих в воображении чудесные картины, я слышал в детстве на моей родине, в старинном городе Оше, ровеснике Трои, возникшем три тысячи лет назад в юго-восточной части Ферганской долины. Во всей Фергане нет города, подобного Ошу по приятности, по климату, по чистоте воздуха. Им восторгался султан Бабур, праправнук Тамерлана, основатель империи Великих Моголов, ученый и поэт, автор исторических записок «Бабур-Намэ». Я хорошо помню журчание арыков под чинарами, украшенные восточными узорами и устланные коврами чайханы, где путники, скрестив ноги, берут руками из чаши душистый жирный плов; по пыльным улицам под туловыми деревьями люди едут на ишаках, восседая гордо, словно слушают голос небес. В городе четырехглавая гора Тахт-и-Сулейман, сильно выветренная, размытая ливнями. Школьниками, подняв над головами пылающие факелы, мы со страхом и восторгом поднимались по кремнистым тропам, заглядывали в карстовые пещеры. Отсюда видны были вершины Памира. Здесь легенды воспринимались как подлинная история, и мы словно бы своими глазами видели в низине войско царя Соломона (Сулеймана), а впереди могучих волов с плугами и слышали громоподобный голос «Хош!» («Стой!») или «Довольно!»), с чего, говорят, взял название выросший в этом месте город.

В средние века Ош был крепостью с дворцом эмира, тюрьмой, монетным двором, сторожевой наблюдательной вышкой и предместьями. В обитые железом скрипучие ворота гнали скот кочевники, тянулись телеги торговцев, въезжали на верблюдах для короткого отдыха караванчики Великого шелкового пути. На площади у мечети с минаретом шумели многолюдные базары. За китайскими шелками, бадахшанской бирюзой, индийским серебром, сибирским медом сюда стекались купцы и менялы со всего мусульманского Востока. Нависшая над городом гора Сулейман придавала особый колорит ошскому торгу. На нее взбирались дервиши, паломники, нищие, прячась от знойной духоты города в прохладе пещер. Их толкало вперед предание о пророке, прилетавшем сюда на коне и построившем на вершине каменный белый домик; обломки известняка, мела и кирпича люди уносили с собой.

По семейным преданиям, горе поклонялись мои предки, пригонявшие на ошский базар овец. Древний род кытай, к которому восходит отцовская линия, уходит корнями к тюркам дачингисхановых времен; в начале XVI века он был частью сол канат (левого крыла), одного из двух сильных этнополитических объединений кыргызов на территории Тянь-Шаня. К этому роду принадлежал и герой кыргызского эпоса Манас. Говорят, кытай были умные и трудолюбивые люди. Мой дед Назар-али, его отец Байсал, отец Байсала Омурбек, отец Омурбека Темирбек и другие предки владели табунами лошадей, стадами коров, у них были известные во всей Ферганской долине белые верблюды. На коней и верблюдов с вышитыми бархатом и украшенными серебром седлами усаживали при перекочевках жenin, девушек, детей, передвигаясь по степи праздничной процессией, как пели сказители, женщины старались до восхода солнца спуститься к реке и набрать воды — с подходом на водопой их табунов река мелела.

Моя бабушка (по отцовской линии) Толгон-ай из старинного ханского саяк. В XVI веке саяки входили в онг канат (правое крыло) этнополитической организации, положившей начало формированию кыргызской народности. Это было сильное, храброе, воинственное племя, которого побаивались, как оргынов у казахов или найманов у татар. Говорят, саяки родственны сакам-мосагетам, жившим во времена Александра Македонского. Бабушка сполна унаследовала их властность и бескомпромиссность. Это ощущали на себе росшие под ее опекой внуки, и я в их числе. Бабушка держала нас в строгости. Она умерла в восемьдесят пять лет, сохранив ясный ум и хорошую память.

Род по линии моей мамы был известен искусными дипломатами. У его истоков семьсот лет назад стоял наш знаменитый предок Эсерке, которому правители поручали улаживать конфликты

между городами долины, даже между кочевниками-кыргызами и соседними оседлыми китайцами. Примирив спорящих ханов, он сел под чинару и на виду у людей клал под язык табачные зеленые шарики. Как тогда говорили, закурил насвай. Это означало: можно жить спокойно, войны не будет. «Эсерке всегда договорится» — старая поговорка живет в нашем народе по сей день.

Моя прабабушка (по материнской линии) Айша, тоже из саяков, родом из Чуйской долины, слыла ясновидящей. В ее роду, сколько можно проследить, едва ли не все предки были предсказателями и шаманами. Многие удивлялись, как ей удавалось предвидеть кражу коровы у соседей или собственное замужество, которое повлечет ее отъезд далеко от родни. И задолго до того, как моя мама познакомилась с будущим мужем, моим отцом, прабабушка в разговоре с сестрой и братом мамы в точности описала его внешний вид и даже предсказала, что молодые будут жить вдали от родных мест. Скотоводы местности, где кочевали наши предки, рассказывает моя мама, преклоняясь перед их способностями к «ясновидению», распространяли слух, будто у нашего рода есть «телохранители».

Скорее всего, от прабабушки и всей ее родни передалась моему отцу, а вслед за ним и мне способность лечить внушением и гипнозом.

Отец хорошо знал человека по имени Молдоман, образованного муллу (духовного наставника); он изучал геометрию, тригонометрию, высшую математику в Саудовской Аравии. Отцу было восемь лет, когда он упал с лошади и сломал ногу в двух местах. Ни один рентгеновский аппарат не указывал на раздробленность кости, и никто не понимал, почему он не может стоять на ногах. Бабушка принесла сына к Молдоману. Мулла в течение суток вправлял кость, а после завернул ноги больного в кошму и попросил бабушку так положить сына, чтобы он не двигался в течение месяца. У кыргызов принято было использовать при перевязках раны кошму, предварительно подержав ее над огнем, пока ее поверхность покроется обожженной шерстью; эта кошма убивала бактерии и заживляла открытые раны. Месяц спустя отец стал на ноги. Этот случай, по словам отца, определил его интерес к медицине.

Внушение и лечение словом издавна свойственны кыргызской народной медицине и этике кочевников Центральной Азии. Они полностью доверяли знахарю или шаману, и эта абсолютная подчиненность воли больного приказам и действиям целителя была необходимым условием, как сказали бы мы сегодня, психотерапевтических сеансов, их воздействия на сознание и на участки больного мозга. Используя определенные звуки, ритмы движения, наркотические или психотропные вещества, они добивались эмоционального опустошения, ослабления физического напряжения, когда уже обмякший человек открыт для восприятия внушаемых видений.

В кыргызской истории известно имя главы суфийского ордена Накшбанди Ходжа Исхака. По преданиям, шейх обладал способностями излечивать заболевания, также применяя среди прочих методы, близкие к тем, которые на современном языке называются психотерапией¹. Великой силой внушения наделили народные сказители грозноликого Манаса. Перед походом, обращаясь к ханам и воинам, призывая их идти вместе с ним на восток, полководец рисует перед ними заманчивые картины, в которые верит сам и заставляет поверить внимающих ему воинов. «Есть земля там, и в той земле птица есть об одном крыле. Кто о диком верблюде слышал? Кто о том, что есть дикие люди, слышал?.. Есть там много еще чудес; есть кладбища олени там, мы разыщем коренья там, что любой недуг победят; там лекарства от хвори есть, от чумы там лекарства есть, против смерти там зелье есть, средства там для веселья есть, там трава от бездетства есть, там звериные царства есть... Вроде конских голов яблоки той страны, поешь их — и будешь здоров. Орехи там всех родов, как горные валуны, деревьями возвращены... Воля моя едина для вас. Словом одним я двину вас».

И двинул в поход тысячи замороженных внушенными им видениями воинов. Говоря психотерапевтическим языком, то был опыт нейролингвистического программирования — воздействия словом на сознание людей.

Много лет спустя, когда бишкекские врачи, приверженцы классической медицины, придут в наш Центр наблюдать проводимый с пациентами заключительный сеанс императивного внушения (стресс-энергетической психотерапии), один из скептиков обронит, рассчитывая уязвить меня и бросить тень на странный метод, непонятный ему: «Это какое-то шаманство.» Мои друзья станут с ним спорить, а я улыбнусь, принимая его реплику за комплимент, который он сделал, не подозревая об этом. Похоже, знания этого скептика о сложнейшем явлении в истории мировых религий, в том числе религий народов Центральной и Северной Азии, не шли дальше тривиальных представлений: шаман — психически ненормальный, впавший в экстаз, бьющий

колотушкой в бубен и обвешенный амулетами старец, честолюбиво приравнивающий себя к полубогу.

В детстве я не без испуга наблюдал за действиями кыргызских целителей — шаманов, тогда еще не понимая их возбужденных нервных причитаний, их призывов к покинувшей душу вернуться в тело больного, прекратить его муки. Постепенно я расставался с наивными представлениями незрелых лет. Этому помогали беседы с отцом, не терпевшим поверхностных суждений о сложных психических явлениях. Наблюдая пляски шаманов, прислушиваясь к их полупесням-полувыкрикам, начинаешь понимать логику их действий. В отличие от священнослужителей многих конфессий, обычно участвующих в важнейших семейных церемониях, будь то бракосочетание, рождение ребенка, погребение усопшего, шамана призывают, когда болеет тело, а чаще — когда страдает душа. Владея в совершенстве техникой экстаза, азиатский шаман символически возносится по вертикали к Небу и, достигая вершин, глубоко дыша, минуя один за другим места наказания грешников, находит, в конце концов, душу больного. И призывает душу вернуться на место. Но если душа не готова к обратному путешествию, если сопротивляется, он неистово и шумно сам возвращает ее домой.

В кыргызском шаманстве и народном целительстве много течений. Хотя процесс лечения у всех различен, тут важно обратить внимание на объединяющие их особенности, к которым в нашем повествовании мы вернемся еще не раз. Почти все они вводят пациента в трансное состояние, проводят коллективные (групповые) занятия, приглашая больных рассказывать о себе, используют в лечебных целях психотерапию, в том числе гетеросуггестию, то есть внушение со стороны, часто вербальное — с помощью слов².

Присмотреться к шаманам Сибири и Центральной Азии у меня появилась возможность в восьмидесятых годах, когда мы с друзьями работали практикующими врачами в Южной Якутии. Образ жизни и ритуалы малых народностей издавна влекли исследователей тайн эволюционно-генетического закона. В суровых местах, где человек один на один с необузданной природой, постоянно предлагающей опасные испытания, люди приспособляются к суровым условиям существования. Слабые не выдерживают, зато сумевшие выжить аккумулируют и передают по наследству качества, необходимые для жизни в экстремальной среде. Стойбища оленеводов в районе Чульман — Нерюнгри оказались в зоне влияния промышленного комплекса, через который должна была пройти Байкало-Амурская железная дорога. Экономический бум не был деликатен к эвенкам, привыкшим к определенным жизненным ритмам и теперь страдавшим от грубого переустройства их традиционного быта и труда. Тревоги и неясные перспективы заглушались алкоголем — единственным пищевым продуктом, доставлявшимся в тундру авиацией бесперебойно. Алкоголь умягчал сердца, готовые разорваться от обид.

Мы, молодые врачи, помогали эвенкам выходить из стрессовых ситуаций, об этом в свое время я еще расскажу, но тут должен признать, что прекрасно эту функцию выполняли жившие в тундре шаманы. Один из них, старый немногословный старик, когда-то имевший алкогольные проблемы, вылечивший себя и с тех пор уверовавший в свои целительские способности, демонстрировал нам свое умение лечить ходьбой босиком по снегу или надрезами кожи ножом, но, по рассказам оленеводов, на самом деле он помогал им не этими экстравагантными способами, а безвредными, общепринятыми у народных целителей.

Наряд эвенкийских шаманов, обязательный атрибут их священнодействия, предусматривает кафтан, пояс, бубен, перья, ритуальные инструменты, множество других мистических предметов и выглядит как символ или образ микрокосмоса, в контакт с которым вступает шаман. Это важная деталь магического воздействия на больного. Мне не раз приходилось убеждаться в большом влиянии на пациента облика психотерапевта при проведении заключительной стадии освобождения от наркотической зависимости. У нас еще будет повод вернуться и к этому психологическому феномену, рожденному в культуре шаманизма.

И еще поразила меня внешняя воинственность шаманов, когда они стараются изгнать демонов, чтобы излечить человека. Дело не в особой экипировке (меч, копьё, кольчуга и др.), хотя и это для них важно, а больше в наступательном характере всех их движений и заклинаний. Они пытаются защитить жизнь от тех, кто несет смерть и болезни. Можно представить, как много значил такой врачеватель в древнем обществе. Но хочу обратить внимание на другое. Шаманские действия психологически объединяли современное им общество надеждой на добрую силу, способную помочь и защитить от зла, перед которым общество бессильно. Потребность в шамане, на которого можно положиться, сквозь великие религии и философские построения дошла до наших дней, свидетельствуя не столько о слабости человека, сколько о неистребимости его

надежд.

Забегая вперед, расскажу о встрече со знаменитым тибетским шаманом Лхава Ванг Чуком. Это случилось во время поездки по Непалу, когда из Катманду я добрался до Покхары, курортного городка на берегу озера Фева, где в ясные дни с зеркальной резкостью отражаются снежные вершины Аннапурны. В Покхаре я оказался проездом, надеясь переночевать в отеле у озера и двигаться дальше, намереваясь попасть в Капилавасту, на родину Будды Шакьямуни, но случайная встреча в отеле с непальским медиком несколько изменила мои планы. Я услышал о расположенном неподалеку лагере тибетских беженцев и о живущем там знаменитом старике-шамане. Хотя ему давно перевалило за семьдесят, его вывозили в соседний Бутан лечить разбитого параличом короля и в Индию к заболевшему министру тибетского правительства в изгнании. Как было упустить такой случай, тем более что коллега, оказываешься, бывал у шамана, привозил к нему пациентов и согласился помочь мне добраться до лагеря.

Машина шла мимо залитых водой рисовых полей. Пики Аннапурны были закрыты туманом, за которым едва-едва просвечивала громада хребта. Есть местности с особой аурой, несущие на себе печать общения колдовских сил со сферами, недоступными остальным членам сообщества. Местность вокруг нас была именно такой гранью земли и неба, обещавшей в конце пути непредвиденности.

Старый шаман живет со своей старухой на окраине лагеря Таши-балкиль, возникшего лет двадцать назад на пустыре, теперь густо застроенном глиняными хижинами вокруг небольшого храма. Во дворике кудахчут куры и греются на солнышке мохнатые собаки. В тени пристройки сидит на циновке жена шамана, наматывает на веретено шерстяные нити. Она продолжает свою работу, не проявляя никакого любопытства к гостям, к которым, видно, привыкла, как и к чудесам, которые вытворяет за стеной перед чужими людьми ее старик.

Открыв дверь, оказываешься в маленькой низкой комнате с двумя кроватями, поставленными на кирпичи. Одна — у окна, другая — у противоположной стены, разделенные столиком и домашним алтарем с буддистскими раритетами, горящими лампадами, портретом Далай-ламы. Сладковатые запахи благовоний стелются по полу, обволакивают хозяина, сидящего на кровати, опустив босые ноги, давая им отдохнуть от обуви. У старика узкое лицо с подслеповатыми глазами и острым подбородком, от которого отходят нити седых волос. В руках деревянные четки. На груди ожерелье из белых пластин, нарезанных из рогов и костей. Здороваясь, он протягивает обнаженные руки; одна перехвачена кожаным браслетом, на другой у запястья медный браслет и электронные часы. Часы — единственная деталь, возвращающая в наши времена.

Перед стариком на стуле женщина из Катманду, и мне разрешено, присев на кровати напротив, наблюдать, как наш шаман вводит себя в экстатическое состояние. Монотонно бормоча слова молитвы, он снимает с алтаря и ставит на столик три медные пиалы, покрупнее в центре, другие по сторонам, из мешочка ссыпает в каждую белый рис, к пиалам прислоняет круглые медные пластины, способные надраенными до блеска поверхностями отражать предметы. Затем на столике появляются три кувшина и чашки, в одну он наливает воду, в другую — воду с молоком, в третью — чай. Пиалы с рисом прикрывает почтовыми открытками, разрисованными сюжетами буддистской мифологии. В блюдечко опускает серебряную ваджру. Теперь у него в руке белая марля, обрубленный с обеих сторон рог, вроде бы дикой козы, барабан с тремя лентами и колотушкой на веревочке и медная тарелка, какие используют ламы во время службы в храме.

Старик повязал на шею красный платок, надел многоцветный передник и на голову колпак с крыльями, напоминающими то ли рога, то ли корону. Это одеяние, шепнул непалец, старику подарил Далай-лама в Дхармасале (место пребывания тибетского правительства в Индии) в знак благодарности за лечение министра.

Шаман скрестил на кровати ноги, прикрыл глаза, взял в правую руку барабан, а в левую — медную тарелку; комната наполнилась звуками и грохотом, словно зарокотал в деревьях ливень и послышались раскаты грома, все громче и чаще. Оглушительный звуковой обвал внезапно оборвался колокольным звоном, который временами замирал, слышались только глухие удары.

С нарастанием грохота наш старик преображался: дрожали губы, подрагивал подбородок, жилы на шее напряглись, и весь он уже в иных мирах, призывает добрые духи спуститься на землю — это для них приготовлены рис и напитки, и, чтобы духи не сомневались, он берет в ладонь пригоршню риса, рассыпает по комнате и маленькой ложечкой черпает и разбрызгивает чай, и я не могу понять, как ему удастся при этом извлекать звуки из колотушки и медной тарелки,

не теряя ритм. Продолжая выборматывать заклинания, он берет со столика ваджру, прикладывает ко лбу и, почерпнув новые силы, отогнав злых духов, вскакивает, упираясь коленями в одеяло, и на коленях прыгает по постели, прыгает высоко, и не будь я свидетелем, ни за что бы не поверил, что старик, проживший три четверти века, так легко владеет телом.

Чуть уняв себя, шаман левой рукой срывает с головы корону, крутит ею во все стороны, будто духи обступили его, но, объяснившись с ними, он преодолевает состояние простого смертного и обретает магические способности действовать в забытии, вне времени и пространства. Он набрасывает на грудь пациентки марлю и, взяв в рот рожок, другим концом упирается в марлю, водит рожком по груди, словно что-то ищет, и вдруг с силой выдувает из рожка на белую тарелку камушек. Шаман, шепчет мне непальский медик, извлек этот камушек из желчного пузыря пациентки. Она ничего не чувствовала и даже не понимала, что произошло. Это было невероятно: камушек не мог храниться во рту – шаман долго и беспрестанно причитал, пел, делал глотательные движения; вряд ли камушек был спрятан и внутри рожка: занимаясь с другими пациентами, из его полости шаман извлекал то темную слизь, то чей-то волос, то песок...Что же это?

Услышав от коллеги-непальца о способности шамана лечить по фотографии, я достал из сумки фотографию сына Улана и, когда пришел мой черед занять место пациента, протянул ее старику. Он принял снимок двумя руками и, взглядываясь в изображение, уверил, что мальчик здоров, у него светлая голова и хорошее будущее. Действительно ли он обнаружил все это по фотографии или от доброты душевной говорил приятное отцу, но я чувствовал, как во мне растет полное доверие к контактам старика со сверхчувственным миром.

Когда шаман вышел из транса, мне позволено было поговорить с ним. Он практикует с тринадцати лет, в тайны его посвятил отец — потомственный шаман, в горах Кайлаш на берегу священного озера Самаван.

Никаких напитков старик не пьет, только воду и молоко. В поселке молодые люди, бывает, пьют вино, некоторые употребляют наркотики, но не увлекаются ими. Я спросил, что все-таки делать с больными, страдающими наркотической зависимостью.

Старик ответил:

— Они должны сами остановиться. Если им со стороны говорят, что может плохо кончиться, разговоры не будут действовать. Человеку надо прийти к этому своим умом.

Шаманом в некотором смысле был великий австриец Франц Антон Месмер (1734 — 1815), один из самых просвещенных людей эпохи, доктор права, философии, медицины, друг семьи Вольфганга Амадея Моцарта. Говорят, с ним даже музицировал. Но в историю этот человек вошел разработкой и применением учения о гипнозе. Практикующие врачи его времени использовали в качестве лечебного средства магнит, но Месмер первым обнаружил способность человеческой руки накапливать в себе и передавать другим людям магнетические флюиды. По его чертежам были изготовлены большие чаны с железными опилками. Из отверстий в крышках торчали металлические прутья. Больные рассаживались вокруг этих чанов, касаясь одной рукой прута, другой — соседа, образуя замкнутую цепь. Месмер появлялся в зале под звуки музыки, облаченный в лиловый камзол, с хрустальным стержнем в руке, всем своим видом, подобно шаману, подготавливая пациентов к глубокому психологическому восприятию предстоящего феноменального действия. Он еще не знал о том, что у людей разная способность воспринимать гипноз. Ее зависимость от особенностей нервной системы человека была установлена позднее. Хотя действия целителя были основаны на научных догадках и открытиях, в те времена еще существовавшей веры в чудеса и в колдовство, он тоже придавал значение тайному языку жестов, магических движений, которым пользовался во время гипнотических или магнетических сеансов. Когда Месмер хрустальным стержнем «намагничивал» чаны, воздействуя на расположившихся вокруг больных, он старался довести всех до судорог, до нервных потрясений, чтобы после успокоительного сна они чувствовали себя свободными от болезней.

Подобно другим энциклопедистам, Месмер с фанатичной верой в правоту собственной теории добивался ее признания в научных кругах. Ученый втягивал в научные споры высшую французскую знать, многие сановные лица двора поддерживали его искания, но официальное признание учеными не приходило. Он эмигрировал в Швейцарию, где и завершил земную жизнь незаметно для мировой научной общественности. Только шестьдесят семь лет спустя после его смерти французские академики признали метод лечения гипнозом как научно обоснованный.

В середине девяностых годов, собираясь в Швейцарию, я взял с собой горсть земли с

берегов Иссык-Куля, чтобы оставить ее на могиле Месмера как дань уважения к ученому его последователей — моего отца и всего кыргызского психотерапевтического сообщества. Сколько я ни расспрашивал коллег в Женеве, Цюрихе, Базеле — никто не мог сказать, где его могила.

Я оставил комья кыргызской земли на склоне Альп в районе горы Пилатус, одной из самых высоких точек Европы, и долго смотрел вниз, на плывущие облака, словно сам был загипнотизирован венским врачом, жившим два столетия назад.

В библиотеке отца рядом с книгами по истории и этнографии кыргызского народа стояли труды А.Токарского, В.Бехтерева, И.Павлова, других выдающихся ученых, изучавших теорию и практику психотерапии. Их работы обосновали возможность активно вторгаться в психику людей и корректировать их личностные особенности. Шаг за шагом наука все более четко определяла роль физических и психических факторов в гипнотических процессах. Тем не менее история применения гипноза и внушения полна драматических страниц. В тридцатые годы поиски психотерапии были осуждены как противоречащие материалистическому учению. Только с середины пятидесятых годов, когда в Европе официально признали гипноз как составную часть медицинской терапии, у российских психотерапевтов появился шанс возродить научный и практический интерес к гипнозу.

Природу этого явления пытались объяснить И.Павлов и З.Фрейд. Они исходили из разных, по существу, взаимоисключающих теорий. Физиологический павловский подход основан на понимании гипноза как результата торможения коры больших полушарий, как промежуточного состояния между сном и бодрствованием; это переходное состояние имеет разные уровни глубины. На самом глубоком уровне гипнотического сна (сомнамбулизм) отмечается повышенная сила слова как инструмента внушения.

Кто из нас в детские годы, попав на выступления заезжего гипнотизера, не изумлялся, видя собственными глазами, как по его приказу усыпленные на сцене люди начинали изображать терпящих бедствие моряков или прибывших к месту происшествия пожарных с воображаемыми брандспойтами в руках. Впавшим в гипнотический сон можно внушить самые невероятные, иногда страшные, фантазмагорические видения. Сторонники павловской концепции видят в слове такой же материальный стимул, как все другие физические стимулы. Они не придают значения бессознательному началу в глубинах мозга и души.

Согласно фрейдовскому подходу, власть гипнотизера над пациентом лежит в сфере бессознательного; в ее основе — факторы эротического свойства. Когда мой отец учился в медицинском институте, труды Фрейда в Советском Союзе были под запретом, на лекциях его имя называлось непременно с политизированными негативными определениями вроде «апологет буржуазной идеологии». Не без риска для себя студенты доставали перепечатанные на машинке его «Лекции по введению и психоанализ», «Остроумие и его отношение к бессознательному», другие работы, знакомясь с новыми для себя взглядами на природу гипноза. Профессора умалчивали об авторе психоанализа, но самые сведущие и менее осторожные, беседуя с молодежью, размышляли о его постулатах, отвергаемых тоталитарной системой как всякое инакомыслие. Студентам, будущим психотерапевтам, они исподволь внушали нетривиальную в те годы мысль о самопознании как возможности развития свободной личности.

Почему я останавливаюсь на гипнозе и самоанализе?

В условиях, когда не существует единых, общепринятых методов лечения наркоманий, медикам приходится экспериментировать с разными подходами, в том числе психотерапевтическими. Цель — упорядочение и стабилизация эмоционального состояния больных как предпосылка успешного лечения. Нам придется учитывать разные подходы, когда будем искать собственную модель реабилитации наркозависимых больных, создавать программу комплексной терапии, основанную на методах мировой психиатрической школы.

Мои студенческие годы пришлись на конец семидесятых — начало восьмидесятых годов, когда в Кыргызстане сложилась собственная школа наркологии как раздела психиатрии. Наши ученые, продолжатели традиций харьковских наставников, изучали алкоголизм и гашишеманию среди народов Центральной Азии. Их исследования поражали медицинскую молодежь собственной клинической практикой, невероятной по масштабам и глубине анализа. Профессор Н.В.Канторович разработал алкогольно-диагностическую формулу, которая впервые обеспечивала научно обоснованный дифференцированный подход к лечению, социальной адаптации, реабилитации больных. А.И.Дурандина, Д.У.Адылов, Н.А.Сирота, Б.Н.Дегтярев, И.А.Агеева, их

коллеги предложили первую в Советском Союзе комплексную программу профилактики алкоголизма, наркоманий, токсикомании и табакокурения среди подростков.

Кумиром молодежи была профессор А.И.Дурандина, знаток клиники и профилактики гашишизма. Она вела наблюдения над больными с психическими нарушениями, вызванными курением гашиша. Можно представить, чего ей стоило обследовать сто семьдесят больных и не только описать историю болезни каждого, но дать эмоционально окрашенную и в то же время объективную медико-социальную характеристику их окружения. Ее докторская диссертация содержала такой объем взрывоопасной по тем временам информации, что на этот двухтомный труд был поставлен гриф «секретно» и защита проходила в закрытом режиме, будто речь шла об оборонном заказе.

Студенты старались не пропустить также лекции Д.У.Адылова, которого занимали тогда проблемы наркомании в среде подростков. Для него это были болезни не подростка, не только подростка, а всей его семьи. В срочной медико-социальной помощи, убеждал он, нуждается все окружение больного. Мне приятно называть это имя еще потому, что со временем, когда я создам первый в республике частный медицинский центр, мой преподаватель поддержит меня, станет коллегой.

Вместе со мной учился мой старый товарищ В.Р.Бауэр, очень добрый человек, которому педагоги прочили большое врачебное будущее. Я счастлив, что именно он, доктор медицинских наук, профессор, энтузиаст терапии больных наркоманией новым методом, согласился стать директором МЦН и уверенно держит в руках штурвал нашего корабля.

С начала восьмидесятых годов на пространствах бывшего Советского Союза все громче стали говорить об эпидемических вспышках наркотического опьянения. Уже давно подростки развлекались, втягивая в себя летучие наркотически действующие вещества. Медикам известны были курильщики гашиша и опиума, особенно в южных районах, где традиционно росли конопля, мак, эфедра. Но наркомания как социальное явление долгое время не занимала власти, тему отнесли к разряду совершенно секретных, о ней можно было упоминать в печати только для развенчания «западного образа жизни».

Кыргызы издавна покуривали гашиш, завозимый из соседних узбекских и китайских земель, но выращивать коноплю на плантациях вряд ли когда-нибудь собрались бы, не будь на это решения Москвы. Для создания пенькоджутового производства в районе озера Иссык-Куль организовали три крупных хозяйства по выращиванию конопли. Вереницы телег и колонны грузовиков открыто и даже под развевающимися на ветру красными флагами везли горы стеблей во Фрунзе на пенькоджутовую фабрику. Дело оказалось настолько прибыльным, что долгое время, наблюдая в республике рост гашишной наркомании, никто не отважился обратиться к советскому руководству с просьбой освободить кыргызов от опасного бремени. Тем временем в республику зачастили перекупщики наркотиков. Местные власти впервые задумались об опасности, когда обнаружилось, что гашиш курят во многих школах. Милиция (разумеется, под большим секретом) докладывала о росте преступности среди лиц с наркотической зависимостью³.

Хрущев, тогда глава правительства, понимал кыргызов, но был в силах только посочувствовать: пока не развита химическая промышленность, страна не может обойтись без пеньки. Только в 1964 году исследовательские институты смогли предложить технологию выпуска товаров, заменяющих конопляные, и скоро кыргызские плантации южной конопли были объявлены вне закона.

Но оставались заросли дикой конопли. По весне тысячи людей выходили с лопатами и топорами на поля, дабы уничтожить их. Может быть, удалось бы, в конце концов, одержать над ними победу, если бы не пришли новые времена. В девяностые годы стали распускать колхозы, вынуждая крестьян искать источники существования. Жители Чуйской долины взяли сами высаживать коноплю, часто в труднодоступных местах, и это продолжается до наших дней⁴. С июля до первых холодов, когда после дождей и солнца конопля становится жирной, люди тайно собирают пыльцу. Когда-то в заросли выходили всей семьей. Кого-то из молодых разденут догола, смажут хлопковым маслом, он будет носиться по плантации, принимая пыльцу на липкое тело. Эта картина прекрасно описана Чингизом Айтматовым в романе «Плаха». Пыльцу соскребут, приготовят гашиш, расфасуют в спичечные коробки... В эту пору в долину слетаются перекупщики. За один спичечный коробок предлагают крестьянам денег больше, чем месячная зарплата сельского учителя. Иногда происходит бартерный обмен: одиннадцать коробков гашиша — школьная форма, шестьдесят — корова, двести — автомобиль. Если подходящего количества нет, перекупщики запишут за семьей долг, который он должен будет отдать в другой раз.

— Деваться некуда, сынок... — говорили мне.

Для большинства крестьян сбор и продажа гашиша не бизнес, а способ выживания. Когда милиция, обнаружив незаконные посеы, делает облавы, половина задержанных — глубокие старики и старухи. Милиционер, по возрасту их внук, горько вздохнет и, опустив голову, поведет своего коня обратно. Приезжая на Иссык-Куль, я вижу, как в тени карагача, почти не таясь, сидят на корточках молодые люди по четыре-пять человек. Они мельчат гашиш (кропалят), смешивают с выбитым из папиросы табаком, заталкивают смесь обратно и, сделав затяжку, передают друг другу. Глаза у всех расширенные, во рту сухо, язык заплетается. Убитые горем родители будут приводить их ко мне на прием; я увижу молодых людей, сильно исхудавших, с учащенным пульсом, с ослабленной волей, расстроенной памятью, почти неспособных управлять своими мыслями.

Пылающие красным пламенем маковые поля были элементом пейзажа родины. Маковый лепесток умещался на ладошке; если его размять в пальцах, от потемневшего комочка исходил сырой запах земли. После полудня в нежаркое сухое время крестьяне ножом надрезали маковые коробочки, из надрезов сочилось белое молочко, за ночь оно загустевало и темнело. А с восходом солнца, пока не слишком пекло, надо было металлическим скребком (калаком) снимать в стеклянную банку с коробочек вязкую кашицу. Это был опий-сырец. В сезон сбора на плантации опийного мака — тогда самые крупные в Советском Союзе — вывозили из городов до пятидесяти тысяч человек. Сырец шел на производство морфия, в то время единственного средства, снимавшего боль. Кыргызы давали шестнадцать процентов мирового производства опия — высочайшая морфийность нашего опия не имела аналога. Государственные закупочные цены на опий превосходили цены на всю другую сельскохозяйственную продукцию. За каждый проданный государству килограмм опия хозяйствам засчитывали по центнеру якобы сданного ими зерна⁵.

Легальные посеы мака у нас со времен войны (1941 — 1945 гг.): госпиталям требовался морфий, а в стране не так много районов, где для мака хорошие природные условия. Но с окончанием войны мак продолжали сеять, даже больше прежнего. Республика давала две трети морфия для медицинской промышленности. В школьные годы мы смутно улавливали в разговорах старших тревогу. Поговаривали о людях, тайно наезжавших в республику для закупки опия-сырца, они платили крестьянам за товар большие деньги, их ловила милиция, но справиться с наплывом перекупщиков не могла. В разгар сбора опия плантации охраняли по шестьсот — семьсот курсантов милицейских школ, но перекупщики платили крестьянам в тридцать, в шестьдесят раз больше, чем официальная заготовительная цена, и опий уходил на сторону. В 1963 году руководитель республики Турдакун Усубалиев приехал в Москву к заместителю Председателя Совета Министров СССР Анастасу Микояну с просьбой освободить кыргызов от выращивания опийного мака.

— Если мы прекратим производство мака в Киргизии, у вас что, есть валюта закупать морфий за рубежом по импорту? А, товарищ Усубалиев? — спросил Микоян.

— Вы же знаете, в республике нет валюты... — смутился Усубалиев.

— И у нас ее нет, — отрезал Микоян.

Только в 1974 году Усубалиеву удалось добиться от Москвы запрета на выращивание в Киргизии опийного мака. Этому помог Алексей Косыгин, председатель Советского правительства. Он слыл трезвенником и морщился, уловив легкий винный дух от собеседников. Взамен лекарств с содержанием наркотиков правительство СССР постановило создать лекарственные препараты, «по эффективности не уступающие применяемым в медицинской практике, но не представляющие наркотической опасности».

В конце восьмидесятых годов, при переходе к рыночному хозяйству, опийный мак стал снова овладевать умами, на этот раз предпринимателей и политиков, опьяненных возможностью быстро сотворить чудо — покрыть землю маковыми коробочками, которые превратят Кыргызстан в Гонконг. Идею «новых кыргызов» поддержали «новые русские», рассчитывая найти свое место в наркокартеле мирового класса. Сведущие же люди называли планы возрождения посеов наркотических культур самоубийством для населения.

Международный комитет по контролю наркотиков Организации Объединенных Наций из своей штаб-квартиры в Вене с беспокойством следил за развитием кыргызских событий. Один иссык-кульский начальник уже перевел в Турцию сто пятьдесят тысяч инвалютных рублей на закупку элитных семян опийного мака. Дело принимало нешуточный оборот. Ситуацию переломил кыргызский президент Аскар Акаев:

— Пока я президент, опийного мака у нас не будет!

На официальном уровне диспуты прекратились, но крестьяне бывших макосеющих районов, поддерживаемые приезжими дельцами, продолжают мак высевать. Делянки прячут в высоких хлебах, среди болот, в горах. Закупщики теперь берут не только затвердевший сок. Они мешками вывозят маковые стебли с корнями, варят «черняшку» — средство не такое сильное, но все же утешение малоимущих, кому дорогой наркотик недоступен. В потребление опиатов вовлекаются новые социальные слои.

Мои коллеги, а тем более пациенты, которых удивляет, откуда мне известно, что именно они чувствуют в тот или другой момент, вряд ли подозревают, что в молодости я сам курил марихуану и едва не стал наркоманом. Конечно, было бы предпочтительнее написать о высококом порыве восемнадцатилетнего первокурсника, будущего нарколога: «В интересах науки он отважился на себе испытать последствия болезни, чтобы со знанием дела спасти тысячи гибнущих душ...» Увы, на самом деле все было до обидного тривиально. Осенью студентов отправляли за город собирать колхозную картошку. Мы долбили лопатами промерзлую землю, грузили полные мешки на телегу. Старая лошадь дожидалась, пока телега наберет положенный ей вес, и сама направлялась проселочной дорогой к амбару. Подвыпивший возчик шел рядом, держа в руках поводцы и бормоча ругательства в адрес студентов, из-за которых спозаранку приходится быть на ногах.

Вечерами мы собирались в сельском клубе. Молодые, веселые, влюбленные, нам все было нипочем. Семеро моих сокурсников устроились под тутовником на скамейке и пригласили меня в свой круг. По кругу пошла папироса, набитая смесью табака и гашиша. Все было таинственно, исполнено завораживающего риска. Мне совершенно не хотелось курить, я вообще не курил, но было неловко обнаружить свою невзрослость, и я втянул в себя дымок. Хорошо помню первые ощущения: участилось сердцебиение, стало чуть труднее дышать, во рту — сухость. И ничего больше. Никакой эйфории!

Только потом, после третьей или четвертой пробы, я почувствовал возбуждение, которое пришло к сокурсникам много раньше. Нас охватывал беспричинный смех, мы хохотали по всякому пустяку. На танцах казались сельским девушкам страшно веселыми и умными. Догадливые наши сокурсницы смотрели на нас с явным пренебрежением.

Окончив первый курс, я отдыхал на Иссык-Куле. В крестьянских дворах росла конопля. Я в первый раз увидел это растение высотой до трех метров с крупными широкими листьями. Странно было представить, что заросли конопли сохранились в Центральной Азии с тех пор, когда о них писали Геродот и Гиппократ. Молодые иссык-кульцы угощали «городских» конопляной соломкой (марихуаной) и вязкой жирной пылью (гашишем), учили смешивать с выбитым из папиросы табаком и заталкивать начинку обратно в гильзу. Трудно сказать, что нас привлекало больше курение и вызванные им ощущения или все же преодоление запрета. Я курил раз в месяц в кругу студенческих друзей, а летом с иссык-кульскими ребятами. Мне долго не удавалось поймать то, что называют кайфом, но я ощущал ускоренный темп мышления: мысли как будто переполняли голову, были или казались необычайно яркими, глубокими, оригинальными. Мы входили в своеобразный транс, по три-четыре часа обсуждали и анализировали прочитанную книгу или фильм; наши суждения представлялись нам чрезвычайно интересными; мы были доброжелательны, преисполнены радости и выглядели в глазах друг друга интеллектуальной элитой. Несколько затяжек, и мы больше не терзались мыслями о смысле жизни и смерти, но открывали для себя возможность в любое время и почти даром испытать ощущение восторга и счастья. Меня как будто стало двое: один холодно наблюдал за происходящим, зато другой, убегая от настороженности первого, купался в волнах блаженства, был в раю. Поймав однажды момент просветления или усиленной работы мысли, я уже не мог избавиться от воспоминаний о возвышенном состоянии, время от времени тянуло снова проникнуть в сладостный мир умственного взлета. В нормальном состоянии я не отличался особой интуицией, но после приема дозы начинал тоньше чувствовать собеседника. Слова обретали небывалую значимость и смысл, у голоса появлялись новые обертоны, я чувствовал энергетическую силу собственной речи и способность властно убеждать или переубеждать слушателей.

Употреблять наркотики сильные, вводить их в вену я побаивался. Был панический страх перед шприцем с опийным раствором. Возможно, повлияли рассказы отца; среди его пациентов бывали безнадежные потребители опия, героина, амфетаминов. Отец не подозревал, что его собственный сын-медик покуривает наркотики. Только мама, приводя в порядок мои брюки,

обнаруживала в карманах пакетики с травкой. Я убеждал ее в беспричинности тревог: пакетики, го ю р ш я (как в таких случаях го ю р я едва ли не все щадящие своих мам), дали друзья для передачи товарищам, и я даже не знаю, что это за растения. Но маму не проведешь, мне до сих пор не по себе при воспоминании, как она страдала.

Наши студенческие годы совпали с войной СССР в Афганистане. Из района боевых действий в город возвращались раненые, в семьи моих сокурсников приходили похоронки на отца или брата. У нас в мединституте усилилась военная кафедра, с нами проводили учения как с будущими младшими офицерами. Уже с каждого студента снимали размеры верхней одежды и обуви. Пошел слух, что в первую очередь на войну будут посылать ребят с явно выраженным азиатским типом лица — кыргызов, узбеков, таджиков. Мы были молоды, не совсем понимали, что происходит вокруг, и это вызывало тревогу. В моем кругу были школьные товарищи, в институт не поступившие и сразу же мобилизованные в армию. Многие из них возвращались в цинковых гробах. Похороны убитых сверстников становились ритуальной частью нашего быта. Это я не в оправдание, а только в запоздалое объяснение самому себе подавленного состояния, тогда не вполне нами осознанного, из которого мог на короткое время вывести наркотический дым.

В студенческом общежитии, куда я заезжал к друзьям, ребята варили в кастрюлях «ханку», как у нас называли отвар из маковых коробочек, в который добавляли химикаты и разные лекарственные средства, получалось сильное дурманящее вещество, как бы кустарный аналог героина. Они вводили «ханку» внутривенно или заваривали в виде чая, но меня их забавы не привлекали, отчасти потому, что я занимался спортом, не хотел терять форму и с меня довольно было сигареты с каннабисом. Окончательно бросить и это курево я заставил себя после трагического случая с моим студенческим другом Маликом Салиевым. Это был высокий красивый парень, из интеллигентной кыргызской семьи, душа любой компании. Я знал, что он тоже покуривает или как-то иначе употребляет наркотики, но представить себе не мог, в каких дозах. Он второй год работал в клинической ординатуре, когда его послали на практику в Москву. И вдруг как гром среди ясного неба: Малика нашли в общежитии мертвым, и, по словам близких к нему людей, смерть наступила от передозировки.

Я тогда работал в Оше, в психоневрологическом диспансере. Город помнил моего отца, лечившего многих, и отсвет его известности падал на меня, облегчая первые шаги. Ко мне шли бывшие его пациенты. Мне нравился этот южный городок. У меня уже были дом, любимая жена, рос сын. Нет, я не хотел судьбы Малика Салиева. Жизнь не баловала, приходилось ночами подрабатывать на «скорой помощи», проводить гипнотические сеансы. Очень хотелось, чтобы мое имя ассоциировалось у людей не только с отцом, но и со мной самим, продолжателем его дела в этом городе. Но не прошло и года, как меня перевели во Фрунзе, в распоряжение медицинского института. Я стал научным сотрудником институтской исследовательской лаборатории. Становилась близкой к осуществлению надежда, в которой я никому не признавался, хотя все эти годы она жила во мне: работать вместе с отцом.

Я тогда не знал, что переезд в столицу совершенно изменит всю мою жизнь и приведет к созданию Медицинского Центра Назаралиева – то есть имени, доплывшего до меня из тьмы столетий, от отца, деда, прадеда, потомков кыргызского рода кытай.

Глава третья

МОЛОДОЙ МЕДИК ИЩЕТ СВОЙ СПОСОБ ВРАЧЕВАНИЯ

Что увидели ученые Нью-Йорка в МЦН — Пять наших принципов — Экскурс в историю: как я перепутал столбняк с шизофренией и что из этого вышло — «Жениш, ты нашел свою корку хлеба» — От «собачьего рефлекса» к препарату «гамма-200» — Эксперименты с братом Сталбеком — «...Работаем! Руки вперед!»

Ты сильный человек, мощный человек, заряженный человек. Машина! Стой спокойно, работаем, идет мощная энергетическая накачка. Отныне нет такой силы, которая заставит тебя принимать наркотики. Каждая клетка головного мозга, которая раньше вызывала тягу к наркотику, будет полностью разрушена, разорвана, растворена. Докажи, что ты мощный человек. Прояви свое Я в этой жизни. Я! Я! Я! Раз, два, три, четыре, пять... Работаем! Руки вперед! Оттяни руки! Сейчас ты делаешь самую важную работу в своей жизни. Помоги себе сам! Ты будешь радовать тех, кого любишь, своих детей, весь белый свет. Ты другим человеком возвращаешься в мир...

В высокой комнате, залитой ярким светом подвесных ламп, на большом мягком мате, какие страхуют прыгунов на арене цирка, трое врачей ставят последнюю точку в четырехнедельном лечении больных. Рядом со мной работают мои коллеги Э.К.Кубатов и Э.А.Джуматаев. Старые товарищи, мы хорошо понимаем друг друга и во время сеанса, незаметно для пациентов, передаем их по кругу. Со стороны мы, наверное, выглядим черными хищными птицами, терзающими жертвы. В глухом черном одеянии, откинув одну ногу назад, я кружусь вокруг пациента, запрокинувшего голову, почти сделавшего «мостик»; одной рукой придерживаю его, не давая рухнуть на мат, и смотрю, как дрожат пальцы его вытянутых рук, он весь дрожит, закатив глаза. Судорога отчетливо выражена, и я доволен — в этом состоянии больной лучше воспринимает все, что врач вкладывает в его сознание. Пациент типичный: вены на покрытых татуировкой руках исколоты, все тело в ссадинах от шприцев — каждый квадратный сантиметр, даже, простите, скрытая в трико мужская гордость. Лицо перекошено, зубы оскалены, пот стекает по бледному лицу на грудь. Мы с ним оба работаем, оба мокры так же, как и мы и коллеги со своими больными.

— Сейчас мы заменяем твое наркотическое прошлое на новую жизнь. Это не гипноз, ты будешь видеть, будешь чувствовать, как твое тело дрожит. Теперь твое желание открыто чистым и добрым мыслям. У тебя под ногами твердая земля. Из тебя выходит сила, которую давали наркотики, мы накачиваем тебя другой силой, мощной эмоциональной силой, начало которой почувствуешь, когда проснешься после стресса...

Я не знаю в точности, что в эти минуты мои коллеги шепчут, внушают, приказывают своим пациентам, у каждого своя импровизация, я их не слышу, но у нас общая задача — на том уровне, на каком больной воспринимает мир, с помощью слова, мимики, жеста, тембра голоса проникнуть в его внутренние психические процессы, усилить его переживания, помочь найти в себе скрытые возможности нового поведения и извлечь их из подсознания. Эту стресс-энергетическую терапию еще называют шоковой терапией, стресс-шоком, глубинной формой психотерапии.

У человека постороннего броские внешние атрибуты (черные одеяния врачей, их быстрый и жесткий ритм речи, сильный стук кожаной подошвой обуви о деревянный пол, помогающий фиксировать в мозгу важную информацию, и т.д.) могут, конечно, вызвать по ассоциации образ

неистово пляшущих колдунов первобытных племен. Но медики, работающие у нас, знают — этот заключительный этап запатентованного Центром четырехступенчатого наукоемкого метода психофармакотерапии обеспечивает эффективную реабилитацию людей, страдающих зависимостью от психоактивных веществ.

Смысл заключительного сеанса императивного внушения — в мощнейшем психотерапевтическом воздействии на больного. Кульминация достигается через стресс-энергетическое разрешение психоэмоционального ожидания и напряжения. Рухнувшего на мат пациента, обессиленного, в полуобморочном состоянии, два санитаря уносят в палату и укладывают в постель. Он проснется через два-три часа, испытывая во всем теле легкость, освобожденность, как после хорошей, с венчиком, бани; ему не хочется ни курить, ни есть, ни пить, нет желания с кем-нибудь общаться. Ему необходимо собраться с мыслями, побыть наедине с собой. От врачей он слышал — это только начало. Если будет следовать их советам, такое состояние сохранится надолго. Стресс-энергетическая психотерапия обеспечивает устойчивую установку больного на длительную ремиссию и уверенность в своих силах избежать рецидива в любой среде. После полного курса лечения у нас в течение года от наркотиков воздерживаются три четверти больных¹. Сеанс продолжается десять — пятнадцать минут, но пациента готовят к нему психологически поэтапно, в течение одного месяца, с первых дней, когда медикаментозными средствами купируют острое состояние, проводят дезинтоксикацию, снимают абстинентный синдром (ломку), погружают в кому, насыщают кислородом в барокамере, лечат плазмаферезом и гемосорбцией, отправляют отдохнуть неделю в здравницу, чтобы в спокойном состоянии он еще раз взвесил свои возможности и сделал выбор. Не все решаются пройти заключительный этап. Пациентов из криминального мира (у нас бывают «воры в законе» с громкими именами) настораживает объясненный им врачами в подробностях предстоящий сеанс. Они побаиваются быть «сломленными», считая это унижительным, ущемляющим самолюбие, недопустимым для их статуса в уголовной среде. Мы отвечаем на все их вопросы, но не настаиваем — выбрать вариант поведения человек должен сам².

Тех, кто решился пройти последний этап лечения, за пять-шесть дней до завершающего сеанса размещают во втором корпусе нашей клиники, у подножия горы под Бишкеком, на берегу речки. Интересно наблюдать за состоянием пациентов, когда врачи начинают давать им мощную психологическую накачку, с каждым днем возрастающую. Готовься, говорят больному, наберись сил, ты можешь, ты должен выстоять эти десять — пятнадцать минут, способных перевернуть твою жизнь. Врач подробно объясняет ему и сопровождающему, близкому ему человеку, что больному предстоит, пропуская через его сознание мысль о психологической и физической трудности испытания, самого важного в его жизни; у больного создается эмоциональное состояние ожидания и тревоги. Готовься, готовься! Он внутри себя, в мире собственных переживаний. Ему дают препарат, усиливающий чувство тревоги. Наконец, он напряжен до предела, сознание открыто для восприятия внешних импульсов. Рано утром, накануне сеанса, он переодевается, словно сбрасывает кожу. И в необычной комнате, похожей на операционную, при ярком свете специально направленных ламп, поставленный в позу Ромберга, то есть пяткой одной ноги касаясь носка другой, вытянув вперед подрагивающие в треморе руки, он слышит от необычно одетого врача: «Ты сильный человек! Ты мощный человек! Ты заряженный человек!»

Кому-то это действие, почти ритуальное, может показаться странным, примитивным, поистине колдовским, но мы десять лет оттачивали формулы, проверяли действие на психику тех или других сочетаний слов, жестов, внешнего антуража — ради десяти — пятнадцати минут сеанса, сверхнапряженного для пациента и — в равной мере — для врача.

Завершающий этап лечения наркозависимости мы называем стресс-энергетической психотерапией. Речь идет о действе, во многом импровизированном, почти шаманском, которому невозможно научить, ибо его сила или бессилие во многом зависят от личности, психики, интуиции врача. И когда нас спрашивают, почему мы не передаем другим свой опыт, я с грустью думаю о том, как живучи и трудны для расставания иллюзии самоуверенных людей, жаждущих перенять профессиональные тонкости и никак не согласных поверить, что истинные «секреты» даются не учебой, не усердием, даже не стажем, а только свойствами личности.

Кружусь над своим пациентом, откинувшимся назад и вытянувшим дрожащие руки, и, не обращая внимания на его состояние, крики и стоны, настойчиво шепчу, как будто вбиваю молотком в сознание:

— Ну, давай же, выкрикни, выдави, выгони эту грязь! Помоги себе! Уходит та сила, которая тянула тебя к наркотикам. Мы нашли другую мощную эмоциональную силу, начало

которой ты почувствуешь, когда проснешься после стресса... Ты мощный человек, ты сильный человек, ты заряженный человек — помоги себе!

Больной верит мне, верит нам троим, тембру и интонации наших голосов, выражению наших лиц, но это не значит, что он так же будет верить любому, пусть даже талантливому актеру, кто попытается симитировать и повторить в деталях все, что делаем мы. Может быть, это единственная сцена, где нельзя войти в роль героя — тут им, действительно, надо быть или не быть.

Потом, когда он проснется, придет в себя и бодрый, просветленный, с детской радостью будет смотреть на жену, довольный собою, как он все выдержал, и на вопрос, что он чувствовал, когда врач работал с ним, скажет:

— У меня было ощущение, как снизу, от кончиков пальцев ног, во мне начинает подниматься грязевой ком. Он все выше, выше подкатывал к моей груди, к горлу. Это было ужасное ощущение, я как будто задыхался и в то же время старался исторгнуть эту гадость из себя. Я, наверное, вопил, как полоумный, но в то же время слышал себя, даже не себя, это было такое чувство, что какое-то другое существо вопит во мне и рвется наружу. Наконец, оно вышло из меня, все кончилось — и сразу наступило облегчение.

Никогда прежде мы не видели наших сотрудников такими подтянутыми, как в весенние дни 1997 года. Центр ждал приезда ученых медицинского факультета Нью-Йоркского университета. Один мой помощник, когда-то наркоман, в свое время скитавшийся по бишкекским «ямам», но сумевший взять себя в руки, окончить медицинский институт, стать классным врачом, подошел ко мне:

— Жениш, а если они узнают мою биографию?

— Тебе нечего стыдиться.

— А если предложат выпить, например, за дружбу? Я, конечно, уклонюсь, но это не покажется высокомерием?

— Дружище, — сказал я, — даже если весь Кыргызстан вдруг перестанет пить, мировая общественность, боюсь, этого не заметит.

Медицинский Центр Назаралиева — это белое пятиэтажное здание в деловом районе Бишкека, на улице Фучика, с просторными открытыми балконами, большую часть времени обращенными к солнцу, похожее на средиземноморскую здравницу. В недавнем прошлом это был оздоровительный комплекс (профилакторий) промышленного предприятия, не сумевшего выжить в условиях рыночных отношений. Медики выкупили здание, и теперь это наша собственность. Здесь стационарная лечебница на сто пятьдесят коек, множество лечебно-диагностических, научных, маркетинговых служб. Основная работа ведется в отделении острых состояний. Оно включает приемное отделение, два наркологических и два специализированных отделения — интенсивной терапии и психофизической разгрузки. В отделении собран цвет медицинского персонала: Ю.С.Юсупов, Л.М.Мунькин, М.А.Мусаев, Г.И. Сафаров, М.Г. Фейгин и многие другие. Это молодые врачи высшей квалификации (средний возраст тридцать восемь лет), у них в руках новейшая европейская медицинская аппаратура и нейропсихофармакологические средства.

Второе наше здание находится в Беш-Кунгее, живописном пригороде Бишкека, на берегу речки, стекающей со склонов Тянь-Шаня: там больные проходят период реабилитации и готовятся к завершающей стадии лечения.

Есть подразделения, куда не заглядывают больные, но куда захаживают, чуть выпадет свободная минута, наши лечащие врачи. Это научный и патентный отделы. Доктор медицинских наук И.А. Матузок и наш патентовед и строгий редактор Л.Я. Савельева, две милые умные женщины, помогают коллективу вести исследовательские работы, готовить диссертации, изучать эффективность лечения, доводить оригинальные авторские разработки до уровня защиты их патентами.

И, конечно, вряд ли удалось бы развернуть во многих странах наши представительства, если бы не усилия Д.Б. Алымова, Э.Р. Сатыбалдиева, А.С. Курбанова, Ш.Б. Назаралиева, молодых энергичных менеджеров.

Это я к тому, что приезд в Бишкек группы ученых Нью-Йоркского университета, первой высокопрофессиональной зарубежной медицинской делегации, решившей, как говорится, своими глазами увидеть методы лечения, о которых писала американская пресса, заставил поволноваться не только руководство МЦН, но и все наши службы. В коридорах почему-то больше обычного было студентов Государственной медицинской академии, постоянно проходящих у нас практику.

Даже вахтер у входа — его никто ни о чем таком не просил! — явился в этот день при полном параде и при ордене, словно на свадьбу.

Мы давно ждали приезда американских гостей. До этого я трижды был США, докладывал о своем методе Национальному институту здравоохранения в Вашингтоне, но информация, воспринятая на слух и даже увиденная на видеокассете, не дает полного представления о наших подходах к лечению. Как писала одна из нью-йоркских газет, «конечно, внешне процедура может шокировать. Американские эксперты, посмотрев пленку, засомневались в праве врача так агрессивно вмешиваться в психику пациента. Горячо спорят на морально-юридические темы по сей день. Поэтому, вопреки очевидным достоинствам метода киргизского доктора, не спешат давать ему зеленый свет в США, где наркомания, увы, давно приобрела характер национального бедствия». А кончалась заметка так: «Достаточно было Назаралиеву выступить в США два-три раза, начались звонки. Американские пациенты готовы хоть завтра ехать лечиться в далекую Киргизию...»

И вот пятеро американцев у нас в Центре. Они поднимаются по лестнице мимо вытянувшегося, как солдат перед генералами, вахтера, не без удивления разглядывая награды на лацкане его парадного пиджака. Гости оказались приятными людьми, склонными к завышенным оценкам, и я каждый раз призывал наших сотрудников делать скидку на американскую склонность к преувеличениям и традиционную вежливость. Не было на пяти этажах помещения, куда бы гости не заглянули, ни одного пациента и медика, с кем бы не перекинулись хотя бы парой слов, стараясь понять, почему сюда едут больные из разных стран, в том числе их соотечественники. Мне показалось, и гости потом это подтвердили, что впечатление произвел на них не сам по себе способ лечения, даже не запатентованные авторские разработки, а системный подход, объединяющий классические, модифицированные, уникальные приемы в единый поэтапный процесс лечения и реабилитации.

Они уловили и особую атмосферу в Центре, где «лечащим» ощущает себя каждый из персонала, будь то врач, медсестра, уборщица. Как заметил один из гостей, «здесь каждый квадратный сантиметр наполнен психотерапевтической аурой».

Итак, что гости увидели?

На начальных этапах лечения пациенты, только что поступив, полностью прекращают принимать наркотики; испытывая абстинентное состояние, сразу проходят через руки многих врачей (анестезиологов-реаниматоров, психотерапевтов, психиатров, наркологов, невропатологов, рефлекс- и физиотерапевтов, медиков других специальностей); они работают бок о бок, одновременно и слаженно курируя пациента на всех этапах лечения, включая общеукрепляющую и стимулирующую терапию. Стержень двух первых этапов — коматозные сеансы в сочетании с очисткой крови на плазмаферезе; на сеансах коматозной терапии больного вводят на четыре часа в глубокий сон. Это не сон в обычном понимании. Медики называют такое вмешательство в организм центральной холинолитической блокадой — состояние, когда человек лежит с выключенным сознанием, без сновидений. После двух-трех сеансов из памяти пациента совершенно стирается желание найти наркотик.

Мы рассказывали о себе, ничего не тая.

Опийные наркоманы составляют большинство пациентов Центра. Наркомании, еще в шестидесятые годы мало кому известные как болезнь, двадцать лет спустя стали распространяться со скоростью эпидемии, не щадя никакой народ, никакую расу, никакой социальный класс. И когда мы с друзьями кружили по киргизской столице в поисках помещения для будущего наркологического центра, когда обивали пороги высоких кабинетов, сталкиваясь с широким диапазоном отношений — от недоумения до враждебности, когда, повторяю, мы со свойственной молодости одержимостью шли к своей цели, кабинетная настороженность казалась нам пустяковой по сравнению с сомнениями, которые мучили нас самих: каким должен быть современный наркологический центр?

Существует множество национальных программ лечения, включающих разработанные медиками подходы к терапии и реабилитации наркоманий (опийной, кокаиновой, гашишной, амфетаминового типа и т.д.). Их придерживаются наркологические структуры, государственные и частные, созданные при психиатрических клиниках, разного рода институтах, колледжах, университетах, существующие самостоятельно. При всей основательности их понимания проблемы, при опоре на крупные медицинские авторитеты, при хороших возможностях финансирования лечебных программ эффективность результатов лечения в мире столь мала (от пяти до десяти процентов), что до сих пор не утихают споры о том, а поддается ли вообще

наркомания лечению. И хотя Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в 1995 году обосновала концепцию, отвечающую утвердительно, серьезные медики, даже наркологи, имеющие успехи в излечении своих пациентов, продолжают сомневаться, стараясь развести по разные стороны понятия «лечить» и «вылечить».

Единственное, что объединяет оппонентов, — это одинаковый или похожий взгляд на причины приобщения к наркотикам значительной части населения, в том числе ее молодой составляющей. Еще недавно средний возраст потребителей конопляных наркотиков был чуть больше восемнадцати лет, героина — за двадцать, кокаина — почти двадцать один с половиной, но в последнее время возраст угрожающе резко молодеет; известны случаи массового употребления наркотиков младшими школьниками, независимо от того, из состоятельных ли они семей или бедных, из развитых ли они стран Европы или нищенских стран Африки. Существует множество обстоятельств медицинского, социального, общественного характера, способствующих эпидемии и хорошо известных всем, кто об этом задумывается. Истины ради следует признать, что есть причины труднообъяснимые, не поддающиеся осмыслению, недоступные пониманию врача, даже самого тонкого психиатра. Но если нам не все известно о причинах — как искоренять наркоманию?

Все это мы держали в уме, когда спорили, на каких принципах должен работать наркологический центр, молодой не по дате возникновения, даже не по среднему возрасту медиков, а по подходам, нами разработанным или модифицированным с использованием собственных лечебных новшеств. Принципиальными для нас были два момента: комплексный подход к решению терапевтических и реабилитационных задач, а также работа с каждым пациентом по индивидуальной программе, учитывающей особенности личности — психики, интеллекта, культуры и его готовности к социальной реинтеграции. Не буду утверждать, будто эти идеи мы сформулировали для себя с самого начала; время постоянно вносило коррективы, но, что без сомнения, задумывая Центр, мы твердо знали, что многие аспекты работы, волнующие нас, будет неоткуда заимствовать, придется до всего доходить самим. Мы видели наркологический центр с мощным научным отделом, патентной, информационной, маркетинговой службами.

В 1991 году это были наши грезы.

Теперь, подъезжая утром к зданию МЦН, мимо флагштоков, на которых развеваются флаги многих стран, с которыми сотрудничает Центр, я тороплюсь на пятиминутку. В зале заседаний собирается весь лечащий персонал — врачи-наркологи, психиатры, невропатологи, терапевты, кардиологи, физиотерапевты, анестезиологи, в их числе доктора и кандидаты медицинских наук, а также квалифицированные фармакологи, лаборанты, медицинские сестры. На каждого пациента у нас приходится по три медицинских работника. Я вижу лица друзей, которые вместе со мной почти с самого начала, и не отвернулись, когда нас называли «шарлатанами», и это было самое деликатное, что раздавалось с трибун в наш адрес; услышу короткие — одна-две минуты! — доклады руководителей структур, обойду с дежурными врачами основные службы и палаты, в каждой по два человека — пациент и его сопровождающий, и, вернувшись в свой кабинет на третьем этаже, дам себя закрутить бесконечным телефонным звонкам и факсам, ожидающим в приемной посетителей, разговорам с врачами, менеджерами, поварами, представителями городских властей, наркологами из соседних областей, для которых Центр — основная база их группового профессионального усовершенствования.

Американские коллеги у меня в кабинете.

— Вы могли бы рассказать о философии Центра?

Нет, это невозможно передать, как трудно мы к ней шли, о чем спорили, почему теряли надежды. Многие проблемы возникают из воздуха конкретных обстоятельств, и надобно постоянно дышать этим воздухом, жить внутри обстоятельств, чтобы всею кожей чувствовать и понимать, что происходит вокруг. И я называю основы, удивляясь тому, какими они теперь кажутся очевидными, а не выстраданными, не мучительно доставшимися нам.

Пять принципов, нами разработанных, у нас впервые внедренных, а теперь отчасти используемых в наркологических службах других стран, мне кажется, доказали свою жизненность и перспективность; во всяком случае, они приняты нашими пациентами, как гарантия их собственных интересов.

Во-первых, видеть цель в освобождении больного не только от физической зависимости (сегодня это не представляет большого труда), а от зависимости *психической*; фармакологическими средствами мы воздействуем на структуры головного мозга, изменяя психическое состояние пациента, тем самым создавая условия для проведения психотерапии,

способной восстанавливать нарушенные психические функции, устранять влечение к наркотическим веществам, внедрять в сознание твердую установку на здоровый образ жизни.

Во-вторых, абсолютная *добровольность* пациента довериться врачам и пройти курс лечения, временами довольно жесткий, требующий эмоциональной и физической сосредоточенности. Бессмысленно предлагать этот курс молодому лоботрясу, которого в клинику за руку притащила мать, а он упирается, не хочет, но подчиняется властному характеру матери или, напротив, ее безутешным слезам. Если нам не удастся пробудить в нем интерес, если он сам не примет решения, лучше посоветовать матери не выбрасывать деньги на ветер.

В-третьих, полный *отказ от любых элементов тюремной атрибутики*. Центр не знает решеток на окнах, пропускной системы, каких-либо ограничений в передвижениях пациентов по зданию Центра и вне его: пожалуйста, можно выйти в город, побывать на рынке, пойти в театр, встретиться с родственниками; при соблюдении распорядка дня — никаких проявлений недоверия и запретов, унижающих человека. Взаимные — Центра и пациента — права и обязанности содержатся в контракте, подписываемом обеими сторонами.

В-четвертых, пациент принимается в Центр только в *сопровождении* родственника или близкого, значимого для больного человека; он находится при больном в течение всего курса лечения, выступая одновременно как ходатай по делам больного перед лечащими врачами, так и первым помощником врачей в их работе с больным. Сопровождающего мы считаем активным участником терапевтического процесса. Его присутствие на всех этапах лечения — важнейший элемент психотерапии³.

В-пятых, абсолютная *открытость* для пациента и сопровождающего всей технологии лечения с обстоятельным предварительным разъяснением лечащего врача смысла каждого предстоящего этапа взаимной работы. Здесь нет места предубеждениям медиков против страдающих зависимостью и нет недоверия к врачам со стороны пациентов. С самого начала госпитализации медики и больные выступают в одной команде. Они партнеры, в равной мере ответственные за результаты совместных усилий.

Мы зашли в палату. На койке лежал недавно поступивший больной из индустриального центра на Урале. Состоятельный человек, владелец магазинов, он не раз лечился в клиниках России и Израиля, ему было с чем сравнивать.

— Везде мною занимались врачи разных специальностей. Приходили наркологи, приходили психиатры, приходили терапевты, и каждый лечил, как он понимал мое состояние с его точки зрения. Все были очень неплохие специалисты, между прочим. Но здесь в первый раз врачи тех же специальностей собрались вместе и со мной выработывали единый план лечения. Меня больше не рвут на части, а соединяют, что осталось, в одно целое.

История с приездом делегации из Нью-Йоркского университета отвлекла меня от рассказа о том, как складывалась моя жизнь после того, как мы с семьей оставили Ош и переехали в Бишкек, тогда все еще город Фрунзе. В институте мне предложили тему большой научной работы: «Течение алкоголизма в условиях Кыргызстана». Кажется, никто всерьез им не занимался, и я с энтузиазмом наивного первопроходца развернул кипучую деятельность. Но, беседуя с больными, изучая статистику, я пришел к вопросу, над которым раньше не задумывался: а что, кыргызы пьют не так, как русские, казахи, узбеки? Или поведенческий рисунок напившегося моего земляка сильно отличается от вывертов пьянчужки где-нибудь на набережной Сены или в подворотнях Неаполя? Я погрузился в литературу и, как ни заманчива была защита диссертации, по тем временам вполне «проходной», даже «актуальной», заставил себя сказать самому себе — нет... Меня привлекала скорее медицинская практика, и я искал работу лечащего врача. Не последнюю роль в этих поисках играли семейные обстоятельства. Мы с Розой и маленьким сыном Уланом жили в стесненных условиях, считали каждую копейку. А мне к тому же надо было помогать братьям-студентам.

Чемодан с материалами диссертации я задвинул под кровать и долго перебивался случайными заработками. Иногда приходил в расположенный рядом с моим институтом республиканский психоневрологический диспансер, там дежурили мои знакомые, смотрел их больных, но своей практики у меня долго не было. В девятом отделении диспансера, где лечили острые психозы, работал отец. Видя, как я маюсь, он предложил:

— Может быть, возьмешь трех-четыре больных? Пролечишь классическим методом, гипнозом, то есть «собачьим рефлексом»?

«Собачьим» в кругу медиков называли тошно-рвотный рефлекс по методу В.Е.Рожнова.

Существует множество традиционных и нетрадиционных способов лечения алкогольной зависимости. Обычно в наркодиспансерах проводят курс лечения с тетурамом и антабусом, вызывающими стойкое отвращение к алкоголю. Эффект закрепляется с помощью «эспирали» или «торпеды», которые держат больного в постоянном напряжении и страхе. Психологическая зависимость пациента от алкоголя при этом сохраняется, и в любой момент возможен рецидив.

Интереснее других был в 70-80-е годы метод украинского психотерапевта А.Р. Довженко, обладавшего большим тактом в подходе к больным. Он воздействовал на больного словом, проводил групповые сеансы лечебного гипноза. Применяя специальные медикаменты, в момент сеанса лечения он закладывал в мозг пациента противоалкогольный код, добиваясь хороших результатов. Он умел освободить больного от алкогольной зависимости за два-три часа. Не каждый больной мог быть пациентом созданного им центра «ДАР». В ряду противопоказаний — шизофрения, паранойя, тяжелые последствия черепно-мозговой травмы. Между тем у немалого числа хронических алкоголиков именно такие заболевания.

К сожалению, этим методом стали неразборчиво пользоваться многие медики. Тиражирование привело к дискредитации метода.

Все это я держал в уме, когда я шел в диспансер. Четвертым отделением заведовал В. М. Работкин. Он четверть века работал с моим отцом.

— Жениш, не возьмешь ли и у меня шестерых больных? — предложил он. Это было несказанное доверие. Началась моя работа в диспансере. После тестирования я водил больных в помещение с приглушенным боковым светом, звуконепроницаемыми стенами (гипнотарий). С лаборантом Владиком мы укладывали больных на кушетки, и я начинал работать, произнося негромко, четко, властно слова, погружающие в гипнотический сон, в промежуточное состояние между бодрствованием и сном, в некий транс, когда при общей заторможенности участков головного мозга в коре больших полушарий остается охранный пункт, обеспечивающий контакт между больным и врачом.

— Вы устали... Руки тяжелеют... Ноги тяжелеют... В животе тепло... Сердце бьется ритмично... Дыхание ровное, свободное... Голова глубоко ушла в подушку... Веки закрываются... Веки тяжелые... Раз, два, три... С каждым моим словом вы засыпаете все глубже... Вам удобно, уютно, приятно... Пять, шесть, семь... И на десять — спать... Никакие шумы, никакие крики вас не беспокоят... Вы слышите только мой голос... Ваше тело приятно расслаблено... Ваши мысли уходят от вас... Мой голос вас успокаивает, усыпляет... Спать, спать, спать!

Произнося все это негромко, но достаточно эмоционально, в полной тишине, оглядывая засыпающих или уже спящих пациентов, я чувствую, словно это мое тело наливается приятной тяжестью, устало смыкаются веки, хочется погрузиться в глубокий сон, как войти в теплые воды. Мозг больных перестраивается на особый режим. И тогда я начинаю передавать информацию, которая должна войти в их освобожденное сознание:

— С каждым днем ваше состояние улучшается... Нормализуется сон... К алкогольным напиткам у вас наступает безразличие. Нет больше силы, которая смогла бы заставить вас в последующем употреблять алкоголь...

Они спят и слышат только мой голос. Я стараюсь, чтобы он оставался ровным, доверительным, убеждающим:

— Я буду говорить слова «водка», «вино», «пиво», но вы исподволь будете чувствовать запах помоев, грязи, мышей и крыс... Через некоторое время вы почувствуете запах водки, водки, водки... Это вызовет тошноту... Рвоту... Вот уже отвратительный ком подкатывает к горлу с каждым моим словом... Даже мое слово вас нервирует, вызывает чувство отвращения... Тошноты...

В это время мы с Владиком макаем вату в блюдце с водкой и подносим ко рту и носу больных. Их тошнит, начинает рвать. У каждой кушетки тазик. После четырех сеансов больные, как правило, не могут на водку смотреть.

Пациенты гурьбой записывались ко мне, и скоро диспансер про меня знал, и я приходил утром по коридору, едва успевая отвечать на приветствия медиков и больных. Самым большим счастьем для меня было заглянуть в кабинет отца и услышать два слова, которые он произносил с большой радостью:

— Заходите, коллега!

Сидя однажды после сеанса гипноза в курительной комнате, я вдруг вспомнил загадочный случай в Оше, о котором давно забыл, а он всплыл из памяти, дразня какую-то моей недодуманностью. Как будто с горы обрушилась снежная лавина, и только много времени спустя,

восстановив эту картину в воспаленном уме, я задохнулся от вопроса, откуда взялась лавина, если на вершине той горы никогда не бывает снега. В Оше случилась история, в которой я, начинающий врач, был виноват и долго переживал ошибку.

Ночью привезли больного много старше меня (мне той осенью было двадцать три года). Родственники держали под руку верзилу, не способного двигать ни руками, ни ногами. В его глазах стоял страх. Я тогда всего месяц работал психиатром, наблюдать такие симптомы не приходилось. «Столбняк!» — пронеслось в голове. Я дежурил по клинике, других врачей рядом не было, я не знал, что с ним делать. Звоню знакомому врачу домой, прошу приехать: «Явный столбняк!» Примчавшись, врач поднял историю болезни пациента и насмешливо протянул мне. Я не поверил глазам: оказалось, пациент лет десять состоит на учете как шизофреник, без ведома врачей поглощает кучу всяких лекарств, его согнуло от передозировки. Надо мной смеялась вся больница.

Этот-то случай и вспомнился мне в Бишкеке, в психиатрическом диспансере, когда я сидел в курительной комнате, расслабляясь после сеанса гипноза. Я увидел согнутую в три погибели фигуру, расширенные зрачки, в которых застыл страх, и всплыло наблюдение, что именно в этом состоянии больной был наиболее открыт и восприимчив к воздействию на его сознание и даже подсознание. Очевидно, при особых состояниях высших отделов головного мозга суггестивная психотерапия может стать важным инструментом лечения больных, страдающих алкогольной зависимостью. И хотя известны три тысячи психотерапевтических приемов, ни один из них, насколько я знал, не учитывал побочный эффект от передозировки как возможности сильного лечебного воздействия.

Еще не додумав до конца мысль, боясь ее потерять, я бросился в кабинет отца. Меня так распирало, что я не давал отцу возможности даже рта открыть. Я вслух размышлял о мощной психотерапевтической установке, способной избавить алкоголиков от зависимости надолго, если не навсегда. Следует только найти препарат с минимальным токсическим воздействием на организм. Отец уловил суть, может быть, даже лучше, чем я ее себе представлял. Он всегда был сдержан, не бросался словами. И на этот раз, поправив воротник моего халата, сказал:

— Сын, если ты доведешь это до конца, может быть серьезная работа.

Я проводил сеансы условно-рефлекторной терапии, вызывая тошнотно-рвотный рефлекс, а хотелось найти способ заменить чувство тревоги перед употреблением алкоголя, мучительный и тяжело дающийся человеку добровольный волевой отказ от выпивки — на чувство полнейшего равнодушия к алкоголю. Чтобы не закомплексованность отводила руку больного от стакана, а отсутствие всякого интереса к выпивке. Вместе с больными, разъясняя им замысел, используя возможности нового препарата, я искал и шлифовал свой способ.

Однажды на мой сеанс пришел отец. Наблюдая, как я работаю, посмотрев мои клинические расчеты и увидев результаты лечения, он обнял меня:

— Жениш, ты нашел свою корку хлеба.

Скоро наши с отцом кабинеты оказались через стенку. Он в девятом отделении, я — в четвертом. Мы встречались на пятиминутках, на ходу в коридоре, изредка захакивали друг к другу, и мне было радостно, что работаю с отцом, но еще больше я ощущал прилив сил от мысли, что отец испытывает такие же чувства. Отец наливал мне чай, и мы, оба в белых халатах, вели разговор о больных. Это было для меня счастливое время.

Я не знал, что скоро отца не станет и я уже никогда не приоткрою дверь в его кабинет, чтобы увидеть, как он поднимается ко мне навстречу, улыбаясь:

— Заходите, коллега!

Не представляю, как бы я пережил смерть отца, если бы меня не выводила из депрессии неожиданная для меня самого одержимость; мысль о новом методе лечения не отпускала и мучила меня. И жена, и любимый сын — все отошло на второй план, только ослепившая и пока не дающаяся в руки идея владела мною. Отец сказал, что это может быть серьезная работа, я вспоминал эти слова, обдумывал идею с удвоенной энергией. Увлёкся психофармакологией, наблюдал за действием различных препаратов, в частности нейролептиков, испытывал их на себе. Занимало не только прямое действие психотропных веществ, но также их побочные свойства, признанные медиками как вредные или, во всяком случае, нежелательные. Для нейтрализации побочных явлений применяли специальные корректоры. Не раз, наблюдая пациента, я обращал внимание на обстоятельство, для меня неожиданное. Побочное свойство препарата, примененного в повышенной дозе, быстро приносило лечебный эффект, который прежде достигать не удавалось.

Пока еще смутная догадка увлекала меня, я не уставал экспериментировать, присматриваясь, как обычные препараты при изменении дозировки воздействуют на неврологию организма, давая совершенно новый побочный синдром. Когда-то я улыбался бытующей среди медиков шутке: тысячи существующих методик свидетельствуют о неистребимой надежде каждого психотерапевта внести вклад в историю медицины. Я достаточно честолюбивый человек, но тогда меня занимала только жажда додумать идею лечения до конца и проверить ее на больных. Передо мной была скала, внутри светился бриллиант, он казался близким, только протяни руку, но рука упиралась в скалу, надо было отбивать вес лишнее, осколок за осколком, чтобы коснуться драгоценного камня.

В диспансере я советовался со знатоками фармакологических средств, пытаюсь понять, какой из токсичных препаратов более других способен вызывать чувство своеобразной психологической ломки, необходимое для лечения алкогольной зависимости осевшим меня способом. Мы сидели над химическими формулами, готовили различные коктейли, перебирали множество вариантов. Все они оказывались так или иначе уязвимыми. Наконец, такой препарат нашли. Мы его для себя зашифровали под названием «гамма-200».

Начались опыты с больными — с первой группой в шесть человек. Я толком не знал, какую дозу применять. Чтобы вызвать необходимый эффект, мы вводили больным препарат в количествах, превышающих обычные назначения врача, но не выше допустимой суточной дозы. За каждым больным я следил неотрывно, секунда за секундой, минута за минутой. Мышцы начинали твердеть в положенное время, у больных появлялось чувство тревоги и страха, охватывало беспокойство, их начинало ломать, и я принимался за работу.

Однажды мои родственники привели троюродного брата Сталбека. Молодой стоматолог, отец троих детей, он пил и совершенно измучил всю семью.

— Жениш, если не поможешь ты, его уже никто не спасет! — рыдала его жена, прижимая к груди малыша.

Мы со Сталбеком остались одни, и ему, как медику, я объяснил схему лечения. Получив согласие, берусь за дело. Жду, когда у него появится чувство страха, признаки нейролептического синдрома. А их нет... День проходит — нет... Второй — нет... Утром третьего дня спрашиваю:

— Как дела, Сталбек?

— Все хорошо, — отвечает, и никакого испуга в глазах. Ну что же, думаю, если эта доза не берет, поднимем. Снова ввожу препарат. На следующий день прихожу в клинику — мой больной как ни в чем не бывало в саду окучивает деревья.

— Сталбек, — спрашиваю я, — ты ничего не ощущаешь?

— Вроде нет. А что я должен ощущать?

— Может быть, тяжесть появилась в ногах, в области спины, шеи, предплечий?

— Да нет.

— Может, язык деревенеет и челюсти сводит?

— Да все нормально, не бойся!

Я не мог сообразить, отчего на большие дозы вводимого лекарства он реагирует не так, как другие пациенты. Меня охватило отчаяние. Неужели все насмарку и опять начинать сначала — поиск другого препарата, определение дозы, шлифовка методики... Я чувствовал себя вычерпанным, как пересохший арык.

— Ну-ка, — говорю Сталбеку, — вот так шею назад потяни.

Он попытался опустить голову, но она не пошла вниз, а стала опрокидываться назад помимо его воли. Сталбек переменялся в лице и закатил глаза:

— Ой, Жениш, что со мной происходит? Я умираю! Помоги мне!

Его перекорежило, началась ломка. А меня охватило торжествующее чувство: все-таки попался!

— Успокойся, — говорю, — все в порядке. Приди в исходное положение.

Со Сталбеком мы провели шесть сеансов, во время которых я внушал: будешь пить, тебе придется плохо. Закрепил этот эффект, провел дезинтоксикацию, чтобы снять синдром, и отправил домой. С тех пор он не выпивал, держался три года. А я запомнил его позу, когда он откидывался затылком назад и в этом положении лучше всего воспринимал внушение. Скоро я буду искусственно, небольшим усилием рук, приводить в эту позу больных во время заключительного сеанса психотренинга.

В 1936 году в Германии на представительном психоаналитическом конгрессе встретились

два выдающихся медика — Зигмунд Фрейд и Фредерик Перлс, тоже немец, эмигрировавший из страны с приходом к власти национал-социалистов. Они общались несколько минут, это была единственная встреча ученых, хорошо знавших один другого по трудам и не без ревности следивших за разработками друг друга. Свое разочарование в знаменитом собеседнике Перлс перенес на его теорию психоанализа и углубился в создание собственного направления, которое стало известным под названием «гештальт-терапия». Меня, студента медицинского института, в этой истории по-человечески огорчало неудачное знакомство ученых и последовавший через десять лет полный разрыв неугомонного Перлса с психоанализом Фрейда. Я представить не мог, что гештальт-терапия, требующая фиксации внимания не на корнях проблемы пациента, а на его сиюминутных ощущениях, станет одной из опор в моих собственных поисках.

По Перлсу, человеку не дано воспринимать окружающую действительность с равным вниманием ко всем ее подробностям. Наше сознание произвольно выбирает из внешнего мира события, воспринимаемые как самые важные, образующие доминирующую фигуру (гештальт), отодвигая на периферию сознания остальной информационный поток. Мудрость организма — в его саморегуляции, в ритмичном возникновении гештальтов, способных на какой-то стадии уходить в периферию сознания — в фон, уступая место выдвинутой периферией (фоном) новым гештальтам. Этот непрерывающийся обменный процесс обеспечивает равновесие внутри человека, а также между ним и средой. Возникновение из среды (периферии) центральной фигуры, ее исчезновение в той же среде и уступка места новой фигуре есть не что иное, как чередование в тот или иной момент основных потребностей организма — желания, чувства, мысли. Едва потребность будет удовлетворена, зов уступит место новому зову.

Гештальт-терапия нацелена на то, чтобы помочь больному сосредоточиться не на копании в своем прошлом, не на мире рожденных прошлым фантазий, а только на осознании происходящего в настоящий момент — здесь и теперь. Кажется, без особого труда можно сосредоточиться на своих переживаниях и чувствах, но эта простота кажущаяся. На самом деле любой момент может одновременно вмещать незначительные периферийные мысли, отвлекающие пациента от сосредоточенного осознания переживаемого события. Гештальт-терапия должна помочь больному выделить из потока мыслей и чувств главную фигуру, сконцентрироваться на ней, чтобы после полной ее законченности, осмысленности или прочувствованности вернуть ее снова в среду, откуда она возникла. Но для успешного понимания фигуры важно мобилизовать свои ресурсы на распознавание не причин ее возникновения («почему?»), а только на формах ее текущего существования («как?»).

Когда я просил Сталбека прикрыть глаза и сконцентрироваться на внутренних ощущениях (отвердение мышц рук, ног, шеи т.д.), это были попытки приучать пациента непрерывно осознавать свои ощущения — работать со своими чувствами. Только после четырех-пяти сеансов больной начинает отличать свои реальные ощущения от воображаемых, рожденных его фантазией. А научившись видеть различия и концентрироваться на истинных ощущениях, он достаточно глубоко воспринимает исходящие от врача внушения.

— Вкус водки отвратителен. От нее тебя тошнит. Тебя рвет... Ты больше никогда не будешь пить! — говорил я брату, когда он с безумными глазами откидывался назад, описывая гибким телом дугу, едва не касаясь затылком пола. Он издавал невразумительные звуки, похожие на женский вскрик или стон ребенка, но я видел (хотел видеть?), как в его возбужденное сознание ложатся мои слова, словно кирпич к кирпичу, схватываемые раствором и образующие кладку, неподатливую внешним воздействиям.

В диспансере я уже пролечил первую группу больных, взял вторую, когда друзья надоумили меня подать заявку на изобретение и запатентовать не вполне обычный способ лечения. Мне казалось, новизна предложений столь очевидна, что подготовка документов вряд ли надолго отвлечет меня от пациентов. Я только еще входил в раж и не мог думать ни о чем, кроме своего метода.

В патентном отделе медицинского института меня встретила миловидная женщина — И.А. Кадкина. Со снисхождением она смотрела из-под очков на очередного молодого гения, одного из десятков входящих в ее кабинет. Они достают из старомодных портфелей заявки на открытия, готовые толкнуть вперед науку и спасти заблудший мир. Улыбаясь, как будто мы говорим о чем-то всем нам приятном, сотрудники отдела обрушили на меня вопросы: в чем сущность метода? Чем он отличается от известных? Кем апробирован? Где испытан? Я чувствовал себя школьником, вызванным выйти к доске, не приготовив домашнее задание. Но что-то в моих путаных словах все же вызвало интерес.

Спустя пару месяцев мы вместе подготовили заявку на изобретение. Цель работы — сокращение сроков лечения путем использования испытанного у нас препарата для создания отрицательного условного рефлекса на алкоголь. Мы приводили пример, когда больному с хроническим алкоголизмом второй степени и высокой толерантностью провели наш курс лечения. После повторного ввода препарата он пятнадцать — восемнадцать часов испытывал нервно-психические расстройства. Для быстрого достижения акатезии (отвердения) мышц шеи, лица, спины и языка провели внушение; в этом положении больного оставили минут на десять, после чего напряжение мышц сняли путем суггестии. Где-то через полчаса больной сам обратился к врачу, жалуясь на отвердение мышц шеи и нижней челюсти. Он был встревожен и испытывал чувство ужаса. Ему провели дезинтоксикационную терапию. Часа через два-три его состояние стало улучшаться, появился аппетит и нормализовался сон. Со слов больного, с тех пор к алкогольным напиткам он был равнодушен.

Как отнесется к моей заявке Государственный научно-исследовательский институт патентной экспертизы при Государственном комитете СССР по науке и технике? Я вышел из здания Главпочтамта, держа в руках клочок бумаги с печатью и подписью девушки, принявшей и пакет, адресованный в Москву. Мне не терпелось еще раз перечитать квитанцию, я разжал пальцы и расправил смятую бумажку на ладони. Налетевший ветер подхватил ее, закружил, и не успел я опомниться, как квитанция скрылась в кроне. «Все пустое...» — повторял я себе после безуспешных попыток отыскать бумажку в траве.

Два года я жил в тревожном ожидании, продолжая лечить больных по своему способу. Пришел ответ, что нет существенных отличий между методом лечения, предложенным мной, и уже известными. Это был отказ! И снова работа, бессонные ночи, повторная заявка... Только в июне 1990 года в Бишкек пришло авторское свидетельство на изобретение «Способ лечения хронического алкоголизма», а потом и патент на лечение.

Слух о новом способе быстро разнесся по Бишкеку, вызывая интерес больных, особенно их страдающих семей. Тогда в первый раз я почувствовал настороженность, а иногда неприязнь медицинского чиновничества, агрессивного к любому начинанию, если оно исходит не из их кабинетов. Мне пришлось уйти из диспансера, но когда в окружении республиканского начальства обнаруживались хронические алкоголики, которым никто не брался помочь, находили меня и просили заняться «нужным человеком».

Воспоминания, как все начиналось, лезут в голову каждый раз, когда после сеанса психотренинга на Беш-Кунгее больного уносят в палату, я выхожу из помещения, залитого направленным светом операционных ламп, в комнату для отдыха и слышу только что отзвучавшие, но еще продолжающие толкаться в моей голове слова:

— ...Работаем! Руки вперед! Оттяни руки! Сейчас ты делаешь самую важную работу в своей жизни. Ты навсегда забудешь о наркотиках, забудешь о любой другой гадости, которая лишала тебя лица, лишала воли, чуть было не отняла жизнь. Ты будешь радовать тех, кого любишь, своих детей, весь белый свет. Ты другим человеком возвращаешься в мир, чтобы никогда больше не потерять себя...

Глава четвертая

НАРКОПОЖАР
В ЗЛАТОГЛАВОЙ МОСКВЕ

Пациент из столичной элиты — Мажоры на «Титанике» — Мои опыты в московских домах — Таможня и нигерийцы — Почему село вступилось за «наркобаронессу» бабу Машу — Государственная Дума: закон и вокруг — Международный конгресс в Колонном зале Дома Союзов — Горбачев: «Может быть, это знак того, как в России относятся к проблеме наркомании?»

Двадцатипятилетний Сергей (назову его так), сын видного российского генерала, известного в политических кругах Москвы, попал к нам в клинику в состоянии острой героиновой интоксикации. Мать, образованная женщина, хозяйка хлебосольного московского дома, в котором за честь почитали бывать высшие военные чины, дипломаты, парламентарии, не переставала изумляться, как такое могло произойти с ее мальчиком. С другими ладно, можно понять — но ее мальчик! — умный, начитанный, музыкально одаренный, хороший спортсмен, бывал с отцом в зарубежных поездках, когда его сверстникам это не снилось, всегда в окружении друзей семьи — людей значительных, вхожих во власть. Как это могло пристать к нему?

Родители привезли сына в Бишкек, чтобы избежать скандальной огласки, опасной для репутации высокопоставленного отца. Я не раз замечал, как трудно дается семьям, встроенным в государственные или солидные производственные, банковские, коммерческие структуры, решение поместить близкого человека, страдающего наркозависимостью, в клинику по месту жительства — удерживает боязнь общественной огласки. Это особенность тоталитарного общества — опасение за карьеру отца или матери, за их общественную репутацию, если их ребенок окажется потребителем наркотических веществ. С благими намерениями отвлечь молодежь от губительного пристрастия информационные средства взяли такой беспощадный осуждающий тон, что многие из тех, на кого свалилась беда, предпочитают справляться с ней своими силами, только бы спрятать от чужих глаз. Общественное мнение в странах бывшей Восточной Европы еще не готово обсуждать проблему наркомании с пониманием и сочувствием как медицинскую — прежде всего.

Из разговоров с Сергеем я представил его историю, для большого города характерную и способную удивить только его маму.

В начале девяностых годов в Ясенево, новом районе Москвы, открылся первый техно клуб под названием «ЛСД», тогда мало кому понятным, кроме наркологов, уже повидавших юных жертв химических стимуляторов. На экстази у молодежи не хватало денег, о героине знали понаслышке. Сергей со школьными приятелями ходил на впервые тогда открытые столичные дискотеки, где собиралась молодежная богема. Эстрадные артисты, побывав за рубежом, привозили новую для молодых москвичей техно-музыку, устраивали грандиозные вечеринки. Новая музыка требовала подвижности, постоянной физической стимуляции — в ход пошли наркотики. «Без них не получалось всю ночь колбаситься», — скажет мне Сергей.

Первым наркотиком, который он втянул в ноздри, был стимулятор амфетамин («фен», «спид», «беннис», «черные красавчики»), синтетический порошок, внешне и по последствиям похожий на кокаин. Он танцевал на дискотеке с девушкой. «Слушай, а давай попробуем кислую», — предложила она. В их среде «кислой» (кислотой) называли ЛСД. В конце 1993 — начале 1994 года на дискотеках гуще прочих были молодые бандиты и бычье (так называли подручных бандитов); всегда при деньгах, они могли себе позволить кокаин и даже героин, уже появившийся на ночных московских улицах. У Сергея и его подруги тогда не хватало денег на дорогие вещества, а амфетамин и ЛСД можно было купить на дискотеке у сверстников по пятнадцать

долларов таблетка или марка — бумажная полоска с нанесенным для нюхания слоем наркотика. Нанюхавшись, продолжая танцевать, они ощущали необыкновенную легкость и красоту своих движений, как будто их отрывало от паркета, кружило надо всеми, делало самой неутомимой парой.

Сергей рассказывал о своих ощущениях, переживая на больничной койке первый опыт:

— У бармена я купил нам на двоих дозу ЛСД, надеясь, что будем танцевать еще веселее, но подруга настояла взять две дозы. Я боялся, спрашивал, как он действует, она успокоила. Родителей в те дни в городе не было. Мы приняли по дозе ЛСД-25 и поехали. В дороге нас «ударило», начались припадочки дикого смеха. Мы подолгу не могли сдвинуться с места, находились как бы в другой реальности. Когда добрались до дома, присели на тахту, у меня начались галлюцинации. Я устал от смеха, устал от всего. По мне ползли огромные грязные пауки, их сменили живые, как наяву, картины и звуки Полтавской битвы: по комнате, ломая стены с шелковыми обоями, с двух сторон неслась конница, в ушах стоял звон мечей. Кошмар полнейший! Мне хотелось пить, я не чувствовал шеи, голова летала по комнате за туловищем, и мутный сок выливался из меня, как из опрокинутого ведра. У подруги были другие видения, но чувствовала она то же самое.

Бармены клуба «ЛСД» почти не таясь продавали завсегдатаям марихуану, экстази, амфетамины. Спиртные не пользовались спросом. Алкоголики в клубы не ходили, они не переваривали новую музыку, а за счет продажи пепси-колы много не выручишь — наркотики были единственным доходным товаром. Милиция раскрыла подпольную торговлю. Клуб закрыли, зато в других районах столицы стали появляться новые, крупнее и многочисленнее, теперь милицией оберегаемые. Самыми известными стали «Пентхаус», «Аэродэнс», «Птюч». Их постоянными посетителями были бандиты, рэкетеры, сутенеры, стриптизерши, проститутки. Владельцы клубов по-прежнему распространяли наркотики — через барыг, сновавших между танцующими. В моду входили экстази; молодые люди, пока еще не связанные с криминалом, говорили о них с придыханием, как о мечте, мало кому доступной: таблетка стоила пятьдесят долларов.

В элитном доме, где жил Сергей, в каждом втором подъезде можно было купить наркотики. Эти «хаты» знали в квартале все; участковые милиционеры, осведомленные об этом, обходили их стороной, но не из трусости, а как участники сделок, имевшие свою долю за невмешательство. Московские власти спохватились, принялись чистить милицейские ряды, торговцам наркотиками приходилось сторониться новых участковых. В «хаты» пускали только знакомых или по звонкам знакомых. Изворотливее стали клубные торговцы. Они тоже предпочитали иметь дело с уже проверенными клиентами. Наркотиками и деньгами обменивались в танцующей толпе, не привлекая внимания, только соприкоснувшись руками. Залетные покупатели могли «кинуть» — взять наркотики и исчезнуть, не расплатившись.

Владельцы клубов, люди разные, от недоучки-бандита до образованного дельца, вместе с диск-жокеями бывали за границей, привозили не только новые музыкальные записи, но и наркотики для продажи. В этой сфере вращались большие деньги, их обладатели нередко ссорились из-за сфер влияния, случались кровавые разборки, кое-кто был арестован, но число ночных заведений продолжало расти.

Сергей оказался в эпицентре наркотического взрыва. Круг его новых знакомых был составной частью быстро растущего потребительского рынка, в котором крутились препараты из конопли, опиаты, психостимуляторы, барбитураты, летучие вещества... Златоглавая столица проснулась после летаргического сна и с жадностью принялась нюхать, глотать, колоться; мой пациент и его сверстники уже не возвращались под утро из дискотек, закрывавшихся с восходом солнца, а гурьбой рассаживались по собственным (или своих родителей) машинам и колонной двигались по улицам спящего города в другие клубы, поджидавшие их. Чаще всего процессии направлялись к дискотекам «Релакс» и «Остров сокровищ» в северной части района Чертаново. Шумные переезды (их называли «афтепати» — «после вечеринки») были способом реализации неутоленных желаний; экстази вызывает возбуждение в течение одиннадцати-двенадцати часов; в таком состоянии, утром еще продолжающемся, молодому человеку трудно, почти невозможно заставить себя возвращаться домой — организм требовал активных действий. Владельцы дискотек создали конвейер по развлечению молодежи с вечера до двух-трех часов следующего дня. Тем, у кого не было машин, клубы бесплатно предоставляли автобусы. По договору между клубами издержки на транспорт возмещались доходами от входной платы в новый клуб и от продажи наркотиков.

К концу 1995 года московская молодежь стала уставать от стимуляторов — уже сыта была

тусовками, ночными гулянками, оглушительными ритмами техно-музыки. По наблюдениям Сергея, тогда же на столичном рынке появился героин. Это было нечто новое и удобное — можно не ходить на дискотеку, а у себя дома одним уколом вознестись в обетованный мир. Да и после дискотеки героин незаметен: вернулся в семь утра, понюхал, тепло расплылось по телу — спи как убитый. Грамм героина стоил на рынке сто — сто шестьдесят долларов, кокаина — от ста двадцати до ста восьмидесяти. Добывая их, молодые люди становились торчками (одновременно потребителями и мелкими уличными торговцами). Для многих наркоторговля стала единственным способом заработать на дозу¹.

Еще из рассказа Сергея:

— Человек шесть моих друзей, каждый со своей девушкой, стали приезжать на подмосковную дачу моих родителей. За ночь мы съедали по тридцать таблеток экстази. Кто-то приносил, кто-то барыжничал — мы покупали; у нас были разновидности всех наркотиков. Полтора года мы тусовались каждую субботу и воскресенье. Родители долго ни о чем не догадывались. «Выпил с ребятами», — говорил я. Однажды после скандала с родителями ушел из дома, познакомился с новой девушкой. Надо было на что-то жить, мы стали продавать героин большими партиями.

— Тебе предложили? — спросил я.

— Нет, сам искал, звонил знакомым, пока не появилась возможность купить мешочек порошка на пять тысяч долларов (по цене тридцать долларов грамм). Я не бегал по улицам, не стоял в подземных переходах, а искал клиента, готового взять у меня товар целиком.

Скоро нашел покупателя, согласного платить по пятьдесят долларов за грамм. Тот расфасовывал и продавал пакетиками, получая за грамм до ста шестидесяти долларов. На вырученные от первых операций деньги я снял квартиру, сделал ремонт, купил мебель, телевизор, холодильник... Мы с моей девушкой нюхали героин, но колотья боялись. Колотья — для меня было самое страшное.

— Откуда взялись первые пять тысяч долларов? — удивился я. — Ты же нигде не работал.

— Родители особо не баловали деньгами, но на день рождения или на Новый год дарили по тысяче долларов.

Москва начала наркотизироваться позже других мировых столиц и стала быстро наверстывать упущенное время. Молодые люди перепробовали многие наркотики, способы их приема, но пока нет оснований для вывода о том, что предпочитает столица. Эффект достигается сочетанием множества факторов, в том числе индивидуальной предрасположенностью людей, чертами их характера, поведением. Нашему герою и его девушке довольно было вдыхания героина через нос, в то время как их сверстники отдают предпочтение инъекциям его водного раствора (подкожным, внутривенным, внутримышечным). Понятный и оправданный страх перед инъекциями уберег моего пациента от частых в его ситуациях передозировок, обычно вызывающих серьезные проблемы со здоровьем и нередко — раннюю смерть².

Мы с Сергеем скоро стали доверять друг другу и могли достаточно откровенно говорить на близкие нам обоим темы. Поначалу он побаивался принимать героин. Однажды на дискотеке ему шепнули, что угнали его «чероки», припаркованную во дворе. «Прими гер... Расслабляет!» — предложил приятель, но Сергей заставил себя продолжать кружиться, не прибегая к успокаивающим веществам. Выйдя под утро из дискотеки, осознав пропажу, он сел в машину приятеля и там впервые попробовал героин. «Первое впечатление было, что я плыву в теплом море...».

Покупал героин у коммерсанта, не слишком преуспевающего. К тому героин попадал от партнеров, этим товаром погашавшим свои долги. К партнерам героин приходил по Памирскому тракту, но этим исчерпывалась информация, которой владел Сергей — участник наркорынка на низшей ступени посредничества. Он не знает, по какой цепочке товар попадал в Москву, сколько на этом пути было перевалок; он выполнял единственную возложенную на него коммерсантом функцию: товар превращал в деньги.

В разговорах по телефону о наркотиках говорили условным языком. Кокаин шел под именем «кока-кола», героин — по названию какой-нибудь книги или видеофильма.

— Есть «Тихий Дон»? — обычно спрашивал Сергей.

— Один том, — отвечал коммерсант, и они условливались о встрече.

Они не были поклонниками Шолохова, но роман подходил для шифра «Тихий», то есть успокаивает; обоим понятно, о чем речь, и можно называть количество томов. Если где-то

прослушивали их разговоры, то могли удивиться тому, что среди молодежи не перевелись еще любители перечитывать классику, да еще по два-три тома в неделю.

У гашиша было кодовое название «Гашек».

— Что-то давненько я не читал Гашека, — неслось с одного конца провода.

— Есть две главы... — отвечали на другом.

«Гашек» действительно бессмертен: интерес к нему москвичей не ослабевает.

За товаром Сергей выезжал на машине с девушкой. Белокурая красавица притягивала взоры милиционеров, весело гася их служебную бдительность. Встречи с коммерсантом назначались не в центре города, а в окраинных районах — в Ясенево, Новогиреево, Орехово-Борисове, обычно в людных местах, на виду — возле «Макдональдса», у входа в ресторан или в универмаг. Коммерсант садился в машину Сергея, получал деньги и передавал обернутый целлофаном кулек. Сергей передавал кулек своей девушке, сидевшей рядом, она прятала товар в трусы.

Повышенные меры предосторожности вызывались недоверием к своим же, знакомым наркоманам, особенно к героинщикам. Если кто-то попадает в руки милиции, бывает трудно, почти невозможно держать язык за зубами. Задержанного не отпускают, пока его не скрутит мучительная ломка, невыносимая физическая боль, и за шепотку героина, которую следователи будут держать перед его носом, он назовет, у кого покупал и с кем вместе кололся. Сергей имел дело только с тремя людьми, воздерживался расширять круг — не только из соображений собственной безопасности, но еще из-за боязни бросить тень на родителей. «Я все-таки был хорошим сыном», — горько усмехается он.

Временами московская милиция проводит на торговцев героином ночные облавы: на пустынных улицах останавливают и обыскивают автомобили, а иногда подозрительных пешеходов. С «торчков», опустившихся людей, что взять, а торговцы покрупнее, имеющие при себе запас, стараются милиционеров разжалобить и откупиться.

Сергей попадался дважды.

Как-то в конце января он был на дискотеке и под утро с друзьями переезжал на новое место. Машину остановил милицейский патруль — проверка документов: искали сбежавших из следственного изолятора преступников. Четверо рослых милиционеров заставили всех выйти из машины и руки — на капот.

— Оружие, наркотики — есть?!

При досмотре машины под обшивкой заднего кожаного сидения нашли пакетик с порошком.

— Наркоманы!

По словам Сергея, милиционеры были от находки в восторге.

— Теперь вам тюрьма!

— А что вы нашли? — сказал Сергей, не оборачиваясь. — Хоть посмотрите, что в руках!

Он провоцировал их развернуть пакет. И они развернули.

— Я не знаю, что это такое, — продолжал игру Сергей.

— Не знаешь?! — Они поднесли пакет к его лицу.

И тогда он тренированной ногой легкоатлета ударил по ладони с пакетом. Порошок разлетелся в снег. «Вещественных доказательств» больше не существовало.

Патруль избил их всех; со ссадинам по всему телу, с разбитыми ртами, они едва держались на ногах.

— Шеф, — обратился Сергей к старшему, — ты все равно ничего не докажешь. Ну, привезешь нас в отделение, что дальше? Узнают родители, у них будут неприятности. Мы полетим кто откуда — с учебы, с работы. И что тебе? Мы же как употребляли, так и будем употреблять... Скажи, сколько ты зарабатываешь?

— Я нормальный честный человек, — сбавил тон капитан.

Трое сослуживцев отошли в сторонку, догадавшись, куда клонится дело. Сергей достал из кармана пачку купюр.

— Здесь четыре тысячи долларов. Пусть это будет нашим извинением за то, что все так получилось.

— Хорошо, — согласился капитан.

В другой раз Сергей отправился в район Юго-Запада, на «банановый проспект», как москвичи называют места, где темнокожие студенты Университета дружбы народов приторговывают героином. В машине были его приятель и две девушки. Парни купили у

нигерийца три грамма, уже возвращались к машине, когда перед ними возникли молодые люди в спортивных костюмах, как потом выяснилось — переодетые милиционеры. Торговец наркотиками, в свое время, очевидно, попавшийся, искупал свою вину, сдавая покупателей органам правопорядка. Таким своим осведомителям милиция дает героин на продажу для отлова уличных «торчков». Парни побежали, по пути выбросили комки порошка; их все-таки задержали и доставили в отделение милиции в наручниках. Выручила чистая случайность. Их девушки вышли из машины, какой-то африканец у них попросил прикурить; милиционеры, увидев девушек в обществе африканца, приняли их за «ночных бабочек» и посочувствовали парням, вынужденным покупать наркотики девицам сомнительного поведения. «Не надо с проститутками связываться!» — отечески посоветовал начальник отделения, годящийся им в отцы, и отпустил.

В середине девяностых годов милиция Москвы еще слабо разбиралась в наркотиках. Сергей ехал на своей машине по вечернему Тверскому бульвару, только что нанюхавшись героина. Как бывает в таких случаях, его зрачки сузились, а эту реакцию на героин уже знали милицейские патрули. Издали заметив патруль, Сергей достал из кармана пакетик с кокаином, втянул в ноздри — почти в тот самый момент, когда патруль подал ему сигнал прижаться к тротуару. Кокаин расширяет зрачки, но на это действие требовалось время, а его не оставалось. Милиционер светит фонариком в глаза Сергея: «Ну, братан, ты попал!» Минут пять Сергей с ним пререкался — этого было достаточно, чтобы на свету зрачки расширились. Милиционер не верил своим глазам. «Вы еще в нос мне загляните!» — усмехнулся Сергей. Милиционер рассмеялся: «Ты что, дурак — в нос?!»

Три-четыре года спустя от наивности московской милиции не осталось и следа; теперь это был отряд в две сотни хорошо экипированных и обученных оперативников, часто бывших спортсменов, с опытом борьбы с организованной преступностью. Наркотогровцам стало трудновато их обводить вокруг пальца. Но темпы общей наркотизации столицы значительно опережают возможности правоохранительных органов контролировать ситуацию, особенно на окраинах. Однажды Сергей приехал в район новостройки, искал по адресу знакомую девушку. Двенадцатизэтажные дома стояли без номеров и были похожи один на другого. Он притормозил машину и спросил у проходивших мимо молодых людей, где тут дом два, корпус три.

— А кого тебе надо?

— Галину.

Прохожим послышалось — героину.

— Героин вон в том подъезде и в том, — показали они. — Восьмой этаж, седьмой, третий...

Словно голодный человек, давно не видевший хлеба, с жадностью набрасывается на возникшие перед ним яства, так молодые жители Москвы, следуя охватившей их поколение моде, после долгого воздержания принялись торопливо и неразборчиво употреблять наркотические вещества. С некоторых пор у нас в Центре перестали удивляться тому, что почти девяносто процентов наших больных — из России, больше всего — из Москвы. Это я не к тому, чтобы бросить тень на российскую систему лечения наркоманий (в Москве, Санкт-Петербурге, других городах есть сильные наркологические школы), а только к представлениям о масштабах эпидемии, с которой не может справиться ни одна страна³.

Полгода спустя, оказавшись в Москве, я встретился с бывшим пациентом. Сергей выглядел хорошо, с наркотиками, по его словам, «завязал окончательно», но пока нигде не работал, гонял по городу на новом импортном автомобиле — это был подарок отца в качестве компенсации за воздержание. Меня всегда беспокоит ситуация, когда пролеченный у нас пациент возвращается в прежний круг, к старым товарищам, среди которых продолжают оставаться люди, зависимые от наркотиков или связанные с торговлей ими, и я не скрывает опасений. Сергей рассмеялся — после бишкекских атропиновых сеансов, очищающих саун, психотренинга он, говорит, не испытывает к наркотикам никакой тяги.

— Хотите убедиться? Поедем ночью в «Титаник».

Это самая крутая дискотека Москвы.

Мне любопытно было увидеть приятелей Сергея, мало знакомый мне круг элитарной московской молодежи. Был двенадцатый час ночи, когда к дискотеке начали подъезжать автомобили. Молодые парни и девушки весело здоровались. Создавалось впечатление, что все они хорошо знакомы и расстались лишь недавно.

Мимо рослых охранников, стоявших вдоль стен, сносали с подносами юные официантки в коротких юбочках и в блузках-матросках. На фоне круглых окон в виде корабельных

иллюминаторов, завсегдаги клуба выглядели пассажирами корабля; под ритмы рейва, заряжающей энергетической музыки они кружились, изгибались, дергались с таким неистовством и так обреченно, словно знали об айсберге и были готовы тонуть. Некоторые «пассажиры» находились под наркотическим опьянением, но сколько я ни всматривался в стойку бара, в полутемные углы, в кучкующихся людей, освещаемых бешено крутящимися цветными лучами прожекторов, даже намек на торговые сделки не заметил. Скорее всего, они принимают экстази перед тем, как покинуть лимузины.

— Здесь большинство — мажоры! — говорил Сергей, стоя рядом со мной на антресолях, на второй палубе, указывая на танцующую толпу внизу, и мне приходилось переспрашивать, чтобы понять молодежный сленг. «Мажоры», оказывается, дети богатых родителей. Здесь были также рэкетеры московских окраин, «быки» (мелкие бандиты, обирающие пьяных у пивных ларьков), девушки неопределенных занятий (может быть, маникюрши дамских салонов). Некоторых я бы принял за студентов из Бурятии или из Тувы.

— Эти пришли на халяву, по флаерам, — вновь поражал меня своими «знаниями» Сергей.

«Флаеры» — бесплатные пригласительные, их раздают в модных магазинах, ателье, казино для рекламы клуба.

Мы прошли в другой зал с баром и бильярдом. За пустым столиком за бутылочкой кока-колы одиноко сидел круглолицый молодой человек в глухом свитере, не похожий на беснующихся гостей.

— Наш диджей! — представил Сергей приятеля.

Диджей, или диск-жокей, как раньше называли составителей музыкальных программ, был кумиром юных москвичей, живущих на прилегающих улицах. Он стал рассуждать о трагичности ситуации, когда не приученные к выбору молодые люди не могут воспользоваться свободой. Свое предназначение видит не в том, чтобы «тупо свести две пластинки, чтобы они играли», а «навязывать людям свое понимание музыки», «быть для своих сверстников гуру...». Ему хочется «помочь людям раскрыться, самим определить, что им нравится, и получать радость»⁴.

Когда мы вышли из «Титаника», на углу ночной улицы стояли подростки, передавая друг другу и вдыхая пары клея «Момент». Не имеющие денег на тюбики нюхают клей для обуви, для дерева, для велосипедных шин; однажды я встретил школьников, вдыхавших через носовой платок летучие вещества из банки с фабричным пятновыводителем. Побаловавшись с ними, подумал я, не удовлетворяясь короткой продолжительностью их действия, юнцы перейдут к наркотикам, вызывающим зависимость. Если они из состоятельных семей, как Сергей, станут завсегдагатами «Титаника». А если нет — их дорога в криминальный мир предопределена.

Для меня Москва — город первых сбывшихся надежд.

В годы моих поисков в числе немногих людей, проявлявших интерес к новому методу лечения, были молодые фрунзенские журналисты. Им любопытно было наблюдать процесс «супер-стресс-шока», как они называли мой метод, фотографировать необычные позы пациентов, со страстью писать о сеансах и обо мне, их ровеснике. Ребята с бойкими перьями страдали от дефицита будоражащих событий и с преувеличенной радостью воспринимали любую информацию, из которой бы следовало, что землякам есть чем гордиться. Они питали слабость к пафосным словам вроде «кудесник», «доктор Жизнь» и тому подобное, им нравилось обыгрывать мое имя Жениш, что в переводе с кыргызского значит Победитель, но я не был слишком строг к словесным шалостям, уважая их молодой задор.

Издредка я захаживал к ним в редакции, где в табачном дыму, среди заваленных бумагами столов, под стук пишущих машинок обсуждались новости. Мне этот мир казался островком, где все друг друга понимают и любят. Настало время горбачевской «перестройки», когда общественная атмосфера становилась свежее, демократичнее. В одной из редакционных комнат меня познакомили с Павлом Романюком, представлявшим в республике «Комсомольскую правду». Ему тоже был интересен мой метод лечения. Я тогда и представить не мог, что будут значить для моей судьбы восемьдесят строк в московской газете.

Надо было как-то жить, содержать семью. Частная практика тогда еще не признавалась властями, казалась чуждой социалистическому обществу, за нее преследовали. Но меня это уже не могло остановить; люди находили меня, просили о помощи и, как тогда говорилось, «благодарили» — кто приносил деньги, кто продукты, кто какие-то вещи. В ту пору платной медицины не существовало, заработная плата врачей даже самой высокой квалификации была

невелика, и подарки больных, вручаемые тайно и с опаской, с риском для репутации врача, являлись распространенной формой компенсации унижительного положения, в которое были поставлены медики. Для меня подарки имели и другой смысл — если больные благодарят, стало быть, я как врач чего-то стою.

Однажды я получил письмо от знакомой москвички. Есть, писала она, два алкоголика, люди известные, занимающие солидные посты, они опасаются лечиться у столичных врачей, не хотят огласки — в большом городе никогда не знаешь, кто с кем связан. Мне было все равно, кто они; я решился на поездку только из-за бедственного положения, в котором тогда была моя семья. Меня мучила мысль о том, что я, младший научный сотрудник, не могу кормить сына так, как требует растущий организм, и не в состоянии одевать жену, чтобы ей не стыдно было перед подругами, вышедшими замуж за более удачливых, состоятельных мужчин. Роза достаточно умна и деликатна, чтобы заводить об этом разговор, но я сам страдал от невозможности достойно обеспечивать любимую женщину.

А предыстория такова.

В первый раз я побывал в Москве, работая в научно-исследовательской лаборатории Киргизского медицинского института. Меня командировали для знакомства с новой литературой по психотерапии в фондах Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Я жил в столичном общежитии с аспирантами.

— Слушай, почему бы тебе здесь не подзаработать? — предложил мне белорусский медик-аспирант. В свободные от библиотеки часы он лечил московских курильщиков, делал это по-своему, с применением игл. Когда вышел срок разрешенного мне проживания в общежитии, он представил меня коренной москвичке, симпатичной женщине, жившей с дочерью и сыном в центре столицы и имевшей другую, в тот момент пустующую однокомнатную квартиру в районе новостройки в Кузьминках. Нина Ивановна — так ее звали — и ее семья собирались эмигрировать в США. Я тогда впервые столкнулся с людьми, которые открыто выражали несогласие с режимом. Когда я рассказал Нине Ивановне о лечебных сеансах с алкоголиками, она встрепенулась:

— Мой знакомый дипломат... ну, сам понимаешь! Можешь провести лечение у него на квартире?

Так я попал в дом видного советского дипломата, которого можно было видеть в кинохронике в свите министра иностранных дел Андрея Громыко. До той поры я никогда не бывал в домах советской элиты и с трепетом рассматривал на стенах живописные полотна известных мастеров. Не подозревал, что такие ценности могут храниться в частных коллекциях московских чиновников. Хозяин квартиры заваривал в китайском чайнике с лепными драконами жасминовый чай, разливал в синие фарфоровые чашечки. Ему не стоило пить крепкий чай, но он с таким радушием принимал гостя, что у меня не хватило духу настоять на своем, и я потом долго терзал себя мыслью о том, что никогда не стану хорошим врачом, если деликатность будет брать верх над профессией. Мой метод лечения тогда был еще топорным, но рациональное зерно, в нем содержавшееся, начинало прорастать. Я провел с дипломатом лечебный сеанс, но результат был такой же, как с братом Сталбеком: все слушал, исполнял, а на вопрос, что чувствует, отвечал удивленно: «Ничего...» Но все-таки появились симптомы, которые должны были появиться. Это был мой первый лечебный опыт в Москве. Дипломат отсчитал мне гонорар — двести пятьдесят рублей. По тем временам это была немалая сумма. Авиабилет из Москвы во Фрунзе и обратно стоил вдвое меньше. Я казался себе страшно богатым. Мое настроение стало еще лучше, когда три месяца спустя пациент сообщил, что никакие официальные приемы теперь не могут его заставить выпить.

«Дипломат держится!» — писала мне Нина Ивановна. От нее-то и пришло во Фрунзе сообщение о двух новых потенциальных пациентах, ожидающих меня в Москве. Я стал летать в столицу раз или два в полгода, гонораров на полеты хватало, более того, появилась возможность привозить домой подарки сыну и жене. Я не строил иллюзий, понимая, что интерес ко мне вызван не только результатами моих сеансов. В элитных московских домах входили в моду общения с бурятскими целителями, якутскими шаманами, тувинскими знахарями. Их таинственно передавали из семьи в семью, из рук в руки, как экзотический сосуд, из которого можно черпать здоровье. И хотя среди наводнявших город гостей с азиатской наружностью было немало проходимцев, ожидание чуда было столь велико, что больные часто на самом деле испытывали то, чего ждали.

Долго я буду помнить солнечный день 20 января 1989 года. Кто-то из знакомых москвичей встретил меня возгласом: «Жениш, ты видел «Комсомолку»? Там про тебя!». Я бросился к

газетному киоску на Пушкинской площади. С волнением раскрыл свежий номер «Комсомольской правды». Крупный заголовок: «Змиелов. Так в шутку называют врача, который излечит многих». Газета, видимо, имела в виду принятое на Руси название водки — «зеленый змей». Но образ врача, как ловца змия, был трудноват для восприятия. Мне всегда казалось, что ловец змия тот, кто пьет водку, а не кто лечит ловца. Зная меня, увидев газетный заголовок и не успев прочитать, допытывались, каких именно змей и в каких пустынях я ловлю, применяю ли для отлова рогатины, могу ли заставить этих гадов танцевать под флейту. Позвонили из телестудии — дают прямой эфир, но чтобы я прихватил с собой удава или кобру. Мои попытки отвести незаслуженную славу воспринимались как скромность героя. Через пару недель из Бишкека позвонили друзья:

— Жениш, где ты шляешься! Тут такое происходит! Письма со всех концов! Больные едут из Калининграда, из Сочи, из Тынды. Из самой Москвы! Уже сорок человек! Тебя разыскивают по всему городу. Скорее прилетай!

Что говорить, я мечтал об известности, но когда она пришла, психологически я не был к этому готов. В Бишкеке началась нервная работа: прием множества людей, в том числе крупных чиновников, о встрече с которыми неделю назад я помыслить не мог, а теперь они величали по имени-отчеству и записывались в очередь. Одни хотели сами пройти курс лечения, другие — пристроить близкого человека. Я себя не щадил. От перенапряжения у меня ослабла иммунная система, к тому же я сильно простыл, до критических отметок поднялась температура. Меня увезли в больницу, в отделение реанимации.

Десять лет спустя Сергей водил меня по Москве, но уже не по алкогольным адресам, а по хорошо ему известным наркотическим. Меня не покидало чувство, что я попал в город на незнакомом материке — так много здесь стало нового, неожиданного, часто несовместимого. Отели ведущих мировых компаний, рядом «магазины интимных товаров», храм Христа Спасителя, в двух шагах развалы эротических газет и журналов, в переулках стриптиз-бары с африканскими и азиатскими танцовщицами, отреставрированные русские усадьбы восемнадцатого — девятнадцатого веков, ночные клубы для гостей с нестандартной ориентацией, и везде юные торговцы наркотиками... Распространенные еще недавно марихуану и маковую соломку вытесняют опий, кокаин, героин, амфетамины. Изменения в структуре наркотических средств на подпольном рынке указывают на возросшую активность наркоперевозчиков⁵.

А у меня из головы не выходил рассказ начальника погранзаставы на Памире о том, как он видел в Москве, в аэропорту Домодедово, вблизи поста таможенного контроля, передачу из рук в руки чемоданчика, скорее всего — с наркотиками. При суровости российских карательных законов мне казалась вызывающей дерзость наркоперевозчиков. Они как будто уверены в безнаказанности! Выбрав время, я поехал в Домодедово, куда приземляются самолеты, следующие рейсом с Востока. В зале ожидания я следил за прибытием самолетов из Душанбе, Бишкека, Ташкента, Алма-Аты, присматривался к пассажирским потокам, но ничего подозрительного не заметил. Шли деловые люди приятной наружности, команды спортсменов, женщины с малыми детьми, мужчины с ящиками фруктов и корзинами укропа, петрушки, кинзы... В тот день в одной из коробок с зеленью таможенники нашли шесть килограммов героина.

— Это просто везение! — говорил мне потом генерал Вячеслав Ивин, начальник аэропортовой таможни. Перевозчики, оказывается, прячут наркотики в синтетические («радиопрозрачные») упаковки, которые при просвечивании не вызывают подозрений; помогают собаки-детекторы, реагирующие на запах. Но сильнопахнущие продукты (зелень, кофе) отбивают запахи спрятанных веществ⁶.

Таможенники приучили себя обращаться с задержанными перевозчиками без лишних эмоций, не вкладывая в разговоры ничего, кроме сухих протокольных вопросов, но бывает, не выдерживают даже их крепкие нервы.

Перед генералом обросший худощавый человек, судя по выражению затравленных глаз, вряд ли способный прикидываться. Принимая сотрудников таможни за следователей милиции или прокуратуры, умоляет выслушать. Некие люди где-то в Средней Азии увезли жену и троих детей в неизвестном направлении, обещав вернуть, если он полетит за их счет в Москву и обратно. Заставили пять суток голодать, потом глотать какие-то капсулы, как виноградины «дамские пальчики», напоминая, что, если не явится в назначенный час по указанному адресу, жену изнасилуют солдаты и зарежут на глазах у детей.

В капсулах оказался героин.

Очень трудно, практически невозможно обнаружить эти маленькие контейнеры с наркотиками, накануне вылета проглоченные и находящиеся в желудке. Иногда их бывает десять, тридцать, пятьдесят — до семидесяти капсул. Не станешь, в самом деле, всех подряд просвечивать рентгеном. Временами контейнеры в желудке разрываются, перевозчика корежит и ломает, экипаж связывается с диспетчером аэропорта, просит подать к трапу «скорую помощь». Иногда из самолета выносят уже труп.

— Думаете, история с женой и детьми — легенда? — спрашиваю генерала.

— А если нет...

Профессиональных контрабандистов, перевозящих наркотики в желудке, готовят не один год, иногда с детства, постоянно заставляя проглатывать пластиковые капсулы с двадцатью граммами порошка, с каждым разом во все больших количествах, расширяя пищевод до заданных размеров. Обычно — до способности вместить больше полусотни капсул. Но у бедолаг, умоляющих таможенников выслушать их, капсул много меньше, и это основание верить, что они оказались перевозчиками поневоле.

В 1998 году таможенники России пресекли более двух тысяч попыток контрабанды наркотиков общим объемом сорок три миллиона доз — хватило бы на каждого четвертого жителя страны, включая грудных детей и стариков. Мы бы увидели эти расфасованные по пакетам вещества у переминающихся с ноги на ногу на вечерних московских улицах молодых людей, по большей части выходцев из Таджикистана, Казахстана, Азербайджана, Грузии. Распространение наркотиков по провинциальным городам взяли на себя цыгане, шумными таборами кочующие по стране.

Но если перевозки наркотиков возрастают, переваливают через границы в разных точках, подчас неожиданных, можно предположить, что существует или близка к завершению структура («мафия»), объединяющая выращивание наркотических веществ, их переработку, перевозки на близкие и дальние расстояния, распространение в масштабах, сопоставимых с объемами национального валового продукта⁷.

По подсчетам, в мире каждый год выявляется свыше пяти сотен тайных взлетно-посадочных полос и вертолетных площадок, принадлежащих наркогруппировкам. Авиация транснациональных наркосиндикатов осуществляет до трехсот ежедневных перелетов с наркотиками на борту. Вынашивается идея приграничной переброски наркотиков с помощью ракет класса «земля — земля», причем стоимость перемещаемых таким образом наркотических веществ окупает затраты на приобретение и эксплуатацию ракетных комплексов⁸.

— Так кто же их прикрывает? — передаю генералу Ивину вопрос, который мне задавали памирские пограничники. Начальник домодедовской таможни много лет в этой системе, разного насмотрелся. Он ничего не сказал, только вздохнул и с улыбкой, какая бывает ответом человеку, способному понимать очевидности, вскинул глаза к потолку. Впрочем, это мгновение мне могло показаться.

В московском международном аэропорту «Шереметьево-2», куда приземляются самолеты со всех континентов, таможня держит оборону от мирового наркобизнеса. Через этот коридор везут наркотики из дальнего зарубежья. В ход идут все известные способы контрабанды, включая провоз капсул-контейнеров в роскошных прическах африканских женщин. Молодые, с открытой белозубой улыбкой, они никак не похожи на сложившийся в представлении образ контрабандиста. Но, устояв перед обольстительной улыбкой и потребовав раскрыть рот пошире, приглашенный таможенниками врач обнаруживает в дуплах под пломбами красивых, ослепительных зубов щепотки порошка.

В Москве наркотиками торгуют афганцы, вьетнамцы, китайцы, но колоритнее других на столичных улицах, особенно в снегопад, смотрятся пританцовывающие на холоде в завязанных у подбородка русских треухах африканцы. Иностранцы граждане африканского происхождения слывут в Москве удачливыми и, если этот термин может быть в нашем случае применен, честными продавцами. Покупая у них вещество, можно быть уверенными, по крайней мере, в его чистоте. Их товар свободен от примесей, которые часто добавляют другие торговцы. Африканцы попадают в российскую столицу разными путями. Одни учатся в московских вузах (более всего в Университете дружбы народов), другие прибыли по делам бизнеса, третьи женились на россиянках. Большинство участников подпольного наркорынка — нигерийцы, некоторые с поддельными ганскими, кенийскими, другими паспортами; находчивые выдают себя за «беженцев».

Со временем, оказавшись в Лагосе, я спрошу российского консула, как удастся нигерийцам-наркоторговцам получать въездные визы. И услышу горький встречный вопрос, легко ли распознать в проходящих вереницей молодых нигерийцах, желающих учиться в России, иметь с ней финансовые, банковские, торговые дела, — пройдох, собирающихся в окраинных районах Москвы снимать квартиры, оборудованные мобильной и пейджинговой связью, и с соблюдением мер безопасности передавать наркотики уличным дилерам, не обязательно одного с ними цвета кожи.

— Неужели вы не знаете, что на самом деле происходит? — спрошу я российских дипломатов в Лагосе.

— Даже когда придет мысль, не он ли предложит дозу моим детям в Москве, если документы в порядке, мне остается только пожелать ему счастливого пути, — услышу в ответ.

К середине 1994 года нигерийцы вытеснили из наркотических рынков на Юго-Западе столицы конкурентов (афганцев, сирийцев, ливанцев), устояли перед натиском «солнцевской группировки», претендента на полный контроль над подпольным бизнесом в Москве. Хотя милиции удастся некоторых из нигерийцев (попавшихся и ожидающих тюрьмы) сделать своими агентами и с их помощью вылавливать несмышленных московских покупателей, большинство участников нигерийских преступных групп в случае провала отбывают срок в колонии на российском Севере.

Много шума наделала история задержания нигерийца Пауля Фелекса Имитчера, отпрыска знатного рода, тридцатилетнего боксера, который при аресте в доме на улице Дежнева, не даваясь оперативникам, разорвал две пары стальных наручников. Его с напарником брали в момент, когда они передавали покупателям партию героина. В мордовских колониях больше сотни нигерийцев. В трескучие морозы, топая в ботинках из свиной кожи на заснеженном плацу, потирая уши под ушанками, они, возможно, вспоминают жаркую родину, но маловероятно их раскаяние. Их поведение лучше понимаешь, побывав в их бедной стране, где доведенные до отчаяния их ровесники, объединенные в группы, нападают на дома белого населения, угоняют автомобили, подделывают финансовые документы, получая большие деньги из иностранных банков. Но поездка в Нигерию была впереди.

Под Волгоградом судили семидесятилетнюю Марию Беличиху из села Кислово, бабу Машу, как ее называли односельчане, одинокую пенсионерку, отважившуюся на своем огороде выращивать на продажу мак и коноплю. Бабка не сама додумалась. В селе появились молодые люди из южных районов, уговорили старуху взяться за дело, пообещав в качестве платы принести черно-белый телевизор и кое-какую обувь. Ботинки бабы Маши совсем развалились. Могла ли устоять перед соблазном старуха, тем более что в районе месяцами задерживают выплату пенсии? Возможно, остаток жизни баба Маша провела бы в колонии среди воровок и содержательниц притонов, когда бы за нее не вступилось все село. «Если не можете справиться с преступниками, нечего отыгрываться на бабе Маше!» — сказали односельчане властям. Суд назначил кисловской «наркобаронессе» условное наказание и добился, чтобы пенсию ей выплачивали вовремя⁹.

В России возник разрыв между общенародным ощущением проблемы как угрозы национальной безопасности и фарисейством властей, для которых наркобизнес и наркомания не более чем новое поле для политических игр. Просматривая российские газеты, переключая каналы телевидения, не без растерянности обнаруживаешь, как трудно дается должностным лицам осознание масштабов надвигающейся беды. Еще недавно, в середине восьмидесятых годов, в городах, где были медицинские институты, начальство обзванивало больницы, пытаясь найти хотя бы одного «живого наркомана» для демонстрации студентам в рамках учебной программы. Через десять — пятнадцать лет на пространстве от Бреста до Владивостока возникли трудности другого свойства — невозможность принять на излечение наркозависимых, даже стоящих на учете. Продолжающиеся в экономике перепады, социальные катаклизмы, неуверенность людей в завтрашнем дне будут их число увеличивать. Обозначилась и приближается черта, за которой неизбежен распад общества.

Перечитывая в московской гостинице вызвавший жаркие споры федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», я подумал, что было бы о чем поговорить с профессором Николаем Герасименко, председателем Комитета по охране здоровья Государственной Думы России, ведущим автором закона. Документ впервые обозначил правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотиков, в том числе незаконного, и

противодействия ему для охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности. Два-три положения показались мне спорными. В приемную председателя я позвонил без особой надежды на встречу, но, к моему удивлению, мне без проволочек назвали время, когда я могу быть принят.

В здании Государственной Думы на Охотном ряду меня встретил помощник председателя. В приемной стоял телевизор с огромным экраном; шла непрерывная трансляция заседания парламента, проходившего этажом ниже. О главном законодателе в области медицины я кое-что знал. Хирург с Алтая, организатор ассоциации «Здравоохранение Сибири», имеющей целью сберечь в экстремальной среде сибиряков, в том числе аборигенов. Мне он представлялся чуть косноязычным, немногословным, в суждениях основательным — такими были знакомые мне коренные сибиряки.

Первое, что я увидел, был седоватый чубчик и усталые глаза. Хозяин кабинета, лет пятидесяти, пригласив в кресло, заговорил сразу. Работа над законом началась в пору, когда наркобизнес набирал силу. Сюда стал перемещаться центр международных наркоперевозок, нарастало нелегальное домашнее производство синтетических наркотиков, в том числе экстази, для экспорта. Преступные наркогруппировки из бывшего СССР вошли в тройку самых влиятельных в Европе наркоструктур. В этой обстановке регламентация оборота наркотических средств, имея силу закона, была бы подобна взрыву. Пришли в движение противоборствующие политические силы. Четыре года законопроект ходил по этажам Государственной Думы, Совета Федерации, правительства, Администрации президента. И везде документ изменяли, дополняли, согласовывали — сколько можно, оттягивали принятие. В уме держали не столько здравый смысл, как интересы политиков, финансистов, предпринимателей, на которых опирается каждая ветвь власти.

Принятая перед этим целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту на 1995 — 1997 гг.» была провалена. Не удалось осуществить ни одно из намеченных действий. Но закон был опаснее программы, в нем имелось много такого, за что стоило ломать копыя.

— Что было! — смеется Герасименко. — За запрет потребления наркотиков без назначения врача нас обвиняли в покушении на права человека, в попытках «подвергнуть геноциду новое поколение россиян», в стремлении «концептуально обосновать происходящие в стране наркорепрессии». Если, возражали нам, человек объелся белены, выпрыгнул из окна, залез в петлю — это можно законом запретить? Можно лишить человека права распоряжаться собственной жизнью, даже если поведение человека представляет для его жизни опасность? И за нарушение преследовать? В таком случае, продолжали оппоненты, можно пойти дальше и привлекать к ответственности альпинистов, канатоходцев, работающих под куполом цирка артистов, подвергающих свою жизнь опасности.

— Сторонники закона отвечали на том же уровне: ты залез в петлю — твой выбор, конечно, печален для общества, но касается твоей судьбы, твоих близких. Наркоман же вовлекает в потребление наркотиков десять — пятнадцать человек, и это может угрожать — уже угрожает! — безопасности государства.

Протест «правозащитников» вызвала статья закона, допускающая принудительное медицинское освидетельствование человека, если есть основания считать его больным наркоманией, находящимся в состоянии наркотического опьянения, употребившим наркотик без назначения врача. Оппоненты проводили аналогию с недавними временами, когда инакомыслящих и борцов с режимом насильно помещали в психиатрические больницы. Это что же, возврат к прошлому?

У парламентариев свои аргументы: опасно, если самолет ведет пьяный, — а если наркоман? Наркомания успела заразить военные округа, в том числе отдельных военнослужащих на ракетных установках; есть случаи пристрастия к наркотикам офицеров Федеральной службы безопасности. До двухсот килограммов наркотиков каждый год тайно передают в места лишения свободы — как же быть?

— Направить на медицинское освидетельствование можно только решением прокурора, следователя, органа дознания; само такое решение может быть обжаловано в суде или опротестовано прокурором. Чего встрепнулись? — спрашивает Герасименко и сам себе отвечает: — В России сформировалось «нарколобби», оно давит на парламентариев, чтобы не допускать ужесточения борьбы с наркоманией. Работая над законом, мы это ощущали постоянно. Когда закон был принят наконец, вы думаете, они успокоились? Нет, продолжают мне доказывать:

«Наркоманы тоже люди!».

Меня, когда я перечитывал документ, смущало другое, и я не преминул сказать об этом. Закон разрешает лечение больных наркоманией только в учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения. Как президент негосударственного наркологического Центра или, скорее, как практикующий врач, я напомнил о картине, знакомой собеседнику: российские государственные клиники для наркоманов, часто обшарпанные, давно не знавшие ремонта, переполнены, кое-где больных размещают в коридорах. Врачи задержаны — у каждого два-три десятка пациентов, часто скандальных; медиков уже впору самих лечить. Зная это, вы посоветуете близкому вам человеку обращаться только в государственную клинику, никуда больше? Не разумней ли создать систему, при которой органы здравоохранения проводили бы аттестацию медиков-наркологов, желающих работать в акционерных или частных клиниках, и после знакомства с уровнем их подготовки, с методами лечения давали бы лицензии? И еще: из-за низкой оплаты труда в государственных лечебных учреждениях России именно туда, в негосударственные, сегодня потянулись знающие себе цену опытные врачи.

Я ожидал возражения. Смысл ограничений, мог сказать Герасименко, в попытке унять наблюдаемый в стране разгул медицинского шарлатанства, несущихся отовсюду обещаний «вылечить наркоманию за один приезд», когда обезумевшие от горя родители наркомана отдают судьбу ребенка в руки дельцов. Для противодействия обману, сказал бы собеседник, мы не нашли пока способа лучше, чем позволить лечить наркозависимых больных только в государственных и муниципальных клиниках. И я приготовился удивиться: как можно из-за отдельных недобросовестных медиков ставить под сомнение репутацию знающих, опытных врачей, работающих вне государственных структур и демонстрирующих результаты, превосходящие уровень государственных наркологических служб.

Мне хотелось рассказать, как бишкекские врачи, среди них доктора и кандидаты наук, в нашей и в других негосударственных клиниках, часто забыв о собственной семье, проводят дни и ночи с больными; как в часы сна или полусна перед ними чья-то программа лечения, вспоминаются детали разговора с пациентом, лезут в голову варианты, что предпринять завтра, чтобы вывести больного из депрессии и не допустить, чтобы сдали нервы у сопровождающей его матери. Круглые сутки в клинике дежурят опытные врачи и медсестры, фиксируют малейшие нюансы состояния больных, они могут по системе спутниковой (мобильной) связи разыскать меня в любой момент, где бы я ни находился. Кажется, учтено все до мелочей, но ты в напряжении всегда, только перед пациентом спокоен и выдержан, только твои домашние знают, чего тебе это стоит.

Озвучивать свои мысли я не посмел. На меня смотрели глаза умного человека и опытного хирурга, ему не надо объяснять то, что он знает не хуже меня. Но ему известно, видимо, еще такое, что недоступно человеку со стороны, — представление о масштабах корысти, невежества, обмана, разлагающих российскую медицинскую среду, как все другие части общества в наши странные времена. Закон, даже самый жесткий, он знает, не может изменить общественную мораль. Но хотя бы попытаться, читал я в его глазах, пусть на ощупь, неумело, едва-едва...

Мы помолчали.

— Знаете, что поддерживает мой оптимизм?

— Что же? — спросил я.

— Социологи изучали пределы терпимости россиян к разным факторам беспокойства. Людей спрашивали, что в нашей жизни у них вызывает наибольшее неприятие. На первом месте оказался фашизм, на втором мафии, на третьем, как вы думаете, что?.. Правильно — наркомания!

Понятие «политическая наркомания» я впервые услышал в Москве из уст профессора А.И. Белкина, руководителя Русского психоаналитического общества, создателя психологических портретов российских политиков новейшего времени (Горбачева, Ельцина, Примакова, Лужкова, Жириновского и др.). Если проанализировать мотивы, которыми руководствуются иные из них, постоянно выставляя свои кандидатуры на тех или иных выборах, если присмотреться, как цепко держатся за власть, однажды получив ее и ни за что не желая с нею расставаться, даже в ущерб своей репутации, даже во вред здоровью, можно безо всяких натяжек отнести эту страсть к психическому заболеванию, близкому к наркотической зависимости.

Оставим в стороне медицинское употребление наркотиков. Во всех других случаях люди прибегают к ним не из нужды, а только из жажды даваемых ими новых, часто приятных, иногда

острых ощущений. К ним организм привыкает, без них не может обходиться, их поиск становится содержанием жизни. При вынужденном воздержании, даже сокращении дозы, пусть на очень короткое время, зависимый от наркотических веществ человек испытывает невероятное смятение и физическую боль, то есть состояние абстиненции. Я это наблюдал, присматриваясь к одному российскому политику, случайно попавшему из провинции на высокий государственный пост. Всегда в свите высшего руководства страны, он чувствовал себя фигурой значительной, окруженной почитанием, способным держать удар, и испытывал блаженство. Казалось бы, что еще нужно? Между тем действие одних и тех же доз власти ослабевало. Уменьшалась чувствительность центральной нервной системы к эффекту, производимому «наркотиком». Наступила, как сказали бы медики, функциональная толерантность. Для ощущения того же блаженства требовалось постоянно увеличивать дозы всеобщего внимания, публичности, новых почестей, которые могло дать только восхождение на следующую ступень иерархической лестницы. Увы, потенциала для подъема к манящим вершинам у него не было.

Когда по мировому закону о разбитом корыте он остался не у дел, его состояние могло бы служить хрестоматийным примером острейшего синдрома отмены наркотика. Он впал в глубокую депрессию, его преследовали страхи, он переживал вспышки невероятной жажды прежнего социального статуса. Страдал страшно и пошел бы на любое преступление, если бы оно сулило дозу утраченной власти и с нею ощущение однажды испытанного блаженства. Видя крушение карьеры чиновника, который был на виду, даже казался незаменимым, мы склонны судить о личности в контексте глобальных политических процессов. Мы стараемся угадать новый вектор развития, касающийся всех нас. На самом деле судьба вознесенного наверх человека, независимо от того, долго ли он держался на высоте или быстро рухнул, часто связана не с переменной политической розы ветров, а с индивидуальными свойствами индивидуума, которые становятся очевидными при ее внезапном и стремительном вознесении.

Я лечу опийных наркоманов.

Что делать с политическими — не знаю.

Июньским утром 1999 года иду по Охотному ряду к Колонному залу Дома Союзов на Международный конгресс антинаркотических сил. Я принял приглашение не столько для рассказа о бишкекском опыте, сколько из желания услышать, наконец, из уст первых лиц России позицию по проблеме наркомании как угрозы здоровью народа, стабильности страны, национальной безопасности.

Сколько ни вглядываешься в лица людей, занимающих места в президиуме конгресса — никого из российского руководства, только чиновники средней руки. Не мне одному пришла в голову горькая мысль. Но сказать об этом с трибуны решился только один человек.

— Я вчера смотрел по телевидению, сколько представителей высшей власти было на конференции, посвященной печати. Там начальство толпой ходило: ну как же — впереди выборы, надо мелькать... А тут их не густо. Может быть, это знак того, как в России относятся к проблеме наркомании?

Это выступал Михаил Горбачев.

Никогда раньше я не видел бывшего президента СССР так близко. На трибуне стоял усталый человек, хорошо понимающий, что происходит вокруг, и бессильный изменить ход вещей. Мысль его была проста и понятна. В условиях трансформации России, перегруженной множеством проблем, охваченной глубоким кризисом, надо решать основную задачу, он назвал ее по-солженицынски сверхзадачей — сбережение народа российского. Силы его без того подорваны трагическими событиями XX века. Массовая наркотизация грозит национальной катастрофой.

Я с уважением думаю об этом человеке, моем первом президенте, и не перестаю поражаться политической воле, проявленной им в два года (1985 — 1987) антиалкогольной кампании, вошедшей в новейшую российскую историю под его именем. Конечно, зря тогда вырубали отличные виноградники, но какой же убежденностью надо было обладать, чтобы почти в одиночку восстать против алкоголизма в исконно пьющей России. В стране, где верховная власть, начиная с Ивана Грозного, двести лет расчетливо спаивала народ для предотвращения смуты и пополнения казны. Бунт против вековой национальной традиции принес плоды, до сих пор не осмысленные, не оцененные: в результате горбачевской кампании его современники стали чуть дольше жить. Продолжительность жизни мужчин возросла на три года, женщин — на два года. Как знать, был бы продолжен его курс, Россия по числу долгожителей могла бы вырваться далеко вперед.

И, кто знает, будь кампания доведена до наших дней, сумел бы непьющую Россию утюжить с такой силой наркотический каток, не встречая препятствий, подминая под себя первым делом детей и подростков. Наркомания пришла в школы, в университеты, в кузницы управленцев завтрашнего государства. Правнуки русского мужика, который изумлял мир умением подковать блоху, создают химические формулы новых наркотиков и конструируют машины, выпускающие наркотики в таблетках. За пару месяцев до начала работы конгресса в Москве арестовали студентов, зарабатывавших на жизнь подпольным производством синтетических наркотиков (метадона, амфетаминов) и наркотиков, до той поры неизвестных, ими изобретенных. Подпольную лабораторию левши XXI века оборудовали в автофургоне, который носился по оживленным улицам столицы, не привлекая внимания. Россия стала одной из немногих, а может быть, единственной сегодня страной, которая выступает на мировом рынке наркотиков одновременно как производитель, как потребитель, как транзитный коридор, и во всем — с обычным размахом.

Глава пятая

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ НА КАНАЛАХ АМСТЕРДАМА

Кофе-шопы: возмутители спокойствия в Европе — Что за мифом о легализации наркотиков — Музей марихуаны на Ахтербургвал — Заанстрик учил Петра Первого поднимать конопляные паруса — Джеймс Бартон до тюрьмы и после — Что курят красотки в квартале «Красных фонарей» — «Мы никому не навязываем нашу политику, а можем только объяснить, что мы делаем в своей стране — и почему»

Задумывались ли вы, почему в самолете, несущемся над облаками, когда можно стряхнуть земные тревоги и подумать о чем-то хорошем, ожидающем тебя впереди, вдруг вопреки желанию настроиться на высокий лад память выхватывает из прошлого тяжелый эпизод, о котором, казалось, давно забыл, а он затаился в подсознании, чтобы в самый неподходящий момент явиться в подробностях. В 1994 году у нас в клинике в течение трех недель умерли двое пациентов, страдавших наркотической зависимостью. У одного оказалась острая сердечно-сосудистая недостаточность, у другого — цирроз печени; с этими заболеваниями они к нам пришли, но беда случилась в наших стенах, и клиника гудела. Что с того, что всем понятна была совершенная непричастность наркологической клиники к случившемуся. На душе у персонала было тяжело и тревожно: в клинике — гроб... Потом другой. Врачи, медсестры, пациенты старались не смотреть друг на друга, ходили с опущенными головами. Не только в ожидании неприятных проверок и экспертиз, не суливших ничего хорошего. Одно дело, когда беда случается в государственной клинике, там это бывает нередко, и совсем другое дело, когда умирает больной в частной клинике. Тут поднимают голову облеченные властью, получившие повод воинственно обрушиться на коллег, работающих в другой системе, чтобы поставить крест на пока еще молодой для нашей медицины частной практике. Нас не миновала грубая публикация в местной газете. Она появилась, мы знали, с подачи одного чиновника системы здравоохранения республики, который с самого начала был к Центру подозрителен и теперь не скрывал торжества.

За девять лет существования Центра умерли четверо больных. Язык не повернется успокаивать себя, что это не так много. Даже одна смерть для врача, пусть не по его вине, — это много, это слишком! И что бы ни говорили о медиках, я не знаю таких, кто сумел бы к уходам из жизни привыкнуть. Снова и снова изучив по историям болезни что произошло, наши врачи решили тщательней и строже знакомиться с больными, прежде чем принимать их в пациенты. Иначе нам неизбежно попадать в двусмысленные ситуации. Нельзя наркологам принимать на излечение больных, у которых сопутствующие заболевания (сердечно-сосудистой и других жизненно важных систем) настолько серьезны, что лечить их нужно, прежде всего, в клиниках общего или специального профиля. Тем более когда и возраст пациента не позволяет часто возить его в другие клиники для консультаций и лечения.

Едва мы пришли к общему решению, как в Центре появляется, согнувшись в три погибели, мужчина, которому за шестьдесят, стаж употребления наркотиков больше двадцати лет. Наши врачи ни в какую: налицо явные противопоказания по возрасту и по состоянию здоровья. Никто не мог понять, почему за него хлопочут неизвестные люди, специально прилетающие в Бишкек с Урала, Сибири, Дальнего Востока. Скорее всего, в прошлом это воровской авторитет или, может быть, отец известного вора. Но не эта догадка тревожила меня, а отчетливое видение ситуации: отказывая в приеме старику, пусть по убедительной причине, мы делаем шаг назад. По крайней мере, в собственном профессиональном самоуважении. Молодые врачи и без того начинали слегка утрачивать дух. А сам больной, длинный как жердь, с худощавым бледным лицом, отмеченным

неистребимой печатью мест лишения свободы, у меня в кабинете пал на колени:

— Гражданин доктор, перед Богом прошу, помогите! Год назад я сына потерял на игле...

Его сыну было тридцать пять лет, он сам себе вводил в вену ханку. Судя по рассказу старика, сын скончался от передозировки.

— Дайте хоть мне на тот свет уйти чистым! — причитал старик. — Ради сына!

После всего, что случилось за последние недели, думал я, наше настроение ниже не упадет, ниже некуда, но если мы вылечим старика, коллективный дух в клинике, может быть, укрепитя.

Центр стал работать со стариком, он прошел курс лечения, мы возили на консультации к другим специалистам, и скоро пациента было не узнать: ушло острое состояние, он окреп, воспрянул духом, лицо порозовело – риск оказался оправданным. Четыре года я наблюдаю, как складывается жизнь старика, он с нами переписывается, перезванивается. Мы радуемся его добром здравью и хорошему настроению. Это я к тому, что жизнь разнообразнее создаваемых нами на основе опыта формул или подходов; как бы много их ни было, они не способны поспеть за великим многообразием форм существования, постоянно меняющихся, принимающих новые обличья. Многие принципы, кажущиеся непогрешимыми, в том числе — и особенно! — «не поступаться принципами», в реальности иногда являют смысл, далекий от того, что мы ожидаем, намечая цели. Как говорил у Германа Гессе мудрый Сиддхартха, для всякой истины противоположное ей также может быть истинно.

Эта мысль часто приходила ко мне в Нидерландах.

Перелет из Москвы в Амстердам занимает два часа, но если иметь в виду отношение правительств двух городов к наркотикам, то это — перемещение из одной культуры в другую. Нельзя сказать, чтобы обе стратегии слишком расходились, у европейцев тут много общего. Но есть нюанс, разделяющий не только два великих города, но и весь континент, — отношение к конопляным наркотикам. Сторонники их легализации, ведя дебаты во всем мире, привлекая аргументы политического, экономического, финансового, криминального и Бог знает еще какого свойства, обращаясь, в конце концов, к здравому смыслу, напоследок прибегают неопровержимый, им кажется, аргумент: голландский опыт. Это, говорят, уже не эмоции, не предположения, но убедительная практика. Спорящие столь возбуждены и радикальны в требованиях, что я был страшно рад появившейся возможности незадолго до поездки в Южную Америку познакомиться с возмутителями спокойствия в Европе.

Что же я увидел утром, когда вышел из отеля «Виктория» и попал в бесконечные полукружия каналов, опоясавшие вокзальную площадь, Центральный железнодорожный вокзал, гавань и весь просыпающийся город? На лотках уже торговали цветами и сувенирами; по улицам неслась река велосипедистов (некоторые юноши и девушки ехали рядом, обнявшись); на каналах прижались к бетонным стенкам ярко раскрашенные большие лодки с навесом, катера, самоходные баржи, на которых постоянно живут сотни семейств, не имеющих другой крыши над головой; как я потом узнал, большинство судов-домов подключены к водопроводу, телефонным сетям, спутниковому телевидению. Шторы на окнах, даже на первых этажах, не задернуты, и квартиры, где не успели выключить свет, просвечиваются, как аквариумы. Голландцам не от кого и нечего скрывать. Они открыты, приветливы, подчеркнута аккуратны и ценят это качество в других. Неужели именно эти люди вызывают недоумение мира своим особым и для большинства стран непонятым отношением к наркотикам?

Прогуливаясь по набережной Дудезитс Воорбургваль, останавливаюсь перед вывеской кофе-шопа с мордой свирепого желтого бульдога с утыканным шипами красным ошейником; бульдог, оскалив зубы, вот-вот сорвется с места и вцепится тебе в шею, если ты не свернешь за угол и не спустишься в кофе-шоп. На вывеске ни слова о марихуане, но амстердамцам, иностранным морякам, толпам туристов не надо объяснять смысл названия, у нас переводимого как «кофейня». Кофе-шопы — единственные торговые точки, где открыто можно купить и выкурить марихуану или гашиш. Сворачиваю за угол неоштукатуренного кирпичного здания и по крутым ступенькам спускаюсь в полуподвал. «Бульдог», как потом оказалось, — старейший из двухсот пятидесяти кофе-шопов Амстердама.

В помещении с игровыми автоматами и телевизором в полутемном углу, обнявшись, пускает дымы юная пара. Судя по языку и внешнему обличью — французские студенты; скорей всего, это их каникулы. За стойкой бара рослый голландец в роговых очках и в грубошерстном вишневом свитере, с перехваченным резинкой пучком волос на затылке. Он протягивает меню с перечнем марихуаны и гашиша: тайландских, марокканских, непальских, афганских,

пакистанских, ливанских, колумбийских, ямайских... двадцать пять сортов. В меню также сорта неизвестного происхождения, но с экзотическими названиями: «Черные Пальцы», «Белая Вдова», «Серебряный Туман», «Пурпурный Туман», «Афганская Власть», «Датская Звезда»... Многие предпочитают голландские сорта, выведенные скрещиванием местной конопли с тибетской, афганской, тайландской. Их названия не менее завлекательны: «Большой Жук», «Супер-Сканк», «Северные Огни». Один из видов гашиша с русским названием «Спутник», но бармен затрудняется сказать, откуда этот наркотик на самом деле. В меню есть также марихуановый чай, марихуановый кекс, «фантастические» (галлюциногенные) грибы. Марихуана и гашиш расфасованы в пакетики весом от одного до трех граммов; цена пакетиков одинакова — двадцать пять гульденов (двенадцать с половиной долларов). Пакетики с сортами высшего качества — по пятьдесят гульденов.

Бармена зовут Боб, лет сорока, коренной амстердамец, живет с братьями и сестрами (своей семьи нет), начал курить марихуану подростком, стаж употребления, говорит, двадцать восемь лет. Мое нескромное любопытство, почему не женат, вызывает приступ смеха:

— Хочу быть свободным, курить, путешествовать, жить весело!

Бармен побывал в странах Востока, наблюдал там способы курения наркотиков, считает себя профессионалом. К нему ходят слушатели амстердамской полицейской школы поговорить о тонкостях предмета. Он предпочитает тайландский гашиш «Супер-Палм», большинство посетителей тоже просят этот сорт, но вкусы разнятся. Итальянцы и испанцы чаще заказывают гашиш афганский или непальский, а американцы — только «травку» (марихуану), какой бы ни был сорт. Боб когда-то пробовал героин и кокаин, но остановился на гашише.

В баре не бывает шума и драк. Возбужденно могут вести себя только те, кто курит марихуану и при этом выпивает спиртное, или посетители, успевшие где-то вколоть себе героин, или понюхать кокаин, или проглотить таблетку экстази. Это Бобу не нравится: «Они ведут себя как сумасшедшие!»

По словам Боба, и это потом мне подтвердили в полиции Амстердама, существуют правила торговли, для кофе-шопов обязательные: запрещено торговать спиртными напитками и сильными наркотиками. Нельзя продать в одни руки марихуаны более пяти граммов. Кофе-шоп не вправе хранить у себя запас свыше половины килограмма. Недопустима какая-либо реклама — у входа на вывесках ни намек на марихуану. Не должно быть в помещении или вблизи шумных сборищ, беспорядков. Наконец, здесь не дадут марихуану посетителям моложе восемнадцати лет¹. Если полиция обнаружит нарушение хотя бы одного из условий, заведение выплатит немалый штраф, а в следующий раз будет закрыто — на три месяца, или на полгода, или навсегда. В последние два года в стране лишили лицензий три сотни кофе-шопов².

Сегодня в Нидерландах (население 15 миллионов) тысяча двести мест открытой продажи конопляных наркотиков. Их хозяева стараются не рисковать добрым именем, конфискацией незаконно хранимого наркотика, сколоченным капиталом, наконец. По словам Боба, не так давно полиция обнаружила в «Бульдого» небольшой излишек запаса марихуаны — пришлось выплатить сорок восемь тысяч гульденов штрафа. Иные владельцы кофе-шопов, раздумывая над дилеммой — марихуана или алкоголь, отказываются от торговли марихуаной ради лицензии на продажу алкоголя — он приносит больше прибыли.

— Боб, — я кивнул на французскую пару, — кого бывает больше: голландцев или приезжих?

— Я не считаю.

— Иностранцы курят марихуану чаще здесь или увозят в свои страны?

Боб усмехнулся:

— Мое дело продать, а куда девают, не колышет.

Как я потом узнал, голландские власти официально не запрещают владельцам кофе-шопов продавать наркотики иностранным гражданам, даже в тех случаях, когда возникает подозрение, что сигареты с марихуаной увезут с собою; прокурор, полиция, местные власти вправе только отговаривать их иметь дело с покупателями-нерезидентами.

Новизна нидерландского законодательства о наркотиках обнаружилась в конце семидесятых годов, когда власти провели грань между наркотиками «тяжелыми» и «легкими». К последним отнесли вещества из конопли. Критики упрекают голландцев в росте числа людей, особенно молодых, курящих марихуану, и указывают на слабые наркотики как на ступень перехода к сильнодействующим. У голландцев свои резоны: курильщики марихуаны страдают от физиологических последствий (повышенное сердцебиение, учащение пульса, нарушение

двигательных функций, снижение психомоторной активности и т.д.), но физическая зависимость от каннабиса встречается редко, у курильщиков не находят стойкого абстинентного синдрома. Тем не менее в последнее время ученые обнаружили такое же воздействие каннабиноидов на мозг, как тяжелых наркотиков: они поражают миндалину и прилежащее ядро; нейрхимические системы, ответственные за развитие состояния зависимости, общие у каннабиноидов и опиатов³.

Опасность — в неизбежной или, скажем осторожнее, частой эволюции курильщика марихуаны и гашиша в потребителя сильных наркотиков, в том числе применяемых внутривенно. Свидетельства медиков многих стран и наблюдения над пациентами нашей клиники это подтверждают: многие попавшие к нам хронические героиисты начинали с курения конопляных веществ.

Голландцы в этом не убеждены. Хотя хронические потребители каннабиса для поддержания стимулирующего, седативного, галлюциногенного эффектов вынуждены увеличивать дозу и частоту приема, неизбежности перехода от курения конопляных веществ к более сильным натуральным или синтетическим наркотикам здесь не обнаруживают. В процентном отношении, возражают голландцы, число наркоманов у них не выше, чем в любой стране, а употребление марихуаны молодыми сегодня возрастает по всей Европе, независимо от проводимой в стране политики. Международные исследования середины восьмидесятых годов установили: пятнадцать процентов голландцев в возрасте от пятнадцати до тридцати пяти курят марихуану или пробовали прежде. Среди немцев этот процент вдвое выше, среди англичан их число достигает тридцати пяти процентов. Лидируют американцы: регулярно курят марихуану шестьдесят процентов молодых людей и подростков.

Но суть в другом: никакие наркотики, в том числе «слабые», в Нидерландах, по словам голландцев, на самом деле не легализованы. Их хранение, транспортировка, продажа преследуются по закону.

Что же стоит за мифом о легализации наркотиков?

Учитывая относительно небольшой вред от марихуаны, власти на ее продажу в установленных для кофе-шопов малых дозах предпочитают закрывать глаза, но держат ситуацию под контролем. Если у подростка появился интерес к наркотику, пусть выкурит сигарету в кофе-шопе, а не станет покупать на улице у барыги, у которого завтра в руках окажется героин или кокаин, и мальчишка будет вовлечен в более опасные привязанности. Власти видят задачу в предотвращении или ограничении риска, которому склонный к наркотикам человек подвергает себя, свое окружение, все общество. Если подумать, не слишком логично преследовать за провоз и продажу марихуаны и в то же время разрешать кофе-шопам этот товар незаконно приобретать. Власти сознательно идут и на это противоречие, исходя из культивируемого в голландском обществе принципа целесообразности.

Странников этого принципа можно понять: с появлением кофе-шопов прекратилась или, по крайней мере, сократилась неконтролируемая уличная торговля марихуаной и гашишем с ее опасными последствиями для общественного здоровья. У властей появилась возможность проверять кофе-шопы, качество конопляной продукции, а у налоговых инспекторов — увеличивать сборы. Так соблюдаются разом интересы потребителей легких наркотиков и государства.

Есть еще нюанс, для психологии голландцев принципиальный. Они всегда гордились своей страной как островком, куда бушующие вокруг шторма выбрасывают потерпевших кораблекрушение, то есть преследуемых за верования, политические убеждения, образ мыслей. Нидерландское общество издавна было и остается многокультурным, права меньшинств закреплены конституцией и законами. Защита прав курильщиков марихуаны, а их немало, для голландских обывателей не более чем традиционное отстаивание прав меньшинства.

Итак, продажа марихуаны официально не разрешена, но в ограниченных объемах фактически не преследуется. Говоря юридическим языком, обладание в установленных пределах (до пяти граммов) этим наркотиком здесь относят не к преступлению, а к правонарушению. Как можно понять, голландцы выступают не за легализацию психоактивных веществ из конопли, а только за некоторую терпимость по отношению к ним.

Писатель Джек Херер в книге «Король без одежды» («Голый король») предложил десять тысяч долларов в награду тому, кто сумеет опровергнуть его постулат, звучащий в свободном изложении следующим образом: если все натуральное топливо и его производные, а также

вырубку лесов для изготовления бумаги и сельскохозяйственных нужд исключить из хозяйственной деятельности человека, чтобы сохранить планету, защитить озоновый слой, возродить природные ландшафты, то останется единственный источник, способный обеспечить нас бумагой, текстильной и пищевой продукцией, удовлетворить наши потребности в энергии для промышленных и бытовых целей, снизить уровень загрязнения планеты, восстановить почву, очистить атмосферу, — это под силу только нашему старому помощнику, который все это уже делал раньше. Его имя — конопля!

Амстердамский Музей марихуаны и гашиша на набережной Оудезийдс Ахтербургвал обещает удвоить вознаграждение тому, кто докажет ошибочность этого утверждения. Но я шел под ветром вдоль канала к музею не с намерением спорить, а из желания узнать, что было с коноплей, когда из глубин Центральной Азии, от гор и степей моей родины, торговыми караванами ее везли в процветающую Римскую империю и распространяли по средневековой Европе. Из конопляного волокна были сотканы в XVII веке паруса для одиннадцати тысяч военных, торговых, рыболовных судов Нидерландов. Поднимать паруса и пользоваться конопляными же канатами голландцы учили в конце того столетия в Амстердаме и Заанстрике русского царя Петра Великого. Лучшей коноплей для плетения корабельных канатов считали итальянскую, второе место отводили рижской, третье — русской... В хорошие годы здесь производили шестьдесят тысяч рулонов парусного полотна. Конопляным промыслом кормились тысячи семей. Для переработки конопли использовали ступы с пестиком и крестьянские мельницы. Голландцы носили конопляные камзолы, платья, носки, из конопляного полотна были робы у матросов.

Хотя пароходы, появившиеся в XVIII веке, привели к упадку парусного кораблестроения, и даже канаты стали плести из волокон кокоса и текстильных агав (сизаль), конопля дождалась своего часа в новые времена – и дождалась. В годы Второй мировой войны из конопли плели канаты для флота союзников, из конопляной парусины шили парашюты, палатки, вещевые мешки. Американцы будили патриотические чувства фермеров, призывали возродить посевы конопли. Тех, кто принимался ее сеять, даже их сыновей, освобождали от военной службы. В американских кинотеатрах показывали фильм «Конопля для Победы».

Голландцы где только можно рекламируют коноплю, но не как психоактивную субстанцию, а как древнейшее растение, которому многим обязана история и культура страны. В музее вам напомнят, под какими парусами ходили в дальние моря отважные мореплаватели, открыватели экзотических земель, какими канатами они швартовали свои суда к прибрежным скалам. Бросается в глаза реклама одежды, трикотажа, обуви, женских аксессуаров, головных уборов, даже бумага лучших сортов — из конопли. Эта бумага, уверяют голландцы, поможет сохранить европейские леса. Конопля входит в состав выставленных в торговых рядах дезодорантов, кремов, мазей, зубных порошков, спиртных настоек; ее семилистник — на майках, спортивной обуви, почтовых открытках, шляпах, зонтах. В магазинах продают ее семена с инструкциями, как создавать приусадебные плантации. Возрождение почти забытого промысла вызвано ростом наркотуризма и, в свою очередь, еще больше подогревает прагматический (коммерческий) интерес ко всей наркотической субкультуре.

Не обидно ли, что в наши времена конопля утратила свою былую репутацию уважаемого растения и попала в разряд подозрительных, гонимых, обреченных на исчезновение. Я ходил из зала в зал музея и начинал, мне кажется, лучше понимать голландцев, не желающих мириться с преследованием ни в чем не повинного растения, не обязанного отвечать за то, как из всех его возможностей, не утраченных до наших дней, неразумные люди предпочли только одну — возможность дуреть от содержащихся в его побегах пьянящих тетрагидроканнабиолов. Но, кажется, есть симптомы перемен в отношении к растению, способному послужить еще цивилизации третьего тысячелетия. Во Франции, Испании, Италии продолжается производство лучших сортов бумаги из конопли. Это не только экономит затраты электроэнергии и требует меньше химикатов. Использование в этих целях конопли, полагают экологи, поможет предотвратить гибель ценнейших лесов Европы.

В Амстердаме, пожалуй, два музея, не имеющих аналогов, — Музей Рембрандта и Музей марихуаны и гашиша. Они привлекают почти одинаковое число туристов. Это о том, в каком обществе мы живем и какой пошел турист. Почитатели конопли, верующие в ее непереносимое возрождение, неподалеку от своего музея на той же набережной открыли Фонд марихуаны и при нем Колледж марихуаны — просветительскую общественную организацию, где работают не

просто курильщики каннабиса, а профессионалы этого дела, фанатики растения, убежденные в его спасительном предназначении. Одна из них — Изабелла, участница создания Фонда, постоянно окруженная зарубежными туристами, желающими узнать, что это за легальная организация, аналога которой в их странах нет. Здесь покажут, как правильно курить марихуану, где покупать и как высаживать семена — на балконе или в подвале под ярким светом ламп⁴.

Предприниматели не преминут расспросить, каковы перспективы применения конопли в современной текстильной, пищевой, строительной, парфюмерной промышленности. Изабелла расскажет, а напоследок посоветует перейти по мосту на противоположную сторону канала и заглянуть в специальный магазин, где можно увидеть, пощупать, приобрести сотни всевозможных товаров из конопли. В том числе майки, летние шапочки, лосьоны, мыло, вина, конфеты, медикаменты и сотни моделей курительных (для марихуаны и гашиша) трубок.

Изабелла знакомит меня с двадцатичетырехлетним коллегой Денисом Девартом, тоже профессиональным курильщиком-консультантом.

— Пару дней назад пришли два иностранца, нагулялись по набережной, еле стояли на ногах. Я дал им покурить марихуану через испаритель. Усталость как рукой сняло! — рассказывает Денис.

— Марихуана, по-вашему, не создает для здоровья проблем?

— Никаких абсолютно, уверяю вас!

Денис не подозревает, что перед ним врач-нарколог.

— А что за штука испаритель? — спросил я и скоро пожалел о своем любопытстве. Денис принялся возиться со стеклянным прибором, налаживать нечто шипящее, вроде сварочного аппарата. Мне было велено сбежать в ближайший кофе-шоп за порцией каннабиса; по правде говоря, куда-то идти и возвращаться не хотелось, но парень так старательно собирал прибор, что огорчить отказом или дать повод заподозрить меня в жадности было выше моих сил. Минут через пятнадцать я вернулся, держа в ладони пакетик выбранного мною «Большого Жука» — пусть лучше он варится в кипятке, чем несчастная «Белая Вдова».

— Вижу по глазам: вы сомневаетесь в марихуане и еще больше в испарителе. Посмотрите на меня, — не умолкал Денис. — Я астматик, врач посоветовал курить марихуану через этот прибор. У меня открылись дыхательные пути.

Наконец Денис наладил этот испаритель, или ингалятор, из жаропрочного стекла для вдыхания (курения) марихуаны. Через помещенный в стеклянную головку комок специальным пистолетом пропускают обжигающий воздух, нагретый до двухсот градусов и выше. Горячая струя вбирает в себя тетрагидроканнабинол и проникает в нижнюю часть сосуда, наполненную водой. Активное вещество и масла, объясняет Денис, переходят в пар. Теперь через длинную стеклянную трубку можно вдыхать ароматные пары с «экстрактом удовольствия», свободные от вредной и неприятной смолистой основы, которая входит в дыхательные органы при курении «косяка».

Денис находит пять преимуществ вдыхания перед курением.

При вдыхании все компоненты растения сохраняют химическую чистоту, тогда как при сгорании возникают новые соединения, в том числе канцерогенного свойства. Ингаляция удобна при медицинском употреблении марихуаны, особенно при астме.

При курении за один раз полностью расходуется вся доза, а при ингаляции постепенно реализуется сила всех компонентов растения. Этот способ исключает возможность нечаянной опасной передозировки.

Образуемый при курении дым остро и резко действует на легкие: в дыхательные пути попадают частицы сгорания марихуаны, табака, бумаги, а пар мягок, ароматичен, как бы настоян на цветах и совершенно безопасен для здоровья.

При ингаляции избегаешь приема внутрь смеси табака и марихуаны, их комбинация делает курильщика вялым, сонным, в то же время возникает потребность курить еще и еще, чтобы добиться кайфа.

При курении доза марихуаны исчезает, для следующей затяжки требуется новая доза. А в испарителе одну и ту же дозу можно использовать три-четыре раза. Поэтому расход марихуаны меньше. Некоторые посетители Фонда, по их словам, не прекращая приема марихуаны, сократили объем ее потребления наполовину.

Слушая Дениса, я заставляю себя помнить: Фонд марихуаны содержат компании, выращивающие коноплю, торгующие ею, а также фирмы по производству промышленных и пищевых товаров с ее использованием. Просвещение, полезное само по себе, в этом случае еще и

способ для производителей каннабинола расширять потребительский рынок.

Я прощаюсь и уже у дверей слышу, как Денис, взятый в плотное кольцо новыми гостями, повторяет свой монолог, который мне поначалу казался экспромтом:

— Я вижу по вашим глазам: вы сомневаетесь в марихуане и еще больше в испарителе. Посмотрите на меня. Я астматик, мой врач посоветовал при курении использовать эту установку. Я попробовал, и у меня открылись дыхательные пути. Не верите? Спросите в Институте медицинского использования марихуаны.

— Где-где?! — переспросил я.

— В Роттердаме! У Джеймса Ричарда Бартона!

— Алло, Роттердам? Институт медицинского использования марихуаны?

— А что у вас? — отозвался баритон.

— Простите, это доктор Бартон?

— Ну, Бартон. Вы на что жалуетесь?

Я называю себя, наш бишкекский наркологический Центр и выражаю готовность в удобное для доктора время приехать из Амстердама в Роттердам для знакомства с институтом, о котором впервые слышу.

— А вас не смущает, что я сидел в тюрьме?

— Где? За что? — теряюсь я.

Молчание на другом конце провода затянулось. Я уже было чертыхнулся по адресу голландской телефонной сети, прервавшей разговор, но, прижав трубку к уху и уловив на другом конце дыхание, понял, что связь ни при чем.

— Вы меня слышите, доктор Бартон?

Доктор заговорил в том смысле, что он, конечно, рад интересу, ему нужна поддержка, но есть обстоятельства, по которым он затрудняется принять гостя в институте. Также нет возможности — он очень сожалеет — пригласить к себе домой, но если я прибуду поездом на роттердамский вокзал, он постарается подъехать и поговорить в зале ожидания. Я не любитель детективных истории, но странный разговор заинтриговал меня. Не успел я согласиться, как Бартон изменил решение: пожалуй, он пришлет на мое имя в отель пакет с материалами о себе и об институте, а если возникнут вопросы, он все разъяснит по телефону.

Через пару дней я получил пакет из Роттердама, после еще раз говорил с Джеймсом Ричардом Бартоном и теперь изложу, как она представилась мне, историю американского фермера из Боулинг-Грин, штата Кентукки, сорока трех лет, ветерана вьетнамской войны. Ферму с домом на площади девяносто акров Бартон и его жена Линда купили в 1980 году за тридцать четыре тысячи семьсот долларов. Страдая еще со времен войны глаукомой, видя с каждым годом все хуже, перепробовав множество лекарств, фермер услышал о лечении глаукомы марихуаной. Об этом в начале семидесятых годов специалисты в области наркотиков докладывали конгрессу США, но споры вокруг марихуаны затрудняли спокойное изучение проблемы. Как потом скажет на судебном разбирательстве судья Фрэнсис Янг, «в связи с той эмоциональной риторикой, которая связана с проблемой марихуаны, врач, имеющий право выписать морфий, кокаин, амфетамины и барбитураты, не может выписать марихуану, которая наиболее безопасна из известных наркотиков при лечении».

Глаукома Бартона оказалась наследственной. Заболевание приводило к слепоте почти всех мужчин по линии его матери. Не веря в традиционные способы лечения, он решил на ферме выращивать коноплю. Собирал до фунта марихуаны в месяц, выкуривал от десяти до пятнадцати сигарет в день и чувствовал, что глазное давление снижается. Так бы все и шло, если бы 7 июля 1987 года полиция штата Кентукки не нагрянула на ферму с обыском.

В поисках незаконных посевов полиция совершала рейды по всему штату, но Бартону в голову не приходило, что конопля, выращиваемая им для себя, чтобы помочь слабеющим глазам, может дать повод заподозрить его в незаконном производстве и торговле наркотиками. И даже когда полиция оцепила ферму, стала прочесывать посадки, перевернула вверх дном все хозяйственные постройки, когда нашли сто тридцать восемь кустов, оборудование для выращивания марихуаны, удобрения для нее, бумажные мешки, очень похожие на те, в которых перевозят марихуану и торгуют ею, и обнаружили два фунта сырой марихуаны, он не допускал мысли, что дело может кончиться тюрьмой.

На суде огласили результаты экспертизы офтальмолога из Северной Каролины доктора Джона Меррита, которому правительство поручило исследовать самую возможность лечения

глаукомы с помощью марихуаны.

Марихуана, пришел к выводу доктор, «была единственным средством, которое не позволило Бартону ослепнуть». Восемь месяцев продолжался процесс. И хотя присяжные убедились, что Бартон выращивал марихуану для собственного потребления, а не на продажу, суд признал его виновным и приговорил к одному году лишения свободы с отбыванием наказания в федеральной тюрьме и с конфискацией фермы. Прокурор США Джо Уайтл говорил: «Мы не нарушали закон. Конгресс принял такой закон, и мы должны его выполнять. Если бы американский народ захотел разрешить употребление марихуаны в том или ином виде, он бы потребовал от своих законно избранных представителей изменить законы. А пока законы остаются неизменными, мы должны их выполнять».

Прокурору возражал адвокат Дональд Хеврин из Луисвилля: «Я думаю, тот факт, что человека, который пытался спасти свое зрение, отправляют в тюрьму и конфискуют дом и землю, на которые он со своей женой зарабатывал в течение десятилетий, заставит авторов Конституции перевернуться в своих могилах».

Помощник прокурора Клев Гэмбилл отстаивал позицию властей: «Проблемы со здоровьем не могут быть основанием для того, чтобы нарушать закон».

Бедняга Бартон был отправлен в тюрьму. «Я не буду более курить марихуану до тех пор, пока у меня не будет рецепта на ее приобретение. Либо после окончания срока я перееду в страну, где марихуана разрешена. Это для меня единственный способ сохранить зрение», — говорил он.

«За хорошее поведение» Бартона освободили через десять месяцев. Он остался в убеждении, что можно запретить торговлю марихуаной, но нужно разрешить людям выращивать немного для себя, если они вот-вот ослепнут, и если классическая медицина ничего не может им предложить.

В 1990 году Бартоны переехали в Нидерланды, оставив родину, но не марихуану. Поселившись под Роттердамом, Джеймс и Линда получили наконец свободный доступ к марихуане и полностью отказались от использования других лекарств, какие до сих пор выписывали врачи для лечения глазных болезней. Марихуана стала единственной хранильницей зрения Джеймса. Его вера в исключительные целебные свойства растения теперь стала фанатичной. Наблюдающие его голландские медики подтверждают эффективность выбранного им лечения.

— Я затратил уйму времени на знакомство с исследованиями по глаукоме и марихуане в медицинской библиотеке Университета Вандербилта в Нэшвилле, теперь считаю себя искушенным в этом вопросе, как мало кто еще. В Нидерландах у меня свободный доступ к марихуане, я уже не завишу от рецептов врача, болезнь больше не прогрессирует. Я стал первым нидерландским пациентом, получившим рецепт врача на медицинское использование марихуаны, а созданный мною в 1995 году институт — первой организацией, получившей право распространять марихуану через фармацевтическую систему,— говорил мне Бартон.

В Роттердам к Бартонам приезжают больные с повышенным интересом к новой панацее. Супруги не торопятся ставить диагноз или предлагать курс лечения, но помогают познакомиться с обзором способов медицинского применения конопли, чтобы обратиться к своему лечащему врачу за советом. В разговорах с пациентами они не делают тайны из того, что медицинского образования у них нет, но за многие годы применения марихуаны и постоянной учебы они в этой области, пожалуй, не уступят специалистам. Их пациенты поддерживают с ними обратную связь, сообщают о ходе лечения, и эта информация помогает супругам разговаривать с клиентами квалифицированно.

Упрямые Бартоны добились чего хотели. На отведенном им участке земли они выращивают и собирают урожай марихуаны, гарантируя пациентам экологическую чистоту и высокое содержание тетрагидроканнабинола. Любой человек с предписанием врача может приобрести у них растения, готовые к употреблению. В буклетах, ими издаваемых, марихуана предстает одним из древнейших и самых безопасных терапевтических средств, применяемых при лечении более сотни видов расстройств и болезней — от мигрени до раковых заболеваний и СПИДа⁵.

Сажу за письменным столом в гостиничном номере и заношу в записную книжку выдержки из печатной продукции Бартонов:

«Марихуана в два-три раза эффективней традиционных лекарств для понижения внутриглазного давления и не имеет побочных токсических эффектов, как у одобренных противоглаукомных препаратов»; «Семьдесят процентов астматиков могли бы прибавить к своей

жизни от двух до четырех лет, употребляя марихуану вместо предписанных им легальных и токсичных лекарств...»; «Шестьдесят процентов эпилептиков могут поправиться, употребляя марихуану, она считается лучшим лекарством при многих типах эпилепсии и при постапоплектических травмах»; «Марихуана — пока лучший способ исключить слюновыделение в стоматологии. В официальной медицине для этих целей применяют высокотоксичный и опасный пробантин...»; «Марихуана сокращает астматические приступы и улучшает дыхание...».

Рекламные объявления, рассылаемые из Роттердама во все концы Нидерландского Королевства, пока так же трудно опровергнуть, как и доказать их безупречную научную состоятельность. Единственное, что не вызывает сомнения: пока наркотическая волна накрывает страны и континенты, держа в напряжении власти и общества, пока уносит жизни, в том числе самых юных, угрожая самому существованию «человека разумного» (но не образумившегося!), вряд ли будет оценено усердие людей, пытающихся — возможно, обгоняя время, — законно привести в наши дома наркотики, хоть какие-нибудь.

Напоследок еще раз звоню в Роттердам:

— Мистер Бартон, кто ваши предшественники?

— Пишите: травник китайского императора Шен предлагал марихуану как лекарство в 2737 году до нашей эры. В начале шестнадцатого века великий ботаник Ремберт Додоэнс в книге о лекарственных растениях указывал на ее целебные свойства. Записали? Врач королевы Виктории (XIX век) лечил ее марихуаной от разных болезней. С середины и до конца прошлого века в западной медицинской литературе опубликовано больше сотни источников, рекомендующих в качестве лекарства марихуану. Успеваете? Дальше...

Репутация Нидерландов как страны, якобы лояльной к наркотикам, поддерживается неосведомленными, а чаще недобросовестными людьми, которые руководствуются интересами собственного бизнеса, первым делом — международного туризма. Здесь много приезжих, большей частью из стран Европы и Азии, привлеченных уютом небольшого по размерам королевства, его спокойными лубочными ландшафтами, нечастыми в наши времена, старинной архитектурой, цветочными рынками, маленькими тавернами с потемневшими стенами и потолками, прокуренными табаком за сотни лет, возможностью выпить пару кружек пива, какое потягивали голландские мореходы три столетия назад. Вечерами толпы туристов слоняются по светящимся неонам набережным квартала «Красных фонарей», мимо открываемых наружу стеклянных дверей и окон, за которыми в эротических позах улыбаются полуобнаженные девушки. На небольшом пятачке таких аквариумов двести пятьдесят — триста. Девушки на любой вкус: англичанки, испанки, китайки, мексиканки, иранки, эфиопки, польки, русские, украинки, белоруски... В отличие от многих иностранок, своим телом неплохо зарабатывающих (до четырехсот — пятисот долларов в сутки), девушки из стран Восточной Европы, попав сюда через подпольные посреднические фирмы по большей части обманно (им обещают работу танцовщиц, фотомоделей, официанток и т.д.), вынуждены по приезду отдавать хозяевам паспорта и попадают в материальную зависимость (нужно много денег, чтобы хорошо выглядеть). Часто бедствуют, не имея возможности вернуться на родину.

В ожидании клиентов и после прощания с ними почти все девушки курят крэк («камень»). Это маленькие крошки или стружки очищенного и моментально действующего кокаина. Он попадает в мозг (через десять секунд), дает быстрый прилив энергии и приятные ощущения, но эйфория длится недолго (десять — пятнадцать минут); привыкший к крэку организм каждый час требует затяжек.

Новый наркотик появился в восьмидесятых годах. Через четыре-пять лет курильщиками стали миллионы американцев и европейцев. Начали возникать «крэковые дома» — рассадники этой наркотической субкультуры. После пережитых с помощью крэка ощущений внезапное исчезновение иллюзии воспринимается мучительно, как крушение жизни. Не имея денег для покупки дозы, курильщики крэка готовы идти на любые преступления, вплоть до сексуальных услуг, детской проституции, заказных убийств⁶.

Продавцы крэка предлагают вместе с товаром курительные стеклянные трубочки. Наркотик прожигает и делает черными губы и зубы. Если вы встречаете негритянку или мексиканца без передних зубов — как правило, это курильщики крэка. Их можно распознать также по болезни глаз («крэковый кератит»), по язвам на деснах. В ночном заведении их находишь по частому кашлю, одышке, жалобам на сильные боли в груди. В Медицинский Центр в Бишкеке пока не попадали крэковые наркоманы, но как нам говорили голландские врачи, почти все эти

наркоманы страдают травмами легких и кровотечениями. Больные редко обращаются к врачам, утратив всякую надежду когда-либо избавиться от депрессии, паранойи, выматывающего чувства тревоги.

Европейские девушки в районе «Красных фонарей» берут с клиента за двадцать — тридцать минут общения сто гульденов или пятьдесят долларов, то есть на два грамма крэка. Большинству африканок и многим азиатским девушкам платы с клиента хватает на грамм, а женщинам уже в годах — и того меньше. Хозяева домов разносят девушкам крэк и бутылочки кока-колы в счет оплаты их труда. Никто не знает наверняка, сколько женщин в Амстердаме занимаются легальной и нелегальной проституцией (в ночных клубах, по вызову и т.д.), но в полиции Амстердама мне назвали примерное число потребительниц крэка — от тысячи до тысячи пятисот.

Кокаиновая наркомания для голландцев — проблема особых групп населения: одна из них — проститутки; они часто употребляют кокаин в комбинациях с героином. Другая — старые героинисты, которые тоже «балуются» кокаином. И третья — связанные с криминальными кругами молодые люди, они употребляют только кокаин, и в больших дозах. Эта группа моложе других, она существует с конца восьмидесятых годов. Средний возраст кокаиниста — двадцать лет. Хотя за последние двенадцать — пятнадцать лет не менее полумиллиона местных жителей пробовали кокаин, только небольшая их часть (тысяч двадцать пять) стали хроническими больными.

На вечерних улицах Амстердама, особенно в поперечных к каналам узких переулках района «Красных фонарей», наркотики продают почти открыто. Торговцы — чаще всего молодые люди африканской и ближневосточной наружности. Небритые, неряшливо одетые, они жмутся к стенам домов, предлагают прохожим товар и бросают взгляды по сторонам — не возник ли где полицейский. Пробираясь мимо торговцев, почти протискиваясь между ними, я кое-где замедлял шаг и спрашивал цены. Грамм кокаина — сто пятьдесят гульденов, марихуаны и гашиша — по двадцать. Кое-кто из торговцев успел накуриться, нанюхаться, ввести в вену героин. Они не в меру привязчивы, будут долго следовать за тобой, предлагая товар, и могут быть весьма агрессивны.

Из шести тысяч состоящих на учете зависимых от наркотиков амстердамцев примерно пять тысяч употребляют героин. Он появился в Нидерландах в начале семидесятых годов, когда американские солдаты-дезертиры скрывались от вьетнамской войны в европейских городах (преимущественно в Амстердаме). У них был с собой порошок, который выдавали в зоне военных действий для обезболивания, а также для расслабления и прилива отваги. До этой поры в стране было только триста человек из китайской общины, употреблявших опиум. Завезенный военными героин быстро потеснил другие опиаты. В значительной мере по этой причине героинизация сделала голландцев самым наркотизированным народом Европы. Позже героиновая эпидемия добралась до Копенгагена, Стокгольма, Осло.

В Амстердаме проблема усугубилась тем, что в 1974 году получил независимость Суринам (Нидерландская Гвинея), бывшая голландская колония в Карибском бассейне, и треть населения (примерно сто тридцать тысяч человек), среди них безработные креолы, имевшие проблемы с полицией, предпочли получить голландские паспорта и эмигрировать в метрополию. Они не только принесли с собой обычай втягивать героин в ноздри с листа фольги, но скоро вышли на первые роли в подпольном наркотическом бизнесе. Героин поступает известным путем — из Афганистана и Пакистана (через Турцию, Россию, Польшу, Германию) и из стран Африки через Атлантический океан, кокаин — из Южной Америки. Как мне говорили в амстердамской полиции, нелегальной продажей тяжелых наркотиков в городе заняты до трехсот дилеров, в их числе итальянцы, югославы, россияне — последние совмещают наркобизнес с торговлей соотечественницами.

Подпольные производства выпускают метилметамфетаминовую кислоту (экстази); здесь, как всюду, таблетки в ходу на танцевальных вечеринках (рейв-пати), дискотеках, в ночных клубах. Хотя уровень потребления синтетических наркотиков юными голландцами растет не быстрее, чем в других европейских странах, власти обеспокоены частыми случаями передозировки — она вызывает нарушение работы сердца, конвульсии, смерть⁷.

Нидерландцы озабочены появлением на рынке синтетических препаратов, содержащих примеси, усугубляющие вредное воздействие на организм. Ответом властей стало создание специальной структуры по координации усилий полиции, таможни, прокуратуры, всех других служб для противодействия новой экспансии. Как первый шаг, на крупных молодежных тусовках

— в потенциально наркогенной среде — установили приборы для экспресс-анализа: каждый может проверить, нет ли в только что купленных таблетках добавок. Такая забота о любителях наркотических веществ может показаться странной, но не для голландцев. Для них это еще один способ реализации принципа целесообразности.

Электричка Амстердам — Гаага идет час с небольшим зелеными лугами, подступающими к рельсовому пути. Мелькают стада пятнистых коров, маленькие городки со старинной мельницей, цветочными теплицами, тавернами, спрятанными в тени дубовыми столами, за которыми старики играют в вист. По мне, в этой холмистой местности, под теплым солнцем закурить, выпить, уколиться — это оскорбить чудесный мир, ласкающий взгляд; это все равно как в тихую лесную речку, в плывущие по ней опавшие осенние листья грубо швырнуть камень.

— Разве это можно, — вслух говорю я сам себе, но милая Эрика Колер, сотрудница министерства иностранных дел Нидерландов, моя переводчица и сопровождающая, растерянно смотрит в открытое окно, недоумевая, к чему могла бы относиться реплика гостя. Она все поняла по-своему:

— Конечно, наши электрички не так быстры, как в Японии, зато, сколько я живу на свете, не было случая, чтобы они опаздывали. Это очень важно, когда едешь на встречу в назначенный час, вы согласны?

Мы едем на встречу с мистером Фонсом Влумансом в министерство здравоохранения, социально-бытового обеспечения и спорта. Этот человек, мне говорили, один из идеологов нидерландской политики по наркотикам. Защитник базового принципа, принятого общественным мнением и закрепленного законом: наркозависимый человек — больной, а не преступник. Если ночной патруль наткнется на наркомана, который корчится на тротуаре, но в противоправных действиях не замечен, его везут не в полицейский участок, а в госпиталь. Суть государственной позиции: предотвращение или ограничение риска, которому человек подвергает, прежде всего, собственное здоровье и безопасность своего окружения.

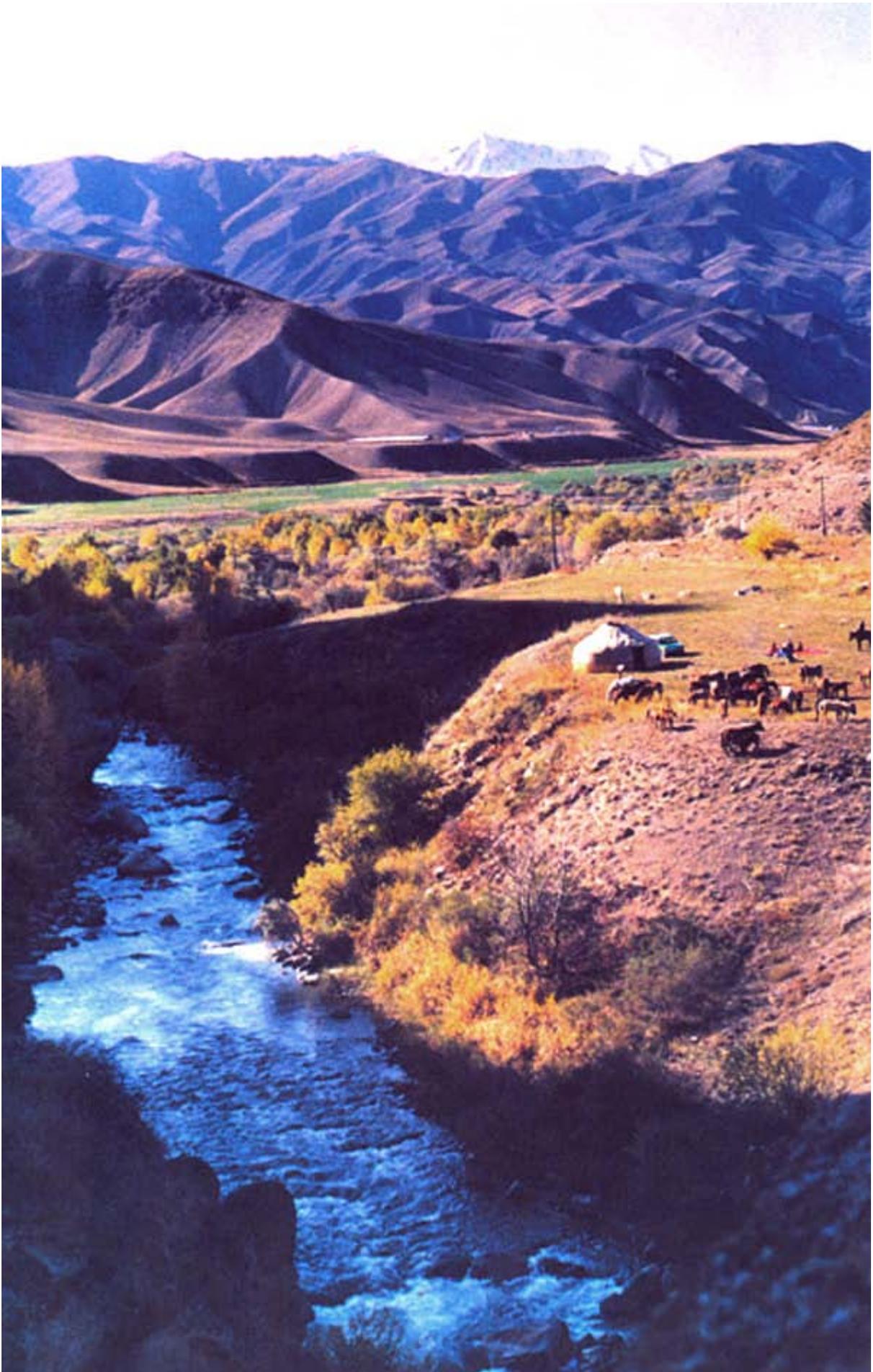
Выдержанность голландцев не знает границ. Здесь издавна смешивались разные культуры. Население, традиционно привыкшее к спокойствию и неспешным, размеренным, даже замедленным ритмам жизни, нашло выход из постоянного соседства со всевозможными пришельцами: пусть делают в своем окружении что хотят, только бы не нарушали общего покоя. Пожалуйста, открывайте публичные дома, продавайте что хотите, живите, как вам нравится, — но не мешайте голландцам, торгующим тюльпанами, едущим по набережным на велосипедах и, попыхивая табачными трубками, ведущим катера по каналам. Вот подход, наблюдаемый нередко: если наркоман никого не задевает — проблемы наркомании нет. Терпимость по отношению к наркотикам (до определенных пределов, разумеется) — не результат новейшей политики. Она, скорее, носит философский характер и уходит корнями в глубины национальной психологии.

Рассадив нас вокруг журнального столика, поставив перед каждым чашку кофе, Фонс Влуманс не стал дожидаться вопросов.

— Мы не занимаемся морализаторством типа «наркотики употреблять не следует, потому что это опасно и страшно». Голландцам ближе другой подход: «давай-ка вместе разберемся, почему ты наркотики употребляешь».

В отличие от стран, где зависимые от наркотиков часто избегают обращения к медикам, здесь две трети имеющих проблемы находятся в постоянном контакте с лечебными учреждениями. Это не только свидетельство доверия к медицине, но и показатель общей культуры. Медики тоже предпочитают поддерживать с пациентом длительные профилактические контакты, нежели дожидаться, пока его скрутит абстинентный синдром, а потом приниматься лечить. Продолжительное наблюдение позволяет лучше узнать больного и уровень его проблем⁸.

— Если вы спросите, сколько человек в Голландии когда-либо употребляли героин, мы скажем: около ста тысяч, из них двадцать пять тысяч все еще зависимы. А когда-либо пробовавших кокаин не менее полумиллиона, из них продолжают находиться в зависимости около пятидесяти тысяч. Пропорции совершенно разные. Героиновая наркомания скорее напоминает алкоголизм, но хронический алкоголизм наступает при активном употреблении лет через десять, а героинизм — в считанные месяцы, — говорит Фонс Влуманс.

Кыргызстан, родина моя...

Медицинский Центр Назаралиева в Бишкеке

Наша семья в г. Фрунзе (1964г.)

В день свадьбы с Розой

Первое авторское свидетельство

Коллектив Медицинского Центра

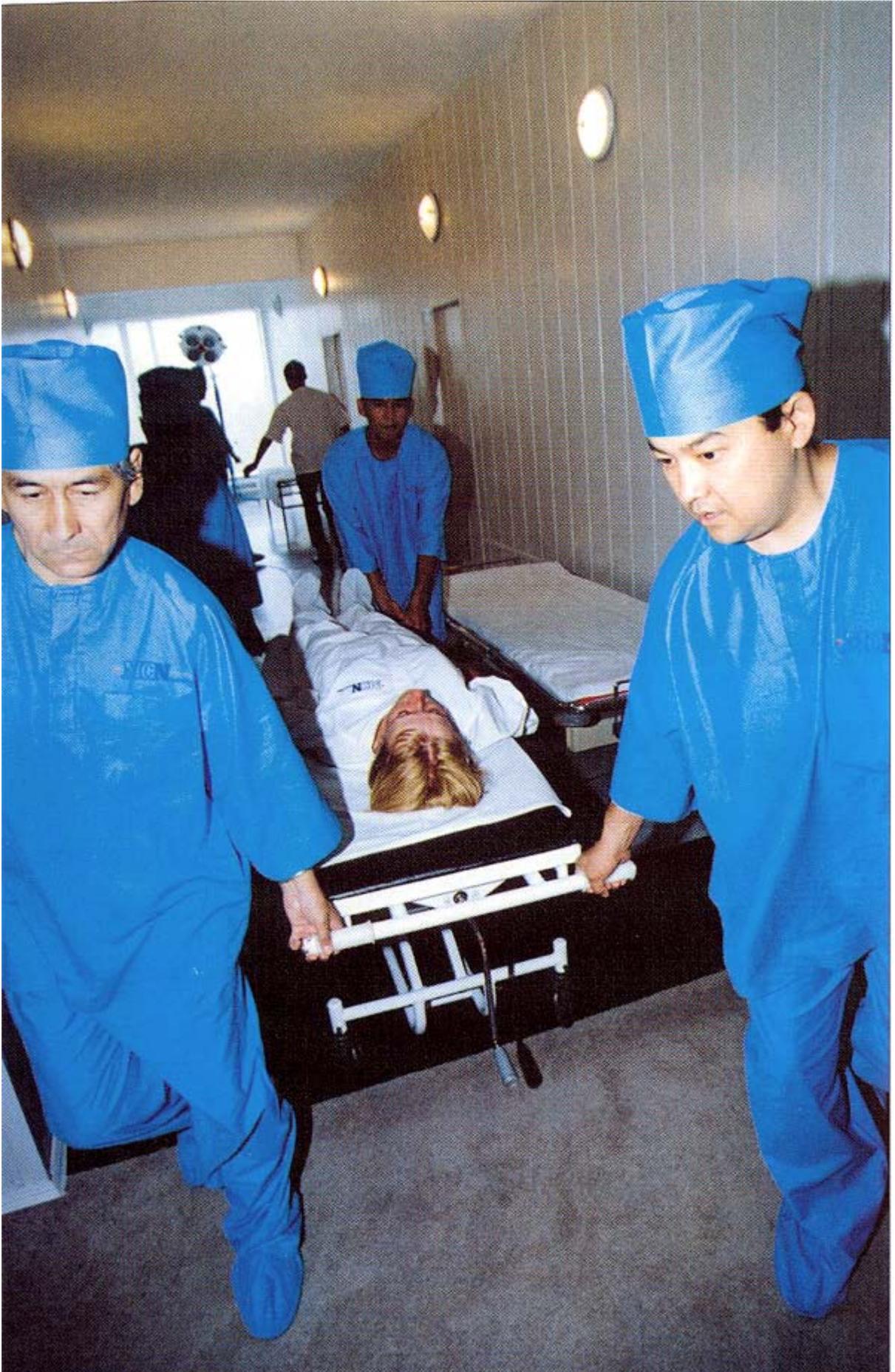
Мы с Розой и наши дети

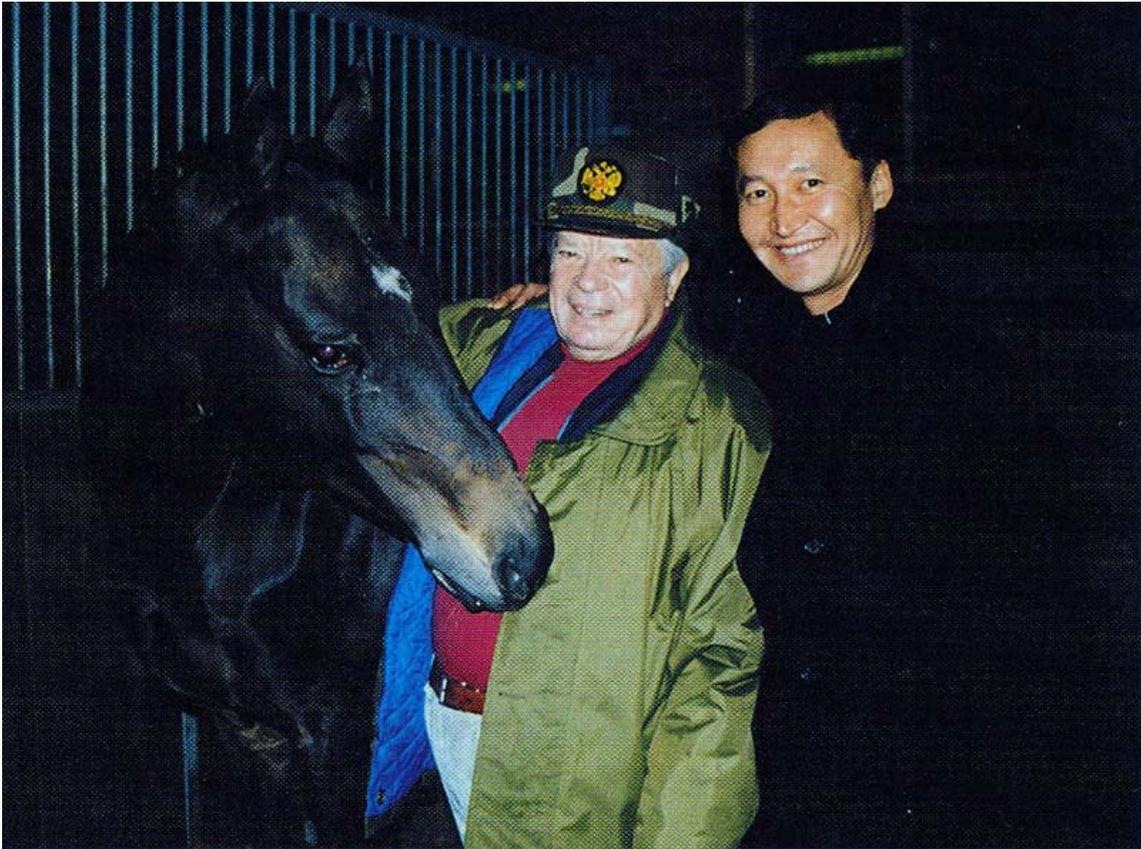
В отделении интенсивной терапии

Сеанс коматозной терапии контролируют врачи-анестезиологи

После сеанса стресс-энергетической терапии больному нужно отдохнуть...

У Святослава Федорова

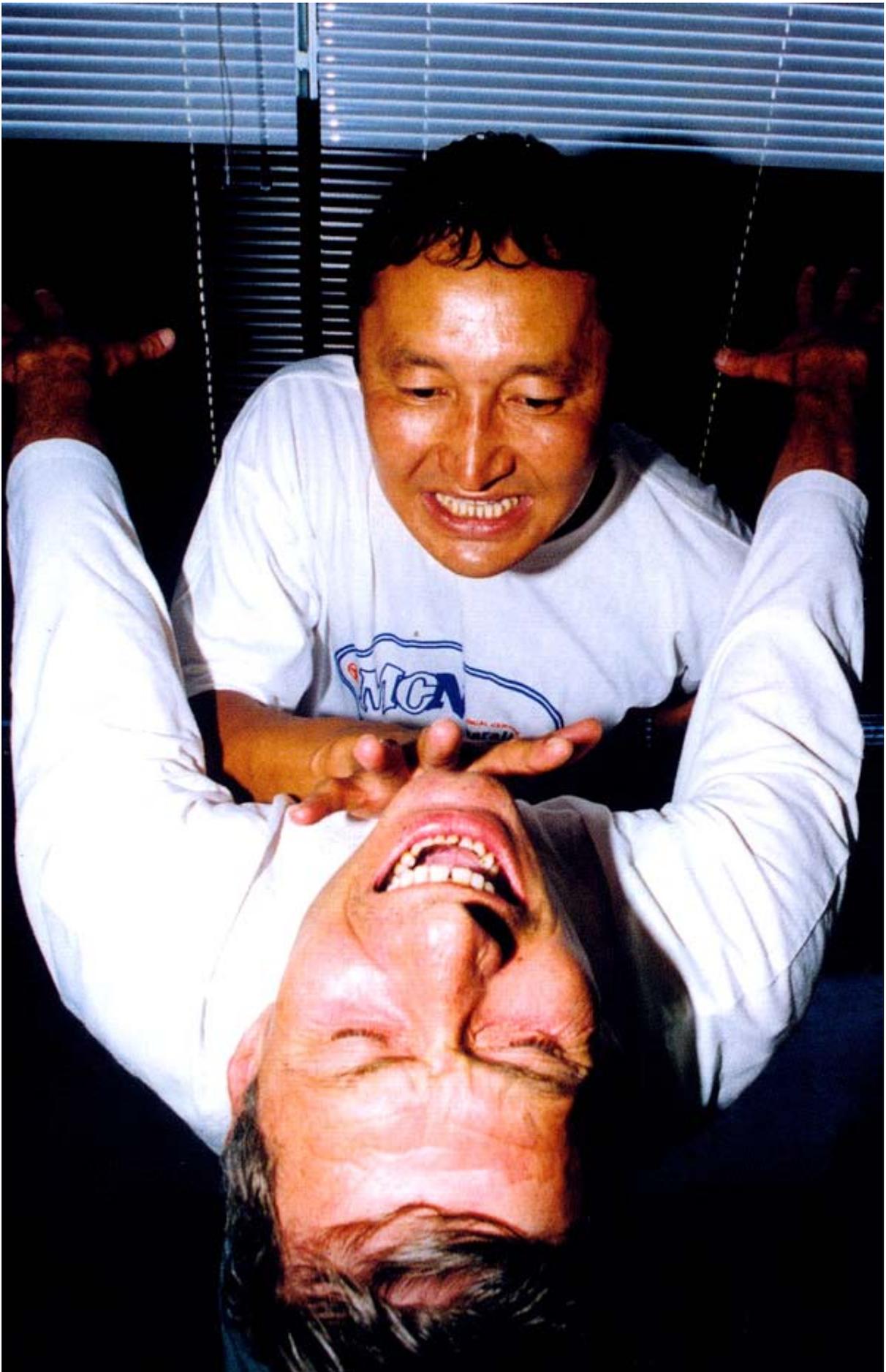
Наши гости – участники международного коллоквиума по проблемам наркомании и наркобизнеса в Центральной Азии (2000 г.)

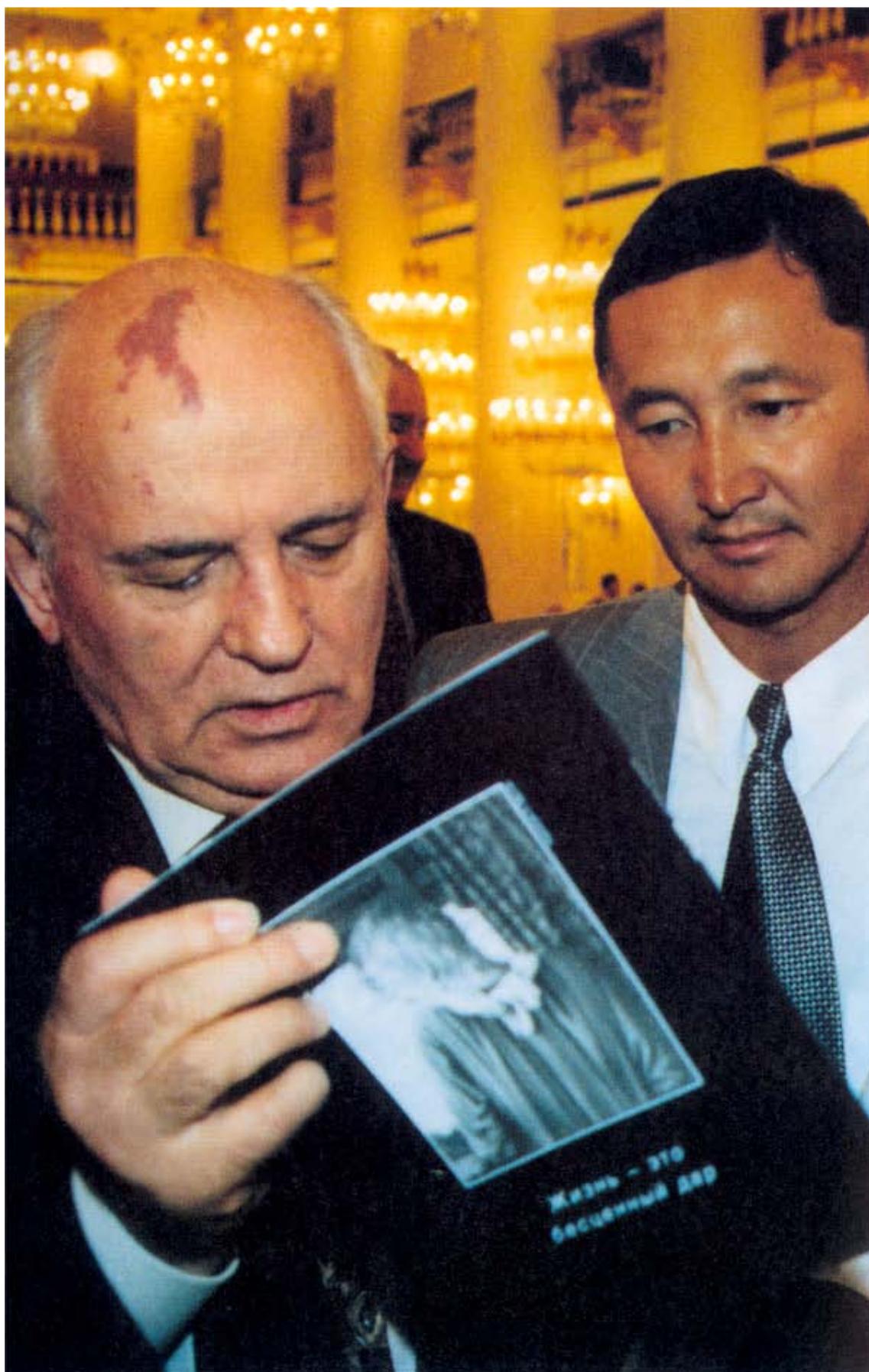
Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Кыргызской Республике господин Чжан Чжимин знакомится с Центром

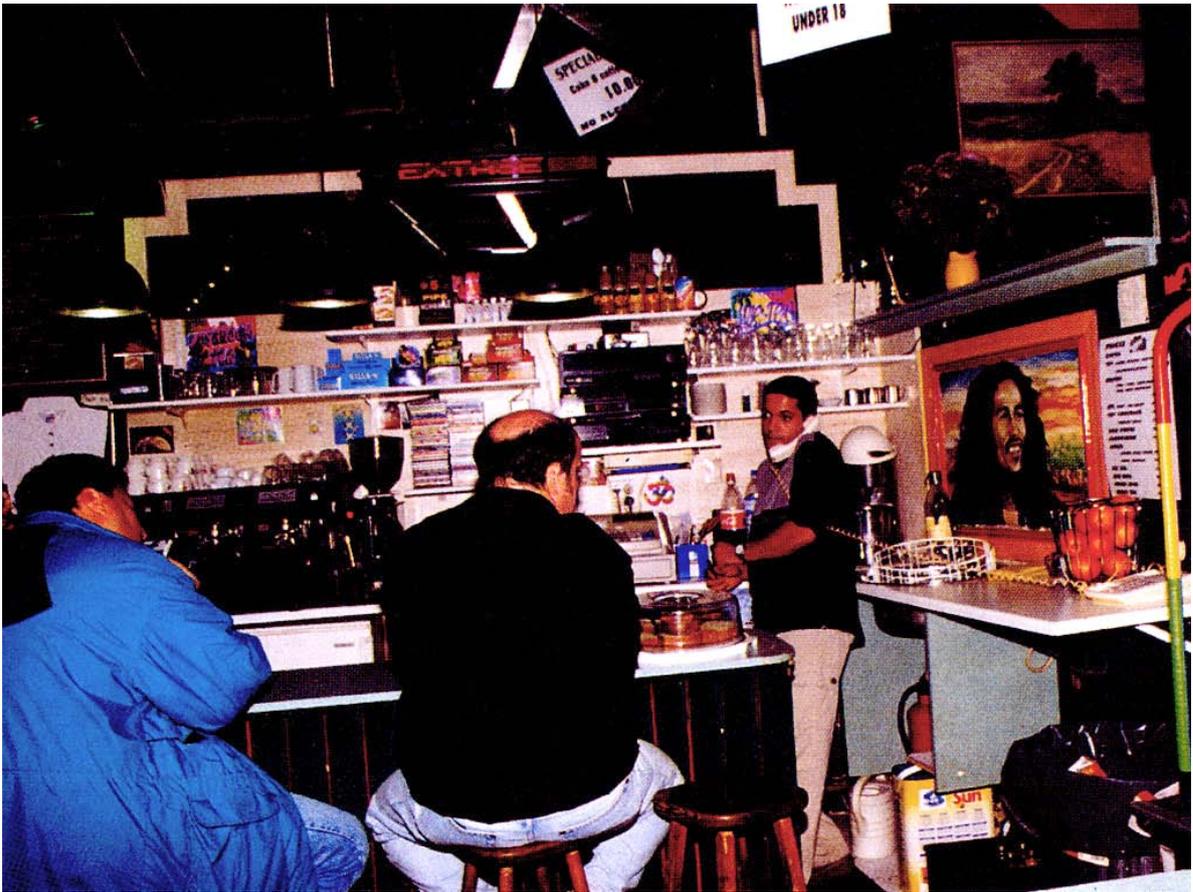
Немало земляков встретил среди наших пациентов российский посол Георгий Рудов

Во время сеанса стресс-энергетической терапии

На Международном конгрессе антинаркотических сил в Москве (1999 г.)

В голландских кофе-шопах запрещено продавать марихуану посетителям моложе восемнадцати...

Инспектор полиции Хан Блаумхоф, гроза наркоторговцев в Амстердаме

В Фонде марихуаны в Амстердаме уверяют, будто курение конопли через испаритель дает лечебный эффект... Мне это не показалось

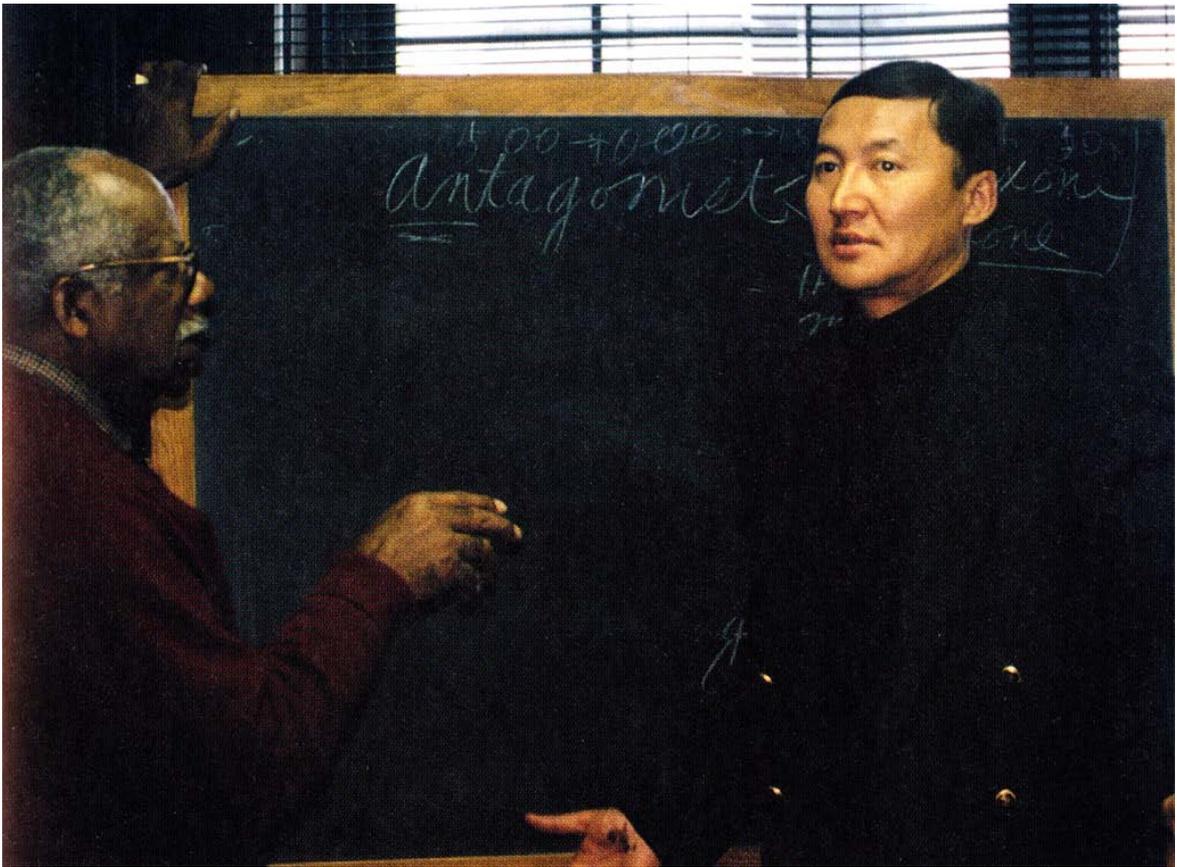

В витринах голландских магазинов обычна реклама трубок для марихуаны и продуктов из конопли

В ночных барах Брикстона, криминогенной окраины Лондона

В бруклинской клинике доктора Бенни Джима Примма, консультанта Белого дома по проблемам наркомании

Делегация военных врачей США в МЦН (1998 г.) Период реабилитации пациенты МЦН проводят в горах

На церемонии вручения диплома члена-корреспондента РАЕН (Москва, 1999 г.)

В стране двадцать наркологических клиник на пятьсот коек. Клиники частные, но пациенты не несут расходов, их оплата предусмотрена государственной системой страхования. Есть четыре медицинских центра, специализированных на психиатрических заболеваниях, включая алкогольную и наркотическую зависимость: часть их имеет дело с пациентами, желающими покончить с употреблением наркотиков, другая — с теми, кто этого делать не собирается. Правительство королевы Беатрикс, матери трех взрослых сыновей, не скупится на субсидирование медицины. На амбулаторное лечение наркоманов государство ежегодно выделяет шестьдесят миллионов долларов за счет системы страхования и пятьдесят пять миллионов из налогов, на уход за больными — сто сорок пять миллионов долларов. Еще пятнадцать миллионов долларов получает департамент юстиции для лечения страдающих зависимостью из числа условно осужденных и столько же — службы, занятые профилактикой, прежде всего предотвращением начального употребления вещества. Хотя лечение одного человека в психиатрической клинике в Голландии обходится в сто тридцать — сто сорок тысяч долларов в год, в стране нет клиник, где пациенту-наркоману пришлось бы за свое лечение платить. Тут, кажется, раньше других поняли призрачность надежд на медицинское излечение и сделали ставку на перестройку психики. Самое трудное, уверен Фонс Влуманс, научить человека ответить на предложение наркотика соблазнительно и самому себе решительным отказом.

— Раньше многие надеялись, что можно снять у больного абстиненцию, поговорить по душам и к нему вернется уверенность в себе, желание иметь прежний социальный статус. Теперь ходит новый миф, создаваемый самими больными, будто наркомания не просто проблема здоровья, это особый образ мышления, при котором смысл существования — в обеспечении себя наркотиком, а все остальное может интересовать только как сопутствующие средства достижения цели... — замечаю я.

Фонс Влуманс не спорит:

— У нас картина такая же, и, поскольку общество в лице властей запрещает следовать этому принципу, наказывает за преступления, связанные с поиском наркотиков, больные смотрят на общество как на угрозу своему существованию. Общество же, видя слонящихся по улицам наркоманов, разбитые ампулы и грязные шприцы, чувствует себя обворованным: это же на деньги, заработанные им, обществом, масса бездельников, накурившись или наколовшись, слоняется без работы, угрожает законопослушным гражданам, посягает на их право жить в обществе, свободном от наркотиков... На границе этих двух подходов, принимая на себя огонь с обеих сторон, стоят врачи-наркологи. Мы с вами, коллега!

О том, что наркомания не преступление, а болезнь, сродни психическому расстройству, впервые заявил в двадцатых годах Еллинек, американский нарколог чешского происхождения. Этот подход принят голландскими медиками при основании наркологического «Центра Еллинека», частной организации по профилактике, лечению, послелечебному уходу за пациентами всех видов зависимостей — от наркотиков, алкоголя, табака, азартных игр. В Центре со штатом пятьсот человек (из них триста пятьдесят — медицинский персонал) разрабатывают комплексные программы по лечению и социальной реабилитации⁹.

С Центром меня знакомил профессор психологии Эрик Вермулен, руководитель отдела по развитию программ. Среди сотрудников много бывших его студентов, он по привычке говорит назидательно, глядя близорукими глазами на собеседника в упор и помогая себе артистическими жестами. Проблема наркомании, по словам доктора, не сводится к дилеммам «да» или «нет», «наркоман» или «ненаркоман»; он рассматривает зависимость как комплексную медико-биологическую, психологическую, социальную проблему; она, в свою очередь, состоит из множества подпроблем — поиска способов помощи. Важно безошибочно распределить пациентов по конкретным программам, отвечающим их целям и возможностям. Для больных с относительно простыми проблемами предусматривается амбулаторное лечение, для тяжелых — стационарное. Есть программы переходного характера, когда пациент посещает лечебное учреждение с частичной госпитализацией. В Центре предпочитают чаще рекомендовать амбулаторное лечение. Если не поможет, пациента переведут на более интенсивную программу.

В чем суть программ?

По объективным данным устанавливается «индекс тяжести пациента», позволяющий определить характер необходимой помощи. Больной отвечает на вопросы анкеты, оценивая степень сложности своих проблем в диапазоне от «нуля» до «четырёх»: «нуль» означает, что

проблем в названной анкетой области нет, а «четверка», естественно, говорит об их крайней серьезности. Ответы заносятся в компьютер; изучив их, специалисты сообщают свое мнение о том, насколько тяжесть заболевания соответствует требуемому пациентом лечению. В оценочном листе видны возможные противоречия между желанием клиента и мнением медиков; Центр стремится в большей мере ориентироваться на пациента — он должен оказывать влияние на процесс лечения, предлагать, какой вид помощи ему больше подойдет, определять для себя цели лечения. Но и медики, в свою очередь, оказывают влияние на мнение пациента по поводу целей и перспектив. Затем врач и консультант начинают процесс, который здесь называют «расстаться с прошлым».

Принцип подхода к проблемам пациента — мультидисциплинарный, то есть в равной степени учитывающий медико-биологический, социальный, психологический аспекты проблемы. С каждым пациентом работает команда: врачи-терапевты, медсестры, психотерапевты, психологи, психиатры. И социальные работники — их в составе команды две трети. На команду возложена основная работа по лечению наркоманов и уходу — никто не является боссом и не вправе принимать решение в одиночку.

— Было бы глупо привлекать дорогостоящих психиатров для лечения не очень серьезных проблем пациента, — говорит Эрик Вермулен.

Читая литературу о способах лечения и обзоры практики за последние десять лет, говорят голландцы, приходишь к грустному выводу о том, что очень немного известно в мире о программах, действительно эффективных. В Центре «Еллинека» опираются только на научно обоснованное, доказанное, проверенное. В лексике сотрудников появились термины: «доказательная медицина», «научно обоснованная деятельность». При лечении разрешается использовать только те новшества, эффективность которых доказана научно или на практике. Экспериментировать можно где-нибудь в других местах. Здесь — лечить только проверенными методами.

В Центре есть психиатры, использующие старые, испытанные способы лечения, есть социальные и медицинские работники, освоившие современные подходы, есть врачи, обладающие собственным опытом. Они вправе работать по своим методикам, однако должны формулировать (находясь в составе команды) то, что здесь называют «рабочими гипотезами» — какие идеи приняты за основу, уровень проблем пациента и его собственные возможности изменить себя, ожидаемый эффект лечения, критерии оценки успеха. Еще раз: любая схема осуществляется при взаимодействии команды и пациента — его просят сообщать, что он сам думает о лечении, есть ли у него пожелания, как было бы лучше изменить процесс лечения, его цели, место проведения.

Для врачей важно поставить конкретные задачи перед каждым пациентом. Если, предположим, записать, что больному должно стать лучше, он должен быть вылечен, стать более счастливым, вряд ли можно будет в конце определить, насколько цели реализованы. Цели должны быть точными, реалистичными, поддающимися проверке, приемлемыми для врача и для пациента; называются также пути их достижения и сроки. Пациент привлекается к принятию решений в течение всего процесса лечения. Кстати, я по привычке пишу «пациент» или «больной». В «Центре Еллинека» принят другой термин — «клиент». Это уже иной статус человека, поступившего для лечения.

— Что с того, что лечение у нас бесплатное? Его оплачивают клиенты отчислениями налогов и покупкой медицинской страховки. Человек приходит к нам, как в магазин, и мы спрашиваем, удовлетворен ли он товаром, который мы собираемся предложить, этого ли он ждал или чего-то другого, — говорит Эрик.

В схеме лечения есть графа об эффективности программы с точки зрения клиента. Это, конечно, не абсолютный показатель, даже не оценка работы специалистов, а только субъективный взгляд больного человека. Но он важен для представления о картине в целом. По мнению персонала «Центра Еллинека», этот подход логичен, рационален, привлекателен — он сужает возможности для мистификаций. Новая система только еще внедряется в нидерландские клиники, но интерес к ней уже проявили медики Белоруссии, Латвии, Польши.

В последнее время голландские медики экспериментируют с красивым методом, известным под названием «плацебо». Он применяется к пациенту, который много раз пытался вырваться из зависимости, но ничто не помогло — ни метадон, ни другие средства. Больной ощущает себя рабом собственной слабости, у него опускаются руки, он не верит, что в его окошке появится свет. И вдруг он попадает в госпиталь: вокруг врачи, в комнате оборудование для операций — вся обстановка «та самая», какая бывает при сложном хирургическом вмешательстве.

После анестезии пристрастие к наркотику словно бы «вырезается» из его головы. Он просыпается, организм полон налтрексона, пациент странно себя ощущает, но чувствует, что его организм чист. Плацебо — скрытый момент лечения, позволяющий добиться успеха.

Эрик Вермулен с улыбкой рассказывает о самом удачном из известных ему американских экспериментов по лечению пристрастия к кокаину:

— Пациентам-кокаинистам платили по десять — пятнадцать долларов за каждый день, прожитый без наркотика. Их помещали в обстановку, где трудно было получить кокаин извне. Тех, кто твердо решил вернуться к нормальной жизни, убеждали присоединиться к психотерапевтической группе.

Экстравагантные опыты — от бессилия правительств построить общество, свободное от наркомании. Это отчаянные попытки узнать реальный уровень проблемы и как-то контролировать ситуацию.

В Кыргызстане, как в России и других странах, лечение наркоманий проводится врачами-наркологами и психиатрами. Возможно, наши программы и впрямь чрезмерно «медицинские», как и критерии оценки результатов. Если по окончании лечения в моче нет следов алкоголя или наркотиков, мы считаем результат хорошим. На самом деле, и голландский опыт тому подтверждение, механизм наркотической зависимости, от причин до последствий, имеет не только биологическую природу, но во многом также психологическую: лечение бывает успешным, если медицинские результаты подкреплены психологической и социальной поддержкой общества. Тем более когда речь идет о больных из бедствующих слоев. Обстоятельства часто толкают людей к наркотикам, и кардинально помочь больному не под силу самой лучшей медицине, если условия жизни остаются прежними. Тут интересы расходятся: наркоманы ждут, что врачи и социальные работники помогут им выкарабкаться из ямы, в то время как простые граждане, зарабатывающие себе на жизнь, без энтузиазма отчисляют растущие налоги на лечение и реабилитацию этих больных, требуя, тем не менее, от властей оградить их от угрозы со стороны «бездельников».

В полуподвальном ресторанчике на канале Кейзерсграхт моим соседом по столу оказался человек лет сорока, артистичной наружности, с носом Буратино и пестрым платком на тонкой шее. Он уже доедал картофельное пюре с горчичным соусом и допивал «Амстел», когда мы разговорились. Хенк, в прошлом барабанщик маленького оркестра, героинист с пятнадцатилетним стажем, восемь лет назад отказался от наркотиков. Это случилось, когда младший брат, которому он заменял отца и с которым кололись из одного шприца, на его глазах в состоянии сильнейшего опьянения выбросился из окна электрички на полном ходу. «Я был такой же и ничего не сделал, чтобы его удержать». Теперь Хенк работает в проекте «Национальная схема поддержки потребителей наркотиков». Эта общественная организация объединяет бездомных наркоманов, помогая им отстаивать свои права, находить работу и крышу над головой. Он прогуливается вдоль каналов, кружит в людных местах, острым орлиным глазом высматривает наркоманов и заводит знакомства. Человек по натуре общительный, он убеждает незнакомцев для начала сойтись в группу с единственной целью — следить за справедливым распределением метадона и четкой работой пунктов по обмену шприцев.

Время от времени Хенк сводит вместе своих новых приятелей и полицейских местного участка. Они собираются в помещении полиции как равноправные партнеры по переговорам о том, как обеим сторонам, не причиняя себе и другим неудобств, строить отношения. Наркоманы перестали бояться произвола полиции, а полиция получила гарантии большей безопасности населения района. И хотя конфликты иногда возникают, теперь они не приводят к взаимной враждебности, а преодолеваются на совместных встречах, ставших регулярными. Полицейский участок временами дает наркоманам работу — например, покрасить в гараже стены или подмести тротуар, а наркоманы обязуются принимать наркотики только в вечерние часы перед отходом ко сну. Даже маленькая самодисциплина — первый шаг к тому, чтобы наркоманы начинали жить по режиму. Без этого невозможно вернуться в отвергнутое наркоманом и забывшее о нем общество.

Тем, кто всерьез желает нормальной жизни, «Национальная схема...» помогает найти пристанище, на первых порах временное. Стоит клиенту обнаружить способность жить самостоятельно, трудом обеспечивать себя, выполнять свои обещания, и если по всему будет видно, что его существование становится осмысленным и появляются первые зачатки самоуважения, участники проекта берутся решать задачу ступенью выше. В сотрудничестве с другими социальными институтами (центрами занятости, службами обучения профессиям и т.д.), при поддержке местных властей, способных оплатить предварительные затраты, клиенту

помогают выбраться из опутавших его долгов, получить работу, которая ему нравится, подыскать место, где можно проводить досуг, который ему по душе. Это также может быть гарантией, пусть на первых порах небольшой, постепенного возвращения бедолаги в общество.

Никто не требует, чтобы человек сразу и полностью отказался от наркотиков. Пусть пока принимает, проект поможет ему делать это в условиях, безопасных для него и для других. Но пройдет время, замкнутый человек, никого не впускающий в свою жизнь и душу, находит людей, которым решится довериться, у него спадает напряжение, и только тогда с ним можно начинать разговоры о его болезни. Хенк, когда я слушал его, поражал полнейшим несовпадением его легкомысленного облика с серьезностью наблюдений.

— Видите ли, взгляд на наркомана, как на человека скорее с возможностями, чем с ограничениями, требует совершенно другой работы нашего мозга, — говорит Хенк, допивая пиво и возвращая бокал на картонную подставку с эмблемой «Амстел». Он не имел ничего против предложения продолжить разговор, признавшись, что врачей-наркологов он повидал немало, но пить с ними пиво не приходилось.

— Вы никогда не наблюдали, какой праздник у людей, когда из их дома выселили наконец наркомана? Они радуются спокойствию, о котором мечтали, благодарят полицию, которая не оставила без внимания их звонки. Теперь никто не оскорбит своим видом их благопристойность. Слепцы, они закрывают глаза на последствия. Наркоман выброшен на улицу, его проблемы обострились. До сих пор он угрозы обществу не представлял. Теперь бродяга опасен. Хорошо, если на его пути встретится человек вроде меня или работник подобного проекта, чаще даже у меня с таким трудно завязывается разговор. Он будет рыскать по городу, как голодный волк в осеннем лесу, готовый любому вцепиться в горло. Мы перестали в них замечать что-либо, кроме исколотых вен. Мы их сделали волками!

— Но как быть жильцам того дома, Хенк? У них разве нет права на покой, на удобства, на чистоту в подъезде?

Хенк уставился в пепельницу, как будто только сейчас разглядел на ней эмблему любимого пива.

— Союз наркоманов в Роттердаме собрал уличных наркоманов, жителей квартала, владельцев кафе и ресторанов, полицейских. Они вместе обсуждали, как сохранять на улице порядок, не ущемляя ничьих прав. Я не знаю, все ли проблемы им удалось решить, но когда каждого слушают и можно задавать друг другу вопросы, это меняет характер отношений.

Там создали организацию «Сделаем свой город чистым». Наркоманам предложили оплачиваемую работу, один день в неделю, по уборке улиц и в мастерских скобяных изделий; их даже попросили выполнить работу для полиции — провести перепись таких же, как они, наркоманов на местном рынке. Оказывается, наркоманы могут закатывать рукава не только для того, чтобы колоться!

Уже после встречи с Хенком, в разговорах с сотрудниками министерства юстиции в Гааге я начну понимать особенность голландского подхода. Здесь хотят выйти за круг традиционных представлений о том, как поступать с наркоманами. Социальная интеграция не сводится к тому, чтобы сначала вылечить людей, а потом возвращать их в общество свободными от физической и психической зависимости. Голландцы уважают права любых меньшинств, в том числе гражданские права тех, кто употребляет наркотики и не собирается с ними расставаться. Стало быть, социальная реабилитация и интеграция не обязательно должны следовать за лечением, но могут проводиться одновременно с ним, даже опережать. Улучшение условий жизни наркоманов, вовлечение их в посильный для них труд без предварительных условий бросить наркотики не обязательно толкают наркоманов к злоупотреблению вниманием к ним, но часто предотвращают их дальнейшее падение.

Идея приобщения пациента к социальным навыкам без непременно крутой ломки привычного образа жизни, с учетом его индивидуальности, овладела национальной общественной психиатрией со времен Второй мировой войны, когда страна столкнулась с контуженными солдатами и офицерами, с людьми, страдающими от психологических проблем. Тогда возникли первые терапевтические коммуны как форма социальной интеграции сограждан, чей умственный настрой, психический склад, жизненные устремления отличаются от общепринятых¹⁰.

Поначалу меня шокировали откровения голландских коллег, допускающих, что их пациенты еще долго будут употреблять наркотики, но даже при этом надо помогать им вести самостоятельную и успешную жизнь. Как же так? — все протестовало во мне. Выходит, медики смирились, признали свое бессилие? Но, остыв, я нашел в их действиях и логику, и доброту, и

мудрость. В самом деле, что может общество, кроме как усилить репрессии? Но весь наш исторический опыт предостерегает: насильственный путь — путь к обратному результату. Если пациент остановился на одном виде наркотиков, прекратил увеличивать дозу и при этом работает, часто успешно, — разве это не говорит о его потенциале, на который трезвомыслящие медики могли бы опираться, укрепляя в нем веру в себя, помогая поднимать планку выше?

— Хенк, — спросил я, — как вы думаете, почему обществу так трудно избавиться от наркомании?

— Потому что всех интересует, как вылечить от зависимости, тогда как главное — дать людям работу... Ну что, еще по паре пива?

Мы не смотрим на подозрительного человека, как на преступника, только потому, что он употребляет наркотики. Его задержат лишь в том случае, если заподозрят в совершении преступления или нарушении общественного порядка. Если же человек где-то в помещении принимает наркотики, нас это не касается, — слышишь в полиции Амстердама.

Двадцать два года назад инспектор Хан Блаумхоф и его группа прочесывали район «Красных фонарей», вылавливая уличных торговцев наркотиками. Тогда это были по большей части выходцы из африканских стран и немцы; молодые немцы скупали здесь героин, смешивали с похожими субстанциями и везли к себе на родину продавать. Сами они употребляли чистый сильный героин; полицейские не раз находили на улицах трупы молодых немцев, умерших от передозировки. В кругу торговцев инспектор встретил голландскую девушку лет девятнадцати, хроническую героиновою наркоманку, опустившуюся, больную, никому не нужную. Смыслом ее жизни было раздобыть наркотик, другое ее не интересовало. Инспектор увез ее в полицейский участок, там услышал горестную историю ее жизни, и ему стало жаль несчастную. Он помог ей найти жилище, вместе с ней обсуждал ее проблемы, мягко подсказывая, как справляться с беспокойством, не прибегая к наркотикам. Повел к врачам и не выпускал из поля зрения, пока она не пошла на поправку. Со временем он почти забыл о ней — мало ли встреч бывает у полицейских.

Два десятка лет спустя он встречается на набережной канала элегантную даму с двумя детьми и узнает в ней ту девушку. «Кажется, я вас когда-то видел!» — сказал он ей. Дама прищурила глаза и, к изумлению прохожих, бросилась на шею: «Мой спаситель! Мой отец!» После их давней встречи, потом говорила она, ей удалось бросить наркотики. Она поправила здоровье, удачно вышла замуж.

По наблюдениям инспектора, среди потребителей наркотиков-голландцев довольно высок процент женщин. Одна и та же доза наркотика на женщину влияет сильнее, чем на мужчину, из-за особенностей ее организма, содержащего больше жиров и меньше воды: обезвоженное тело усиливает концентрацию наркотиков и их воздействие. Кроме этого, женщине проще доставать деньги — она может, в крайнем случае, легально заниматься проституцией, а мужчина вынужден идти на преступления, быть под угрозой уголовного наказания. По этой причине полиции чаще приходится арестовывать мужчин, хотя женщин-наркоманок в стране больше.

— Если бы мы наказывали тех, кто употребляет наркотики, наши суды не могли бы заниматься другими делами, а конкретным людям это вряд ли бы помогло, — говорит инспектор.

Запомним: голландская полиция может арестовать потребителя наркотиков только в том случае, когда он нарушает общественный порядок. Но если человек никому не мешает — нет и проблемы наркомании. Этот подход не устраивает инспектора Хана Блаумхофа. Он видит на улицах торговлю наркотиками, группы молодых людей, в которых без труда замечает испытывающих «приход», он встречает их на вокзалах, автобусных остановках, в метро, от них шарахаются прохожие, они постоянно создают тревожные ситуации — почему не убирать их с улиц, не проводить детоксикацию, пусть даже против их воли?

— Как вы смотрите на то, что марихуана доступна? — спрашиваю я.

— Мне бы не хотелось, чтобы мои дети употребляли какие-либо наркотики, — отвечает инспектор. — Но я смотрю на проблему как полицейский. Торговля легкими наркотиками, как и тяжелыми, у нас наказуема, но их употребление не является нарушением закона. Не удивляйтесь, но даже молодые полицейские, многие из них, придя домой, закуривают марихуану, чтобы расслабиться и освободиться от беспокойств. Одна выкуренная сигарета четыре-пять дней поддерживает ровное состояние духа.

Так говорит полицейский инспектор.

Человек, в этой стране случайный, допустит ошибку, принимая голландскую терпеливость

и выдержку за попустительство. Голландцы со школьных лет слышат о природе наркотиков, о наркоманиях, их связи с насилием. Но никакая ситуация не заставит их испуганно округлить глаза. Они это все проходили. О зависимости говорят с пониманием. Если потребление героина здесь стабилизировалось, а зависимых от кокаина становится все больше, голландцы не торопятся с выводами, а присматриваются к ситуации в целом, пытаются распознать, что идет от тенденции, присущей другим странам, то есть свойственной времени, а что — от собственного недогляда. К последнему инспектор относит участившиеся случаи одновременного употребления смеси героина и кокаина и возрастающий интерес к амфетаминам.

Голландское законодательство, на самом деле, совсем не либерально. Хранение наркотиков, пусть для личного потребления, влечет за собой тюремное заключение сроком от года до четырех лет и (или) штраф от двадцати пяти до ста тысяч гульденов. А экспорт и импорт наркотиков, их производство, перевозка внутри страны, продажа и даже только намерения совершить какое-либо из этих действий наказываются лишением свободы от четырех до шестнадцати лет и (или) штрафом до миллиона гульденов. Если контрабандой наркотиков занимается преступная организация, ее участников ждут двадцать два года тюрьмы.

Никакие наркотики в стране не легализованы. Преследуется их экспорт и импорт, продажа на внутренних рынках, производство, обладание в объемах сверх допустимых (до пяти граммов сильных наркотиков и до тридцати граммов — слабых). Политики и законодатели по-разному оценивают ситуации, в зависимости от того, подразумеваются ли сильные наркотики или слабые.

Голландцы уверены в праве поклонников марихуаны и гашиша, менее других опасных для здоровья людей и общества, рассчитывать на снисходительный подход, учитывающий минимальный вред от их употребления, к тому же, по их мнению, окончательно не доказанного. Но легализация любого наркотика не предусмотрена ни в краткосрочных, ни в долгосрочных правительственных программах. Если бы это случилось, если бы Нидерланды оказались единственными в мире, отважившимися на такой шаг, размах торговли ими не стал бы меньше, но неизбежное при этом снижение цен привело бы к взрыву мирового наркотикулизма. Страну скоро стали бы чураться все некоррупцированные цивилизованные правительства и народы. Мужественно признавая свое бессилие и невозможность справиться с наркоманией, равно как с табаком и алкоголем, голландцы определили достижимую и для всех понятную цель — исходить из *общественной целесообразности*¹¹.

Если полиция задерживает человека при попытке приобрести сильные наркотики, а потом обнаруживается его хроническая зависимость от них, все подобные вещества, при нем найденные, будут конфискованы, а его самого (если он не рецидивист) никто не поспешит предать суду; полицейский участок свяжется с органами юстиции и здравоохранения, и они вместе решат, как помочь ему поправить здоровье и, возможно, разрешить его бытовые и социальные проблемы. Когда в состоянии наркотического опьянения человек совершит уголовно наказуемое действие, ему дадут выбор между отбыванием срока заключения в тюрьме и добровольным лечением. На время лечения суд может временно или окончательно отложить исполнение наказания. Но если правонарушитель не выполнил предписаний медиков, он получит определенный судом срок.

— Мы убедились: для человека, которому грозит тюрьма, замена на лечение чаще всего бывает хорошим стимулом, облегчающим его доверие к врачам, укрепляющим волю к выздоровлению, — говорит инспектор.

Российские законы, как и американские, предусматривающие наказание за приобретение или хранение наркотиков даже без цели сбыта, в целом строже голландских и оправданны, помимо прочего, отличиями темперамента потребителей. Бедолага где-то под Роттердамом в состоянии острой интоксикации может броситься на соседа с кулаками. Его американский ровесник в Вест-Сайде и российский под Рязанью в таком же возбуждении схватятся за топоры.

По словам разработчиков голландской стратегии борьбы с наркоманией, правительство не собирается распространять где-либо собственную политику. Она слишком зависима от экономического, психологического, эмоционального состояния общества. Как сказал мне полицейский инспектор Хан Блаумхоф, «мы никому не навязываем нашу политику, а можем только объяснить, что мы делаем в своей стране — и почему».

Глава шестая

БРИТАНЦЫ ЗА СНИЖЕНИЕ ВРЕДА

Симпозиум психиатров в Черч-Хаусе — Как в МЦН возвращают наркоманов в общество — По ночному Брикстону с наркодилером — Зачем Шерлоку Холмсу искусственные стимуляторы? — Скотланд-Ярд: «Не победа, а снижение вреда» — 40 минут с офицерами разведки — Помощь от «Ангела» — Кыргызский плов посреди Лондона — Десятилетняя программа: «Построим лучшую Британию»

Делегация Медицинского Центра в Бишкеке, приглашенная в Лондон для участия в работе сессии Всемирной федерации по психическому здоровью, только в московском аэропорту Шереметьево, перед самой посадкой в самолет авиакомпании KLM, узнала новость: премьер-министр Великобритании Тони Блэр устраивает для участников сессии правительственный прием в старинном дворце Ланкастер-Хаус в районе Сент-Джеймс, и кыргызские медики удостоены чести быть приглашенными. На приеме ожидалось присутствие королевы Елизаветы II: Всемирная федерация — под патронажем Ее Величества. Я перечитывал факс: «...форма одежды — пиджачный костюм». Мы были в панике. Самолет по расписанию прибывал в аэропорт «Лондон-Сити» за полчаса до начала приема. Нам следовало пройти все формальности, не мешкая схватить такси и мчаться во дворец. По прикидкам это трудно, но возможно. Переодеться мы могли бы во время полета, но наши вечерние костюмы были в чемоданах, уже унесенных транспортной лентой в багажный отсек. Оставалась единственная надежда — сменить свитера и джинсы на костюмы за двадцать минут, пока кэб довезет нас от аэропорта до дворца с английской королевой.

В Лондон мы прилетели с опозданием, поймали кэб и, едва он тронулся с места, стали спешно переодеваться, толкая друг друга локтями и вызывая волнение водителя — пожилого человека африканского происхождения. Мы чувствовали себя героями детектива Агаты Кристи, а в глазах водителя выглядели, наверное, беглецами из тюрьмы, потрошащими чужие чемоданы. Он не спускал глаз с зеркальца над ветровым стеклом, наблюдая за каждым нашим движением, и держал руку на телефонной трубке. Но наши старания оказались напрасными: в центре города машина попала в затор — конец рабочего дня! — продвигалась со скоростью пешеходов, а временами отставая от них. «График!» — с облегчением сказал водитель, убедившись, что мы не торопимся толкнуть дверцы машины и бежать врассыпную, не расплатившись. Мои спутники утешали друг друга воображаемыми картинами, как Ее Величество направляет лорнет в толпу гостей и беспокойно обращается к придворным: «Граф Эндротс, лорд Уильям, баронесса Анна, где же медики из Кыргызстана?»

Простите нас, Ваше Величество!

В Черч-Хаусе, в двух шагах от Вестминстерского аббатства и парламента, собрались медики всех континентов, обеспокоенные ростом психических нарушений и сопутствующей им дискриминацией больных. В наш век проблема психического здоровья занимает лучшие умы, встревоженные тем, куда идет человечество. Устроители конференции предложили для обсуждения список тем, поставив многих участников, в том числе кыргызов, перед нелегким выбором семинара. Дети в трудных ситуациях, психические проблемы новорожденных, права людей с психическими проблемами, проблемы бездомных, профилактика самоубийств, этнические вопросы, психическое здоровье и пытки, насилие в обществе, психически больные в тюрьме... Какие дискуссии предпочесть?

Делегация МЦН привезла доклад о том, в какой мере социальная реинтеграция, по

наблюдениям за нашими пациентами, может свидетельствовать о восстановлении психического здоровья. Длительность ремиссии и возвращение больных в общество, в его гражданские институты для нас важный, если не самый важный, показатель эффективности лечения. Нелегко дается реконструкция личности, ее новая адаптация к обществу, из которого она выпала, от которого оказалась болезнью оторвана, отринута бывшим окружением. Мы взяли наугад истории болезни ста пациентов, выясняя, какие жизненные обстоятельства сопутствовали их решению лечиться. Из-за наркотиков пятьдесят семь человек оставили прежнее место работы; двадцать восемь продолжали работу, но ощущали несоответствие занимаемой должности своему физическому и моральному состоянию: из-за приема наркотиков утрачивались контакты с окружающими, терялась скорость реакции на события и информацию, возникала спутанность мышления. Больных преследовало чувство неуверенности в себе, они перестали относить себя к полноправным членам общества. У больных с ранней наркотизацией (в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет) наблюдались иждивенческий настрой, утрата смысла жизни.

После курса лечения мы рекомендуем пациенту продолжать выработанную медиками программу его реабилитации. Оценить эффективность помогают анкеты, которые мы высылаем бывшим больным. Их ответы обнадеживают. В среднем из ста больных тридцать семь находят новый круг общения, порвав с приятелями, которые могли снова вовлечь их в наркотическую зависимость. Пятьдесят — меняют место работы, отдавая предпочтение деятельности, больше соответствующей их интересам, уровню знаний, физическим силам. Двадцать семь пациентов возвращаются в брошенные раньше семьи, тринадцать — готовятся создать или уже создали новую семью. Пятнадцать человек организуют собственное дело, двенадцать подростков и восемь юношей продолжают учебу. На возвращенных анкетах бывают приписки, часто веселившие нас. Если человек шутит — с его психикой все в порядке.

— Кто ваши пациенты? — спрашивали меня в Черч-Хаусе, и я не знал, как коротко сказать о таких разных, непохожих людях. Среди многих, которых я вспоминал, были отец и сын из армянской семьи, живущей на Кавказе. Меня поразили отец, убеленный сединами почтенный человек пятидесяти лет, употреблявший наркотики с юности. На моей памяти это едва ли не единственная встреча с хроническим наркоманом, дожившим до такого возраста. Он мыкался по свету, переменял много занятий, вырос до директора крупного ликеро-водочного завода и двадцать лет подряд каждый день, втайне от всех, вкалывал до десяти граммов раствора ханки, им самим приготовленного. Дозу не поднимал, чтобы совсем не потерять голову, но и прекращать не думал, начитавшись, что внезапный отказ от наркотика грозит невыносимой физической болью, а подчас и смертью. Только в последние два года, когда наркоманом стал подросший сын, он заметался в поисках решения. Говорить с сыном о вреде наркотиков не имело смысла: как он примет увещания из уст отца, о тайной страсти которого знал? И тогда отец решился вовлечь в исповедальный разговор всю семью. Были слезы, было отчаяние, но когда успокоились, когда пришли в себя, интуитивно приняли единственное мудрое решение: отец и сын должны бросить колоться разом, одновременно и вместе начать лечение. Зять привез обоих в Бишкек.

Психотерапевты старались поднять у отца и сына уровень самооценки и убедить, что они сами несут ответственность за свою жизнь, за то, как она у каждого сложится. Они послушно прошли полный курс и через тридцать дней благодарно попрощались с врачами. И вдруг какое-то время спустя отец снова появляется в Центре. Что случилось? По всем расчетам, мы это гарантировали, отец и сын должны воздерживаться от наркотиков не меньше года, а тут двух месяцев не прошло.

— Да не волнуйтесь вы! — рассмеялся отец. — Мы с сыном решили у нас в городе открыть такой же наркологический центр. Давайте вместе? Присылайте врачей!

Полтора года в том кавказском городе работает клиника для наркологических больных, созданная отцом и сыном. У них новый взгляд на мир; им нравится работать с людьми, общаться с ними, помогать им всю оставшуюся жизнь. Я вспомнил о них в Черч-Хаусе, в зале конференции, когда мой слух уловил слова, суть которых мы исповедуем, не успев сформулировать, а тут они прозвучали в завершенной формулировке: лечение пациента как личности с потенциалом эффективнее, чем лечение ущербной личности.

В Британии до двухсот тысяч тяжелых наркоманов. Их встречаешь по ночам на окраинах в районах типа Брикстона в Лондоне. Мы с друзьями приехали ночной подземкой на эту окраину, одну из самых криминогенных в столице, населенной по преимуществу выходцами из африканских стран. Жители столичного центра не горят желанием бывать там, с них довольно

сюжетов, время от времени возникающих на телеэкранах. Обычные герои брикстонских передач — наркоманы и полицейские. Я встречал англичан, которые родились и выросли в Лондоне, ездили по всему свету, но в Брикстоне не бывали.

Время близилось к полуночи. Хотя район освещен уличными фонарями не так ярко, как улицы в центре, отсвет от окон ночных клубов, кафе, дискотек падал на редких прохожих, поднявших над головами зонты; молодые люди кучковались у подъездов, ничем не прикрывая курчавые головы. От некоторых несло гашишем. Их речь была гортанна, движения резки, но к прохожим никто не приставал. Возможно, они были заняты своими проблемами, но не исключено также, что им известно об установленных на улицах скрытых телекамерах, передающих информацию в полицейские участки, и в случае подозрительных действий полицейская машина может возникнуть внезапно.

Присесть за столик мы решили на улице Брэвэри в кафе под названием «Хобгoblin». На оконном стекле был многократно повторен бумажный силуэт сидящего на метле чертенка с оттопыренными смешными ушами. Только подойдя к стойке бара и увидев барменов с раскрашенными лицами и с такими же, как у чертенят, приклеенными оттопыренными ушами, мы узнали, что в этот день англичане отмечают древний языческий праздник «хэллоуин» и чертенок — эмблема праздника. С банками пива направляемся в зал к дощатому столу, за которым потягивали пиво и смотрели футбольный репортаж два наголо стриженных крепыша с колечками в ушах.

Знакомимся. Бородатый Дэл с Ямайки, Суджи — из Нигерии. Полчаса спустя мы уже шутим по поводу всяких пустяков, я как бы невзначай спрашиваю, можно ли здесь «достать что-нибудь». Именно это я произношу, ничего более, но собеседникам все ясно. Конечно, это непростительный риск: в баре меня могли принять за человека Скотланд-Ярда — там работают агенты всякой наружности. Мои знакомые шепчутся на непонятном языке, направляются к соседним столикам к приятелям. Возвращаются как ни в чем не бывало и называют цены: грамм героина — семьдесят фунтов, кокаина — шестьдесят, пакетик марихуаны — двадцать пять, таблетка экстази — десять — пятнадцать фунтов¹.

Умом понимаешь, что на этом следует остановиться, но Дэл с таким энтузиазмом взялся «помочь», что духу не хватает признаться в праздности любопытства. Он требует сказать, в конце концов, что я предпочитаю, и мне не остается ничего другого, как назвать марихуану. Он подходит к настенному телефону и после короткого негромкого разговора возвращается:

— Пойдите на улице у двери бара. Мой друг подъедет через пару минут. Дело принимает детективный оборот, но отступать некуда. Мы с моим кыргызским коллегой выхлестим из бара, размышляя, не унести ли ноги, пока не поздно, или все же хоть краем глаза увидеть ночную брикстонскую жизнь. Вдруг из темноты возникает, озираясь по сторонам, небольшого роста африканец.

— Это вы ждете меня?

— Возможно, — отвечаю, несколько озадаченный вопросом: кроме нас, никого вокруг.

— Какие проблемы?

Тут бы и ответить, что проблем нет, все в порядке, но какая-то дерзкая сила заставляет вымолвить:

— Марихуана.

— Идите за мной.

Он поворачивает за угол к обшарпанной красной малолитражке. Садится за руль и открывает дверцы. Мы как загипнотизированные садимся в чужую машину и катим по ночной улице. Прохожие редки, у обочины дремлют на ногах невостребованные женщины.

В машине не разговариваем, водитель не обращает на нас внимания, меня охватывает беспокойство.

— Куда едем?

— В офис, — отвечает он, не поворачивая головы. Шутит, что ли? Мне было поделом — оказаться ночью в Брикстоне, в чужой машине, с незнакомым африканцем за рулем, ехать в неизвестном направлении, к тому же за наркотиками, которые меня интересовали только как инструмент знакомства. Хорошо, если он переодетый полицейский и сдаст нас в участок. А если из криминального мира? Если он и наши собеседники за столом — банда, затеявшая неизвестную нам игру? Я хотел было попросить остановить машину и распрощаться, но в это время он прижимает машину к обочине. Мы в каком-то африканском квартале. Облезлые кирпичные дома в два-три этажа, на балконах сушится белье, со всех сторон несетя оглушающая музыка.

— На какую сумму? — спрашивает водитель.

Я даю десять фунтов, и он скрывается.

На улице оживленно, на тротуаре при свете коптилок сидят торговки, разложив на тряпье овощи и разную мелочевку. К машине подбегают мальчишки, предлагают газеты, напитки, рисованные майки или просят подаяние. Это кусочек Африки в Лондоне. Неожиданно быстро возвращается наш водитель, протягивая бумажный пакетик. Мы едем в обратную сторону. Я представляюсь журналистом и спрашиваю, может ли он ответить на мои вопросы личного характера.

Он из Нигерии, тридцати восьми лет, женат, четверо детей, работает «таксистом» (он это говорит с улыбкой, что следовало понимать как иносказание). На самом деле мелкий уличный дилер, другой бы не стал мотаться по ночным улицам за десять фунтов. Зарабатывает примерно тысячу восемьсот фунтов в месяц, из них на марихуану для себя уходит сто двадцать. Курит в машине и дома, когда нет детей: не хочет, чтобы они тоже к этому привыкли. Старшему четырнадцать — опасный возраст. Жена знает о его «работе» и «куреве», бывают скандалы, но марихуана ни при чем. Почти все черные, по его словам, «курят»; отчасти их побуждает к этому расизм. Машину, говорит, часто останавливает полиция только потому, что за рулем черный.

За хранение гашиша грозит восемнадцать месяцев тюрьмы, за героин — четыре года. Его босс, тоже африканец, живущий в «офисе» с женой и четырьмя детьми, торговец покрупнее, зарабатывает в месяц до десяти тысяч фунтов, в основном на марихуане. В Англию наш водитель приехал восемнадцать лет назад из-за трудностей на родине. Хотел было вернуться, но «ситуация пока не позволяет».

Прощаясь, он предлагает дозу крэка, в Брикстоне тоже распространенного.

— Зря отказываетесь. Мгновенно наступает приход. Через секунду перенесетесь из Брикстона в Лас-Вегас... Попробуем вместе? — искушает водитель.

Мне очень хотелось вырваться из сырой брикстонской темноты и взлететь к сверкающим звездам Лас-Вегаса, но не на таком транспорте. Водитель скоро понял, что зря теряет время и вместе со своей машиной исчез в ночи. Может быть, до утра еще что-нибудь заработает.

Совет тем, кто направляется в Скотланд-Ярд: не повторяйте мою ошибку, не заходите накануне в домик-музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит. Здесь память возвращает к страницам повести «Знак четырех», к ее первым страницам. Помните? Шерлок Холмс берет с каминного пузырька, достает из сафьянового несесера шприц и делает себе подкожную инъекцию семипроцентного раствора кокаина. Рука знаменитого сыщика испещрена следами прошлых уколов. Доктор Ватсон, не выдержав, обрушивается на друга: «Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губительный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и, в конце концов, к слабоумию... Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким природа наградила вас?» А что ответит ему Шерлок Холмс? «Мой мозг, — скажет он доктору, — бунтует против безделья... Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы».

Нет, лучше не прохаживаться накануне по Бейкер-стрит, не испытывать свое воображение. Тогда в главном офисе лондонской полиции, переступив порог, вы не станете подозрительно всматриваться в сегодняшних английских детективов, снующих мимо, и гадать: а хватает ли им напряженной работы, не впадают ли они в искушение, перед которым не мог устоять их великий предшественник?

Я приехал в Скотланд-Ярд на встречу с шеф-инспектором Дезом Стоутом. Мне говорили, он самый знающий человек по части наркоторговли в Лондоне. У турникета дежурный офицер приклеил к лацкану моего пиджака гостевую карточку. Инспектор ждал меня на девятом этаже в кабинете 916. Он оказался милым, даже застенчивым человеком лет тридцати пяти. Он был осведомлен о предмете разговора и первым заговорил о тревожных симптомах. Сегодня в столице почти любой преступник связан с наркотиками — то ли как торговец, то ли как потребитель, то ли совмещающий оба занятия. Верно, подумал я, вспомнив ночного «таксиста» в Брикстоне.

За плечами Деза Стоута шесть лет войны с наркобизнесом в Большом Лондоне. Выявлением дилеров и потребителей наркотиков в городе специально занимаются двадцать шесть команд. В них сто пятьдесят офицеров, снабженных техникой скрытого слежения. У всех опыт работы в криминальной полиции, в службах здравоохранения, с условно осужденными, а также в местных общинах в качестве волонтеров. Дез, оказывается, в свое время патрулировал улицы

Брикстона и хорошо знает район. При нем в местах подпольной торговли установили телекамеры, за их информацией круглые сутки следят соседние полицейские участки. В районах, подобных этому, в ходу метод задержания наркоторговцев под кодом «Будь покупателем». Переодетые агенты полиции бродят по полутемным переулкам, где толкуются продавцы наркотиков, интересуются ассортиментом и, в конце концов, покупают. Другие участники операции успевают издать заснять процесс продажи на видеопленку для предъявления в суде. В полиции достаточно первоклассных артистичных агентов обоего пола, способных прикинуться студентами, забулдыгами, проститутками, — часто они вызывают больше доверия, чем их прототипы. И если брикстонские друзья из бара не заподозрили во мне, чужом человеке, агента полиции, это можно объяснить не безупречностью моего поведения, а скорее их ночным возбуждением, притупившим осторожность.

— Вам повезло, — сказал Дез Стоут, услышав о моем приключении. — Финал мог быть печальнее. Очень прошу, если захочется снова нырнуть на дно, делайте это при негласном сопровождении наших людей.

В Брикстоне обстановка стала обостряться с начала девяностых годов, когда в подворотнях и в общественных местах вошел в моду крэк, возбуждающий агрессивность и жажду насилия. С ним пришло в район то, что у нас называют беспределом. Опьяненных наркотиками людей ничто не останавливало. Сопротивление полиции было таким вызывающим, что однажды двум офицерам Деза Стоута при задержании наркоторговцев пришлось открыть стрельбу².

Полиция искала места сбора опийных наркоманов, где они делали друг другу инъекции. Шла настоящая охота за мусорными ящиками и свалками, пока среди отбросов не обнаружили кучу использованных шприцев и игл. Вблизи был лагерь бездомных наркоманов. Свалки, стихийно возникавшие где попало, власти перенесли на отведенные для них окраины. Но куда переместишь своих несчастных больных людей, которым от общества, о них забывшего, от них отказавшегося, не надо ничего, кроме дозы? Благонамеренные граждане стараются держаться подальше от опустившихся людей и их проблем, утешая свою совесть уплатой налогов и не забывая себе голову проблемами.

— Победить наркоманию трудно, мы можем способствовать разве что снижению вреда, — говорит Дез Стоут.

Снижение вреда — суть новой британской антинаркотической стратегии, близкой к политике Нидерландов. За год число арестов в этой сфере возросло почти на треть, но, по мнению полиции, вряд ли такие усилия способны сами по себе приостановить подпольную торговлю или сократить число преступлений. Именно полиция выступила одним из разработчиков национальной программы, предусматривающей гибкую политику предания суду при приоритетном внимании лечебным подходам. По новой концепции, торговец наркотиками, сам их не употребляющий, должен отбывать наказание в тюрьме. Но если он тоже питает к ним слабость, предпочтительнее, чтобы в этом случае им занялись медики. Чем лучше будет уход и лечение, тем выше окажется конечный общественный результат.

За хранение и распространение наркотиков (героина, кокаина, амфетаминов и т. д.) дилеру грозит тюремное заключение до семи лет. Не имеет значения количество обнаруженного при нем вещества. Если попался человек даже с одним граммом наркотика, есть ли уверенность, что он не торгует этим добром десять лет? Он может быть опасен для общества, и полиция в любом случае применит к нему санкции.

— Если вы найдете в моем кармане грамм наркотика, меня ждет тюрьма? — спросил я, с облегчением вспоминая уличную урну, куда выбросил недокуренную сигарету с брикстонской марихуаной.

— Если вы наркотиком только торгуете, но сами не употребляете и прежде за это не были судимы, познакомимся с вашей личностью поближе и на первый раз, возможно, заменим арест беседой на юридические темы. Но если вы уже попадались с наркотиками, будут судить. Мера наказания определяет не количество, а факт преступления и личность преступника.

Одно время был замечен спад интереса к героину, но не успели британцы испытать гордость за свою умную антинаркотическую политику, как с конца девяностых годов спрос на героин начал возрастать, особенно в провинциальных городках Старой Англии. Дотошные историки стали вспоминать, что именно их соотечественник химик Олдер Райт, экспериментируя с разными соединениями опиумной группы, больше ста лет назад получил на основе морфина новое соединение, впоследствии названное героином и долгое время применявшееся исключительно для снятия боли³. Никто не виноват, что открытие привело в конце концов к

созданию мирового криминального бизнеса. Сегодня в стране на учете двести тысяч героинщиков. Отчасти это можно объяснить стараниями наркodelьцов, ищущих новые пути транспортировки опиатов из глубин Центральной Азии через Турцию и Балканы в Великобританию.

В ночных клубах и среди молодых англичанок, желающих понизить аппетит и сохранить фигуру, снова в моде «пилюли бодрости» — амфетамины. Одно время наблюдалось угасание спроса на них, но под конец двадцатого столетия они снова оказались в ходу в подростковой и юношеской элитарной среде. Каждую неделю англичане потребляют миллион таблеток экстази, иногда в смеси с ЛСД. По наблюдениям полиции, на многолюдных тусовках торговцы нередко сбывают внешне похожие на экстази таблетки кустарно приготовленных дурманящих веществ. Не с одной массовой гулянки уже выносили трупы отравившихся.

Дез Стоут повторяет мысль, для него важную. Есть немало людей, употребляющих наркотики, и единственное, в чем общество может их упрекнуть, — так это в том, что они делают это. Но существуют другие, тоже принимающие наркотики, но к тому же замечаемые в деструктивном поведении, причастные к преступлениям. Именно они представляют интерес для полиции.

Один вопрос вызвал у инспектора замешательство — бывает ли, спрашивал я, чтобы полицейские, конфискуя у торговцев наркотики, как это иногда случается в России и Кыргызстане, потом сами же их и продавали.

— Зачем? — изумился Дез Стоут, когда до него с трудом дошел смысл. — Это не положено!⁴

Лондонский полицейский не поставлен перед выбором между честной службой и безбедным существованием: его не обманывает государство, не лишают сбережений банки, не держат в нищете муниципальные власти. Я не знаю, как бы он себя повел, окажись в положении своих коллег, знающих о цивилизованных обществах с тою же приблизительностью, как о вымерших мамонтах, потухших вулканах, загадочных метеоритах. Безумно интересно, но — так далеко!

— Дез, — спросил я, — когда англичане покончат с наркотиками — через пятьдесят, через сто лет?

Дез покачал головой:

— Никогда... Все, что мы можем делать, — это управлять проблемой, не теряя над ней контроль и бороться с преступностью... А наркотики будут вечно.

— Пользоваться фотокамерой и звукозаписывающими устройствами запрещено! — предупредила женщина-офицер, сопровождая меня к стальному лифту с табличкой «черный вход». Справа над лифтом и лестницей была табличка «красный вход», куда торопились большинство сотрудников, проходивших через никелированный турникет, вставляя в прибор намагниченные карточки, а мне пришлось подождать, пока охранники найдут мое имя в книге записей, переспросят, кто я и откуда, перепроверят документы, куда-то будут звонить и дождутся появления этой немногословной женщины, обязанной довести меня до двери, за которой она передаст гостя другим офицерам. На стене предупреждение: не загоразивать проход. Наверное, бывают ситуации, когда служащим надо пулей вылететь из здания и рвануть с места машину. Мы были в лондонском районе Спринг-Гарденс на улице Цитадель-Плейс. В комплексе соединенных переходами красных кирпичных зданий, каждое в три-четыре этажа, расположена Национальная криминальная разведывательная служба Великобритании.

Я думал, только в Советском Союзе силовые ведомства были настроены к прессе, избегали ее, сохраняя вокруг своих занятий флер таинственности. Представить не мог, что это достижение сталинских лет англичане сумеют встроить в демократическое государственное устройство. Со мной в офис разведывательной службы пришел российский журналист, чье имя вместе с моим было указано в заявке посольства Кыргызской Республики, обратившегося к британским властям с письменной просьбой принять для беседы в офисе нас обоих. Мой приятель тоже проявлял интерес к мировому наркобизнесу, писал об этом в российских газетах, и я представить не мог, что у британцев есть информация, доступная моим ушам, но не его. Встретившая нас сотрудница решительно отказалась пропускать журналиста, повторяя, что людям этой профессии вход в офис запрещен. Никакие звонки по высоким кабинетам не возымели действия, и только новый звонок из кыргызского посольства, да еще мои заверения, что приятель сотрудничает с нашим Центром в Бишкеке и к тому же не собирается об офисе писать, даже не будет задавать вопросов, непоколебимых разведчиков поколебали.

— Фотоаппарат есть? — спросила сотрудница. — Оставьте! Диктофон есть? Оставьте! Другие предметы?

Мы начали выворачивать карманы, я мысленно уже готовился к тому, что мы с приятелем войдем в кабинет начальства в трусах, но сотрудница офиса, самого вежливого в мире, жестом руки дала понять, что наш стриптиз не доставит ей удовольствия. Так, с недовернутыми карманами мы вошли в лифт. У меня еще будет случай поблагодарить Чрезвычайного и Полномочного Посла Кыргызстана и нашего консула за их невероятную победу над британской разведкой и обаяние, открывавшее передо мной и моими коллегами закрытые лондонские двери. А по в лифт по дял нас на тр еий этаж, мы пр о ши чер в бо вшую ко шату, набитую компьютерами, и оказались в кабинете, где на настенных полках виселось штук сорок разных полицейских фуражек и касок. Для переодеваний, что ли? В кабинете нас ожидали два рослых человека в гражданских костюмах, сразу предупредивших, что у них для разговора не больше двадцати минут. Симон Годдард и Лес Фландер, как они назвали себя, были из Отдела борьбы с наркотиками и организованной преступностью. В ответ на первые же вопросы они стали переглядываться, произнося с улыбкой: «Без комментариев!» Эти слова в их лексике были самыми употребляемыми, но даже в сверхосторожном разговоре можно было уловить два момента.

Национальная криминальная разведывательная служба разрабатывает стратегические и тактические программы расследования особых преступлений: действующей в Британии международной организованной преступности, подделки валюты, создания подпольных лабораторий по производству наркотиков. Аналитики оценивают степень угрозы национальной безопасности, вырабатывают предложения властям по законодательству, дают рекомендации, как предотвращать преступления в этой сфере. Каждый год служба принимает к расследованию тысячи запутанных дел.

Территории бывших советских республик (Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан), меня особенно интересующие, для британской разведки не являются приоритетными. С точки зрения международного наркобизнеса офису больше интересны Турция, Афганистан, Пакистан. Оттуда идет восемьдесят — девяносто процентов героина, которым наводнены все британские графства.

В этих странах — подпольные лаборатории по производству героина для Европы, в том числе для Великобритании. В обратном направлении наркосиндикаты тайно переправляют для лабораторий химикаты, в том числе российские⁵.

Движение химикатов трудно контролировать. У них множество легальных применений — в парфюмерии, фармацевтике, при производстве красок. Помимо химикатов, иногда выступающих как составная часть наркотического вещества, в подпольном производстве используют растворы, включающие кислоты и щелочи. Их требует изготовление любых наркотиков, кроме растительных. Химическая обработка нужна при выработке кокаина из листьев коки, морфина из опиума, героина из морфина. Но больше всего химических веществ нужно для производства синтетических наркотиков вроде амфетаминов, экстази, ЛСД. Использование легально произведенных химикатов для изготовления запрещенных наркотиков — ключевой момент в незаконной наркоиндустрии.

Огромное количество химикатов используется при нелегальном производстве наркотиков. Обнаружить их нелегко — одно вещество может иметь множество названий. Например, эфир, один из растворителей, поставляется в Европу под двадцатью наименованиями. Иногда изготовитель маркирует химикаты названием легального заводского продукта.

Наркотики не произведешь без лабораторной аппаратуры и оборудования. По мнению британской разведки, контроль над движением изделий этого ряда непременно приведет к воротам подпольных наркофабрик. Это не всегда высокотехнологичные предприятия. С восьмидесятых годов дельцы создают производства, которым достаточно сарая и моечных раковин. Такие «фабрики» или «лаборатории» оснащены также набором самой простой домашней утвари, а люди, привлеченные наркодельцами к работам, чаще всего не имеют химического образования и вряд ли осведомлены о том, что на самом деле изготавливают.

Британцы берут на учет также предприятия по выпуску машин (прессов), штампующих таблетки и капсулы. Наркодельцы приобретают электрооборудование, но могут довольствоваться, не привлекая к себе внимания, вышедшими из широкого потребления одноштаповыми или многоштаповыми механическими прессами. Их дополняют сушилками, смесителями, машинами для гранулирования. В последнее время особая нужда в смесителях: для экономии наркотического вещества дельцы все чаще смешивают основной компонент с посторонним связующим порошковым материалом, придающим таблетке объем и товарный вид.

Спецслужбы нашли еще одну зацепку для поиска конспиративных лабораторий. Таблетные машины, обычно громоздкие, шумные, окруженные облаком пыли, часто устанавливаются в гараже или на первом этаже здания. Иногда они требуют трехфазного электропитания. Запрос на установку распределительного щита тоже может стать наводкой для обнаружения потайного производства.

Скрытые лаборатории (цеха) кажутся безопасными для работающих там людей, но из-за неподготовленности персонала, к тому же имеющего дело со старым оборудованием, при включении или выключении электрических приборов случаются взрывы. Спецслужбам известны случаи, когда лаборатории этого типа использовались мафиями как ловушка для представителей власти. С некоторых пор полицейским предписано заходить в такие цеха непременно в каске, маске, защитных очках.

Особенно активны фабрики на юго-востоке Турции; их владельцы хорошо вооружены и вступают с полицией в перестрелки. Британские разведчики наладили связи с зарубежными коллегами (с турками создали совместное агентство). По просьбе других стран они посылают своих экспертов в любую точку мира, консультируют местные власти, делятся разведывательными данными со всего света.

Недавно полиция Германии заподозрила некоего гражданина в провозе по территории страны большого количества наркотиков. Перевозчик держал путь во Францию. На германской территории его не стали задерживать, но предупредили французскую полицию. Французы негласно сопровождали гражданина до Кале, где и предполагали его задержать, но перевозчик неожиданно передал пакеты англичанину, который вспрыгнул на паром, пересекавший пролив. Французы связались со службами Соединенного Королевства, в том числе с департаментом по таможене и акцизам в Дувре. Там паром поджидали. При обыске гостя обнаружили наркотики. Британское бюро Интерпола — часть Национальной криминальной разведывательной службы и обеспечивает связь с полицией, разведкой, таможенниками, пограничниками в ста семнадцати странах.

У меня было представление об Интерполе как о команде сыщиков высшей квалификации, которые рыскают по миру и, наделенные сверхполномочиями, расследуют крупнейшие преступления, ловят опаснейших преступников. На самом деле интерполовцы координируют работу национальных полицейских сил, снабжают их информацией и услугами, придерживаясь законов, существующих в каждой стране. Сотрудникам Интерпола запрещено в какой-либо стране вмешиваться в политические, военные, религиозные, расовые конфликты.

Я бы погрешил против истины, если бы намекнул, будто все эти сведения нам удалось все-таки вытянуть из офицеров британской разведки Симона Годдарда и Леса Фландера. Этого не было! Они молчали, как на допросах партизаны, и если их руководство за стенкой слушало наш разговор (разведчики все-таки), то могло бы представить этих двух к медалям за неразглашение государственных тайн. О них мы и не спрашивали. О моментах, на самом деле интересовавших нас и теперь изложенных на бумаге, мы собирали сведения из разных источников, включая печатные. Надеюсь, это свидетельское показание поможет офицерам-разведчикам, если их начальство, не доверяя магнитофонной ленте, но зная о возможности говорить мимикой, жестами, прищуром глаз, когда-нибудь припомнит им эту встречу и усомнится в их бдительности.

Весной 2000 года британское правительство и общественность обсуждали выводы специальной комиссии во главе с баронессой Рансимен Доксфордской, членом палаты лордов, о внесении поправок в законодательство о злоупотреблении наркотиками. Прошло без малого три десятка лет, когда в стране вступил в силу довольно строгий законодательный акт, направленный на предотвращение торговли наркотиками, их транспортировки и определение ущерба, наносимого их употреблением. Пора было задуматься, насколько эффективен когда-то принятый порядок вещей. Комиссия сосредоточилась на четырех моментах: не устарела ли классификация наркотических веществ, оправдана ли политика наложения штрафов и заключения под стражу за их хранение и употребление, не следует ли пересмотреть полномочия полиции и, наконец, какие поправки в законодательство отвечали бы новой ситуации.

«Наркотики и Закон» — так баронесса и ее коллеги назвали отчет, предоставленный на рассмотрение правительству Тони Блэра, которое в этом отчете выглядит виновником продолжающейся наркотизации британцев. Комиссия рекомендовала снизить сроки заключения за потребление сильнодействующих наркотиков (героин, кокаин) с семи лет до года, провести переклассификацию групп наркотиков, переводя часть их из класса сильнодействующих в класс

менее опасных препаратов, не делать разницы между отношением общества к марихуане и его отношением к алкоголю или наркотикам. Среди принципиальных было также требование отменить арест за хранение слабых наркотических средств.

Правительство Великобритании отреагировало немедленно, обнародовав заявление о своем видении проблемы. Оно настроено и впредь придерживаться политики установления более жесткого контроля за потоками наркотических веществ. Лидеры же ряда общественных организаций высказались в том смысле, что комиссия изучала проблему недостаточно глубоко; смягчение законов в отношении нелегального оборота наркотиков может привести к тому, что молодежь начнет думать, будто наркотики общедоступны и безопасны.

Участники диспута обратили внимание на одно существенное обстоятельство. С быстрым развитием технологий биологического синтеза появляются новые виды медикаментов, а следовательно, и новые виды наркотиков, учитывать которые законодательство не поспевает. Нужна национальная система раннего предупреждения, способная контролировать создание новых препаратов.

Тони Блэр и его кабинет приняли решение отвергнуть предложения комиссии баронессы Рансимен Доксфордской, хотя понимают рискованность противостояния представителям либеральных кругов. Выразителем их идей выступает баронесса и другие члены комиссии. Британские политики уверены, что главные дебаты еще впереди.

В Лондоне я открыл для себя любимый транспорт — двухэтажный автобус: занимаешь место наверху у окна, под тобой плывет размытая дождем улица, не видишь лиц пешеходов, только раскрытые над их головами зонты, и стараешься по форме зонта, по фигуре, по походке угадать, куда они спешат, почему пешком. Почему нет машины у этого, по виду состоятельного, чуть полноватого и уверенного в себе джентльмена, у него она непременно должна быть, и дорогой марки. Джентльмен стоит на углу перед красным светофором, нетерпеливо переминается с ноги на ногу, всем своим видом давая понять, что не каждый день большому городу выпадает честь видеть его на своем тротуаре. Косой дождь хлещет в окно, здания растворяются и исчезают, как погруженный в чай сахар-рафинад.

Так же хлестал холодный дождь в Бишкеке осенью 1996 года, и в запотевших окнах теряли очертания дома, когда в нашем Центре появилась женщина из города Орла, в не по сезону легкой спортивной куртке, с мокрым лицом и совершенно сухими, давно заплаканными глазами. Врачей трудно было удивить новой историей, к тому времени мы все наслушались и насмотрелись всякого, но, когда женщина, отдышавшись, стала рассказывать о своей семье, выдавшие виды врачи испытали растерянность. Женщина говорила о шестнадцатилетней дочери, которая к тому времени два года вкалывала в вену раствор опиума, в пятнадцать лет родила, и новорожденный, еще не зная материнской груди, корчился в состоянии абстинентного синдрома: подгибал под себя ножки и ручки, по тельцу шли судороги, он заходился в криках от боли.

Женщина, как мы поняли, бухгалтер крупного завода, там же в одном из цехов работал ее муж, шесть лет назад погибший от несчастного случая. Директор завода, известный в городе человек, — ее, рассказчицы, отец, то есть дед ее непутевой дочери. Дед и бабушка души не чаяли в единственной внучке, она нередко оставалась у них ночевать. Мать и старики не сразу заметили перемены в дочери, когда ее приятель, года на два старше, к тому времени уже наркоман со стажем, приучил ее колотья.

Не прошло и года, как дочь забеременела. Но еще до того, как это стало явным, сначала мать, а потом старики стали обнаруживать внезапное исчезновение вещей. Они долго смущались сказать об этом друг другу, не могли в это поверить и молча страдали. Она уносила золотые украшения матери и бабушки, продала магнитофон, фарфоровый сервиз, фамильные серебряные ножи, вилки, ложки, постельное белье. Девочка постоянно находилась в полусонном состоянии. На все расспросы был готовый ответ — засиделась с подругами в кафе, ребята угостили вином, теперь хочет спать. Она бросила школу, мать в отчаянии стала запирает ее дома, но дочь находила любую возможность, хоть через форточку, но уходила и пропадала неизвестно где.

Бабушка страдала сахарным диабетом и однажды, почувствовав слабость, попросила внучку посидеть с ней, а через некоторое время ей стало плохо: старушка покачнувшись, опустилась на кровать и попросила внучку принести из комнаты инсулин — сделать себе укол. Внучка подошла к лежащей бабушке и, ни слова не говоря, стала снимать с ее ушей золотые серьги. С этого момента для семьи жизнь кончилась. В минуты отчаяния беспомощная мать и старики молили Бога, чтобы ниспослал их девочке несчастный случай.

Они еще не знали о наркотиках.

Когда появились признаки беременности, мать повела девочку к врачам. Осмотрев юную пациентку, они сообщили, что у нее какое-то тяжелое сопутствующее заболевание. Когда до родов оставалось три месяца, медики поставили диагноз: хроническая опийная наркомания с сильным расстройством личности. Старики и мать, опасаясь ужасных последствий, уговаривали девочку решиться на преждевременные роды и уже почти пришли к согласию, когда медики открыли им глаза на другую сторону проблемы: оперативное вмешательство в юный организм может окончиться для девочки бесплодием. Согласна ли сама девочка никогда не иметь ребенка, а ее мать — внуков, а дедушка с бабушкой — правнуков?

Девочке предстояло рожать.

Слушая рассказчицу, я тогда подумал о том, как скованы попавшие в трудную ситуацию женщины общественным мнением, часто безжалостным, иногда беспощадным. Люди, как известно, не отличаются добрым отношением к наркоманам, имеющим или желающим иметь детей, вызывают к местной власти, к органам правопорядка, требуя лишать таких родителей права растить и воспитывать детей. А большинство наркоманок — в молодом, детородном возрасте. В такой атмосфере беременные женщины, страдающие наркотической зависимостью, боясь столкнуться с враждебным отношением, опасаясь возможных юридических последствий, с неохотой обращаются к врачам или скрывают пристрастие к наркотикам. Многих, особенно из малообеспеченных семей, удерживает от обращения к медикам сомнение, не попадут ли сведения о них в службы социальной помощи, не лишат ли их пособий. Ведь анализы крови и мочи сразу обнаружат их секрет. Беременные часто сами хотели бы бросить наркотики, но это редко кому удается, поскольку беременность — дополнительный стресс. По этим причинам многие женщины избегают встреч с наркологами, которые могли бы помочь им и их детям. Общество еще не осознало, как важно поддержать беременных наркоманок в их поисках медицинской помощи без опасения быть дискриминированными.

Нашей рассказчице и ее дочери повезло — они обратились к врачам.

Медики не советовали девочке в оставшиеся до родов недели прекращать прием наркотиков. Проявление абстиненции с обычным при этом чувством тревоги, раздражительности, ноющей тягой к наркотику, отсутствием аппетита, бессонницей неизбежно сказалось бы на новорожденном. Пациентку перевели на контролируемый медикаментозный прием наркотических веществ (промедол, омнопон, норфин). Родился мальчик с врожденной наркоманией. Симптомы обычны: через сутки или двое крики высоких тонов, невозможность накормить и усыпить, учащенное сердцебиение, жар, рвота, припадки... Хотя медики не уверены, что при этом неизбежны долговременные органические нарушения физиологии и умственного развития ребенка, оснований для опасений немало. Ребенка лечили специальными препаратами и месяца через два зависимость сняли. Малыша с первых дней отняли от груди, приучили к искусственному питанию, которое припасали для него бабушка и дедушка, уговорившие внуку оставить новорожденного в их доме. Она и не возражала, вернувшись в прежний круг друзей, оставаясь сосредоточенной только на том, как раздобыть наркотики. Ее снова заперали дома, она снова убегала, и все это вынудило мать привезти дочь в Бишкек.

Когда женщина пришла в нашу клинику второй раз, уже с дочерью, трудно было поверить глазам. Ну не может быть этой девушке с изможденным, почти старушечьим лицом только шестнадцать лет. Она скорее не дочь нашей рассказчицы, а сестра, причем старшая.

К тому времени, когда юную мамашу привели к нам, она принимала каждый день до двух граммов опиума и вкалывала на ночь четыре кубика успокаивающего транквилизатора (реланиума). Это была тяжелая пациентка. В первые дни постоянно кричала, ночами не спала, требовала различных препаратов и в огромных количествах. Дежурные врачи не отходили от нее, пресекая попытки бежать. Хотя ограничение свободы не в правилах нашего Центра, пациент волен в любое время покинуть клинику, и если хочет покинуть навсегда, это его выбор, но в данном случае мы понимали ее состояние. Нашей надежной помощницей выступала ее мать.

В первые дни у девочки не наблюдалось никаких проявлений материнства.

— Как зовут мальчика? — спрашивали врачи.

— Как называли, так, наверное, и зовут.

После сеансов специальной коматозной терапии, когда по четыре-пять часов она спала в бессознательном состоянии, в ней стало что-то меняться. Она начала прислушиваться к беседам врачей, не устававших напоминать ей о ее еще юных годах, и как она хороша собой, и что у нее чудесный сын.

Через неделю пациентка перестала ощущать мышечные боли, физически окрепла и как будто очнулась; вокруг нее были врачи, медсестры, санитарки, всем она мила, каждый ей рад. Она здесь не преступница, она слабая и больная, ей только хотят помочь. По совету медиков иначе стала держать себя ее мать: в глазах больше не было отчаяния, они улыбались и светились любовью. Общими усилиями юную маму убедили в том, что происшедшее с ней — только болезнь, тяжелая, но все-таки болезнь, которая поддается лечению. И когда она поверила врачам, стала помогать себе справиться с болезнью. Она уже по-другому смотрела на свое прошлое. Теперь она рвалась на беседы к лечащему врачу, уверяла, что больше ей не надо препаратов, усыпавших ее, что ей нравится, когда утром ясная голова и день обещает быть интересным. Она часто говорила с матерью, наедине и в присутствии врача, о том, как начнет свою жизнь, вернувшись домой. Шаг к своему выздоровлению девочка сделала сама — мы только его закрепили.

Прошли две с половиной недели, и пациентку было не узнать. Перед нами теперь здоровая, румяная щекастая девушка-подросток; появился блеск в глазах. Ее мама, воспрянув духом, тоже помолодела, теперь они выглядели рядом все-таки как мать и дочь. Психическую зависимость нам удалось снять, но у пациентки сохранялся нарушенный сон, и мы порекомендовали им обоим лечебный отпуск как попытку адаптации к новой жизни, какая им теперь предстоит. Они уехали домой и раз в неделю, где бы ни были, звонили в Центр, а если по каким-то причинам звонка не было, мы их разыскивали сами. Девочка поступила в вечернюю школу, стала работать программистом на том же заводе, где всю жизнь проработала ее мать и где директором был ее дед. В ней проснулись наконец материнские чувства, и по выходным дням она прогуливается в городском саду с сыном на руках, накинув на высоко поднятую голову шаль — как мадонна.

Через три месяца мать и дочь приехали в Центр для заключительного этапа лечения. Обе выглядели прекрасно. На заседании комиссии, которая решает, готов ли пациент к последнему этапу, мы попросили девушку сформулировать, с какой целью она вернулась в клинику. Я помню ее ответ слово в слово:

— Та жизнь, которая у меня теперь, это моя настоящая жизнь, и я хочу, чтобы она продолжалась все годы, отпущенные мне.

Мать и дочь покидали Бишкек весной, шел такой же косой дождь, какой был в день их первого появления в Центре и какой сейчас бьет в окна двухэтажного автобуса, что все еще кружит по улицам Лондона.

Мне вдруг стало ужасно жаль себя. Я в одной из самых красивых столиц мира, в центре современной цивилизации, в городе богатейших музеев и картинных галерей, и, вместо того чтобы уйти с головой в новую для меня реальность, встречаюсь с людьми, связанными с наркотиками, погружаюсь в атмосферу, бесконечно далекую от атмосферы европейского исторического центра, которой давно хотелось дышать. Многие памятники и здания узнаваемы, они словно ожившие иллюстрации из когда-то прочитанных книг, но город в целом оставался незнакомым, таинственным, не спешащим открыться первому встречному. Да и что доверяться тому, кто поминутно смотрит на часы, волнуясь, поспеет ли в назначенный час на очередную встречу.

На Ватерлоо-роуд я добрался вовремя, но не без труда отыскал в каменных джунглях указанный на посольском факсе «Веллингтон-хаус, 133», где в департаменте здравоохранения мне предстояла беседа с человеком, одним из самых сведущих в вопросах, интересующих меня. Майк Фарелл — старший советник департамента по политике в области алкоголя и наркотиков, но еще практикующий врач, да не где-нибудь, а в госпитале «Моудслей», едва ли не старейшей психиатрической лечебнице Большого Лондона.

— Нужно признать, в силу разных причин у нас ограниченные возможности влияния на ситуацию с наркотиками. — Майк Фарелл всматривался в меня. — Если бы я был политиком, я бы вам этого не говорил.

Меньше всего я ожидал услышать такое признание от человека, причастного к формированию британского курса в области наркоманий, но подкупила меня не столько его доверительность, нечаянная в устах правительственного чиновника, сколько желание отмежеваться от политики, оставаясь врачом, который знает больше, чем может сказать. Влияние на наркоситуацию, как следовало из его слов, ограничивает нехватка профессиональных наркологов. Обычно их работу выполняют психиатры и врачи широкого профиля («общей практики», сказал он). Почти все они заняты в государственных клиниках. Возможно, потому, что бесплатная

медицинская помощь здесь на одном из самых высоких в мире уровней, частных нарколечебниц мало, они не популярны⁶.

Я спросил, чем британская политика в области наркоманий отличается от политики других стран. Вопрос не казался праздным: в этом островном государстве живут представители разных этнических групп, с непохожими культурами, со своими предпочтениями, в том числе предпочтениями в области наркотических веществ. Очевидно, традиционные пристрастия, присущие разным народам, требуют особой диагностики, профилактики, лечебных подходов. Знаю по собственным наблюдениям, как трудно бывает медикам там, где живут народности, чьи традиции не предусматривают обращения к врачам в тех случаях, когда их заболевание связано со злоупотреблением наркотиками. Некоторые аборигены Сибири, я это сам видел, судят о силе мужчины-охотника по тому, как много он способен выпить спиртного. В эвенкийском стойбище на притоке Лены, в голой тундре, мы с друзьями наткнулись на замерзавшего в снегах человека. Он корчился в состоянии острого алкогольного опьянения. Толпа односельчан, помогая мне поднять его, причмокивала языками с восторгом: «Столько выпил — и живой!»

— Культурно-этнический аспект употребления наркотиков стал занимать нас с недавних пор, но я бы не взялся утверждать, что он отражает исключительность британской ситуации. Мы живем во времена быстрого перемещения огромных масс людей, ищущих рабочие места, спасающихся от локальных войн, бегущих от тоталитарных режимов. В любой стране Европы существуют общины выходцев из Латинской Америки, Африки, Азии, Ближнего Востока. У каждой свои наркотические приоритеты. Поэтому политика государств в области наркотиков становится все более похожей — учитывающей эти различия.

— Но есть, видимо, общие принципы? — спросил я.

— Они связаны со снижением вреда и восстановлением здоровья. Скажем, опасность распространения СПИДа касается всех.

Я вспомнил ночь в Брикстоне, моих чернокожих знакомых и вслух подумал о том, что в районах, где треть населения выходцы из других континентов, по теории вероятности они же должны, по крайней мере, в такой же пропорции быть пациентами местных наркологических клиник.

— Очень интересный вопрос! — воскликнул доктор Фарелл. — В южном Лондоне, где госпиталь «Моудслей», довольно много африканцев и азиатов, однако наших пациентов среди них удивительно мало. У них, надо думать, не меньше проблем с алкоголем и наркотиками, чем в том же районе у белого населения, но они редко прибегают к помощи медицинских служб. Хотите знать мое мнение? Я опасаясь, что наши службы для них не особенно привлекательны или они не уверены в нашем добром к ним отношении. Мы ломаем голову над тем, как изменить положение, но это трудно сделать без их живого участия, с нашими поверхностными представлениями об особенностях их традиционных культур.

Мне понятна мысль доктора Фарелла и его неприязнь к тривиальным представлениям об этнических меньшинствах как о целостных группах с обычным для них низким уровнем жизни, без учета известных внутри каждой группы различий. Бывает, из одной этнической общности приходят больные с полным доверием к медикам, их европейскому образованию и совершенно другие — настроенные к личности врача, к его методам лечения, часто не совпадающим с их традиционными представлениями.

Прощаясь, Майк Фарелл дал мне книгу «Построим лучшую Британию. Программа действий правительства Великобритании на 1998 — 2008 годы».

— Если хотите знать, как мы собираемся жить дальше, посмотрите. Найдете неглупые мысли, в том числе вашего покорного слуги.

В тот день руки до книги у меня не дошли; перекусив в пабе, после полудня я уже кружил по северной части Лондона, отыскивая Ливерпул-роуд, 38-44. Небо скоро прояснилось. Пешеходы прятали короткие зонты в портфели, а длинными постукивали по тротуару, как слепые, выбрасывающие перед собой трость. Я оказался встроенным в динамичное пешеходное движение; на каждом шагу предлагали свои услуги юные чистильщики обуви, приставали продавцы вечерних изданий, неслась по мостовой конная полиция, а я всматривался в номера домов, долго не находя здание, которое искал, — мне нужен был «Ангел», центр бесплатной помощи наркоманам. По справочникам, он был создан в 1986 году медсестрами и волонтерами для поддержки тех не слишком многочисленных бездомных, кто пытается самостоятельно прекратить принимать наркотики или уменьшить опасность от их приема. Не только в Британии такие

центры, существующие на добровольных (волонтерских) началах, размещенные в бедных криминогенных кварталах, где люди ночуют на тротуарах, просят подаяния, тащат все, что плохо лежит. Этим людям нельзя всех безоговорочно отнести к наркоманам, поскольку никто не знает, как часто они употребляют наркотики и какие именно. Но последствия интоксикации здесь грубы и зримы: несчастные случаи, заболевания раком, сердечно-сосудистые и венерические болезни, умышленное причинение вреда себе подобным, частые попытки самоубийства. Достаточно появиться одному человеку, злоупотребляющему наркотиками, как это взбудоражит весь квартал. Англичане первыми стали подходить к наркомании как только к одному из секторов большого круга проблем. Взгляд на наркотики как на часть некоего социального целого лег в основу философии людей, пришедших работать в центры, подобные тому, в который я теперь торопился.

— Скажите, — спросил я Эрика Калина, директора «Ангела», когда мы уселись в его кабинете, — проходя по холлу, я заметил на журнальном столике брошюры для гомосексуалистов, советы лесбиянкам, руководства, как пользоваться презервативами. Может быть, я не туда попал?

— Вот видите, даже вас заинтересовало. Мы демонстрируем посетителям доступность наших услуг всем группам населения, в том числе людям с особой сексуальной ориентацией, распространенной в северном Лондоне.

— Вы записываете их имена, спрашиваете документы?

— Мы предлагаем пациентам заполнить анкеты, чтобы по ответам представить их проблемы и понять, какая помощь нужна. Все строго конфиденциально. Нарушить конфиденциальность можно только в случае, если ее соблюдение чревато угрозой чьей-либо безопасности или может сказаться на судьбе детей.

Эрику лет тридцать пять — сорок, у него нет семьи и детей, но, проведя пару часов в его офисе (штат — тридцать шесть сотрудников), я бы не решился назвать его одиноким: такое множество людей, по преимуществу странного обличья, прохаживается по кабинетам и заглядывает к нему. Люди с улицы приходят безо всякой предварительной договоренности, но когда видишь, как волонтеры, опережая их желание высказаться, предлагают чашку чая, создавая атмосферу дружелюбия и понимания, кажется, будто собеседники давно друг друга знают и рады новой встрече. Бездомные, для которых первым успехом, даже подвигом было заставить себя подняться с тротуара и приплестись сюда, уже слышали от приятелей с соседних улиц, что здесь никто не будет их осуждать, шептаться за спиной, напоминать о том, кто они теперь, а выяснив о них все, что можно, ничем не задевая амбициозных самозащитных чувств, посоветуют, как в их ситуации получить крышу над головой, где можно попытаться найти работу или пособия, к каким врачам обратиться. Услышав согласие, волонтеры сами сведут их с местной службой социальной помощи, с врачами, которых они знают и которые хорошо знают молодых сотрудников «Ангела».

Оценка ситуации и консультация о способах решения проблем — главное направление работы центра, но не единственное. Здесь нет своих врачей, но есть шесть медицинских сестер с опытом работы в неблагополучных районах города. Они обменивают наркоману грязные иглы на стерильные, чтобы грязные не разбрасывали по подъездам и дворам, а здесь собирали бы в контейнер; его увезут службы уборки улиц. Независимые медики, работающие по контракту с центром, пять дней в неделю проводят бесплатную дополнительную терапию — шиатсу, акупунктуру, ароматерапию; в сочетании с консультациями и лечением эти сеансы помогают людям укрепить здоровье. На все эти цели местные органы власти и департамент здравоохранения выделяют миллион фунтов в год. Значительная часть средств идет не на лечение, а на профилактику.

— Мы не обманываем себя утверждениями, будто способны решить проблему наркотиков, но занимаемся ею единственно оправданным прагматичным образом, — говорит Эрик.

— И все-таки: многие ли люди с улицы, побывав у вас, готовы соскочить с иглы? — спрашиваю я.

— Мы к этому стремимся, но это, повторяю, лишь одна из наших целей. Главное — снижать общественный вред, связанный с употреблением наркотиков. Мы ответственны за наркомана и за ситуацию в целом.

Справиться с социальными болезнями, считает Эрик, можно не общественным ожесточением, а только постепенным умягчением нравов. Следуя этому принципу, в «Ангеле» провели на полу желтую полосу, расходящуюся по кабинетам. По ней могут ориентироваться, осторожно ступая, те из наркоманов, кто потерял зрение — почти слепые⁷.

Раньше, когда я слышал об общественных организациях (фондах, клубах, братствах и т. д.), создаваемых для помощи зависимым от наркотиков, в моем представлении возникало какое-то

аморфное собрание людей, занятых не столько нуждающимися в поддержке, сколько самими собой, вниманием других к обретенному статусу, существующих на пожертвования, предназначенные не им, добровольным функционерам, а тем, о ком они декларировали свою заботу. «Ангел» освободил меня от предвзятостей. Лондонские подвижники построили свой бугорок противостояния массовой наркотизации, сделали его необходимым для социально незащищенных слоев.

Со времени существования «Ангел драг проджект» центральная часть северного Лондона вышла в лидеры среди регионов Великобритании по снижению наркомании, преступности, синдромов депрессии. Я вспомнил о книге, которую дал мне Майк Фарелл, ее уверенном названии «Построим лучшую Британию» — и подумал о том, что волонтеры «Ангела» заняты этим строительством уже пятнадцать лет.

Кыргызский плов посреди Лондона!

Если бы мне сказали, что на берегах Темзы меня будут угощать душистым кыргызским пловом, приготовленным из удлиненного узгенского риса, с нашими овощами и приправами, сваренным в тяжелом чугунном котле двумя очаровательными землячками, единственными за всю историю кыргызскими женщинами, приглашаемыми в Букингемский дворец на чаепитие с королевой Елизаветой II, я считал бы это приятной игрой воображения. Но все это случилось на самом деле, когда делегация медиков была в гостях у посла Кыргызстана в Великобритании Розы Отунбаевой и консула Айнуры Токторбаевой. Женщины тонкого ума и бесконечного обаяния, они создали в посольской резиденции такую родную атмосферу, что мы забыли, какая за широким окном страна. Нам слышалось урчание арыка под старым карагачем, гул тяньшанских ветров, негромкий говор в придорожной чайхане.

В отеле, где мы жили, к нам каждое утро стучался портъе с факсом из кыргызского посольства. Это были адреса организаций, с которыми удалось договориться о встречах, с приложением подробной карты города, схемы метрополитена, с начертанным для нас маршрутом и с таким подробным описанием предстоящих поездок, что если бы мы даже хотели потеряться в паутине лондонских улиц, нам бы это не удалось. Нам предлагали посольскую машину, но самостоятельное передвижение по незнакомому городу, разговоры с прохожими, полицейскими, водителями автотранспорта помогали хотя бы в малой степени, пусть только на час, ощутить себя тонкой струйкой людской реки, текущей по большому городу.

И вот мы в посольской резиденции; кругом картины — пейзажи Кыргызстана, на полках национальная керамика. Запахи плова, свежих овощей, ароматы весны, снежных гор, наших синих небес. Застолье было легким и веселым; пару часов мы перебирали общих знакомых, говорили о Европе и Азии, и я оценил деликатность хозяек — в течение вечера они ни разу не спросили о проблемах наркомании, помогая нам хотя бы немножко забыться. Наши землячки посоветовали нам побывать в Бленхеме, старинном дворце начала XVIII века, родовом поместье семьи Мальборо, где родился сэр Уинстон Черчилль, самый известный отпрыск этого древнейшего рода.

От железнодорожного вокзала Виктория, расположенного в десяти минутах ходьбы от нашего отеля «Сидней», с короткими интервалами уходят автобусы в Оксфорд, а оттуда по дороге А-44 легко добраться до селения Вудсток, вблизи которого находится один из лучших английских парков и прекрасный дворец Бленхем.

Солнечным утром мы прошли каменную арку Вудстока и оказались на берегу озера с белыми лебедями. Обойдя озеро, мы вышли к громадине дворца, симметричного и строгого, построенного почти три века назад в стиле английского барокко. Говорят, дворец возведен в честь Джона Черчилля, первого герцога Мальборо, как благодарность королевского двора за победу над Францией при Бленхеме в 1704 году. Мы переходили из одного зала в другой, задерживаясь у коллекций гобеленов, живописи, скульптуры, у стеллажей библиотеки с уникальными историческими изданиями. Самая простая комната, без позолоты и другой мишуры, с цветастыми обоями, незамысловатой мебелью, обитой бордовой тканью, и кроватью с покрывалом такого же цвета — комната, где 30 ноября 1874 года в семье Рэндольфа и Дженни Черчиллей родился сын Уинстон.

Говорят, сэр Рэндольф Черчилль, светский щеголь, гуляка, мот, живший в свое удовольствие, прислал юному Уинстону, всаднику кавалерийского полка, коробку хороших сигар, которые сам обожал, и с ними записку «Кури немного, пей немного и пораньше ложись спать». Сам отец меры не знал — пил, курил, кутил. Трудно сказать, как алкоголь, табак, беспутная жизнь сказались на его здоровье, но этот крепкий от природы человек с неплохими наследственными

данными умер от сифилиса в сорок пять лет. Его похоронили на тихом деревенском кладбище невдалеке от парка и дворца Бленхем.

Мать Уинстона, леди Рэндольф Черчилль, урожденная Дженни Джером из Бруклина, из богатой американской семьи, красавица, душа общества, была женщиной одаренной и экстравагантной. Это она во времена англо-бурской войны организовала плавающий госпиталь и с ним отправилась к берегам Южной Африки за ранеными. Ее слабостью были игры, страсть к ним она унаследовала от отца, известного картежника, игрока на скачках и на бирже. Когда мать отправилась на очередные бега, Уинстон ей писал: «А еще я умоляю тебя не делать ставок на бегах и не играть в карты. У тебя в жизни столько интересов, что тебе совершенно незачем хвататься за столь отчаянные развлечения, которыми так увлекаются безмозглые светские мотыльки... Если это будет продолжаться, то может привести только к одному — к самым серьезным неприятностям для всех нас». Ее последнее пристанище — кладбище в Блендоне, рядом с непутевым мужем.

Уинстон не был замечен в азартных привязанностях, присущих отцу и матери, но с сигарами он не расставался всю жизнь. Я стоял у могил сэра Рэндольфа, леди Рэндольф, Уинстона и его брата Джека Черчиллей, в двух шагах от маленькой, деревенской церкви, где их отпевали. На кладбище было безлюдно и тихо, только галька под ногами шуршала, создавая иллюзию волны, набегающей на берег. Я вспомнил, как древнегреческий философ на вопрос о том, какие корабли самые безопасные, ответил — вытасенные на берег. Люди, как корабли, не подвергают себя риску только здесь, упокоенные на кладбищенском берегу. А пока не пришло вечное упокоение, отпущенные нам годы мы торопливо плывем по житейским морям, гонимые, как ветром, жаждой новых ощущений.

На крошечном туристическом поезде высотой мне по пояс я вернулся в бленхемский парк и под столетними дубами встретил старого человека, отдохавшего на зеленой траве. Он оказался садовником, работающим в имении сэра Мальборо около тридцати лет. Услышав о моем посещении блендонского кладбища, старик вздохнул:

— По-разному складывается жизнь, но никому не пожелаю того, что случилось с сыном сэра Мальборо, родственником сэра Уинстона.

— А что с ним?

— Наркоман... Как отец ни бился, ничего поделать не смог. Лишил сына всех прав на наследство.

Слушая старика, я вспомнил британские музеи, монаршьи портреты. Теперь я знаю, а тогда, вглядываясь в их лица, никогда бы не подумал, что даже коронованные особы питали слабость к наркотикам. Между тем король Георг III употреблял опиум, королева Виктория и ее окружение — кокаин... Об этом я еще услышу в британском министерстве здравоохранения. Наркомания, как любое психическое расстройство, не зависит от социального статуса. Среди английских школьников, употребляющих наркотики, детей из обеспеченных семей («средний класс») оказалось вдвое больше, чем из бедных или деклассированных слоев. Так, из престижной школы в Итоне за торговлю наркотиками исключили подростка из семьи, близкой к королевской, приятеля сына принца Чарльза. Не из той ли престижной школы юный герцог Мальборо?

— В Великобритании мы знаем по крайней мере шесть членов палаты лордов, зависимых от наркотиков. А сколько их в парламенте России и Кыргызстана? — спросят меня на следующий день британские журналисты. Я отвечу с облегчением: зависимых от наркотиков *лордов* у нас во власти нет.

Вернувшись поздним вечером в отель «Сидней», я включил настольную лампу и раскрыл книгу от Майка Фарелла. На глаза попало заявление британского премьер-министра: «Шаг за шагом Британия меняется и становится лучшим местом для проживания. Но все могло бы быть намного лучше, если бы нам удалось разорвать порочный круг наркотиков и преступлений, который уносит жизни и угрожает общественности...»⁸ Поначалу план мне показался собранием известных общих постулатов, но по мере чтения я все чаще восклицал: «Да!», «Конечно!», «Давно пора!», а когда перевернул последнюю страницу, стало грустно оттого, что такой продуманной программы у моей страны пока нет. Впрочем, нет у нас и кыргызского Кейта Хеллоуэла, координатора Соединенного Королевства, назначенного правительством объединить общую стратегию — британцы, по крайней мере, знают, с кого спрашивать.

Я подумал о том, какие огромные деньги тратят правительства разных стран на преодоление последствий наркотизации и как дальновидно поступают британские власти, выделяя

средства на профилактику. Стараясь уменьшить количество молодых людей, употребляющих или хотя бы пробовавших наркотики, составители программы думают, как помочь подросткам, окруженным наркоопасной средой, не поддаваться соблазнам, научиться говорить сверстникам «нет». Юные англичане начинают принимать наркотики в большинстве случаев из любопытства, часто от скуки, иногда по принуждению старших или лидирующих в их компании сверстников. Они еще не знают, как опасно это привыкание.

Трудная ситуация возникает в семье, если к наркотикам пристрастен старший брат, или сестра, или кто-нибудь из родителей. Дети предрасположены перенимать слабости, увлечения, поведенческий образ старших, тем более близких, людей. Подобное может случиться в любой семье. Однажды в Москве ко мне пришла женщина, богатая и влиятельная. Она случайно обнаружила, что двое ее сыновей, тринадцати и девятнадцати лет, употребляют наркотики, причем младшего приучил к ним старший брат. «Когда это открылось, я потеряла рассудок. И знаете, что угнетало меня больше всего? Что это случилось в моей семье. Не в приюте для безумных, а в богатой, образованной и, как мне казалось, культурной семье. Сегодня от моих амбиций не осталось и следа. Перед вами униженная, оскорбленная, бессильная мать...»

Наверное, нечто подобное имели в виду составители британской программы, когда писали раздел о молодежи, рекомендуя начинать воспитание с родителей, а их детей обучать первой антинаркотической грамоте с пяти лет, стараясь сделать для них наркотики непривлекательными. В начальных и средних школах на антинаркотическое образование отводится столько же времени, как на драматические кружки в гуманитарных школах или лабораторные занятия в естественно-технических. И что особенно ценно — программа не забыла о подростках, из-за наркотиков ставших прогульщиками, исключенных из школы, бездомных, юных преступниках, детях наркоманов. Ситуация с ними признается важнейшим критерием для оценки успеха программы в целом⁹.

Составители программы не делают вид, будто им известны диагностика всех видов наркоманий, методы лечения, способы нахождения общего языка с пациентом. Конечную цель они видят в том, чтобы наркоманы, где бы они ни находились, в том числе отбывающие наказание, участвовали в программах лечения и реабилитации. Для этого надо, чтобы лечебные учреждения были доступны всем потребителям наркотиков, независимо от возраста, пола, расы, имущественного положения. Программа призывает медиков и социальных работников особенно поддерживать пациентов, чье поведение начинает улучшаться. Если они нуждаются, помогать им найти крышу над головой, получить специальность, устроиться на работу.

Три момента британской политики показались мне принципиальными.

Во-первых, власти освободились от риторики типа «искоренить», «избавиться», «покончить», от всех других обнадеживающих иллюзорных обещаний, которые кочуют по решительным с виду и совершенно невыполнимым программам многих стран. Британцы видят задачу в создании здорового общества, максимально свободного от вреда, причиняемого наркотиками. Тут каждое слово на месте: не свободного от наркотиков — это было бы из области пустых мечтаний, — а максимально свободного от причиняемого вреда. Нет надежды в обозримом будущем упрятать всех наркоторговцев в тюрьмы, где бы им и следовало находиться, но можно незаконные наркотические препараты убрать, по крайней мере, с улиц.

Во-вторых, проблемы наркотиков рассматриваются в прямой связи с социальными трудностями — пусть не единственной, но самой частой причиной обращения людей к одурманивающим веществам. Власти намерены провести реформы (в области социального обеспечения, образования, здравоохранения, юстиции, экономики) таким образом, чтобы люди, особенно молодые, имели работу, были защищены от криминального мира, а при наркотической зависимости проходили лечение и возвращались к жизни. Это приведет к снижению ущерба, причиняемого обществу наркотиками.

В-третьих, не все, кто принимает наркотики, должны считаться наркоманами и не все совершают преступления. Самому большому риску подвергаются потребители сильных наркотиков, включая героин и кокаин. В отличие от тех, кто принимает разные препараты от случая к случаю, чтобы расслабиться, настоящие наркоманы создают большие проблемы себе и обществу. Все очевиднее связь между здоровьем потребителей наркотиков и состоянием психического здоровья общества в целом. На наркоманах лежит ответственность за рост преступности, они вынуждают общество увеличивать расходы на содержание полиции, правосудия, медицинских и социальных служб.

Было утро, когда я оторвался от книги. В светлеющее окно видно, как у остановки на Белгрэйв-роуд замедляют ход двухъярусные автобусы, развозящие лондонцев, кто предпочитает общественный транспорт или не обременен собственным. Входят в автобус неторопливо, деликатно пропуская молодых людей, проявляющих признаки нетерпения. Но такие сценки редки. Обычно молодые, по виду студенты и школьники, ведут себя подчеркнуто корректно. Я не замечал, чтобы они разговаривали на повышенных тонах или курили. Но вот я опускаю глаза на раскрытую страницу: почти половина юных британцев (сорок восемь процентов) пробуют наркотики; треть тех, кто однажды попробовал, употребляют их регулярно, а из них каждый десятый становится хроническим наркоманом. Наркотики для многих молодых людей, особенно в больших городах — образ жизни. Всматриваюсь в молодые, интеллигентные, веселые лица на остановке автобуса и говорю себе — не может быть!

Глава седьмая

ГЕРОИНОВЫЕ ЛАБИРИНТЫ НЬЮ-ЙОРКА

Возвращение в Беш-Кунгей на подлете к Манхэттену — «Экс» у входа в «Тоннель» — У доктора Бенни Примма, советника президентов США — Поддерживающая терапия: споры о метадоне — Офис по особым наркотикам — Альтернативные программы Ронды Фердинанд — Наш пациент между Бишкеком и Бруклином — Специальные агенты DEA

Боинг-747» шел в облаках к Нью-Йорку.

Смотрю на часы — они у меня всегда, где бы я ни был, показывают бишкекское время. Сегодня суббота, десять утра без пятнадцати минут. В нашем корпусе на улице Фучика идет работа. В первые дни больной плохо слышит и понимает новый для него персонал. Одна мысль все еще гложет и не дает покоя: как достать наркотик, где уколется «в самый последний раз». Об этом его сны по ночам. На него навалили кучу лекарственных препаратов, сняли боли эпидуральными блокадами. И способ применения таких блокад, и очистка организма аферентными методами (энтеросорбционная терапия, плазмаферез), и многие другие подходы, прежде в наркологии не применявшиеся, нами запатентованные, интересны нам не как регалии, висящие на стене и напоминающие о заслугах, а по причинам конкретного свойства.

Во-первых, они на самом деле стали нашим главным инструментарием в лечебном процессе. Выполняя в год своими силами около шести тысяч аппаратных лечебно-оздоровительных сеансов (плазмаферез, гемосорбция, УФО крови, гипербарическая оксигенация, транскраниальная электростимуляция, лазеротерапия) и тринадцать тысяч физиотерапевтических процедур (акупунктура, массаж, мануальная терапия, бальнеотерапия, среднегорно-морская климатотерапия, фитотерапия), мы гарантируем больному подходы не только на уровне мировых стандартов, но часто превосходящие их¹.

Во-вторых, вовлечение персонала в исследовательскую работу, для наших врачей обязательную, создает в клинике климат, при котором исключены или, скажу осторожнее, крайне редки какие-либо дрызги и психологическая напряженность. Люди заняты делом, им интересным. Публикуют работы в авторитетных медицинских изданиях, выступают на представительных международных форумах (Бишкек — 1996, 1997, 1998; Иерусалим — 1997; Москва — 1997, 1999; Мельбурн — 1998; Гамбург — 1998; Лондон — 1999). Еще недавно невозможно было представить: Медицинский Центр Назаралиева, частное лечебное учреждение, осуществляет свою деятельность в рамках государственной программы Кыргызстана по борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков.

Без пяти десять... В здании на Беш-Кунгее все готово для заключительного сеанса лечения. На втором этаже в зале с чистыми белыми стенами и занимающим все пространство пола белым полумягким матом вспыхнули по углам четыре мощных потолочных светильника. Психотерапевт Г.Ж. Аджибекова и нарколог В.Н. Батурина накануне провели беседу с больными, рассказали, что будет происходить, но вчерашний разговор не успокоил, а, скорее, взволновал, и это хорошо, у больного обострится восприимчивость. Утром он уже сделал зарядку и пробежку берегом реки, а теперь на него торжественно надевают свежую белую майку с логотипом «МНЦ», как на солдата перед последним боем. Больные готовы, за ними уже пришли. Сейчас они ступают на маты, встают в позу Ромберга, вытягивают руки вперед, руки дрожат, и я слышу сквозь самолетный гул знакомый голос врача, припавшего к уху больного: «...С тех пор как ты решил лечиться, ты сделал первый шаг к себе! Уходит та сила, которая тебя тянула к наркотикам, мы нашли другую силу, мощную эмоциональную силу, которую ты почувствуешь, когда проснешься после стресса! Не

выстоишь эти десять минут — тебя затопчут! Выстоишь — будешь человеком!»

... Я отпил глоток кофе, когда смуглый сосед, попивая чай, скосил глаза на мою чашку.

— Не чувствуете привкуса? — Он принялся.

— Все в порядке, — ответил я. — Чистый бразильский кофе.

— Вы уверены? — Его нос ищейкой тянулся к моей чашке. — Сеньор не слышал о наркотиках в кофе на борту, который летел во Флориду?

И любитель чая рассказал нашумевшую историю, о которой писали газеты. В самолете, летевшем из Латинской Америки во Флориду, пассажир ощутил непривычный вкус кофе, поданного стюардессой. Другие пассажиры тоже морщились. В аэропорту пакетики с кофе из бортового запаса «Боинга» передали службе надзора за качеством продуктов. Экспертиза обнаружила в двух сотнях пакетов смесь растворимого кофе с кокаином. Накануне вылета наркоторговцы каким-то образом спрятали на борту коробку с пакетиками, не предусмотрев, что стюардессы случайно наткнутся на нее и разнесут кофе по салону.

Такую историю я услышал на подлете к Нью-Йорку.

И вот аэропорт имени Джона Кеннеди. Застекленная галерея второго этажа, откуда машут руками встречающие, лязг багажных тележек, таможенники в белых рубашках потрошат чемоданы у подозрительных, на их взгляд, пассажиров (в большинстве это латиноамериканцы и арабы). А выйдя из здания аэровокзала, ощущаешь влажный воздух, настоенный на океанских водорослях и бензине, берешь такси и, как с вышки вниз головой, ныряешь в бешеный мир скоростей.

До сих пор бывая в Нью-Йорке, я не вникал всерьез в наркотическую ситуацию; мои представления формировались из уличных наблюдений, публикаций в прессе, бесед с политиками. В один из приездов меня приятно удивил вице-президент Альберт Гор, обнаруживший в разговоре довольно глубокое знание предмета.

Нью-Йорк наркотический, я бы сказал, тот же Вавилон, только с жесткой пропускной системой. Вы можете купить наркотик где-то на Третьей и Четвертой стрит, или в Гринвич-виллидж, или в рыночной сутолоке Чайнатауна, или в десятке других известных всем мест, но не сразу. Если вас не привел завсегдатай подпольного рынка, хорошо известный торговцам, вас будут цепко оценивать — не переодетый ли вы полицейский. Их множество, в том числе под видом бродяг или среди прогуливающихся длинноногих девушек в мини-юбках. Настороженность наркоторговцев наблюдаешь у входа в дискотеку «Тоннель» на углу Двенадцатой авеню и Двадцать седьмой стрит, самую крупную в Манхэттене. Там собирается до пяти тысяч подростков. Мне говорили, в их толчее нетрудно определить продавцов экстази. Они стоят, не двигаясь, у стены, как бы поджидая приятелей, цепко оглядывая прохожих. И после вопроса «Экс?», обращенного к ним полусшепотом, улыбаются, словно рады встрече, отводя подозрения от снующих в толпе агентов полиции, и в крепком рукопожатии быстро осуществляют обмен по формуле «деньги — товар». Я подошел к одному — по всем приметам торговцу — с тем же шепотом: «Экс?» Молодой человек посмотрел по сторонам, сунул было руку в карман, но, вскинув на меня глаза, вдруг покачал головой. Что-то не внушило ему доверия — может быть, возраст: я все-таки постарше его обычных клиентов.

В кассе отдаю двадцать долларов за входной билет. И после досмотра, как в аэропорту, проводимого двумя крепышами боксерской наружности, прохожу другой пост, где молодые люди того же типа наносят на запястье моей руки светящееся вещество, чтобы я мог свободно выходить и возвращаться. И попадаю, наконец, в оглушительное столпотворение, пронизанное пучками ослепительных лазерных лучей, возбуждаемое безумными ритмами музыки. Под потолком фантасмагорично кружатся чучела белых ангелов с крыльями, раскинувшие руки обнаженные красавицы; в беснующихся толпах светятся зеленою фосфоресцирующие прутья, обвитые вокруг голов. Посреди неведомо как уцелевшие при постоянных приливах толпы высятся две тесные металлические клетки, как для попугаев, но в рост человека; в клетки можно войти одному или вдвоем, продолжая извиваться в танце, принимать эротические позы, ни на кого не обращая внимания, в уверенности, что здесь вы можете вытворять со своим телом что вам вздумается, никому не мешая. В полутемных углах юноши и девушки дают полную волю чувствам, усиленным наркотиками, как будто вокруг никого нет. Но поражает меня другое — как девочки лет четырнадцати-пятнадцати в сильно декольтированных майках и юбчонках, скорее похожих на трусики, проходят сквозь толпы разгоряченных молодых людей, и ни один из них — я долго присматривался и повторяю — ни один не заговаривает с незнакомой ему девушкой. Не

дотрагивается до нее хотя бы невзначай, как будто ее тело под сверхвысоким напряжением. Все машинально отступают и дают проход.

Когда я поделился наблюдением с нью-йоркским приятелем, он удивился — как могло быть иначе, — если бы молодой человек в общественном месте проявил неприличный интерес к девушке, да еще неловким способом, ему грозил бы арест.

Нью-Йорк наркотический — это множество молодежных общин, часто со своим стилем одежды, причесок, бижутерии, поведения и собственными идолами в музыке. Здесь популярны марихуана и гашиш в виде брикетиков. На улицах или в парках, особенно примыкающих к университетским корпусам, можно увидеть на зеленых лужайках группы юношей и девушек с отрешенными лицами, переживающих галлюцинации, склонных к депрессивным реакциям, задыхающихся в глубоком кашле. Подростки из обеспеченных семей и с высоким умственным развитием обычно враждебны к ценностям, принятым у «истеблишмента», и в кругу сверстников демонстрируют свой протест вызывающе, иногда шокирующе.

Нью-Йорк наркотический — это этнические кварталы, где высоко на железных балконах в горшочках или в подвалах при свете мощных ламп выращивают на гидропонике марихуану. Этим не занимаются лидеры общин, влиятельные фигуры в криминальном мире. Им доставляют мешки с наркотиками для хранения и распродажи. У каждого строго очерченная территория сбыта, своя сеть дилеров и уличных продавцов. Среди русских оборотистые наркодельцы не замечены, даже на Брайтон-Бич. Они появились, когда рынок уже был жестко организован, поделен между группировками и пытаться втиснуться в него небезопасно. Это совсем не то, что в одиночку подделывать банковские документы или на бензоколонках разбавлять бензин. Но среди наркоторговцев есть выходцы из бывшего СССР. Многие из них почему-то работают на итальянских перекупщиков. По старой привычке называть водку «белой» в отличие от портвейна («красного») выходцы из России кокаин зовут «белым», а героин — «коричневым». Пролетарский писатель назвал бы сегодняшний Нью-Йорк Городом Белого Дьявола.

Нью-Йорк наркотический — это специализированные наркотические клиники во всех районах, реабилитационные центры, пункты бесплатной выдачи легких наркотиков для замены тяжелых. Общественные фонды, созданные знаменитыми и не очень известными состоятельными людьми. Это армия молодых добровольцев из «корпуса мира», других общественных организаций, готовых бескорыстно служить в лечебных учреждениях, ухаживая за больными, помогая им при абстиненции и, прикусив губу, терпеть их дикие выходки.

Нью-Йорк наркотический — это, наконец, космические съемки коковых и маковых плантаций, подпольных наркопроизводств на обоих полушариях, радарная слежка за курсом подозрительных океанских кораблей. Банки, участвующие в финансировании международных антинаркотических проектов. Это ООН, куда съезжаются президенты и премьер-министры намечать общую стратегию; штаб-квартиры международных организаций, контролирующих наркотики; десятки больниц по лечению наркоманий. Армия полицейских, сотрудников спецслужб, агентов самой профессиональной в мире антинаркотической агентурной сети. И — множество трупов, развозимых на ревущих полицейских машинах по моргам. Двадцать процентов гибнущих в автомобильных катастрофах нью-йоркцев, говорили мне, — потребители кокаина.

Правительство США вкладывает огромные капиталы в антинаркотическую борьбу. Их хватает, чтобы держать ситуацию под контролем, но недостаточно для избавления американцев от не покидающей их тревоги. Ожидание неприятности часто переносится хуже, чем сама неприятность, — отчасти отсюда хронические стрессовые состояния, наблюдаемые в американском обществе. В том числе в среде миллионеров².

Еще одно сильное впечатление связано со случайным знакомым, брайтонским таксистом Борисом, эмигрантом из России. Ему под пятьдесят, с лысой головой, в крупных роговых очках. В Москве работал санитаром в психиатрической больнице П. Б. Ганнушкина, в наркологическом отделении, неплохо знает этот мир. Он остановил машину у Тонкинс-сквер-парк. Там много лотков с книгами и журналами, и я не понимал, почему молодые люди, этим торгующие, болезненно реагировали на висевший у меня на плече фотоаппарат и отворачивались, даже уходили, едва я брал аппарат в руки. По совету Бориса я спрятал фотоаппарат под куртку и подошел к темнокожему продавцу, как мне показалось, понимающе подмигнувшему мне.

— Что нужно? — спросил он шепотом.

— Марихуану, — назвал я первое, что пришло в голову.

— Двести долларов упаковка, двадцать один грамм.

— Мне много не надо, — говорю я, — два-три грамма.

— Продаю только упаковку.

По пути Борис сказал, что у каждого хозяина лотка есть наркотики, и это главное, чем они на самом деле торгуют, но глаз у них наметан, не с каждым будут разговаривать. И тут он рассказал историю своей знакомой Милы, по его словам — пухленькой блондинки, россиянки, продавщицы небольшого магазина в Бруклине. Она встречалась с женатым русским эмигрантом и выглядела вполне довольной жизнью. Борис тоже испытывал к ней нежные чувства, но держал их при себе. Потом потерял ее из вида, а лет через пять в два часа ночи его машину остановили в районе Брайтона на Сорок второй улице, и незнакомый мужчина стал заталкивать в машину проститутку, давая водителю деньги и адрес клиента, к которому ее везти. В исхудавшей опустившейся женщине он узнал Милу. В дороге она рассказала свою историю. Когда любимый оставил ее и вернулся в семью, она стала успокаивать себя наркотиками. Их приносила подруга, тоже россиянка, жившая с румыном, с ним на пару торговавшая героином. Мила, как говорится, села на иглу. Ее выгнали с работы, но подруга теперь давала героин только за деньги, которых не было. Стала уличной проституткой, все деньги отдавала подруге за героин.

— Я остановил машину по указанному адресу, она молча вышла и пропала в темноте.

— Говорю из машины, буду через десять минут. Начинайте без меня, я слушаю ваш разговор. — Голос Бенни Джима Примма звучит из динамика в его наркологической клинике на Чапель-стрит в Бруклине. В ожидании приезда главного врача мы беседуем с его коллегами, а он, спеша к нам по мосту через Гудзон и по широким стрит среди машин в четыре ряда, умудряется реагировать на услышанное. В его кабинете фотографии кинозвезд, знаменитых джазменов, спортсменов, политиков, погибших от передозировок. Многие портреты узнаваемы (Мэрилин Монро, Элвис Пресли, мать Лайзы Минелли...), а когда я затруднялся назвать имя, почтенная миссис Барбара Гибсон, матрона африканского происхождения, ближайшая помощница доктора Примма, округляла глаза: «Как, вы не знаете, кто это?!» И называла гитаристов, трубачей, аранжировщиков — кумиров разных поколений; мне было стыдно за свое невежество.

На другой стене в рамке под стеклом — диплом «Лучший врач Нью-Йорка по лечению наркоманий», рядом другие грамоты и фотографии доктора Примма — с президентами Рейганом, Никсоном, Бушем... Доктор Примм, глава этой клиники, самого крупного в Нью-Йорке центра по излечению опийной зависимости, консультант Белого дома по проблемам наркоманий. У центра семь филиалов (три в Бруклине и четыре на Манхэттене); две тысячи восемьсот больных приходят с семи утра до пяти вечера к окошкам за своей дозой метадона.

Меня интересовал доктор Примм.

От Барбары Гибсон я услышал историю негритянского мальчика из провинциального городка Западной Вирджинии, пограничного штата между Югом и Севером. Бенни рос в образованной негритянской семье. Отец был ученым, мать — директором школы, у них хватило средств отправить двенадцатилетнего сына учиться в Нью-Йорк. Потом армия, Бенни прыгал с парашютом, был ранен во время патрульной службы, попадал в тяжелые автокатастрофы. Эти события укрепили в нем желание стать медиком, хотя в те времена это было непросто: в американских медицинских колледжах для черных было двести сорок мест, на которые претендовали пять тысяч абитуриентов.

Бенни поступил в один из медицинских университетов Германии, через полтора года перевелся в университет Женевы, а вернувшись врачом в Нью-Йорк, практиковал как анестезиолог в негритянском госпитале Гарлема. Там впервые столкнулся с опийной наркоманией у парня, доставленного в госпиталь почти без признаков жизни. Говорят, за ним гнались, в него стреляли, он потерял много крови. Бенни был дежурным врачом, и ему выпало выхаживать наркомана. Потом их было много, привыкших к чрезмерному употреблению алкоголя, никотина, опиатов, кокаина, лекарственных препаратов. На третий год работы в Гарлеме врач Бенни Джим Примм все свои сбережения вложил в создание негритянского центра по излечению наркоманий. Он пришел к мысли о бесперспективности лечить болезнь, оставляя без изменений социальную среду — вечно пульсирующий источник массовых стрессовых состояний. Ему был близок Мартин Лютер Кинг с его надеждами изменить этот мир без насилия. Больше всех наград, говорила Барбара, доктору Примму дорог диплом о присуждении ему в 1989 году Премии Мартина Лютера Кинга.

У доктора четыре дочери: одна — врач в госпитале университета Джона Хопкинса, другая — лейтенант американских авиалиний, третья — социальный работник, четвертая учится в медицинском университете. Он сам воспитывает дочерей — их мать умерла четверть века назад.

Доктор Примм вошел в кабинет ровно через десять минут. С обычной для американцев деловитостью, не тратя лишних слов, он подошел к доске и стал мелом чертить схемы взаимодействия нейромедиаторных и нейромодуляторных (опиоидных) систем головного мозга, коротко комментируя, как опиатный рецептор влияет на возможность нейрона получать информацию и как колеблется маятник эмоционального состояния между положительными и отрицательными эмоциональными центрами. Он как будто читал лекцию студентам, заражая своим фанатичным интересом к методам метадоновой детоксикации и поддерживающей терапии.

Поддерживающее лечение опиийной зависимости метадоном до сих пор вызывает споры. Препарат запрещен в России, Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, в ряде стран Азии и Африки. В Москве и в других городах метадон можно купить на «черном рынке». Для многих он только новый синтетический опиат, обещающий примерно те же ощущения, что и прочие психоактивные вещества. Раствор препарата действует продолжительнее обычных наркотиков опиийной группы, его можно пить, он не влияет на работоспособность. К возможностям метадона как средству заместительной терапии при опиатной зависимости медики относятся по-разному.

Американские наркологи, большинство их, с шестидесятых годов настаивают на преимуществах метадона как более слабого по сравнению с героином синтетического наркотика, способного отвести больного от пристрастия к сильному опиатному веществу. Метадон гидрохлорид, настаивают они, агонист опиатов, способен к длительному действию, замещая собой сильные короткодействующие вещества вроде героина или морфина. Его считают самым безопасным средством лечения, способным заглушить жажду наркотика, при этом без таких последствий, как чувство угнетения или, напротив, эйфории. Больные, принимая метадон длительное время, иногда всю жизнь, остаются при этом способными выполнять свои профессиональные обязанности и контролировать поступки.

Недобрая молва о метадоне в какой-то мере вызвана его происхождением. В годы Второй мировой войны союзные войска перекрыли Германии пути снабжения опиумом. Тогда немецкие химики синтезировали метадон (как многие другие применяемые сегодня лекарства, по структуре близкие к нему). Время и место рождения препарата стали основанием для политизированной легенды, будто метадон, иначе называемый долофином, даже своим названием обязан Адольфу Гитлеру, — это бросало тень на препарат, а также на всех, кто его прописывает и использует. Имей легенда под собой хоть какую-то почву, это все равно не должно было стать причиной пренебрежения лечебным средством, если оно на самом деле эффективно. В действительности же понятие «дол» в научных медицинских разработках употребляется для измерения уровня боли и с германским фюрером никак не связано, даже семантически.

В 1963 году метадон был испытан американскими докторами Винсентом Доулом и Мэри Нисвондэр на заключенных тюрьмы в Лексингтоне (штат Кентукки). Уголовники — героиновые наркоманы — согласились проверить на себе действие препарата. Прежние попытки медиков поддержать наркоманов на стабильных дозах опиатов (морфин, дилодид, разные другие) ни к чему не приводили: подопытные становились апатичными, нехотя и только на время могли отказаться от наркотиков. Когда экспериментаторы, отчаявшись, смирились с провалом затеи и уже напоследок предложили больным метадон, причем регулярно, большими дозами, намереваясь их постепенно снижать, больных словно подменили. К обычно подавленным, неуравновешенным, с полной апатией к своим прежним делам, вернулись наклонности, которые были когда-то утрачены в мучительных уличных поисках наркотиков.

Опыт, проведенный с кентуккийскими заключенными, получил в США юридическую поддержку и стал стремительно распространяться; при замещении героина разрешенным препаратом исчезали две главные причины, приводившие к зависимости, — жажда удовольствия от наркотика и страх перед невыносимой болью, вызываемой отменой. Метадон оказался способным блокировать наступление эйфории, а при абстиненции — боли. Замещающая терапия и экономически выглядела предпочтительнее других методов. В штате Нью-Йорк годовой комплекс услуг по метадоновой программе стоит пять тысяч долларов — в пять раз меньше того, что затрачивается на тот же срок содержания заключенного в тюрьме и в десять — пятнадцать раз меньше расходов, которые несет общество по возмещению ущерба от незаконных торговых операций наркомана с героином³.

Благодаря доктору Примму, другим медикам-практикам, большинство американцев считают метадон самым эффективным средством лечения героиновой зависимости. Особенно в тех случаях, когда больной употреблял опиаты продолжительное время. Препарат не опасен с

медицинской точки зрения и не оказывает побочных воздействий на жизненно важные органы. Тридцать три тысячи человек (пятая часть всех метадоновых пациентов США) лечатся в Нью-Йорке. Из них двенадцать тысяч — по программам доктора Примма. У каждого больного свой план реабилитации, учитывающий индивидуальные особенности пациента⁴.

Метадон, с какой стороны ни посмотри, отвечает всем требованиям поддерживающей терапии: он слабее героина, предотвращает симптомы абстиненции, в то же время снимает тягу к сильным наркотикам; не вызывает чувства эйфории (кайфа), а это значит, не возвращает мысли к героину; наконец, простые и комфортные условия приема помогают пациенту выдерживать долгий реабилитационный процесс. В эмоциональной речи доктора я улавливал намерение убедить гостя в преимуществах метода, но я ошибся.

— У меня нет уверенности, что люди в ваших широтах, с их особым климатом, другой экономикой, со всем тем, что там происходит, получают те же ощущения от наркотиков, что и американские наркоманы. У них совершенно другие стрессы...

— Вы полагаете, есть разница в ощущениях у людей разных широт, разных рас, разного социального статуса? — спрашиваю я.

— Думаю, есть люди, имеющие генетическую предрасположенность к их употреблению. Среди них находятся те, кто попадает в стрессовые ситуации, вызванные социальными или экономическими проблемами. Наркотики снимают стресс, освобождают человека психологически. Существует много причин, отчего люди одних рас становятся более зависимыми, чем другие. Среди американцев, например, есть африканцы, латиноамериканцы; у некоторых в этой стране низкий экономический статус. Не только бедняк, а в такой же степени миллионер может быть зависим генетически. Я думаю, лечение наркомании надо начинать с лечения среды, порождающей стрессы. Изменим условия жизни — изменится и личность.

Слушая доктора Примма, я подумал о том, что во многих странах, в том числе на моей родине, врачи рекламируют как панацею один метод — тот, который сами используют. Доктор Примм никому не навязывает метадоновое лечение. Он даже назовет вам штаты, где этот метод не признают. Например, в Оклахоме и Миссисипи. Но было бы нерасчетливо деликатность ученого принимать за некий аргумент и совершенно обходить стороной его опыт и опыт его коллег⁵.

Я не отношу себя к безусловным приверженцам метадона, предпочитая искать не замену одного наркотика другим, а способ избавить пациента от зависимости без применения каких-либо наркотических средств. Тем не менее я не стал бы решительно оспаривать аргументы медиков многих стран (США, Великобритании, Нидерландов и др.), указывающих на известные им преимущества лечения метадоном, когда ничто другое результата не сулит. Они видят по крайней мере пять достоинств метадона: он уменьшает объемы незаконного употребления наркотиков, возвращает больных к нормальной жизни в обществе, улучшает общее самочувствие, укрепляет надежду больных на полное восстановление здоровья — и все это обходится много дешевле, нежели затраты на ликвидацию последствий наркомании.

Я вообще не сторонник поспешных решений в вопросах, нуждающихся в изучении, только поэтому хочу еще раз перебрать аргументы американских врачей. Медики прибегли к новому препарату, мы знаем, в середине столетия, когда стала очевидной истина: никому не известен рецепт, как спасать больных с хронической опиатной зависимостью. Спасать не отдельных больных, а более или менее значительную их часть. К тому времени медицинская практика опробовала много способов — от психотерапии до шока. Результат был почти нулевой. Именно поэтому врачи независимо друг от друга пришли к мысли просить власти пересмотреть запреты на выписку больным наркотиков.

В 1969 году медики наркологического центра при госпитале Моунт-Синай в Восточном Гарлеме первыми в Нью-Йорке начали разрабатывать программу метадоновой поддержки при амбулаторном лечении героиновой зависимости. До сих пор амбулаторное лечение остается предпочтительным при работе госпиталя с пациентами, употребляющими опиаты внутривенно. Преимущество метадона они видят в его способности оставаться эффективным при приеме перорально: больному легче избавляться от привычных ассоциаций с непременным внутривенным употреблением героина и больше гарантий избежать осложнений, вызванных использованием загрязненных игл. Метадон, по наблюдениям врачей, предотвращает абстиненцию и освобождает пациента от чрезмерной боли.

Больше двадцати пяти лет ведет программу метадонового лечения в Бронксе медицинский колледж Альберта Эйнштейна при университете Йешива (отделение наркомании). Специалисты колледжа не считают метадон единственным средством, но включают это лечение в комплекс

медицинских, образовательных, семейных услуг. У пациентов улучшается самочувствие, многие решительно порывают с криминальным прошлым, устраиваются на работу. По совету врачей они могут примкнуть к лечебной группе: анонимных наркоманов, родительских, группы поддержки, группы предупреждения рецидива наркотизации, группы жизненных навыков... Любая из групп способствует успеху лечения.

С медиками Восточного Гарлема и Бронкса я встречался в Нью-Йорке на научно-практической конференции по метадону.

При всей разности врачебных подходов метадоновое лечение предусматривает три фазы.

Первая фаза (три месяца) — знакомство пациента и колледжа. Не реже одного раза в неделю пациент приходит сюда на медицинский осмотр. Это гарантия объективной психосоциальной оценки его личности; он участвует вместе с медиками в разработке индивидуальной лечебной программы; в этот период ему назначается доза метадона; в зависимости от хода лечения доза время от времени пересматривается.

Вторая фаза — самолечение: больной получает полный набор медицинских и социальных услуг; медики оценивают, насколько пациент способен достичь поставленной цели, решительно ослабить наркотическую зависимость; в их поле зрения — способность больного заботиться о семье, учиться или работать. Убедившись, что к нему вернулось чувство ответственности, врачи назначают метадон для приема дома.

На третью фазу переходят пациенты, успешно прошедшие два первых этапа и уже свободные от наркотической зависимости: по крайней мере, год они не употребляют наркотики; они сами могут выбрать, находиться ли на метадоновой поддержке или продолжать реабилитацию без употребления метадона; независимо от решения больные участвуют в долговременных программах медицинской и социальной поддержки выздоравливающих.

На конференции я снова встретил доктора Бенни Примма. Он был, как обычно, подвижен, окружен медиками, и мне стоило усилий отвести его в сторону. Мне не давал покоя деликатный вопрос, которым меня изводили мои коллеги и который вставал передо мной, едва я представлял, как мы однажды начнем выдавать метадон пациентам.

— Неужели метадон не воруют? — спросил я.

— Редко, — ответил доктор Примм. — Бывало, какой-нибудь умник получает в окошке половину таблетки, делает вид, будто глотает, а сам прячет под язык или за щеку, чтобы на улице продать. На этот случай у нас есть маленькие хитрости. Давая таблетку, медсестры как бы невзначай задают пациенту вопросы, требующие пространных ответов, он вынужден ворочать языком и проглатывает дозу.

Я не без гордости подумал, что моих пациентов такими уловками не проведешь. Наши таланты обязательно что-нибудь придумают!

В широких окнах — небоскребы Манхэттена. Я на шестом этаже офиса прокурора по особым наркотикам (OSN) Нью-Йорка, на Сентер-стрит, 80. Здесь расследуют и проводят судебные разбирательства по делам, связанным с наркотиками по всем пяти округам мегаполиса. Возможно, как первого гражданина республики Кыргызстан, переступившего порог полусекретного американского ведомства, меня допустили в помещение, где дежурные электронщики прослушивают телефонные разговоры, прокручивают снятые скрытой видеокамерой кадры, заносят в компьютер донесения своих агентов с Лонг-Айленда, Бруклина, Бронкса, Квинса...

Руководитель отдела, лейтенант городской полиции, широк в плечах, голубоглаз, с рыжей бородкой на застенчивом лице — васнецовский Алеша Попович. Грубый свитер на нем как кольчуга. Мы стоим у карты Большого Нью-Йорка и рассматриваем наркоторговые районы — латиноамериканский, китайский, пуэрториканский, итальянский, негритянский, русский.

— Вы сами похожи на русского, — улыбаюсь я.

— Но я же русский! — отвечает Алеша на родном ему английском языке.

Алеша Попович, как я про себя его назвал, попросил не упоминать в печати его настоящего имени: «Я имею дела с очень серьезными людьми криминального мира». Связанные с ними видео- и аудиокассеты, записанные детективами в округах, подлинники агентурных донесений, всех судебных процессов по делам о незаконном обороте наркотиков хранятся здесь. Основную информацию заносят в компьютер, распределяют по персональным досье, которые могут быть использованы при судебных разбирательствах. Здесь новейшее электронное оборудование для преисудебных расследований. Аппаратура может записывать тридцать три

телефонных разговора одновременно.

Мы знаем, как разные ведомства, даже работающие в смежных или пересекающихся направлениях, ревниво относятся к собственной информации, надеясь с ее помощью первыми добиться успеха. Здесь атмосфера другая. Добыв полезные сведения, сотрудники передают их в ФБР, в департамент полиции города Нью-Йорка по борьбе с организованной преступностью, в Таможенное агентство США, в Федеральное бюро по вопросам незаконной перевозки алкоголя, табака, огнестрельного оружия, в полицейское управление при портах Нью-Йорк и Нью-Джерси, в полицию метрополитена и по многим другим адресам внутри страны и за рубежом.

Алеша Попович так представляет историю вопроса.

Было время (начало шестидесятых годов), когда в США и в странах Западной Европы царило прекрасное ощущение открытости общества и одним из элементов такой атмосферы было более или менее терпимое отношение к наркотикам. В некоторых кругах они считались атрибутом «шика» и входили в моду, как в свое время сигареты и алкоголь, особенно пиво. Употребление этих традиционных наркотиков и медицинских психотропных средств — таблеток для сна и успокоения нервной системы — не уменьшалось, становясь параллельным нарастающему спросу на «новые» наркотики. Именно они давали чувство удовлетворения, веселого настроения, даже энтузиазма. В то время две трети американских студентов и четверть школьников до шестнадцати лет употребляли марихуану. Все популярнее становился опиум. Употребление наркотиков стало знаком особого образа жизни, когда можно игнорировать общепризнанные нормы и искусственно получать необычные впечатления и переживания. И позднее, десять — пятнадцать лет спустя, еще наблюдалась эйфория: если кому-то хочется губить свою жизнь, это его личное дело. Когда фармакологическая промышленность стала выбрасывать на рынки психоактивные вещества, в странах — главных потребителей наркотиков — резко ухудшилась криминальная обстановка; нация осознала масштабы бедствия. За преступления, связанные с наркотиками, только в тюрьмах Нью-Йорка в конце девяностых годов находилось до семидесяти пяти тысяч человек. «Сегодня для американского правительства это приоритетная социальная проблема», — говорит Алеша⁶.

В комнате семеро молодых людей в джинсах и распахнутых на груди рубашках. Пятеро из них полицейские, двое — исследователи-криминалисты. Все заняты аудиокассетами, которые принесли детективы. Мне позволили послушать аудиокассету, на которой удалось записать — то ли на улице, то ли в машине — переговоры двух наркодельцов. Разговор на испанском, запись вели, как видно, с большого расстояния, нельзя разобрать ни слова. Но вот электронные аппараты мало-помалу убирают шумы и помехи. Очищенные от посторонних звуков голоса начинают звучать, словно наркодельцы специально кричат в микрофон.

Детективы записывают разговоры на десятках языков. Кроме английского, чаще других звучат итальянский и испанский — голоса колумбийцев, мексиканцев, доминиканцев. Есть переговоры на русском, но не такие частые, чтобы Алеша научился понимать язык дедушки и бабушки — русских эмигрантов первой волны.

В OSN не склонны преувеличивать роль российских преступных групп в нью-йоркской уличной наркоторговле. Выходцы из России берутся за всякое дело, обещающее деньги, но их дилерская сеть не может конкурировать с давно отлаженной густой сетью колумбийских, доминиканских, итальянских иммигрантов. Россияне неохотно и с опаской становятся полицейскими информаторами. «Они держатся вместе, никому не доверяют. Ни американцам, ни друг другу. Общее у них — страх перед их же русской мафией», — замечает Алеша.

— С вашей русской внешностью так не вяжутся американское имя и фамилия. Я предполагал, вы — мистер Устинофф, Смирнофф, Григорьефф...

— У меня было подобное, но одно время у нас стало не просто с русским именем делать карьеру, особенно в полиции, и мне пришлось взять американское имя. Совсем другая ниточка связывает меня с Россией.

— Охота за русской мафией на Брайтон-Бич? — предположил я.

Алеша покачал головой:

— Два года назад мы с женой были в Москве, взяли из детского дома восьмимесячную девочку. Я нес ее на руках через всю Красную площадь. Сейчас Кристине три годика.

Пока мы разговариваем, на экране телевизора бегут видеокадры, снятые скрытой камерой. Мы видим наркодельца и его собеседника. Это детектив, которого можно принять за ищущего работу и на все готового бедолагу из негритянского квартала. Бывает, детектив прикидывается китайским торговцем опиумом, разорившимся хозяином арабского ресторана. Лица тайных агентов не должны видеть адвокаты обвиняемых. Их изображения будут на пленке затемнены или

покрыты сеткой.

Работа детективов сопряжена с постоянной опасностью. Полиция оборудовала аппаратурой квартиру, якобы случайно оказавшуюся в руках сменяющих один другого наркоторговцев. К ним навевались под видом покупателей переодетые детективы. При совершении очередной сделки на квартиру был совершен налет. Вломились вооруженные грабители и открыли огонь. «Покупателям»-детективам пришлось тоже прибегнуть к оружию. Один из нападавших был убит, но наркоторговцев это еще больше убедило в «крутости» покупателей.

В смежной комнате идет просмотр самой свежей съемки. Объектив был в пуговице нагрудного кармана джинсовой куртки детектива. «Изображение не всегда идеальное...» — извиняются полицейские. Вот пустая квартира, голые стены, посреди стол с аптекарскими весами. Торговец, по виду пуэрториканец, протягивает «покупателю» на лезвии ножа щепотку кокаина — попробовать. Получив одобрение, взвешивает товар на весах. Заворачивает в фольгу. Крупный план: набухшие пальцы растирают в фольге белые комки в порошок. Продавец пересчитывает доллары. Все правильно — сто. По двадцать долларов за грамм. Он не знает, что номера купюр в полиции переписаны. Полицейская машина с видеоаппаратурой находится в двух кварталах от здания. Продавцу дают выйти из квартиры, но не скрыться — на улице его забирают.

До сих пор не могу понять, отчего в офисе прокурора по особым наркотикам мне часто попадались выходцы из бывшего СССР, как будто их специально собрали в одном учреждении, чтобы были под присмотром. На самом же деле у них высокие посты, в подчинении множество людей, и при всей ностальгии по исторической родине они ощущают себя настоящими американцами, в большей степени, чем потомки первых американских поселенцев. Такая пришла мысль, когда меня познакомили с руководителем бюро Питером Кугасьяном и ассистентом окружного прокурора москвичом Симоном (Семеном) Рэйкером.

Питер высок, статен, породист — ну просто армянский князь. Его предки покинули Армению в 1915 году, спасаясь от турецкой резни. Родители Питера, еще не позабывшие армянский язык, заботясь о будущем сына в новой языковой среде, предпочли не говорить с ним на родном языке, воспитывая стопроцентным американцем. Питер изучал юриспруденцию в Принстонском и Йельском университетах. Жена Питера, настоящая американка из добропорядочной католической семьи, неожиданно захотела стать прихожанкой армянской православной церкви в Нью-Йорке и была выбрана церковной старостой.

В шестидесятые годы Питер, тогда молодой юрист, оказался втянутым в кровавые разборки в Гарлеме. Наркоторговцы делили сферы интересов: границы проходили по улицам; стоило сопернику оказаться на противоположной стороне улицы — начиналась стрельба. Убийства случались ночью и днем. И тогда полиция сделала шаг, подсказанный Питером и многим казавшийся безумным. Полиция гарантировала наркоторговцам безопасность, если они помогут найти убийц. Убийц нашли и судили, и на гарлемские улицы пришла относительная тишина. «Возможно, мы не в состоянии прикрыть наркоторговлю во всех районах Нью-Йорка, но сделать жизнь людей безопаснее мы можем», — гово р и Питер , когда мы сидели у него в кабинете.

Недавно Питер с женой побывали в Армении. Демократические перемены обрадовали их, но огорчили нищие на улицах, беспризорные дети, перебои с электричеством и водой.

Симон Рэйкер, навещая дальнюю родню, тоже бывал в Москве. Правда, в коротких поездках. В офисе прокурора у него много работы. Он и его коллеги (полиция Нью-Йорка и агенты OSN) используют два главных способа задержания торговцев наркотиками. Способ «Бай энд Баст» («Покупка и Накидка») — когда полицейский, одетый, например, под хиппи, небритый, неопрятный, шляется по улицам, ищет, чтобы кто-то продал ему наркотик. Он расплачивается деньгами, помеченными в полицейском участке. Когда торговец уходит, «наркоман» передает по рации его приметы и направление движения. На соседней улице того забирают. Минут через пять «наркоман» (полицейский) проезжает мимо на машине — удостовериться, что взяли наркоторговца, а не случайного прохожего. В суде в качестве доказательства будут фигурировать помеченные деньги.

Способ «Обсервейшн» («Наблюдение») сложнее: в районах активной наркоторговли полицейские взбираются на крышу здания или таятся за заборами, следя за жизнью улицы в бинокль. Американские законы строги не только к преступнику, но и к полицейскому: чтобы задержать — да что там задержать — чтобы остановить кого-либо, он должен иметь

доказательства вины. Надо видеть передачу денег или хотя бы упаковку, в какой обычно продают наркотики. Тогда можно информировать свою команду, которая задержит покупателя; если у него действительно находят наркотик, заберут торговца.

За последние тридцать лет ситуация в Нью-Йорке сильно изменилась. Появился крэк, к нему быстро привыкают.

— Все знают, что я глубокий старик, потому что помню годы, когда вообще не было крэка, — смеется Питер.

В его времена стал популярным и фрибейз, который наркоманы получают, нагревая чистый кокаин, освобождая психоактивное вещество от солей. Экспериментаторы смешивают порошок кокаина с бикарбонатом натрия и эфиром. Курение этой смеси (фрибейзинг) взнуздывает центральную нервную систему. Однако повышенная возбудимость сменяется резким упадком сил, чувством тревоги и усталости. Приходит ощущение, будто от душевной тяжести можно избавиться, снова затянувшись смесью. Процесс приготовления вещества приобщает к особой наркотической «субкультуре». Ее носители наделены чувством превосходства — не только из-за того, что могут вызвать необходимые им ощущения быстрее, чем позволяют другие наркотики, но из убежденности, что фрибейзинг обеспечивает самое полное самопознание личности. По рассказам больных и по моим наблюдениям, мужчины употребляют смеси вдвое чаще, чем женщины. Почему — существует много догадок, но ни одну из них убедительной не назовешь.

Крэк и фрибейз — одни из самых сильных и неотвратимых пристрастий в среде наркоманов. Нью-йоркские медики долго не могли объяснить, почему именно эти вещества сопутствуют распространению ВИЧ-инфекции. Ведь их только курят. Оказалось, среди женщин, склонных к беспорядочным сексуальным отношениям, больше всего потребителей этих веществ.

— Десять лет назад после трагического случая, который стал уроком для полиции Нью-Йорка, изменился наш подход к преследованию за крэк, — говорит Питер.

В городе шел судебный процесс над большой группой продавцов и курильщиков крэка. Со стороны обвинения был важный свидетель. Его нужно было постоянно охранять; круглыми сутками у его дома дежурили полицейские машины. Однажды ночью сидевший за рулем молодой полицейский вздремнул. Кто-то подкрался к машине и выстрелил ему в голову. Нью-Йорк переполошился. Выходило, не власти, а наркомафия контролирует ситуацию. Полиция была уязвлена. Она разработала ответную тактику, опробованную для начала в квартале убийства, а затем в других беспокойных кварталах. Улицы наводняли полицейские в штатском — мужчины и женщины. В некоторых бойких местах их было не меньше, чем жителей. Они выступали продавцами и покупателями наркотиков, отлавливая всех причастных к подпольной торговле. Во дворах улиц наготове стояли крытые полицейские машины. Очень быстро квартал был полностью очищен от наркоторговцев, но при этом случилось непредвиденное: часть их разошлась по квартирам, налаживая торговлю там, другие перешли в соседний квартал, затем еще дальше... Хорошо спланированная операция превратила Нью-Йорк в город трудноуловимых кочующих наркоторговцев.

У Питера и его коллег зреет новая стратегия; предполагается использовать информацию, получаемую от задержанных торговцев в обмен на обещание более снисходительного к ним приговора суда. Вариант, психологически нелегкий: при задержании торговца каждый раз возникает соблазн использовать его как источник информации, тем самым смягчая наказание. Перед полицией встает вопрос морального свойства: кто на нас работает и чего мы добиваемся?

Иду по Манхэттену.

На Двадцать шестой стрит размахивает руками рыжий бородатый человек в очках, на голове шутовской колпак, свободно ниспадающая одежда сшита из сизалевого мешка. На груди крупно масляной краской, чтобы видно было издалека, нарисован зеленый лист конопли и ниже подпись: «Марихуана». Люди обходят странного человека, как экзотический островок в море. Я подошел к нему. Тридцатилетний ходок с Западного побережья Америки. Попутными машинами и мотоциклами, он штат за штатом, задерживаясь в больших городах, пересек весь материк. Говорит, его странствие — способ протеста против кустарно выращиваемой конопли, выделяющей смолу со слабыми наркотическими свойствами («беспонтовой», сказали бы у нас в Кыргызстане). Он пропагандист лучших сортов: калифорнийских, техасских, оклахомских... Бородатый защитник марихуаны машет рукой полицейскому на перекрестке — тот улыбается в ответ.

Это тоже Нью-Йорк.

Ронду Фердинанд, красивую темнокожую американку с плетеным медным браслетом на запястье, знает едва ли не весь криминальный Нью-Йорк. Она — адвокат при офисе окружного прокурора, ведущая дела тех преступников, кто употребляет наркотики, но слава пришла к ней не в связи с ее разбирательством запутанных историй. В 1992 году Ронда обратила внимание на закономерность: торговцы наркотиками (обычно они же потребители), отсидев назначенный судом срок, вновь оказываются в заключении, иногда в той же самой камере. Американские тюрьмы постоянно переполнены. Между тем годовое содержание осужденного (пятьдесят тысяч долларов) — выше стоимости обучения в самом престижном университете (сорок тысяч). Говорят, финансовый департамент конгресса США предлагает судам направлять преступников не в тюрьму, а в Гарвард.

Идея найти альтернативу тюрьме давно носилась в воздухе, но только Ронда Фердинанд и ее коллеги взяли ее осуществить. Они предложили программу «Лечение наркомании как альтернатива тюремному заключению». Сначала как эксперимент для арестованных за торговлю наркотиками женщин-матерей, беременных, кормильцев семьи. Если эти люди занимались продажей запрещенных препаратов из необходимости покупать наркотики себе и большой угрозы обществу не представляли, им разрешалось, получив срок, оставаться дома — проходить курс лечения и социально-психическую реабилитацию. К участию в программе допускались только жители Нью-Йорка, имеющие на руках приговор (по делу, связанному с наркотиками), сами употреблявшие наркотики, но не замеченные в насилии — убийствах, разбоях, хулиганствах и др.

Первую группу осужденных женщин направили в больницу. Такого еще не бывало! Это потрясло самих женщин и их окружение. Но еще больше возникло пересудов спустя двенадцать — пятнадцать месяцев, когда почти все осужденные завершили социально-психическую реабилитацию, поправили здоровье, а инициаторы программы помогли им найти работу, изменить жизнь. Ронда и ее сотрудники добились, кажется, главного — женщины оставались способными рожать здоровых детей, не страдающих наркотической зависимостью. За пять лет семьдесят семь процентов участниц программы возвращены к нормальной жизни⁷.

Идя на встречу с Рондой Фердинанд, я искал материалы по этой проблеме, рассчитывая почерпнуть вопросы, но журнальные публикации о судьбах спасенных людей, завораживая результатами эксперимента, ничего не говорили о механизмах, как будто всем рассказанным историям полагалось иметь лишь печальное начало и оптимистичный конец. Я подумал было, что в офисе окружного прокурора о чем-то умалчивают, оберегая свое ноу-хау. Но, переступив порог кабинета и увидев за столом хозяйку, я понял, что мои опасения напрасны.

Ронда Фердинанд как будто сошла с гаитянских полотен Гогена. Встретив ее на улице, не подумаешь, что эта грациозная женщина общается с преступниками и наркоманами и от ее решения зависят многие судьбы.

Сотрудники Ронды просят работающих в тюрьмах офицеров полиции собрать сведения об осужденных, которые позволяют полнее представить их личности. Хотя лечение одного человека обходится на двадцать тысяч долларов дешевле, чем отбытие наказания в тюрьме, все же расходы немалые, и государство вправе иметь информацию о каждом, кого отдел рекомендует для альтернативных программ. Если в семье осужденного никто не принимает наркотики и семья готова помочь несчастному, он может проходить программу, находясь в родном кругу. Если же члены семьи сами наркоманы или привлекались к уголовной ответственности, осужденный проходит программу, живя в специально отведенном доме.

Альтернативные программы составлены отдельно для старших школьников, для молодых людей от восемнадцати до двадцати четырех лет. Для них предусмотрено половое воспитание, завершение учебы (получение диплома о среднем образовании, подготовка на уровне колледжа или профессиональная подготовка, после которой они получают специальность). Особая программа для мужчин и женщин, не имеющих детей. И — для больных СПИДом, которых госпитализируют в медицинский приют или хоспис; там они бесплатно живут и получают лечение. За участниками программы на все время лечения сохраняются их рабочие места⁸.

Среди наркоманов, привлеченных к альтернативной программе — банкиры, школьные учителя, полицейские, дипломаты, в том числе зарубежные. Одна богатая дама, хроническая наркоманка, приезжала в суд на роскошном серебристом «БМВ».

Как выглядит отбор на практике?

На столах Ронды горы уголовных дел. Отбираются истории, отвечающие условиям программы. Из семи тысяч таких — процентов десять. Осужденным предлагают письменно попросить об отсрочке исполнения наказания. В присутствии своего адвоката они подписывают

контракт с полицией, судом, органами юстиции. Контракты у всех разные, но есть общие требования:

— ты обязуешься по месту жительства проходить лечение и посещать образовательную программу. Для взрослого программа считается завершенной, если за время отсрочки приговора он устроился работать на полный рабочий день;

— ты полностью признаешь свою вину в совершении преступления и не будешь ее оспаривать. Если ты прервал программу или лечение не дает результата, возвращаешься в тюрьму и по приговору суда получишь срок;

— ты соглашаешься давать любую конфиденциальную информацию о своем здоровье адвокату и тем, кто будет оценивать твои успехи в лечении; ты согласен с предоставлением заинтересованным сторонам (суду, офису прокурора по особым наркотикам, Управлению по надзору за условно освобожденными) информации о твоём физическом состоянии, в том числе результатах периодического анализа мочи, характере и развитии любых медицинских или психических проблем или каких-либо других обстоятельств, которые могут негативно отразиться на лечении;

— ты сознательно отказываешься от прав, данных тебе Кодексом федерального регулирования, предусматривающим конфиденциальность твоего алкогольного и наркотического пристрастия. И от прав, предусмотренных Законом о психической гигиене города Нью-Йорка, ограничивающим возможности каких-либо ведомств обладать информацией о твоих болезнях или процессе лечения. Ты согласен, что это соглашение между тобой и медицинским персоналом программы может быть приоритетным над Гражданским процессуальным кодексом Нью-Йорка и другими законоположениями;

— если твоя программа лечения окажется по каким-либо причинам безуспешной или будут каким-либо образом нарушены условия твоего освобождения, все заинтересованные стороны будут проинформированы о причинах неудачного лечения и всех обстоятельствах дела;

— если после прохождения программы ты снова попался на продаже наркотиков, независимо от прежней вины ты получишь от четырех до девяти лет заключения;

— если ты закончил программу и с тех пор не нарушаешь закон, прежнее правонарушение будет считаться аннулированным.

А вот причины для отказа в просьбе стать участником программы:

— если ты еще не осужден;

— имеешь несколько судимостей;

— совершал преступления, связанные с насилием, или сопротивлялся аресту;

— находишься в розыске или ведется прослушивание твоих телефонных разговоров;

— состоишь на учете в ФБР;

— уклоняешься от предоставленной временной работы;

— являешься злостным нарушителем общественного порядка.

Через руки Ронды в год проходит до тысячи дел; нелегко бывает выяснить, на самом ли деле человек употреблял наркотики (это одно из условий альтернативного наказания) или он симулирует наркоманию в надежде избежать тюрьмы. Казалось бы, чего проще — возьмите анализы. Но по американским законам, если человек осужден, но еще не подписал контракт на участие в программе, никто не вправе его тестировать на наркотики.

— Что для вас критерий успеха? — спрашиваю Ронду.

— Два года полного воздержания от наркотиков и ни одного привлечения к суду. Большинство наших пациентов прежде имели проблемы с законом не реже одного раза в месяц.

— С какой группой работать труднее всего?

— С подростками... Обычно это дети наркоманов или ожесточенных жизнью людей, срывающих на детях свою неустroенность. Такие подростки агрессивны и ни во что не верят.

Прощаясь с офисом окружного прокурора по особым наркотикам, я прячу в портфель кипу переснятых для меня ксерокопий типовых бланков, расписок, соглашений, памяток. Они подготовлены Рондой и переданы мне в надежде, что, возможно, пригодятся тем в российских и кыргызских структурах, кто решится изменить подход к больным наркоманией, совершающим преступление, и уверует в свою миссию лечить, а не карать. С тех пор, в каких бы милицейских инстанциях я ни бывал, размноженные копии материалов всегда при мне, я раздаю их, говорю об американском опыте. Но нашему обществу, как видно, надобно время, долгое время, чтобы наркоманы стали для нас, как для Ронды Фердинанд, — больными людьми.

В Бруклине я разыскал Феликса (буду звать его так) — когда-то пациента нашей клиники в Бишкеке, сына известных российских музыкантов, в конце семидесятых эмигрировавших в США. Мать была популярной московской певицей, отец играл на тромбоне в оркестре чуть ли не Большого театра. Они оба любили бывать с друзьями в ресторанах, но со временем отца потянуло пить в одиночестве, и эту привычку он сохранил и в эмиграции. Я помню, Феликс рассказывал: ему было одиннадцать лет, когда отец взял его с собой навестить старшего сына, брата Феликса, не предупредив того о визите. Мальчик увидел нищенскую комнату, смятую постель, на которой валялся его брат с искаженным лицом и безумными глазами. На столике — белые таблетки, стеклянная трубочка, лезвие бритвы. «Что это?» — спросил мальчик. «Ничего, ничего!» — бормотал отец, суетливо все сгребая и пряча в ящик стола. «У меня эта картина осталась в памяти на всю жизнь», — говорил Феликс.

Надо сказать, что американские школьники неприязненно относились к сверстникам из тогдашней советской эмиграции. Феликс чувствовал себя в классе одиноким и гонимым. Не лучше была атмосфера в семье: мать не могла найти работу, отец с трудом устроился таксистом. Сын оставался единственным, на ком можно было сорвать натянутые до предела нервы. И когда однажды его одноклассники, собравшись выкурить по кругу сигарету с «травкой», поманили Феликса, он был им благодарен.

Семья жила в маленькой квартире кирпичного дома, населенного бедными эмигрантами и разного рода опустившимися людьми. На той же улице жил со своей матерью школьный приятель Феликса, бойкий американский подросток. Когда мать на время уехала из города, приятель позвал сверстников на «пати». Мальчики стали собираться каждый вечер, потягивали пиво и передавали по кругу сигарету с марихуаной. Скоро появились таблетки ЛСД, которые в их кругу называли «кислотой», «мальком», «микродотом», «белой молнией», «зеленым драконом», «красным драконом». Однажды кто-то принес порошок мескалина — активного ингредиента дурманящего кактуса пейота. Вызванные им галлюцинации продолжались десять — двенадцать часов.

Феликс захаживал в дешевый бар на окраине, играл в бильярд, пока один из приятелей не предложил подзаработать — оштукатурить чей-то дом. Он и стал помогать приятелю. В середине дня, когда с непривычки уже еле стоял на ногах, приятель достал пластмассовую коробочку, отсыпал на ладонь порошок, втянул в ноздри. «Хочешь попробовать? День промелькнет в один миг». Это был кокаин. «Что я почувствовал несколько минут спустя, трудно описать. Огромную энергию, прилив сил, утреннюю бодрость. Участилось дыхание, по телу пошла приятная теплота. Я прекрасно работал! Просто вау! А когда кайф начал оставлять, безумно хотелось продлить это ощущение, и было страшно от мысли, что порошка больше не осталось. К счастью, в пластмассовой коробочке можно было наскрести еще...»

Феликс погружался в теплые волны эйфории; ради этих коротких ощущений он заставлял себя мириться с наступающей временами глубокой депрессией, с мучительным беспокойством, с охватывавшим по ночам бредовым расстройством, пугавшим отца и мать. Частые приступы агрессивности сына приводили их в ужас.

Родители сходили с ума, не зная, что предпринять, пока знакомые не надумели увезти сына куда-нибудь подальше. Но куда? Им на глаза попала российская газета с публикацией о Медицинском Центре в Бишкеке, и они уговорили сына поехать. Вскоре, обходя больных, я увидел худенького юношу, страдавшего понижением двигательных рефлексов и параноидальными психозами, обычными при частом вдыхании кокаина. Я посмотрел историю болезни. Употреблял наркотики четыре года, нюхал кокаин по двадцать пять — тридцать раз в день. Общая суточная доза — до трех граммов. Ему, долгое время жившему в чужой среде, хотелось выговориться. Он был похож на голодного человека, который набросился на ломоть хлеба и жадно заглатывает куски, не успевая их прожевать. В клинике он прошел полный курс лечения. Врачи, прощаясь, желали ему никогда к нам больше не возвращаться в качестве пациента. «А в качестве музыканта?» — смеялся он, извиняясь за свои долгие разговоры о современной рок-музыке, которую великолепно знал; он был музыкально одарен, и врачи не сомневались в его будущем.

Через два года я нахожу его в Бруклине.

— Доктор! Какими судьбами?!

В узких джинсах и с золотой цепочкой на груди, он мало изменился. Обращала на себя внимание более сдержанная русская речь, со слабым акцентом, какой бывает за рубежом у россиян, редко говорящих на родном языке. Он снимает комнату, пишет музыку, но на сочинительство трудновато жить. Четыре раза в неделю подрабатывает диск-жокеем на вечеринках и светотехником в ночных клубах.

Заработок — сто пятьдесят долларов за ночь, но так бывает не всегда.

— Что теперь в ходу на дискотеках? — спросил я.

— По-прежнему экстази, но в конце восьмидесятых и начале девяностых это было чистое вещество, а теперь подсыпают аспирин или другие наркотики и штампуют таблетки кустарно. На этом большие деньги делают, просто вау!

Я не решался спросить, удастся ли Феликсу воздерживаться от наркотиков, но он все понял сам.

— Доктор, мне понравилось, как у вас лечили. Все ко мне хорошо относились. Я не могу никого судить, только самого себя... Через год я сорвался!

Он виновато улыбался, втянув голову в узкие плечи и разведя в сторону ладони, — маленький Марсель Марсо. Мне было горько — не только как врачу, но как человеку, знакомому с историей семьи. Слушая его сбивчивые объяснения, я думал о том, что наши способы лечения героиновой зависимости, возможно, пока недостаточно адаптированы к лечению кокаиновой зависимости. Потребителей разных видов этого наркотика в нашем Центре бывало не слишком много; предстоит еще осмыслить субъективные показания наших пациентов. Надо быть осторожнее в утверждениях, будто любую наркоманию можно вылечить, как ангину, и признаться себе в возможностях рецидива, вызванного психологическими особенностями личности или факторами социального свойства.

Как бы в оправдание срыва, а скорее даже не в оправдание, а желая помочь мне понять, чем живет наркотический Нью-Йорк, он стал рассказывать, как, посадив в свой «форд» торговца кокаином, колесит с ним по адресам. Город поделен между дилерами, у каждого свои клиенты; они звонят в машину: «Эй, Билл, как дела? Я тебя встречу через десять минут. Бай!» Даже если разговор перехватят и запишут в OSN — что поймут? Два лоботряса договариваются о встрече. В конце дня за четыре часа работы торговец вручит Феликсу сто восемьдесят долларов и заправит машину. Раньше эти деньги Феликс тут же, у бензозаправки, торговцу возвращал: на всю сумму брал кокаин для себя; теперь, говорит, срывы только «по случаю».

Уличный торговец выручает за день до двух тысяч долларов. Две трети отдает своему хозяину владельцу товара, но и оставшаяся сумма оправдывает риск.

— Я могу набрать номер телефона, мне через пять минут перезвонят и через десять минут привезут все, что захочу, — говорит Феликс. — На другом конце провода спросят, где взял номер телефона, откуда звонишь. Побаиваются полицейских уловок: «Кто ты, я тебя не знаю». Ты называешь себя и того, кто дал номер телефона. «Где ты находишься? У тебя машина есть? Нет? Я сейчас приеду». Каждый номер телефона — свой бизнес. У этих — марихуана, у тех — героин, у третьих — кокаин. В первый раз ты говоришь, где встретимся, потом торговцы хорошо запомнят твое имя и место встреч. Разговоры теперь будут короткие. «Феликс? Привет, как дела? Я тебя встречу через десять минут».

Торговцы — американцы, итальянцы, испанцы, но попадают и русские. Их возраст от семнадцати до сорока пяти. Обычно безработные. Став уличными дилерами и начав зарабатывать, смеются над остальными — новое занятие, помимо денег, дает важное для них ощущение своей значительности. Им звонят, появляется круг знакомых, они начинают чувствовать себя личностями. Побаиваются только полицейского. Вот уж кого не уговоришь и от кого не откупишься: полицейский получает свои пятьдесят тысяч в год — зачем ему за сто долларов рисковать?

Напоследок, провожая меня к отелю, словно оправдываясь, Феликс рассказал историю, после которой все еще не может прийти в себя. У него в Бруклине был друг с Украины — Витька, двадцати восьми лет. Жил один, работы не было, сидел на вэлфере (пособии по безработице). Пособия едва хватало на героин — кололся постоянно. Часто страдал от передозировки. А третьего дня позвонил Витькин сосед: «Приезжай скорей... Витьку сняли с полотенца». Повесился... Феликс и тот сосед вдвоем похоронили Витьку⁹.

Наездившись и найдившись по вечернему Нью-Йорку, хочешь покоя; в таком состоянии, проходя по опустевшей улице, я остановился перед газетным киоском, где старик с дряблым сонным лицом безучастно смотрел на редких прохожих, не проявлявших интереса к его скоропортящемуся товару. Меня тоже не манили новости, но, задержавшись и тем самым обнадежив старика, я заскользил взглядом по глянцевым обложкам журналов. Колумбийская «Семана» анонсировала интервью с российским послом о наркоситуации в России, и я купил журнал.

Уже в отеле, пробегая глазами публикацию, я задержался на эпизоде встречи российского посла в Боготе с американцами — сотрудниками ЦРУ и DEA (Администрации по борьбе с наркотиками США), работающими в Колумбии. Ничего особенного не было в контактах российского дипломата с работниками американских спецслужб. Для них обычен обмен информацией. Вызывал интерес вопрос, который надеялся выяснить у американцев российский посол: «кто главари русской мафии, кто контролирует «черный рынок» оружия» — и т. д. Сначала я улыбнулся — не в Москве на Лубянке ищет российский дипломат ответы, а за рубежом у американской разведки. Но после подумал: должен же, на самом деле, кто-нибудь знать, что происходит в России; и если знают американцы, отчего бы им не поделиться с россиянами?

Российский посол не ошибся адресом: ситуацию в мировом наркобизнесе вряд ли кто знает лучше, чем три тысячи семьсот специальных агентов DEA, мужчин и женщин, молодых и в годах, исключительно американских граждан, работающих по наркотикам более чем в полусотне государств. Мне встречались эти фанатики, гроза наркобаронов и картелей; они прекрасно стреляют, владеют многими приемами борьбы, но в схватках с мафиями ставка делается на оружие, которое всегда при них, — на интеллект.

Специальная американская структура по борьбе с наркотиками создана в 1973 году. Она действует параллельно с полицией и службами безопасности, от них не зависима, им не подчинена, только со всеми сотрудничает; это самая профессиональная в нашем веке организация разведки, расследования, пресечения планов международного наркобизнеса и, пожалуй, единственная, способная адекватно отвечать на его вызовы. Кто не зачитывался репортажами о ее действиях при разгроме Калийского картеля в Колумбии, в операции «Западня для тигра» в Таиланде, в операции «Зорро-2», в других громких делах по всему свету. Где бы секретные агенты ни проводили свои операции, как бы далеко это ни было от Америки, они везде защищают, прежде всего, свою родину. Я знаю много историй, с ними связанных, рисующих их в благородном жертвенном свете. Но убедительнее всех свидетельств констатация факта, свободная от эмоций; с конца семидесятых годов до середины девяностых число американцев, употребляющих наркотики, снизилось вдвое. Во всем мире это число растет или в лучшем случае держится на опасно высоком уровне.

В некоторых странах, где полиция коррумпирована и наркомафии чувствуют себя хозяевами положения, с согласия местных властей американские особые агенты наделяются правом прослушивать телефонные переговоры, арестовывать подозреваемых, проводить следственные действия. Никто не воспринимает это как вмешательство во внутренние дела другого государства — наркотики давно перестали быть чьей-то внутренней проблемой.

Специальных агентов готовят в тихом городке Куонтики (штат Вирджиния) в учебном комплексе и на полигонах, рядом с площадками, где обучают агентов ФБР. В программу изучения включены этика, самозащита, применение огнестрельного оружия, основы законодательства и судебных процессов, криминология, определение наркотиков, техника для расследований. Будущий агент, человек в возрасте от двадцати одного до тридцати шести лет, в хорошей физической форме и с образованием не ниже колледжа, дает расписку о согласии работать в любой точке мира¹⁰. Мне рассказали, что до Бишкека агенты DEA еще не добрались, но в Москве один находится уже два года. Этот агент, говорят, давно установил связи с российскими спецслужбами и вместе с ними провел операцию по выявлению перевозчиков героина из Пакистана через Россию в США. В перевозку была вовлечена группа американских женщин-курьеров, приехавших в Москву для последующей переброски пакистанского товара в США. Их, американских гражданок, да еще возвращавшихся из России, американская таможня обычно пропускала без досмотра. Новой крупной партии наркотиков агенты позволили пройти через все пограничные и таможенные посты («контролируемая поставка»), даже не подпуская к грузу натасканных на наркотики собак, по всему маршруту выявляя отлаженную сеть из множества лиц, в том числе официальных, не знавших друг друга, но работавших на один канал. Были арестованы тридцать преступников — граждан разных стран.

Некоторое время спустя, прилетев в Москву, я решил найти хотя бы следы живущего в российской столице американского супермена Рэмбо, прыгающего из окна высотного здания на срывающуюся с места машину с наркотиками — и погоня! Все кругом горит!

И мы с московскими друзьями его нашли.

Под офис представительства DEA в Москве отвели несколько комнат в помещении посольства США. Отсюда Гари Симон, его российский советник и их секретарь связываются со

всеми странами мира.

Специальный агент Гари Симон, в прошлом полицейский из Филадельфии, среднего роста, с лицом ученого-физика и темно поблескивающими умными, понимающими глазами. Он первый американский агент, начавший здесь работать после того, как в 1994 году США и Россия договорились о совместных усилиях в борьбе с организованной преступностью, включая незаконный оборот наркотиков. Нет, ему не приходится прыгать из окон и гоняться на своей машине за наркодельцами, опрокидывая торговые лотки и на ходу стреляя в преступников. Хотя по виду он все это мог бы. Здесь он вместе с милицией, спецорганами, таможней, отчасти пограничниками разрабатывает операции по борьбе с международной наркопреступностью. Ему важны, прежде всего, ситуации, затрагивающие интересы его страны. В начале расследования никогда заранее не знаешь, куда потянутся нити. И если они выходят на третью страну, он через своих коллег — специальных агентов в тех странах — обеспечивает россиян информацией и участием.

По словам Гари, уровень сотрудничества DEA с Россией не ниже, чем с западными странами. Он имеет в виду деловые связи, но его слова дают представление также о масштабах международной наркопреступности на российской территории. Нет ли у специального агента тревожного ощущения быстрого развития российской наркоситуации, готовой скоро достичь размаха будоражащих мир Колумбии, Мексики, Перу?

— Видите ли, перед такой перспективой оказались многие страны, не только Россия. Чтобы этого не случилось, необходимо противостоять мировому наркобизнесу сообща, — скажет Гари.

Хотя в России довольны международным сотрудничеством, все же вряд ли даже лучший американский агент поможет государству остановить наркотическое безумие, пока внутри страны не наступит полное взаимопонимание между обществом и властью.

Гари Симон не выбирает, где ему работать, он не склонен философствовать, да у него и нет для этого времени. Когда по вечерам они с женой прогуливаются по Тверской и всматриваются в лица вечно спешащих людей и тех, кто понуро стоит у недоступных им магазинов, у обоих сжимается сердце. Они учатся постигать смысл исканий России, многого не понимая, но стараясь помочь уставшему народу уберечься от беды, которую здесь, они думают, осознали пока не вполне.

Эти встречи будут потом, в засыпанной снегами России; а пока я стою на палубе прогулочного катера, плывущего по Гудзону, смотрю на панораму Нью-Йорка и думаю о том, как мала и хрупка летящая во Вселенной наша планета. У нас с американцами разные часовые пояса, мы по-разному ощущаем бег времени, но боль чувствуют везде одинаково. Горькое равенство перед опасностью прибавляет надежд на способность народов и правительств встать против зла, несущего вырождение всем.

К ИНДЕЙЦАМ АМАЗОНКИ ЗА СЕКРЕТОМ БОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТА

Полиция и контрабандисты на протоках реки — Вальдивино: «Не пойму, почему все помешались на коке...» — Сквозь лес растительных галлюциногенов — Легенда о Манко Капак, «матери коки» — Полеты от отвара аяхуаски — В гостях у Хитомы Сафиамы, вождя уитотос — «Мы сохранились потому, что не забыли наших традиций...» — Корона индейского вождя летит к Тянь-Шаню

Мы поднимались вверх по Амазонке между перуанским городом Игитос и бразильским Манаос; между ними заболоченная, спутанная лианами, почти непроходимая тропическая сельва. Контрабандисты с давних времен использовали водную систему для вывоза шкур исчезающих или редких животных — ягуара, пумы, черной пантеры, крокодила. Полиция поджидала нарушителей закона на выходах из протоков, но соблазн прибыли был столь велик, что контрабандисты в запутанных речных лабиринтах лопатами рыли узкие каналы, доступные только для их каноэ и невозможные для прохода полицейских катеров. Им помогали проводники — местные индейцы-охотники. Когда-то все они работали на каучуковых плантациях, но промысел заглох, и они обрадовались возможности вернуться к охоте. Со временем полиция ужесточила контроль на реке, к тому же спрос на натуральный мех стал угасать, и люди ушли на поиски новых точек приложения своих сил.

В конце семидесятых годов труднодоступные амазонские леса привлекли внимание кокаиновых фабрикантов средней руки. С помощью индейцев, вооруженных топорами и готовых подзаработать, они расчищали посадочные площадки для частных самолетов и под старыми пальмами строили подпольные производства по переработке листьев коки в кокаин. Мой проводник Вальдивино, бразилец из Табатинго, не раз наткнулся на лесные аэродромы, охраняемые вооруженными людьми, удивляясь, как ему удавалось уносить ноги. Аэродромы и постройки не заметишь с реки, они во глубине сельвы, в двухстах — трехстах километрах от берега. Только в 1988 — 1989 годах бразильским, колумбийским, перуанским властям удалось, применяя авиацию, флот, наземные воинские подразделения, освободить бассейн от кокаиновых фабрик. Индейцам ничего не оставалось, как вернуться к выращиванию бананов и ловле пираруко — пресноводных рыб весом в полтора-два центнера каждая; куски этих рыб индейцы вялят на солнце. За бананами, сладким картофелем, вяленой рыбой к индейским хижинам приплывают торговцы из латиноамериканских городов.

А плантаций коки на Амазонке не осталось, хотя в поселениях индейцев практически у каждой хижины растет кока, не предназначенная для продажи, вполне удовлетворяя религиозные, медицинские, астральные потребности племен.

— Не пойму, почему все помешались на коке и никто не спрашивает о других целебных растениях? — удивляется моим вопросам Вальдивино.

У Вальдивино шестеро детей, он зарабатывает на жизнь, сопровождая искателей приключений или, подобно мне, ищущих ответа на вызовы своей профессии. С древнейших времен андские индейцы употребляют коковый лист, поклоняются ему, и мне хотелось побольше узнать об этой традиции. Просто везение, что в колумбийском городке Летисия, где сходятся три государства — Колумбия, Бразилия, Перу, — меня свели с этим сильным смуглым человеком, отвечающим на любой вопрос белозубой улыбкой. В жилете со множеством карманов, в легкой шапочке с козырьком, повернутым к затылку, и в больших защитных очках он смотрится экзотично, особенно когда стоит на носу нашей длинной лодки и жестом обнаженной бронзовой руки подает команду мотористу Орландо, симпатичному креолу, смотрящему вперед из-под

надвинутой на глаза соломенной шляпы.

У ног Орландо двенадцатилетний Мануэль. Он помогает отцу, вычерпывая консервной банкой воду из лодки. У реки сотни рукавов с похожими темными тоннелями; их образуют густо выющиеся растения, в том числе лианы, сомкнувшие вершины деревьев в одну крышу; под крышами река выглядит паутиной каналов. Лодка вливается под высокие прохладные своды. Из некоторых мы выбираемся не раньше, как через двадцать — тридцать минут, хотя идем не на самых малых оборотах. Невозможно понять, как в этом царстве узких проходов, не отличимых друг от друга, Вальдивино и Орландо безошибочно прокладывают курс.

Сколько ни плывешь, никаких развалин легендарных городов, исторических памятников, следов древнего человека; ни намек на исчезнувшие культуры, какие встречаешь на берегах Нила, Ганга, Янцзы, даже холодной Лены или Амура. Хотя латиноамериканские мифы не лишены прекрасных фантазий, вроде истории некоего амазонского царства, существовавшего во времена, когда волны выносили на берег золотой песок и алмазы, а молодой вождь по имени Эль Дорадо был в золотых одеждах, усыпанных драгоценностями. Увы, ни малейших следов былых цивилизаций. Только полноводная река и мощь необузданной природы.

Орландо заглушил мотор, лодка бесшумно скользнула в тихую заводь и уткнулась в зеленую оградку. Когда я привстал, то не смог удержаться от возгласа изумления: на воде лежали царственные Виктории Регия — гигантские зеленые блюда, словно обведенные циркулем, по полтора-два метра в диаметре, соприкасаясь чуть приподнятыми над водой ободками. Лотосы едва покачивались в зарослях дикого риса и растения муруре с листьями, похожими на деревянные ложки. На фотографиях эти совершенные круги кажутся преувеличенными. Но когда видишь, как на невысоких бортах сидят птицы и пьют со дна лотоса воду, заставляешь себя верить глазам. Между гигантскими лотосами покачиваются розоватые цветы. Англичан Ричард Шомбург, путешествуя по Амазонке в январе 1837 года, увидел цветок лотоса в момент, когда он начинал распускаться, — нежно-белый по краям и пурпурный посередине. Картина его поразила: «Казалось, передо мной лежало ничем не прикрытое сердце!»

Португальцы называют этот лотос «форно», то есть сковорода, на какой индейцы поджаривают маниоковую муку. Приподнятые над водой борта на самом деле придают растению вид сковороды.

— Берегите руки! — закричал Вальдивино, когда я, перегнувшись через борт, попытался приподнять край лотоса, чтобы понять, на чем громадина держится. Нижняя поверхность вся в острых красных шипах, шипы переходят на уходящий в глубину мощный коричневый корешок, не дающий ветру сорвать растение и нести вниз по реке.

Орландо снова завел мотор, лодка дала задний ход и вернулась в широкое русло. По обоим берегам тянулись влажные леса, слышались крики обезьян, пытавшихся привлечь наше внимание своими акробатическими трюками. Однако изумиться заставляют розовые пресноводные дельфины бото. Дельфины возникают внезапно; не успеваешь вскидывать кинокамеру, как они, совершив прыжок, входят в воду, чтобы несколько мгновений спустя показать свой номер в другом месте. Вальдивино призывает их, как дрессировщик, глухими ударами весла о борт и особым свистом, но умные дельфины не дают себя обмануть.

— Все кока, кока... Им неинтересны другие целебные растения! — продолжает удивляться Вальдивино.

В экваториальных тропических лесах полно растительных галлюциногенов. С доколумбовых времен местные жители добавляют их в кукурузное пиво, в другие возбуждающие напитки, доводя себя до эйфорического состояния, когда, по словам проводника, как бы со стороны видишь отдельные прекрасные полеты собственной души и тела, достигающих небес. Сильнейшие галлюциногенные свойства, например, у дикой лозы аяхуаски. В лозе алкалоиды, вызывающие такие же последствия, как ЛСД. Едва ли не все народные целители на востоке от Анд, особенно в районах Перу, применяют аяхуаску для группового лечения нервных расстройств и психических заболеваний, для предсказаний будущего, выяснения намерений врагов, для сексуального возбуждения. В некоторых городах целители — их зовут аяхуаскеры — так же авторитетны, как последователи классической медицины. Однажды Орландо получил из рук аяхуаскеры кружку отвара лозы с неизвестными ему травами. Пока пил, целитель обкуривал его табачным дымом. Через полчаса больной почувствовал в теле легкость, у него обострился слух, и показалось, что все предметы вокруг стали менять окраску. Скоро больному стало лучше. Как запомнил Орландо, аяхуаскеры готовил отвар при нем, своими руками, не допуская к священнодействию даже членов семьи.

Причиной этой болезни Орландо считает злонамеренные колдовские козни своих врагов — изгнать силы, причиняющие зло, обычные врачи бессильны. Расколдовать может лишь аяхуаскero. Техника индейских народных врачей, как я понял, близка целительским сеансам сибирских шаманов — те и другие сопровождают лечение свистом, пением, заговорами, но латиноамериканцы в большей мере применяют растительные галлюциногены, чтобы вызвать видения не только у себя, но и у пациентов. Рассказывают, в перуанских городах и деревнях аяхуаскero по вечерам обходят хижины, встречаются со своими пациентами, в том числе потенциальными, не жалея для них слов утешения, как сказали бы у нас — занимаются психотерапией¹.

От Вальдивино и Орландо я услышал еще о двух растительных амазонских наркотиках.

Иоко — одна из лиан, карабкающихся из прибрежной растительной тесноты по стволам других деревьев ближе к свету; из стружки ее коры обитатели сельвы варят настой. Выпив чашку, можно отправляться по делам на полный день, не испытывая ни голода, ни жажды.

— Запас йоко есть в каждой индейской хижине, — уверяет Вальдивино.

— И в хижине Вальдивино? — спрашиваю я.

— Вальдивино не индеец, но если поискать, в его хижине тоже найдется йоко.

О растительном наркотике яхе одно время гуляло много легенд; индейцы доказывали, будто, выпив отвар, они чувствовали изменение сознания, высшую степень сосредоточенности; видели события, свидетелями которых они не были и быть не могли, но те события действительно случались на большом от них удалении и в те минуты, когда они привиделись. Выпив кружку яхе, кто-то в состоянии наркотического опьянения видел смерть близкого человека, а потом оказывалось, что эта беда на самом деле случилась именно в то время. Когда по непонятным причинам вблизи деревни исчезает дичь, деревенский колдун, говорят, сам выпивает яхе, к нему приходит видение мест, где дичь прячется, он ведет туда свое племя. Исследователям не удается доказать телепатические свойства яхе, но очень может быть, что содержащийся в лозе алкалоид действует на нервную систему, вызывая невероятные галлюцинации.

Королем амазонской растительной фармакопеи все-таки остается лист коки — эту культуру начали выращивать в Андах за две тысячи лет до образования империи инков. С древних времен здесь постоянно жуют шарики из толченого листа коки с примесью извести. Порошок перебивает вкус горечи и помогает растению полнее проявить свои стимулирующие свойства. Племя получало известь, сжигая на кострах кости убитых зверей или выброшенные на берег ракушки. Жители глубинных районов отдавали прибрежным племенам свой скот в обмен на морские ракушки. У каждого мужчины была при себе тыквенная бутылка («попоро») с известковым порошком и тонкая палочка — доставать примесь. Перекатывая во рту и высасывая коковый шарик, индейцы ощущают легкое онемение щеки и языка и слабое подобие эйфории, какая бывает при приеме внутрь кокаина.

Легенды Южной Америки выводят происхождение коки от божественного Солнца. Самая земная из версий называет «матерью коки» Манко Капак, жену четвертого Великого Инки. Обворожительную развратницу за беспутство казнили, тело разрубили на части, разбросали к востоку от Кордильер. Грешные останки проросли пышными кустами, их листья несли людям ощущение счастья и становились предметом поклонения. Индейцы боготворят не только само растение, но даже кормящие его своими соками участки земли.

Сегодня использование коки сопровождается особым ритуалом. Мне рассказывали, что племенные празднества с употреблением психотропных веществ предполагают не только возбуждение фантазий в мозгу, воспаленном алкалоидами, но и открытый контроль за мерой потребления наркотика, за состоянием здоровья и поведением каждого участника церемонии. Племя само предписывает правила обращения с веществами, мало считаясь с официальной государственной политикой, направленной на полное искоренение коки. В наши дни все больше этнографов склоняются к мысли о важности терпимого и деликатного отношения к сохранившимся ритуалам традиционных обществ. Мне хотелось услышать интерпретацию истории коки и ее использования из уст какого-либо здравствующего вождя индейцев.

— Потерпите до вечера! — говорил Вальдивино, с адмиральским величием стоя на носу лодки. По его расчетам, к вечеру мы доберемся до племени уитотос, живущего в лесу на левом берегу реки. Он знаком с наследственным племенным вождем, только бы застать его в деревне — временами вождь отправляется на каноэ в протоки бразильской части реки, между Амазонкой и Кокитой, навестить разбросанных по сельве соплеменников. Во времена каучукового бума, когда

толпы искателей удачи ринулись в амазонские леса, становясь серингейро (сборщиками каучука), и каучук начал шествие по Европе, а затем по всему миру, многих уитотос, обитавших в местах скопления каучукового дерева гевеи, пришельцы стали продавать в рабство. Спасаясь от истребления, племена уходили в джунгли. В отличие от завезенных сюда африканцев, довольно легко приспособившихся к новым условиям, индейцы переносили перемены с трудом и были на грани вымирания. Теперь потомки оставшихся в живых уитотос поддерживают связи в надежде возродить свое когда-то сильное племя. Застанем ли мы их вождя в деревне или вождя уже где-то на Амазонке в каноэ постукивает по обтянутому шкурой леопарда барабану и подбадривает гребцов?

Когда лежишь на дне моторной лодки, летящей по большой безлюдной реке, оставляя за кормой бурный пенный след, и спиной ощущаешь ритмичные, но не сильные удары о днище волн, забываешь обо всем на свете, даже о том, как перелетел на южную часть материка с северной; прекрасное состояние, когда думаешь ни о чем, всматриваясь в детали мироздания, прислушиваясь к самому себе, ощущая себя то властителем мира, то беспомощной пылинкой, которую несет из одной космической сферы в другую, как шамана, в экстазе легко путешествующего по реальным и ирреальным мирам. Ты возносишься над мистическим пространством, обращаешь невысказанные молитвы к небесным богам. Твое тело превратилось в сплошной удивленный глаз, вбирающий в расширенный зрачок летящий над тобою весь белый свет. Только холодные капли волн, попадая на умиротворенное лицо, на миг пробуждают от сладкой дремы, чтобы затем вновь позволить общение с небом.

Может быть, только в космосе бывают такие яркие, нежные, переливчатые краски, как при восходе солнца над Амазонкой. Во тьме едва различима над темной водой опушка тропического леса, протоки и острова только угадываются в дрожащем воздухе, но небо уже окрасилось в лиловые цвета; не успеваешь перевести дух, как краски перейдут в светло-розовые, пурпурные, а затем все небо над головой заблестит чешуйчатым серебром.

— Орландо, — спрашиваю я, — ты пробовал наркотики?

— Один раз. Туристы-американцы угостили сигаретой с марихуаной. Я отказывался, но они уговорили.

— Ну и как?

— Ничего хорошего.

Орландо держит правую руку на руле и смотрит вперед, прикрыв лицо соломенной шляпой и не отворачиваясь от брызг.

— Орландо, а в школе у Мануэла ребята покуряют?

— Спросите у него.

— Нет, — говорит Мануэл, — но я два раза пил пиво.

Приближаясь к высокой зеленой стене, можно различить подлесок, древовидные папоротники, фикусы с могучими стволами, пальмы с трехметровыми перистыми листьями. Только обвитые вокруг ветвей орхидеи и плавающие у основания бледно-розовые граммофончики, какие цветут на деревянных частоколах в кыргызских деревнях, освобождают от ощущений, какие, наверное, испытывал бы человек, заброшенный на чужую планету. Дилетантский взгляд с трудом различает в растительном буйстве отдельные экземпляры.

Вальдивино показывает в зарослях лечебные деревья — кина-кину, из которой индейцы делают известный перуанский бальзам; пухери с семенами, полезными при дизентерии; каскариллу, помогающую при лихорадке; другие уникалы американской природной аптеки. Среди деревьев было хинное. Его измельченную кору называют «порошком графини».

— Графини Хинхон! — уточняет Вальдивино.

По легенде, графиня Хинхон, жена испанского наместника на Амазонке, заболела тропической лихорадкой. От смерти ее спасла служанка-индианка: уговорила графиню принимать порошок из толченой коры дерева. Графиня выздоровела, а дерево с той поры называют хинным. Не проводник, а ходячая энциклопедия, этот Вальдивино! Прошлой ночью он поразил нас знанием реки. В тишайшей темноте, подчеркнутой мерцанием зеленых светлячков, мы отправились ловить крокодилов. Вальдивино стоял на носу, выставив ногу вперед и вытянув правую руку с фонариком, подавая длинным лучом сигналы Орландо, следившему за светящейся полоской, шарившей по темной воде. Крокодилы спят днем в недоступных для человека местах, а ночью, притаившись в зарослях, приподняв над водой светящиеся красные глаза, неподвижно ждут добычу. Услышав в ночи рокот лодочного мотора, они не трогаются с места, уверенные, что

добыча сама идет к ним в пасть. Вальдивино метров за сто пятьдесят замечает два огонька. По его сигналу Орландо глушит мотор, лодка бесшумно скользит по направлению луча. Слышится всплеск воды; я не успеваю понять, что случилось, как синхронно всплеску Вальдивино в быстром наклоне туловища левой рукой достает каймана длиной сантиметров пятьдесят. Крокодилчик не дергается, не сопротивляется, а спокойно смотрит на нас, как бы заранее зная, что сжимающие его подголове сильные пальцы ему ничем не угрожают. Дав мне вволю поснимать себя с добычей в руках, Вальдивино опускает каймана в воду.

О крокодилах он может рассказывать долго и подробно, хотя многие истории, особенно о черных кайманах длиной до одиннадцати метров, подчас заканчиваются весьма печально. Выползая на охоту по ночам, они переворачивают каноэ и нападают на незадачливых рыбаков.

В ту же ночь при свете фонарика мы ловили на удочку пираний. У меня тоже была удочка с такой же наживкой, как у Вальдивино, но пираньи обходили стороной мой крючок и хватали наживку только у Вальдивино. У меня мелькнула мысль, что амазонские рыбы и рептилии знают Вальдивино в лицо и идут ему навстречу по дружбе. Сняв пиранью с крючка, он показывал ее и снова бросал в воду. Пираньи бывают белые, черные, красные, но в этой заводи водились только крапчатые. Трудно было представить, что эта невзрачная на вид рыбешка — страшная хищница, способная обглодать все живое. Вальдивино поднес пиранью к моему уху, и я услышал звуки, очень похожие на плач ребенка. Стало быть, не все рыбы молчат? Свободной рукой Вальдивино вытаскивает из пристегнутого к поясу чехла нож и лезвием раздвигает пленнице губы. Видишь челюсти, очень похожие на человеческие, только маленькие, и слышишь звонкое лязганье острых зубиков о металл. Да, эта способна обглодать добычу до костей. Вальдивино рассказал историю, которой сам был свидетель:

— Однажды мы с друзьями купались в реке. Нам было по двенадцать-тринадцать лет. Мой товарищ Жозе влез на акацию, прыгнул в воду, задел корягу, до крови поцарапал предплечье. Вода стала краснеть и закипела — на запах крови со всех сторон устремились пираньи. И когда мы, спохватившись, через две-три минуты бросили в воду веревки, надеясь спасти Жозе, вытащили только белый скелет и кусочки кожи от ладоней и ступней. Пираний было так много, что, пока мы тянули скелет, стая еще доглядывала кости. Бедный Жозе! Я с ужасом смотрел, как маленькие пираньи выползают из черепа Жозе через глазные отверстия.

Прежде чем попасть к уитотос, наша лодка дважды приставала к берегу. На опушке сырого леса в хижинах, покрытых сухими пальмовыми листьями, жили индейцы племени ягуас. На первой короткой остановке нас окружили высыпавшие отовсюду полуголые, возбужденные, ни на минуту не умолкавшие люди; мы ахнуть не успели, как наши лица раскрасили красными полосами, такими же, как у людей ягуас; взглянув в зеркальце, я увидел свои глаза на неузнаваемой ужасной физиономии. «Ягуас» — набедренная повязка, и так зовут себя люди племени. Их в деревне больше двухсот. Взрослые когда-то работали на перуанских каучуковых плантациях сюда пришли в середине семидесятых годов. Еще недавно в деревне был колдун. После его смерти по решению вождя больных стали отправлять в больницу ближайшего городка Летисия — по реке туда можно добраться на долбленке за пять-шесть часов.

Из всех лекарственных и наркотических средств ягуас предпочитают аяхуаску. На вопрос, употребляют ли аяхуаску только по праздникам, жители деревни отрицательно качали головами, наперебой стараясь объяснить, что наоборот — каждый раз, обычно в конце месяца, когда в деревне варят аяхуаску, добавляя в котел кору дерева тобэ, черпают напиток кружками из котла, а после вместе пляшут, отлетая душой к небесам, путешествуя в других мирах, — это и есть праздник. Счастливые полеты продолжаются час или полтора, пока радостные люди не спустятся обратно по радуге, перекинутой через Амазонку.

— Там не холодно? — спрашиваю я. Вальдивино переводит, воздевая глаза к небу.

— Не холодно! — смеется деревня.

Нас тащили то в одну сторону, то в другую, предлагая купить изделия деревенских мастеров — маленькие духовые ружья «сарбуран» с колчаном из коры дерева и тонкими стрелами из сухих прожилок пальмового листа; на кончике стрелы острые зубки пираньи, а на другом конце — клочок вздутой хлопкообразной массы из красного плода дерева мунгуба. У дороги вбиты два колышка, между ними веревка, к ней подвязан товар — черепа мелких животных, ожерелья из плодов тропических растений с рыбьим позвонком («оберегают женщин!») и с черно-желтым клювом тукана («увеличивает силу мужчин!»). Выбирай!

В самой деревне коковых кустов не было, к ним вела тропа в сельву, но Вальдивино

решительно отговорил терять время:

— У уитотос они растут у каждой хижины!

Непростительной оплошностью была моя попытка раздать горсть конфет ребятишкам. Невесть откуда слетелась стая кричащей, орущей, хохочущей, толкающей друг друга детворы, уцепившейся в мои руки и едва не выдернувшей их из предплечий; вслед за ними и взрослые уцепились мне в обе руки, стараясь разжать мои пальцы, таща каждый в свою сторону, у меня трещала по швам рубашка, и я не знаю, что бы от меня осталось, если бы на выручку не поспешил Вальдивино. Он решительно выстроил всех в очередь. По счастью, конфет хватило каждому. Только взрослые, не очень веря моим уже вывернутым карманам, продолжали дружелюбно держать меня за руки, провожая к сходням, у которых покачивалась наша лодка.

Минут через двадцать на хорошей скорости мы добрались до другого поселения ягуас. Здесь были деревянные строения, школа, бетонные тротуары с дощатыми скамейками, даже футбольная площадка; в домиках электричество и водопровод с питьевой водой. За оградой на гигантской форно над пылающими углями ягуас жарили маниоковую муку. Со старейшинами деревни мы присели на затененную банановой пальмой скамью. По их рассказам, при болезнях деревня тоже использует растения. Если у ребенка сильный кашель, родители приносят красный цветок канья браво, внутренность цветка растирают, заливают водой. Отвар помогает от простуды. А когда болит голова, используют маленькие листья кустарника мукуры — настоенной на листьях водой обливают голову, и боль проходит. И здесь жуют кокковые листья, их смешивают с листьями дерева ярума и получают сильнодействующее болеутоляющее и психотропное средство вайруро.

— Обратите внимание на ту девочку, — шепнул мне Вальдивино.

Девочка лет двенадцати-тринадцати была в толпе подростков, стоявших в сторонке и не решавшихся приблизиться, пока старейшины не закончат беседу. На ней, как на всех других, была набедренная повязка, браслеты из коры на кистях рук и на щиколотках. Вальдивино был с ней и ее семьей знаком раньше и потом в лодке, когда деревня осталась за кормой, рассказал, как проходило ее посвящение в женщины. Когда случилась первая менструация, отец запер дочь в сарае («тури») на шесть месяцев; ей не разрешалось появляться в деревне, а круг ее общения составляли две-три старухи, обучавшие девочку, как вести себя с мужем, как распознавать признаки беременности, какие растения применять при болезнях, разным другим премудростям, без знания которых не станешь любимой женой и заботливой матерью. Эти полгода, пока дочь получала уроки жизни, отец работал в поле как вол, чтобы скопить средства для праздника по случаю возвращения просвещенной дочери. Знахари деревни представили ее луне и темноте, торжественно передали ей ветку дерева, которое отныне должно ей покровительствовать. Они же указали ей зверя — ее личного тотема и защитника. Три дня деревня праздновала совершеннолетие девочки. Родственники (дедушки, бабушки, дяди, тети) на глазах у гостей выдергивали с ее головы пучки волос, пока череп не стал голым. Ее уложили на паланкин и понесли к реке. Если бы у нее был жених, ему бы следовало вслед за ней войти в воду и на руках унести в дом. Но нареченного не было, и в дом ее нес на руках торжествующий отец.

По законам ягуас, если муж в состоянии содержать не одну жену, а больше, он может привести в дом других женщин. Их бывает не больше пяти-шести; разводы не приняты, а самым большим вызовом племени, более страшным, чем кража или убийство, деревня считает измену мужа или жены. В этом случае люди не знают жалости. Когда замужнюю женщину уличили в связи с неженатым мужчиной, обоих посреди деревни привязали к столбу и рядом сложили кожаные ремни. Три дня все проходившие мимо били ремнями влюбленных. Особенно старался муж неверной, хотя на руках у него был их ребенок. Хотелось бы думать, что муж это делал не из жестокости, а чтобы не уронить себя в глазах соплеменников. На исходе третьего дня деревня спустила на воду деревянный плот. Влюбленных привязали к плоту, связав им руки. Женщине надрезали ножом верхнюю губу, парню надрезали ухо и толкнули плот к середине реки. Их обрекли на мучительную смерть: если плот прибьет к какому-либо поселению, по надрезам губы и уха другое племя поймет, за что эти двое наказаны, и тоже оттолкнет плот от берега; любовников будут провожать в их смертном пути крокодилы и хищные птицы. Так им спускаться вниз по реке до последнего дыхания — пощады ждать неоткуда.

Часа в четыре пополудни мы подплыли к деревне уитотос.

Вождь Хитома Сафиама («касика», или «всевидящая голова»), худощавый костистый индеец лет шестидесяти, пригласил нас в покрытое пальмовыми листьями высокое сооружение

совершенной круглой формы, вроде исполинской юрты, в которой могла бы разместиться вся деревня, но сейчас не было ни души. В прохладной полутьме, пахнувшей сыростью и взрыхленной землей, нас усадили на черных бревнах, расположенных вдоль тонкоствольного полукружия стен и служивших скамейками; вождь внезапно исчез, а мы, радуясь слабому сквознячку из множества щелей, осматривали тесаные столбы, на которых держалась крыша и переплетение задымленных перекладин; на подметенном земляном полу стояли глиняные кувшины, деревянные чашки, полисандровая ступа с палкой и долбленое корытце — очевидно, для коллективного приготовления пищи. На черных камнях лежала, как озерцо, огромная сковорода, вокруг разбросано было множество предметов, назначение которых для нас оставалось неизвестным. Как объяснил Вальдивино, это была малока — главный дом уитотос. Место общих собраний, празднеств, ритуальных Церемоний, зал приема редких здесь гостей; в малоке же уитотос хоронят своих вождей.

— В том углу в двух глиняных бочках под землей спят отец и мать нынешнего вождя, — Вальдивино указал рукой в дальнюю часть малоки, где было трудно что-нибудь разглядеть.

— И дед, и прадед спят здесь? — спросил я Вальдивино.

— Нет, только отец и мать. Уитотос пришли на этот берег в 1927 году.

В районе Амазонки сорок два поселения уитотос общей численностью двадцать пять тысяч человек. Когда-то их было много, деревни строились близко одна от другой. Мужчины собирали каучук в лесах компании «Касарана», но в двадцатых годах военные отряды компании заставили уитотос покинуть свои деревни и сожгли их хижины. Беглецы селились малыми группами, кто где сумел, часто вдвали, друг от друга. Две трети уитотос не выдержали изнурительных переходов, умирали в лесах, уронив головы на валежины или в болотца. Ими еще долго питались хищники. В этой деревне семьдесят восемь человек: двадцать мужчин, тридцать женщин, двадцать восемь детей. «Мы сохранились потому, что не забыли наших традиций, — скажет потом вождь. — Но если бы мы остались в западном мире, нас бы уже не было...» Для уитотос западный мир, с которым они имели дело, — компания по сбору каучука, давно разорившаяся.

Минут пятнадцать спустя вождь вернулся. Мы с трудом узнали его: на узкую грудь с выпирающими ребрами, похожую на высушенную и слегка растянутую на шестах сморщенную шкуру кролика, свисали ожерелья из крупных белых клыков (как потом выяснилось, это были клыки убитых им кабанов); на курчавой голове царственно возвышалась расшитая бисером корона с разноцветными яркими перьями амазонского попугая. Вождь был полон достоинства и важности. Хотя власть у уитотос наследственная, традиция предписывает передавать ее не старшему или младшему сыну умершего вождя, а тому из сыновей, кто лучше знает обычаи предков и придерживается их; у нашего вождя двенадцать детей, он всех их учит традиционной культуре.

Не успел я обнаружить своими вопросами собственное невежество, как вождь сам стал просвещать гостей. Попытаюсь пересказать его монолог, как я его понял в переводе Вальдивино.

— Малока, — вождь обвел строение рукой, — первое жилище, которое появилось в мире после потопа; его поставил посланец Отца-прародителя на Земле, чтобы возродить человечество. В каждой индейской деревне есть малока как напоминание о происхождении всего живого.

Малока повторяет строение человека и среду обитания — круглая, как Вселенная, имеет четыре полюса. Поперечные перекладки под крышей, говорил вождь, это наш позвоночник и ключицы; мы все держим на своих плечах, здесь каждый угол выполняет роль плеча. Отверстия на перекладинах — наши два глаза, два уха, две ноздри. А внутренность строения как бы живот нашей общей матери. Здесь уитотос рождаются, растут, отдыхают, спят, питаются, учат и обучаются. Это для деревни школа и храм.

У каждого полюса вырезанные из ствола дерева свои символы. Вот женщина с рыбьим хвостом (нимфа), в ней уитотос чтят мать-природу; две ее обнаженные груди с красными сосками — плоды, которыми люди питаются. На другом столбе фигура черепахи — знак неторопливости; если, допустим, от дерева нет сегодня никакой пользы, не спеши рубить, завтра оно может пригодиться. У третьего столба — крокодил, символ равновесия жизни: если ты испытываешь зло, ненависть, мстительность, всегда можно вызвать в себе другие чувства, способные все уравновесить. Четвертый столб обвила искусно вырезанная толстая анаконда, прародительница амазонской природы: от нее сила и духовный огонь. «Это человеческое тепло, которое мы передаем от одного к другому в общем согласии беречь природу. Сейчас мы просим другую расу, другую культуру помочь нам сохранить наш дом и нашу природу», — записал я эти слова вождя.

Мы сидим в полутьме на грубо обтесанном пальмовом стволе, внимая речи вождя, все

более темпераментной. Бьюсь об заклад, что он уже успел покатавать во рту коковый шарик — стал суетлив и помогает себе резкими движениями рук. Когда он закурил трубку и перешел к разговору о коковом листе, слог его стал афористичнее, а голос звонче.

— Кока для нас — книга мудрости и знаний. Это наша библия, наши законы, наш порядок. Наша духовная жена и мать. Вместе с кокой мы думаем об Отце-созидателе, хранителе нас самих и Вселенной. Сюда может прийти жить любой, здесь мы готовим коку, учимся, говорим друг с другом, вспоминаем прошлое, поем и танцуем. Так мы благодарим Отца-созидателя и мать-природу. Кока не развлечение, а способ изгнать злых духов, излечить болезни. Поэтому мы поем и танцуем. Если у нас хороший урожай, мы собираемся и благодарим. Если нехватка урожая — собираемся и просим. Если у нас проблемы, сходимся вместе и обсуждаем. Кока у нас называется «вибиа», что означает «твой господин» или «твой орган чувств». Это наш шестой смысл.

— Простите? — не понял я.

— Когда человек спит, кока его оберегает и будит в момент опасности. Она помогает предугадать, распознать, предупредить беду. Поэтому мы существуем в мире.

— А что для вас табак?

— Это товарищ коки, он мужского рода и дает власть. У коки женское начало, от нее наша мудрость. Табак и кока дополняют друг друга.

От Хитомы Сафиямы мы услышали новую версию происхождения коки. После того как Отец-основатель создал человечество, он подумал о расе, не имевшей письменности, способной лишь устно общаться между собой. Он решил оставить им свою книгу, и эта книга — коковый лист. Мы берем лист в рот — в этот момент вождь поднял из корытца и взял в рот зеленый листик коки, — держим на языке, с его помощью говорим, получаем знания, Учимся пониманию. Но где нашел Отец-основатель чудесное растение для передачи людям? У духовного вождя, посланного Отцом-основателем после потопа на Землю, родилась дочь. Она выросла и однажды высадила в землю, как семена, свои волосы. Волосы проросли и стали кустарниками. «Смотри, — сказала она вождю, — с их помощью ты сумеешь разрушать все злое и сохранять все хорошее», — и сама превратилась в порошок коки.

— Вот почему на церемониях мы говорим коке — ты моя дочь, моя жена, моя мать. И почему коку вправе жевать только мужчины.

Я спросил вождя о способах приготовления кокового листа. У нас в Кыргызстане народные врачеватели обычно заливают измельченное лечебное растение водой в стеклянной, фарфоровой, эмалированной посуде, настаивают на кипящей водяной бане, процеживают через марлю. Трудно представить принятую у нас технологию в амазонской деревне.

Вождь призадумался.

— Уитотос знают, как готовить коковый лист, чтобы он был добрым спутником жизни. Мы сушим лист на медленном огне, затем толчем в ступе, превращаем в пыль и смешиваем с пеплом коры пальмы-ярумы. Кора ярумы делает коку сладкой и усиливает яркость возникающих в голове фантастических картин. Смесь храним в тыкве или другом сосуде — попоро. В старые времена попоро были золотыми. Из попоро порошок достаем палочками, кладем за щеку, смешиваем со слюной. Так думаем, общаемся, наказываем виновных... Это освобождает нас от жажды и голода, укрепляет дух, спасает от холодов, лечит болезни. Мы не только жуем, но и завариваем коковый лист. Отвар помогает при болезнях сердца, желудка, горла. Кока сохраняет нашу силу и оберегает от дурных мыслей. Поэтому уитотос живут долго. Мой отец прожил девяносто лет; там, где кока не растет, век у индейцев короче.

— У нас наоборот, — заметил я, — короче век у тех, кто кокаин употребляет.

— Люди западной расы добавляют в зеленый лист химические вещества и получают белый порошок. Они теряют способность мыслить. Они думают только о себе, а мы — обо всем племени; с кокой улаживаем конфликты и освобождаемся от ненависти. Когда с помощью коки мы сосредоточиваемся, нам удается говорить непосредственно с Отцом-созидателем. Уитотос знают: зеленое — знак природы и созидания, белое — всегда разрушение. Одно естественно, другое искусственно.

— Есть болезни, против которых кока бессильна? — спрашиваю я.

— Болезни бывают естественные и другие, которые у нас зовутся «постиса». Они от наговоров. Естественные, происходящие от природы, поддаются лечению кокой, но избавиться от «постисы» без знахаря или вождя невозможно, вождь должен все знать. Им обоим надо очень стараться, чтобы определить заболевание и преодолеть наговор.

— Употребляя коку, не становятся ли люди агрессивными?

Вождю был непонятен вопрос.

— Зачем? — спросил он.

— Кокаин все-таки сильный стимулятор.

— Но мы не принимаем кокаин! У нас лист божественной коки — он только успокаивает и придает силы. Я не слышал от отца и деда, чтобы, жуя коку или выплюнув шарик, уитотос набросились бы на кого-нибудь.

Два раза в год наш вождь созывает в малоку всех мужчин деревни для коллективного ритуального употребления коки. Поводом может быть охватившая соплеменников или хотя бы часть их внезапная беспричинная апатия — такое случается время от времени. Но если в деревне общее настроение хорошее, удачна охота, вдоволь рыбы, маниоки, сладкого картофеля, это тоже может стать для вождя поводом собрать мужчин на праздник благодарения. Женщины и дети будут присутствовать на церемонии, но без права толочь в ступе и жевать коковый лист. Мальчишкам разрешается впервые брать в рот коковый шарик в четырнадцать лет. В будни уитотос жуют коку каждые три часа, помещая за щеку по две-три чайных ложки смеси листа, извести, ярумы.

В деревне нет коковых плантаций, но почти на всех участках, распаханых под маниоку или батат, на выкорчеванных опушках леса, где собираются высаживать фруктовые деревья, сажают кусты коки — этим как бы возмещают ущерб, который наносят природе. Почти у каждой хижины растут два-три куста, общипывать листья можно круглый год, но это исключительно мужская забота. Уитотос принципиально не делают кокаин, тем более — на продажу. Этим промышляют другие индейские племена в Колумбии, Боливии, Перу.

Тут самое время забежать вперед и рассказать о встрече, случившейся три недели спустя в колумбийском городе Медельине на улице Асокар в шестизэтажном здании, известном как «Дом Монако». Еще недавно это была резиденция наркобарона Пабло Эскобара и его семьи, а теперь разместился национальный Центр по излечению и предупреждению наркоманий. Ну не ирония ли судьбы? Здесь я встретился с Гладес Марией Пирасо, медсестрой-индианкой клиники «Гранхо» поселения Леридо, вблизи бывшего города Адмеро; не так давно город был превращен в пепелище огненной лавой внезапно проснувшегося вулкана. Оливковые глаза медсестры были напряжены, словно обожжены ослепительным пламенем. Ее пациенты — дети и внуки уцелевших в том кошмаре индейцев, люди с нарушенной психикой, нашедшие утешение в наркотических веществах.

В местах, откуда Гладес Мария родом, существовали два вида коковых плантаций: традиционные индейские и коммерческие, созданные людьми, приехавшими в сельву на заработки. У пришлых были машины и новые технологии, а индейцы, как сто и тысячу лет назад, срывали руками с веток зеленые листочки. От этой постоянной работы на их пальцах оставались мозоли. Для приготовления кокаина листья выкладывали на мешковину и взвешивали, чтобы не ошибиться в добавках. Мера веса у индейцев зовется аробой (ароба — примерно тринадцать килограммов). На четыре аробы уходит три килограмма соли — той, которую скармливают домашним животным, но люди не употребляют. Перемешанные солью листья уминают босыми ногами, укладывают в железные бочки из-под топлива. Пять дней соленую листву перемешивают палкой, добавляя в бочку бензин, три-четыре дня выдерживают, пока соленое месиво не вберет в свои поры жидкого топлива, сколько возможно. Листья вынимают и отжимают, как белье при стирке; влага в бочке отстаивается, пока последний размякший листок не опустится на дно, а на поверхности останется загустевший молоковидный бензин; его перегоняют в чистую посудину, без следов жира, добавляют химикаты, снова дают отслоиться гуще от жидкости.

Я записал рассказ Гладес Марии:

— Мне много раз приходилось наблюдать процесс, но не последнюю стадию. Это всегда была тайна мастера — ее держали в секрете. Единственное, что я действительно видела, — хранившиеся в банках и шедшие в дело растворы соляной кислоты и аммония. Зеленую массу сушат на солнце или на сковородах, следя, чтобы порошок не пережарился. Со стороны можно подумать, что вся деревня готовится печь лепешки.

Городские индейцы научились получать, в конце концов, подобие кокаиновой муки, но не знают, как ее кристаллизовать. Коммерсанты закупают у них мучнистую массу и на своем оборудовании, никуда не исчезая, а там же, чуть ли не на их глазах, подвергают химической обработке и упаковывают готовый для продажи кокаин. Для начала они зачерпывают порошок чайной ложкой, греют на огне, а когда в ложке растопится жидкость, похожая на подсолнечное

масло, макают в нее палец и размазывают по запястью; если жидкость на коже высыхает, снова становится белым порошком — качество хорошее, можно платить за товар. Пятьсот граммов порошка тянут на тысячу двести долларов. Индейцы с изумлением наблюдают привезенное пришлыми оборудование — аппараты для измельчения листа, точные весы, микроволновые печи для сушки...

Для собственного потребления земляки-индейцы готовят кокаин почти так же, как амазонские индейцы, смешивая измельченные листья не с бензином, а только с известкой или пеплом. Собравшись в кружок, люди племени передают сосуд с кокой из рук в руки, каждый обмакивает в порошок палец, проводит пальцем по языку, ощущая прилив сил, и начинает энергично двигаться. Пациенты нашей медсестры употребляют кокаин орально, и у них совершенно другая реакция на наркотики, нежели у тех, кто втягивает в ноздри или колется. У них не бывает привыкания, от которого не могли бы освободиться. Почти у каждого мужчины, уходящего в поле на весь день, на поясе бутылка с кокой; с каждой принятой внутрь порцией индейцы чувствуют подъем жизненной энергии².

Гладес Мария сегодня имеет дело с больными, употребляющими в разных сочетаниях одновременно два-три наркотика: обычно алкоголь, марихуану, кокаин, иногда к ним добавляют басуку³. Клиническую картину составляет не сумма действий каждого препарата, а особенности их взаимодействия. В России и Средней Азии такой коктейль встречается редко, и было интересно узнать об опыте лечения пациентов этого типа. С ними врачу обычно труднее найти общий язык: полинаркоманам свойственно вызывающее поведение, часто сопряженное с тяжелыми психическими расстройствами, в том числе депрессией, страхом, галлюцинациями. В стационарных условиях снимают абстиненцию, а амбулаторное лечение рассчитано на шесть месяцев (по два занятия в неделю). По мнению медиков, это минимальный срок, при котором пациента можно считать практически излеченным. Курс лечения оплачивается государством из фонда медицинского страхования населения. Из этого же фонда возмещаются расходы больных на время нахождения в стационаре, но до определенных пределов. Сверх предусмотренного страховкой количества дней пациент сам несет расходы по пребыванию в клинике. Оплата зависит от доходов пациента. Обычно месяц госпитализации обходится в миллион двести тысяч песо (примерно девятьсот долларов США). С бедных берут от пяти до десяти процентов этой суммы.

Все это я узнаю пару недель спустя, а теперь, находясь среди уитотос, я вслед за вождем иду по деревне мимо хижин, вокруг которых зеленеют кусты коки, с разрешения вождя с ним вместе двумя руками срываю листья. Мы возвращаемся к малоке, толчем листья в ступе, достаем палочкой из тыквенной бутылки известь, скатываем измельченные листья и порошок в зеленоватый шарик. Следуя указаниям вождя, я по его примеру закладываю шарик за щеку и напрягаю все лицевые мышцы, стараясь вытянуть из увлажненного моею слюной комка, пахнущего прелым сеном, хоть какое-то удовольствие, но даже через десять, пятнадцать, двадцать минут не чувствую ничего, кроме горечи во рту, и с болезненной гримасой под хохот индейцев выплевываю шарик в траву. Я уважаю чужие традиции, но моему организму все-таки милее — свои. Зачерпнув из ступы горсть истолченного листа, глядя на россыпь в своих ладонях, на миг представляешь великие превращения невзрачного и ни в чем не виноватого растения, давшего толчок мощной современной межконтинентальной индустрии с оборотом в миллиарды долларов. Никакое другое растение не отвлекает от мировой экономики такие огромные капиталы — равно на свое выращивание и свое уничтожение.

Но для Хитомы Сафиямы и его предков (до какого колена, не сосчитать) лист коки — важная часть их культуры, в том числе религиозной, обрядовой, медицинской⁴. Индейцы часто жевали коку, чтобы снять чувство голода, пригасить жажду, избавиться от усталости после тяжелой работы. Испанские конкистадоры, поначалу запретившие местному населению жевать коковый лист, узнав о его стимулирующих свойствах, не только сняли запрет, но сами стали снабжать кокой индейцев, в первую очередь тех, кого привлекали к изнурительным работам на золотых и серебряных рудниках.

— Нет, — сказал вождь, будто прочитан мои мысли. — Мы тысячу лет жуем листья коки, которая растет у наших хижин, а больных от нее, ты убедился, у нас в деревне нет. Наверное, европейцы не знают, как смешивать высушенный лист с пеплом ракушки, не умеют шарик держать за щекой. Я слышал, они коку нюхают, курят, вводят иглами в кровь... Дикари!⁵

Мне хотелось вступить за Европу, но возразить было нечего.

Перед тем как возвращаться на нашей моторке в Летисию, откуда летают самолеты до колумбийской столицы Боготы, на берегу я достал из дорожной сумки кыргызский халат красного бархата, отороченный национальным орнаментом, и набросил на плечи вождю Хитоме Сафияме. Халат очень понравился вождю, он поспешил показать обнову всей деревне. А потом снял со своей головы корону с перьями и водрузил на мою голову. По смеху столпившихся вокруг уитотос я мог представить свой нелепый вид. Я обнял вождя и смеялся вместе со всеми.

Корона, я знаю, всегда будет висеть в моем доме в Бишкеке, напоминая о счастливых днях с друзьями на Амазонке и о прекрасных встречах, которые кое-что добавили к моим знаниям об индейцах и коковом листе.

Несколько часов спустя наша лодка причалила к дощатому дебаркадеру Летисии. Вдоль берега под навесами тянулись торговые ряды и закулочные, пахло острыми восточными пряностями. Здесь, на мокром дебаркадере, пришлось расставаться с амазонскими друзьями. Прощай, Вальдивино! Прощайте, Орландо и Мануэл! Я никогда не забуду ощущения свободы и счастья, которые вы мне подарили на вашей реке. В трудные минуты жизни, я знаю, когда меня охватят тоска и отчаяние и будут готовы опуститься руки, я вспомню ваши смуглые лица, освещенные восходящим над рекой солнцем, мы снова улыбнемся друг другу, и я пересилю себя.

Лодка с моими спутниками отошла от берега и стала терять очертания в золотой дымке; я дождался, пока она скрылась из вида, закинул за плечи свою дорожную сумку и поспешил к маленькому аэропорту позвонить, если удастся, в Бишкек, услышать любимые голоса, а потом бежать по летному полю к трапу самолета местных авиалиний. До вылета рейса на Боготу оставалось тридцать минут.

КАРТЕЛИ КОЛУМБИИ:
ДО И ПОСЛЕ ПАБЛО ЭСКОБАРА

Разговор с наркоторговкой Патрисией — «Дно» в квартале Капуччино — Пациенты сеньоры Марии Изабель — Лечебная сауна: опыт «Прометей» и опыт МЦН — Басука, наркотик Южной Америки — Обыск в порту Картахены — Полковник Нуньес Нуньес: «Мы боимся, что теряем время» — О русской подлодке говорят, но ее никто не видел — Калийский картель и «солнцевская группировка» — У могилы Пабло Эскобара

От стен старинного монастыря Монсеррат открывается панорама колумбийской столицы с высотными зданиями, взметнувшими стекло и алюминий в небеса, над оставшимися внизу красными черепичными крышами. Город утопает в цветах, напоминая, что ты в стране, слывущей самым крупным в мире экспортером цветов. Их видишь в Москве, на всех станциях метро; зафрахтованные лайнеры с колумбийскими розами и каллами приземляются в российских городах. Теперь стоишь над шумной, красивой Боготой, среди смуглых добрых колумбийцев и думаешь, не по ошибке ли у этого города криминальная репутация кокаиновой столицы, не по недоразумению ли во всех международных аэропортах к пассажирам с колумбийским паспортом, ко многим из них, таможенные чиновники проявляют повышенный и неделикатный интерес, приводят обученных собак обнюхивать их чемоданы. Это тем более несправедливо, что большинство колумбийцев наркотики в глаза видели.

Богота — полностью Санта-Фе-де Богота — один из самых неожиданных городов Южного полушария, у западного склона Восточных Кордильер. Не перечить монументов, выдающих пристрастие семи миллионов колумбийцев к своей истории начиная с 1538 года, когда испанский конкистадор Гонсало Хименес де Кассада добрался до центра древней цивилизации индейского племени чибча и заложил поселение, которому было суждено почти три века спустя, после освобождения города Симоном Боливаром от испанцев, стать столицей республики Великая Колумбия. Сегодня в названии страны нет эпитета «великая», но печать бесспорного величия лежит на окружающих столицу горах, на стреловидных улицах и широких площадях с прекрасными зданиями президентского дворца, муниципального дворца, Капитолия, Центрального университета, Национальной консерватории, Национальной библиотеки, Музея колониального искусства.

— В Музее золота ты должен побывать, — настаивали колумбийцы, которых я разыскал по рекомендации московских друзей. — Там многое поймешь!

— Будь я туристом, занимайся я драгоценными металлами, интересуюсь я специально историей колумбийской культуры, обязательно начал бы с музея, но мой интерес в другой области! — пытался я сопротивляться.

Теперь я могу сказать: спасибо вам, друзья, за вашу настойчивость. Мы поднимались по мраморным лестницам, задерживаясь у освещенных изнутри стеклянных ниш, где сверкало золото инков — создателей одной из древних цивилизаций Южной Америки. Мне не надо было переспрашивать спутников, какое отношение имеют эти сокровища к предмету моих интересов; первым экспонатом музея, открытого в 1939 году, была золотая попоро — кувшинообразный сосуд высотой от локтя до предплечья с четырьмя шарами у горла. В нем кимбайские индейцы хранили известь для жевания с коковым листом. Сколько мы ни присматривались к экспонатам, у многих племен (кимбайя, тайрона, галима, малагана, калука, тумачо — всех не перечить) самыми фантастическими изделиями были золотые сосуды для приготовления коковой жвачки: в виде сидящего человечка, обнявшего руками колени, в виде красивой головы с украшениями на шее, в ушах и в носу, в виде тотемных животных — ягуара, птиц, змеи, лягушки... Это была дань

священному растению, с древних времен вызывающему почтение. Лист коки, утоляя жажду и голод, излечивая болезни, помогал колдунам узнавать тайны мистического мира и предсказывать будущее. Они правы, мои спутники: надо было видеть эти покрытые слоем золота тыквы и кувшины причудливых форм, созданные с мыслью о коковом листе, чтобы еще раз подумать об истоках преклонения народов доколумбовой Америки перед наркотической культурой, столь важной в их цивилизации. Не вина древних индейцев, что люди позднейших эпох, подсмотрев интимные ритуалы, пустили их божественно растение в промышленный оборот.

Напоследок охранники впустили нас в круглую темную комнату. Мы стояли рядом, не видя друг друга, только слушая лившуюся сверху странную грустную музыку; она вызывала в воображении картины древних материков накануне их великого пробуждения. И правда, с нарастанием аккордов мы с изумлением заметили, как круглые стены вокруг нас ожили, зашлись алыми красками, стали пурпурными, и вот всплыло над водой утреннее солнце, и в его лучах заплескалось легендарное озеро Гуатамито. Вообще-то, оно в горах, километрах в шестидесяти к северо-востоку от Боготы, с ним связывают легенду об Эльдорадо. Но мы сейчас оказались посреди озера, в кратере потухшего вулкана; озеро выбрали индейцы для приношения жертв своим богам, и мы видим, как они это делают. От берега отталкивают плот с вождем, с головы до ног покрытым золотой пудрой («эльдорадо» в буквальном переводе — позолоченный). Вождь до шеи засыпан золотом и изумрудами. Доплыв до середины озера, он с четырьмя помощниками приносит сокровища богам. Были ли среди этих богатств попорно?

Светлеет небо, набирают силу удары бубна, и я вижу, или мне кажется, что вижу, как по синей глади скользит золотой плот. Вождь стоит, расставив ноги, но их не видно за грудой сокровищ, только неподвижная золотая голова в драгоценной короне возвышается над пирамидой ослепительных богатств.

С давних времен предпринимались попытки найти на дне озера эти жертвоприношения. В шестидесятые годы нашего столетия итальянцы за большие деньги получили от колумбийских властей лицензию на гидротехнические работы — прорубили в скалах проход к озеру, опустили уровень воды, но подводные работы окончились ничем. Итальянцы пытались получить разрешение на полное осушение озера, дабы начать бурение на илистом дне, но колумбийское правительство не торопится осушать водоем, своею тайной привлекаящий туристов всего света.

— Что я говорил! — торжествовал Хуан (Иван) Клавихо, колумбийский кинорежиссер, видя, что я просто раздавлен впечатлениями. Иван когда-то учился в Москве, в Университете дружбы народов, и еще не забыл русский. Он предложил проехать на его машине по вечернему центру и посмотреть столичную жизнь с наркотической стороны. Мы кружили по темным улицам мимо прислонившихся к стенам полуодетых проституток, пристающих к прохожим сутенеров, мимо продавцов наркотиков, по особому вглядывающихся в прохожих. Мне захотелось поговорить с кем-нибудь из них. Иван не без колебаний дал себя уговорить, припарковал машину в освещенном месте, чтобы не угнали, и мы отправились по улицам, бегая глазами, как будто нам позарез нужна доза.

В квартале Сан-Антрасито у ворот гаража переминается с ноги на ногу девушка с черной сумкой через плечо. На проститутку не похожа, скорее, торговка наркотиками. «Марихуана?» — спрашивает Иван. Девушка молчит, внимательно вглядываясь в нас. «Кокаин?» — тихо спрашивает Иван. «Басука, — говорит девушка. — Минут через десять может быть остальное». «Как тебя зовут?» — «Патрисия». Мы отошли в сторонку и стали наблюдать, как Патрисия подошла к группе куривших неподалеку молодых людей, перебросилась парой слов, потом исчезла в подворотне. Через несколько минут она вернулась, но теперь на ее плече была другая сумка. Мы двинулись к ней. Из группы ее приятелей отделились двое и тоже приблизились к ней, покуривая, как бы не обращая на нас внимания, но явно прислушиваясь.

Было очевидно, что девушка не станет разговаривать, пока не убедится в наших исключительно покупательских намерениях, и я купил порцию марихуаны на шесть-семь сигарет за четыре с половиной доллара (шесть тысяч песо), басуку на одну сигарету (два доллара) и дозу кокаина на трех человек (восемь долларов) — меньших расфасовок у нее не оказалось¹. Спрятав деньги в сумку и убедившись, что мы прохожие на самом деле случайные, что разговор с нами ничем не грозит, Патрисия стала отвечать на наши вопросы. Ей двадцать один год, муж в тюрьме за участие в убийстве, осужден на сорок лет, она не уверена, дождетсЯ ли. Покупателей не так много, как хотелось бы. Торговля приносит в день чистыми до пятидесяти долларов; на самом деле выручка больше, но двадцать долларов приходится отдавать участковому полицейскому, чтобы не приставал.

— Кормлю себя и своего полицейского! — смеется Патрисия.

Я мысленно представил глобус, на нем ночные города, в каждом свои Патрисии, и подумал о том, что пока существуют такие кормилицы, полиция мира не пропадет².

Иван рассказал об улице Ля-Картуччо в квартале Капуччино — там лагерь наркоманов. Пять тысяч опустившихся мужчин и женщин, некоторые с семьями, расстелив на площади сизалевые мешки, прикрываясь тряпьем, живут там постоянно. Греются у костров, слоняются по окрестным помойкам, по мусорным свалкам, выискивают снедь или старые вещи, раскладывают в мешочки, продают друг другу, выменивают на наркотики и оружие. Их называют «десачавлис», то есть «ненужные». Как клошары во Франции или бомжи в России. В сезон дождей их пускают ночевать в подъезды соседних домов за плату в сто — двести песо. Когда кто-нибудь из них умирает или погибает при частых внутрелагерных столкновениях, его приятели собирают на улицах пять — десять тысяч песо на похоронный ящик и владельцу соседнего дома, позволяющего похоронить покойника ночью в своем саду, втайне от властей.

Настоящие наркотики в лагере редки. В ходу чаще клей, жидкости для заправки зажигалок и снятия лака с ногтей, лак для волос, средства от насекомых, чистящие вещества. На их сленге токсические вещества зовутся «освежителями», «раздевалкой», «медузой», «лунным глазом». В странах Европы и США эти бытовые и промышленные продукты, обычно легкодоступные, распространены среди детей и подростков. Среди моих пациентов встречаются потребители подобных ингалятов. При высокой концентрации токсические вещества вытесняют из легких кислород, подавляют нервную систему, поражают головной мозг. Для больных обычны повреждение печени, удушье, сердечная недостаточность. Но пока последствия не наступили, потребитель испытывает психоактивные эффекты сопровождаемые легким головокружением и бредом. Когда наркотика под рукой нет, токсикоман становится раздражительным, подавленным, внезапно агрессивным. Психологию и коллективное поведение обитателей лагеря нетрудно было представить.

Раньше мне не приходилось видеть наркоманов этого типа разом в таком количестве; мысль о том, что вряд ли похожий лагерь еще встретится на пути, заставила меня попросить спутника отправиться в тот квартал. Я понимал серьезность его предупреждений, но с непростительной настойчивостью продолжал упрашивать, логически доказывая, что, если машина проедет на небольшой скорости мимо лагеря, ничего не случится. Иван лучше меня знал свой город и на уговоры не поддавался.

Пару дней спустя провезти меня мимо лагеря согласился, хотя и без энтузиазма, работающий в Боготе россиянин, знакомый моих московских друзей.

Улица была полутемна; в свете фар мы увидели слабо освещенную кострами площадь; на ней сидели, лежали, стояли почти впритык друг к другу люди, едва прикрытые лохмотьями. Это было «дно», ниже падать некуда. Наша машина шла мимо, чуть сбавив скорость, позволяя разглядеть обросшие, часто дебилские лица. Я видел дрожание рук, протянутых к кострам; многие были возбуждены, кто-то пошатывался, кто-то рваными сандалиями отбивал чечетку, сунув руки в карманы рваных штанов. Почти все говорили между собой, многие — злобно.

Возможно, свет луны обозначил в проезжающей машине явно нездешние лица, может быть, даже высветил фотоаппарат в моих руках. Послышались крики, обитателей словно ветер поднял с земли и понес в нашу сторону. И откуда только силы взялись! Люди неслись к дороге, на ходу хватая с земли булыжники и, не останавливаясь, изо всех сил швыряли их в машину. Некоторые попадали. Мы обреченно слушали удары камней о крышку багажника, о левое заднее крыло нашей «ауди». Просто чудом камни не влетели через заднее стекло или через стекло дверцы в кузов. Побледневший приятель нажимал на газ, мы едва оторвались от погони разъяренных, кричащих людей. Не знаю, как мы унесли ноги.

Прости меня, российский приятель из Боготы! Когда ты вернешься в Москву или прилетишь ко мне в Бишкек — хочешь? — я посажу тебя в свою машину и тоже повезу ночью в район, где за нами точно так же будут гнаться бомжи с камнями в руках и будут вмятины на боках моего лимузина.

Наркологический центр «Прометей» основан в Боготе 5 декабря 1975 года психологом Марией Изабель Салазар де Линке. Через центр прошло восемнадцать тысяч больных. Мария Изабель выступает в популярных программах телевидения, колумбийцы ее обожают, как кинозвезду, а часть мужчин побаивается, особенно после передач «Скрытый враг» — об отцах

семейств, не слишком понимающих проблемы своих детей, в том числе проблемы наркомании. Ее числят в ряду самых очаровательных латиноамериканок, и мои земляки не поняли бы меня, если бы я упустил случай встретиться с нею. Помочь с переводом вызвалась Ирина, врач российского посольства, к тому же психотерапевт.

Муж Ирины завез дочь в детский садик и в условленное время доставил нас на улицу Галле к «Прометею». Дежурная медсестра, услышав о цели визита, попросила подождать. Мы осмотрелись: в углу светился аквариум с золотыми рыбками, на журнальном столике стопка медицинских журналов, стены увешаны живописными полотнами. На одном соединенные кисти рук и развернутые в стороны выразительные крупные ладони — призывающие и разом обещающие защиту. Наверное, мы слишком долго рассматривали картину.

— Это ладони мужа сеньоры Марии Изабель. Он ей позировал. Здесь все картины нарисованы пашей сеньорой, — сказала медсестра, появившись.

Она еще и художник!

Со второго этажа к нам царственно спускалась сеньора Мария. С обворожительной улыбкой и гордо поднятой головой. Как же причудлив наш мир, думал я, если одна и та же земля одновременно рождает красавицу Марию Изабель Салазар де Линке, спасительницу наркозависимых больных, и крупнейшего в истории кокаинового бизнеса магната Пабло Эскобара, который множил число наркоманов на всех материках. Они росли под одним небом, читали одни книги, ходили, возможно, в одну церковь. Они современники. И единственный обнадеживающий знак, может быть, в том, что Эскобара уже нет, а сеньора Мария живет и продолжает лечить.

Я думал об этом, пока мы сидели в кабинете Марии Изабель и слушали историю двадцатипятилетней давности. Выпускница университета впервые в Колумбии взялась вести по телевидению собственную программу о проблемах подросткового возраста. К ней шли несчастные, зависимые от алкоголя и наркотиков, она пыталась всем им помочь, обивала пороги высоких кабинетов, там ей сочувствовали, не жалели комплиментов, но даже большие похвалы не могут заменить самую малость средств. Она добилась встречи с влиятельным в стране психиатром и спросила, что же делать: люди умоляют помочь! «Хотите откровенно? — сказал психиатр. — Учитесь поскорее выпроваживать их, способа им помочь не существует».

Мария вышла от него в слезах.

Их было тридцать человек — молодых практикующих врачей, социальных работников, медицинских сестер, отважившихся создать центр, построенный на принципах, заложенных в национальных традициях. Колумбийцы привязаны к семье, дорожат родственными связями. Для них мама, папа, дядя, тетя, бабушка и дедушка — не пустой звук. Это важнейшая часть среды обитания. Мучительна утрата их доверия, поддержки. Каждому необходимо чувствовать, что он любим, и колумбийцы умеют это делать. Мария Изабель предложила назвать новый центр «Прометеем». Древнегреческий мифический герой, украв для людей огонь у богов, был символом любви к человеку. Не так ли и страдающему от наркотической зависимости можно помочь пониманием и любовью? Сколько бы ни говорили юристы, что наркомания — проблема правовая, священники — что религиозная, врачи — что медицинская, Мария и ее друзья раньше многих осознали ее как беду, которая требует усилия всех.

Они открывали центр, не имея никакого капитала, но сформулировав свой принцип, тогда непривычный для слуха частных предпринимателей, — помощь без наживы. Центр открыл двери для больных в тот год, когда Пабло Эскобар на пароме под панамским флагом уже перевозил сизалевые мешки с кокаином во Флориду и получал первые миллионы.

«Прометей» — самый известный в Колумбии некоммерческий медицинский центр по излечению наркозависимости и реабилитации³. Лечебница на полном самообеспечении. Больные стационара платят в месяц до двух миллионов песо (около полутора тысяч долларов), средства идут на содержание персонала, медикаменты, техническое оснащение. Амбулаторное лечение для пациентов дешевле (консультация от двадцати до тридцати тысяч песо). Доходы возвращаются на лечение. У центра нет и быть не может прибыли, как у госпиталей, где стоимость месячного пребывания больному обходится в три миллиона песо. Медиков в «Прометее» как бы нанимает общество; они работают, имея оклады государственных служащих, а добровольно взятые ими на себя хлопоты такие же, как у хорошо зарабатывающих сотрудников частных коммерческих клиник.

— Но почему бы центру не повысить сотрудникам плату за счет части прибыли? — спросил я. — Моральные принципы?

— Не только, — ответила Мария Изабель. — У некоммерческой организации есть свои преимущества. На телевидении нам бесплатно отводят время (хотя не лучшее), нас рекламируют в газетах и журналах, тоже не требуя денег. Люди нас уважают, мы в почете — разве этого мало?

Сеньора Мария повела нас по палатам. Пока шли коридором, она говорила о психологических особенностях пациентов, которые приходится учитывать, составляя программы лечения. Зная, как дороги для колумбийцев семейные отношения, врачи привлекают к участию в программе близких родственников и друзей. Для одних проводят занятия по семейной терапии, для других — по супружеской, для третьих — по проблемам общения. Особый семинар для родителей — им объясняют, как эволюционирует их ребенок, что ему предписано теперь и как помогать, когда вернется домой. Назначая лечение, приходится учитывать и традиционный страх колумбийцев перед уколом — никто не знает, с каких времен и от чего пошло массовое неприятие шприца, но эта предвзятость, снижающая для наркоманов риск инфекций, часто озадачивает медиков при назначении курса лечения.

Заходим в палату. Две кровати, стол с телефоном и настольной лампой, телевизор, полки с книгами. Шестнадцатилетний Морисио, с узкой цыплячьей грудью, из семьи фермеров, с четырнадцати лет курит марихуану⁴. По праздникам, раз в неделю или в две принимал таблетки ЛСД (их здесь зовут «кислотой», «белой молнией», «зеленым драконом», «мальком»). Цена таблетки от восьми до пятнадцати тысяч песо. Учится в колледже; принимая наркотики, стал чувствовать резкую смену настроений, несвойственную ему прежде агрессивность. Эти перемены, говорит, напугали родителей и его самого. Отец уговорил обратиться в центр к Марии Изабель. Здесь он уже месяц. Уверен ли, что теперь бросит наркотики?

— Сомневаюсь... Но очень хотел бы! — сказал честный Морисио.

На соседней кровати адвокат Карло из Боготы. С пятнадцати лет выпивает, года полтора пил каждый день по бутылке крепких напитков (виски или агвардиенте), а потом по две, но три. Эта привязанность наследственная. Родной дядя умер от перепоя. Частенько выпивал и отец, совладелец полиграфической компании. Года два назад Карло попробовал комбинировать алкоголь с марихуаной и экстази. Наркотики не покупал, приносили друзья-полицейские. Стал угасать интерес к работе, ушла невеста, он чувствовал, как рвутся прежние социальные связи. Дважды был женат, от каждого брака по двое детей. Пытался бросить пить, но больше двух дней не выдерживал. Из доброго отношения к нему адвокатская контора предложила поездку во Францию, как бы для повышения квалификации, а на самом деле — с надеждой оторвать от окружавших его выпивох. Он так мечтал развлечься! Но здоровье уже не позволяло, от поездки пришлось отказаться. Тогда он сказал себе — хватит! Продав за двадцать тысяч долларов свой автомобиль — решил лечиться. «Если бы не пил, никогда бы до наркотиков не дошел». Его навещают родители, вторая жена и дети. Все его любят. Ему об этом говорят, и каждый раз ему все больше хочется это слышать.

Вслед за Марией Изабель спускаемся в сауну. Пациенты проводят здесь каждый день указанное врачами время, сидят при температуре сто градусов, основательно потея. Вместе с потом из организма выдавливаются наркотики. Для детоксикации сауну используют в сочетании с физическими упражнениями и витаминами. Никаких лекарств, в том числе транквилизаторы и психотропные вещества, в этих целях не применяют. Разогревшись, пациенты принимают душ, в саду играют в шахматы, баскетбол, теннис, а вернувшись в сауну, принимают витамины (каждый день все больше) и снова парятся. В сухом горячем воздухе надо пробыть в общей сложности два часа. Курс детоксикации рассчитан на три недели. Этот способ сеньора Мария позаимствовала у американских наркологов. Он безвреднее вариантов с использованием сильных психофармакологических средств.

Программу очищения организма от осевших в жировых тканях наркотиков (*«программу потенция»*) разработал в конце семидесятых годов XX-го века американец Л.Рон Хаббард⁵. Он пытался помочь бывшим наркоманам, которые в свое время принимали ЛСД и продолжали ощущать его воздействие, полностью освободить организм от шлаков. Лечебную сауну в этих целях использует в разных странах сеть центров детоксикации и реабилитации под общим названием «Наркокон». Не берусь судить о научном, философском, религиозном, литературном наследии Хаббарда, но не могу объяснить, почему его имя и само название реабилитационных центров у многих вызывает аллергию. Даже сеньора Мария называет его имя шепотом.

Может быть, предубеждение связано с тем обстоятельством, что идеей Хаббарда едва ли не первым воспользовался Уильям Бенитез, заключенный тюрьмы штата Аризона, двадцать лет страдавший героиновой зависимостью. Ему в руки попала книга Хаббарда, он стал

переписываться с автором, в тюрьме опробовал программу лечения, а выйдя на свободу, став офицером в исправительном департаменте штата, открыл в Лос-Анджелесе основанный на этом методе постоянный центр реабилитации от наркотиков.

Но чем провинился Хаббард?

Незадолго до поездки в Колумбию мы в Бишкеке тоже решили включить в программы детоксикации выведение наркотиков из организма сухим горячим паром. Но прежде в течение месяца-другого мы испытывали методику на себе. О, как мы спорили! Сначала ходили по вечерам в одну из городских парилок, изумляя банщиков не столько ежедневным посещением, сколько той странностью, что занимали сауну на четыре часа и несмотря на возраст, уже не очень молодой, напарившись, перебрасывали друг другу волейбольные мячи и устраивали пробежки по ночным улицам. Мы сами, пробуя и ошибаясь, подбирали масла, витамины, специальную диету. Через пару недель прошла усталость, я чувствовал себя бодрым, как никогда прежде. Из тела капля за каплей через открытые поры выходили вредные отложения, легко бегалось, прыгалось, плавалось.

Идея Хаббарда близка старинной русской традиции — для выведения шлаков париться с веничком в бане, прихлебывая из жбана квас или богатые витаминами соки: клюквенный, черносмородиновый, свекольный, морковный... Это, пожалуй, лучшая возможность проникнуть в ткани организма и в головной мозг безвредно, безболезненно, глубоко. Наркотики растворяются в жирах, а жир — это почти девяносто процентов нашего мозга, в нем и застревают наркотики, иногда на всю жизнь. Вытолкнуть их наружу способен горячий пар. Когда мы стали применять способ в лечебной практике, в первые пять-шесть дней не видно было результата, но где-то на одиннадцатый день медики стали улавливать запахи вымытого морфия.

Кыргызские архитекторы предложили прекрасный эскиз отделения физиогенной детоксикации (так у нас называется сауна и связанный с нею комплекс лечебных процедур, прямо в корпусе центра). Сухой пар, ягодные отвары, медицинский массаж вошли в нашу лечебную практику так естественно, что пациенты, наслышанные о программе очищения, уже при поступлении, наскоро ответив на вопросы, допытываются: «Доктор, а мне парилку пропишут?»⁶

Скоро новичок узнает, что сауна у нас — один из компонентов комплексной программы лечения, в которой стержнем по-прежнему остается психотерапевтический тренинг.

— Из всех способов лечения безупречен только один — стараться, чтобы человек не просто бросил наркотики, а стал лучше во всех аспектах своей жизни, — говорит Мария Изабель.

— Бывают ли пациенты из наркобаронов? — спрашиваю я.

— Они пробуют наркотик, чтобы знать чистоту своего продукта и не прогадать в цене. В их домах наркотики есть всегда. Возможно, поэтому их жены и дети, многие из них, тоже страдают зависимостью. Хроническим наркоманом был Карлос Ледер, один из лидеров Медельинского картеля. Он отбывает пожизненное заключение в американской тюрьме.

— Как вы догадываетесь, что пациент наркобарон?

— Конечно, он называет другое место работы. Но когда видишь на его бычьей шее и на руках золотые цепи, на ногах мокасины из страусиной кожи и стоящих за спиной квадратноголовых телохранителей, можно не спрашивать, чем он занимается.

— А был ли наркоманом Эскобар?

— По просьбе Эскобара мой знакомый психиатр выписывал ему рецепты на транквилизаторы. Препараты снимали у «патрона» тревожное состояние и в умеренных дозах вызывали эйфорию.

Пора прощаться.

Одна из задач «Прометей», говорит Мария Изабель, пробудить в человеке любовь к себе. В основе многих проблем лежит наше небрежное отношение к собственной личности. Мы умеем служить семье, близким, обществу, но, когда забываем о себе, не любим себя, наши старания обречены. Пока человек не полюбит себя, пока не сумеет реализоваться, он ничего не сможет дать другим. Эгоист живет в постоянном ощущении нехватки, все вокруг ему постоянно что-то должны. Завладев чем-то, он ни с кем не поделится. Но человек, умеющий любить себя, не таков — он полон любви, он жизнерадостен, он с удовольствием делится тем, что имеет: «Мне нравится эта чашка, возьмите ее, полюбуйтесь, какая она красивая. Я очень хочу поделиться с вами».

В Боготе я узнал больше о наркотике, по звучанию схожем с базукой, ручным гранатометом, — басука. Колумбийцы уверяли, что совпадение неслучайно («Ну что там одна

буква!)), если иметь в виду последствия от его употребления. Тем не менее этимология слова остается спорной, в отличие от необъяснимого стремительного роста популярности опасного порошка. Родиной «чертенка», «сумасшедшего желания», «банана», «пасты», «дешевого кокаина» и как там еще его называют считается Перу, где о нем заговорили в 1972 году; шесть лет спустя наркотик со скоростью эпидемии распространился в Колумбии, Боливии, Эквадоре. Потребители басуки утрачивают аппетит, их изводит бессонница, они становятся агрессивными, у многих симптомы паранойи. С дьявольской силой наркотик подталкивает людей к самоубийству, особенно женщин.

Говорят, производить басуку начали крестьяне горных районов, где плантации коковых кустарников давали урожай листа с пониженным содержанием алкалоидов. Возможно, причиной были особенности почвы или климата, но хозяевам участков, дабы не разориться, не оставалось ничего другого, как искать способ использования тех листьев, какие посылала недобрая к ним природа. В процессе переработки листьев в кристаллизованный кокаин они стали получать сырой нерафинированный экстракт — полуфабрикат, еще не освобожденный от остатков растворителей — красного (с содержанием олова) бензина, керосина, эфира, каустической соды, аммиака, серной кислоты, талька, размельченного кирпича. Вкус коковой пасты вяжущий, вроде айвы, но с особым сильным запахом, который возбуждает желание втянуть в себя кислотоватый дурманящий дымок⁷.

Молодые люди жгут басуку в металлической кастрюле и, сев в кружок, вдыхают пары. Через пятнадцать секунд приходит эйфория: взмываешь в иные миры, легко паришь над землей. При жевании листьев коки такое состояние наступает минут через пять, при вдыхании кокаина — через две минуты, а тут моментально, как при внутривенной инъекции. Но время блаженства коротко, не более четырех-пяти минут. И крылья обвисают, как мокрые тряпки, на душе становится муторно, тяжесть сдавливает грудь, погружаешься в депрессию, вырваться из которой поможет только новая, увеличенная доза. Так говорил о своих ощущениях художник-наркоман, с которым меня познакомили в одной из клиник Боготы.

Притягательная сила басуки исходит от содержащихся в ней психоактивных алкалоидов. Хотя их меньше, чем в кокаине, а сам порошок тяжел и грязен, одуряющий эффект от него более быстрый и сильный. От поклонников басуки я слышал и другую версию ощущений: сразу же портится настроение, впадаешь в меланхолию, чувствуешь слабость и недомогание. По-видимому, разность ощущений объясняется избирательным характером воздействия басуки на психический склад, сформированный культурно-этнической средой.

Курильщика басуки можно отличить по неестественной бледности кожи, сухим, потрескавшимся губам, расширенным зрачкам. Он еле ворочает онемевшим языком, не сразу разобрешь бессвязное бормотание. Его тело трясется, нервная система гинерактивна. У многих сердечная аритмия. Общаться с таким пациентом тяжело. Он раздражителен, ничто не вызывает в нем интереса, у него чувство вины и беспомощность перед самой ничтожной проблемой. Колумбийские медики установили разрушающее воздействие басуки на мозг и нервные клетки, теряющие способность к восстановлению.

Особенно тяжелы последствия от курения басуки, приготовленной с использованием красного бензина. Растворимое в нем олово может вызвать желудочно-кишечные, кожные заболевания, энцефалопатические явления. Когда измученному бессонницей удастся заснуть, во сне он обычно видит самого себя в поисках новых доз. Происходит умственная деградация и распад личности.

В столичном отеле «Америка» я провел вечер с лейтенантом вооруженных сил Колумбии Хавьером Омара, участником боевых операций против вооруженных наркодельцов в южных департаментах. Он интересен был не столько военным опытом, сколько своими познаниями в истории проникновения в его страну наркотических веществ. Формально он ушел из армии, взял на себя охрану нефтяных промыслов совместного колумбийско-американского предприятия. На предприятие время от времени нападают блуждающие по лесам партизаны, которые берут под свою защиту плантаторов, выращивающих коку. Хавьер привык к постоянной опасности, у него за поясом «смит-энд-вессон», прикрытый замшевой курткой но в отличие от многих здешних военных для него долг не превышает сострадания. Сострадание к людям обременяет его жизнь. Однажды, еще будучи в армии, он со своим отрядом ворвался в дом, вокруг которого простиралось три гектара коковых посадок. Надо было сжечь дотла хозяйство, и он готов был это сделать, но когда увидел на земляном полу спящих детей, глубокую старуху и ее сына, лет тридцати, неловко предлагавшего ему деньги, только бы не обижали солдаты семью, он приказал

солдатам покинуть дом: «Нас здесь не было!»

Вот что я узнал в тот вечер. Первым крупным незаконным бизнесом в Колумбии была марихуана, завезенная англичанами морем из Индии в конце XIX века. Семена предназначались для закладки плантаций, способных обеспечить сырьем производство конопляных мешков, веревок, жгута. Очень скоро люди обнаружили другие возможности конопли — медицинские и психотропные, но почти полвека лихорадки не наблюдалось. Только с шестидесятых — семидесятых годов, с началом движения хиппи, стал расти спрос на марихуану и гашиш. Выращивание конопли становилось бизнесом, в который вовлекалось все больше людей. Колумбийские и мексиканские конопляные плантации скоро стали основными поставщиками наркотика в промышленные районы США.

БОЛИВИЙЦЫ ПЕРЕД ВЫБОРОМ: АНАНАС ИЛИ КОКА

Коку подарил Бог Солнца инкам на Титикаке — Зачем компании «Кока-Кола» листья Лос-Юнгаса — Кыргызский колпак открывает дорогу в Кочабамбу — Что такое УМОНАР — Реабилитационный центр «Сан-Висенте» — С «Когтями тигра» в Чапаре — «Больше будет кокаина — скорей подохнут гринго!» — Как покончить с наркобизнесом без насилия? — Русские Ревтовы в окружении подпольных плантаций — В чем подозревали Че Гевару

Перелетев самолетом компании «Боливиано» из Боготы через Виру-Вир у в Ла-Пас, столицу Боливии, я с удовольствием воспользовался приглашением сотрудников российского посольства побывать на озере Титикака. В доколумбовы времена голубую гладь бороздили серповидные камышовые лодки под парусами или заменявшей их камышовой циновкой. Лодками правили индейцы племени аймара, потомки народа доинкских племен; они промышляли рыбой, перевозили обломки скал для строительства древнего Тиауанако и гигантских каменных статуй на отрогах перуанских Анд. Прапрапра... внуки тех лодочников в наши времена помогали Туру Хейердалу строить «Кон-Тики». По правде говоря, интересен мне был не столько вклад аймара в научные открытия, сколько общий для них и исчезнувших народов Амазонки культ священных растений.

По пути попадаются индейские ранчо из самана и кирпича с глухими наружными стенами, закрывающими дворы, в которых идет своя, скрытая от постороннего взгляда жизнь. Может быть, в глубине двора целитель аймара, как сотни лет назад, разрезает на мелкие части кактус Сан-Педро, содержащий природный психодислептик мескалин, и с добавками варит на медленном огне. Вытяжкой мескалина аймара освобождают больных от колдовского наговора и вызывают красивые видения.

В древности растительные галлюциногены, в том числе со склонов Анд, играли важную роль в культуре, системе верований, экономике местных народов. И хотя инки, предки современного населения озера, в ритуалах применяли психотропные средства не так откровенно и не везде, как мексиканские ацтеки, тем не менее наркотики растительного происхождения были важной частью быта и целительства их традиционного общества. Аборигены Титикаки обращались к сверхъестественным силам через шаманов и колдунов, их авторитет обеспечивался знанием местной флоры и умением экстрагировать из растений активные химические вещества. Говорят, колдуны изобретали рецепты для приготовления из разных галлюциногенных кактусов целебного напитка, обладавшего гаммой наркотических свойств.

Чувствуешь, как становится трудно дышать — местность высоко вознесена над уровнем моря. Думаешь: выше люди уже не живут. И вдруг видишь спускающихся по склону женщин в наброшенных на плечи грубошерстных платках и в шляпах, они тянут за собой тяжело навьюченных осликов. Их поселение, оказывается, на километр выше; они спускаются к озеру почти каждый день. Мы с ними фотографируемся.

— Откуда столько сил? — спрашиваю я.

— От мате! — смеются.

— Что за мате?

— Коковый чай!

Чай из листьев коки, говорят, улучшает самочувствие при низком атмосферном давлении и снимает симптомы высотной болезни. Но откуда здесь кока?

— У вас подпольные поля? — спрашиваю.

— Почему? — обижаются. — У нас, боливийцев, законные, коковый чай пили наши предки. Мате вы тоже можете купить в Ла-Пасе.

— И увезти в Кыргызстан?

— Конечно, — смеются. — Если таможня вас не передаст полиции.

Машина притормозила у придорожного магазинчика. У входа на деревянных подпорках — камышовая лодка с заостренными концами, похожая на плывущую луну. Камыш здесь называют тоторой, и потому лодка тоже тотора; в ней разместилось бы человек пять. Как выяснилось, лодка не продается, это приманка для туристов, но магазинчик завален большими и маленькими моделями под всевозможными парусами. Самые ходовые, говорят хозяева, лодочки с надписью «Кон-Тики» и «Ра».

За прилавком индеец лет двадцати семи, с красиво посаженной головой, повязанной цветастым платком на манер бедуина. Мы знакомимся. Это Брауди Кораньи, зять Паулино, друга Тура Хейердала. Брауди с тестем ездил в Перу на встречу со знаменитым норвежцем и помогал ему собирать из камыша суда.

— Тур пишет, может быть, снова соберет экспедицию — теперь от Перу до Японии, и мы опять будем ему помогать, — говорит Брауди.

— А сам хотел бы в плавание? — спрашиваю я.

— Меня от волны мутит!

— А если пожевать коку?

— У нас кока не растет, старики привозили из Перу, специально пришивали карманы, чтобы всегда иметь при себе. Однако инки предпочитали кукурузный спирт и крупу кинуа, потому жили сто двадцать — сто сорок лет, а мы не дотягиваем до девяноста.

Лицо Брауди уплощенное, желтоватого оттенка, с суженными глазами, отмечено явной печатью монголоидной расы — так выглядели, скорей всего, азиатские охотники, которые в конце ледниковой эпохи прошли по сухопутному Берингову мосту из Центральной Азии и Сибири на Аляску, за тысячи лет освоили необозримые пространства Американского континента и положили начало блестящим доколумбовым цивилизациям.

Может быть, ты кровный брат мне, Брауди?

Полчаса спустя перед нами открылась Титикака.

Мы въезжаем в индейский поселок с выложенной бетонными плитами круглой площадью; по окружности сидят торговки рыбой, бананами, сувенирами; можно купить соломенный «контики» и связанного из пучков соломы золотого ламу величиной чуть меньше живого. В центре площади на бетонных столбах настоящая камышовая тотора с птичьим клювом на конце, с мачтой и рубкой. Когда над поселком плывут облака, возникает полная иллюзия парения желтой лодки в синих небесах.

Наш посольский друг, уже здесь бывавший, отыскал лодочника, готового за несколько песо показать нам озеро. Полуобнаженный аймака был немногословен и горд — не у каждого своя большая лодка. Он имел дела с туристами, знал их интерес и коротко отвечал, не дослушивая вопрос до конца. Мы забрались в лодку. Когда расстояние между лодкой и берегом увеличивается настолько, что пирс и поселок становятся размытыми и перед нами только озерная гладь, лодочник начинает развлекать пассажиров легендами, когда-то им слышанными, а может быть, им же сочиненными.

Одна из самых красивых историй была связана со Скалой Инков. Древний народ затеял строительство грандиозного моста через озеро, используя эту скалу как промежуточную опору. Инки оставили бы нам новое чудо света, если бы не помешали испанцы, пришедшие сюда в начале XV века; они разрушили инженерное творение, как разрушили и выложенный золотыми плитами Храм Солнца в столице Куско, и всю древнюю цивилизацию инков.

Частью культуры инков была кока.

Инки боготворили коку, на их землях ее выращивали за две с половиной тысячи лет до возникновения империи. В индейских песнях слышна тема коки как священного листа. Лист коки входил в орнамент золотых и серебряных изделий. Сохранились глиняные сосуды с уже знакомым нам изображением людей со вздутой щекой. Жующий коку человек вызывал уважение, как продолжатель традиции. Хозяин лодки уверял, что лист коки — подарок его предкам от Солнца, чтобы они не знали голода, бессилия, разочарования. Если инка хотел что-либо вымолить у божества, он подходил к алтарю с веточкой коки во рту, клянясь самым дорогим, что имел и чему

можно верить. Верховный Инка не принимал важных решений, прежде чем услышит жрецов, черпавших мудрость от листьев коки.

Лодочник показал, как его предки-аймара клали на развернутую ладонь листья, один из листков отправляли в рот, но не жевали, а сосали, поместив за щекой, и продолжали вести беседы с соплеменниками, которые делали то же самое, говорили на любые темы, но в это время взгляд их был прикован к листьям на ладони: по известным им одним признакам они определяли, здоров ли человек, который перед ними, правду ли говорит, нужно ли прислушиваться к его словам.

— Бог Солнца сказал инкам: вас ждут трудности, но я создам растение, которое поможет их преодолеть, — говорит лодочник. — Листья коки ходили как деньги. Это теперь ни коки, ни денег...

— Стало быть, не выполнил Бог Солнца обещания?

— Еще как выполнил! — запротестовал лодочник. — Раньше среди нас были черные люди; они не жевали коку и вымерли. А мы — живем!

В Боливии есть легальные плантации коки — двенадцать тысяч гектаров в провинции Лос-Юнгас и нелегальные — тридцать шесть тысяч гектаров в провинции Эль-Чапаре (Чапаре). Первые дают достаточно листьев для традиционных нужд аборигенов, медицинской промышленности, производства любимого боливийцами чая мата. Хотя Венская конвенция 1977 года отнесла листья коки к наркотикам, а всех жующих, в том числе индейцев, к наркоманам, боливийцы не испытывают почтения к чужим решениям, пусть даже международных организаций, у них своя голова на плечах. Они чтут традиции и не намерены расставаться с ними в угоду чужому мнению. Это их потомственная работа, дающая средства к существованию, важная для уважающего свои порядки народа; это его образ жизни. Другое дело — нелегальные плантации: их правительство стремится убрать, но без насилия, а путем переговоров с крестьянами, помогая им изменить профиль хозяйств. Боливийский четырехлетний план борьбы с наркотиками назван «Достоинство». Никто пока не представляет как при открытом выращивании запрещенной всюду коки сохранить достоинство и не выглядеть белой вороной среди цивилизованных стран¹.

У истоков легального международного применения листьев коки стоит компания «Кока-Кола», возникшая в 1894 году, когда молодого американца Джозефа А. Биденхэма, продавца конфет, осенила мысль: продаваемый на разлив напиток, к тому времени уже популярный, помещать в удобную бутылку, которая могла бы у каждого и в любое время года быть под руками. Сам напиток появился лет на восемь раньше; формулу создал доктор Джон Пембертон, фармаколог из Атланты, вряд ли подозревавший о грядущем мировом распространении его напитка, содержащего алкалоиды перуанских и боливийских листьев коки. В сохранившейся после смерти доктора рецептурной книге наряду со множеством подобранных им ингредиентов (ванилин, лимонная кислота, кофеин, разные масла — апельсиновое, лимонное, корицы, кориандровое, мускатного ореха и т. д.) назван жидкий экстракт коки. Возможно, содержащийся в напитке, пусть в самых ничтожных дозах, кокаин вызывал привыкание к нему, «подсаживал» потребителей, обеспечивая неслыханное по масштабам распространение тонизирующей жидкости².

Я потягивал через соломинку охлажденную кока-колу в министерстве социальной защиты Боливии. Напиток предложил Гильермо Канедо Патиньо, заместитель министра, к которому я пришел по делу, имеющему косвенное отношение к изобретению американского фармацевта, — мне хотелось побывать в районах выращивания кокового листа. Меня предупреждали о сомнительности этой затеи: боливийские власти неохотно допускают иностранцев в те места. Там постоянны столкновения правительственных войск с хозяевами плантаций. Повод — невозможность гарантировать безопасность. Мне назвали заместителя министра как влиятельного чиновника, одного из немногих, в чьей власти было помочь добраться до департамента Кочабамба, до провинции Чапаре. Именно там самые крупные подпольные плантации коки.

Гильермо Канедо Патиньо оказался приятным человеком; светлый цивильный костюм и щегольски подстриженные усы микшировали ореол грозы боливийского наркобизнеса, как о нем говорят, но взгляд его пронзителен и тверд. На эти глаза лишний раз лучше не попадаться. Он пригласил меня к карте, помогая представить район легальных посадок коки Лос-Юнгас — снежные горы, внизу кукурузные поля, банановые рощи, пастбища. Многие там живут за счет кокового листа. На склонах гор кустарник вымахивает выше роста человека; надо наклонить ветви, обхватить их ногами, чтобы обеими руками общипывать листья. Их собирают три-четыре

раза в году, сушат в тени, прессуют в тюки. Это, может быть единственный в мире район, где коковые плантации не надо прятать и люди не боятся полиции. У фермеров гарантированный сбыт (на рынки — люди покупают коку для жевания — и на чайную фабрику); остается только молить судьбу, чтобы квоты не уменьшались². Опасность, их подстерегающая, — соблазн тайно продать высушенные листья наркодельцам, снующим с большими деньгами в поисках сырья для подпольных кокаиновых фабрик.

Я мучительно соображал, как перейти к разговору о провинции Чапаре, где в отличие от Лос-Юнгаса множество семей живут за счет незаконных плантаций коки, сопротивляются действиям властей, бросивших на уничтожение посевов армейские части. Мне хотелось попасть именно в этот бурлящий район, и я ломал голову, как уговорить человека с неуступчивыми глазами помочь мне.

— Уважаемый сеньор Гильермо, — начал я. — Вы поймете меня, если я скажу о желании попасть в Чапаре, увидеть ситуацию своими глазами...

— Очень, очень сожалею, но... — заместитель министра покачал головой.

— Как нарколог, лечащий в том числе кокаинистов, я бы уверенней себя чувствовал, представляя, что происходит, поговорив с крестьянами на плантациях.

— О Лос-Юнгасе еще можно подумать... Но не о Чапаре!

Конечно, до Лос-Юнгаса можно добраться автомашиной, а до Чапаре лететь самолетом часа полтора в Кочабамбу и еще часа четыре петлять по горной дороге, непременно в сопровождении вооруженных бойцов, но это — Чапаре!

— Очень, очень сожалею...

Делать нечего; прощаясь, я достал припасенный для подарка кыргызский белый шерстяной колпак с национальным орнаментом и торжественно водрузил на голову сеньора Гильермо. Он взглянул в зеркало. Крупный и полный, он выглядел как председатель кыргызского колхоза-миллионера.

Покрасовавшись перед зеркалом, заместитель министра, не снимая колпак, набрал номер телефона, обменялся с кем-то двумя словами и повернулся ко мне:

— Вас ждет полковник Роберто Перес Тельерия, генеральный директор Специального подразделения Боливии по борьбе с наркобизнесом. Если он возьмет на себя охрану, если его люди будут сопровождать вас, с моей стороны возражений не будет. Я повторяю — очень сожалею... вы не перебивайте, дайте закончить. Очень сожалею, что утром улетаю в Нью-Йорк и не смогу вместе с вами отправиться в Чапаре.

Многим я обязан кыргызскому колпаку, какой носили мой отец, дед, прадед, но в первый раз триста граммов нашей овечьей шерсти открывали мне путь в запретный район Боливии.

Пожимая руку Роберто Пересу Тельерия, сугубо штатскому человеку с аккуратной благоухающей прической, трудно было признать в нем полковника, руководителя особых боливийских вооруженных сил по борьбе с наркодельцами и торговцами. Его подразделение (тысяча семьсот человек) отнесено к министерству внутренних дел, но действует самостоятельно и представлено в каждом городе страны. Отряды постоянно в джунглях, в труднодоступных горах; у них собственная форма одежды, специальное вооружение. Повсюду есть мобильные группы: патрульные отряды полиции (UMOPAR), агенты для обнаружения наркосиндикатов и борьбы с ними, для поиска подпольных лабораторий, контроля за перевозкой и продажей запрещенных химических веществ; группа финансовых расследований, группа поиска наркотиков с использованием собак (у бойцов шестьдесят собак, натасканных на наркотики, — маленькие терьеры и большие лабрадоры). Собак не может заменить никакая техника: машины не обладают обонянием. Но есть пределы их применения — собаки часто устают, капризничают, ошибаются.

Семьсот бойцов UMOPAR с нашивкой звериной головы на левом плече, называя свои отряды устрашающими именами хищников, прочесывают джунгли; пробираются в глубь высокогорных лесов. Им в помощь даны три передвижные армейские группировки, по сто солдат в каждой. Что ни группировка, то «дьявол». «Зеленые дьяволы» носятся на военных грузовиках; у «красных» — самолеты, вертолеты, авианетки, они ведут разведку и бои с воздуха. «Синие дьяволы» на моторных лодках и катерах патрулируют лесные реки. Когда «дьяволы» действуют одновременно, грохот и пальба создают картину, вполне соответствующую их дьявольскому названию.

По семьдесят — восемьдесят военных операций они проводят каждый день, но Роберто Перес Тельерия знает, как трудно достается результат. Наркодельцы разве простаки? В

департаментах Кочабамба, Санта-Крус, Ла-Пас, Тринидад производят кокаин и пасту в лабораториях под брезентом на автомашинах, движущихся по горным дорогам. Подпольные цеха устраивают на самолетах и вертолетах, спрятанных на взлетных полосах по лесам и в случае тревоги готовых подняться в воздух. За год умопаровцы и «дьяволы» находят вблизи Кочабамбы и передают огню до двух тысяч подпольных фабрик, но они возникают в других местах, как грибы³.

У меня весьма смутные представления о военных картах, но когда полковник развернул на рабочем столе свиток, я отчетливо увидел двойной кордон, или два пограничных кольца, внешнее и внутреннее. По замыслу, наркодельцам должно быть трудно, даже невозможно проникать с товаром из зоны произрастания в соседние департаменты или за рубеж. Кольца перекрывают и перевозку в обратном направлении химикатов для боливийских подпольных фабрик из Чили, Перу, Бразилии, Аргентины. Как я понял из пояснений полковника, внутреннее кольцо по периметру включает департамент Кочабамбу с провинцией Чапаре; внешнее кольцо проходит по сухопутной и морской границе; кольца образуют одиннадцать передвижных пограничных групп, по пятнадцать бойцов в каждой, круглые сутки они поддерживают друг с другом по радиации связь.

Желание оказаться наконец в тех местах возматало со страшной силой. Я с трудом сдерживал себя, чтобы не перебивать полковника, и терпеливо внимал каждому его слову.

Как раз на внутреннем кольце недавно захватили грузовую машину, в которой было шестьсот килограммов кокаиновой пасты. Ее нашли под двойным дном кузова и в тайниках кабины. Эта операция помогла разоблачить известную в стране семью, которая маскировалась, ничем не выдавая своего участия в наркобизнесе. А через семью удалось раскрыть

связи мафии с коммерческими банками в Ла-Пасе⁴.

Пока мы разговариваем, то и дело звонят телефоны, полковник отвечает кратко, не делая пауз в нашей беседе, но последний звонок заставил его встать, слушать и переспрашивать.

— Вам повезло! — повернулся ко мне полковник. — Чертовски повезло! — повторил он. — Сейчас пригнали легковую машину, задержанную пару часов назад на пограничном посту в трех километрах к югу от города. Пятьдесят восемь килограммов кокаина. У вас есть шанс первым увидеть... Пойдемте?

Во внутреннем дворе солдаты возятся у джипа. С ними подполковник Франс Лео Пласа, глава пограничной службы столицы, руководивший операцией. Взглянув на меня, человека случайного, как бы сомневаясь, можно ли докладывать ситуацию при посторонних, и уловив в глазах полковника разрешение, принялся рассказывать. Джип остановили у поста ничего подозрительного не обнаружили, хотели было уже поднять шлагбаум, как вдруг собачка пограничников, обнюхивая заднее сиденье, беспокойно залаяла. Пограничники снова попросили пассажиров выйти из машины. При повторном досмотре обратили внимание на свежий сварной шов в багажнике. Вскрыв сварку, обнаружили двойное дно: полое пространство было забито полиэтиленовыми пакетами с кокаином. Сорок пять пакетов, каждый с длинным шпагатным концом, все шпагаты сходились под задним сиденьем; можно было, потянув за конец, вытаскивать любой пакет, не обнаруживая тайник.

Нам разрешили осмотреть машину, ее багажник, двойное дно. Удивительна квалификация нанятого наркодельцами сварщика: его работа почти не отличалась от заводской, только хорошо наметанный глаз мог уловить второй шов.

Но кто владельцы машины?

Они оказались типичными для боливийского наркобизнеса членами семейного клана, в который вовлечены близкие родственники, в том числе подростки. Преступные семьи тесно сотрудничают с родственными кланами в Бразилии, Перу, Чили, образуя единую трудноуловимую сеть производства, хранения, перевозки кокаина. Полковник хорошо помнит разгром двух семейных организаций, во главе которых стояли «крестные отцы» Хорхе Кордова Пинту и Лимо Лобо Дорадо. Семьи скупали наркотики в Чапаре и переправляли в Сан-Хоакин для последующей доставки в Бразилию. Они попались при перевозке крупных партий хлоргидрата кокаина и басуки; когда пограничники, еще не зная о контрабанде, остановили их машины, нервы владельцев товара сдали, они открыли стрельбу.

Наконец я собрался с духом и спросил полковника напрямую, могу ли я убедиться в боевой выучке его бойцов, совершив с ними поездку по провинции Чапаре. Я догадывался о разговоре по этому поводу между ним и заместителем министра Гильермо Канедо Патиньо, но последнее слово оставалось за полковником Роберто Пересом Тельерия, а я знаю, как важно для самолюбия военного начальника, особенно в Латинской Америке, не просто выполнить приказ, а отозваться на просьбу о помощи. Полковник пообещал связаться с отрядом в Чапаре, заметив, что

это быстро не делается. —

— Во всяком случае, завтра вы можете еще погулять по Ла-Пасу... Вы не бывали на Пласа-де-Торос? Там коррида. Я обожаю бой быков — а вы?

Боливия, слывающая одним из крупных производителей кокаина, по счастью, не стала в ряд крупных его потребителей. Вещество, способное изменять сознание человека, остается предметом горячих споров, которые завершались — в зависимости от политической конъюнктуры на время дебатов — то признанием этих изменений как допустимых, то как совершенно недопустимых и подлежащих наказанию. Склонных к наркотикам людей трудно убедить в истине, нам кажущейся бесспорной, — ощущение счастья и спокойствия нельзя купить, выкурить, вынюхать, вобрать в себя через таблетки или инъекции — этого можно достичь только достойной жизнью.

Мы говорили об этом с психиатром Фермином Галаном по пути в центр реабилитации «Сан-Висенте». Беседовать с ним было особенно приятно — мы говорили по-русски. Фермин из семьи испанских республиканцев, участников войны против режима Франко, в конце тридцатых годов эмигрировавших в Советский Союз. Он рос в Москве, окончил медицинский институт, был практикующим врачом. Во второй половине восьмидесятых, когда у советских людей самым популярным было слово «перестройка» и стали открываться границы, он побывал на земле своих предков, получил гражданство, но жить отправился в Латинскую Америку. Здесь медику легче найти работу.

От него я услышал о реабилитационном центре, созданном итальянским католическим орденом «Сообщество Папы Иоанна XXIII», имеющим во многих странах свои филиалы. За четыре года в два с половиной раза возросло число боливийцев, употребляющих кокаин и пасту (басуку); многие хронические наркоманы из низших социальных слоев давно утратили уважение к власти, к нормам поведения, а когда нечего есть и негде спать, находят приют в смиренных религиозных центрах вроде этого. В Боливии пять католических реабилитационных центров — три в Ла-Пасе, по одному в Лос-Юнгасе и на Амазонке, они размещают у себя сто человек. Мест не много, но все-таки.

Мы приехали в «Сан-Висенте».

Нас встретил директор Эрмано Алехандро Фиорина (итальянец из-под Милана) и повел показывать приют. Он из состоятельной семьи, рано ушел из дома, долго скитался. «Бог помог мне понять, что я должен жить среди бедных людей». Входим в помещение. На тумбочках алюминиевые кружки, изображения Христа и Фиделя Кастро. Причем тут кубинский вождь, никто объяснить не смог. Тридцать пять пациентов устроились на койках в два яруса. Большинству на вид от двадцати до сорока лет. Еще недавно они ночевали на улицах, от них отказались семьи. Часть их наркоманы, большинство алкоголиков, некоторые оба пристрастия совмещают. В теплых фуфайках и в матерчатых шапочках с большим козырьком они выглядят угрюмыми, словно исполняют роль мрачных типов, но подзабыли текст и виноватыми умоляющими глазами смотрят на директора, как на суфлера.

— Как вы себя чувствуете? — обращаюсь к одному.

— Неплохо, — за него отвечает Эрмано.

Поворачиваюсь к другому:

— Когда кололись последний раз?

— Две недели назад, — снова говорит Эрмано.

Они не производят впечатления запуганных. Перед тем как войти, я слышал, как они бойко переговаривались между собой, даже смеялись, но при нашем появлении насторожились. Жизнь научила их не ждать от людей чужого круга ничего хорошего.

Мне было интересно, как здесь обходятся с человеком, у которого явно выражен синдром отмены наркотика (ломка) — галлюцинации, припадки, бред, нестерпимая тяга к привычным стимуляторам. Кто им помогает, если рядом нет врача? Некоторые больные, знаю по собственной практике, в таких случаях ведут себя вызывающе и бывают просто невыносимы. «Сан-Висенте» навещают два психолога. Они самостоятельно не назначают препараты, хотя, возможно, могли бы, но при надобности готовы отвезти пациента в ближайшую клинику.

Новичок представляет, что его ждет, если он попытается тайно, чтобы никто не видел, принести на территорию наркотики. Кому-то, возможно, это удастся, за всеми не уследишь. Но угроза быть уличенным и возвращенным снова на улицу многих удерживает.

— Все-таки большинство приходят к вам, надеясь вылечить или просто получить на время пищу и кров? — спрашиваю я.

— По-моему, это взаимосвязано, — говорит Эрмано. — Если человек не способен организовать свою жизнь, влачит нищенское существование и от бессилия тянется к алкоголю или наркотикам, ему никто не даст работу, от него отказываются родственники, он теряет все. Центр — последняя надежда несчастного вернуть себя к жизни⁵.

В библиотеке за большим деревянным столом пациенты учатся читать и писать. Уроки дает пожилая боливийская католичка. Пятеро мужчин, уже в годах, сидя за столом, выводят в тетрадках буквы с таким старанием и сопением, словно толкают трактор, у которого заглох двигатель. Философия центра строится на принципах, исповедуемых Сообществами Анонимных Алкоголиков и Анонимных Наркоманов и заложенных в программе «Двенадцать шагов». Терапевтические сообщества, возникшие впервые после Второй мировой войны в психиатрических клиниках Европы, приняты у боливийцев для реабилитации больных алкогольной и наркотической зависимостями как вполне отвечающие национальному характеру — открытому, коммуникабельному, дружелюбному.

Реабилитация в «Сан-Висенте» рассчитана на восемь-девять месяцев.

Распорядок дня прост: подъем в шесть утра. После завтрака одних увозят поработать на стройке, другие заняты здесь же, на территории, в столярной мастерской. Жители окрестных домов приносят чинить табуретки, скамейки, инвалидные коляски. По заказам здесь режут фигурки святых. Особый спрос на гробы. Похороны обходятся дорого, многим не по карману. В Ла-Пасе больше сорока подпольных кладбищ, где хоронят бедняков: трупы опускают в землю в чем придется. Но обездоленные тоже хотят провожать своих близких по-людски. Столярная мастерская в «Сан-Висенте» помогает соседям уходить из жизни недорого и достойно, по крайней мере, в деревянном гробу.

Два дня спустя меня разыскивают сотрудники российского посольства и сообщают время вылета в Кочабамбу. В аэропорту нужно быть в семь утра. Со мной летит Алексей — секретарь посольства, и Луис, помощник Гильермо Канедо Патиньо. Он когда-то учился в Москве и неистощим по части русских анекдотов, которые помнит в огромном количестве. Оба возбуждены, для них это тоже везение — побывать в провинции Чапаре. Я не верил в удачу до тех пор, пока самолет не оторвался наконец от остывшей за ночь бетонной полосы.

Летим над горами Боливии. Алексей, отмахиваясь от шуток неутомимого Луиса, посвящает меня в ситуацию. Мы направляемся в особый боливийский район. Работу людям, большинству их, дают спрятанные в джунглях плантации коки. Многим существовать больше не на что. Но власти устали от обвинений других стран, международных организаций. Они настроены решительно. Не так давно разгромили посеы коки, спрятанные в горных заповедниках Кварраско и Исибиро-Секуре. Другие запретные посадки планируется окуривать с самолетов парами отравляющих веществ (фумигантами). Намерение рискованное: операция разорит мелких фермеров, в общем-то, ни в чем не повинных, зарабатывающих на жизнь своим трудом. А тут еще протесты экологов. Правительство все же предпочло вариант, способный, кажется, устроить обе стороны. Пусть фермеры сами вырубают свои коковые поля. За каждый вырубленный гектар им предлагают по 2500 долларов (в пересчете на боливиано); 1650 долларов наличными, остальные — в местный фонд на развитие их же собственных хозяйств. Сумма по здешним меркам немалая, но кусты коки с одного гектара дают дохода все же больше. Какой смысл рубить? Фермеры, особенно их жены, устраивают демонстрации протеста, перекрывают дорогу на Санта-Крус. Их подстрекают снующие по деревням скупщики кокового листа.

Среди фермеров находятся ловкачи. Предъявив для осмотра вырубленный гектар, получив компенсацию, они пробираются дальше в горные леса, высаживают новые кусты коки. Спустя некоторое время их вырубают. Власти, принимайте работу и платите! Находчивые пошли еще дальше. Никогда прежде кокой не занимаясь, они принялись на свободных землях высаживать коку, чтобы затем начинать порубку. Так программа уничтожения коки вызвала массовый интерес к устройству новых плантаций. Властям пришлось сокращать прямые выплаты, чтобы за период, пока новые посадки подрастут, сумма компенсации не оправдывала бы затрат труда.

— Кому это интересно? — удивляется Луис. — Вы лучше послушайте. В квартире Брежнева раздается стук в дверь...

— Подожди! — умоляет Алексей. — Мы не кончили разговор.

Луис обиженно отворачивается к иллюминатору. Алексей продолжает рассказывать об обстановке.

В 1997 году удалось уничтожить семь тысяч гектаров незаконных посевов. Почти

восемьдесят процентов этой площади освободили от коки сами крестьяне за вознаграждение, остальные раскорчевали армия и полиция как незаконные. Чаще всего власти так поступают, когда не находится хозяин плантаций. Иные крестьяне, стараясь быть от греха подальше, не признают, что это их земля, и с невозмутимыми лицами наблюдают, как полицейские предают посадки огню.

Когда чапарцы уничтожили коку на больших площадях, разбив на освободившейся земле фруктовые сады и огороды, к населению обратился президент Боливии: «Братья, мое правительство выражает признательность крестьянам, которые добровольно уничтожили тысячи гектаров посадок коки и сегодня поднимают свои мачете как символическое оружие, которое будет срезать многочисленные головы наркотической гидры!». Но подпольных полей в Чапаре еще хватает, расставаться с ними крестьяне не спешат и сопротивляются властям, часто с ружьями в руках.

Многие коколерос (выращивающие коку) — бывшие горняки, когда-то добывавшие олово. Боливийские рудники были в ряду ведущих мировых производителей олова. Но в 70-е годы конъюнктура рынка изменилась, предприятия закрыли. Из 60 тысяч горняков 35 тысяч остались без работы. Они переселились с семьями в чапарские леса, научились на коковых полях зарабатывать не хуже прежнего. А то и побольше. Листья с одного гектара дают до 4 тысяч долларов в год. У рабочей семьи в Чапаре — от 10 до 20 гектаров. И не надо опускаться в касках под землю, дышать пылью. Бывшие пролетарии, люди организованные, тоже готовы насмерть стоять за свои плантации.

Самолет садится в субтропиках Кочабамбы. Пальмы. Клумбы. Шоссе. На площади нас ждет военный джип. Жмем руки встречающим: лейтенант Али Белялба и водитель. Оба в камуфляжном обмундировании, в пятнистых фуражках с козырьком, спасающим лица от солнца. На поясах фляги и магазины для автоматов. Автоматы в руках. На предплечьях нашивки — звериная голова. Это эмблема подразделения «Когти тигра». У обоих неприступный, грозный вид, оказавшийся, к счастью, обманчивым.

Лейтенант садится рядом с водителем, опустив автомат на колени; мы вмещаемся на заднем сиденье; машина несется на юг от утопающей в зелени жаркой, душной столицы департамента. За перевалом машина сбавляет скорость, въезжая на бетонный мост, под которым искрится река. Какое было бы счастье спуститься вниз, сбросить пыльные одежды и плюхнуться в воду!

Дорога огибает высокие скалы справа и осторожно отходит от кромки слева, за которой головокружительный обрыв. Когда мы миновали озеро Корани и искусственное водохранилище, на узкую горную дорогу внезапно пал туман — ничего не видно; водитель включает фары и, сбавив скорость, двигается как бы ощупью. Высунешь в окно руку — и не разглядишь пальцев. Интересно, как на этих дорогах чувствуют себя перевозчики кокаина?

Лейтенант Али Белялба, лет тридцати, из города Сукре, официальной столицы Боливии, хотя все правительственные учреждения и посольства находятся в Ла-Пасе. Он сын тамошнего шефа полиции; мама преподает в школе. В армию пошел шесть лет назад, потому что «пока молод, должен помочь бороться с наркобизнесом». Служба сопряжена с постоянным риском: до сих пор военные, направляясь в джунгли к подпольным героиновым лабораториям, готовятся встретить отпор наемников-крестьян. Они вооружены двустолками, пистолетами, мачете. С некоторых пор солдаты-умопаровцы попадают под огонь автоматов, пулеметов, гранатометов, иногда новейших систем, каких нет у них самих. Наркобизнес переходит к большой войне.

Однажды Али вывел своих бойцов к реке Хордан. Там оказались не замеченные с воздуха, укрытые банановыми листьями три химические фабрики, при них вырытые в лесу ямы, в каждой по семь мужчин при свете керосиновых ламп босыми ногами уминали смешанные с солью коковые листья. В зарослях несла охрану группа вооруженных людей. Обычно охрана ожидает встречу с грабителями или конкурентами, здесь часто бывают межклановые разборки, но с полицией наемные часовые предпочитают не связываться, уходят в джунгли. На этот раз, видимо, зная о малочисленности отряда, они встретили солдат шквальным огнем. Отряд все-таки одержал верх, охранники разбежались.

Али и его бойцы взяли наркodelьцов и всех, при ком было оружие, отпустив по деревням только крестьян, уминавших босыми ногами листья в ямах. Хотя могли бы и задержать: по закону утрамбовывать листья коки — преступление. Крестьяне приходят из соседних деревень по ночным тропам, замачивают листья и топчут их, а с рассветом уходят. Вокруг строений, почти на полметра врытых в землю, валялись пластиковые банки и ведра с химикатами. Бойцы облили

строения керосином, бензином и бросили горящий факел. Когда от фабрики осталось пепелище, задержанных повели на базу. Служат бойцы не корысти ради — в месяц получают тысячу сто боливиано, из них четыреста уходит на еду, много не накопишь; но работу в стране найти трудно, а эта — для мужчин, к тому же всеми уважаемая.

Нас то и дело останавливают военные патрули на пунктах досмотра. Лейтенанта тут знают, но порядка ради проверяют документы и заглядывают в багажник, весело переговариваясь; пока мы доехали до базы, нас проверяли — я считал — пятнадцать раз. Наркоторговцы обходят посты стороной, пробираясь по тропам на склоне гор; они несут на плечах или за спиной по одному-два бидона с кокаином и химикатами, высматривая поджидающий их автомобиль. Все происходит, как на Памире. Мысли о том как обойти запреты, одновременно приходят в голову людям, живущим в разных полушариях. Это тот случай, когда рискованное бытие определяет авантюрное сознание. Боливийцы называют носильщиков контрабанды «мулас» — ослы. «Они не думают, только переносят...», — объяснил мне смысл лейтенант Али.

Шел четвертый час поездки; пот стекал по нашим лицам, как по крутым крышам дождь. Джип свернул с большака на узкую дорогу. Машина миновала знак «Проезд запрещен» и притормозила у шлагбаума. Мы снова доставали свои документы, нелепо улыбаясь, что заставляло пограничников по нескольку раз всматриваться в фотографии и сверять их с нашими физиономиями. Наконец машина вкатилась в ворота. За ними открылась земляная площадь, окаймленная одной-двумя сотнями легковых автомобилей всевозможных моделей, тяжелых бортовых грузовиков, самосвалов, цистерн, прицепов, бетономешалок, передвижных кранов, мотоциклов... Просто выставка машин, побывавших в употреблении и, как видно, давненько не слышавших гула своих двигателей. Весь этот транспорт конфискован бойцами УМОРА вместе с наркотиками.

Барак бойцов отряда здесь же. На стене бараков та же морда зверя с хищным оскалом, какую мы видели на плечевых нашивках лейтенанта и водителя. «Когти тигра» — эмблема всего чапарского отряда.

— Сразу договоримся, вы нигде не будете называть моего имени! — подавая нам руку, говорил командир отряда, крепыш лет тридцати пяти в камуфляжной форме и с взлохмаченной головой. Но такое предупреждение я уже слышал от Алеши Поповича в Нью-Йорке.

— Как же вас называть? — спросил я.

— Майор... Просто майор!

Просто майор жестом пригласил нас в барак. Барак был превращен в музей трофеев, захваченных «Когтями тигра» в Чапаре. Патрулируя район круглые сутки, предпринимая рейды в глубь джунглей, привлекая для поддержки наземных, воздушных, водных «дьяволов», четыре сотни бойцов держат в напряжении весь наркобизнес провинции. В бараке собраны реквизированные винтовки времен Симона Боливара, велосипедные шины с тайниками; контрабанду прячут в двойных днищах портфелей и сумок, внутри свежих фруктов, в детском питании; запаивают в консервы, помещают в пачки печенья, в пакеты с молоком, даже в мешки с картошкой — обернув горсть порошка коричневой бумагой, почти не отличимой от картофельной кожуры. А как изобретательны перевозчики серной кислоты, стиральных порошков, соды, которые идут на приготовление наркотиков: химикаты в пластиковых флаконах для шампуней, в канистрах с двойным дном, в мотке ниток, в пряже, босоножках... Даже внутри бетонных кубов, которые везут будто бы на стройку под фундамент здания. Не берусь утверждать, что этим изыскам всегда сопутствует удача, но для меня бесспорна их роль в умственном тренинге наркодельцов; сколь ни находчивы боливийские власти, наркодельцы каждый раз изумляют новыми придумками.

Майор рассказал, как трудно приходится его ребятам уходить в джунгли, неся на себе оружие, боеприпасы, да еще воду и вареную курицу. Выполнив задание, они будут там по меньшей мере три дня, а потом отправятся обратно, питаюсь тем, что соберут в лесу. На эти операции идут только те бойцы, кто обучен вести бои и жить сколько надо в джунглях. Это полицейские высшего класса: нелегко контролировать посеы, спрятанные в лесах за сто пятьдесят — двести километров. Сам майор, уставший от постоянного недосыпания, хочет быстрее снять военную форму и вернуться к семье, «играть с сыном в футбол, помогать жене по хозяйству. Но я должен находиться здесь».

Поклонник марихуаны на Двадцать шестой стрит (Нью-Йорк)

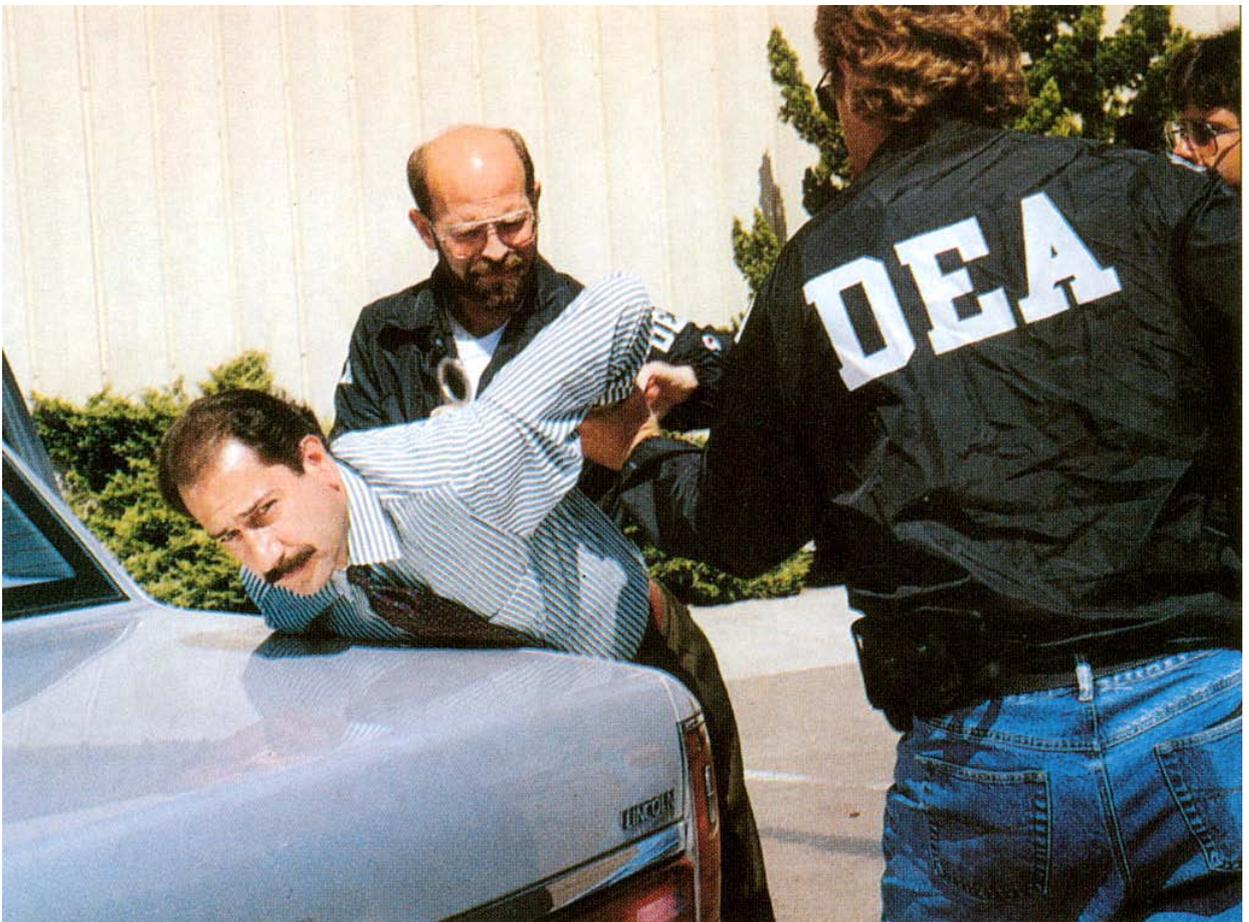

Обитатели наркотических закоулков Манхеттена

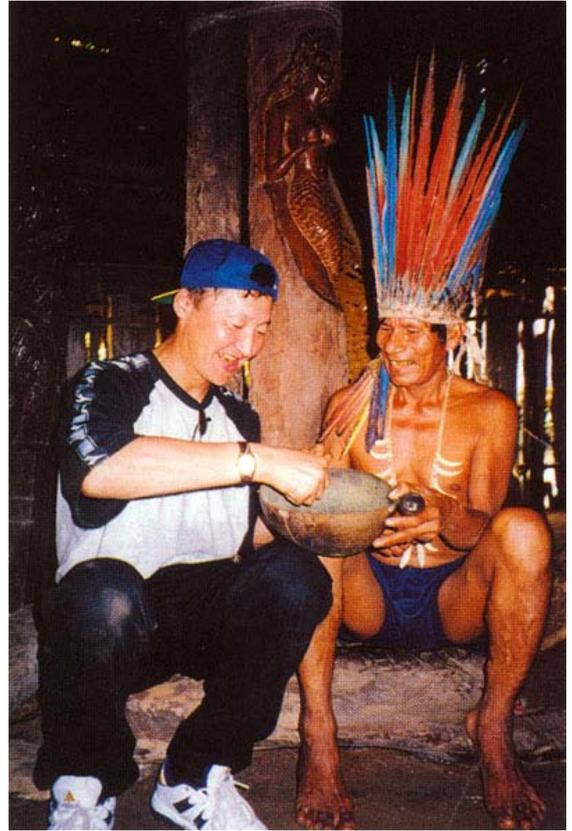
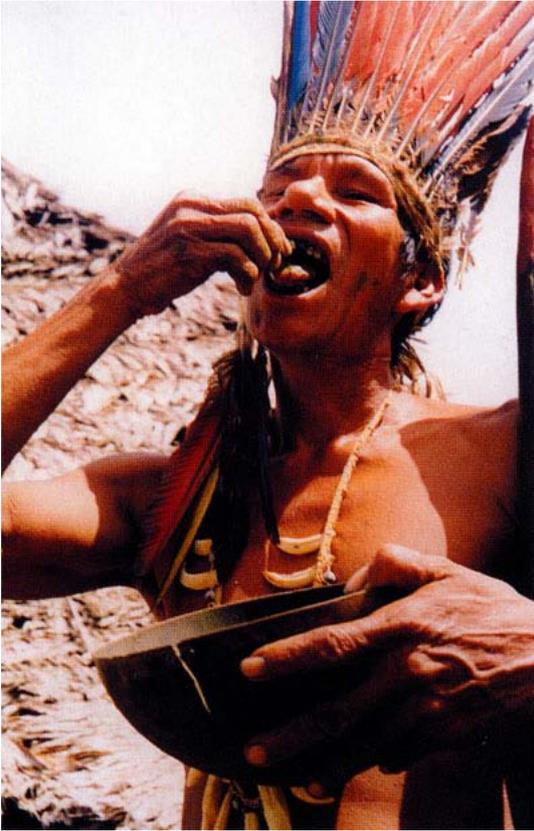

Случайный разговор (Нью-Йорк)

Агенты DEA отрабатывают способы задержания наркодельцов

Вожь племени уитотос Хитома Сафиама демонстрирует, как его предки готовили и жевали коку

У индейцев племени ягуас на Амазонке

Обмен дарами: кыргызский халат остался на Амазонке, а корона индейского вождя улетела в Бишкек

На могиле Пабло Эскобара в Медельине (Колумбия)

Власти Боливии уничтожают посевы коки с воздуха...

... и призывают крестьян самим вырубать наркотические растения

На боливийских дорогах. Досмотр машин в районах произрастания коки

Конфискованные наркотики и оружие в районе Чапаре

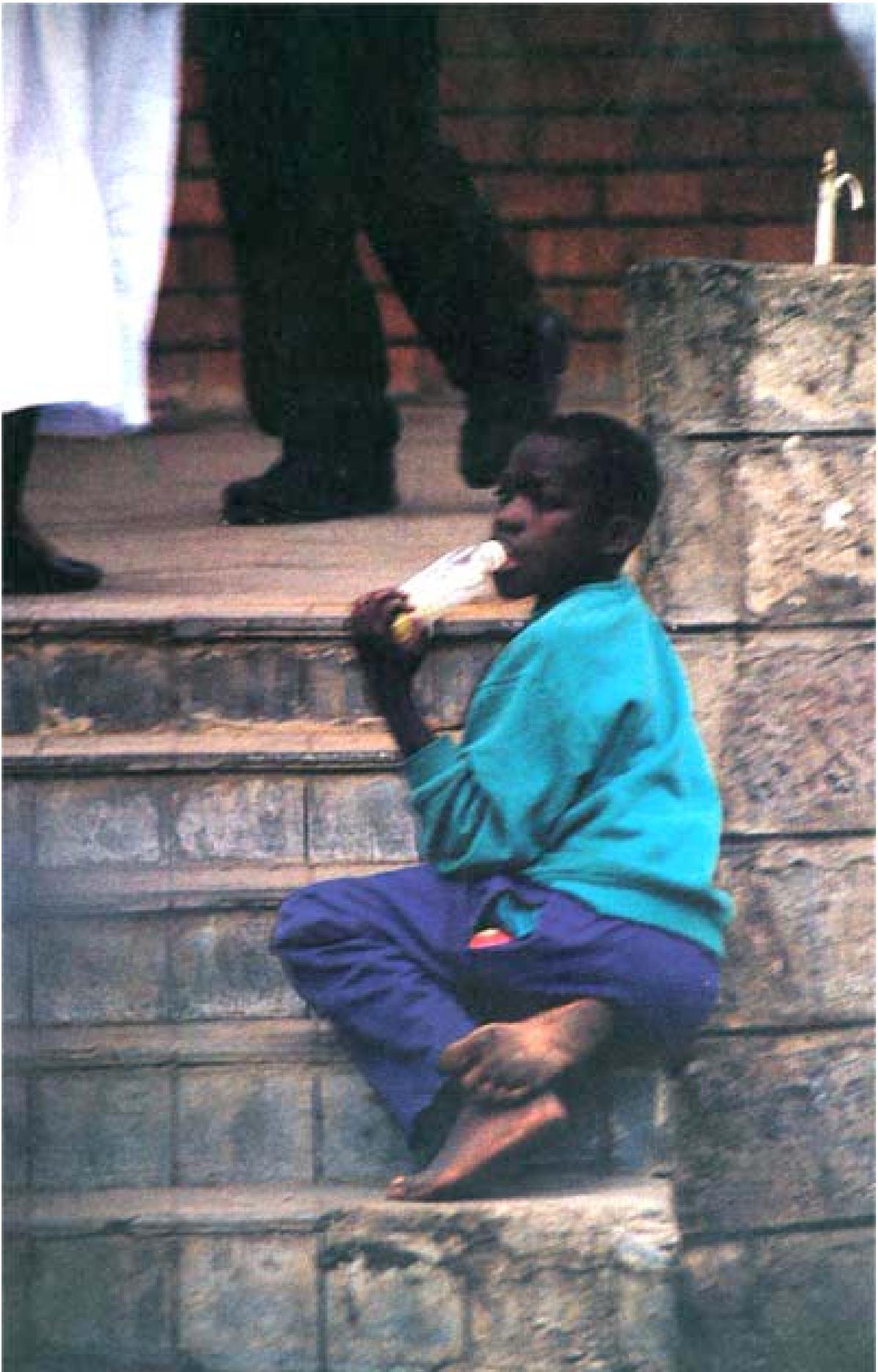
У разгромленной подпольной лаборатории: химикаты для производства героина

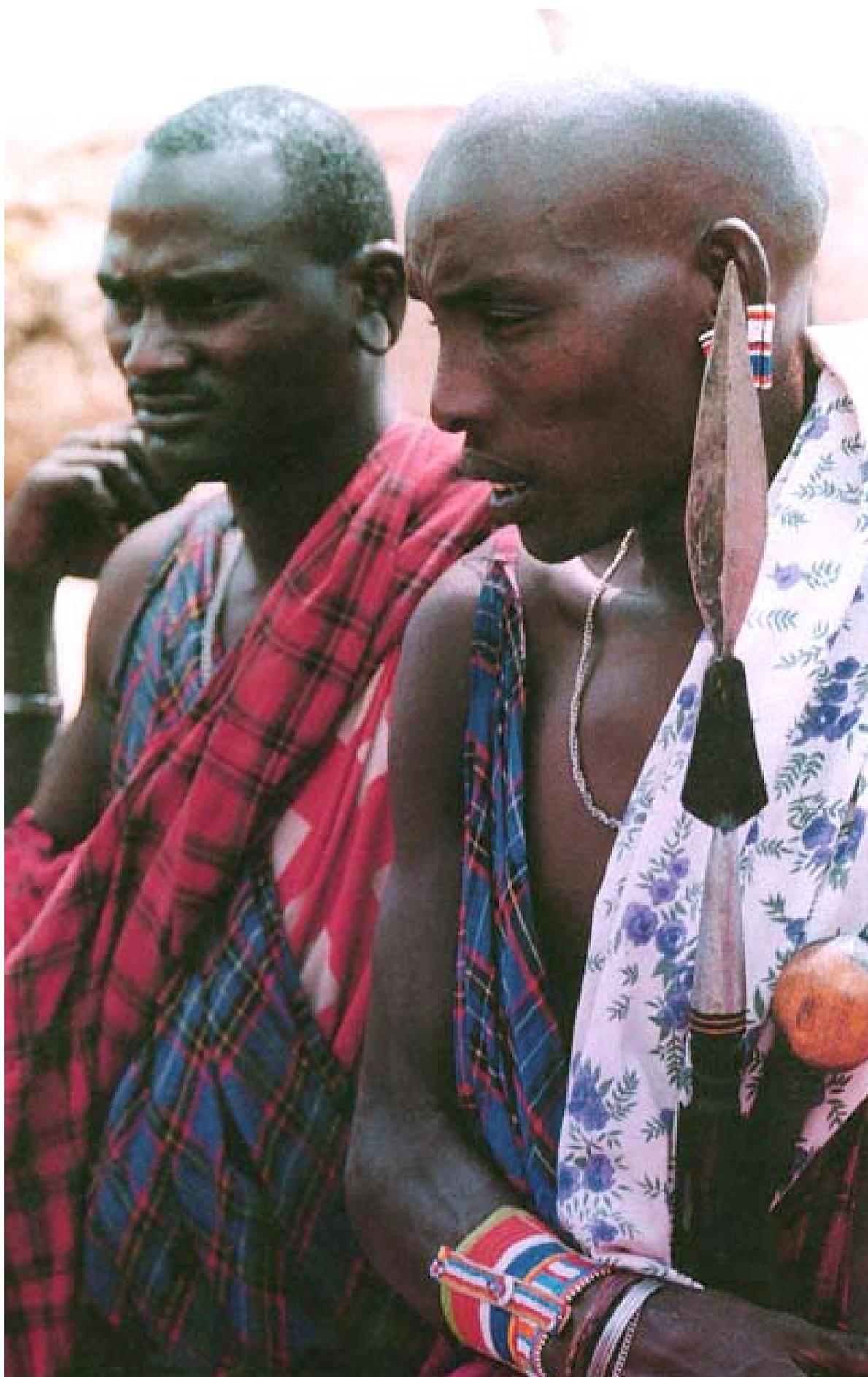
Захваченные властями наркотики подлежат сожжению

Христос над Кочабамбой (Боливия)

Начинающий токсикоман (Кения)

Сын вождя: «Этим копьём я убил семь слонов!»

Масаи, воинственные скотоводы-кочевники (Кения)

«Когда мы идем на охоту, навар из мирры прибавляет нам сил и бесстрашия... »

Обмен опытом с коллегами-психотерапевтами (Найроби)

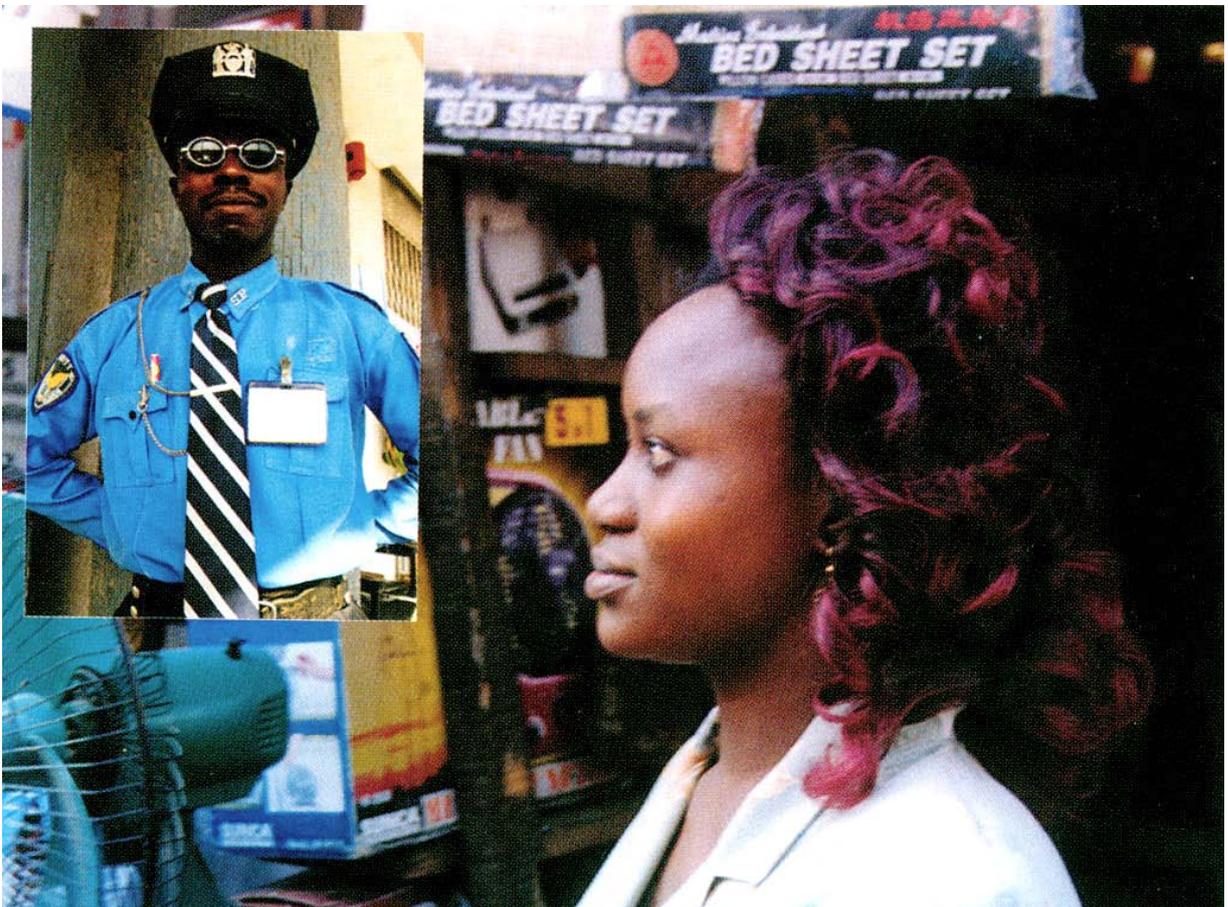
На свалках Лагоса – тысячи использованных шприцев

Нигерийские наркологи предпочитают ограничивать передвижение пациентов

Одурманивающие вещества – источник повышенной подростковой преступности

В таких прическах нигерийки перевозят кокаин

Майор показывал работу бойцов: по сигналу тревоги отряд бросился к четырем тяжелым вертолетам. Запущены двигатели, бойцы впрыгивают в чрево машин, втаскивают последних, когда вертолеты уже оторвались от земли. Вертолеты американские, участвовали во вьетнамской войне.

— Не пойму американцев, — говорит майор. — С начала девяностых годов для борьбы с наркобизнесом они каждый год дают нам военную технику. Говорят, на сумму до пятидесяти миллионов долларов. А посмотрите на вертолеты. Оборудование выходит из строя, запасных частей нет, мы их редко поднимаем в воздух.

Мне обидно за Пентагон.

— Может быть, вы не очень следите за вертолетами? Подарки часто портят тех, кому их дают.

— Подарки?! — удивляется майор. — Да это их ничтожная плата за то, что мы не выпускаем отсюда кокаин, оберегая их же здоровье, американцев. Мы-то не нюхаем, как они, не колемся в такой степени. И если они не могут сократить свои потребности, если их рынок толкает наших людей на преступления, то я не стал бы их вынужденные попытки ограничить ввоз кокаина в их страну считать помощью нашему народу.

Слова майора непривычны для моих официальных спутников — они люди государственные. Лицо Алексея стало озабоченным, словно ему поручили передать его правительству дипломатическую ноту. А в глазах Луиса читается мучительное желание как-то прервать рискованные откровения анекдотом. Алексей постарался перевести стрелку разговора и спросил, как относятся к «Когтям тигра» в деревнях. Бойцы из разных местностей, ни в одной не выращивают коку. Им трудно понимать психологию чапарцев. Майор переживает, когда крестьяне, владеющие коковыми посадками, встречают его отряд камнями, а бойцам запрещено открывать огонь — они возвращаются на базу, часто с синяками.

Вечерами майор ходит по крестьянским дворам, объясняет им политику государства. Надо убедить крестьян. А как это сделать, если кока привычна, почти не требует ухода, климат здесь идеален и никаких проблем со сбытом: оптовики забирают все, еще спасибо говорят. Особенно довольны крестьяне, живущие рядом с подпольными фабриками; по ночам они приходят туда утапывать листья в ямах. Их заработок зависит от успеха хозяина, как ему удастся вывезти продукцию и где продать. В Чапаре килограмм кокаина стоит триста — пятьсот долларов. В Ла-Пасе — до тысячи пятисот. В США — сто тридцать тысяч.

И что бы майор ни говорил им, как бы ни призывал уничтожать посадки, чапарцы, убежден майор, «этого никогда не поймут».

На ситуацию в Чапаре влияют этнические и социальные различия владельцев коковых земель. Одно дело исконные жители, для которых жизнь невозможна без употребления растения, для них священного. С ними все-таки можно находить общий язык. Другое дело — пришельцы-колонисты, переселившиеся в провинцию. Для этих кока — возможность безбедно жить. С этими разговаривать труднее.

Население провинции Чапаре (сто пятьдесят тысяч человек) не спешит принимать программу правительства. Защиту их интересов взял на себя конгрессмен Эво Моралес, профсоюзный вожак чапарских фермеров. Конгрессмен предупреждает правительство: «Я неоднократно пытался унять беспокойство крестьян, готовых идти на прямые столкновения с армией. Но их терпению, приходит конец, как и моей способности сдерживать их». Он призвал католическую церковь выступить посредником между чапарцами и властями, но правительство не нашло предмета для переговоров. Эво Моралес использует каждый конфликт для возбуждения общественных страстей. По его призыву коколерос выходят на дорогу с лозунгами «Кока или смерть!».

Незадолго до нашего приезда события в Чапаре обострились, угрожая обернуться гражданской войной; появились первые убитые и раненые. Из Ла-Паса прилетала министр юстиции Анна Мария Кортес. Она указала на нарушения прав человека с обеих сторон и обещала привлечь к ответственности виновных, даже если ими окажутся члены правительства. Жертвой того, что происходит в провинции, сказала министр, является весь боливийский народ. План «Достоинство» должен быть выполнен, но при условии, что людям, выращивающим коку, помогут иначе обеспечивать свои семьи.

Я радовался, что попал наконец в район нелегальных коковых плантаций, самый беспокойный в Боливии. Но мои надежды увидеть хотя бы одну из них, поговорить с коколерос, неожиданно поставили майора в затруднительное положение.

— Каким временем вы располагаете? — спрашивает он.
— Дня два, три...
— До ближайшей плантации ходу дней пять. В сухую погоду. А пойдут дожди — две недели.
— И мне возвращаться, не повидав подпольных плантаций?
Майор делает вид, что не слышит.

Мы ночевали в деревенской гостинице за пределами военного лагеря. Ночью почти не удалось сомкнуть глаз, а утром не успели стянуть с головы марлевые простынки, как под окнами раздались короткие автомобильные гудки. Мы выбежали на улицу. У ограды стоял белый джип, за рулем — наш майор. Он не спал, что ли?

Майор везет нас в деревню Вилья Тунаре. Он слышал, в лесах вокруг деревни могли уцелеть посадки коки. Он надеется их найти и предъявить нам как вещественное доказательство сопротивления чапарцев.

Мне кажется, солнце здесь поднимается быстрее, чем обычно, как будто торопится согреть на дороге осликов с корзинами овощей, которых тащат за веревку индейцы кечуа. Чапарские индейцы — прямые наследники империи инков, сохранившие их язык. Кечуа, говорит майор, как все другие, имеют в лесах небольшие коковые поля; с ними тоже приходится воевать. Я представлял, что думают кечуа, когда майор притормаживает джип и спрашивает их, где можно увидеть коковые поля. Кто же ему скажет? По-моему, они принимали нас за сумасшедших. Разводили руками и торопились прочь, не оглядываясь.

Майор затормозил машину рядом с семенившим по обочине индейцем; он был в сандалиях и в полосатой майке вроде тельняшки, прикрытой распахнутой на груди шерстяной кофтой. На носу очки, в руках ничего, кроме увесистого мачете. Майор деликатно выяснял, есть ли поблизости плантация, указывая на нас и уверяя, что лишь покажет ее, никому не причиняя зла, даже не спросит, чья она. Индеец спрятал мачете за спину:

— Я свой участок выкорчевал, сеньор майор. — И продолжал это повторять, даже когда машина отъехала на приличное расстояние.

— Я все выкорчевал, сеньор майор!

Майор ругал упрямых кечуа, хотя сам был из этого народа.

Мы кружили вокруг деревни. Майор чувствовал неловкость от бессилия уговорить чапарцев показать какой-нибудь участок; он не сомневался, что припрятанная полянка есть у каждого, но на поиск ушел бы весь день. Мы молча вернулись в Вилья Тунаре, досадуя, что потеряли время, хотя мое любопытство в какой-то мере было вознаграждено пусть даже беглым знакомством с кечуа. Джип уже покидал окраинную улочку, когда в распахнутые настежь ворота мы увидели старый амбар и перед ним площадку, заваленную зелеными листьями.

На солнце сушилась кока!

Выпрыгнув из машины, майор пошел во двор искать хозяина; мы увязались за ним, не сразу сообразив, что внезапное появление незнакомых мужчин нагонит на крестьянина страху; он будет нас слушать, молча кляня себя за забывчивость. Из амбара вышел босой парень в зеленой куртке на голое тело. «Хосе», — назвал он себя. После того как майор протянул руку первым, демонстрируя доброжелательство, парень пожал руку каждому из нас, заглядывая в глаза и надеясь прочесть в них приговор, который мы вынесли ему за такую массу наркотического сырья. Да, сушит для продажи, вывозит на местный рынок четыре раза в год. Покупают чапарцы, не имеющие своих участков, но сохранившие привычку жевать лист и пить коковый чай. За сорок килограммов сушеного листа он выручает двести пятьдесят боливиано (пятьдесят долларов).

— Послушай, Хосе, — говорит майор, — помоги мне, а я помогу тебе. Нужно показать гостям, как растет кока. Поедем на твой участок. Мой отряд никогда не пойдет по дороге, которую ты укажешь. Обещаю тебе.

Хосе изумлен: услышать такое от майора!

— И ты не заставишь меня вырыть и сжечь кусты? — с недоверием спрашивает Хосе. — Ты клянешься?

— Перед тобой и своими гостями.

Хосе садится в наш джип; мы снова трясемся по лесной дороге, но уже в другую сторону. Минут через сорок наш проводник просит остановиться на опушке эвкалиптовой рощи. Он выходит из машины и приглашает следовать за ним по еле приметной тропе. Под ногами

пружинят и хлопают влажные листья; местами мы переступаем через мшистый валежник, гнилой и изъеденный муравьями. Хосе идет в глубь леса, мы гуськом за ним, повторяя его движения. Внезапно он быстро уходит вперед, теряется в зарослях. «Хосе, где ты?» — кричит майор, но ответа нет. Мы ускоряем движение, почти бежим за майором.

Тропинка внезапно оборвалась, и мы увидели коковую плантацию размером с половину гектара; в дальнем краю стоит улыбающийся Хосе;

— Кто же так ходит по сельве?!

Мы вошли в кусты коки и перевели дыхание. Кусты высотой в рост человека, усеяны нежно-зелеными листиками и маленькими белыми цветочками. Я притянул ветку к себе: пять лепестков и беленький же пестик, а кое-где уже есть плоды — красные горошины, очень похожи на кофейные. Я взял горошину в рот — на вкус сладковата. Говорят, боливийские дети обожают жевать эти плоды. Вспомнив обычай амазонских индейцев, я сорвал несколько листиков, скомкал языком во рту и комок стал перекачивать, посасывая, от щеки к щеке, как учил вождь уитотос Хитома Сафиама, и снова не почувствовал ничего, кроме горечи.

Хосе уверяет, что этой плантации восемь лет, она дает меньше листьев, чем прежде, а новые кусты он сажать не собирается — не хочет иметь проблемы с властями. Намерен съездить в Центр альтернативного развития, посмотреть питомники и спросить у знающих людей, какие культуры в условиях Вилья Тунаре могут приносить доход.

Спрашиваю майора, что все-таки говорят крестьяне в ответ на требование уничтожить коковые поля.

— «Это моя форма жизни, я свободный человек, вы не можете мне мешать. Вы представляете чужие интересы, а для нас кока — это создание Бога. Мы продаем листья коки, а если кто-то делает из них кокаин, это их проблемы». Так говорят, Хосе?

— Все так... — соглашается Хосе.

— И добавляют то, что слышат от заезжих скупщиков: «Больше будет кокаина — скорей подохнут гринго!» Так, Хосе?

— Все правильно.

Гринго — это американцы.

Майор вспомнил легенду народа кечуа, известную и Хосе. Когда на эту землю пришли испанцы, вождь инков обратил внимание на их любовь к золоту и поклялся: «Они найдут у нас белое золото, которое убьет их!» Белым золотом стал для них кокаин.

В мусульманских странах, производящих наркотики, тоже оправдывают дурное дело святой целью уничтожать неверных. Интересный феномен столетия: наркодельцы внедряют в массовое сознание неприязнь к странам-потребителям их контрабанды, к тем не умеющим защититься от беды народам, благодаря которым преступники и увеличивают свои состояния. Наркотики, как верно замечено, становятся оружием в политической борьбе.

— Как убедить боливийца в опасности его уверенности, будто наркотики на нас самих не действуют и убивают только иностранцев? — сокрушается майор.

К вечеру мы подвезли Хосе к его дому в Вилья Тунаре. Майор еще раз пообещал забыть об участке, если, конечно, его не обнаружат бойцы, посоветовал все-таки выбраться в Центр альтернативного развития, подыскать для своего хозяйства другие культуры и жить спокойно.

— Будь здоров, Хосе! — пожал ему руку майор.

И добавил:

— Не забывай запирать ворота.

Боливийцы раньше других поняли призрачность надежд разделаться с наркобизнесом одной вооруженной силой, не разбирающей, кто попадает под ее гроыхающий каток: кокаиновый король или запутавшийся в долгах несчастный мелкий фермер, не знающий, как содержать семью, не выращивая коку, которую вынужден прятать от властей. Для таких растерянных земледельцев в департаменте Кочабамба власти создали Центр альтернативного развития. Там выращивают новые культуры, адаптируют их к местным условиям, помогают всем желающим с выгодой замещать посадки коки. Вот путь постепенной, добровольной, мирной ликвидации подпольных плантаций.

В фермерском сознании тоже стали замечаться перемены. И пусть наш Хосе пока побаивается расквартированного в Чапаре вооруженного отряда «Когти тигра», пусть не вполне доверяет майору — с ним уже можно договариваться. Деревня откажется от коковых посадок, от исторически сложившихся способов самообеспечения, если взамен ей предложат другой,

действительно безопасный, источник стабильных доходов. Отчего не перестроить хозяйства? Только хотелось бы это делать в обстановке спокойствия и уважения законных прав человека.

Трудно убеждать малограмотных, сомневающих, растерянных людей в доходности неизвестных им садовых и огородных растений. А кто гарантирует новым плантациям хорошую погоду, защиту от вредителей, высокие урожаи? За кокой, пусть тайно, приезжают покупатели-оптовики, при них грузовой транспорт, расчет на месте. А возмись за другие культуры — кто будет находить рынки сбыта?

Назову три момента, в боливийском опыте важные.

Власти отважились на эксперимент, нигде в мире не опробованный — покончить с наркобизнесом без насилия. Это принципиальная составная часть общей правительственной стратегии. Привлеченные для этой цели внутренние и иностранные инвестиции способствуют экономическому росту государства, увеличивают производство продовольствия, повышают качество жизни населения. На этом пути Боливия возвращается в число уважаемых стран, имеющих гордость и достоинство.

Не умствования теоретиков, а опытные участки (восемьсот гектаров), всегда открытые для сомневающих, доказывают преимущества замещающих культур. При соблюдении агрономических требований они способны давать с единицы площади много больше товарной продукции, чем кока. И не надо прятаться! В 1986 году новые культуры в Чапаре принесли доход в два миллиона долларов. Через одиннадцать лет эта цифра возросла до двадцати пяти миллионов долларов в год.

Новые культуры, требующие постоянного ухода, вынуждают крестьян менять психологию. Неприхотливая кока многих развратила. Воткнул в землю ветку, она зазеленела, собирай листья. И можешь дремать на краю поля, надвинув на глаза шляпу. А теперь землю надо рыхлить, окучивать, пропалывать... а зачем? Прощание с кокой — это *расставание с прежним образом жизни*. Расставание тяжелое, но деваться некуда⁶.

Агроном Хавьер Гевара водил нас по экспериментальным участкам. В ряду самых продуктивных культур, замещающих коку, он называет черный перец, бананы, маракуйю.

Черный перец завезли из Коста-Рики и Бразилии (три сорта). К удивлению экспериментаторов, перец в тропиках Кочабамбы оказался культурой более продуктивной, чем даже у себя на родине. В теплицах уже полмиллиона саженцев, адаптированных к новым условиям. Их охотно берут крестьяне, добираясь сюда на велосипедах и на осликах с плетеными корзинами по бокам.

Бананы — из Гондураса. В чапарских условиях эта культура обычно беззащитна перед болезнью «черный налет», поражающей целые рощи, но гондурасские сорта обнаружили прекрасную стойкость. Прежде в этой местности гектар вмещал пятьсот — шестьсот банановых пальм, она давала до двенадцати тонн плодов. Адаптированные семена и новая технология позволили высаживать на той же площади до тысячи шестисот пальм и собирать сорок — сорок пять тонн бананов.

Маракуйя («фрукт страсти») — с берегов Амазонки. Соком кисловатых плодов с толстой желтой кожурой мы утоляли жажду, когда спускались по великой реке. Высадив на гектаре чуть больше тысячи саженцев, можно получить от восьми до четырнадцати тонн фруктов. На рынках торгуют свежими плодами, натуральными соками, а также мороженым, йогуртами, джемами с кусочками маракуйи.

От медиков я слышал об успокаивающих, антидепрессивных, спазмолитических свойствах этих плодов. Одни лечат ими эпилепсию, невралгию, неврозы. Другие применяют при ожогах, болезнях кожи... Я скептически отношусь к целебным растениям, когда им приписывают широкий лечебный диапазон, но маракуйя, уверяют боливийцы, — феномен.

В боливийской поездке меня не покидала мысль, что коковые посадки, скорей всего, единственные из наркотических, которым власти, не прибегая к насилию, ищут и постепенно находят замену. Я не знал, что пару лет спустя встречу такой же опыт на юге Китая в провинции Юньнань, но уже с опийным маком. Китайцы пошли еще дальше — они предлагают замещающие культуры фермерам пограничных районов соседней Мьянмы, поставщикам нелегального опийного сырья. В обмен на прекращение контрабанды опия китайцы соглашаются полностью закупать у соседей урожай новых культур по гарантированной цене. Но о китайском опыте разговор впереди.

Джип бежал по проселочной дороге в сторону Санта-Крус. В полутьме вечера проносились

кокосовые пальмы, банановые рощи, пышные агавы, похожие на гигантских дикобразов. У въезда на каждый мост щиты с названиями рек; красива музыка местных названий — Чемуре, Ичоа... В сезон тропических дождей речки выходят из берегов и подтапливают дорогу. Темнеют влажные леса, закрывая от дороги таинственный мир, живущий по законам, определяемым растением, которому все вокруг подчинено. Было время, говорит майор, когда авианетки наркодельцов с грузом химикатов для подпольных фабрик садились прямо на эту дорогу. Под прикрытием ночи бидоны с химикатами перегружали на спины носильщиков, уходивших в темноту.

— Куда мы едем? — спрашиваю майора.

— В Россию! — смеется он.

Алексей улыбается в усы: ему приятно, что боливийский офицер, находясь, как говорили еще недавно, на переднем крае, пусть хоть шутливо, но помнит, что где-то за тридевять земель отсюда лежит в снегах незнакомая ему великая страна. Луис понял шутку майора как приглашение посмеяться всех русскими анекдотами, но память выдавала на этот раз сплошное неприличие, при переводе терявшее даже тот жалкий смысл, какой в них был изначально заложен; майор смеялся только из солидарности.

Минут через пятьдесят машина сворачивает с дороги и упирается в деревенскую ограду — дальше пути нет. За перекладинами в темноте хрюкают поросята; пахнет навозом и прелым сеном; я разглядел на веревке мокрое белье, под навесом поленицу дров, у сарая бочку, стянутую обручами, как бы приготовленную для солений. В усадьбе, в переднем дворе, ближе к дому, амбар и банька. Крепкий пятистенок, из резных окон с белыми ставнями падал свет. Крылечко избы окончательно привело меня в замешательство: казалось, вот-вот небеса обрушат на землю перезвон церковной колокольни.

— Где мы? — Я подошел к майору.

— В России!

Из состояния наваждения меня вывел скрип двери — на пороге возник могучий краснолицый мужик с рыжей бородой, в подпоясанной синей косоворотке. Наверное, в этих декорациях боливийцы снимают фильм из русской жизни, бог знает каких времен, подумал я, но никак не мог сообразить, почему съемочный павильон построили в эпицентре кокаинового производства и антинаркотической войны. По сюжету этот мужик, должно быть, представляет русскую мафию, завладевшую боливийскими коковыми плантациями.

— Буэнос нойтес! — здоровается майор.

— Буэнос нойтес, — отвечает мужик.

— Добрый вечер! — машинально говорю я.

— Добрый... — отзывается мужик и вдруг спохватывается, вдруг округляет глаза — не померещилась ли ему в ночи русская речь.

— Вы по-русски понимаете?! — Он не верит ушам.

Так мы попали в дом Исаака Анисимовича и Евдокии Дмитриевны Ревтовых, в семью русских боливийских крестьян. Патриархальной простоты изба с крашеными полами в сенях, с чистыми половичками у порога; в углу образа, вышитое полотенце, горящая лампада; в самодельном шкафу за стеклом молитвенные книги на старославянском; на кухне кадушка для воды, ковши, стеклянная посуда. У обеденного стола хлопочет Евдокия Дмитриевна — в зеленом цветастом сарафане на коротких лямках поверх белой складчатой кофты и в голубом платке, повязанном на затылке.

— Откель гости дорогие? — поднимает синие глаза.

Где мы, в каком краю, в котором столетии?

Я сижу на табурете в гостеприимном русском доме и слушаю занимательную историю потомков фанатиков веры XVII столетия, гонений на них и их скитаний по белу свету. Семья Ревтовых — одна из трехсот русских старообрядческих семей, вынужденных в тридцатых годах нашего века бежать от сталинских репрессий, покинуть родной Иман в Приморском крае и скрываться в Маньчжурии. В Харбине родились Исаак Анисимович и Евдокия Дмитриевна. В 1952 году многие харбинские россияне, по фамилии все больше Ревтовы, отправились искать счастья в Южной Америке. Их дети появились на свет в Бразилии, где они осели, как потом оказалось, на время. В чужой стороне было непросто владеть клином земли, к тому же вовсе не такой, как земля на родине, на кредиты покупать скот, технику, строительные материалы. Им давали ссуду под будущие урожаи, но кто мог быть уверен, повезет ли потомственным землепашцам в чужом краю и что их ждет в неурожайные годы. Почти тридцать лет русские люди корчевали тропические леса и засевали поля под Параной, к юго-западу от Сан-Пауло. Там

находили уют выходцы из разных стран, особенно много было японцев и итальянцев. Но земля истощалась, на удобрения не хватало денег, и русские, многие из них, послушав своих ходоков, вернувшихся из странствий по материке, решились уходить на север, в Боливию. По рассказам, в Бразилии продаются земельные участки по сносной цене, в реках водится рыба, а власти относятся к переселенцам по-людски, уважают чужое вероисповедание.

Ревтовы со своим скарбом плыли на лодках по рекам, добирались на грузовых машинах в места, где землю тогда можно было купить по двадцать долларов за гектар. Им понравилась боливийская почва, родит без удобрений. Сбережений Исаака Анисимовича и Евдокии Дмитриевны хватило на покупку клена в восемнадцать гектаров. Они принялись заново, как в бразильских лесах, валить деревья, строить дом, распахать клен. Хозяйство по здешним меркам среднее — рисовые и бобовые поля, полтора десятка коров, свиньи и куры, есть трактор. Евдокия Дмитриевна готовит сыр, творог, сметану, шанежки, пряники наливные — раскупают, чуть ли не в очереди стоят соседи-боливийцы («боливаны», говорит она).

— Сегодня ничего нет, я могу вам сметаны положить. Сало у нас копченое есть... Есть свиньи.

— Сколько? — спросил я.

— Кто его знает, три больших да маленькие.

У Ревтовых семеро детей и пятнадцать внуков.

— Трое сейчас живут здесь, — говорит хозяйка. — Две девки, один сын. Девки — Марья и Анна, сын Алексей...

Старшие сыновья Лаврентий и Георгий обзавелись собственным хозяйством и живут под Санта-Крус.

— Дети русских женятся или выходят замуж за боливийцев?

— Нет, — решительно отвечает хозяин. — Зачем мы будем смешивать? Наша кровь, по крайней мере, русская. Зачем мы будем брать или отдавать? Мы не любим это.

Русские боливийцы, как другие общины староверов в Латинской Америке, строго соблюдают закон — вступать в брак только с единоверцами. Женихов и невест ищут в других русских зарубежных общинах, переписываются, ездят друг к другу для знакомства — в Бразилию, Аргентину, Уругвай и дальше — до Аляски и Австралии.

Я спросил, ходят ли дети в школу. Исаак Анисимович отвечал в том смысле, что в семье так заведено: старшие учат младших, учат «по-христиански», поскольку в школах все делают «не по-нашему». А поступать в институт не позволяют ни вера, ни традиции:

— Мы должны жить в деревне, а как только выучи его, он в город пойдет, испортится.

С разрешения хозяев я стал смотреть книги в шкафу. Большинство по истории староверческого движения, жития святых, псалтыри. Почти все напечатаны в США. Светских книг в доме не держат. «Мы это не потребляем, сказал Исаак Анисимович. — Меньше знать — меньше думать будешь. Когда знаешь много, спать не можешь. Когда ничего не знаешь — спишь».

Когда семья собирается вместе, мать ставит на стол графин с бражкой из тропических фруктов («Это как в России называлась медовушка»). За столом поют «Ревела буря, гром гремел...» и «Выходила на берег Катюша...». В семье сохранили чистый русский язык (хотя знают португальский и испанский), носят одежды старинных русских покровов, чтут все святые праздники. Все бы ничего, говорит Исаак Анисимович, расстегивая ворот рубахи, но душа просит холодов. «Лучше там, как сказать, где холодно, как в России. Мы в Китае жили, там же зима была, лето, осень, весна — это же наша природа. А здесь нет. Днем было жарко, а теперь хоть застывай. Мы же отвыкли: немножко холодно — уже холодно кажется».

В России Ревтовы никогда не бывали и пока не собираются.

— Что так? — спросил я.

— Сами-то они, бедные, живут там, мы слышим, трудно. Если бы оне жили, ну, будем говорить, более-менее, знаешь, а мы бы разве тут скитались? Мы бы уже давно пол-России проехали!

— Здесь, видно, пообвыклись уже?

— Непривычные мы здесь. Климат жаркий, и все это не по-нашему, не так, как мы жили в Китае. Тут тропика...

Зашел разговор о продолжительности жизни русских людей в непривычных условиях.

— Пятьдесят лет, — сказал Исаак Анисимович.

— Да ты чо! — набросилась на мужа Евдокия Дмитриевна. — Тебе шестьдесят, а все еще

живой!

— Это же не написано, кто сколько проживет... — смутился хозяин.

Местность, где обосновались Ревтовы, называется, как протекающая поблизости река, — Ичоа. Рядом стоят дома еще пятидесяти русских семей.

Двор Ревтовых со всех сторон окружен скрытыми в джунглях коковыми плантациями, он почти в эпицентре противостояния коколерос и властей. В стране, мы знаем, нет района, более приятное для коковых растений и нет другой культуры, которая бы давала столь баснословный доход, но мы от майора слышим, что русские — не только все Ревтовы, но и Вальковы, и другие (в округе почти три сотни русских семей) — никогда не пытались выращивать коку. Наркодельцы приходили к Исааку Анисимовичу, гарантируя закупки на месте и оптом, хорошую цену, надежную охрану.

— «Сажайте, — говорили, — большие деньги будут».

— А что вас остановило?

— Мы же знаем эту проблему. Дрога штука нехорошая, заразная, мы не касаемся этому.

— Нельзя — по вере или по другим причинам?

— И по другим.

— Стало быть, государство правильно поступает, запрещая выращивать коку?

— Мы в этом не замешаны и не можем рассудить. Кто из них прав, кто виноват, мы не знаем. Мы живем себе, они себе.

Вот так и живет в чужой стороне верующий русский человек, землелашец Исаак Анисимович, привычный к труду, не податливый на соблазны, послушный только голосу своей совести. Не будет он собирать листья коки зная, какая другим людям от них беда. Ничто его не заставит. И не одни Ревтовы так живут. Многие боливийские русские и их соседи — индейцы кечуа, находясь в окружении коковых полей, имея землю, ничуть не меньше пригодную для кустарника коки, иногда даже лучшую, никому не завидуют, а видят высшую радость в том, чтобы жить без суеты, без страха, оставаться самими собой. И устремленно, экономя силы, делать свою извечную крестьянскую работу — доить коров, сеять рис, срезать с пальмы гроздь бананов.

— Если что надо будет, дайте знать. Поможем, — говорит по-испански майор, прощаясь.

— А что надо... Мы сами по себе! — на испанском отвечает Исаак Анисимович.

Мы возвращались из Чапаре в Кочабамбу по местам, где в середине шестидесятых годов пытался склонить боливийцев к революции Че Гевара, аргентинский врач, ставший ближайшим сподвижником Фиделя Кастро. Он и его отряд выбрали район к югу от Санта-Крус для устройства своей главной базы. Она располагалась на ферме, ставшей известной под именем «Каламина». Отряд не нашел поддержки населения и был разгромлен. Мы проезжали вблизи реки Рио-Гранде. Там кубинские партизаны и среди них близкая Че немецкая революционерка Таня (Тамара Бунке), переходя реку вброд с поднятыми руками, были с обеих сторон в упор расстреляны боливийскими правительственными войсками. А несколько дней спустя, 9 октября 1967 года, захваченного в плен Че Гевару убили. Местные жители до сих пор поговаривают, будто его отряд на самом деле занимался в джунглях переброской наркотиков⁷.

Боливийцы, большинство их, согласны с желанием правительства развязать сложный узел наркотических проблем без насилия. Разницу между боливийской и колумбийской ситуацией они видят в том, что в их стране невозможно партизанское движение под знаменем привнесённой идеологии; боливийское мировосприятие традиционнее.

Перед тем как направиться в аэропорт, мы снова проехали по солнечным улицам Кочабамбы, расположенной на идеальной для здоровья человека высоте — примерно две с половиной тысячи метров над уровнем моря. Ниже — влажные тропики, стоит страшная жара, а здесь вечная весна. Машиной мы поднимаемся на высокую гору; со смотровых площадок видна панорама южного города у подножия Кордильер; это второй по величине боливийский город. Еще натужный подъем по асфальтовому серпантину, и машина вкатывается на самую высокую смотровую площадку. Но восхождение отсюда только начиналось. Мы стали подниматься по крутым бетонным ступеням. На самой вершине горы ослепительно белая гигантская статуя Иисуса Христа. Говорят, она метров на пять выше семидесятиметровой статуи над Рио-де-Жанейро. Руки раскрыты в любви и готовы, кажется, прижать к груди всю землю, весь наш измученный мир.

Люди идут вверх по винтовой лестнице внутри статуи, расходятся в обе стороны по Её предплечьям и в узкие окошки смотрят на открывающуюся взору беспредельность.

В ясную вечернюю погоду отсюда можно видеть на горизонте, низко над джунглями, блуждающие тени. Это индейцы кечуа над кострами кипят в чайниках коковые листья. А в русской печи, недавно сложенной Исааком Анисимовичем, вытерев рукавом лоб и поправив на голове платок, печет пироги с капустой Евдокия Дмитриевна. И где-то рядом дымится подпаленные отрядом майора подпольные кокаиновые фабрики.

Глава одиннадцатая

БРАЗИЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ
С ЗАПАХОМ МАРИХУАНЫ

Бумажные змеи над фавелами Рио-де-Жанейро — Убийство за щепотку кокаина — Детям о наркотиках: театр Марии Терезы де Акино — Соларду-Сул: дом посреди пути — День в лечебнице, где прячутся звезды — Снова о МЦН: зависимые и созависимые — Трудная история Констанции Тейшейры де Ферейташ

От аэропорта до центра Рио-де-Жанейро машина неслась по прекрасному скоростному шоссе: красная земля, пальмы, фешенебельные виллы кружили и пролетали мимо, как карусель. Когда машина вошла в автомобильные потоки вечерних улиц, я увидел на тротуаре бездомных. Одни готовились ко сну, другие в дырявых соломенных шляпах с независимым видом стояли перед витринами магазинов, перекинув тряпье через плечо. «Люди фавел!» — говорили мои спутники. Фазенду я кое-как представлял себе, фавелу — нет. Оказалось, это стихийно возникшие на холмах самострой (по нашему — «шанхай», «индии», «нахаловки»), населенные большей частью нищими, преступниками, вышедшими из тюрем, — людьми с разбитыми надеждами. Поселки нависли над городом со всех сторон, как вороны крылья, держа в страхе население респектабельных центральных кварталов. Тогда я еще не знал, что фавелы в Рио-де-Жанейро, говоря по-восточному, — караван-сарай наркоторговли.

Первые, почти первые слова, которые я услышал в аэропорту от встречающих, шокировали меня: столь разительно они разрушали мои прежние представления об истории открытия Латинской Америки. В XV веке пути доставки опиума из азиатского треугольника (Индия, Китай, Афганистан) контролировала Англия, и другим приморским европейским народам, в том числе португальцам, не оставалось другого выхода, кроме как посылать в далекие моря корабли в поисках новых богатых наркотиками районов; так были открыты земли южно-американских индейцев. Я не уверен, что именно запахи коковых плантаций привели каравеллы Христофора Колумба и его спутников к островку Сан-Сальвадор (группа Багамских островов) и положили начало освоению европейцами Нового Света. Запомнился же мне тот разговор в пути не экстравагантностью версии, а из-за возникшего недоразумения. «Люди фавел!» — указывали спутники на людей, копошившихся на тротуарах; у несчастных были искаженные лица, наблюдаемые при сильных психических расстройствах, вызванных хронической зависимостью от алкоголя или наркотиков. «Быть не может!» — удивлялся я. В те первые минуты я еще принимал фавелы за каравеллы и в словах спутников улавливал желание убедить меня, будто люди на тротуарах — потомки матросов колумбовых каравелл «Санта-Марии», «Пинты», «Ниньи» или более поздних европейских кораблей.

Но в Рио даже приезжий не сможет пребывать в подобном заблуждении более пары часов. Слово «фавела» постоянно на устах у сопровождающих. Это опасные криминогенные зоны, будоражащие город. Даже полицейские предпочитают обходить их стороной. Первая фавела, говорят, стихийно возникла в 1887 году. По одной из версий, ее основали солдаты, вернувшись в город из северо-восточного штата Баия после подавления волнений безземельных крестьян — потомков индейцев и африканских рабов. Не имея крыши над головой, они поднялись на холм Провиденсия, рубили деревья и корчевали пни, разбивая на склоне палатки и не пугаясь, когда в сезон дождей к ним под брезент заползали змеи. Поселок солдаты назвали фавелой, по имени цветов, которые росли в местах их недавних боев.

По другой версии, в те времена солдаты-республиканцы воевали на северо-востоке в

районе городка Канудуш с повстанцами под руководством священнослужителя Антонио Конселейро, защитника королевских устоев и противника сбора налогов для новой власти. А дальше все было, как в первой версии. Усмирив сопротивлявшихся, солдаты вернулись в столицу и поселились в центре города на склоне холма, где росли цветы, очень похожие на фавелы, усыпавшие холмы под Канудушем; там остались в земле их боевые соратники. Скоро рядом с палатками солдат стали ставить жилища крестьяне, бежавшие сюда от засухи и нищеты. На грязных крутых улочках бедняцких самостроев, изрытых зловонными каналами, селились люди со своими верованиями, ценностями, жизненными установками. Это была первая фавела как новое культурное явление. Первые жители фавел были религиозными, свято почитающими семью и Бога. Но со второго-третьего поколения мировосприятие поселенцев стало меняться. Может быть, их взвинчивал возрастающий разрыв между их бытом и жизнью веселого города у подножия холмов. Сегодняшнее четвертое и пятое поколения обитателей фавел (их два миллиона) не имеют ничего общего с пионерами. Многие из молодых находят себя в наркобизнесе¹.

Однажды в послеполуденный час мы с приятелем, выйдя из отеля «Рио Палас» на Копакабана, направились в сторону ближайшей фавелы. С моря тянул ветерок, подростки в набедренных повязках изящно носились на серфингах по гребням синих волн. На пляжах горланили продавцы шашлыков, солнцезащитных очков, гамаков из отбеленного хлопка, масок и полудрагоценных камней, разложенных на циновках. Туристы валялись на теплом песке, потягивая через соломинку кокосовое молочко из надрезанных мохнатых орехов. Мы шли к холму; высоко над ним, над крышами трущоб парили бумажные красные змеи, какие запускают дети во всем мире. По улице, обгоняя нас, громыхала колонна военных машин. Змеи, казалось, служат сигналом к грандиозному карнавалу: вот сейчас под безумные ритмы самбы улицы запрудят золоченые повозки с десятками тысяч танцоров, певцов, акробатов, украшенных коронами и перьями; их полуобнаженные красивые тела ярко разрисованы или слегка прикрыты легкими, волнующими одеждами.

— Как красиво! — показывая глазами на кружащихся в небе змеев, сказал я спутнику, живущему в Рио три года.

— Вы уверены? — удивился он. — Сейчас на холме начнется перестрелка. Это облава полиции на торговцев наркотиками. Трупов десять будет как минимум.

— С чего вы взяли? — не понимал я.

— В небе змеи — красные!

Змеев запускают дозорные мальчишки, давая сигнал наркодельцам — своим отцам и братьям. Поднебесные острова нищеты, грязи, картонных домов и палаток, живущие торговлей наркотиками, небезопасны для полиции; военные транспорты с вооруженными людьми не так часто решаются подниматься в фавелы, но когда полицейские отваживаются на рейд, с жителями не церемонятся. Любого убитого могут назвать наркодельцом, даже если под их горячую руку попала старуха с распущенными волосами или передвигающийся на ящике с колесиками безногий солдат.

Когда внизу все спокойно, мальчишки водят на веревках зеленых бумажных змеев. Красные — сигнал тревоги. За караульную службу они получают от взрослых деньги или дозу наркотиков. В фавелах с малых лет приучены нюхать растворители и курить марихуану. Свидетели перестрелок, разборок, жестоких пьяных драк, дети фавел, часто беспризорные, на всю жизнь остаются с искалеченной психикой. Многие подростки, мальчишки и девчонки, сменяют пропавших без вести, брошенных в тюрьмы, отошедших в мир иной старших воров и проституток².

К жителям фавел у бразильцев смешанные чувства. С одной стороны, это источник повышенной напряженности и экологической опасности, но с другой — там разные люди, в том числе молодые супружеские пары, не желающие жить с родителями и не имеющие в городе крыши над головой, начинающие бедные клерки, разный мастеровой люд, и все они вместе, как поется в их песне, здесь чувствуют себя ближе других к небесным вратам.

Эти поселки — достопримечательности Рио-де-Жанейро, такие же уникальные, как трехкилометровые песчаные пляжи Копакабаны или огненный бразильский карнавал, но доступные для обозрения только издали. Приятели просили к ним не приближаться, и я не стал испытывать судьбу и карабкаться в своем явно не нищенском костюме вверх по тропе вдоль канализационных стоков к одноэтажным бетонным баракам, посаженным на плечи друг другу. Вечерами, когда в окнах зажигаются огни, склон горы можно принять за вертикальную плоскость

небоскреба, восходящего к облакам, как Международный торговый центр в Нью-Йорке. Не только в северной части города, населенной темнокожими бедняками, но даже на улицах нарядных, ярко освещенных, богатых южных кварталов встретишь жителей трущоб и можешь поговорить с ними. Они открыты, разговорчивы, непосредственны, к тому же с удовольствием говорят о себе, как большинство бразильцев. И если за столиком в открытом кафе на авениде Атлантика вам улыбнулась красивая юная бразильянка с красной розочкой в волосах, очень может быть, что она жительница одной из шестисот городских фавел.

— Сеньора из какого квартала? — спросите вы.

На вас посмотрят чистые, детские, благодарные глаза:

— Мой дом, сеньор, в Росинье, но мы могли бы с вами снять номер в недорогом отеле за углом.

Росинья — самая крупная фавела Рио-де-Жанейро и всей Латинской Америки. В ней сорок три тысячи жителей. Семья юной бразильянки живет в домике с электричеством, водопроводом, канализацией, пользуется услугами магазинов, банка, почты, ее младший брат весь день в яслях, а старший ходит в коммунальную школу. Состоятельные жители фавел смотрят кабельное телевидение и могут брать напрокат видеофильмы. Как и в других фавелах, здесь не столько курят наркотики, сколько торгуют ими на вечерних улицах, у клубов и дискотек. Богатые наркодельцы дают людям работу и вкладывают в благоустройство фавел больше средств, чем муниципальные власти. Может быть, поэтому, когда полиция на машинах врывается в фавелу, она не может добиться от жителей никакой информации о том, где хранятся наркотики, и кто ими торгует.

— А какой наркотик предпочитают бразильцы? — спрашиваете красавицу с розой в волосах.

— Какой захочет сеньор, тот и достанем.

— Не опасно?

— Опасно, конечно... Если мешок с марихуаной упадет с десятого этажа вам на голову!³

Бразильянкам палец в рот не клади.

Не в пример мегаполису Сан-Пауло, третьему по величине городу мира, в больших количествах поглощающему крэк, наркоманы Рио-де-Жанейро предпочитают растущую в северо-западных районах бразильскую марихуану и колумбийский кокаин. Потребители опийных веществ здесь редки. Возможно, климат для маковых плантаций не самый подходящий. Но дело не в нем, а в необъяснимой традиционной брезгливости многих бразильцев к тем, кто принимает наркотики внутривенно. Привыкшие колоться — в компаниях изгой.

Летом со всего света съезжаются туристы, в полутьме грохочущих дискотек торгуют таблетками экстази, но они доступны немногим, разве что предпринимателям и молодым иностранцам, приезжающим отдохнуть на океанском берегу. Среди подростков в фавелах шиком считается нюхать сапожный клей. Люди постарше, искатели новых ощущений, пробуют смеси из алкоголя, опия, приправ (обычно черного перца). Большинство распространенных здесь наркотиков — депрессанты. Как мне рассказывали бразильские врачи, почти треть больных наркотической зависимостью не удается вывести из депрессии.

Власти пытались сносить фавелы. Это приводило к массовым бунтам, угрожавшим населению благополучных кварталов города, и полиции приходилось убираться восвояси под градом камней, а кое-где и под ружейный огонь с крыш. Правительство искало способы примирения города и фавел. Выход нашли в обустройстве фавел как законных кварталов большой урбанизированной зоны. В 1994 году Американский банк развития выделил на этот проект около трехсот миллионов долларов. И хотя денег было недостаточно, бразильцам удалось в большинстве фавел построить новые каменные дома, многим выдать документы на право владения земельными участками, проложить асфальтированные дороги. Это облегчило полицейское патрулирование и позволило начать вывоз бытовых отходов. Наркодельцы противятся наведению порядка — он разрушает благоприятную для их бизнеса среду и затрудняет им возможность оставаться в поселках «крестными отцами»⁴.

Никто не знает, сколько жителей фавел занято торговлей наркотиками. По прикидкам полиции, не меньше сорока тысяч. Часть их связана с террористическими организациями «Красная фаланга» и «Вива де муэрте» («Да здравствует смерть»), с сотней мелких преступных группировок, пользуется их защитой и заказывает убийства неугодных. Для наркодельцев эти заказы необременительны — убийство стоит сорок долларов. Или шепотку кокаина, насыпанного на внешнюю сторону правой руки, в полукружие между разведенными большим и указательным пальцами, — так удобнее втягивать порошок в ноздри.

Не знаю, под этим или под другими стимуляторами были молодые женщины фавел на ночной Копакабане, возникшие из темноты перед нами, когда мы с приятелем возвращались набережной в «Рио Палас». До отеля оставалось минуты полторы ходьбы, уже видны были у подсвеченного входа швейцары, когда нас обступила стая юных смуглых полуобнаженных красоток. Три или четыре девушки с хохотом набросились на приятеля и столько же на меня, обнимая, прижимая к себе, быстро целуя в щеки и шею и одновременно с цирковой ловкостью скользя руками по спине и бедрам. Я почувствовал, как несколько ладоней вошли в боковые и задние карманы моих джинсов, одна ладонь нырнула в верхний карман рубашки. По счастью, в карманах ничего не было, красавицы быстро потеряли ко мне интерес. У моего приятеля вытащили кошелек с мелочью и, передавая от одной к другой, как бы играя, продолжая заливаться смехом, по-прежнему очаровательные, исчезли, как наваждение, в той же темноте, из которой возникли.

В массовом представлении красивые, темпераментные бразильянки танцуют на карнавалах и привлекают зевак в фешенебельные бордели, но в этом «заповеднике любви» их трудно представить опустившимися, грязными, свернувшимися на ночном тротуаре алкоголичками и наркоманками. По наблюдениям бразильских врачей, женщины в большой степени перенимают манеры поведения своих спутников-мужчин. Если спутник вкалывает себе в вену героин, вслед за ним почти неотвратно начнет то же самое делать его подруга. В первый раз шприц и вещество она обычно получает из рук партнера.

Определяющим для женщины выступает фактор социальный. Наблюдали за историей двух тысяч близнецов. Девушек-близняшек воспитывали в разных странах, но стоило одной из них выйти замуж за алкоголика, она сама тоже становилась алкоголичкой, в то время как другая, попав в семью, где никто не пьет, тоже не переносила спиртного. Одна и та же неблагоприятная среда по-разному воздействует на психику мужчин и женщин: он обычно заливает невезение вином, она впадает в депрессию. Больше всего женщин с нарушенной психикой — в фавелах.

Об особенностях бразильских наркоманок мне рассказывала Мария Тереза де Акино, профессор Государственного университета Рио-де-Жанейро. Просвещенная и величественная, как матрона эпохи Возрождения, сеньора Мария Тереза руководит Центром по изучению проблем наркомании и маленькой клиникой с амбулаторными кабинетами и тремя койками для госпитализации больных. Когда-то клиника была побольше, но финансовые трудности вынудили поубавить размах, оставив скромные масштабы, достаточные для практики студентов-психиатров. Стационарный курс лечения за год проходят до семидесяти человек. Амбулаторно получают бесплатную (за счет университета) помощь сотни хронических наркоманов, в том числе из фавел⁵.

Над ее рабочим столом портрет Зигмунда Фрейда. Это не дань бразильских психиатров моде, а почтение к отцу психоанализа, которым здесь пользуются как основным инструментом работы с пациентами. Признавая душевную жизнь как непрерывный процесс, в который вовлечены сознательные и бессознательные начала, медики выслушивают пациента, помогая ему открыться, пытаясь уловить в его рассказе о себе непонятные ему самому невидимые причинные связи. Врач ищет глубинные истоки тревожных мыслей, чувств, поведения больного, чтобы найти оптимальную форму удовлетворения его неутоленной потребности или инстинкта. Возможно, от великого австрийца бразильские медики унаследовали способность к рациональному анализу иррациональных побуждений и избавлению от них.

— Наша психотерапия почти вся психоаналитическая, — говорит Мария Тереза, перехватив мой взгляд на портрет Фрейда. — Но, к великому сожалению, мы бессильны сполна использовать психотерапию при работе с детьми. Их ограниченный словарный запас затрудняет, делает невозможным их участие в психотерапевтическом сеансе.

Меня предупредили о невероятной занятости профессора — я не рассчитывал на беседу более десяти минут. Но мне повезло: в тот день университетские преподаватели объявили забастовку, требуя повысить им жалованье — оно не пересматривалось четыре года. Борьба бразильских коллег за свои права оказалась для меня как нельзя кстати. Хотя мне в подобных акциях участвовать не приходилось, я догадался, что беседа с гостем, к тому же прибывшим издалека, нисколько не нарушит единства рядов бастующих. А поскольку я здесь тоже как бы без дела, нашу встречу можно рассматривать как демонстрацию международной медицинской солидарности.

Два часа нашей сидячей забастовки мы говорили о детях. Бразильцы — особый народ. Здесь мальчики начинают принимать наркотики в среднем с девяти лет, а девочки в тринадцать

становятся матерями.

— Вы, наверное, показываете детям ваших больных как предупреждение о том, что их может ждать, если будут принимать наркотики, — предполагаю я.

— Ни в коем случае! — возражает Мария де Тереза. — Если будем показывать пациента, который лечится или вылечился, у ребенка может возникнуть ложное представление, будто он тоже может понюхать, покурить, а потом вылечиться. Малышу лекции читать бесполезно: он не способен сесть и посчитать до десяти, прежде чем что-нибудь сделать.

— Но как его уберечь от наркотиков?

— Только через театр.

— Простите? — не понимаю я.

— Если с подростками вы говорите о зависимости всерьез, вы только будоражите их любопытство и свойственное возрасту желание учиться на своих ошибках, а не на чужих. Мы предпочли объяснять им действие наркотиков через театральное представление, в котором они сами играют роли нейронов, ганглий, сосудов головного мозга.

Мария Тереза Акино и управление полиции Рио-де-Жанейро разработали программу театрализованного медицинского просвещения детей. Известные в стране сценаристы, режиссеры, актеры, люди в основном семейные, сами отцы и матери, так увлеклись этой идеей, что безо всякого вознаграждения взялись помочь с участием детей поставить спектакль. Сначала не верилось: ну как это можно облечь в доступную детям и увлекательную форму познания о высшей нервной системе и о драматических поворотах, которые наступают при воздействии на эту систему наркотических веществ. Но такую форму нашли! Сюжет выстраивается напряженно; юные артисты и зрители сами увлекаются необыкновенными приключениями, которые случаются с их героями — нервными клеточками, или проводящими нервные импульсы отростками — аксонами, или нервным стволом. Какие битвы разыгрываются в этом таинственном мире! В какие сложные отношения клетки вступают между собой, борясь и погибая! И как горят глазенки у «артистов» и зрителей на протяжении сорокапятиминутного действия. К концу добро обязательно побеждает зло!

Представьте себе: школьный спортивный зал превращается в центральную нервную систему; множество клеточек — малышей с табличками на шее («средний мозг», «серое вещество», «нейрон», «аксон», «опиаты», «кокаин», «никотин», «алкоголь» и т. д.) — хаотично носятся в пространстве, чуть не сбивая друг друга с ног, но бурно реагируя на момент, когда черноголовый «опиат» касается рукой девочки с косичками («коры головного мозга»), и связанные с ними другие «клетки», еще недавно четко выполнявшие команды, теперь смешно пошатываются и машут вялыми руками. А вот другая сценка: игрока коснулась клетка «депрессант», и он стал поднимать поочередно руки и ноги, медленно-медленно, словно от него отключили половину энергии. В соседнем углу при соприкосновении с клеточкой «кокаина» другие клеточки лихорадочно производят спутанные движения, садятся на пол, ложатся и вскакивают, смешно передавая картину неадекватного поведения.

Учитывая разницу в восприятии разных возрастных групп, психологи разработали четыре сценографии: для детей от восьми до одиннадцати лет, от одиннадцати до четырнадцати, от четырнадцати до шестнадцати, от шестнадцати до восемнадцати. Спектакли разные по сложности, но с одинаково напряженной фабулой: опасность и приключения дети обожают в любом возрасте.

Сценарные разработки передаются муниципальным, церковным, частным школам и любым сообществам, озабоченным детской наркоманией и тем, что возраст начинающих нюхать или покуривать опускается все ниже.

— Дети обязаны посещать спектакли? — спрашивал я.

— По закону правительства штата Рио-де-Жанейро изучение наркотических веществ и проблемы в целом включено так или иначе во все школьные программы.

В Центре по изучению наркомании учителя города проходят трехмесячные курсы. Пять раз в неделю по пять часов в день изучают анатомию, физиологию центральной нервной системы, методику преподавания наркологии на доступном для детей уровне. Не обязательно быть врачом, чтобы рассказывать школьникам о центральной нервной системе. Мария Тереза помогает школьным наставникам самим ставить придуманные здесь игры. Одна из них предлагает малышам выбрать одну из множества выставленных на скамье одинаково привлекательных коробок, каждая со своим рисунком. Прежде чем сделать выбор, малыш должен решить, почему он отдал предпочтение именно этой. Немалых усилий требует задание для неокрепшего мыслительного аппарата. Постепенное привыкание к анализу, сопоставлению, сознательному

выбору, обращению к памяти будет определять поведение человека всю последующую жизнь. Приучаясь думать, прежде чем сделать шаг, ребенок проявит, по крайней мере, осторожность, когда в компании ему придется делать выбор между предложением затянуться первой папиросой и уже осознанным пониманием риска. Реализация неясных душевных побуждений может в какой-то мере корректироваться приобретенной привычкой к рациональному выбору поведения. Одерживая даже маленькие победы над собой, ребенок испытывает необходимое ему и заслуженное чувство удовлетворения.

Еще массовая игра — интервью с ребенком: кем бы он хотел стать через десять-пятнадцать лет, попытка преподавателя вместе с учеником воспроизвести будущую ситуацию. Они обсуждают этапы, которые предстоит преодолеть для достижения намеченной цели, задерживая внимание на препятствиях, способных затормозить или прервать выбранный путь. Среди возможных преград — алкоголь и наркотики. Можно ли прийти к цели с такими попутчиками? На доступных примерах собеседники разбирают обстоятельства, при которых энергия гормонов перестает питать психические структуры личности и выступает ее разрушителем. Бразильские психологи не строят иллюзий относительно непреходящих причинно-следственных связей между детскими играми и судьбой, как она сложится у детей, когда они вырастут. Но заложенная в детстве готовность держать удары или, другими словами, старание быть чуть рассудительнее того, что изначально отпущено природой, поможет самопознанию человека, его контролю над своей бессознательной сферой.

Мария Тереза посмотрела на часы. Время забастовки окончилось, пора возвращаться к студентам. По пути я успеваю спросить, как она относится к легализации наркотиков, в частности — хорошо растущей в этом климате и многими бразильцами обожаемой марихуаны. Сорт «сканк», я видел, очень популярен в лондонском Брикстоне и в кофе-шопах Амстердама.

— Это иллюзия — относить марихуану, в особенности нашу, к «легким» наркотикам. В Рио-де-Жанейро наркотики научились ее «обогащать», увеличивая содержание в ней психоактивных веществ в десять раз, до тридцати трех процентов. Одна выкуренная сигарета со «сканком» вызывает большее опьянение, чем четыреста граммов виски. Ничего себе «легкий» наркотик!

— Если хочешь встретить Веру Фишер, побывай в Солар-ду-Сул, — говорили мне бразильцы. — Время от времени туда ложатся многие наши знаменитости — от футболистов, артистов, художников до министров.

Солар-ду-Сул, или, как его называют, «Дом посреди пути», — известная в Рио-де-Жанейро закрытая частная клиника по лечению наркотической зависимости. Жители города без запинки называют адрес — в центральном квартале Санта-Тереза, на уходящей в гору улице Санта-Кристина. В том районе живут звезды театра и кино, туда любят захаживать известные люди. Их видишь в уютных ресторанчиках на площади Ларгу-Душ-Гимараэс, в художественном музее Шакара-ду-Сэу с великолепным собранием картин и скульптур, в излюбленном здешнем транспорте — в старинных бондиньос (трамваях), они больше ста лет звенят по рельсам, направляясь к центру Рио.

Высоко на холме, за металлической оградой под круглосуточным электронным наблюдением, в глубине сада с видом на город и на море, спрятан в зелени двухэтажный старинный особнячок. Я нажимал кнопку звонка, но ворота долго не открывали. Моя переводчица Лена, жена российского журналиста в Бразилии, объяснила в зарокотавшее переговорное устройство, кто мы и по чьей рекомендации пришли. У ворот появился здоровенный охранник и впустил нас. Осторожность была вынужденной: немало бразильских папарацци с телеобъективами околачивается у ограды в надежде обнаружить в клинике очередную знаменитость. Чаще всего им удается запечатлеть Веру Фишер, любимицу экстравагантных бразильянок. В газетах много пишут о ее слабости к кокаину, о скандалах с очередным мужем или драках с домработницами... Я не видел фильмов с ее участием, ни с какой стороны звезда меня не интересовала, даже как пациентка с неуравновешенным поведением и, видимо, повышенной агрессией, типичной для художественных натур с большой психикой. В моей практике встречалось немало творческих людей, у которых психотропные и одурманивающие вещества развивали чувство всемогущества и безграничности своих прав. Случай с Верой Фишер вряд ли мог пополнить копилку моих наблюдений. Но, не знаю почему, когда друзьям удалось договориться о посещении Солар-ду-Сул, когда в холле нас встретила хозяйка клиники и мы, присматриваясь друг к другу, начали беседу, у меня непроизвольно, как бы из подсознания, выплыл совершенно не нужный мне вопрос,

не здесь ли сейчас сеньора Вера Фишер.

Констанция Тейшейра де Ферейташ, белокурая хозяйка клиники, простила мне совершеннейшее незнание бразильских реальностей.

— Коллега, — улыбнулась она, — хроники обычно приходят к нам в дни карнавала. Карнавал в Рио — время массового поглощения наркотиков. Вы никогда не бывали на наших праздниках?

— К сожалению! — признался я.

— Если дождетесь февраля, вы увидите, как толпы в карнавальных костюмах хлынут на улицы и площади. Под гром оркестров и барабанов, под фантастическими фейерверками они будут петь, танцевать, кружиться, и всю неделю празднеств в массе безумствующих людей взгляд нарколога различит множество своих потенциальных клиентов. Знающие за собой слабость, опасаясь срыва, в дни карнавала скрываются в нашем Центре, как в монастыре. В одиночку устоять от соблазнов невозможно. Только здесь удастся уберечь от наркотиков тех, кто не может за себя поручиться. Но до карнавала еще далеко; сегодня наши пациенты сидят в министерских креслах, командуют армией, стоят у мольбертов, играют на сцене... Они поспешат сюда за пару дней до начала карнавала.

В холле обитая гобеленом старинная мебель, журнальные столики, торшеры, на стенах полки с книгами и хорошая копия Кандинского. Никогда не подумаешь, что сидящий в плетеном кресле с газетой в руках важный сеньор — наркоман с пятнадцатилетним стажем. Я в первый раз видел элитарный реабилитационный центр для наркоманов из высшего круга. Двухмесячный курс пациенту обходится в десять тысяч восемьсот реалов (десять тысяч долларов). Цена немалая, но для закрытой престижной лечебницы, рассчитанной на ограниченный круг больных, это, видимо, минимальная сумма, обеспечивающая работу центра без инвестиций со стороны. Распорядок дня прост и разумен. К завтраку пациенты выходят в семь тридцать утра; на столе кофе, фрукты, молоко, мармелад, сыр, ветчина. Через полчаса у всех медитация — удобно устроившись на ковриках, прикрыв глаза, каждый мысленно или шепотом повторяет короткий текст, заставляющий на пятнадцать минут сосредоточиться, задуматься о собственной жизни, приучить ум к самонаблюдению. Утренняя сосредоточенность приносит спокойствие, радость, чувство управляемости самим собой.

С девяти до десяти в холле общая беседа на, казалось бы, абстрактную тему — например, о смысле достижений и потерь. Каждый говорит о себе, обдумывая в исповедальных разговорах актуальность этих категорий для собственной судьбы. Над некоторыми пациентами висит угроза быть лишенным по суду права проживания с ребенком. И хотя кто-то размышляет вслух о своем случае, в разговоре участвуют все. Разобраться в ситуации и в самих себе им помогают два профессиональных психолога.

Затем у каждого десять минут — заглянуть в свою комнату, надеть купальник, спуститься к плавательному бассейну. Под пальмами звучит приятная мелодия: врач проводит групповую гидрогимнастику.

В одиннадцать тридцать — обед. Обычно два салата (зелень или майонезные салаты), что-нибудь белковое (рыба, курица), горячие овощи, пюре в виде суфле, два традиционных блюда — рис и черная фасоль, два десерта. В тринадцать тридцать снова в холл — на групповое собрание. Это может быть сообщение кого-либо из пациентов на тему, для всех интересную. Или встреча с пришедшим в гости бывшим пациентом. Или обмен мнениями по вопросам, касающимся каждого — скажем, о сексуальных проблемах. Полчаса перерыв, и снова групповое собрание до шестнадцати часов. В шестнадцать пятнадцать — позаимствованная в китайской медицины дыхательная гимнастика: надо успокоиться и сконцентрироваться на своем внутреннем мире. В семнадцать тридцать легкий ужин, а в девятнадцать — кинофильм или свободное чтение.

По вторникам Солар-ду-Сул открыт для пациентов, когда-то проходивших здесь лечение. Многие поддерживают связи с врачами центра и с новичками, приезжая сюда, как в престижный клуб, где все свои и можно оставаться самим собой.

В среду к пациентам приходят члены семьи. Психотерапевт проводит с ними и с пациентом общую семейную терапию. Целебное воздействие семьи гораздо сильнее, чем можно было предполагать, говорит сеньора Констанция. Не только пациент, а все члены семьи получают друг от друга эмоциональную поддержку. Люди лучше справляются с межличностными конфликтами и приучают себя к новым навыкам поведения.

По субботам и воскресеньям с четырнадцати до семнадцати часов пациенты могут

принимать родственников и друзей (не более трех человек). В эти дни центр напоминает фешенебельный отель или палубу океанского лайнера — так много бывает в залах прогуливающихся прекрасно одетых людей. Когда открыли Солар-ду-Сул, это было явление в общественном сознании Рио-де-Жанейро.

Принципы сеньоры Констанции логичны: пациент должен поверить, что воздержание от наркотиков — цель лечения и этим оно завершается. За окончательное выздоровление отвечает он сам. Пациенты, кем бы они ни были за стенами лечебницы, какой бы пост ни занимали, здесь равны между собой и на равных с врачами. Врачи им не судьи и не исполнители наказания. Они любят своих больных и борются за каждого. Никто не навязывает пациенту внутренних перемен, но все стараются добрые перемены заметить и поддержать.

— Мы всем внушаем, что они преуменьшают свои возможности и способны на гораздо большее, чем демонстрируют внешне, — говорит сеньора Констанция, объясняя, почему в ее лечебнице самый высокий по стране показатель выздоровления. В течение года от наркотиков воздерживаются восемьдесят процентов прошедших лечение в Солар-ду-Сул.

Атмосферу домашности создает принятый для пациентов независимо от социального статуса и уровня популярности обычай самим стирать личные вещи, убирать постель, накрывать стол. Жены многих пациентов не перестают благодарить сеньору Констанцию: «Чудо совершилось! Хотя в доме полно прислуги, муж по утрам теперь сам заправляет постель!».

В Центре больше мужчин, но бывают времена, когда из четырнадцати пациентов (это их средняя численность) десять женщин. В элитных слоях общества у женщин выше потребность лечиться. Принадлежность к свету, даже к полусвету, обязывает соблюдать условности. Да и не каждый муж готов терпеть рядом наркоманку или алкоголичку.

— А вы не пробовали принимать на лечение больного и близкого ему человека — мужа, жену, родителей — одновременно? — спрашиваю я.

— Зачем? — удивилась сеньора Констанция. — Отнимать у людей возможность отдохнуть друг от друга?

Помню, как к нам в клинику, в приемное отделение, женщина привела двух подростков, назвавших себя братьями. По внешнему облику и по повадкам они были совершенно разные. Один светленький, повыше ростом, нагловатый, а другой, ростом поменьше, с темными вихрами, был не по возрасту молчалив, даже угрюм. У нас лечились анонимно, потому никому в голову не пришло уточнять степень их родства. Братья так братья. Но скоро выяснилось, что второй мальчишка, вихрастый и угрюмый, этой семье совершенно чужой. Он из небольшого российского городка, мать и отец алкоголики, рос беспризорным на улице, попал в дурную компанию, стал вором-карманником, курил, выпивал, перешел на наркотики. В четырнадцать лет — на моей памяти единственный случай — Владик (так его зовут) пришел к мысли, что самому из болота не выбраться, надо ложиться в больницу. Продолжая воровать, он откладывал деньги. Через год скопил сумму, по его представлениям, достаточную. Где-то услышал о клинике в Бишкеке, но как обухом по голове его ударило наше обязательное для всех условие: мы принимаем больных в сопровождении близкого человека, который должен быть рядом с пациентом и проходить свой особый лечебный курс. Владик отыскал женщину, имевшую проблемы с сыном, его ровесником, и уговорил отправиться в Центр всем вместе, объявив обоим братьями.

Я еще расскажу о нашей работе с родственниками (созависимыми, как их принято называть), а пока закончу историю мальчишки. У «матери» и врачей с ним не было никаких проблем: в отличие от других юных пациентов и своего избалованного «братца» он постоянно удивлял персонал беспрекословным и скрупулезным выполнением всех назначений. Выписался в хорошем расположении духа, не скрывая больших амбициозных планов. Через год наши врачи попытались найти Владика, но его следы затерялись где-то в российской глубинке. По слухам, он занялся бизнесом и на здоровье не жалуется. Ну что же, пусть ему повезет!

Принцип лечить больных вместе с их родственниками (созависимыми) начали практиковать в девяностые годы при лечении алкогольной зависимости. Особенно преуспели в этих экспериментах польские медики. Они предложили членам семьи свой способ одновременной раздельной терапии больного (стационарно или амбулаторно) и амбулаторной терапии близкого ему человека, чтобы оздоровить атмосферу в семье, помочь решению их личных проблем. Мы знаем: когда в доме пьющий человек, воцаряется психологическая напряженность, она сказывается на психике всех домашних и опосредованно влияет на процесс адаптации и реабилитации больного алкоголизмом, даже если он в стационаре. Консультации созависимых лиц

(чаще всего родственников) и отдельная для них программа психотерапии помогают членам семьи лучше понимать друг друга и тем самым, возможно, предотвращать рецидивы. Во всяком случае, родственникам пытаются объяснить важность эмоциональной поддержки больного, психокоррекции семейных отношений. При всей полезности этих начинаний исключительно амбулаторная работа с созависимыми исключала их прямое влияние на процесс лечения близких им людей.

Родственники могут повысить эффективность лечения наркозависимых больных, ускорить их социальную реинтеграцию. Поняв это, наши медики пришли к идее активной вспомогательной терапии созависимых лиц на всех этапах лечения. Не буду пересказывать острые споры, какие мы вели, собираясь вечером за круглым столом за чашкой крепкого кофе, заставляя себя встряхнуться. Противников у идеи не было, но опыта лечения по разным программам больного и его сопровождающего в течение трехнедельного курса медицина не имела. Надо было ответить на множество вопросов и представить последствия, в том числе психологические. Решили на первом этапе проводить раздельную психотерапию: пока больной проходит детоксикацию, можно выяснить у сопровождающего особенности внутрисемейных отношений, выявить тем временем у самих сопровождающих психические отклонения или, как их называют, синдромы-мишени. Сведения помогают проконтролировать достоверность информации, полученной от больного, а это сокращает время психодиагностики пациента⁶.

Далее медики намечают план помощи как самому сопровождающему, так и использования его возможностей в качестве психотерапевтического инструмента на всех этапах стационарного лечения пациента и в послелечебный период. Не вмешиваясь в действия врачей, сопровождающий становится их ближайшим помощником по уходу за больным. В то же время его постоянное присутствие создает для больного благоприятный психологический фон. И вот что еще показалось нам интересным. Поскольку среди сопровождающих есть родители, супруги, близкие родственники, пришла мысль объединить их по семейному статусу и помимо индивидуальной психотерапии проводить групповую терапию. Вместе анализируя ситуации, лучше удается переориентировать отношение сопровождающих к больному и заболеванию. По нашим наблюдениям, новый психологический фон помогает наркозависимому больному легче выйти из абстиненции и нормализовать психосоматический статус на два-три дня раньше. На этапе первичной реабилитации совместная работа с обоими участниками лечебного процесса подводит пациента к нелегкому для него и вполне осознанному решению — отказу от наркотизации как образа жизни.

«Знаете, я чувствую себя комфортнее, когда рядом близкий человек» — теперь мы часто слышим эти слова от больных, уверенных в том, что врачи все делают им во благо, но не подозревающих о другой их цели — облегчить достижение и собственных задач. В клинике больной и сопровождающий каждый шаг делают вместе, и я не раз замечал, как два человека, еще недавно разделенные стеной раздражения и отчужденности, начинают по-другому относиться друг к другу. Возрождаются душевные привязанности, казалось, утраченные безвозвратно. Хотя институт сопровождающих подчас создает проблемы, особенно в тех случаях, когда сопровождающий выступает адвокатом больного, отстаивает его права, мы рады существованию нами же созданной структуры, не позволяющей нам расслабляться⁷.

Апробацию нового подхода мы провели в 1997 — 1998 годах, наблюдая пятьсот девяносто больных и столько же созависимых лиц. По результатам анкетирования, выяснилось: большинство больных успешно реализовали социальную реинтеграцию и воздерживаются от наркотиков свыше года; многие вернулись в учебные заведения, наладили семейную жизнь, выбрали работу по душе, а некоторые организовали свой бизнес. Центр впервые в мире внедрил терапевтическое курирование созависимого лица в процесс стационарного лечения наркозависимых больных и защитил этот метод патентом. Разработанная у нас психотерапевтическая модель коррекции и вовлечения созависимого лица в процесс стационарного лечения больного наркоманией позволила повысить эффективность терапии, достигнуть качественной ремиссии и хорошей социальной реадaptации больного в постстационарном периоде.

Все это снова всколыхнулось во мне, когда сеньора Констанция удивилась вопросу о больных и сопровождающих, недоумевая, зачем отнимать у людей возможность отдохнуть друг от друга. Я не стал вступать в спор, подумав о том, какие разные у нас пациенты и общества.

Мы опустили в кресла на витом металлическом балконе, вознесенном над черепичными крышами и садами. Отсюда виден жилой район Нитройя и скала Пан-ди-Асукар (Сахарная

голова), рядом с которой португальский генерал Эстасиу ди Са в 1565 году основал Рио-де-Жанейро. Сеньора Констанция влюблена в свой город, в его жителей, в своих сегодняшних и завтрашних пациентов.

— Как вам пришла мысль создать элитную лечебницу? — спросил я.

— Когда-нибудь напишу об этом книгу.

Рассказ сеньоры Констанции был неожиданным и не вязался с ее с ликом интеллигентной, образованной, красивой бразильянки. Она росла в состоятельной семье, с детских лет владела четырьмя языками, вращалась в высшем свете, готовилась стать дипломатом. В семье было пять детей, четверо — мальчики, и отец баловал единственную дочь. В стране, где существует культ мужчин, она росла без чувства страха, не боялась власти отца, вообще чьей-либо власти. Как все ее подруги, рано вышла замуж и скоро разошлась, отправилась учиться в Англию, Италию, США. Родители представления не имели, что с семнадцати лет дочь курила марихуану, потом принимала амфетамины, чтобы «не уставать на занятиях» (ее слова) и «сдавать экзамены с просветленной головой».

В двадцать пять попробовала кокаин, тогда распространенный в элитных кругах Рио-де-Жанейро и Вила-Гранде-ду-Сул. В первый раз порошок не произвел впечатления. Только несколько лет спустя, когда впала в глубокую депрессию и ей снова дали втянуть в ноздри кокаин, на душе стало легко и свободно. Забросив марихуану, пять лет подряд принимала только кокаин и алкоголь. Однажды ночью, почти в бреду, сознание поразила страшная мысль о смерти. В ее кругу уходили из жизни приятели обычно из-за передозировки наркотиков. Прежде ее это мало трогало, но тут стало страшно. Не за себя — за свою маленькую дочь. «Я ужаснулась — что будет с моей принцессочкой?».

Тогда-то сеньора Констанция задумалась о лечебнице для таких, какой была сама. Ей повезло — пустовал этот красивый дом ее крестного отца, который разошелся с женой и собирался сдать пустующее здание в аренду под казино. Констанция пришла к старику, обожавшему свою крестницу, и увлекла своим планом. Она честно выиграла конкурс, пообещав платить ежемесячную аренду в пятнадцать тысяч реалов. К старику приходили крупные собственники, готовые купить дом за два миллиона долларов, но он уже проникся идеями крестницы. Между тем «Дом посреди пути» постепенно пришел в упадок, требуются затраты на реконструкцию, на содержание штата, их едва покрывают доходы от пациентов. Констанция пишет письма миллионерам Соединенных Штатов и Саудовской Аравии, но заставить их раскошелиться трудно.

Клиника для наркотических больных из *элитной* среды привлекает пациентов. Часто натуры художественные, они всегда на виду, и тут можно быть среди людей своего круга, говорить с ними на одном языке. Психотерапевт уловит в такой организации лечебного процесса способ дополнительного воздействия на психику. В своей микросреде люди раскованнее, импульсивнее, терпимее. Они не обидчивы, но болезненно реагируют на проблемы этического свойства. Констанция здесь явный лидер. Она не вмешивается во взаимоотношения пациентов, а когда обстановка накаляется, может распоряжаться властно.

Сеньору Констанцию позвали к телефону.

— Все-таки давайте спросим о Вере Фишер, — умоляет Лена. — Попасть сюда и не выведать о ней что-нибудь — бразильские журналисты нас запрезируют.

— Но я не ее фанат! — слабо протестую я.

— Тогда можно мне спросить?

Констанция вернулась, улыбаясь:

— Ваш вопрос о знаменитостях оказался не таким уж преждевременным.

— Звонила Вера Фишер? — встрепелась Лена.

— Нет, на этот раз от Диего Марадоны.

— Великий футболист ваш пациент?!

— Пока нет, но вот звонок от его приятелей. Будем для него готовить место⁸.

ОТКУДА ПОШЛИ АФРИКАНСКИЕ НАРКОКУРЬЕРЫ

Кончина Отумфуо Опоку Варе II: траур и наркотики несовместимы — В Институте медицинского использования растений под Аккрой — Поможет ли ибоба отучить от сильных наркотиков, алкоголя, табака? — Бездомные тянутся в REMAR — Перевозка героина в прическах нигерийских красавиц — 6000 агентов NDLEA — Программа «Жгите траву!» — Психиатрический госпиталь Йаба: двойной диагноз

В студенческие годы, читая «Зеленые холмы Африки», я представлял себе экзотический материк, но при всей тогдашней увлеченности Э. Хемингуэем, при полнейшем доверии к его искренности, непосредственности, наблюдательности, было трудно понять его восторги перед африканскими ландшафтами, влюбленность в детей дикой природы. Мне казалось, что испытанное там писателем ощущение полного счастья вызвано не географией, а состоянием его духа — оно могло обнаружить себя, окажись писатель в тот момент у подножия не Килиманджаро, а Гималаев или Станового хребта. Мы часто объясняем себе состояние души степенью благосклонности окружающего мира, но сами не раз замечали, как именно переменчивое внутреннее самоощущение определяет наше восприятие среды в тот или иной миг.

Сборы в Африку проходили в предощущении счастья, вызванного не только ее необыкновенными пейзажами, сохраненным миром диких животных, возможными встречами с прекрасными живыми картинами книг моей молодости, написанных путешественниками и натуралистами. Я надеялся хотя бы что-то узнать о ритуальных растениях, одурманивающих или меняющих сознание, без которых, уже ясно, нельзя представить культуру многих народов. Первая страна, с которой я собирался начать африканскую поездку, была Гана, лежащая на западе материка и омываемая Гвинейским заливом. Среди ее народов самый многочисленный — ашанти, известный, между прочим, удивительными резчиками, которые делают ритуальные куклы акуа-ба — строгие крестообразные фигуры, символизирующие материнство и плодородие.

Знатком наркотических растений, их традиционного использования слыл верховный вождь народа ашанти Отумфуо Опоку Варе II (в миру Мэтью Джон Поку), владелец Золотого трона, на котором бессменно восседали его предки вот уже три сотни лет. Вооруженные копьями и луками воины ашанти покорили около полусотни племен и народностей, став одним из могущественных народов Западной Африки, сумевшим дольше других оказывать сопротивление английским войскам. Город Кумаси, столица ашанти, расположенная в пятистах километрах к северу от Аккры, известна народными празднествами. На поле стадиона полуобнаженные атлеты выносят на плечах вождей племен, а вслед за ними под грохот барабанов и рев медных труб черные силачи несут символ богатства и могущества ашанти — Золотой трон с Отумфуо Опоку Варе II в расшитых драгоценностями одеждах. Вождь чуть сутулится под тяжестью золотых украшений на шее, на груди, на руках от кисти до локтя, на опущенных в золотые сандалии ногах. На земле ашанти самые крупные в мире месторождения золота, и вожди народа демонстрируют это всеми способами.

Собираясь в Гану, я наметил поездку в Кумаси, надеясь на встречу с верховным вождем. Очень хотелось быть удостоенным его аудиенции.

Применение в традиционных обществах Западной Африки наркосодержащих препаратов из местной флоры занимало меня не как практикующего врача, а по причинам субъективного свойства. В молодости я зачитывался романами о путешествиях в глубины Черного материка.

Проводники и носильщики подолгу обходились без пищи и воды, ночи напролет поддерживали костер в крошечной мгле, не теряя при этом бодрости и жизнелюбия. Этим качеств не всегда хватало исследователям, которых они сопровождали. Наверняка африканцы прибегали к растительным стимуляторам и галлюциногенам, с детства знакомым по религиозным и мистическим ритуалам. Бывало, под воздействием этих веществ носильщики становились агрессивными друг к другу, их тянуло на хвостовство, возникали драки, но путешественники относились к этим странностям с юмором, принимая их за особенности африканского характера.

Что я услышал в Гане, едва ступив на ее землю?

Марихуану, самый распространенный среди африканских народов наркотик, в Гану завезли английские и западноафриканские, в том числе ганские, солдаты в конце Второй мировой войны, когда возвращались после воинской службы из Южной Африки. Под африканским небом в субэкваториальном климате конопля царственно возвысилась над всеми другими кустарниками высокотравных саванн. В полный рост она поднимается за пять-шесть месяцев. Когда семипалые листья начинают опадать, крестьяне куст срезают, высушивают, прессуют под кирпичами. Иногда конопляные стебли и листья размельчают, вымачивают, отжимают и прессуют, получая подобие пасты. Выжимки ганцы добавляют как ароматизаторы в пищу и в напитки. Особенно часто — в джин местного производства. Некоторые ганцы, подобно камерунцам, нигерийцам, южноафриканцам, курят марихуану в смеси с кокаином или крэком.

Мелкие конопляные плантации (до одного гектара) вперемежку с посадками касавы, томатов, других овощей можно встретить в пригородах больших городов и вокруг деревень. Их прячут от наезжающих представителей центральной власти; местные начальники, напротив, часто прикрывают крестьян.

Для ганских крестьян продавать коноплю оптовикам почти безопасно, но если кто-то пытается обойти посредников и самостоятельно выйти на рынок, по неопытности окажется со своими мешками в полиции. Скупщики, часто связанные с полицией, вывозят товар в грузовиках, завалив мешки углем или ананасами, поглощающими особый конопляный запах. Иногда наркотики перевозят, нанимая такси или в своих машинах, но так больше риска попасться на полицейском посту во время досмотра, если с полицейскими предварительно не договорились.

Упакованную в сизалевые мешки марихуану сплавляют на лодках по речкам Сисили и Нахорис в глубь континента, в разбросанные по берегам города и деревни, и увозят морем в трюмах кораблей через Канарские острова в Европу¹.

В порту Аккры, оглушенный грохотом порталых кранов, скрежетом якорных цепей, визгом тормозов электропогрузчиков, наблюдаешь, как ловко бригада рабочих на палубе опускает в трюм поддоны с мешками. Трудно разглядеть на мешках привязанные к ним бирки, но независимо от пункта отправления и пункта назначения, даже от наименования груза на мешках нельзя исключить, что в этих мешках марихуана. «Там все может оказаться!» — говорят портовские таможенники. Когда я перевел взгляд на море, мне увиделся, как на киноэкране, ночной Брикстон, поездка под дождем за крепкой ганской марихуаной по цене десять фунтов за пару набивок, представилась опоясавшая земной шар цепь, объединившая ганских крестьян, перекупщиков, лодочников, капитанов дальнего плавания, полицейских и таможенников, британских грузчиков, складских начальников, портовые власти, множество других людей, этой незримой цепью соединенных, ей обязанных своим благополучием, а часто и процветанием, и понял, что цепь можно утончить, сплести иначе, укоротить, наконец, но разорвать удастся не скоро.

Обо всем этом я надеялся поговорить с верховным вождем народа ашанти. Но вернувшись в свой «Золотой Тюльпан» и включив телевизор, я услышал печальные удары тамтамов, барабанов, пронзительные трубные звуки рогов. Диктор повторял сообщение о смерти восьмидесятилетнего Отумфуо Опоку Варе II.

Я опоздал.

Десятки тысяч людей в черных и черно-красных траурных одеждах шли поклониться покойному монарху. Всматриваешься в скорбные лица на телеэкране, и профессиональное зрение не находит на лицах следов наркотической зависимости. Скажу осторожнее: в траурной процессии их почти не было. Это свидетельствовало о глубоком почтении к усопшему вождю, об этическом чувстве народа, обострившемся в горькие дни.

В один из поздних вечеров, спустившись в холл отеля, непривычно свободный от гостей, я увидел за стойкой пожилую женщину народности ашанти — администратора. Всегда спокойная и приветливая, на этот раз она не поворачивала курчавую голову, и плечи ее вздрагивали. Я

спросил, не могу ли чем-нибудь помочь. Она подняла глаза, полные слез:

— Он был наш первый вождь, отказавшийся от многоженства, верный своей жене Акуа Африйе, детям и внукам!

Верховного вождя каждый любил по-своему.

В Институт медицинского использования растений в местности Аквапем под Аккрой мы добрались после полудня, сделав привал под сенью рощи, где десяток резчиков по дереву, молодые африканцы, сидя на заготовках барабанов, похожих на огромные песочные часы, шлифовали наждачной бумагой деревянные фигурки. Образы, рожденные воображением или болезненной фантазией, будоражили мой интерес к возможным проявлениям наркотизма, в том числе в творческом процессе. Когда знакомишься, к примеру, с деревянной скульптурой народности маконде, живущей по обе стороны границы между Мозамбиком и Танзанией, не можешь отделаться от мысли, что мастерам удается, возможно, неосознанно, с завораживающей силой воплотить в черном дереве свои видения, вызываемые галлюциногенными растениями.

Пару часов спустя мы сидим в кабинете Фрэнсиса Опунга Боачие, директора института, доктора философии. Широкие окна выходят в густой лес, и это соседство не в пользу институтского корпуса — в лесу он кажется случайным, занявшим чужое пространство.

— Не уверен, что вы правы, — говорит в ответ на мои дорожные впечатления профессор Фрэнсис Опунг Боачие, сопровождая меня по тропе в начинающийся от порога экваториальный лес. Не лес, а природная лаборатория, живой гербарий, склад растительного сырья для ученых и практиков-фармацевтов. В 1975 году ганские медики создали институт по изучению местной флоры и для обеспечения целебными растениями всех, кто занимается традиционной медициной, — знахарей, колдунов, вождей племен. Они лечат больных земляков, иногда изменяют сознание, но их выбор часто ограничен локальным кругом диких растений, знакомых с глубокой древности. Некоторые целители хранили сведения о лекарственных растениях в тайне, только перед смертью открывая секреты родственникам. Медики собирают предания о флоре, исследуют активные вещества растений, их лечебные свойства, экспериментируют с новыми. В институтской лаборатории изготавливают лекарства, за которыми приезжают целители, а часто и сами больные идут сюда, как к святому месту паломники.

— Не уверен! — повторяет Фрэнсис Опунг Боачие. — При галлюцинациях африканцы бывают буйными, неводержанными в словах и жестах, но я не замечал, чтобы в таком состоянии тянуло к творчеству.

— А после? — спрашиваю я. — Вспоминая видения, вызванные галлюцинациями, мастер может воплощать их в дереве?

— Нет, — качает он головой. — От галлюциногенов у резчиков случаются эпилептические припадки, творческие — никогда!

Мы останавливаемся в густой граве. Деревья и кустарники, издали казавшиеся непролазными зарослями, вблизи обретают индивидуальные черты, но от этого не становятся менее опасными. Если попытаться пройти между ними, хотя бы бочком протиснуться, в одежду непременно вонзятся колючки акации или другого дерева, а сломав ненароком стебель иного растения, на изломе увидишь ядовитый млечный сок. Лес пугает пришельца враждебностью, но когда рядом сведущий человек и ты прислушиваешься к нему, опасности нет.

Мой проводник чувствует себя в лесу, как в хижине, где все до мелочей знакомо, имеет свое имя и место. Мне, новичку, растения кажутся изготовленными из пластика, как игрушки на новогодней елке, а мой спутник, стоя среди них в начищенных до блеска мокасынах, при галстукке и в шляпе, срывает с куста заостренный продолговатый жилистый листок и разминает в пальцах.

— Если устали — пожуйте.

Он еще не сказал, что это, но я догадался — видел рисунок этих листьев и маленьких цветков с пятью беловато-розовыми лепестками, похожих на цветки из соцветия тысячелистника или белой кашки, растущих у нас в светлых сухих лесах. Тысячелистник, по Плинию, применял для лечения ран Ахилл, ученик Хирона; имя древнего грека вошло в научное название тысячелистника. На ладони моего спутника целебное растение ибоба, неизвестное фармакологам других континентов, но хорошо известное здесь. Я поблагодарил профессора, однако снимать усталость таким образом не решился. Не потому, что был бодр, а из выплывшего из глубин памяти предостережения: ибоба обладает сильным воздействием на психику.

Кусты ибобы нельзя отнести к типичной ганской флоре, их завезли из той части Заира, где во влажных лесах разбросаны деревни племени фангов. С приходом французов традиционная

жизнь фангов стала ломаться, не привыкшие к зависимости люди испытывали сильный стресс: массовая подавленность охватила все социальные слои, даже тех соплеменников, кто сотрудничал с колонизаторами. В душевном смятении фанги пили настой ибоги: галлюциногенные свойства растения помогали уйти от переживаний. По воздействию на организм ибога напоминает ЛСД².

Во второй половине прошлого века кустарник ибоги стал атрибутом африканского религиозного движения мбвити как символ связи между человеком и высшими силами. Но еще раньше через французов, членов тайных обществ Западной Африки, ибога появилась в Европе как сильное стимулирующее и возбуждающее средство, благотворно воздействующее на сексуальную потенцию.

Ганцы тоже узнали стимулирующие свойства завезенного к ним растения. Приняв наркотик, чувствуя мощный прилив физической и сексуальной энергии, молодые люди могут танцевать, не останавливаясь, всю ночь, приближаясь в танце к костру, где на вертеле обжаривается теленок; продолжая танцевать, отрезают ножом кусок мяса, жуют, покачивая бедрами, выделявая ногами замысловатые фигуры. Африканские медики предложили использовать ибогу (содержащийся в нем алкалоид ибогамин) как заместительное средство, способное отучать страдающих зависимостью от сильных наркотиков, алкоголя, табака³.

— Ваши знахари применяют ибогу? — спрашиваю я.

— Не так широко, как в Камеруне или Габоне, но пробуют!

Продвигаясь по тропе, сметая ладонью с брючин колючки, мы приближаемся к деревцу, плоды которого похожи на маленькие апельсины; деревья называются онолум и кахабан. Их ветви, листву, кору держат над огнем до обугливания, затем варят, добавляют кекедру (имбирь) и получают напиток, тоже обладающий наркотическими свойствами. В городах напиток редок, но в деревнях знахари им лечат заболевания кожи, полости рта, зубок. Мой проводник знает, о чем говорит, — он сам из крестьянской семьи, отпуска проводит в деревне.

— Как использовали при ритуалах психотропные растения?

— Знающие люди никому, кроме своих детей, секреты не выдают, а в нашей семье этим не занимались.

Нас обступает лес — густой, темный, влажный. Сквозь ветви видно белесое небо цвета немой молочной бутылки.

— Сколько же в этих лесах целебных растений? — продолжаю я.

— Пока известны три тысячи.

— И все собираете?

— Спрос растет, наших сборов не хватает, кое-что еще сами выращиваем на институтских плантациях. Под лекарственными растениями у нас шестьсот акров.

Когда мы выходим на залитую солнцем опушку, перед нами сверкают окна институтского корпуса. На первый взгляд он кажется неуместным среди роскошного леса. Но здание стоит там, где нужно. С Фрэнсисом Опунгом Боачис мы присели на бетонные ступеньки института и в тени выпили по банке теплого спрайта.

Я никогда не встречался с испанским евангелистом Мигелем Диезом, но много слышал о нем. Картежник, алкоголик, каторжник, разрушитель собственной семьи, он пережил чудесное очищение, начал новую жизнь, открыл двери своего дома для всех, у кого проблемы, когда-то знакомые ему самому. Говорят, его духовному возрождению помогла мольбами его жена: небеса были тронуты ее любовью и верностью непутевому мужу. В начале восьмидесятых годов он основал на родине христианский реабилитационный центр REMAR для помощи беднякам, страдающим наркотической зависимостью. Сегодня это благотворительный религиозный фонд международного масштаба с центрами в сорока трех странах.

Один из них в Аккре.

Его открыли семь европейских миссионеров, в прошлом наркоманов, нашедших спасение у Мигеля Диеза; на собранные общиной средства они добрались до берегов Африки и в 1994 году заложили реабилитационный центр, намереваясь в последующие годы разместить подобные приюты для бедняков в Кумаси, Теме, других ганских городах.

— А что, — спрашивал я в центре REMAR, — наверное, сеньор Мигель Диез богатый человек?

— Он не богатый, — отвечали мне, — но у него доброе и богатое сердце.

Состоятельные ганцы при абстинентном синдроме обращаются в наркологические службы при психиатрических госпиталях, чаще всего частных. Для больных со скромными доходами в

Аккре есть Центральный психиатрический госпиталь с наркологическим отделением на семьдесят коек. Я видел эти помещения барачного типа, сотрясаемые гулом вентиляторов, разгоняющих тяжелый больничный дух. На окнах и на дверях железные решетки. Те, кто доказал готовность обходиться без наркотиков, переводятся в помещения открытого типа — их можно покидать на время прогулки по территории. Горожане и благотворительные организации присылают больным простыни, халаты, мыло, лекарства. Врачи практикуют медикаментозные подходы в сочетании с индивидуальной и групповой психотерапией⁴.

Бездомные, безработные, вышедшие из тюрем, весь этот неустроенный, нищенствующий, разношерстный люд, обитающий на окраинах Аккры, знает адрес, куда можно прийти, когда надеяться больше не на что. Здесь их накормят, укажут матрац на крашеном полу, дадут сетку от москитов, тумбу для вещей, сведут, если надо, с врачами и будут учить делу, чтобы зарабатывать на жизнь. В любой момент отсюда можно уйти, никого не спрашивая, не рискуя услышать вопрос или укор. По этому адресу я и нашел приют, основанный семеркой братьев-христиан.

— Мы не даем лекарств или веществ, заменяющих наркотики, но через обращение к Богу помогаем обустроить свою жизнь, сделать ее комфортней, стать сильнее, чтобы двигаться дальше.

Я слушаю директора центра REMAR Фернандо Хиберо, португальца из Порту. Розовощекий бородач лег тридцати пяти, в прошлом хронический наркоман, он случайно попал в миссию Мигеля Диеза, научился ценить жизнь, радоваться возможности жить в братстве с себе подобными. По вечерам он бродит по окраинам города, заговаривает с мужчинами и женщинами, многих приводит в центр. Когда удается уговорить следовать за собой сироту, на его лице такая благодарность Господу, словно он после долгой разлуки разыскал своего потерянного ребенка.

Фернандо согласился показать мне центр. Обитатели поднимаются утром в шесть часов, убирают помещения и молятся. После завтрака (овсяная каша, кукуруза, чай, хлеб, иногда шоколад) принимаются за работу — она у каждого своя. Пациенты, живущие в центре больше года (их называют хелдерами), идут в город, завязывают разговоры с такими же, какими были они сами, чтобы склонить их идти за собой. Другие в центре плотничают, учатся шитью, программированию. В середине дня все собираются за обеденным столом. Обед пациенты готовят сами. С двух часов до трех можно отдохнуть в своих комнатах или посидеть в библиотеке, затем снова за работу. В семь вечера общий ужин, обычно легкий (рис или рыба тунец). После восьми каждый предоставлен самому себе. По воскресеньям можно смотреть телевизор. В половине десятого в доме гасят свет — до шести утра.

В свободное время можно выйти в город, но в сопровождении хелдера. Если в субботу или воскресенье пришли родственники, они вправе отправиться в город вместе, но опять же в сопровождении хелдера. У новичков нет возможности оставаться одному, быть предоставленным себе самому. Только через год, став хелдером, получаешь свободу передвижения и право сопровождать других.

У обитателя нет карманных денег; если надо что-нибудь купить, центр выдаст на покупку. Со стороны эти правила могут показаться не слишком обременительными для человека, получившего крышу над головой, пищу, возможность подлечиться, приобрести рабочие навыки. Но привыкшим к бесшабашному, разгульному существованию психологически трудна любая регламентация — ее выдерживает треть новичков; остальные через три-четыре месяца возвращаются в нищую, тревожную, безалаберную вольную жизнь. Через несколько недель больше половины ушедших снова приходят в центр. Они знают: здесь двери открыты круглые сутки и впускают любого.

После того как я провел здесь один день — целый день! — и попытался представить себя здесь неделями и месяцами, сердце готово было сжаться от страха и обиды за эту нескладную жизнь. Но наркоманы, большинство их, перед тем как попасть сюда, вращались в иных мирах, опускались на «дно», ниже и страшней которого ничего нет. Чаще всего это был мир уголовников, гомосексуалистов, проституток, продажных полицейских, мир уличных свалок, заразных болезней, страшных ломок, когда, не задумываясь, дашь себя изнасиловать или сам пойдешь с ножом на кого угодно, хоть на отца, только бы занять дозу или деньги на дозу. При всей несхожести этнических традиций, политических систем, уровня культуры — места обитания наркоманов похожи. Это к тому, как нелегко дается человеку с улицы адаптация к новому бытию.

На реабилитацию отводится год. Выдержав половину этого срока, обитатель центра вправе перебраться на принадлежащую центру ферму вблизи Аккры. Работая там, можно предаться раздумьям о том, как сложилась жизнь и что хотелось бы в ней изменить. Если здесь хорошо, если нравятся приютившие, если подумал о том, не податься ли самому в миссионеры, тебя с радостью

примут в ряды братьев. В течение года научишься профессии, тебе помогут найти работу.

Заглядываем в очередную комнату. На полу пять свободных матрацев, на одном дремлет щуплый подросток в рваной одежде и сандалиях. Ему лет четырнадцать, смотрит на нас боязливо, словно мы претендуем на его место. Говорят, пришел этой ночью.

— Тебя кто привел? — спрашивает Фернандо.

— Я сам, есть захотел.

— А как адрес узнал?

— Кваме сказал.

— Кто такой Кваме?

— Он у вас раньше жил.

— А теперь где?

— Полиция вчера увела.

Во дворе Фернандо окликает водителя микроавтобуса, въехавшего в ворота. Из кабины выпрыгнул и направился к нам черный великан лет тридцати в распахнутой синей куртке, надетой на голое тело. Знакомимся: Кинет Лакай, привез продовольствие из католической благотворительной организации. Ее сотрудники закупают для братьев по сниженным ценам продукты, у которых на исходе срок годности. Кинет из состоятельной семьи, имеющей в Аккре свой дом. Подростком покинул родителей, ушел в бродяги, с тех пор курит, нюхает, вдыхает все, что попадает под руку. В последнее время — героин.

— Приезжали люди с крупными партиями, распространяли среди карабинеров, а мы покупали у них.

— Как себя чувствуете?

— Сейчас хорошо, а еще недавно, когда просыпался, думал об одном: нет работы, никому не нужен. Возникали мысли о наркотиках, с ними свободней и уверенней.

— Давно решили бросить наркотики?

— Я не собирался бросать. Думал, проведу в центре время, отдохну и начну все сначала. Не раз уходил, Фернандо знает... В последний раз продержался больше года. Было время подумать о жизни. Понял: неважно, кем мы были и чем теперь занимаемся. Все, что здесь от нас требуют, это жертвовать собой, как делал Христос.

В центре REMAR живут не только христиане. Есть мусульмане, иудеи, буддисты. Здесь не требуют поклоняться чужим богам. Но надо уважать веру и обряды большинства.

История Кинета обычна: начинал с марихуаны, в шестнадцать лет перешел на героин, денег не хватало, тащил и продавал вещи, попал в тюрьму.

— Почему в шестнадцать? В эти годы мы начинаем общаться с женщинами, хотим почувствовать себя мужчинами, быть уверенными в себе. Наркотики давали такое ощущение. Я не колосился героином, а варил на огне и курил. Иногда шесть-семь раз в день. На это требовалось четверть грамма. Чувствовал себя отлично час или два, потом надо было курить снова. — Кинет прощается и бежит к машине разгружать продукты.

Я спросил Фернандо, возможны ли близкие отношения между живущими в центре мужчинами и женщинами. Например, браки?

— Не сразу! Наша психотерапия ориентирована на освобождение тела и сознания от наркотиков. Только став ответственными за свои поступки, люди вправе создавать семью. Обычно это случается после одного года жизни в REMARe.

— Сеньор Фердинандо, а вы женаты?

Фернандо оживился, стал поглаживать черную шкиперскую бородку, глаза заулыбались:

— С Изаурой, в про шо м тако й же наркоманко й как и я, мы встретились в реабилитационном центре. Спустя год решили создать семью, оставаясь работать, как все братья и сестры. Кстати, мой родной младший брат тоже женился на бывшей наркоманке, у них уже трое детей.

— А у вас?

— Двадцать восемь...

— Не понял.

— Двадцать восемь! Своя шестимесячная дочь, и еще мы с Изаурой взяли к себе в дом двадцать семь сирот.

Покидая REMAR, я думал об испанце Мигеле Диезе, создателе этой международной благотворительной организации, о Дон Кихоте и Санчо Пансе в одном лице, о том как можно может сделать один человек, у которого доброе сердце, любящее не только самого себя⁵.

Современный африканский город очень похож на вестернизированные города, на каком бы материке они ни находились, кричащим переплетением полярных начал: привлекательного и отталкивающего, чистого и грязного, святого и порочного. И хотя город выступает главным двигателем перемен, мигрантов привлекает не динамичность урбанизированной среды, а ее огромность, в которой можно все найти, все потерять, избежать всяких обязательств, лечь на дно и затаиться. И все-таки Аккра не вмещается в общепринятое понятие города. Слишком резок контраст между развалюхами доколониального поселения и прекрасным центром, заложенным англичанами, чей язык объединил живущие здесь племена и народности. Много мигрантов, особенно молодых мужчин, по большей части без определенных профессий, часто неграмотных, слоняющихся без дела по улицам. Столица выглядит перевалочным пунктом, бессильным указать толпам людей, куда им податься дальше. С этим столпотворением не имеет ничего общего живущая по другим законам, господствующая в городе и стране элита — традиционные вожди, получившие образование ганцы, европейские предприниматели. К этой среде принадлежат высшие чиновники, политики, армейские офицеры, банкиры, промышленники, крупные землевладельцы. Они сами, а чаще их дети бывают склонны к демонстративному, напоказ, употреблению наркотических веществ. Отчасти в этом можно увидеть амбициозное стремление подчеркнуть принадлежность к высшему кругу.

Первые ганские наркодельцы вышли из городской молодежи, получившей образование за границей, не удовлетворенной обычной карьерой клерка, жаждавшей пусть рискованного, но крупного дела. Они заводили связи с поставщиками наркотиков в Южной Америке, Юго-Восточной и Юго-Западной Азии, договаривались с фермерами из провинций, где росла конопля, искали в городах безработных мигрантов, лишенных помощи деревенских соплеменников, а потому легко поддающихся на предложения, сулящие быстрый доход. Обитатели бедных столичных районов Нима и Ашеймен стали первыми, кто под видом туристов начал перевозить наркотики в другие страны. Неопытные, малограмотные, они легко попадались на таможне, оказывались в тюрьмах, становились героями скандальных публикаций. Общественность Ганы испытывала чувство вины и стыда, власти стали предпринимать жесткие карательные меры. В ответ воротилы наркобизнеса начали заменять туповатых «туристов» на более сообразительных, прошедших начальную криминальную выучку «аспирантов», «участников симпозиумов», «гостей конференции», летающих по всему миру. За Ганой утвердилась репутация второй после Нигерии страны Западной Африки, обеспечивающей межконтинентальный транзит наркотиков⁶.

— Перевозчиков встретишь, скорее всего, в ресторанах, куда заходят иностранцы, — говорили знакомые в Аккре.

Теплым вечером мы с приятелями направились в кафе-ресторан «Аквариус» не столько из надежды встретить заглядывающих туда, по слухам, перевозчиков и торговцев средней руки, сколько из желания поговорить с тетей Катей, как все здесь называют известную в Аккре украинскую эмигрантку, фактическую хозяйку заведения. Это одно из немногих в столице публичных мест, где собираются люди, озабоченные своими делами и не склонные прислушиваться, о чем говорят за соседними столиками.

Молодой парень, охраняющий стоянку, жестами профессионального регулировщика помогает поставить наш «ниссан» и с подчеркнутой любезностью, как старых знакомых, подводит к крыльцу, распаивает дверь. В зале пятнадцать — двадцать столиков, в левом углу стойка бара, а за ней комната с бильярдным столом. Интересно видеть на столиках перед чернокожими посетителями бутылку украинской горилки, тарелки с желтоватым салом, спирали пахнущей чесноком колбасы, вареники с вишней.

Мы сели за столик и попросили официантку пригласить тетю Катю.

— Что-нибудь не так, господа?

— Все в порядке!

Тетя Катя вышла из-за портьеры величественно, как выходит знаменитость на подмости, всем давая время полюбоваться своей статью. Элегантная дама присела за наш столик, и уже через четверть часа с нами была совсем другая женщина — веселая, подвижная, легкой взбалмошностью вызывающая в воображении гульбу на хуторе близ Диканьки, где она непременно была бы в центре событий. Она оказалась одной из первых советских девушек, в середине шестидесятых годов вышедших замуж за африканских студентов и вслед за мужьями отправившихся, как им казалось, на край света. Вскоре в Гане произошел государственный переворот, на смену правительству, дружественному СССР, пришло другое, с иной ориентацией

— в провинциальном городке ее и ее мужа-ганца, инженера с советским дипломом, не брали на работу. Оба перебивались случайными заработками, только бы прокормить двоих детей. За два с половиной года муж опустился, стал выпивать. Она забрала детей и кое-как добралась до Аккры. Нашла место на автозаправочной станции, работала с утра до поздней ночи, как прикованная к галере. Много раз пришлось менять работу, прежде чем начала становиться на ноги. И судьба улыбнулась, послав встречу с владелицей «Аквариуса», усталой немкой, предлагавшей взять в управление ее чахнувший ресторан. Тетя Катя уволила две трети obsługi, переделала на свой вкус интерьер, сама стала у плиты и скоро вывела ресторан в число самых уважаемых в столице.

Я обвожу глазами людей за столиками — африканцы и европейцы, мужчины и женщины, пытаюсь по виду и манерам угадать, кто может быть связан с перевозкой наркотиков. Но даже наметанный глаз затрудняется выделить среди прилично одетых, раскованных, в меру возбужденных посетителей подозрительные типы — ни на одном лице не читалось печати настороженности, свойственной людям, постоянно идущим на риск. У стойки бара подвыпившие европейские девушки дымят сигаретами и пристают к молодым африканцам, одна явно под кайфом.

Осторожно интересуюсь, заглядывают ли сюда перевозчики наркотиков.

— Я не спрашиваю гостей, чем они занимаются... И вас не спрашиваю, откуда вы. Может, из Интерпола, солнышко мое?

В самом деле, зачем ей знать, чем занимаются гости. Но, может быть, в этот вечер перевозчиков в ресторане действительно нет. Возможно, в эти минуты они дремлют в шезлонгах на палубе теплохода, плывущего из Аккры в Амстердам, ни на минуту не забывая о мешках с ганской марихуаной и ящиках с гашишем в трюме. В порту назначения их поджидают люди, подстрахованные приятелями из охраны морского порта. Утром товар развезут по нидерландским кофе-шопам, в том числе в «Бульдог» нашему знакомому Бобу, забота которого — продать, а куда товар разойдется дальше, Боба, мы помним, «не колышет».

Со смешанным чувством тревоги и ожидания я летел из Аккры в Лагос, наслышанный о преступных нигерийских группировках, лидирующих в международных перевозках наркотиков. Друзья, когда-то поработавшие здесь на дипломатической службе, заклинали быть постоянно начеку, не прогуливаться в одиночку по вечернему городу, тем более — не быть элегантно одетым, да еще при галстукке. Ничего не класть в задние карманы брюк, а сумку или портфель держать перед собой, прижимая к груди, чтобы хулиганы не вырвали из рук. Не оставлять в отеле ценных вещей, не ставить на остановке автобуса у ног баул, не поддаваться воркованию улыбающихся тебе черных красавиц и еще много чего не делать. Единственным способом соблюсти все предостережения был бы отказ от поездки в Нигерию. Но я был так напуган ожиданием предстоящего, что на отказ уже не оставалось сил.

Напутствия друзей вспомнились, когда я оказался в гуще центрального рынка Лагоса, на стремнине разноголосой горластой реки, которая обступала меня со всех сторон, стискивая до боли в боках, и несла, не давая пошевелить руками, в направлении, заданном ее собственным натиском. Стараясь высвободить локти, работая ими, я с большим трудом протискивался узкими торговыми улочками, задевая и едва не опрокидывая корзины с орехами колы, картонные коробки с зеленью, сушеной рыбой, морскими ракушками, ситцевые навесы на шестах над грудями джинсов, соломенных шляп, нижнего белья. Над всем этим торжищем, поверх курчавых мужских голов и живописных женских причесок со свисающими от плеча до плеча сотнями тонких косичек, стоял и бил в ноздри стойкий марихуановый дух⁷.

Прибавшись к каменным ступеням бакалейной лавки, я мог перевести дыхание и присмотреться. В неостановимой людской реке шла своя жизнь, полная скрытого противостояния. Общий гул вдруг перекрывает истошный женский крик, возникающий в момент, когда очередная в пышных юбках девица обнаруживает пропажу вещей или кошелек и начинает в отчаянии и бессилии колотить кулаками всех, кто оказался рядом. Но сидя на ступеньках минут пять, замечаешь склонившегося к тебе и что-то шепчущего парня с колечком в ухе. Он предлагает наркотики, в том числе амфетамины, из-за дороговизны здесь не очень распространенные. Не могу сказать, что вокруг было много лиц со следами наркотического опьянения, но картина людского водоворота принадлежала кисти художника с бесспорно измененным сознанием.

Я не совсем понимал, почему именно из бедной, трудолюбивой, энергичной страны, населенной множеством народностей и племен, которые с трудом договариваются друг с другом, но славятся одинаковым умением торговать, в стране нищих и мультимиллионеров, а также

генералов, враждовавших между собой и управлявших государством, вышли наркоперевозчики мирового класса. И чем объяснить, что наивысший пик их активности совпал со временем военного правления генералов Муххамеда, Альбиолы, Обасанджо, Абачи, Абубакара, имевших всю полноту власти и хорошо вооруженную стотысячную армию?

Динамичный индустриальный гигант, каким предстает Лагос, не сразу подсказывает ответы на вопросы, постоянно рождаемые разноязыким городом. И мне надо было неделю бродить по запруженным людьми улицам, присматриваться, беседовать с представителями властей, в том числе военными, чтобы начинать понимать хоть что-то. Например, что почти все занятые международными финансовыми махинациями, в их числе наркоперевозчики, — выходцы из южной части страны, из народностей йоруба и ибо, больше других преуспевающих также в законном бизнесе, они завалили свою страну товарами со всего мира; общины нигерийских предпринимателей за границей, успешно ведущие дела, состоят по преимуществу из южан, по вероисповеданию — христиан. У живущего на севере народа хауса, отличных аграриев и воинов, предпринимательский дух не ниже, но мусульманская природа в какой-то мере их сдерживает.

Читая путевые заметки, я всегда испытывал неприязнь к понятию, обожаемому пишущими людьми, — я имею в виду понятие «контрасты». Социальные контрасты бросаются в глаза везде, даже в самых богатых обществах, и указывать на них как на особенность, это не говорить ничего. И теперь я ломаю голову, чем заменить готовый сорваться с кончика пера этот нежеланный термин, когда речь о Нигерии, одном из самых крупных мировых экспортеров нефти, о стране с колоссальными запасами газа, где подавляющая часть населения бедствует; я встречал людей, которые живут в прошлом и позапрошлом столетии. В суперсовременном Лагосе есть районы, живущие без электрического света.

Но вот что поражает более всего: при разнице в уровне жизни, при откровенной, даже вызывающей коррупции в верхних эшелонах власти, при нарушениях прав человека, о которых не устают писать мировые издания, нигерийцев объединяет вера в свою страну как колыбель черной расы, в свою миссию нести ответственность за весь Черный континент, за всю свою расу на планете. Это не черный расизм, тут совсем другое — стремление доказать высокомерному миру, что черное прекрасно. Они все относятся друг к другу с уважением, гордятся своим величием и сплоченностью нации. И когда нигерийцев упрекают за международные перевозки наркотиков, их ответ краток: «А вы их не употребляйте!»

На улицах Лагоса можно встретить подвыпивших, накурившихся марихуаны или кокаина, но традиционной культуры употребления алкоголя и наркотиков здесь нет. Бизнес — совсем другое дело. Нигерийцы взяли в свои руки перевозки кокаина и героина в Европу и Северную Америку, причем стали действовать так изобретательно, что конкурентов у них почти не было. На трассах Лагос — Аддис-Абеба — Нью-Дели и Лагос — Рио-де-Жанейро — Сан-Пауло участились аресты нигерийских перевозчиков. Временами их снимали с рейсов вместе с грузом ежедневно. Телекомпаниям даже наскучило показывать одну и ту же картинку: как по трапу полиция спускает чернокожего атлета в белой рубашке с ярким галстуком и как он неуверенно нащупывает ступени, держа за спиной руки в наручниках.

Перевозчики не думали сдаваться, их маршруты стали сложней, запутанней, как скомканная паутина, грузы теперь сопровождалась дублирующими фальшивыми документами. Арендованные или собственные самолеты наркодельцов больше не приземлялись в Лагосе, где можно было попасть в руки агентов антинаркотической полиции, переодетых в службу аэродрома. Они предпочитали совершать посадку в соседних странах, и ничем не примечательных захолустных городках неподалеку от границы — оттуда на вездеходах можно пересечь буш и выйти к неохраямой в тех местах нигерийской границе. По размаху межконтинентальных перевозок наркотиков нигерийцы опередили ганцев, стали вне конкуренции⁸.

Полиция многих стран забрасывает сети, вылавливая нигерийских перевозчиков. В арестантской одежде, с бирками на груди, они сидят в тюрьмах Европы, Азии, Южной Африки, США, говорят, их занесло даже в тюрьмы Океании. Сколько я ни расспрашивал полицейских, никогда не слышал, чтобы кто-то из перевозчиков раскаялся на суде или после, отбывая наказание. Для многих опасный промысел перестал быть одним лишь источником существования, это еще увлекательное, рискованное, захватывающее дух занятие, манящее неуверенных в себе и отчаянных людей, как всякое крупное профессиональное преступление.

И если молодая африканка ночи напролет взбивает свои курчавые волосы и прибегает к хитростям, соорудив на голове копну, в которой может быть упрятан пакетик с героином, если она бесстрашно несет свою голову мимо пограничников и таможенников, обалдевающих от ее

красоты и стройных ног, едва прикрытых короткой юбочкой, можно не сомневаться: ею движет не только мысль о зароботке, но еще нереализованная потребность испытать сладкое чувство риска.

С этими мыслями, для лагосской полиции, возможно, сомнительными, я приехал в Национальное агентство по вопросам исполнения законодательства в области борьбы с распространением наркотиков (NDLEA). Заместитель директора агентства Рубен Игвалуки Нвако, подполковник нигерийской армии, сидел за столом, над ним зиял выцветший на обоях прямоугольник от недавно снятого портрета предыдущего главы государства, генерала Абдулласама Абубакара, — портрет только что избранно нового президента Олусегуна Обасанджо приколотить еще не успели.

Национальное агентство создано федеральным правительством в декабре 1989 года. Уже тогда международная репутация страны была сильно отягощена напористым участием нигерийцев в наркоперевозках. Нигерия превращалась в крупный перевалочный пункт, через который наркотики стали переправлять из стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки на рынки Европы, в том числе в республики бывшего Советского Союза. Структура агентства во многом копирует структуру подобного американского Агентства по борьбе с наркотиками, но нигерийские власти предоставили ей более широкие полномочия. Руководителя агентства подчинили *главе государства*, сотрудники агентства получили право проверять счета любой частной коммерческой фирмы или банка, подозреваемых в отмыве «грязных денег», прослушивать их телефонные разговоры, иметь доступ к компьютерным системам. Численность сотрудников достигла шести тысяч⁹.

Я спросил, сколько в тюрьмах людей, осужденных за перевозку наркотиков.

— Не знаю! — сказал подполковник. — Наше дело арестовывать. Ждут суда, могу сказать, больше тысячи.

Подполковник подошел к карте. Только морская государственная граница тянется полторы тысячи километров — по скалам, пустыням, влажным лесам с очень редкими хижинами. Как уследить в ночи за лендровером, где-то бесшумно сошедшим по доскам с баржи на песок и растворившимся в темноте?

Наркотрафик в руках международных синдикатов. У них хватает средств создавать перевалочные базы, развивать существующие стабильные рынки и открывать новые. Пользуясь экономическим кризисом в разных странах, синдикаты набирают армии перевозчиков из молодых безработных, из отбывших срок наказания.

Карта в кабинете разделена на зоны активности. Жители северных и Центральных районов еще недавно ездили на автобусах в южные районы, где крестьяне, почти не таясь, обрабатывали плантации конопли, завезенной сюда, как и в соседнюю Гану, отслужившими нигерийскими солдатами в конце Второй мировой войны. Крестьяне, говорят, сами были удивлены, как быстро чужое растение стало товаром массового спроса. Недолго южане наслаждались преимуществами монопольного производства. Конопля пошла по всей стране. У хозяев плантаций появились «свои» полицейские, «свои» власти, не обижающие их и не дающие в обиду другим.

К середине девяностых годов масштабы конопляной экспансии стали угрожающими. Правительство обратилось к населению с программой «Жгите траву!». В призыве ни слова о наркотиках, но нигерийцам не надо было объяснять, чего от них хотят. Владельцы конопляных посадок медлили. Тогда на конопляные поля двинулись с факелами в руках усиленные отряды полиции и агентов NDLEA. От грандиозных пожаров небо становилось черным. Конопля пылала только на равнинах, где посадки не могли спрятать. Пострадавшим никто не сочувствовал — нигерийцы уважают тех находчивых, у кого поля не горят¹⁰.

В последнее время на здешних рынках преобладают психотропные вещества; их легче пронести через досмотры, а купить можно в аптеках и клиниках, не знающих контроля за отпуском нейролептиков, антидепрессантов, снотворных, успокоительных. Препараты для лечения душевных расстройств продаются на улицах, их предлагают мальчишки, торгующие газетами, подбегая к машинам, затормозившим перед семафором. Люди, принимающие эти средства систематически, сильно рискуют. При воздержании у них возникают бредовые состояния, галлюцинации, приступы паники, дрожание рук, судорожные припадки, обычные при синдроме отмены сильных наркотиков.

Я вспомнил о том, как в местах заключения на русском Севере прогуливается в снегах почти сотня нигерийцев, перевозивших наркотики, обычно в своих желудках. Даже в желудках

миллиардеров никогда не бывало таких дорогих субстанций — тысяча долларов одна капсула.

— Скажите, кто придумал использовать желудок как контейнер? — спрашиваю я.

Должны же быть конкретные люди, которым криминальный мир обязан своими рискованными прорывами. По моему разумению, мысль об этом способе транспортировки должна была осенить кого-то из нигерийцев, как самых изобретательных перевозчиков, к тому же обладающих, видимо, здоровыми вместительными желудками. Подполковник согласиться не спешил.

— Изобретатель неизвестен, мы даже не знаем, нигериец ли он, но можно признать: наши перевозчики довели способ до совершенства.

— И ничего нельзя поделывать? — спрашиваю я.

Не может быть, чтобы правительства, имеющие в подчинении мощный карательный аппарат, в том числе пограничные части и армейские подразделения, привлекаемые для тушения региональных войн, были неспособны подавить у себя экономическую преступность. Многие не заинтересованы в этом. Процветание наркобизнеса обеспечено участием высших политических кругов и силовых министерств. Именно они чаще и громче других призывают к борьбе с наркоторговлей, подставляя для арестов мелких уличных дилеров, создавая при этом ситуации, благоприятные для крупных воротил.

— Ничего нельзя поделывать?

— С отравой можно бороться, — глаза полковника потускнели. — Но есть вещь пострашнее... Коррупция!

Я увидел перед глазами Памир, снежную семисоткилометровую горную трассу Хорог — Ош, вспомнил разговор с продрогшими на ветру российскими пограничниками, их безнадежные рассказы о том, как невидимые, неосязаемые, почти виртуальные, но всемогущие силы прикрывают транспортировку наркотиков до Москвы и дальше до Амстердама, и как на мой вопрос, кто же их прикрывает, они отмахнулись с обидой: «Вопрос лучше задайте в Москве!» Они назвали российскую столицу, а могли бы — колумбийскую, боливийскую, украинскую, нигерийскую...

Маленькая деревня под Лагосом с ее хижинами, женщинами в узких длинных юбках, дремлющими стариками кажется ничем не примечательной до той поры, пока на вечеряющем берегу не появляются босоногие рыбаки, с победными криками несущие гигантскую морскую черепаху. Черепаха вращает сонными глазами, как бы соображая, за что ей такой почет. Четверо обнаженных атлетов, держа черепаху за короткие зеленоватые ноги, с трудом удерживают на весу ее тело с мощным панцирем. Эта картина — закат на теплом берегу, белый парус в розовеющей дымке, толпа босоногих рыбаков с черепахой — поднимает настроение.

Моим глазам теперь в радость совершенные по форме тростниковые хижины и стройные женщины с детьми за спинами, толкущие в ступах маниоку, и наблюдающие заход солнца старики с лицами средневековых мудрецов. Трудно представить этих здоровых, умеющих радоваться жизни людей вдыхающими, глотающими, пьющими наркотики, а между тем многие из них, если не большинство, — я это знал по книгам, — следуя вековым традициям, при обрядах употребляют психотропные растения.

Деревня долго веселится над черепахой, опрокинутой на горячий песок. Наконец толпа рассеивается, рыбаки волокут добычу за хижины, где уже возгораются костры. Мы остаемся под навесом со старейшиной деревни. Сухощавый старик в бордовом кенте, накинутом на левое плечо, величественно восседает на табурете, вытянув ноги в кожаных сандалиях. Его курчавый племянник, лет двадцати двух, помогает нам как переводчик с языка йоруба. У одного рыбака, говорит старик, есть двенадцатилетний сын Кофи, младший из четверых детей. Отец, уважаемый в деревне человек, полжизни проводит в море. Однажды в деревне появились незнакомые подростки. Приехали автобусом на пляж и быстро сошлись с деревенскими сверстниками, в том числе с Кофи. Ему дали горсть марихуаны, показали, как курить, предупредив об опасности, его поджидающей, если кто-нибудь об этом узнает. Утром, когда деревня еще спала, Кофи ушел в буш, присел на валежину и закурил. После двух-трех затяжек увидел разноцветные круги, между стволами пальм возникли странные фигуры; он почувствовал, как учащенно бьется сердце. Его охватила паника. Потом признавался, что ему показалось, будто сходит с ума. Он поспешил домой. Увидев сына, мать изумилась его глазам, внезапно покрасневшим, но еще больше его болтливости и агрессивности. Когда родители привели сына к старейшине, тот посоветовал уводить мальчишку в ночной лес, оставлять там одного, пока не научится себя контролировать, а

после отправить к родственникам в другую деревню.

Старейшина не был психотерапевтом, но хорошо понимал эмоциональное состояние земляков и в случае, им рассказанном, интуитивно пришел к мысли о лечебном эффекте чувственного потрясения и очищения с последующей изоляцией подростка от среды, в его сознании связанной с первыми затяжками.

Я спросил старейшину, есть ли местные травы, схожие с марихуаной, истари применяемые йоруба при обрядах, религиозных церемониях, при усталости, ощущении голода, подобно тому как индейцы Амазонки возбуждают себя, традиционно жуя листья коки.

Старейшина задумался.

— У нас есть такие деревья. Если сдерете кору, бросите в костер, а пепел станете курить, вам будет хорошо.

— Что значит — хорошо?

— Это как выпить пальмовую водку с лимоном.

Жители деревни уверяли меня, будто пальмовая водка с лимоном снимает тяжесть с души, вызывает грезы, дает слабый галлюциногенный эффект, но не затуманивает сознание и не заставляет заплетаться язык.

— А в деревне многие принимают алкоголь?

Старейшина снова задумался, разлепил лиловые губы, считая в уме, но, махнув рукой, радостно объявил:

— Не многие — все!

Как я понял, многие жители деревни, особенно из деревенской интеллигенции, в качестве наркотика вводят в вену принесенный из аптеки диазепам (дозами от десяти до двадцати миллиграммов), запивают алкоголем и крепко спят. Я спрашивал, какие травы употребляли их предки, когда уставали на охоте и хотели взбодриться, чем на празднествах приводили себя в состояние экстаза или, напротив, погружались в глубокую скорбь, что предпринимали для душевного очищения и восстановления сил. Говорят, в этой местности произрастают растения, которые поедают кабаны и обезьяны, приходя в ярость от каких-то видений. Возможно, я задавал слишком много вопросов или вторгался в запретную мистическую сферу, веками оберегаемую.

— Как возвращали силы... Спали! — улыбнулся старейшина, поднимаясь и давая понять, что большего мне от него не добиться.

Уже прощаясь, я снова заговорил о предположении, не дававшем мне покоя. Причудливые деревянные маски, которые использовали колдуны для защиты от злых сил, рождены, похоже, фантазией резчиков, пребывавших в состоянии особого возбуждения, как будто вызванного действием тонизирующих веществ или растений.

— Да вот весь секрет! — Старейшина опустил руку в карман и поднес на ладони к моему лицу коричневый шарик. Это был орех колы, плод вечнозеленого дерева тропиков Западной Африки. Я кое-что слышал об этих орехах, содержащих кофеин и теобромин, их используют в медицине и для изготовления тонизирующих напитков вроде кока-колы, но не представлял, как они могли служить колдунам. Мне с трудом удалось вытянуть из старейшины историю, связанную с колой. По его словам, в Западной Африке когда-то существовали особые храмы. Их жрецы и жрицы демонстрировали свои сверхспособности распознавать сидящих в людях демонов и изгонять их. Испытуемому давали орех колы, заранее смазав одну его половину галлюциногенным наркотиком, а вторую оставляя необработанной, и предлагали съесть только половину ореха. Если человек брал в рот обработанную часть, у него изменялось восприятие, начинался бред, возникал психоз. Он издавал странные звуки, своим поведением убеждая окружающих в исходе жившей в нем дьявольской силы. Если же испытуемый принимался жевать чистую половинку колы, он испытывал только легкую сонливость.

— Между вашими и нашими больными есть разница. У вас наркомания, можно сказать, в ее чистом виде, а у наших пациентов часто двойной диагноз: наркомании сопутствуют психические нарушения. Нелегко распознать, что первично и каковы связи между расстройствами, вызванными тем и другим...

У доктора И. Малома за роговыми очками изучающие собеседника глаза. Он говорит тихо, его слова обволакивают, словно он проводит сеанс вербальной психотерапии. На его обходительных манерах сказалась, видимо, медицинская практика в госпиталях Великобритании и США. Теперь он главный врач-нарколог госпиталя Йаба, старейшего психиатрического центра Нигерии. Часа три мы ходим по чистому, уютному корпусу, пропуская веселых нигерийских

медсестер, несущихся в белоснежных халатах. Заходить в палаты с металлическими дверями и решетками на окнах доктор решительно не советует. Там лежат острые больные, и мой сопровождающий не хотел бы, как он говорит, подвергать гостя риску. «Психи везде психи», — он тащит меня за рукав халата дальше по коридору.

Наконец, он толкает крашеную деревянную дверь, и мы оказываемся в палате с десятком кроватей на колесах. Больные спят или дремлют поверх байковых одеял. Подходим к мускулистому нигерийцу, сидящему на постели с игральными картами в руках. Доктор Маломо представляет меня и спрашивает у пациента согласия поговорить. Пациент долго смотрит на меня, переводит взгляд на доктора, как бы советуясь, не из полиции ли я на самом деле, не чревато ли опасностью навязываемое ему общение. У него глаза навывкате. Смотрит исподлобья, словно боксер, оценивающий соперника, прежде чем нанести удар.

Урунди — так его зовут — из северной части страны, родной язык хауса, вырос в семье, принадлежащей к среднему классу. Ему за тридцать, лет десять курит марихуану, последние три года примешивает к ней героин: четверть грамма в день. «Никогда не кололся!» — говорит не без гордости. Дважды пытался отказаться от наркотиков, но больше месяца не выдерживал — наступал острый абстинентный синдром. Во время одного из приступов ударил отца ножом. Родственники связали ему руки и повели по дороге, как бычка. В госпитале с пациентом долго работал психоаналитик, постепенно больной прекратил бессознательное сопротивление проводимой терапии и позволил врачам чуть проникнуть в его внутренний мир.

— Как это у вас началось? — спрашиваю Урунди.

— Я был маленький, ребята постарше предложили закурить, когда попробовал, уже не мог остановиться.

— Какие виды на будущее, Урунди?

— Хочу открыть свой ресторан.

— Дорогая затея.

— Отец поможет.

— После всего, что случилось?

— Я же не в сердце ударил.

Пациенты Йабы не связывают свои психологические проблемы с наркотическими веществами, не в них видят причины своих социальных крушений. Для них типично сопротивление попыткам родственников показать их врачам, в госпиталь они попадают с уже запущенной болезнью, часто агрессивные, способные довести до слез самых терпеливых медсестер. Урунди из тех уверенных в себе больных, кто недооценивает свое заболевание, тем самым защищая себя в травмирующей психику ситуации. Хорошо, когда рядом врач с интеллектом и знаниями, вызывающими полное доверие; в этом случае беседы врача действительно могут быть сеансами психотерапии, а не взаимораздражающей тратой времени. Доктор Маломо в свободное время изучает законы формальной логики. Без них, он уверен, психотерапевт может быть красноречив, но никогда не станет убедительным.

Нигерийские медики имеют дело чаще всего с хроническими курильщиками марихуаны. Даже те, кто попал сюда с зависимостью от более сильных наркотиков, прежде употребляли марихуану или гашиш. У таких больных — и это я наблюдал в Бишкеке — обычны обострения психических заболеваний (шизофрении, например), они не так восприимчивы к фармакологическим средствам, как пациенты, наркотиками не злоупотребляющие. Курильщики каннабиса чувствительнее к стрессовым состояниям, острее переживают страх, ослабление памяти, депрессию. И хотя наркомания и психическое заболевание могут возникнуть у пациента параллельно и развиваться независимо, все же в большинстве случаев прослеживается участие принятых организмом наркотических веществ в перепадах настроения, возникновении чувства страха, паранойи, психоза. У некоторых больных появляются навязчивые мысли о самоубийстве.

До сих пор, наблюдая больного, наркологи находили первопричину его бед в злоупотреблении наркотическими веществами, а психические отклонения — следствием этого и принимались лечить химическую зависимость. Психиатры, разумеется, видели обратную причинно-следственную связь и предлагали первоочередное лечение психического заболевания. В конце концов, врачи пришли к необходимости, если нет противопоказаний, проводить одновременно комплексное лечение¹¹.

В госпитале Йаба наркоманов лечат от двух до восьми месяцев, иногда до года. Бывает, за год удается освободить больного от зависимости, а после ему предлагают продолжительный курс реабилитации. С пациентом проводят индивидуальную, групповую, семейную психотерапию.

Совместное участие врачей и пациентов в терапевтической деятельности, влияние самой группы на больного отвечает традициям африканской общины: собрание племени при участии вождя и старейшины было средством коллективного воздействия на каждого соплеменника. Нигерийские медики предпочитают работать с людьми в группах. Но пациенты, страдающие психозами, бредовыми идеями, тяжелыми формами психопатий, не самые лучшие участники терапевтической группы. Эффективной считается группа, объединяющая людей, по крайней мере, с нормальным интеллектом, не слишком возбудимых и агрессивных. Нигерийцы настороженно относятся к программе «Двенадцать шагов» — возможно, из-за ее религиозного (христианского) оттенка. Но исповедальные рассказы больных о своих жизненных ситуациях, их обсуждение всей группой, и воздействие членов группы в процессе обсуждения друг на друга признаются лагосскими медиками как сильный *терапевтический фактор*.

В последние годы изменился социальный статус потребителей наркотиков. Доктор Маломо хорошо помнит времена, когда пациентами были исключительно иностранные специалисты и люди из высших слоев общества. В Лагосе, Ибадане, Порт-Харкорт, Кано, Кадуна, Ошогбо, других городах к курению постепенно стали приобщаться маргиналы, в первую очередь водители-дальнобойщики, полицейские, работники подпольной секс-индустрии. Самым популярным наркотиком остается каннабис — его больше всего производят, перевозят, потребляют. Его курят моряки торгового флота, рыбаки, солдаты, музыканты, спортсмены, бродяги, заключенные, а также студенты. Героин и кокаин предпочитают более состоятельные граждане, обычно служащие учреждений в столицах штатов и крупных городских центрах; среди потребителей сильных наркотиков встречаются и бедняки, обитатели социального дна. Возраст пациентов Йабы: курильщики каннабиса — от двенадцати лет до сорока, сильных наркотиков — от девятнадцати до двадцати пяти.

В Нигерии за употребление наркотиков можно угодить в тюрьму, и я напоследок приберегу вопрос, отчего пациенты, добровольно ложась на лечение в госпиталь, не боятся этого. Тут и доказывать ничего не надо — сам пришел лечиться от зависимости. По логике, законопослушные медики обязаны сообщать полиции о курящих наркотики, то есть о преступивших закон.

— Нет, — возразил доктор Маломо, — человека, курящего наркотики, могут задержать и посадить, но не когда он пришел к нам. У нас он считается больным и неприкосновенен.

Особые отношения у нигерийцев с амфетаминами. Их в больших количествах закупают фермеры. И не только сами принимают синтетические наркотики, но вместе с сеном скармливают лошадям и другой домашней живности. Те становятся выносливее, работают вдвое-втрое дольше обычного. Доктор Маломо уверяет, улыбаясь, что не будет удивлен, если в стране появятся первые наркологические ветлечебницы.

Глава тринадцатая

ЗАВИСИМЫЕ ЛЮДИ КЕНИИ И СЕЙШЕЛ

Снег посреди Африки: явь или галлюцинация? — «Этим копьем я убил семь слонов!» — Мирра для храбрости — Масаи предпочитают пиво — МЦН: история эфедринового наркомана — Юные токсикоманы в Найроби: «Заплати, скажу» — Фотография со шприцем — На Сейшелах: штраф 500 000 — Как меня одурачили с цитранеллой — Сара Рене — надежда островитян

В Африке не покидает ощущение смутной, безмятежной, счастливой печали. Даже когда лендровер, послушный рукам водителя-африканца, катится сквозь саванну мимо озера с розовыми фламинго, когда тысячи птиц взмывают в небо, машущими крыльями закрывая половину небосклона, и машина несется под розовым небом, подавленный красотой и мощью природы, ты продолжаешь испытывать легкую грусть. Отчего? Почему? Не знаю. Возможно, от неотвязной мысли о собственной греховности и вине перед огромностью и доверчивостью мира, живущего по своим законам, независимо от тебя, но к которому и ты принадлежишь.

Я со своим спутником прилетел на маленьком самолете из Найроби в Амбосели, один из лучших национальных парков на юге Кении, вблизи границы с Танзанией. На летном поле пассажиров поджидали лендроверы туристических компаний, раскрашенные под черно-белую шкуру зебры; между машинами толпились африканки, вытянув руки, с которых свисали ожерелья из тропических семян, расшитые бисером кожаные пояса, платки с мордами зверей саванны. Водители подхватывают чемоданы и коробки клиентов и развозят их по кемпингам, спрятанным в окрестных зарослях. Переночевав в уютном бунгало под шум деревьев и вой гиен, позавтракав фруктами и выпив по чашке местного кофе, мы с водителем Иозепом, встречавшим нас и состоящим в штате парка, отправились куда глаза глядят. Машина неспешно петляла по дорогам вдоль озера Амбосели.

Над равниной с зонтичными акациями и колючим кустарником царственно возвышается Килиманджаро, белая шапка горы так нестерпимо ярко сверкает на утреннем солнце, что больно глазам, даже защищенным темными очками. Проклянувшись телом сквозь люк в крыше машины и встав во весь рост, я смотрю вперед. В траве поднял голову венценосный журавль, недоверчиво разглядывая притормозившую машину. На тропе играют бойкие марьшики, вовлекая в свои причуды подружку, несущую на спине детеныша. Поодаль отдыхает безучастное ко всему семейство львов, среди них сонный старый лев с мощной золотой гривой, заметив которую замедляют ход другие звери.

— Неужели никто не отваживается приблизиться к ним? — спрашиваю Иозепа.

— Только масаи, — отвечает он. — Когда накурятся мирры.

Я был наслышан о воинственности масаев, догадывался об их знакомстве с психотропными растениями Долины Большого Разлома, но в записках путешественников по Восточной Африке, встречавшихся с масаями, мне не попадались свидетельства о пристрастии этих кочевых пастухов к каким-либо стимуляторам или галлюциногенам. Другое дело европейские туристы. Готовясь к африканскому сафари, многие из них прихватывают с собой наркотические вещества, чаще всего конопляного происхождения. Эти вещества стали такими же атрибутами сегодняшних искателей приключений, как для их предков, плывших две недели на германском пароходе «Кронпринц» из Неаполя в Кению отстреливать диких зверей, — спиртные напитки¹.

Мне и моему спутнику с трудом удалось уговорить Иозепа завернуть в деревню масаев. Воинственные гордые пастухи часто агрессивны по отношению к чужим людям, особенно к тем, кто пытается из окна автобуса сфотографировать этих рослых мужчин и женщин в красочных

одеждах, со множеством медных и бисерных украшений на шее, на груди, на руках и ногах, когда они возвышаются посреди стада корон, держа за плечами копье, закинув на него кисти рук, как в русской деревне поддерживают на плечах коромысло. Пожалуйста, деньги вперед — и фотографируй, масаи примут позы какие попросишь. Но если прицелишься фотообъективом украдкой, длинноногие пастухи со скоростью антилоп будут нестись за автобусом, швыряя вдогонку камни, и не успокоятся, пока не зазвенят разбитые окна. Иозеп, сам из масаев, согласился везти нас в деревню при условии, что мы будем покупать поделки его соплеменников и оплатим сыну вождя племени (сам вождь в отъезде) время, которое он затратит на беседу с нами. Развернутые повышенным к ним интересом, скотоводы-масаи при встречах с белыми визитерами следуют самому буржуазному из современных постулатов: время — деньги.

Мы подъезжаем к деревне. Иозеп останавливает лендровер у ограды из колючего кустарника, за которой лепятся одна к другой низкие, мне по плечо, хижины из прутьев, обмазанных кизяком; хижины образуют сплошной замкнутый круг с одним проходом для людей и скота. Внутри круга из того же кустарника малый круглый загон, куда на ночь возвращаются стада, не боясь рыка бродящих поблизости зверей. Чего бояться, если крупный рогатый скот для масая священен и копье для защиты у каждого мужчины постоянно в руках или за плечом.

Не успели мы выйти из машины, как из деревни, сохраняя важность, но едва удерживаясь от бега наперегонки, торопились в нашу сторону десятка три одинаково высоких, красивых сильных мужчин в красных туниках, повязанных на одном плече, и в сандалиях на босу ногу. У всех удлинённые смуглые лица и высокие лбы, едва прикрытые курчавыми волосами, у каждого в руках черное копье. Но поражает не их воинственный вид, а действительно великое множество украшений на всех открытых частях тела. У всех уши сильно оттянуты вниз разноцветными серьгами. По легенде, масаи происходят от древних египтян. Во всяком случае, они хорошо вписываются в воображаемый пейзаж с пирамидами.

Говорят, придя с севера, масаи пригнали сюда свои стада, которых не знали обитавшие на равнине аборигены. Весь скот у подножия Килиманджаро, убеждены масаи, произошел от их поголовья, потому принадлежит им и они вправе совершать набеги на соседей, возвращая часть своего законного скота. По кенийским законам их набеги — покушение на чужую собственность, масаи же в этих угонах видят торжество исторической справедливости.

Впереди всех, никем не обгоняемый, двигался, широко переставляя ноги, как на ходулях, прекрасный воин со множеством косичек, спадавших на высокий медный лоб и на мочки ушей — разрезанных, длинных, оттянутых к плечам металлическими кольцами с бисером. Если бы даже Иозеп не представил нас сыну вождя, мы бы по его царской осанке догадались, кто удостоил нас чести позвать его тонкую руку, протянутую нам со значением.

Позванивая браслетами на запястье, сын вождя, по европейским понятиям — принц, всех гостей по очереди одаривает значительным долгим рукопожатием и такой ослепительной улыбкой, словно в его мягко очерченном рту ворочались, сверкая на солнце, ледышки с килиманджарской вершины. Широким жестом принц приглашает нас в деревню, до которой шагов пятьдесят.

Лазы в хижины низки и орлы, как в пещеру трудно понять, каким образом протискиваются в свои жилища их высокие обитатели. В траве, прислонясь спинами к теплым кизячным стенкам, сидят женщины с бритыми головами и красочными ожерельями на шее и на груди. Ожерелья облегают шею подобно стоячим воротникам средневековых нидерландских матрон. На женщинах длинные юбки из шкур антилоп и коз. Устроившись в тени, они плетут пояса, кроют кошельки, шьют куклы — все с мелким цветным бисером. Сочетание красок не случайно. Умеющие читать масайские орнаменты, могут узнать из узоров возраст человека, семейное положение, число детей, сколько убил зверей, каких именно. В деревне пятьсот шестьдесят человек.

— Как называется деревня? — спрашиваю принца.

— На суахили — Маньята.

— А как сказать «хижина»?

— Маньята!

В хижине, куда мы не без труда проникаем пригнувшись, горьковатый дымный полумрак. Только маленькое круглое отверстие в окне, сквозь которое едва протиснется рука, пропускает слабый, рассеянный пучок света. Нас встречают старик и старуха, приветливые и молчаливые. Когда глаза привыкают к полутьме, различаешь выложенные из кизяка перегородки, разделяющие жилище на тесные закутки, предназначенные, по всей видимости, для ночлега членов семьи.

Посреди лачуги, где мы оказались, висится ствол сухого дерева в один обхват — то ли подпора для низкого потолочного свода, то ли ритуальный атрибут; на земляном полу три побитых почерневших кирпича, между ними тлеют угли, дымок тянется к отверстию в стене.

Старик и старуха, как все масаи, питаются молоком и свежей кровью коров — кровь достают раз в неделю из яремной вены животного. В шею коровы пускают маленькую стрелу и у отверстия держат тыквенный сосуд, пока его не заполнят кровью. Их тридцатилетний сын недавно был мораном, то есть с другими молодыми масаями жил отдельно от племени в лесных зарослях, обучаясь военному искусству, выносливости, набегам на соседние земли, возвращая в деревню потомство скота, когда-то пригнанного в эту саванну далекими предками масаев. После испытания моран получает звание младшего воина и становится равноправным членом общины².

У выхода из хижины нас уже поджидала половина деревни. Со сторон обступили плотным кольцом, держа за рукава, шумно и радостно предлагая свои изделия. Чего только не было в перехваченных браслетами смуглых руках: куклы в туниках масаев, деревянные маски, ложки из тыквы, коврики из шкуры зебры, слоновья ступня с могучими ногтями, воинские щиты из буйволиной кожи, ножи с костяными рукоятками, длинные и короткие копья, предназначенные для туристов. Принц протягивает мне свое копьё и называет сумму, по размерам сполна отвечающую статусу его коронованного отца. Мне не хотелось огорчать отказом сына вождя, в торговле такого же горластого, как все жители деревни, и я вежливо рассматривал украшенное резьбой его копьё, обещая подумать над предложением. Хорошие мысли, добавил я, приходят в саванне, и я прошу принца показать саванну за деревней.

— Этим копьём я убил семь слонов! — Принц уговорил меня держать копьё в своих руках и идти с ним в саванну, как со своим.

В двухстах шагах от деревни Маньяты серовато-зеленый, местами белесый ковер слоновьей травы и редкие зонтичные акации, усеянные крупными темными шарами — птичьими гнездами. Трава местами помята, деревья кое-где сломаны — очевидно, здесь пару часов назад цепочкой прошли на водопой слоны, по пути срывая хоботом пучки травы. В направлении их движения и сейчас летят большие журавли, подтянув тонкие ноги к туловищу и вытянув прямой длинный клюв, создавая иллюзию медленного полета разом выпущенных бесшумных стрел. Мы обходим лужи с водой такого же красновато-ржавого цвета, как земля у нас под ногами. На горизонте остатки потрескавшихся скал, а чуть в стороне поваленное слонами или молнией гигантское дерево со множеством отростков и мощной корневой системой, похожее на доисторическое чудовище.

Принц идет впереди, я с копьём за ним, стараюсь не отставать, но мой шаг не такой широкий, как шаг его длинных ног, и мне приходится семенить, чтобы не давать расстоянию между нами увеличиваться. Рядом со мной Иозеп, а за нами — топот сандалий, позвякивание медных браслетов, негромкий говор вооруженных копьями людей, нас сопровождающих. Я обернулся: статные, коротко стриженные масаи в красных туниках походили на толпу священников, торжественно совершающих крестный ход. Здесь надо быть осторожным, повторяет Иозеп. В этих местах водятся красно-черные, похожие на паучков «найробийские мухи»; они живут под землей, изредка выползают на поверхность, почти незаметные, но если к ним случайно прикоснуться, пускают струю обжигающей жидкости. Сильный ожог рук или лица длится месяц-полтора, а попади жидкость в глаза, можно ослепнуть. «Если эту муху обнаружишь на своем теле, — советует Иозеп, — смывай ее водой, но не вздумай смахивать руками — сразу выстрелит струей». Я послушно кивал, думая про себя: сядь сейчас муха на мою шею или обнаженную руку с копьём, откуда взять воды?

Мы поворачиваем к поваленному дереву и присаживаемся на изрытый муравьями ствол передохнуть. Я прошу принца показать здешние растения, какие масаи употребляют, выслеживая зверя, чтобы снять усталость, почувствовать прилив сил, а может быть, для перехода в состояние, при котором возникают галлюцинации. Принц долго не может понять, чего я от него хочу. Иозеп, размахивая руками, растолковывает ему предмет моего интереса. Принц слушает настороженно, внезапно переспрашивает, не раздумал ли я купить его копьё, которое у меня в руках и которым он, сын вождя, убил семь слонов. Получив обнадеживающий ответ, поднимается, идет к высоким злаковникам, густо вымахавшим на месте пожаров, к деревьям мвуле, кое-где общипанным и поваленным слонами. Вдали пасутся зебры и тонконогие газели. Иозеп просит идти осторожно, смотреть, куда ставишь ногу, чтобы колючки кустарников не впились в икры.

— Вот! — Принц отламывает веточку от куста, мне по грудь. На мой дилетантский взгляд, точно такого же, мимо каких мы идем уже минут пять. Масаи сгрудились вокруг куста, весело

переговариваясь.

— О чем они? — спрашиваю Иозепа.

— О кусте. Он хороший. Им нравится.

Я срываю листок, подношу к носу и беру в зубы, слегка покусываю, но не чувствую ни особого вкуса, ни запаха. Масаи навалились обеими руками на воткнутые в траву копыя и хохочут. Это мирра, говорит принц. Когда масаи идут на охоту, они пьют отвар мирры, становятся сильнее и бесстрашнее. Позднее я кое-что узнаю об этом и других кенийских психостимуляторах, как воины кипятят их корни в котле, как пьют из тыквенных чашек отвар, похожий на крепкий чай, а после, ощутив прилив энергии, с азартом и весельем идут с копьем на слона, на льва, на буйвола, а потом танцуют всей деревней три дня подряд. Отвар возбуждает вроде кокаина, дает продолжительную бодрость, но при непомерном употреблении наступают последствия, как при применении других стимуляторов, — головная боль, дрожание рук, неприятные ощущения в грудной клетке, учащенное сердцебиение, рвота. У перепивших отвара повышается агрессивность, часто необъяснимая враждебность, желание кого-либо убить или покончить с собой³.

Наркодельцы из Найроби и Момбасы наладили экспорт мирры в соседние африканские страны (в Сомали, например) и в Европу, но экзотическому отвару пока трудно найти спрос на рынке традиционных стимулирующих препаратов, почти таких же по цене, но действующих ощутимее. Нельзя исключить интерес к мирре, если наркосиндикатам удастся заинтересовать растением любителей новизны и экзотики.

— Что принц чувствует, выпив чашку мирры? — спрашиваю я.

— Что стал сильный.

— А еще?

— Что все красиво!

— А еще?

— Что пора масаям идти в другие деревни и возвращать наш скот!

Жители Восточной Африки и Арабского полуострова обнаружили наркотические свойства также у произрастающего в этих двух регионах кустарника хат. С давних времен свежие молодые побеги хата аборигены жуют перед тем, как выпить чашку кофе. Если делать это в умеренных количествах, то уходит усталость и резко понижается аппетит. Растение содержит активные субстанции — катинон и катин, в сорванном побеге они сохраняют стимулирующие свойства двое суток. В высохших листьях катинон превращается в катин, и наркотическая эффективность растений заметно падает. На первых порах, когда наркосиндикаты познакомились с растением, эта особенность удерживала их от массовой заготовки хата и экспорта в дальние страны, но с развитием воздушного сообщения и новых способов упаковки грузов хат стал появляться на наркорынках Европы и США. Его почти всегда имели при себе иммигранты африканцы и арабы.

Масаи, по словам принца, знакомы с хатом, но здесь растение не так распространено, как в других районах, особенно в близлежащих городах. Там, рассказывают туристы, хат жуют люди, когда борются со сном или хотят подавить чувство голода. Это наркотик студентов и рабочих ночных смен.

В последние годы получил распространение структурный аналог катинона и метамфетамина под названием меткатинон (на сленге «кэт» — кошка). Подпольная наркоиндустрия выпускает препарат в форме твердого легкорастворимого вещества, которое нюхают, пьют в растворе, вводят шприцем внутривенно. У нас в Центре не было зависимых от меткатинона, но я встречал их в клиниках Найроби, и по их рассказам (подтверждаемым другими источниками) можно представить особенности наркотического действия меткатинона. Оно близко к воздействию амфетаминов: после короткой и сильной гиперактивности, быстрой работы мозга, эйфории больного охватывает чувство тревоги, приходит бессонница, боль отдается во всем теле. Отравление препаратом может вызвать паранойю, бред, галлюцинации.

Когда мы вернулись в деревню, нас поджидали те же толпы людей, горласто и пронзительно наперебой предлагая свои товары. Я просто обязан был приобрести, наконец, копье сына вождя, поразившее семь слонов. Принц оказался неплохим психологом и коммерсантом. Он уже понял, что мне от покупки не отвертеться и с очаровательной белозубой улыбкой повторил поистине царскую цену, оговариваясь, что стоимость копыя на самом деле выше, но он делает скидку ради дружбы масаев и кыргызов.

Ну разве устоишь?

Ночью в бунгало, прислушиваясь к реву диких зверей, пришедших на солончаки близ

лагеря Амбосели, перебирая в памяти эпизоды поездки к масаям, вспоминая заросли наркотических растений, часть их древней культуры, я подумал о том, как похоже отношение масасв к этим растениям у подножия Килиманджаро на отношения кыргызов к полями эфедры в предгорьях Тянь-Шаня. Взаимодействие населения с естественными зарослями, в определенных дозах бесспорно целебными, дарованными природой для испытания разума и самозащитных способностей людей почти одинаково на континентах. Распознав их полезные свойства для лечения тела и души, возвышаясь с ними в дни ритуальных празднеств, люди не смогли удержать себя от соблазна переступить границы дозволенного опытом, постоянно увеличивать дозы, получать новые ощущения, даже ценой саморазрушения и гибели. Человеку трудно дается сделать первый шаг, но еще труднее остановиться.

Помню времена, когда государственные предприятия Кыргызстана каждый год заготавливали пятьсот тонн эфедры горной, как называют ботаники это целебное растение. Оно растет по всей Средней Азии, на Кавказе, в Сибири, и идет на изготовление лекарственных препаратов, в том числе солутана, которым лечат приступы бронхиальной астмы. Наркоманы извлекают алкалоид из растения, как извлекают опиаты из мака или из готовых эфедриновых препаратов с использованием химикатов. Попав в кровь, они оказывают на организм токсическое воздействие. Соли большинства тяжелых металлов оседают в организме, преимущественно в жировых тканях. Это приходится держать в уме практикующим врачам, когда они сталкиваются с острой интоксикацией кустарными эфедриновыми препаратами.

Перерабатывая капли и мази, содержащие эфедрин, люди научились кустарным способом получать синтетический наркотик эфедрон (жаргонное название «марцефаль», «мурцовка», «мулька» и др.). При внутривенном введении эфедрона человек ощущает подъем жизненных сил, становится чрезмерно говорлив, навязчив, прилипчив к малознакомым людям. Даже безобидная реплика по поводу его суетливости и безудержного хвастовства своими талантами, обычно мнимыми, способна спровоцировать неадекватную агрессивность. Медики отмечают особое воздействие эфедрона на подростков и прямую связь наркотика с повышенным сексуальным возбуждением. На вечеринках подростки мужского пола уговаривают девочек принять внутривенное вливание эфедрона, чтобы вызвать повышенное половое влечение и склонить к сексу.

Через два-три внутривенных вливания могут появиться признаки психической зависимости, неудержимое желание повторить уже испытанные ощущения. Повтор влечет за собой боли в области сердца и поясницы, больному снятся кошмары, охватывают приступы страха. После эфедронного опьянения чувствуются боли во всем теле, полное изнеможение, душевная угнетенность. Многим кажется, что по коже ползают мурашки.

О мурашках в нашем Центре впервые услышали от пациента лет тридцати, инженера одного из российских заводов на Волге. Он рано женился, семейная жизнь не сложилась, стал выпивать, прошел кустарное кодирование, от алкоголя отвернулся и по совету приятеля, опытного наркомана, стал принимать инъекции эфедрона. Он ощущал радость, в нем самом и вокруг бурлила безмятежная жизнь. Приятель научил выпаривать растворы подходящих препаратов, осаждать ненужные вещества, в раствор остатка добавлять химикалии, пока не получится красного цвета жидкость, легко вбираемая в шприц. Он чувствовал прилив работоспособности, мог сутки трудиться, но это была иллюзия деятельности, почти не оставлявшая следов. Организм требовал возрастающих доз и частых повторений (до пятнадцати — двадцати инъекций в сутки), и когда больной поступил к нам, его руки и тело были настолько исколоты, что казались покрытыми густой сыпью. Но не это вызывало беспокойство врачей. При опийной наркомании обычно потребляется относительно чистый исходный продукт, он может повысить устойчивость пациента к наркотику до пятидесяти — шестидесяти доз, для нормального человека смертельных, и поражение мозга не так сильно прогрессирует. А тут постоянное накопление в организме солей марганца привело к отравлению мозга: стал погибать мозг и с ним двигательные центры, уже едва шевелились руки, ноги, лицевые мышцы. К нам привезли восковую фигуру, у которой живыми казались только глаза.

Интересна деталь — пациент был одним из руководителей предприятия, но деградация личности на глазах большого коллектива нисколько не отражалась на его статусе и карьере. Это вполне отвечает нашему менталитету: если человек не отъявленный негодяй, не причиняет другим зла, его стараются прикрыть, поддержать, прийти на помощь, как ее понимают добрые и мягкосердечные люди.

К нам его привел, а точнее сказать, принес отец, после того как нашел сына лежащим как

труп в темной квартире. Звуки и свет его раздражали, не было сил пройти в туалет, он все делал под себя, и, как он потом рассказывал, по его телу ползали насекомые. А однажды под кожей прополз, буравя мышцы, червяк, и только лень мешала дотянуться до червяка и выкинуть в окно. Это типично для потребителей стимуляторов — то бешеная работоспособность, то три-четыре дня мрачного, бессмысленного лежания, при котором нет охоты даже открывать рот. Если сравнить его состояние, когда он впервые появился у нас, с симптомами какого-либо другого заболевания, то представить можно больного после тяжелейшего инсульта или человека, которого двадцать — тридцать лет лечат в психиатрической лечебнице, — он весь пропитан нейрорепарантами или сумасшедшими дозами лекарств, предназначенных остановить психоз. Но еще оставалась безумная тяга принять наркотик, чтобы хоть на мгновение выйти из оцепенения. Перед тем как обратиться в наш Центр, отец показывал сына невропатологам, но, не зная способов приготовления эфедрона, они затруднялись поставить точный диагноз и лечили препаратами, как если бы у него была болезнь Паркинсона и надо было лишь устранить скованность и вернуть подвижность оцепеневшим мышцам.

В первые дни мы без особого труда сняли тягу к наркотику, но как быть с клетками мозга, пораженными марганцем? Заставить какие-то соседние клетки взять на себя часть функций отравленных клеток, было очень сложно. Врачи продумали особую стратегию, которая включала восстановительные процедуры, массаж, иглотерапию, выписали специальные вещества, способные связывать тяжелые металлы и яды, выводить их из организма. При первом курсе лечения в 1996 году удалось восстановить двигательные функции на девяносто процентов. Немного страдала координация движений, но больной мог самостоятельно ходить, разговаривать, управлять автомобилем. Глаз неспециалиста вряд ли способен был заметить какие-либо отклонения.

Некоторое время спустя его поставили во главе предприятия, он удачно женился и был счастлив, не подозревая, как бывает близка и неожиданна беда. На вечеринке по случаю рождения сына его приятель, сосед по столу, шутки ради подлил в его бокал с шампанским чуточку эфедрона. Больной уверяет, что об этом не знал, хотя, по нашим представлениям, добавка даже незначительного количества уксусной кислоты и марганцовки все-таки должна была изменить вкус шампанского. Впрочем, в продаже бывает немало поддельных вин, многие со слегка измененным вкусом. Кроме того, надо быть знатоком шампанского или употреблять его систематически, чтобы на не вполне трезвую голову, принимая одновременно другие напитки, смутиться несколько странным вкусом напитка в бокале. Во всяком случае, у нас были основания верить — он не знал, хотя для врачей этот нюанс, в общем, не имеет значения.

Ночью наш пациент испытал состояние возбуждения, не мог уснуть, почувствовал прежнюю тягу к наркотику. Это, кстати, для всех наркотиков характерно: даже после десяти — пятнадцати лет воздержания прием хотя бы малой дозы наркотического вещества возвращает зависимость, иногда в более тяжелых формах, чем в первый раз. Не совладав с тягой, он сам два-три раза принял эфедрон и снова впал в глубокую депрессию. В минуты просветления сел в самолет и оказался у нас в Центре с обезоруживающей виноватой улыбкой. В течение двадцати дней врачи заново снимали тягу к наркотику и, насколько было возможно, убирали накопившийся в голове и разбухший повторным приемом металл⁴. Эту историю болезни я вспомнил ночью в бунгало в лагере Амбосели, вернувшись из поездки к масаям, живущим среди наркотических трав, похожих на нашу эфедру.

Найроби, один из самых красивых городов Африки, воспетый многими склонными к рискованным затеям писателями-путешественниками, в первые дни меня взволновал прекрасным соседством кварталов викторианской застройки начала двадцатого столетия и современного архитектурного модерна, небоскребов, богатых вилл.

Черт меня дернул свернуть с широких нарядных улиц с блистательными магазинами, с респектабельными прохожими в узкие грязные переулки и увидеть мальчишек, как они, нисколько не боясь взрослых, на глазах у всего переулка, словно жуют сникерс, нюхают клей. Пластмассовый флакон с клеем зажат губами таким образом, что руки остаются свободными, их можно держать в карманах, а через горлышко ядовитые пары вдыхаются всей узкой детской грудью. Иногда они ладонями обхватывают флакон, согревая содержимое, вряд ли осознавая, что помогают летучим ядовитым веществам быстрее проникнуть через легочную ткань в кровоток и дальше в центральную нервную систему. Я подхожу к подростку лет одиннадцати; полулежа на выщербленных каменных ступенях, в зеленой куртке и желтой шапочке с козырьком, он похож на

упавшую наземь раненую птицу с коротким утолщенным клювом-бутылочкой во рту. При моем приближении его глаза настораживаются, он приподнимается, но не вынимает бутылку изо рта.

— Где ты живешь?

— Заплати — скажу.

Кладу на его ладошку пару монет. Малолетний коммерсант быстро прячет доход в карман куртки и на всякий случай задергивает замочек молнии. Похоже, у него есть опыт, когда люди, дававшие деньги за услуги, их отбирали. Теперь его правая рука лежит на молнии, а левая вынимает изо рта бутылку и держит на весу. Он отвечает с небрежным видом, как будто передает в руки покупателя товар, проданный слишком дешево.

— Так где ты живешь?

— Я живу здесь.

— А родители?

Подумав, он снова протягивает ладошку.

— Заплати — скажу.

Мне казалось, передо мною кенийский Гаврош, а это, бесспорно, был будущий Рокфеллер. К тому времени, когда мои карманы освободились от монет, я уже кое-что знал о нем, если проданный им товар был его собственным, а не с соседнего прилавка. Вильям — это его имя — из полукочевого племени самбуру, с берегов озера Рудольф. Ему было лет пять, когда отца, охотника на слонов, торговца бивнями, забрала полиция. Вскоре умерла мать, и со старшей сестрой, ей шестнадцать, оба ушли из дома, бродили, пока не оказались в Найроби. Сестра где-то прислуживает, работает по ночам. Раз в неделю отыскивает брата, приносит еду, а иногда кое-что из одежды, которую ей дарят господа или, возможно, у кого-то крадет. Читать и писать он не умеет, а когда накопит деньги, купит большой автомобиль, станет таксистом. Он нюхает клей для велосипедных шин. Как нюхать, показали мальчишки. Бывает головная боль, но мои слова о возможных, если не бросит это дело, обмороках, нарушениях памяти, даже внезапной смерти вызывают в нем подозрения, не пытаюсь ли я, нагоняя на него страх, вернуть свои деньги. Он пристально смотрит на меня, а его правая ручонка с заплатой на локте все крепче сжимает замочек молнии, и по решительному выражению лица я вижу, что он скорее умрет, чем позволит отобрать у него капитал, на этот раз честно заработанный.

Не помню, сколько я еще бродил по переулкам, пока не оказался во дворе старого кирпичного дома в семь этажей. Слева от арки стояли автомашины, в другом углу собаки обнюхивали свалку, а прямо передо мной сидели на земле, опираясь спинами на складские ворота, два босоногих, африканских парня, по виду бездомные. Один среднего роста, другой ему по плечо. Сидящие не обращали на меня внимания, и я мог приглядеться к ним повнимательнее. У того, кто повыше и постарше, голова прикрыта красной шапочкой с козырьком, рукава голубой рубашки засучены, а второй, в потертом лиловом джемпере, прислонил непокрытую голову к боку товарища. Когда я приблизился к ним, на левой руке первого, чуть выше локтя, стала явственно видна красная повязка — она была в том месте, где обычно всаживают в вену иглу. А у второго, как мне показалось — почти бездыханного, из предплечья продолжал торчать шприц, и никто не собирався его вынимать. Я подошел почти вплотную. Высокий парень расправил плечи, второй тоже очнулся и, ничего не понимая, автоматически выдернул шприц, прижав ранку рукавом джемпера. На мой вопрос, могу ли поговорить с джентльменами, оба недобро сверкнули глазами, вскинули кулаки и на непонятном мне языке враждебно прокричали что-то, что я сам себе перевел как: «Убирайся, пока цел!»

Я все-таки как мог объяснил, что я доктор из Кыргызстана и если они не могут удостоить меня чести побеседовать с ними, то, может быть, разрешат на память о нашей встрече сфотографировать их. Парень помоложе уже закипал яростью и рвался в бой, а джентльмен постарше спросил, сколько я заплачу, если они согласятся. Мне неизвестны были расценки на такого рода услуги. Мы минут двадцать торговались. Наконец сошлись в цене, я сделал несколько кадров, но когда стал расплачиваться, старший снова поднял шум, настаивая, что назвал цену одного кадра, а я щелкнул три раза, стало быть, цена должна быть увеличена втрое. Он был возбужден, язык заплетался, изо рта к подбородку сползала слюна. Как бы там ни было, мы нашли общий язык, и он снизошел до того, что сообщил свой возраст — тридцать восемь лет и что колется героином двенадцать лет, нигде не лечился и не собирается, жизнь им нравится, а проблема каждый день у обоих одна: где достать деньги на дозу. Я подумал, если наркоманы когда-нибудь соберутся на свой мировой съезд, этот вопрос в повестке дня будет первым.

Весь оставшийся день меня не оставляло чувство досады на неумение завязать серьезный

разговор с уличными наркоманами, наподобие этих двух. Впрочем, какой им интерес открываться перед незнакомцем, пусть даже медиком, они не мои пациенты, и встретились мы не в клинике, где в душах даже самых тяжелых хроников вдруг затеплится ожидание чуда, а в городской подворотне, выбираться из которой оба приятеля не готовы и не намерены. Зачем им разговор со мной — кто я им?

Так я успокаивал себя ночью, глядя и потолок номера в отеле, но смутное ощущение упущенной возможности не покидало меня. Утром нового дня, последнего в кенийской столице, мне предстояла встреча в частном наркологическом госпитале, единственном медицинском учреждении такого рода в стране. Оставался шанс там поговорить с пациентами. Хотя я уже знаю, что при всей схожести историй болезни, при почти одинаковом влиянии социального окружения на прием наркотиков не бывает двух совпадающих случаев — за каждым есть опыт, содержащий хотя бы крупицу неповторимости, которой нерасчетливо пренебрегать. Если момент исключительности твой слух не уловил, кого винить, кроме себя?

В Кении до тридцати медицинских центров с отделениями по лечению наркоманий, но госпиталь, куда я приехал, особый. В 1996 году четыре кенийских врача (доктора Оконжи, Уити, Диранго, Дженга), члены Всемирной федерации психического здоровья, взяли в банке ссуду и создали первое в Восточной Африке платное специализированное психиатрическое учреждение для наркоманов на тридцать коек, гарантируя больным условия и атмосферу, близкие к домашним. Средняя продолжительность лечения — две недели, стоимость курса при полном пансионе — около тысячи американских долларов. За два с половиной года в госпитале пролечили больше пяти тысяч больных: из них треть с зависимостью от разных препаратов, остальные с шизофренией, депрессией, психозами.

Доктор Фрэнк Дженга, один из четверки совладельцев, знакомя меня с госпиталем, так определил замысел:

— Пациентам нужно вернуть самоощущение личности. В конце концов, каждый должен сказать себе: «То, что с нами случилось, не трагедия. Мы здоровы. Мы совершенно чисты».

Полчаса спустя я сижу в палате и говорю с пациентами. Двадцатилетний Мамед Омар, из состоятельной палестинской семьи в Момбасе, попробовал наркотики подростком. У него была девушка-итальянка, года на два старше, она подмешала ему в табак марихуану, он об этом не знал, но ощущения расслабленности и беззаботности ему понравились. Курил марихуану пять лет, в день по шесть сигарет, а после перешел на крэк («коричневый сахар», сказал он). Вынюхивая за раз от трех до пяти граммов, «чувствовал себя на вершине мира». Ради разнообразия чередовал прием крэка с приемом героина: день нюхал одно, день другое. В Момбасе грамм героина и кокаина стоит одинаково — двести шиллингов, деньги по кенийским меркам немалые, но проблемы иметь их у пациента не было.

— Вы богатый человек? Откуда? — спрашиваю Мамеда.

— Не я богатый, наша семья. Мать работает в правительстве.

— Откуда в Кении наркотики?

— Кокаин из Колумбии, героин из Пакистана, марихуана с Ямайки. Знаю, потому что одно время был посредником, «толкателем наркотиков».

— Какие планы, Мамед?

— Хочу забыть о прошлом, поехать учиться в Америку и начать красивую жизнь с красивой женой.

Я ухожу и вдогонку слышу:

— Доктор, если бы я не оказался здесь, просто сошел бы с ума. Мой момбасский друг Омар, водитель такси, тоже нюхал кокаин, попал в аварию и погиб. Только тогда сводному брату удалось уговорить меня лечиться!

Хватит, сказал я себе, пора перевести дух, выбросить из головы хотя бы на пару-тройку дней разговоры о наркотиках, наркоманах, наркобизнесе. Должен же быть на нашей планете уголок, от всего этого свободный, где люди живут, любят, рожают детей, повторяют земной путь давно ушедших поколений, умевших радоваться запахам цветов, солнечному свету, улыбке прохожего. Я слышал о таком райском месте неподалеку от Восточного побережья Африки. Там живут красивые, стройные, смуглые мужчины и женщины, выходят в море за крупной рыбой, продают кокосы и пряности, молятся своим богам. Они могут ночи напролет на морском берегу покачивать бедрами, танцуя возбуждающую, чувственную сегу. Пора, пора отдохнуть, говорил я себе, когда самолет авиакомпании «Эйр Франс», совершающий рейс Найроби — Маэ

переполненный туристами, приближался к разбросанным в теплом океане зеленым гористым островам.

Сделав круг низко над водой, самолет выпускает шасси и устремляется к внезапно возникшей на синей океанской глади посадочной полосе. На балконах международного аэропорта Пуант Ларю машут встречающие. Мы спускаемся по трапу на самый большой остров Сейшельского архипелага. Все! Никаких официальных встреч, никаких интервью, никаких воспоминаний о предмете моих интересов, скорей всего, оскорбительных для слуха креолов, основного населения островов. Какое все-таки счастье скоротать время среди чистых, жизнерадостных людей, веселых детей природы, вряд ли слышавших о депрессивных состояниях и порочной зависимости. В приподнятом настроении, с чувством какой-то освобожденности и приятных предвкушений стою в очереди к стойке, за которой улыбающийся полицейский с явным удовольствием шлепает в паспорта въездные визы. Мои глаза отрешенно блуждают по опущенным жалюзи, не дающим пробиться в помещение яркому солнцу, и вдруг округляются перед крупным щитом над дверями: «Пассажиры предупреждаются, что нелегальный ввоз наркотиков в Республику Сейшельские острова наказывается 30 годами тюремного заключения и штрафом в сумме 500 000 сейшельских рупий».

Иллюзии рухнули.

От них почти ничего не осталось уже на следующий день, когда после ночлега в прибрежном отеле «Берджайа Бо Валлон» утром на песчаном пляже я дал себя уговорить команде маленького катера за сравнительно небольшую плату отправиться порыбачить в открытое море. Три молодых креола в ярких майках, шортах и в соломенных шляпах из пальмовых листьев помогли мне пройти по мелководью к катеру, усадили на палубе под тентом и, едва катер понесся по волнам, подпрыгивая на зыби, вынесли из трюма удилища, одно передали мне, демонстрируя, как следует себя вести, когда тунец или барракуда заглотят крючок и выгнут дугой удилище, что делать с катушкой, чтобы не дать рыбе сорваться с крючка, при этом не спутать леску, усидеть в пластмассовом стуле, а не совершить вслед за удилищем перелет через борт в море. Меня, человека азиатских степей, охота на большую рыбу до сих пор волновала разве что в книгах. Я никогда не думал, что окажусь вовлеченным в азартную погоню, что буду кричать не помня себя, когда удилище рванется от меня, с трудом удерживать и вести под водой рыбу, еще не видимую, но уже почувствованную мускулами рук и подсказанную воображением.

— Тащи же!.. Ах ты, черт... Сорвалась!

— Да нет же! Катушку, катушку попридержи!

— Води ее, води!

За три часа морской охоты я выловил одного полосатого тунца, другие — пять или шесть. Угадав мою неопытность, в последний миг, уже кружась над волной, рыбы лихо и весело срывались, зато с моими креольскими напарниками они считались, уважали их ловкость, и еще не начало солнце садиться, как на нашей палубе была не слишком большая, но все-таки слегка трепещущая серебристая влажная гора. Мы были мокры, устали, счастливы. Катер направился к тихой бухте, где на теплом песке, в тени наклоненных пальм, уже был наготове мангал. И моим спутникам, заглушившим двигатель в трех-четыре метрах от берега, оставалось по доскам сойти в мелководье, снести к мангалу пару рыбин, спички, соль, приправы и сохраняющий холод пластиковый ящик с напитками, набросать в мангал и поджечь собранный на берегу сушняк. Не буду описывать, какая прелесть барбекю из свежей рыбы и печеные плоды хлебного дерева макапо гран фей, похожие на большой зеленый грейпфрут, а вкусом на свежий ржаной каравай, когда сидишь у теплого моря, закрытый от вечернего солнца пальмовыми листьями. Иначе мое повествование сойдет с курса и уведет в сторону.

Вернусь к моменту, когда мои приятели открыли холодильный ящик и извлекли запотевшие банки кока-колы, спрайта, тоника и бутылки, по их радостным словам, с чем-то более крепким, без чего никому не понять загадочной креольской души. У всех троих в жилах течет разная кровь — вывезенных с материка и с острова Мадагаскар африканских рабов, французских и английских колонистов, индийских и китайских торговцев и невесть какого происхождения морских пиратов, прятавших свои сокровища на Сейшельских островах. Смешение рас и культур нисколько не мешает небольшому островному населению — здесь восемьдесят тысяч жителей, в большинстве знающих друг друга, — ощущать себя единым молодым народом, сохраняющим нежные чувства к своей родине и дружелюбие ко всем гостям.

Мы запивали жареную рыбу светлым пивом «сейбрю», дегустировали сваренные

ребятами домашние спиртные напитки «калу» (перебродивший кокосовый сок) и «бакку» (бражка из сахарного тростника). Слово за слово, и у моих друзей развязались языки, они шутили и смеялись с детской непосредственностью, закидывая головы и роняя на песок соломенные шляпы. В этой милой хмельной болтовне локаторы моего слуха уловили мерцающую точку и следили за ней: речь зашла об алкогольной традиции на островах. С тех пор как сюда приплыли первые переселенцы, можно сказать — с тех вечеров, когда у горящих на морском берегу костров отмечали вином из местной флоры начало новой жизни, не прекращается стихийная алкоголизация островитян. Она усилилась с притоком новых иммигрантов, с экономическими и социальными переменами и ускорением темпов жизни. Не умея к ним приспособиться, испытывая стрессовое состояние, люди обращаются к спиртным напиткам. Больше половины больных в психиатрическом госпитале на Маэ зависимы от алкоголя.

Спаивание местных жителей трудно приостановить, когда для иностранных туристов в отелях, на пляжах, в ресторанах, вдоль всех островных дорог продают спиртные напитки, манящие также островитян, вполне доступные большинству, занятому в индустрии туризма и по здешним меркам неплохо зарабатывающему. Вино везде — на официальных приемах, на семейных праздниках, на религиозных церемониях. Имей страна побольше населения, это было бы не так заметно, но в малочисленном обществе последствия алкоголизации удручают: на островах много добрых, веселых, беспечных людей, но трудно на них рассчитывать как на опору страны — здесь очень не хватает врачей, учителей, плотников, водителей городского транспорта, а брать их неоткуда. В состоянии алкогольного опьянения сейшелец может быть высокомерным, задиристым, скандальным, но от него трудно ждать хулиганства. Агрессивность пока не стала частью островной алкогольной культуры, поэтому объем вреда от спиртных напитков со стороны не так заметен.

— Неужели нет ничего, что могло бы заменить алкоголь, отвлечь от него, направить мысли в другую сторону? — спрашиваю на катере, когда мы возвращаемся к побережью Бо Валлон.

— Конечно, есть, — отвечает Луи, самый деловой в команде. — Например, марихуана. Не знаю, когда и откуда она взялась, но ее выращивают в горах на многих островах.

— А гашиш?

— Завозят. Самим заниматься лень.

Сходя на берег, я очень надеялся встретить сейшельца, готового рассказать о наркотических веществах, имеющих хождение среди островитян. Я не думал, что знакомство случится так быстро, и уж, конечно, представить не мог конфуз, который был мне наказанием за отступничество от данного самому себе слова: на Сейшелах отдохнуть и перестать думать о наркотиках.

Вечером я сидел за столиком на открытой веранде отеля, слушая шум моря, глядя на танцующие пары. Ко мне подсел невзрачного вида вихрастый креол, которого я накануне встречал среди рыбаков на пляже. Он заговорил по-русски и ответил на мой удивленный взгляд веселым рассказом о своей учебе в военном училище где-то на Украине — там в восьмидесятые годы готовили офицеров для молодых армий стран социалистической ориентации. Сейшелы тогда числились в их ряду, и мой собеседник Майкл с группой своих земляков пять лет изучал советское вооружение и тактику войсковых операций, не представляя, с кем острова собираются воевать. Теперь он рыбачит, нанимается в гиды туристам, шоферит, торгует ракушками и купальниками, берется за любую работу, какая подвернется на Бо Валлоне, и, если здесь ее нет, он будет шататься по берегу, ожидая своего часа, но ни за что не перевалит через скалу на соседние пляжи, патрулируемые другими островитянами. «Я работаю честно!» — убеждал он с горячностью.

Майкл допытывался, не может ли быть полезен «советскому другу», уверял в дружеских чувствах к народу, который в его глазах я представлял, клятвенно прикладывая руку к сердцу, попутно называя товары, которые мог бы для меня «достать» (его эмоциональная речь была пересыпана словечками из советского лексикона), беспокойно оглядываясь по сторонам, говорил о своем приятеле, который может раздобыть для него «любые наркотики» и даже «саму цитранеллу».

— Что за цитранелла? — спросил я.

— Вы не слышали?! Самый большой кайф. Ее курят на островах!

— Как она выглядит?

— Если хотите... если не проговоритесь, особенно полицейским... только ради нашей дружбы я бы мог пару доз достать. Но это будет стоить... сто двадцать рупий. Денег вперед не

надо, только когда товар будет у вас в руках... Не закажете мне бутылку пива?

Мне было любопытно увидеть сейшельский наркотик, о котором я впервые слышал. Майкл не спеша выпил пиво, предупредил о бдительности, пообещал вернуться через четверть часа и исчез между стволами пальм. За соседними столиками сидели туристы, слышался негромкий разноязычный говор, на эстраде маленький оркестр под сурдинку играл красивые мелодии, сопровождая шум волн, набегающих на песок.

Майкл вернулся раздосадованный — приятеля не оказалось дома, но если я сейчас же дам ему обещанные рупии, он вместе со мной пройдет в одно место, каких-то пару шагов, и цитранелла будет у меня в руках, он покажет, что с ней делать, и мы оба испытаем кайф. Он тяжело дышал мне в ухо, я инстинктивно чувствовал какую-то загадочность его поведения, но ощущение тайны подогревало мой интерес, и я решил не останавливаться. Мы прошли на освещенную круглую веранду соседнего ресторанчика. Спрятав рупии, мой наставник подошел к стойке бара, кого-то кликнул, появилась миловидная мулатка, с которой он долго шептался. Она отрицательно качала головой, похоже — укоряла его, но потом, как видно, сдалась, исчезла в дверном проеме, пару минут спустя вернулась нелюбезно сунула ему свернутый из газеты кулек и больше не появлялась. Майкл подошел ко мне, давая понять, что все в порядке. Попросив заказать еще пару бутылок пива, он с бутылками в одной руке и с пакетиком в другой с таинственным видом повел меня в неосвещаемую часть сада. Мы присели за свободный столик. Чтобы не вызвать подозрения Майкл выпил одну бутылку, потом другую, посмотрел по сторонам, убедился в полной безопасности, развернул кулек и высыпал на бумагу горстку сухих травинков. Их надо было затолкать в сигареты.

— Не бойтесь? — Он заглядывал мне в глаза.

Дав сигареты и посоветовав втягивать дым поглубже, он тут же распрощался, опаздывая на встречу со своей девушкой. Мы договорились завтра обменяться впечатлениями. Закурив, я ничего не почувствовал, кроме горечи и еле уловимого лимонного привкуса. Во рту было неприятно.

Утром следующего дня, прогуливаясь по центру островной столицы Виктории, миновав Церковь непорочного зачатия, я завернул на Альберт-стрит и зашел в супермаркет, известный большим выбором экзотических продуктов. Полки ломились от рыбы, креветок, осьминогов, всевозможных соусов и приправ, тропических фруктов, варений, восточных сладостей. И вдруг рядом с банками кофе и коробками чая — глазам своим не верю! — упаковки с надписью «Цитранелла». Открыто, на виду у всех! Я заплатил за упаковку какую-то мелочь и, сгорая от нетерпения, ссыпал на ладонь щепотку зеленоватой массы. Она была точь-в-точь как неудачно выкуренная мною. Я вернулся в магазин и спросил у продавщицы, что за странный товар.

— Отличный чай, месье! Недорогой, с лимонным привкусом, к тому же лечебный: если у вас жар, пропотеете, все пройдет.

— И это можно курить? — с надеждой спрашиваю я.

Продавщица улыбается мне, как дикарю, которого лучше не дразнить.

— Ну что вы, месье. У нас чай пьют...

Меня огорчали не выброшенные на ветер деньги, а то, с какой легкостью я позволил Майклу себя одурачить. Разумеется, я больше не встречал его на пляже Бо Валлон, скорей всего, его угощали пивом уже на других пляжах, но попадись он мне в те дни, я бы оценил его изобретательную игру и вместе с ним посмеялся бы над простофилями вроде меня, которых Сейшелы пьянят до умопомрачения.

Тем не менее встреча с пройдохой Майклом навела меня на мысль отступить от данного себе слова и познакомиться с проблемой наркотиков на островах. Интерес подогревала услышанная в те дни пикантная подробность: борьбой с наркобизнесом и наркоманией здесь руководит очаровательная женщина по имени Сара Рене, любимица островитян, жена президента страны. Я обратился с просьбой о встрече в сейшельский Совет по наркотикам, не питая особых надежд на разговор с первой леди, но рассчитывая получить какую-либо информацию от официальных лиц. Зная темпы передвижения таких бумаг, в ожидании ответа отправляюсь на пристань и сажусь на маленький катер, совершающий регулярные трехчасовые рейсы к острову Праслен, откуда за полчаса можно добраться и до Ла-Дига.

Даже объяснять не надо, почему из ста пятнадцати гористых островов архипелага первым выбираешь Праслен. Конечно же, наслушавшись рассказов о рощах целебного ореха коко де мер (морской кокос), овеянного легендами и преданиями, влекущими на остров толпы

любопытствующих. Говорят, в древности сорванные ветрами с пальмы плоды весом до двадцати пяти килограммов течения уносили от острова к юго-западным берегам Индии, где впервые оценили их целительную мощь. Орехи были универсальным противоядием, а главное, фантастически увеличивали мужские достоинства, значительно превосходя настойки женьшеня, препараты из рогов носорога и молодых пятнистых оленей. Европейцы впервые услышали о морских кокосах от Антонио Пигафетты, спутника Ф. Магеллана, летописца его плавания. Двудольные орехи женских деревьев с поразительной точностью воспроизводят интимную часть торса женщины, словно создателю позировали топ-модели доисторических времен. Растущие рядом мужские деревья покачивают могучими фаллосами, это соседство сильно возбуждает чувственность. По легенде, ночами деревья «любят» друг друга, но увидеть их ласки никому не дано — свидетели этого действия погибают. Местные жители уверяют, будто в рощах время от времени по утрам находят трупы людей без каких-либо признаков насильственной смерти. Может быть, эти слухи придумывает и распространяет среди туристов напарник Майкла.

Говорят, в Индии и странах Юго-Восточной Азии современные эпикурейцы даже сегодня готовы заплатить за орех фантастические суммы, но сейшельские власти запретили вывоз плодов. В лавках на Праслене туристам предлагают отполированные копии, по формам не отличимые от подлинника. Я не люблю подделок и в память о чудесном острове в придорожном магазинчике купил бутылку ликера «Кокос любви»; своими формами темного цвета бутылка в точности повторяет чуть уменьшенный коко де мер, а натуральный напиток, по уверению производителей, содержит несколько капель настоящего ореха, растворенных в соке сахарного тростника. Когда в Бишкеке мы с друзьями открыли привезенную с Праслена бутылку и выпили по рюмке, потом по второй, всех ожидало обидное разочарование, а меня еще и упреки старых товарищей — сейшельский сувенир не оправдал завышенных надежд.

С Праслена я доплыл на катере до соседнего гористого острова Ла-Диг минут за тридцать. Почерневшие мокрые доски причала пружинили под ногами. Поднявшись вместе с другими пассажирами на холм, я вслед за ними устроился на популярном здешнем транспорте — в крытой телеге, запряженной двумя волами, которых вел за собой на поводке полуобнаженный молодой сейшелец. На рытвинах телега подсакивала, на мохнатых шеях волов позванивали колокольчики, и вся процессия из пяти-шести телег, движущихся за нами по дороге над морем, вызывала в воображении перекочевку цыганского табора. Погонщики волов и сами волы с достоинством, не спеша пересекали кусок суши длиной пять и шириной три километра, держа путь мимо старых креольских домиков к бухте Сурж д' Ажан. По пути волы останавливаются у оживленного места. Старик-сейшелец в соломенной шляпе ловким махом раскалывает об острие зажатого между колен металлического лома кокосовые орехи, наваленные кучей рядом с ним. Под навесом другой старик, погоняя вола по кругу, тяжелыми гранитными жерновами прессует освобожденную от скорлупы мякоть кокоса. По деревянным желобам в бочку стекает масло. Масло и стручки растущей на острове ванили можно купить тут же, не отрывая глаз от зрелища. Чай с ванилью, кофе с ванилью, варенья, пирожки, тушеное мясо с ванилью островитяне употребляют не только из нежных чувств к белой пахучей орхидее, но еще из уверенности в тонизирующей силе стручков.

Сейшельские целители («колдуны») используют ваниль и полоски ароматичной коры распространенных на островах коричных деревьев. Я не встречал описаний технологии островного целительства. С «колдунами», или «лесовиками», как их здесь называют, пообщаться тоже не удалось, иностранцев они не очень привечают. Но, по рассказам островитян, моих случайных спутников на Праслене и Ла-Диге, среди части населения, по преимуществу добропорядочных христиан (католиков и протестантов), наблюдается обожествление наделяемых сверхъестественными силами народных лекарей — травников, колдунов, ясновидящих одновременно. Власти давно запретили их деятельность, но вера сейшельцев в черную магию все еще жива, особенно в небольших поселениях, в стороне от туристских маршрутов. Колдуны удовлетворяют неосознанную потребность людей в иррациональном объяснении причин их болезни и способны адаптировать свои способы лечения к этническим и культурным особенностям пациентов. В этом смысле сейшельские кудесники мало чем отличаются от целителей у нас, в Центральной Азии. Разница, может быть, в мотивации их занятия целительством. По моим представлениям, сложившимся в беседах с островитянами, нашим азиатским народным лекарям в большей мере свойственна тяга к философскому или мифологическому осмыслению жизни, тогда как их сейшельские коллеги, не имея устоявшихся давних традиций, руководствуются по преимуществу прагматическими соображениями.

Сколько ни расспрашиваешь жителей Праслена, Ла-Дига, а еще раньше Маэ, никто не припомнит островных растений, обладающих галлюциногенными свойствами, вроде ибogi в Африке, кактуса пейот в Южной Америке, псилоцибиновых грибов, распространенных повсюду в мире. На островах растет множество диких грибов, часть из них на деревьях, но никто не ест их, как китайцы, не использует в качестве наркотиков, как латиноамериканцы, нет даже центра, который бы изучал их. Ни один собеседник, а среди них были сейшельцы, чей род восходит к XVIII веку, к первым поселениям на островах, не мог припомнить, чтобы такие растения использовались в традиционной креольской культуре. Они не утверждали, что их вообще не существует на осколках суши в океане. Но старались доказать, что в аспекте истории и обычаев прибегать к наркотикам нет никаких причин. Природа, что ли, так пьянит, меняет настроение, вызывает фантазии, что нет нужды искусственно подстегивать психику?

Полдня я проведу в Ботаническом саду в Виктории, но и там, в царстве редчайших целебных деревьев, лиан, кустарников (многие больше нигде не встречаются), служащие не сумеют назвать хотя бы одно местное или завезенное галлюциногенное растение. Не только поэтому, но поэтому тоже, сейшельцы отличаются уравновешенной, здоровой психикой, безмятежным характером, способностью довольствоваться малым и при этом чувствовать себя счастливыми. Вернувшись в столицу, от официальных лиц я скоро услышу признание: недавнее появление на Сейшелах первых привозных тяжелых наркотиков (героина) тревожит более всего неизбежной утратой физического и психического здоровья островного этноса.

— Многие сейшельцы не видели в наркотиках серьезной проблемы, имея в виду местные посадки марихуаны, употребляемой в угоду моде молодыми людьми и школьниками. Но с тех пор как в нашем госпитале оказался один тяжелый наркоман, пусть иностранный турист, а затем двух островитян задержали с небольшим количеством героина, мы задумались о тенденции. Индустрия туризма, на которой держится экономика государства, грозит островам быстрой и массовой наркотизацией, — говорит господин Жилли Нажон, директор Совета по наркотикам и алкоголю Республики Сейшельские острова. Его офис в том же парке, где президентский дворец. Когда я вернулся из поездки на острова и нашел в отеле факс с указанием времени и места встречи, мне показалось неслучайным соседство на одной территории главы государства и главы антинаркотической структуры. Это была демонстрация твердой президентской воли остановить тяжелые наркотики на дальних подступах к затерянным в океане островам.

Что за милые люди, эти сейшельцы! Вот сидят они вдоль стены, активисты Совета по наркотикам, среди них учитель, врач, журналист. Желая помочь гостю представить реальную ситуацию, они морщат лбы и потирают виски, мучительно припоминая случаи, которые могли бы объяснить причину тревоги, их охватившей. Один молодой островитянин с Маэ работал матросом на торговом корабле под германским флагом, в портовых городах Европы пристрастился к ЛСД. Все расплывалось у него перед глазами, окружающий мир покачивался, менял цвета и формы; никто не знает, где и каким образом сейшелец «присел» на наркотик, но когда его списали с корабля и высадили на Маэ, он страдал не от потери работы, кормившей его семью, не от расстройства психики, а только от невозможности найти здесь этот наркотик, снять нестерпимые боли по всему телу. Когда его под руки привели к психиатру, он готов был жизнь отдать за полоску пропитанной препаратом папиросной бумаги, чтобы хоть на мгновение вернуть знакомые образы и ощущения. Других похожих происшествий со своими земляками островитяне не помнят, но одного этого было довольно, чтобы взбудоражить восьмидесятитысячное население. Сейшельцы находятся в состоянии, которое народы других стран переживали в шестидесятые — семидесятые годы, когда первые соотечественники-наркоманы приводили в смятение и растерянность институты власти и все общество, почувствовавшее масштабы грядущей беды.

Как ее предотвратить в маленькой стране, куда каждый год свободно приезжают до ста десяти тысяч туристов (из них две трети европейцев, а также азиаты, африканцы, американцы), в их числе наркоманы, прихватывающие с собой все, что, по их понятиям, нужно для полного счастья и от чего не намерены отказываться? Хотя сейшельцы народ довольно гордый, перед богатыми гостями не пасуют, их открытость и готовность находить с приезжими общий язык облегчает туристам-наркоманам праздности ради вовлечь красивых мускулистых полуобнаженных креолов в потребление привезенных с собою сильных наркотиков. Их сбыт в целях коммерции пока замечается едва-едва, но приобщение островитян к наркотическим веществам, им ранее не известным, чревато новыми социальными проблемами.

— От наркотического бума островитян спасет консервативность, — пытаюсь я внести в

невеселый разговор оптимистическое начало.

— Консервативность чего? — удивляется господин Нажон.

— Всего: традиций, пристрастий, образа жизни.

Господин Нажон качает головой:

— У моих родителей было семеро детей, в моей семье, в семьях большинства моих ровесников, только один ребенок. Жизнь дорожает, темпы ускоряются, приходится больше работать, меняется образ жизни, а наше внутреннее содержание за переменами не поспевает. Растет напряжение, учащаются стрессовые состояния. Их снимают алкоголем и наркотиками, пока еще легкими, усложняя ситуацию еще больше. Но когда на Маэ недавно конфисковали щепотку героина, это было сигналом бедствия: началось!

Не дожидаясь агрессии наркотиков, сейшельцы открыли в Виктории реабилитационный центр, пока для потребителей алкоголя, марихуаны, гашиша. В основу положили близкую креолам по их характеру и духу миннесотскую модель (программа «Двенадцать шагов»).

Она привлекла активистов Совета по наркотикам своей универсальностью: модель годится для лечения любых видов зависимости, в том числе от азартных игр и даже страдающих обжорством. Мне что-то не попадались на островах явные жертвы переедания, да и откуда им быть, когда в соломенных хижинах под крышей из сухих ветвей веерной пальмы или в домике, приподнятом над влажной землей на четырех каменных опорах, люди едят по большей части приготовленный на пару рис, рыбу, свежие овощи. Первая леди, говорят мне, любит повторять: при всякой зависимости человек должен знать предмет и иметь право сделать выбор.

— Могу ли я поговорить с первой леди?

— К сожалению, госпожа Сара очень занята.

Я знал, что шансов встретиться с первой леди Сейшел почти нет, она ведет огромную работу среди сейшельских женщин, среди молодежи, среди престарелых, и вот еще наркотики, а дома две дочери, и она едва успевает принимать гостей мужа — коронованных особ, и я сказал, уже поднимаясь:

— Коронованных особ госпожа Сара насмотрелась, а шанса говорить с кыргызом у нее до сих пор не было, и она может пожалеть об упущенной возможности.

Собеседники рассмеялись и заговорили по-креольски. Господин Нажон снял телефонную трубку и после короткого разговора стал собираться:

— Первая леди просит нас подождать пару минут в вестибюле дворца.

Мы пересекли парк и по мраморным ступеням поднялись в вестибюль президентского дворца. Над крышей развевался флаг республики — президент Франс Альбер Рене, стало быть, в эти минуты в рабочем кабинете; может быть, рядом с ним Сара. Можно представить, сколько волнений за мужа, за семью, за республику выпадало на долю этой женщины начиная с шестидесятых годов. Рене создавал Объединенную партию народа Сейшельских островов, боролся с претендовавшим на власть, популярным в западном мире сейшельским плейбоем и политиком Джеймсом Мэнчемом, который впоследствии стал президентом и пытался превратить страну и мировое «казино в океане». В 1977 году в стране произошел переворот, и его участники предложили премьер-министру Рене возглавить государство. Молодой президент стал осуществлять план экономических и социальных реформ. Одна за другой предпринимались попытки свергнуть власть, в том числе морскими десантами с берегов Африки и руками прилетавших самолетом под видом спортивной команды вооруженных наемников. Все эти годы Сара была рядом с мужем. Еще не видя первую леди, наслышанный о ней, я преклонялся перед ее самоотверженностью.

Скоро в вестибюле появилась хрупкая женщина в белом костюме, в белых лодочках, застенчивая и смущенная, и не успел я подумать, как скромна и обаятельна секретарь первой леди (или ее референт?), подошедшая к нам женщина протянула каждому руку:

— Сара Рене.

Мы заговорили о предмете нашего общего интереса, и я был приятно удивлен тем, как легко и изящно наша собеседница вплетает проблему наркотиков в историю ее островной родины, которую первыми оценили, стали осваивать европейские пираты и корсары XVII — XVIII веков. Неизвестно, были ли на самом деле зарыты в пещерах их клады, пока обнаружить сокровища не удастся, хотя искатели наживы перекапывают огромные площади. Другое наследие морских авантюристов перешло к первым поселенцам, колонистам, рабочим хлопковых и кукурузных плантаций, вошло в богатые дома, в залы губернаторских приемов, стало частью культуры — пристрастие к алкоголю. Я вспомнил разговор с рыбаками на берегу бухты и подумал о том, как

близки мировосприятия островитян и первой леди. В мягком климате, почти не меняющемся в разные времена года, при ласкающем тело монотонном теплом солнце спиртные напитки, продукты перегонки фруктовых соков, утоляя жажду, вносили в ленивое однообразие жизни взбадривающее и веселящее начало, пока чрезмерное их употребление не стало вызывать зависимость. Для многих островитян привычка к алкоголю оборачивается болезнями сердца, печени, центральной нервной системы. И если молодой сейшелец прогуливает на работе, если он раздражителен, если на занятиях он с трудом запоминает и плохо соображает, а на пляже проявляет несдерживаемые сексуально-агрессивные импульсы, причиной тому чаще всего алкоголь. Сару Рене особенно волнует появление алкоголя в среде юных островитян — завтрашних хозяев республики.

— Мы стараемся создать детям, всем без исключения, равные возможности для развития своих способностей, учим жить, не гнушаясь никакого труда, уважая работу «чистую» и «грязную», помогая друг другу, как братья и сестры. Эти принципы и алкоголь несовместимы, и я не стану утверждать, будто всегда верх берут принципы, — говорит миссис Сара.

— А наркотики? — спрашиваю я.

— Это как накат долгой приливной волны: тебя несет на прибрежные скалы, ты видишь, чем все кончится, но нет сил грести, да и не знаешь куда...

На Сейшелах почти нет тяжелых наркотиков, их, повторяю, прихватывают с собой иностранные туристы, готовые разделить восторг с первым повстречавшимся креолом, тем более с креольской девушкой — то есть берут для себя, не имея цели сбыта. Хотя коммерческая сторона пока слабо просматривается, ее волны, мы уже знаем, обозначились на горизонте; спрос на наркотики среди местных жителей недостаточен для создания стабильного сейшельского наркорынка, способного соперничать с торговлей копррой, корицей, ванилью. Тем не менее отрасль сама формирует спрос, используя такой мобильный, состоятельный, имеющий обширные связи институт, как элитарный туризм. Во всяком случае, если под видом туристов на Сейшелы попадали заговорщики с боевым оружием в спортивных сумках, наркодельцам не так трудно под видом, например, инструкторов подводной охоты или очарованных птичьими базарами орнитологов провезти спрятанные в снаряжении амфетамины, галлюциногены, опиаты. Предупреждение о тридцати годах тюрьмы еще никого не заставило выложить перед таможенной аэропорта Пуант Ларю мешочки с наркотиками и упасть на колени в раскаянии.

Главная опасность пока не от приезжих, а от самих островитян, самых предприимчивых, взявшихся выращивать в горах, на неизвестных и труднодоступных для полиции склонах марихуану. Она органично вписывается в сейшельскую субкультуру, по преимуществу молодежную, представленную крепким табаком и некрепким алкоголем. Хотя марихуану и гашиш сюда отчасти тоже завозят, разборчивые сейшельцы предпочитают отечественный продукт. По их мнению, сок цветущих верхушек здешних кустов смолистее и дает больший психоактивный эффект. У островитян, курящих марихуану, наблюдаются замедление мыслительной работы и склонность к бредовому восприятию окружающей среды. Под влиянием наркотика возрастают беспорядочные половые связи, а с ними риск заражения неизлечимыми и трудноизлечимыми заболеваниями. Если процесс не остановить, он будет снижать привлекательность островов для туризма, выбивать одну из опор национальной экономики. Беспокойство властей вызывает даже не всплеск употребления молодыми сейшельцами марихуаны, а возможность и, судя по опыту других стран, неизбежность перехода от марихуаны к более сильным наркотикам. Общество может столкнуться с социальными проблемами, здесь более острыми, чем в других частях света, уже переживших этот этап.

Перед накатом большой волны Сара Рене и ее команда знают, куда грести.

Они видят приоритетную задачу в предотвращении злоупотребления наркотиками. В первую очередь в молодежной среде, в том числе школьниками, особенно младшими. Если удастся сызмальства научить детей не поддаваться искушениям, у их поколения не будет проблем. Но как вложить в незрелые головки простую мысль, которая с трудом дается людям много старше, даже их родителям, о зависимости их судьбы, того, как она сложится, от меры их ответственности за собственное здоровье? Пусть им доступны все радости жизни, в том числе хмельная, веселящая, легкая радость застолья в кругу друзей. Но кто сумеет убедить хотя бы собственного ребенка в том, что эти маленькие радости, если они на самом деле поднимают тонус, не могут, не должны становиться смыслом какого бы то ни было события, тем более смыслом отпущенной человеку и, в общем-то, короткой жизни?

Сейшельцы совместили два пути.

Прежде всего стали *учить родителей*, объясняя им, как в них, особенно в них, дети ищут пример для подражания и как нужно быть осторожным в поступках, словах, даже в интонациях, чтобы укрепить в душе ребенка способность сопротивляться внешнему давлению, пусть со стороны сверстников, пусть даже лидера группы, когда они прямо или косвенно играют на чувствах подростка, всегда желающего казаться старше.

Одновременно в школах ввели *уроки* по изучению наркотиков и последствий от их применения. Пусть еще не хватает подготовленных учителей, достаточно хорошо владеющих медицинским и социальным аспектами злоупотребления наркотическими веществами, но вокруг команды Сары Рене уже сплотились врачи, журналисты, педагоги, полицейские, изучавшие проблему в других странах. Они ведут занятия с разными возрастными группами, в том числе с самыми младшими, не избегая трудных вопросов, не вселяя в детские души ужасы и страхи, но с мелом у доски давая знания о головном мозге и механизмах воздействия наркотиков, выбирая точные слова, как если бы это была математика.

— Кто ваши единомышленники? — спросил я Сару Рене.

— О, их много! Но первым я бы назвала политика, который одержим идеей объединения народов в борьбе с незаконным распространением наркотиков — И, не дожидаясь вопроса, улыбнулась:

— Вы угадали!.. Наш президент Франс Альбер Рене.

Покидая президентский дворец, прощаясь с очаровательной хозяйкой, я думал о том, что в мире не так много стран, куда еще не хлынул девятый вал наркотизации и где профилактика еще может предотвратить беду спасти положение. Но даже там, где время упущено и на первый план уже вышла яростная борьба, в размышлениях о том, как обезопасить, пока не поздно, хотя бы детей и подростков, не лишне присмотреться к тропическим островам в Индийском океане.

Глава четырнадцатая

АВСТРАЛИЯ:
«НАРКОТИЗАЦИЯ ВСПЯТЬ»

Почему рыдала Барбара Насир из народа гэдоа — «Двенадцать шагов» в госпитале Варбуртона — Анжела и Тони Вуд: «Нашу девочку не вернешь» — Мэрг Уэли, защитница наркоманов в районе Св. Килды — Программа штата Виктория: уменьшить потребности и контролировать ситуацию — Новозеландец Тревор Грейс о «великой краже мозгов»

Открытие Международной конференции по наркотикам в Варбуртоне, в сорока километрах от Мельбурна, было неожиданным. На подиум поднялся австралийский певец, широкоскулый, как все аборигены, известный в стране, но в этот раз никто не услышал его баритона. Он поднес к губам длинную трубу, почти достававшую до пола, и в гробовой тишине извлек протяжный, щемящий, пронзительно вибрирующий звук; может быть, так трубил раненый зверь в папоротниковой чаще.

В третьем ряду зарыдала женщина. Все повернули головы. Это была, как я потом узнал, Барбара Насир, первая австралийка, посвятившая свою жизнь защите земляков-аборигенов от наркотиков; стонущая мелодия ей говорила много больше, чем остальным. В один из перерывов я подошел к ней. Вокруг сновали люди с чашечками кофе в руках, обменивались текстами докладов и адресами, а мы сидели на стульях опустевшего заднего ряда.

Человек несет в себе не только свою личную судьбу, но и тысячелетнюю историю и культуру своего народа, отраженные — помимо его желания — в складе его души и мировосприятии. В этом смысле утверждение, будто каждый сам кузнец своего счастья, справедливо лишь отчасти. На самом деле жизнь человека куется задолго до его появления на свет в глубинах веков сменяющимися одно другое поколениями. Аборигены Австралии сорок тысяч лет оставались изолированными от остального мира, сохраненная ими культура была для мировой науки образцом культуры первобытного общества во времена, когда возникали основы человеческой цивилизации.

Вот какую историю я узнал.

Предки Барбары из народа гэдоа, в набедренных повязках и с ожерельями из ракушек на груди, жили в мангровых лесах Северных Территорий в местности Баралула. Они были охотники и собиратели растений. Мужчины били рыбу трезубцем, женщины ловили ее на крючок. В тех местах произрастало много ядовитых и одурманивающих растений, их кипятили или другими способами обезвреживали перед употреблением в пищу. Иногда этими растениями, измельченными и брошенными в пруд, травили птиц, рыбу, австралийских эму, но в памяти людей не сохранилось ни одного случая, когда бы в отраву окунали наконецник копья, с которым шли на животных¹.

В жизни аборигенов все перевернулось с началом европейской колонизации. Белый человек мог увести из хижины любого ребенка, который ему приглянулся. Подразумевалось, он даст ребенку образование и вернет семье. Аборигены не подозревали, что прощаются с ребенком навсегда. Мать Барбары, тогда восьмилетнюю девочку, тоже отняли у родителей, и она, как все другие дети гэдоа, к отцу и матери больше не вернулась. Со временем мама Барбары вышла замуж за шотландского переселенца, родила ему четверых. Барбара, одна из них, очень скоро ощутила себя частью своей матери. Эта ее часть «все время хотела узнать свои корни». Она не сразу осознала, почему после смерти матери благонамеренный и тихий отец был в постоянной вражде с чиновниками. Только потом ей рассказали, как власти пытались отобрать у отца «коричневых детей».

— Мне захотелось узнать больше о стране моей матери. Десять лет ушло на расследование. Я спрашивала людей снова и снова, откуда я, откуда моя мать, на каком языке она разговаривала. Мне нужна была эта информация, чтобы передать ее своим детям.

Барбара достает из сумочки фотографии детей.

— Я не чужая в этой стране, мы ее коренные жители. Но почему-то, когда мы пытаемся найти свою этническую принадлежность, возникает пустота, появляется ощущение утраты этой принадлежности. Кто мы, чем живем, как выживаем? Мы все чаще задаемся этими вопросами, но не можем найти ответа. И что же мы делаем? Мы хватаемся за что-нибудь, позволяющее забыться, — алкоголь и наркотики. Так мы можем быть счастливы хотя бы короткое время. Это все, чему научилось большинство из нас...

Есть люди, которые печалятся о судьбах своего народа, глубоко вздыхая и давая понять, что не в их, к сожалению, силах изменить ситуацию. Барбара другая, она убеждена в своих личных возможностях уберечь от наркотической гибели сто сорок тысяч своих соплеменников. В северном городе Фауне она и ее друзья из образованных слоев коренного населения на отведенной властями земле построили Центр обучения аборигенов, профилактики психической зависимости и реабилитации больных. Это крупный лечебный и образовательный комплекс «для украденного поколения» (ее слова), где лечат наркозависимых больных, помогают получить профессию, где своими делами заправляют сами аборигены. Их как может финансирует правительство Австралии, в этом смысле, мне показалось, одно из самых совестливых.

Но Барбара считает иначе:

— Мой народ умирает — это реальность, от нее не уйти.

Кочующие предки Барбары применяли для обрядов галлюциногенное растение питури. Два его алкалоида вызывали причудливые и красивые видения, уносили в легкий головокружительный мир, не имеющий времени и пространства. Выпив слабый отвар питури, охотник избавлялся от чувства голода и жажды. Племена, обитавшие в местах произрастания питури, обменивали свое растение у соседних племен на копыя, охру, жернова. Вожди племени, они же знахари и провидцы, большие любители церемоний, использовали питури для вхождения в транс, для демонстрации своих возможностей в предсказаниях и как показатель имущественного превосходства над соплеменниками².

Наркотики — новая эпидемия на землях аборигенов Австралии, Океании, Южной Америки, Сибири, Дальнего Востока. Быстрее других она поражает тех представителей коренных народностей, кто оказался в промышленных городах, в обстановке растущих соблазнов, однако на подсобных малооплачиваемых работах. Я встречал этих несчастных с потухшими глазами и затравленным взглядом, в котором отражалась вся их нескладная жизнь. Глубокие не по годам морщины на лбу, блуждающая жалкая улыбка, беспричинная внезапная агрессивность выдавали давнее, часто наследственное влечение к одуряющим веществам как средству забвения. Невыносимо бывает видеть в их облике печать физической и психической деградации. У них нет выхода, кроме как преступать закон, чтобы тянуться за игнорирующим их «цивилизованным» миром.

Общаться с аборигенами нелегко, их трудно разговорить. Они слишком долго были подавлены, стесняются. Барбара тоже долго не решалась — должны были пройти годы, чтобы она преодолела немоту.

— Постарайтесь понять аборигена, — убеждает меня Барбара. — Твоя страна быстро меняется, но тебе не дали образования и навыков, чтобы ты мог меняться вместе с ней. Мы можем стать сильными и уверенными в себе, если изменимся.

— Барбара, — спрашиваю я под конец, — есть ли на свете что-то, способное спасти ваш народ от наркотиков и алкоголя?

— Только одно, — отвечает она, не задумываясь. — Образование! Прежде всего образование детей. Мы уходим из этого мира, наши дети остаются. Они должны быть на равных со всеми, кто живет в моей стране. Сегодня мы существуем в двух мирах: один — мир современности, где нужно работать, видеть вокруг предметы, знать их свойства. Но нужно держаться и за мир наших предков, иначе этот мир исчезнет, мы потеряем его.

Исповедальный рассказ Барбары уводил меня на северо-восток России, в мир глубоких искрящихся снегов и чахлах лиственниц. Я вспоминал эвенков, юкагиров, тофаларов, телеутов. Они могли бы слово в слово повторить горькие признания дочери народа гэдоа, их австралийской сестры. Общая для них историческая и социальная трагедия усугубляется обстоятельством биологического свойства. В организме коренных северян почти нет ферментов, способных

разрушать в крови алкоголь. Без них алкоголь быстро воздействует на организм и слишком долго не выводится, создавая миф об аборигенах, якобы «не умеющих пить» или «пьющих слишком много».

Малые народности, живут ли они во влажных эвкалиптовых лесах или в морозной тундре, нуждаются в особой чуткости и деликатности. Промышленные корпорации приходят в места традиционного обитания аборигенов со своими городами, инфраструктурой, молодым населением. Пришлый народ не считается с запретами, чувствует себя комфортно в обеих эрах — в эре новых технологий и в эре наркотиков. Аборигенам все труднее от них пятиться, да уже и некуда.

Протестантская Церковь Адвентистов Седьмого дня владеет в Варбуртоне зданием, где проходят наши встречи, и лечебным комплексом с отделением для алкоголиков и наркоманов. Главный врач Жорж Томпсон, координатор конференции, постоянно был в плену гостей и журналистов, я только издали видел его. Но на исходе первого дня работы людским прибором нас случайно вынесло друг на друга. Мы разговорились, и я был рад его предложению посмотреть лечебный комплекс. Его открыли после того, как молодые люди, бывшие наркоманы, объезжая на велосипедах с плетеными корзинами соседние городки, собирая пожертвования, нашли поддержку у состоятельных местных адвентистов; они отвели под корпуса часть своей земли и стали опекунами медицинского комплекса.

Мистер Томпсон, ведя машину одной рукой, а другой жестикулируя, по пути объяснял особенности клиники. Здесь объединили первичную госпитализацию, при которой проводят купирование острых состояний, общеукрепляющую терапию, активное противонаркотическое лечение (минимальная продолжительность пять недель) и реабилитационный центр. Выздоровливающий пациент несколько месяцев, иногда до года, получает социально-психологическую помощь. Ее оказывают не столько медики, сколько организованные в группы сами больные. Они стараются выбираться из трясины, опираясь друг на друга. Все сто десять коек постоянно заняты, хотя стоимость лечения (две тысячи австралийских долларов в неделю) доступна лишь пациентам среднего достатка. Малоимущих, в том числе аборигенов, берет на себя местная церковная община.

Больничные палаты похожи на номера отеля — с креслами, холодильником, телефоном на журнальном столике. Телевизор в холле один на всех, в палатах больные должны сконцентрироваться на лечебной программе. Мистер Томпсон ведет меня через гимнастический зал, где группа мужчин и женщин выполняет несложные упражнения. Выходим к плавательному бассейну — внизу густой лес, слышен птичий гомон. Мне показалось, это прокручивают аудиопленку с записанными птичьими голосами. Но, когда я в шуточной форме выражаю сомнение, мистер Томпсон вспугивает с веток трех красных попугаев, они хлопают крыльями.

В холле пациенты сидят в креслах кружком. Они мало похожи на обитателей психиатрической клиники, скорее на братьев и сестер одной семьи. Все они хронические зависимые. Большинство начинали с марихуаны и гашиша. Местная конопля, кстати, считается одной из самых сильнодействующих — в ней больше активных ингредиентов, чем в конопле любого другого происхождения³. Доктор Томпсон, заручившись согласием пациентов, разрешает мне вклиниться в разговор.

Рядом со мной Дона из Мельбурна. Ей двадцать восемь лет, живет отдельно от родителей, только со служанкой и собакой, пишет рассказы. В редакциях и издательствах берет авансы, которых едва хватает на наркотики. Лет восемь назад начинала с амфетаминов, перешла на героин — это случилось, когда в ее жизнь вошел человек, хронический героинист; она не устояла перед соблазном разделить с ним еще и эту страсть. Четыре года он делал уколы героином, ей это нравилось, пока он не начал ее насиловать способом, вызывавшим в ней отвращение. «У меня была достаточно бурная жизнь...» Много раз пыталась бросить, это не получалось; даже когда возлюбленный ушел к другой, ноги сами упрямо вели по знакомым адресам к румыну или вьетнамцу, которым приносила свои издательские авансы в обмен на героин. Приходила к родителям, пыталась с их помощью воздержаться от уколов, но тяга бывала такой сильной, что в минуты, когда еще владела собой, она бежала прочь из родительского дома, чтобы не случилось трагедии. Родители чуть с ума не сошли. В клинике не первый раз. В прошлом году лечилась, вернулась в свою квартиру, снова села за компьютер, но месяца два спустя сорвалась и три дня подряд кололась. Она прячет под стол руки, все в язвочках.

В последнее время австралийские героинисты отказываются от внутривенных инъекций, в

моду входит курение героина. Порошок из Юго-Восточной Азии поступает в Австралию комковатый, более удобный для курения. Затыжку называют по-восточному загадочно: «охотой на дракона»; название, скорей всего, от китайцев, которые когда-то завезли первый опиум на здешние золотые прииски. «Охоту...» предпочитает средний класс, в том числе врачи и юристы.

— Героин стимулировал воображение? — спрашиваю Дону.

— Иногда, но не было сил. Я много потеряла в весе, чуть не умерла от передозировки.

Куда мне было снова идти?

— Вас здесь навещают?

— Раз в неделю... Моя служанка и собака.

Небритый Бен, сорока двух лет, по профессии автомеханик. Блуждающий взгляд, не способный на чем-либо задержаться, странным образом гармонирует с опущенными плечами, рисуя законченный образ человека, давно себя потерявшего. «Он немного нервный», — шепнул мне мистер Томпсон. Это был деликатный совет удержаться от обращений к странному пациенту, чтобы избежать его непредсказуемой реакции. Бен сам, когда хотел, вмешивался в разговор. Из его реплик можно было понять, что он кололся часто и большими дозами, в состоянии наркотического опьянения разбивал свои автомобили, чудом оставаясь в живых, и в припадках депрессии не раз пытался покончить с собой. «Кому-то надо терзать меня живым...»

— Бен, — поворачиваюсь к нему, — как вы переносите ломки?

— Схожу с ума. Когда в последний раз ломало, еле доехал до Варбуртона. Доктор Томпсон два дня от меня не отходил, чем только ни колол. Не знаю, как сердце выдержало.

— Его привезли без сознания, почти в коме: острая передозировка морфином. Мы ввели налоксон, сразу большую дозу, потом вводили каждый час, пока Бен пришел в сознание, — сказал доктор Томпсон.

Рядом с Беном хохотушка Колли, тридцати четырех лет, мать двоих детей; она отсидела срок в тюрьме («за выяснение отношений с настойчивым поклонником», на ухо сказал мне мистер Томпсон). Заключение не оставило в ее манерах видимого следа, но приобретенный там опыт курения гашиша, который за деньги приносили в камеру охранники, с тех пор даже на свободе занимал все ее мысли. Дети жили у ее матери под Канберрой, а в ее мельбурнской квартире появились новые друзья, научившие получать кайф еще от кокаина. Кроме них, она никого не хотела видеть в своей неубранной квартире, и долго бы так продолжалось, если бы однажды вызванная соседями «скорая помощь» не увезла ее с острой сердечной недостаточностью. «Но я упрямая, мои предки из каторжан!» — смеется Колли.

Кстати, все собеседники, судя по их рассказам, потомки ссыльных англичан, которым на родине смертная казнь в 1778 году была заменена десятимесячной транспортицией на одиннадцати парусниках британского флота к почти пустынной материке. Они не утверждают, что прямые потомки. Генеалогического древа не составляли, но их родословная, как они слышали в своих семьях, так или иначе восходит к той эпохе. Острословы уверяют, что австралийские женщины до последнего времени носили наглухо закрытые платья не из строгой морали, а чтобы никто не видел на роскошных плечах тюремное клеймо. Каждое новое поколение австралийцев становилось значительно лучше своих предшественников в моральном и физическом отношении. Материк давал большой простор для их развития, но комплекс происхождения разедал душу многих. По наблюдениям психиатров, этот комплекс, практически забытый, нет-нет да и обнаруживает себя в наши дни вспышками наплывающего из тьмы веков необъяснимого стресса, который погашают алкоголем и наркотиками.

Не хочу сказать, что у всех больных наркозависимостью, в том числе австралийцев, если покопаться, в родословной обязательно найдешь преступников, приговоренных к виселице, но наследственность, по-видимому, может в какой-то мере способствовать злоупотреблению веществами, вызывающими патологическую зависимость. Настоящие причины лежат, конечно, в жизненных ситуациях и моральных установках самой личности.

Широкие окна холла, где мы сидим, выходят в лес. На стене огромный плакат с программой «Двенадцать шагов», исповедуемой в лечебнице как принятый здесь метод реабилитации. В середине тридцатых годов программу разработали американцы для групп самопомощи алкоголиков («Сообщества Анонимных Алкоголиков» — АА), а с начала пятидесятых ее приняли в психотерапевтических группах наркоманов («Сообщества Анонимных Наркоманов» — АН). Оба движения объединяют больных лекарственной зависимостью, начавших лечиться или выздоравливающих. Они проводят групповые собрания, поддерживая самих себя и

каждого в группе, кто хотел бы изменить отношение к своей болезни⁴.

О чем речь?

Когда-то американский врач Джозеф Пратт, занимавшийся с группой туберкулезных больных, которые по разным причинам не могли проходить курс лечения в стационарных условиях, обратил внимание на сильное психотерапевтическое воздействие общих бесед, когда не только сам врач, но и больные, рассказывая о себе, обсуждая проблемы других участников разговора, испытывали благотворное воздействие открытого общения на свое основное заболевание. Сам термин «групповая психотерапия» утвердился в начале тридцатых годов, когда Якоб Морено из Нью-Йорка стал выпускать под таким названием первый профессиональный журнал, проповедовавший врачующие свойства групп, в которых люди, имеющие общие проблемы, помогают друг другу и одновременно сами получают помощь. Взаимодействие членов группы между собой и с психотерапевтом со временем становится лечебным фактором, меняющим отношение пациента к своей болезни и к среде.

Участниками таких групп были пациенты доктора Томпсона. Они доверяют и симпатизируют друг другу. Перечисленные в плакате «шаги» они помнят наизусть, но сейчас мы вместе перечитываем их:

- Мы признаем свое бессилие справиться с наркотиками и контролировать свою жизнь;
- Мы пришли к убеждению, что сила, могущественнее нашей собственной, способна вернуть нам здравый ум;
- Мы решили отдать нашу волю и нашу жизнь под покровительство Бога, как мы Его понимаем;
- Мы тщательно и беспристрастно изучили свое поведение;
- Мы признались перед Богом, перед самими собой и другими людьми в существовании своих ошибок;
- Мы полностью подготовились к тому, чтобы Бог избавил нас от дурных черт характера;
- Мы смиренно попросили Его искоренить наши недостатки;
- Мы составили список лиц, которым мы причинили зло, и готовы возместить ущерб;
- Мы возместили ущерб всем этим лицам, кому было возможно, кроме ситуаций, когда это причинило бы вред им самим или другим людям;
- Мы продолжали присматриваться к своему поведению и, когда ошибались, вовремя признавали это;
- Мы с помощью молитвы и размышления старались углубить наш осознанный контакт с Богом, как мы его понимаем, молясь лишь о понимании Его воли и чтобы Он дал силы исполнить ее;

— Добившись духовного пробуждения в результате этих шагов, мы старались донести весть об этом другим наркоманам и руководствоваться этими принципами во всех наших делах.

Когда-то давно, уловив в «Двенадцати шагах» религиозную окраску, я подумал, что люди, решаясь признаться в болезни и в собственном бессилии избавиться от нее, в программе уповают на Бога, а это для многих может затруднить приход в группу. Будь я тогда внимательнее, я бы обратил внимание на оговорку: «...Бога, как мы его понимаем». В этом уточнении — глубины больше, чем может показаться. Мои собеседники были протестантами (Дона), католиками (Колли), мусульманами (Бен), они могли быть атеистами, и это не мешает им следовать общей программе. У каждого в душе своя Высшая Сила, на которую можно опираться, независимо от того, в каком обличье она видится. Есть люди, нашедшие предмет поклонения и повиновения в группе себе подобных, способной сделать с личностью то, что самой личности не под силу. Легко ли в одиночестве, перелистывая в дневнике жизни испорченные страницы, вызывающие жгучий стыд, не вырвав их при людях, таких же, как ты, тебя хорошо понимающих, суметь навсегда о них забыть? В группе к людям возвращается давно забытое чувство покоя и безопасности.

«Шаги» предполагают постепенный духовный рост. От осознания скудости прошлой жизни, совершенных ошибок, а часто преступлений, мешающих двигаться вперед, увеличивающих риск рецидива, выздоравливающий, перестав употреблять наркотики, освобождаясь от агрессивности, переменами в себе как бы отплачивает близким людям или живущим с ним рядом за перенесенные по его вине страдания — возмещает моральный ущерб. От участников программы никто не требует обещаний навсегда покончить с наркотиками, группа вообще против пустых слов. Нужны поступки здесь и только сейчас — ни при каких обстоятельствах не принимать наркотики сегодня⁵.

Доктор Томпсон поднялся.

— Завтра суббота, к ним приезжают навестить их семьи, пусть отдохнут.

Я тоже опаздывал на условленную встречу. Все пошли нас провожать. Всего доброго, Дона и Колли. Удач тебе, Бен! Я желаю вам пройти эти двенадцать шагов уверенно, до полного выздоровления.

Когда машина спускалась с холма на улицы Варбуртона, я спросил у доктора Томпсона о шансах пациентов. Из каждой сотни прошедших курс в течение года от наркотиков воздерживаются пятьдесят шесть больных, от алкоголя семьдесят четыре; на второй год — от наркотиков тридцать четыре, от алкоголя пятьдесят два; на третий — от наркотиков шестнадцать, от алкоголя тридцать четыре... Шансы не очень обнадеживают, но это лучше, чем в реабилитационных центрах многих стран, тоже работающих по программе «Двенадцать шагов».

Держитесь, Дона и Колли! Держись, Бен...

Мы договорились о встрече с Анжелой Вуд, президентом общественного Австралийского агентства по контролю за наркотиками. Накануне она зачитывала на конференции свое выступление, подготовленное вместе с мужем, о личных утратах, которые бывают, когда не можешь уследить за детьми, попробовавшими наркотики. Говорила сбивчиво, то и дело вытирая платочком глаза.

Высокая женщина с печальными глазами уже поджидала нас в опустевшем конференц-зале. От нее я услышал историю, записывать которую был не в силах, и перескажу, как запомнил. Анжела и ее муж Тони, страховой агент, поженились двадцать два года назад. Жили размеренно и счастливо, растили двух дочерей. Однажды младшая, пятнадцати лет, ушла из дома и больше не вернулась. На дискотеке принимала таблетки экстази, наркотик был чистый, без примеси, но химический баланс неокрепшего организма был нарушен, девочка умерла. Это был один из первых смертельных случаев в Австралии от употребления метамфетамина⁶.

— Так страшно мы с мужем первый раз слышали о наркотиках. Не знаю, как мы не сошли с ума. Три года живем только этим, ничем другим. Хотя слишком поздно. Нашу девочку не вернешь.

Анжела и Тони познакомились с людьми, у которых похожие проблемы. Они ходят по школам, рассказывают сверстникам умершей девочки, что случилось с ними и почему. Им помогает старшая двадцатилетняя дочь. Семья Вуд создала агентство, вовлекла в работу многих отцов и матерей. Их вмешательство в ход вещей принесло агентству репутацию одной из самых авторитетных антинаркотических организаций Австралии.

Мне знакомы общественные организации разных стран. В России и в Кыргызстане они растут как грибы после дождя. Их нередко возглавляют оставшиеся не у дел люди, которым на любой работе важен не результат, а поднятый их усилиями шум, причем не столько о настоящем деле, сколько об их стараниях помочь делу. Больным не хватает в клиниках коек, очень мало реабилитационных центров, но средства банков, промышленных групп, муниципальной власти уходят через «общественные фонды» в средства массовой информации для рекламы этих самых «фондов». Они собирают конгрессы, конференции, симпозиумы, пугая друг друга ужасающими цифрами, но не умея на что-либо влиять. Я никого не хочу обидеть своими наблюдениями, скорее всего — субъективными. И никому не пожелаю пережить то, что пришлось вынести семье Вуд. Но, может быть, потому и пронзительны слова Анжелы и Тони, потому и внимают им дети и взрослые, когда они ходят по городам, напрашиваясь на встречи с подростками. Прислушиваются к тем, кто знает, о чем говорит.

В Мельбурне нет сутолоки, никто тебя не обгоняет, люди идут не спеша, с высоко поднятой головой. Преображаются только в дни конных скачек на кубок города, когда безумие охватывает страну; сюда устремляются на всех мыслимых видах транспорта фермеры и сахарозаводчики, владельцы шерстомоечных фабрик, золотодобытчики. В празднества вовлечены все существующие здесь общины — китайская, индийская, еврейская, арабская, итальянская, немецкая, греческая, русская, польская, югославская. Люди собираются на ступенях собора Св. Павла, шествуют по Флиндерс-стрит, горланят песни на всех языках и направляются к ипподрому. Все хотят попытать счастья: нищие могут стать миллионерами, миллионеры — нищими, но не дух наживы овладевает толпами, а возможность реализовать свои страсти. Это будет в ноябре, в одни и те же дни, не меняющиеся уже больше ста лет. После скачек мельбурнцы впадают в спячку, чтобы проснуться через год под новый топот копыт.

Когда в 1835 году тасманийский фермер Джон Батман выкупил у аборигенов большие

площади приморской земли за ежегодные поставки ста шерстяных одеял, по полусотне топоров, ножей, подзорных труб и всякой всячины, в том числе семян и саженцев фруктовых деревьев, вряд ли он сам подозревал, какой здесь вырастет город. И как поможет расцвету «золотая лихорадка», когда тысячи старателей будут просаживать капиталы в новых барах, игорных домах, ночных клубах. Рабочие-китайцы завезут сюда опиум и станут пионерами наркотизации материка. Что происходит сегодня, полтора столетия спустя, можно видеть летними вечерами, прогуливаясь по Фитцрой-стрит, разделяющей районы Прагран и Св. Килда. Под открытым небом, под гирляндами висячих огней видишь за столиками семьи, иногда три или даже четыре поколения австралийцев; люди говорят вполголоса, никому не мешая. Во всем этом ни намек на провинциализм. Напротив, манера общения людей, театральные афиши, множество музыкальных салонов, художественных выставок, часто зарубежных, весьма достойных, создают впечатление утонченного, интеллигентного города.

Но в слабо освещенных местах зазывно светятся глаза одиноких девушек, прислонившихся к деревьям и ищущих приключений. Оборванные люди ныряют за ограду в приют, где можно получить ночлег, обменять иглу, уколоться, успокоиться. По тротуару катится, позванивая, кем-то брошенный шприц. А невдалеке в лесных чащах качаются на ветках какаду, в высокой траве прыгают сумчатые животные и важно расхаживают казуары с гребнями на голове. Гулко ухает океан, пахнет водорослями, и во все стороны нет материка ближе, чем Антарктида.

— Все у нас есть! — говорит мой спутник Илья, когда-то ведущий специалист центра космических исследований на Украине, а последние лет пятнадцать профессор Мельбурнского университета. Он взялся помочь, когда мне пришла мысль поговорить о наркоситуации не в масштабах страны или даже города, а какого-либо района, пусть того, где вечером мы прогуливались и у которого таинственное название — Св. Килда. Здесь самая высокая концентрация иммигрантов, особенно из России и других бывших советских республик. Я слышал, среди них есть мои земляки-кыргызы, открывшие здесь свое дело.

Иммигранты, некоторые из них, не брезгают наркоторговлей. Незадолго до моего приезда в Мельбурнском аэропорту задержали владелицу популярного в городе ресторана «Россия». Она возвращалась из Таиланда с младенцем на руках. В детском одеяльце сотрудники таможни обнаружили два килограмма героина. Пронеси и продай она этот товар пусть даже оптом, выручила бы от двадцати четырех до сорока тысяч австралийских долларов. Несчастливая попалась по неопытности; китайцы, вьетнамцы, румыны нелегально везут сюда тонны опийных веществ. По их потреблению Австралия обошла всех.

Бюрократы разных стран похожи друг на друга, и у меня не было шансов добиться встречи с районной администрацией в тот же день, без предварительных договоренностей, без ходатайств инстанций, без визы вышестоящих начальников. Но в Мельбурне поразительно срабатывает авторитет, которым так умело воспользовался Илья; нет, он не настолько знаменит, чтобы его знали в органах местного управления. И когда он позвонил по телефону-автомату, представился как профессор университета, да еще выговорил это с присущим ему акцентом, явно выдающим иммигранта, нас безо всяких проволочек согласились принять. Мой друг, знавший австралийские нравы лучше меня, в таком исходе не сомневался, хозяйским жестом распахнул передо мной дверцы своей «вольво», и мы помчались по адресу, который он записал по советской привычке на коробке сигарет.

В администрации района Св. Килда нас встретила Мэрг Уэлш, эксперт по социальным проблемам. Мы прошли через множество комнат, от пола до потолка уставленных толстыми папками. Ее кабинет тоже был завален бумагами. Я подумал было, как идеально поставлена переписка с населением, но хозяйка кабинета поспешила уверить, что в папках разработки, варианты, юридические обоснования планов борьбы с наркотизацией: в масштабах района, города, штата Виктория, всей Австралии. Они должны быть под руками, их достают, когда приходят посетители, так легче вести разговор. В районе страдают от вызванного наркоманией, хотя не только ею одной, роста преступности, требуют ужесточить законы, создать больше полицейских участков и тюрем. Люди платят налоги и требуют от властей защиты. Очень трудно общественное сознание приучить к простой мысли: для всех будет лучше, если к тем, кто живет не как другие, проявлять больше терпимости.

— Я не люблю резкостей. Ни в словах, ни в движениях, — говорит Мэрг Уэлш.

В районе Св. Килда раньше других стали осознавать, что люди, вовлеченные в наркоманию, преступность, проституцию, остаются частью общества; они должны быть приняты обществом, иметь в нем свое место, продолжать жить и работать, чувствуя себя в безопасности. Та

же секс-индустрия, как ее сегодня называют, возникла в Австралии еще в XVIII веке, когда английский корабль высадил в Сиднее две сотни ссыльных женщин; они ворочали обломки скал на строительстве причалов, вечерами подрабатывали своим телом, вызывая презрение знатных викторианских дам, мстя им соблазнами их не слишком стойких мужей. С давних времен здесь объединяются благонамеренные горожане, которых влечет не грубо понятая борьба с носителями социального зла, а тесное общение с больными (к ним отнесли проституток, алкоголиков, наркоманов), чтобы помочь им найти себя в обществе.

Правительству штата Виктория надоели подвыпившие сограждане на улицах, в парках, на стадионах; забулдыги ухитряются в самых людных местах припадать к бутылке, подстегивать алкоголем свои буйные чувства. Все были уверены, что закон о запрете выпивать в общественных местах будет поддержан населением и местными органами власти. Каково же было удивление правительства штата, когда против ратификации закона выступил муниципальный совет района Св. Килда. В городе много бездомных, живущих в ночлежках; днем их выгоняют на улицы, как бы насильно подталкивают в общественные места. Не их вина, что у них нет жилья и негде принять спиртное, кроме как на улице. Стражи порядка предьявят штраф, но заплатить они не смогут, тогда им дорога в тюрьму. Новый закон будет ущемлять священное личное право выпить. Другая большая группа населения, которой пренебрег закон, — аборигены, большинство традиционно принимают алкоголь на улице, новый порядок будет еще одним насилием над ними. Так считает миссис Мэрг, защитница и кумир «дна» в Св. Килде⁷.

Накануне, когда мы с Ильей прогуливались по району, я обратил внимание на уличные объявления, рекламирующие услуги гипнотизеров, экстрасенсов, знахарей, предлагающих наряду с «чтением судьбы по ауре» и «помощью при облысении» «избавление от курения, алкоголизма, наркомании». Универсальные медицинские предложения меня умиляли в Бишкеке и Москве, где лекарей широкого профиля больше, чем людей, готовых им довериться. Человек может быть чем угодно болен, но при этом не обязательно глуп. Хотя встречаются люди, с детских лет привыкшие к бесправию и летящие благодарно, как бабочки, на любой обманной свет, даже если он спалит им крылья. Мой вопрос не удивил миссис Мэрг. Она призвала вспомнить, сколько здесь иммигрантов, в том числе из стран Восточной Европы; по всему выходило, что именно они принесли на материк жуликоватость.

Двести тысяч австралийцев, принимающих наркотики внутривенно и состоящих на медицинском учете (в штате Виктория их двадцать тысяч) предпочитают крупные клиники с дипломированными врачами-наркологами, хорошо знающими удачу и заблуждения зарубежных коллег. До последнего времени основным методом лечения героиновой наркомании в австралийских клиниках оставался метадон, но в медицинских кругах все громче поговаривают о разработанных швейцарскими врачами программах героиновой поддержки. Принимая выписанные врачом небольшие дозы героина, больные надолго прекращают обычный прежде прием больших доз. Австралийцам очень хочется испытать новый метод. В условиях, когда трудно предложить что-либо безусловно и навсегда снимающее тягу к наркотику, может быть, постепенный переход от больших доз к малым окажется единственной возможностью ослабить последствия наркотизации в масштабах страны.

— Мы должны ответить себе на вопрос: какое общество мы хотим? Одну смерть или много смертей? Если можно помочь молодым людям снизить прием наркотиков, хотя бы немного еще продержаться, пожить на свете, гуманно ли их лишать шанса? — спрашивает миссис Мэрг.

— Отчего в таком случае не попробовать? — вслух размышляю я.

Миссис Мэрг ловит меня на слове:

— А Кыргызстан возьмет под защиту попытки Австралии вопреки решениям ООН на виду мирового сообщества открыто импортировать героин?

— Не думаю, — признаюсь я.

На Австралийский материк перекинулся спор, который давно идет среди законодателей, медиков, общественности Европы и Америки. Спор о предпочтении одной из двух полярных моделей подхода к проблеме наркотиков: полного их запрещения или снижения вреда при сохранении привычного для больных образа жизни. У многих стран пока нет определенной позиции. Да и как ей появиться, когда над здравым смыслом верх часто берет политический интерес. Известны авторитетные структуры, в том числе международные, отвергающие «малодушную», как им видится, стратегию снижения вреда, они настаивают на решительном запрете применения наркозависимыми людьми психоактивных веществ. Но врачи, работающие с

больными, убежденные в несостоятельности запретов и угроз, тоже не приводят доказательств безусловной своей правоты.

Можно взглянуть на ситуацию иначе, и тогда обнаружится, как расплывчато видят сторонники другой концепции (снижения вреда) последствия от узаконенного массового использования наркотических средств. Терпимое отношение к некоторым из них невозможно представить в обществе, считающем себя цивилизованным. В этом противостоянии скорее права третья сторона, настаивающая на гибких подходах. Там, где пока не под силу гарантировать окончательное излечение наркозависимости и средств на это не хватает, очень может быть, что именно стратегия снижения вреда в большей мере отвечала бы интересам больных и общества. Уж если невозможно вылечить и ничего не выходит с запретом, не лучше ли добиваться, чтобы ущерб от наркотиков был наименьший для больного и для всех нас, чтобы человек не корчился в муках абстинентного синдрома, не участвовал в грабежах, не сходил с ума, а по мере сил вел привычный образ жизни, занимаясь умственным или физическим трудом.

Пишу, а перед глазами мой пациент, тридцатипятилетний русский эмигрант в Майами, совладелец фирмы по продаже подержанных автомобилей. Подростком в московской школе он покуривал марихуану, в Америке пристрастился к опиатам, принятым в кругу средних бизнесменов, выходцев из разных стран, с которыми он поддерживал деловые отношения. Много раз давал жене и себе слово бросить колотья, не сомневаясь в своей способности остановиться в любой момент, стоит только захотеть, но нарастающая потребность в кайфе заставляла постоянно увеличивать дозу. Он опустил дела на фирме пошла вкривь и вкось, партнеры перестали иметь с ним дела. Вконец измученная жена ушла жить к родственникам. По совету друзей он лежал в лучших клиниках, в том числе применяющих заместительную терапию. Ему назначали медицинские наркотики в надежде оторвать от неконтролируемого потребления запретных препаратов и ослабить остроту возникших у него социальных проблем.

Он вроде бы функционировал, продолжал работу на фирме. Заместительная терапия как способ снижения вреда, помогая держаться и быть в своем кругу, не могла вылечить. Физическая зависимость ослабла, но психическая продолжала существовать; когда «поехала крыша» и в бреду стали являться двуногие мохнатые чудовища, царапали ногтями лицо, в минуту прояснения возникало острое желание покончить с собой, прекратить кошмар навсегда. Друг детства, вслед за которым он когда-то эмигрировал, почти насильно привез его к медикам Бишкека, подальше от обычного окружения. Я не знаю, как сложится его жизнь после курса лечения и отдыха на Иссык-Куле, надолго ли хватит воздержания, когда он вернется к своим американским делам. Но вот в чем нет у меня сомнения: заместительная терапия неспособна заместить больному лечение и социальную реабилитацию. Если же кто-то все же верует в модели снижения вреда, в их исцеляющую силу, помощи им Бог!

Политика снижения вреда — сердцевина принятой в штате Виктория стратегии под названием «Наркотизация вспять» («Отлив»). Начало работы над ней относят к марту 1996 года. Консультационный комитет по наркотикам при премьер-министре штата во главе с профессором Дэвидом Пеннингтоном представил откровенный отчет о наркоситуации, многих повергший в отчаяние. Австралийцы тратят в год на наркотики больше, чем на сигареты и табак. Жители штата, едва ли не самого богатого в стране, вдруг услышали о себе истории, которые могли происходить, как они думали, с кем угодно в нашем страшном мире, только не с ними и не с их соседями. Они представить не могли, что странности в поведении их детей, которые они объясняли себе переходным возрастом, на самом деле вызваны употреблением внутривенных и синтетических наркотиков. Им открылось возможное скорое будущее во всей наркотической неотвратимости — от деградирующего образа жизни до высокого риска заражения ВИЧ-инфекцией, гепатитом, до смерти от передозировки. Некоторые впервые связали в сознании грабеж их квартиры или разбойное нападение, ими пережитое, с потребностью зависимых, по-своему страдающих людей в наркотиках. С их страхом остаться при абстиненции без наркотиков.

Хотя штат не относится к числу районов мира с наихудшей наркоситуацией, очевидными стали невероятные трудности приостановить опасное развитие событий. Власти приняли жесткие законы по контролю нелегального завоза в страну запрещенных веществ, но их поток растет и с ним растет потребление. Это повергло в шок законопослушных австралийцев. До них с трудом доходил смысл происходящего: власти приняли строгие меры, даже беспрецедентные, но находятся люди, продолжающие вопреки всему принимать наркотики или приступающие к этому. Стало быть, в обществе есть и будут потребители запрещенных веществ, которых никакие законы

остановить не могут. Социальное зло приносит не только наркомания, но множество личных и экономических факторов. В этой реальности достижимой может стать только одна общественная цель — снижать для граждан и страны неизбежный ущерб⁸.

Но как это сделать?

Викторианские власти указали на два параллельных пути: *уменьшать потребности* в наркотиках и *контролировать* наркоманию как проблему более всего медицинскую, не упрощая ее и не сводя только к объекту уголовного преследования. Все это, а также просвещение населения, профилактику, лечение и реабилитацию предстояло заложить в новую стратегию. Ее обсуждали всем штатом.

Учителей обеспокоила дополнительная нагрузка на школьников, с трудом выдерживающих напряженность учебных программ. Политикам легко предлагать, но как учительству втиснуть наркопросвещение в перегруженные расписания уроков?

Для австралийской полиции переход от понятных, обычно практикуемых силовых действий к неопробованным пока, требующим другого склада ума профилактическим решениям в целях снижения вреда был сопряжен с пересмотром всей ее прошлой философии.

Сотрудники тюрем задавались вопросом, как поступать с осужденными на короткие сроки, когда невозможно завершить или даже начать их нарколечение. Но если с ними ничего не делать, не возникнет ли у них ощущение обделенности, не подорвут ли они доверие к медицинским программам у осужденных на более длительный срок?

В Австралии не было недостатка в умных, просвещенных, весьма либеральных сотрудниках. Это городская интеллигенция, профессура, учительство, медики, клерки местных органов власти и, конечно, юристы. Большую прослойку составляли недавние иммигранты. Для них общественные споры — желанная стихия для самовыражения и демонстрации готовности оказаться полезным, даже необходимым приютившей их стране. В отличие от других предметов дискуссий, часто отвлеченных, иногда пустяковых, наркотическая угроза уже вторглась во многие дома, в том числе известные. Страна не раз отваживалась на решения, Европе не всегда понятные. Радикалам здесь отвечают: не будем торопиться, страна как человек — чем мудрее, тем терпеливее.

Что привлекает в австралийском подходе?

Прежде всего, ориентация на максимальную конкретность. Если правительство решило направить основные силы на снижение спроса, улучшение методов лечения и реабилитации там, где это возможно, а также на концентрацию усилий правовых структур на обуздании наркоторговли, то логичны предлагаемые методы:

- широкое распространение свежей и точной информации;
- образование, направленное на то, чтобы в сфере наркотизации люди были способны принимать правильные решения;
- разработка гибких методов лечения, учитывающих несхожесть людей, и необходимость подходов, рассчитанных на индивидуальность каждого;
- укрепление связей между наркозависимыми больными и готовыми поддержать их близкими родственниками и друзьями;
- разработка стандартов рекламы, дабы внедрить в общество, особенно в молодежную среду, мысль о том, что принимать наркотики — не модно;
- определение группы риска в среде юных и взрослых правонарушителей, их лечение в местах лишения свободы и на воле;
- пропаганда, обучение профессии, помощь людям из группы риска в подыскании работы и социальной адаптации.

Идеи сами по себе просты и мало чем отличаются от вошедших в обиход в странах Европы. Но европейцы склонны порассуждать, например, о том, не является ли запрет на потребление наркотиков ущемлением прав человека, не пришло ли время легализовать иные вещества и т. д. Австралийцы, мы видим, свели идеи в программу и взялись, не привлекая к себе внимания, пунктуально ее реализовывать.

Быть в Австралии и не добраться до Новой Зеландии мне казалось невозможным; страна по здешним меркам почти рядом, но попытки получить визу оказались безуспешными. Из Сиднея новозеландское консульство уведомило, что въезд в страну не может быть разрешен раньше, чем через неделю после подачи заявления. Я не мог ждать неделю, мельбурнские друзья пытались помочь, упросить соседей-дипломатов, но склонить их к неуважению закона не удалось.

Судьба в какой-то мере утешила меня встречей с Тревором Грайсом, новозеландским психотерапевтом и публицистом. На конференции в Варбуртоне распространялись издания разных антинаркотических организаций и религиозных центров. Очередь же была только к столу, за которым раздавал и подписывал книги человек, похожий на Санта-Клауса, но в очках и без колпака. «Для подростков о наркотиках не написано ничего серьезнее и смешнее!» — говорили люди о книге Тома Скотта и Тренора Грайса «Великая кража мозгов»⁹. Она стала бестселлером в Новой Зеландии, Австралии, Соединенных Штатах, Великобритании. Книгу подписывал Тревор Грайс. Мне ничего не оставалось, как стать в очередь; мы познакомились и нашли время для встреч.

Теперь я думаю, напиши Тревор Грайс историю своей необыкновенной жизни, она бы нашла не меньше читателей. Он из большой новозеландской семьи (девять детей), ему было четыре года, когда погиб отец. Подростку не смогли дать хорошее образование, он пристрастился к алкоголю, много пил, пока по чистой случайности не попал на корабле в Антарктиду. Двадцать пять лет работал с американскими экспедициями во льдах. Потом поход на Северный полюс, увлечение медициной, особенно неврологией. Первая жена умерла от рака, оставив ему пятерых детей.

Вторая жена была его моложе, но не могла иметь детей. А ему хотелось их много! Услышав о бедственном положении детей-сирот в России, особенно больных, почти безнадежных детей, они с женой летят в Санкт-Петербург и берут из приюта трехлетнего мальчика и четырехлетнюю девочку. «Девочка была так голодна, что в тот день, когда мы были в приюте, она утащила из чужой сумки яблоко, стала торопливо есть, озираясь, как маленький зверек, боясь, как бы ее не лишили добычи. Мы были потрясены...»

В Новой Зеландии Грайсы выходили детей.

Он показал мне фотографии девочки и мальчика. Они оказались умными и одаренными детьми. Девочка занимается на фортепиано, мальчик — на виолончели, на школьных концертах вместе играют Верди. Хотя в семье говорят по-английски, детей учат и русскому. «Я молю Бога, чтобы он дал мне силы дожить до их совершеннолетия. Хочу, чтобы они увидели свою родину, я их повезу в Россию, потом пусть сами решат, где хотят жить».

Исследовательский интерес к наркотикам пришел к Тревору через страх за своих детей. Он участвовал в разработке специальных школьных программ по изучению работы мозга и основных систем — сердечно-сосудистой, пищеварения, иммунной; что происходит с ними, когда в организм попадает алкоголь или наркотик. Подростки вступают в период полового созревания, они переполнены гормонами, их организм всасывает наркотики в пять-шесть раз быстрее, чем организм взрослого человека. К тому же у них еще недостаточно сформирована метаболическая система, способствующая распаду наркотических веществ. Дети должны представлять, что им грозит. «Моя миссия, да благословит меня Бог на ее осуществление, — донести до детей и подростков эти знания и убедить их воздержаться от каких-либо решений на этот счет, пока, по крайней мере, не пройдет период полового созревания».

В Новой Зеландии проблема отягощена социальной ситуацией: часто происходят распады семей. В стране две трети детей аборигенов и половина детей белого населения имеют только одного родителя, в большинстве мать. Но дети нуждаются в обоих. Девочкам особенно нужны отцы, мальчикам — матери, а когда гармонии нет, дети чувствуют себя потерянными. Часто от неустойчивости они прибегают к запретным веществам, которые понижают их психику и интеллект. Это явление он часто замечает в эмигрантской среде, где подростки, не нашедшие пока друзей, особенно чувствительны к настроению к ним улицы и податливей других на соблазны, которые во дворах предлагают им старшие товарищи. Юные островитяне отбирают кошельки у старух, участвуют в квартирных кражах, угоняют автомобили; чтобы раздобыть денег на дозу, идут на все. Во многих семьях люди живут с чувством вины и подавленности, погрязли в скандалах, дают выход отчаянию в жестокостях, насилии, сексуальной распущенности. Это ведет к физической и умственной деградации членов семьи; от них отворачиваются родственники и знакомые, они попадают в изоляцию от общества. Очень высок уровень детских самоубийств. Суицидные попытки чаще наблюдает у потребителей марихуаны, героина, кокаина, ЛСД.

Выступая перед молодежью, Тревор не устает повторять: «Вы эмигрировали в нашу страну, она приняла вас, но это предполагает, что вы будете чувствовать свою ответственность. Мы создаем общество с разными расами, культурами, религиями, но с равным чувством ответственности».

— Знаете, я просто болею, наблюдая, как в нашем полушарии почти безнаказанно

действует наркомафия, закупает лучшие земли и недвижимость на тропических островах. Ее никогда не остановит мысль о детях, хотя бы собственных. Мне хочется кричать на каждом углу: «Не думайте, что беда обрушится только на чужих детей, — она уже подбирается к вашим!»

К Тревору привозят детей из состоятельных семей, в том числе связанных с наркобизнесом, — малолетних наркоманов, часто с высоким уровнем потребления марихуаны, героина, стероидов, летучих препаратов, инъекционных веществ. Для их родителей наркотики могут быть средством обогащения, укрепления власти, получения удовольствий, как они это понимают, но для юных островитян — это причастность к бунту сверстников-тинейджеров, отрицающих устои, которыми живет истеблишмент.

В одну из встреч Тревор сказал:

— Мне неинтересно, что думают палестинцы об израильянах, американцы о русских, русские о чеченцах и тому подобное. Когда я стоял на Южном полюсе, а потом на Северном, я думал о том, как тонко сбалансирована и хрупка мировая экосистема и как народы, независимо от их истории, веры, традиций, зависят друг от друга. Наши дети еще больше ощутят малость пространства и необходимость в целях выживания исповедовать близкие моральные ценности. К этому детей надо готовить сегодня. Я бы хотел, например, чтобы сто тысяч русских или кыргызских детей пожили в новозеландских семьях, а сто тысяч новозеландских — в русских или кыргызских. У детей должны быть равные шансы унаследовать здоровье, образование, культуру. Когда я слышу, как где-то дети бродяжничают, пусть на другом краю земли, я не могу быть спокойным за моих семерых.

Слушая Тревора Грайса, я думал: может быть, мне когда-нибудь повезет, я попаду на его обетованный остров и буду внимать его лекциям, молва о которых достигла Австралии¹⁰. Еще недавно мне казалось, что если на земном шаре существует твердь, населенная здоровыми, уравновешенными, никуда не спешащими и умиротворенными людьми, то Новая Зеландия. Я представлял, как в телерекламах новозеландского сливочного масла, — высокое синее небо с перистыми облаками, до горизонта сочные зеленые луга, тучные стада коров и отары мериносов с ниспадающей шелковистой шерстью. Жизнь прекрасна и полна очарования... Какие наркотики?! Откуда им взяться?

Рассказы Тревора Грайса снова лишали надежды.

Глава пятнадцатая

АБОРИГЕНЫ ТАСМАНИИ
И КОМПАНИЯ «ДЖОНСОН И ДЖОНСОН»

Ночь на пароме «Спирит оф Тасмания» — Чем обменивались каторжники и островитяне — МЦН: больные из криминального мира — Два часа в баре «Собачий дом» — Зачем наследникам братьев Джонсонов опийный мак — Как Бишкек лечил жертву галлюциногенных грибов — Где снять абстиненцию в Хобарте? — Доктор Джексон: «Не в тебе зло, а в твоей болезни»

Семипалубный паром «Спирит оф Тасмания» («Дух Тасмании»), курсирующий между Мельбурном и тасманийским Девонпортом, с утра принимал в чрево нижних палуб сотни груженных автомашин, прицепов, легковых автомобилей, мотоциклов. Пассажиры не без изумления наблюдали, как шуршание шин, скрежет тормозов, автомобильные гудки, сливаясь с лязгом портовых кранов, создают мощное звуковое оформление заглота чудовищным китом транспортных средств. Наконец все успокоилось. Пассажиры поднялись по трапу, растеклись по каютам верхних палуб, но, когда раздался резкий протяжный сигнал отхода, все высыпали на палубы, чтобы увидеть, как за кормой, за бурливыми темными водами, отплывает в вечернюю темень Австралия.

Я стоял, чуть расставив ноги и упиравшись руками в фальшборт с навешенным на крюк спасательным кругом, пожевываясь на холодном ветру, глотая тугой соленый воздух. Неужели плыву в Тасманию? Мы пересекали пролив Басса, из салона неслась музыка, пассажиры сновали по сувенирным магазинчикам, заглядывали в казино, толпились у баров, рассаживались за столиками палубных ресторанов, где их ждал оплаченный вместе с билетом ужин. Публика разношерстна, поддерживает необязательные разговоры, больше всего о том, какое волнение на море ожидается этой ночью и какой погодой нас утром встретит остров. Донеслась до меня и полезная информация: тасманийская таможня, оказывается, с особой строгостью проверяет у пассажиров ручную кладь и багаж, выискивая фрукты, овощи, семена растений. Никто не будет рыться в наших чемоданах, но их обнюхают маленькие собачки, специально натасканные на эти запахи. Ничего растительного вы на остров не завезете — тасманийцы дорожат островной флорой и скорее откажутся принимать туристов, чем пропустят что-либо, угрожающее их садам и лесам.

Мои знания о тасманийской истории были невелики. Коренные островитяне вымерли к концу XIX века. Последней покинула этот мир в 1905 году старая аборигенка Фанни Смит, а выжившие, имеющие хотя бы часть крови предков, долго хранили обычаи острова, в том числе почитание знахарей и целителей. Они лечили пациентов, корчась в судорогах, изгоняя дьявола из самих себя. До наших дней дошли легенды о мифической старухе Мурамбуканье, известной колдунье, появлявшейся на людях в одеждах из древесной коры и трав. Возможно, на «шитье» нарядов шли наркотические растения с галлюциногенными свойствами. Они помогали ей входить в транс и пророчествовать. Во время обряда знахари танцевали и кружились под глухие удары ладонями или палками о сухие шкуры кенгуру.

На пароме в эту ночь многие не спали, после полуночи еще слышна была музыка в барах на верхних палубах и не убывал молодой народ в казино. Я побродил по сувенирным магазинчикам, купил брелок с изображением парома «Спирит оф Тасмания» и снова толкнул дверь на палубу. Холодные ветры гуляли от носа парома до кормы так резко, что приходилось

крепко вжаться пальцами в фальшборт, чтобы устоять на ногах. Море едва виднелось под звездным небом, только слышался обвал пенных волн.

Прикрываешь глаза, и как будто внезапный сноп света выхватывает в темноте экран во весь горизонт. Видятся подплывающие к Тасмании парусные барки с высланными из Англии преступниками. Закованные в колодки, они задыхались от нехватки воздуха в сырых темных трюмах. Среди них были женщины и дети. Долгими месяцами несчастные не видели звезд, которые в эту ветреную ночь густо и ярко покачиваются над паромом. В истории британского суда XVIII век не назовешь самым милосердным. За пару украденных башмаков или за попытку заплатить фальшивым шиллингом могли повесить или навечно выслать на острова другого полушария, почти за тридцать тысяч километров. В тасманийских горах строились тюрьмы, вернее сказать, остров был превращен в тюремный комплекс, охраняемый на суше псами, а с моря акулами; стража подкармливала псов и акул сырым мясом, чтобы никому не давали уйти живым. Узники работали в каменоломнях и, запряженные в лямки, тащили по узкоколейной железной дороге вагоны, заменяя собою паровоз.

В общении каторжников с аборигенами происходил обмен традициями: каторжники приобщали аборигенов к алкоголю, аборигены каторжников — к растениям, из которых можно приготовить растворы возбуждающего наркотического действия. Мне не знаком австралийский (тасманийский) преступный мир в той мере, как я его знаю по пациентам нашей клиники, но психология криминогенной среды зависит не от географии, а в большей мере от воздействия на мозг всевозможных наркотиков. Когда рискованные и угрожающие ситуации становятся постоянной формой существования, напряженность требует разрядки, хотя бы короткой эйфории, чтобы расслабиться, ощутить в теле тепло, приятную, легкую сонливость. Но по д тем же воздействием меняется физическое, умственное, психическое развитие человека, он становится агрессивен и жесток.

Ничего не остается, кроме как съесть в каюте запретный для ввоза на Тасманию банан и прилечь на постель двухъярусной койки, вперив глаза в низкий потолок, прислушиваясь к буханью волн за бортом. В голове теснятся воспоминания о пациентах из криминального мира: узнаваемые лица «воров в законе», «положенцев», «фраеров», «мужиков», представителей разных каст тюремной среды, не порвавших с уголовным миром, но после выхода на волю проходивших курс лечения в нашем наркологическом Центре. По моим наблюдениям, новое поветрие началось на пространствах бывшего СССР с середины девяностых годов. Уголовные авторитеты, фактические хозяева банков, промышленных предприятий, рынков, казино, дискотек, имеющие связи со средним и высшим государственным чиновничеством, в том числе сотрудниками силовых структур, сами стали воздерживаться от наркотиков и заставляли лечиться ближайшее окружение, от которого зависит успех дела.

Еще от первых пациентов я слышал, что в местах лишения свободы наркотики гуляют почти свободно, как алкоголь. Их передают родственники во время свиданий, заплатив контролеру (надзирателю), чтобы «не заметил»; их продают заключенным сами сотрудники исправительных учреждений; наркотики есть в воровском общаке и распределяются между всеми заключенными, кроме «опущенных» («петухов»). Вместе с продуктами, чаем, сигаретами и прочим «гревом» общака наркотики попадают даже в штрафные изоляторы (ШИЗО) и внутренние тюрьмы или «помещения камерного типа» (ПКТ). За деньги — а их по зонам гуляет много — в том мире можно купить все. Мне рассказывали, как в следственных изоляторах контролеры приводили в камеры наркоманов женщин из соседних камер, там их кололи героином и насиловали; в эти часы контролеры стучали сапогами в железные двери, чтобы заглушить крики и стоны^{cvii}.

С самого начала работы нашего Центра меня не оставляла тревога. Ясно, что среди пациентов будут люди из преступного мира, не порвавшие с ним, но по разным причинам вынужденные подлечиться или же на время укрыться от преследований. Я тогда не подозревал, что криминальные структуры охвачены наркоманией больше других. Выход на уголовную среду был для нас неизбежен, и мы ломали голову, как нам себя вести с пациентами этого ряда и с ведущими на них охоту правоохранительными органами. Понятно, что любые пациенты для нас — больные, и только больные; если они выполняют требования клиники и соблюдают внутренний распорядок, у нас не может быть оснований относиться к ним с предубеждением. Большинство из них, как мы и ожидали, поступали в Центр анонимно, они не обязаны были рассказывать о прошлом, если это не касалось употребления наркотиков. С их стороны, в свою очередь, маловероятны

насильственные действия или грубости по отношению к медицинскому персоналу. Если мы будем лечить и не лезть им в душу, не вести себя, говоря их языком, запаadlo, то есть не нарушать принятые ими нормы поведения, — что плохого нас могло ждать?

Мы были наивны.

Первые наши пациенты из криминальной среды приезжали с Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Внешне это были люди от сорока до пятидесяти лет (с середины девяностых пошли более молодые) — бритоголовые крепыши со свирепым выражением глаз и молодые люди с весьма тонкими чертами интеллигентного лица и умным взглядом из-под очков. На них было много золота: тяжелые браслеты на руках, перстни с крупными бриллиантами, массивные цепи со спадающими на грудь крестами. Самые «крутые» носят на себе не менее полукилограмма золота. Причем высокой пробы, обычно купленное за рубежом. Только у «шестерок» золото более низкой пробы, принятой в массовом ювелирном производстве. Среди пациентов были профессиональные киллеры, угонщики самолетов, рецидивисты. До нас эти сведения доходили обычно от них самих, никак не влияя на наше отношение к больным и на наши к ним требования. Я не видел этих людей в привычной для них обстановке, но в клинике, за редкими исключениями, они малоразговорчивы, скромны, предельно вежливы. Ну просто выпускники дипломатической академии!

Не все из них приходят к нам по своей воле. Один из серьезных «авторитетов», сам не употребляющий ни алкоголь, ни наркотики, но имевший в подвластных ему деловых структурах уголовников, от этих веществ зависимых, обязал всех пройти лечение в клинике. Бизнес и наркотики — вещи несовместимые. Он очищал свои ряды от тех, кто мог угрожать его успеху.

Наркомания неизбежно делает человека лживым, изворотливым, скользким. Он опасен для своего окружения, даже если оно ему подобно. Врач должен это знать, видеть, уметь с ним разговаривать. Я благодарен моим коллегам за великое терпение в то время, когда все мы учились находить с пациентами из криминальной среды общий язык. Работать с ними приходится при постоянном эмоциональном напряжении, следя за каждым своим словом и стараясь уловить, когда пациент говорит неправду, а иные больные врут постоянно. У лечащего врача нашей клиники по три-четыре таких больных. Это люди с уже измененной личностью; возможно, от травм головного мозга, полученных при сильных ударах по голове, или от одновременного употребления наркотиков и алкоголя у них иногда наблюдается тяжелая, махровая психопатизация. Психопаты могут бросить тебе в лицо: «Ты белый халат надел, и все, что ли? Иди отсюда!» К вечеру врач чувствует себя так, будто разгрузил два вагона угля.

Я помню пациента, «вора в законе», при котором находились два телохранителя. Когда их хозяин желал выйти из Центра и погреться на солнышке, они усаживали его в кресло и торжественно выносили в кресле на плечах, как магараджу. Ну а что персонал? А ничего, закрывали глаза: это не мешало распорядку дня, не вызывало протестов других пациентов. Для них это был маленький веселый спектакль, своего рода развлечение. Я до сих пор не знаю, чего в поступке того «авторитета» было больше — фанаберии «пахана» или же веселого задора и желания посмеить людей. Это был не единственный случай, когда выдержку и терпение мы предпочитали скандалам. Для нас неинтересно, какими такой пациент ворокает делами, сколько прокручивает миллионов, какие держит в своих руках регионы. Ко мне в кабинет они приходили поговорить о лечении и получить стимул к выздоровлению. Что бы я ни знал о прошлом человека, сидящего передо мной, для меня он больной, который нуждается в поддержке. Может быть, наши лечащие врачи вели с некоторыми из них исповедальные разговоры и больше осведомлены о каждом; я в беседах стараюсь не выходить за рамки медицины.

Один «авторитет» лежал в клинике со своей подругой. Долгие годы он ходил по лезвию ножа, напряжение снимал наркотиками. Постепенно у него сформировался тревожно-эмоциональный характер с повышенной мнительностью. Появились бредовые идеи и подозрения, отчасти вызванные обычными при хронической наркомании половыми расстройствами. Ему казалось, что за ним следят, что его подслушивают, что сотрудники Центра готовы его «заложить». А главное — он воспылал ревностью к своей подруге и приходил в бешенство, видя ее в компании врачей. Врачам стоило немалых усилий успокаивать его.

У них принято обсуждать дела по ночам, днем отсыпаться — это не мешало распорядку в клинике, и мы от претензий воздерживались. Почти две трети уклонялись от заключительной стадии лечения — сеанса императивной психотерапии. Как они признаются, «боятся сойти с ума». На самом деле они с трудом выдерживают три недели и торопятся вернуться домой или к оставленным делам. Молодые пациенты смотрят на них почтительно и заворуженно, как на удавов.

Среди больных этого ряда попадались люди неуравновешенные, они могли вторгаться в соседние палаты, устраивать скандалы. А когда у нас оказалось одновременно пять или шесть «воров в законе», им пришла в голову идея проводить в стенах Центра свои сходки. Еще не зная ни о чем, мы почувствовали напряженность. Мне пришлось разбираться с ними очень серьезно. Однажды я зашел к заведующему отделением, у него сидит десяток таких пациентов, пыхтят сигаретами, между ними крупный разговор, врач смотрит на них квадратными от изумления глазами. Едва я появился, они зашептались: «Назаралиев пришел!» Не скажу, что меня побаивались, но Медицинский Центр в их кругах уже был известен, репутацию мы не роняли, и обострять отношения с врачами им было не с руки. «Ребята, в чем дело?» — спросил я. «Да вот, собрались поговорить...» Я сказал: «Вы можете разбирать свои дела где угодно — в ресторанах, на улице, у кого-то на квартире. Здесь лечебное заведение, и сходок у нас не будет. Если наши условия не устраивают, выписывайтесь сейчас же». Пока я говорил, пациенты один за другим потихоньку выскальзывали из кабинета, и к концу моей речи в кабинете никого не осталось.

Мы запретили посещать Центр посторонним людям и усилили охрану. Что было! «Корешей не пускать? Мы что, снова в зоне, гражданин начальник?!» «Да твой белый халат я знаешь где видал?!» И пошло-поехало... Я переждал шум и сказал: это для вашего блага. Мы не знаем, кто эти посетители, желающие вас видеть. Нельзя исключить, что под видом корешей могут проникнуть в клинику ваши вооруженные недруги. Или торговцы наркотиками. Ни вам, ни нам не нужны разборки. В ваших интересах пройти курс лечения в спокойной обстановке. Сошлись на том, что посторонних будем пропускать по предварительной просьбе самих пациентов и числом не более трех^{cviii}.

Был случай, когда мне самому пришлось просить «авторитетов» о помощи. Через общих знакомых ко мне обратился старый житель Бишкека — у него похитили сына, бандиты требуют выкуп в сто тысяч долларов, а он таких денег не видел в глаза. «Говорят, у тебя в клинике крутятся вожаки криминального мира. Спроси, что они посоветуют?» Я собрал этих своих пациентов и объяснил ситуацию. Они потребовали на тройку дней отдельную квартиру, в ней пару телефонов и неперемное условие — не ставить в известность милицию и органы государственной безопасности: «Они все могут испортить!» Мы приняли их условия. Два дня пациентов не было в клинике. На третий день они вернулись и сообщили, куда идти за ребенком.

Мне меньше всего хочется представить этих наших больных защитниками беззащитных, я не строил иллюзий относительно их образа жизни в тюрьме и в перерывах между отсидками, но что было у нас — то было^{cix}.

До бишкекской милиции дошло, какой интересный парод лежит в наркологическом Центре, почти сам идет в руки. Среди сотрудников милиции я знаю порядочных людей, но воздержусь относить такие слова к тем их коллегам, кто устраивал засады возле медицинского учреждения, выжидая, когда нужные им люди на полчаса пойдут в город за сигаретами или просто размять ноги. Соблюдая дистанцию, милиционеры едут на машине за ними следом. У киоска останавливают: «Проверка документов!» Те показывают документы, объясняют, откуда они, но по заранее продуманному сценарию их ведут в отделение. «Я откупился за три тысячи долларов», — вернувшись, говорил мне один из задержанных. Я не мог взять в толк, зачем откупаться, если ни в чем не виноват. Пациенты почти хором объяснили. «Мы тебя посадим, — говорят в отделении задержанному. — Пригласим понятых и в твоём кармане найдем опиум». — «Да у меня пустые карманы! Вот смотрите...» — «Ничего, когда начнем выворачивать, опиум появится!» По рассказам многих наших пациентов, при обыске, чтобы заставить их раскошелиться, им нередко наркотики подбрасывают, угрожая тюрьмой.

Меня это сильно задевало — как человека, как врача, как жителя Кыргызстана. Я пришел в Министерство внутренних дел: «Так можно спровоцировать ответные действия крупного «авторитета», за спиной которого десятки уголовников, вооруженных не хуже милиции, — говорил я. — Они же половину батальона перестреляют!» «Но они сами знаете кто!» — укоряли меня высокие чины. «Нам неважно, кем они были до того момента, как переступили порог клиники, — рецидивистами, убийцами, кем-то еще. К нам они приезжают лечиться, ничем другим не занимаются. Мы ко всем больным относимся ровно...» — настаивал я, но по глазам собеседников видел, что мы говорим на разных языках.

Сотрудники таможни московского аэропорта Шереметьево-1 легко вычисляют среди пассажиров тех, кто страдает зависимостью. Обычно это пассажиры рейса на Бишкек. У них еще не прошла абстиненция, они надеются снять ее в клинике, а пока их ломает и крутит. Почти у каждого на случай обострения состояния в пути есть какая-то малость наркотика. Не нужно быть

ясновидящим, чтобы безошибочно выявить такого пассажира. Таможенники отводят его в сторонку: «Ты наркоман, у тебя наркотики, сейчас передадим кому следует...» И не отступятся, пока не заставят больного выплатить оброк — одну-две тысячи долларов. Выслушав множество таких историй, мы через газету обратились к будущим пациентам с дерзким советом: не берите наркотики в дорогу. Если невмоготу, лучше уколитесь, понюхайте, выпейте дома, перед тем как ехать в аэропорт. Чтобы спокойно долететь до места назначения.

Меня пригласил министр внутренних дел Кыргызстана. Он был немало удивлен тем, что в клинике находятся настоящие «воры в законе» — столь крупные фигуры криминального мира в Бишкеке еще не встречались. Милиция и госбезопасность панически боялись их появления в местной преступной среде. И вот на тебе — они сами пожаловали в республику. «Это правда, что вы лечите от наркомании уголовников?» — спросил министр. «Да, — ответил я, — для нас нет разницы, кто наш пациент — уголовник, политик, бродяга, бизнесмен... Для нас они больные». «Но чем вам удалось их взять?» — удивлялся министр. «В лагерях, — ответил я, — с ними по восемь — десять лет обращались как с собаками. А в клинике врачи говорят с ними, как если бы это были их непутевые больные дети».

Утром паром причалил к пирсу Девопорт, самому северному городку Тасмании. Пока проходили таможенный контроль, собачки действительно крутились у наших вещей, но унюхать съеденный мною банан им не удалось, а другой сельскохозяйственной продукции у меня не было. Полчаса спустя автобус мчал пассажиров по отличной бетонной дороге на юг острова. За окнами кружили холмистые леса, опрятные селения, мотели и бензоколонки. На остановке я разговорился с водителем. Он оказался афганцем, бежал сюда во время вторжения советских войск в Афганистан. Семья погибла под бомбами, деревня стерта с лица земли. Услышав, что я из бывшего Советского Союза, он протянул сигарету: «Я знаю, лично вы, может быть, не виноваты, но все-таки...»

Хобарт оказался уютным тихим городком. Бросив вещи в двадцатиэтажной башне «Рест Пойнт Отель Казино», я пошел побродить по острову. В парке шумели вековые деревья с мощными горизонтальными отростками, на которых можно сидеть, покачиваясь. На центральной площади вблизи здания парламента отлитый в металле памятник Абельу Янзону Тасману с глобусом в руках. На устах мореплавателя блуждает улыбка, которая вряд ли посещала великого голландца, когда в 1644 году он ступил на этот берег после многих месяцев изнурительных бурь в океане. Я прогуливался по газону вокруг мемориального комплекса с макетами накренных ветрами кораблей, вызывая в воображении приключенческий XVII век и печалась, что родился с опозданием.

Мимо прошествовали две странные пары — нарядно одетые седовласые женщины постукивали по плиткам высокими каблучками туфель из страусиной кожи, а вслед за ними, отставая на шаг, важно шли убеленные такими же сединами два старца в канотье, элегантно черных фраках и рубашках с бабочкой. На улицах городов я видел таких почтенных людей на задних сиденьях роскошных автомобилей, но чтобы вот так, пешком по улице... Город давал ощущение вечного тепла, покоя, благодати; редко встречаешь такую гармонию красивого смуглого города и красивых смуглых лиц. В заливе множество яхт, катеров, теплоходов, можно за небольшую плату выйти в море. Примкнув к группе отдыхающих, я с ними попал на палубу катера и с моря любовался панорамой острова. Он похож на средиземноморский, но не столь многолюден. Мне казалось, этот теплый краешек Земли населен безмятежными людьми, умеющими радоваться солнцу, морю, синему небу. Тут противоестественна сама мысль об одурманивающих веществах, о добровольной дезорганизации своего психического состояния. Сам остров одурманивает, возбуждает, вызывает эйфорию. Очарованный первыми впечатлениями, я не подозревал, что пару часов спустя в компании случайных тасманийцев закурю сигарету с местной марихуаной.

Прогуливаясь по городку, к вечеру я оказался у бара под названием «Собачий дом». К этому времени я устал, проголодался, и бар с обшарпанной дверью вырос на пути. В густом сигаретном дыму люди пили пиво и молча гоняли шары на бильярдном столе. На мгновение показалось, что меня снова занесло в лондонский Брикстон, в кафе «Хобгоблин». Но здесь лица совершенно другие — шоколадного цвета, с наклонным лбом, развитыми надбровьями, у многих борода и усы. Почти у всех курчавые волосы. Это одна из групп австралоидной экваториальной расы. У мужчин широкие пояса, стягивающие джинсы, с крупной прямоугольной эмалевой пряжкой. Пряжка разделена черной и зеленой полосами с красным кругом посередине — в виде

флага тасманийских аборигенов. У девушек в ноздрях серьги таких же цветов. Бар принадлежит коренным островитянам. Рядом со мной молодая пара. Они вскидывают друг на друга влажные масляные глаза. Мы разговорились. Оказывается, брат и сестра из селения в восточной части острова. Марихуану оба курят три года. Ее заросли в глубине острова. По их словам, марихуану имеет в кармане каждый третий островитянин. Многие перешли на гашиш, опий, привозные амфетамины, но эти двое предпочитают марихуану. Она их «успокаивает», «делает общительнее», а главное — «все курят».

Чтобы снять сомнения о цели моих расспросов, интересуюсь, можно ли купить марихуану и сколько стоит порция на пару сигарет. Молодые люди смотрят на меня внимательно, но не находят, похоже, признаков полицейского провокатора. Кивком головы парень приглашает следовать за ним. Мы проходим к бильярду, где лампочка покачивается над зеленым сукном, и садимся за столик в затемненном углу.

— Сколько? — спрашивает он, озираясь.

— На пару сигарет.

— Ты правда не полицейский?

— Ну где ты видел полицейских с ужасным акцентом, как у меня?

Он возвращается к стойке, шепчется с сестрой. Она открывает лежащую на коленях сумочку, он сам достает из нее пакетики. Теперь он идет ко мне, руки в карманах, как ни в чем не бывало. Мы выходим на улицу, за углом набиваем марихуану в мундштук, закуриваем — а что мне оставалось делать? — и возвращаемся к стойке. Тасманийская марихуана крепка, с высокой концентрацией тетрагидроканнабинола. Видимо, мягкий островной климат очень хорош для конопли, она из самых сильнодействующих в мире, как вся австралийская конопля. Теперь, дымя сигаретами, мы могли поговорить как люди, понимающие один другого. Островитяне, говорит мой друг, предпочитают алкоголь, но потребителей наркотиков становится все больше. В последнее время тасманийцы экспериментируют с гибридами домашней конопли и конопляным маслом, обладающим повышенным содержанием активных веществ.

Найти работу островитянам нелегко, брат и сестра обошли множество мелких предприятий, но свободных рабочих мест нет. Пытались наняться на ферму, ухаживать за посадками, чем занимались в детстве, когда были живы родители. Но в офисе компании «Джонсон и Джонсон», имеющей здесь плантации, им сказали, что шансов нет — хозяева не допускают к работам аборигенов.

— А что у них за плантации? — спросил я.

— Маковые... Собирают опиум.

— Что-что?!

Так я впервые услышал о тасманийских маковых полях известной компании, созданной американцами — братьями Джонсонами в середине восьмидесятых годов XIX века и имеющей сегодня представительства в ста девяноста странах. Мировая медицина знает компанию как производителя перевязочных, фармакологических, болеутоляющих средств, предметов санитарной гигиены для женщин, туалетных принадлежностей для детей, аппаратов по диагностике многих заболеваний, предметов для ухода за кожей и волосами... Но опиумные поля на Тасмании?

Со студенческих лет мне помнится история этой старейшей компании. Она началась с открытия Дж. Листера. В операционном зале он обнаружил мириады микробов, угрожавших инфекциями и заболеваниями, особенно пациентам с открытыми ранами. Стала очевидна необходимость защиты ранений антисептическими средствами, но многие хирурги, его современники, не принимали открытие всерьез. У них не укладывалось в голове, что, оперируя без перчаток и нестерильными инструментами, они сами распространяли инфекцию. В числе первых сторонников перехода к антисептическому лечению ран был Роберт Вуд Джонсон, хирург из Нью-Брунсвика (штат Нью-Джерси). Вместо грязной ваты, собранной на свалках текстильных фабрик, он стал использовать стерильные хирургические повязки, запечатанные в пакеты и исключавшие риск заражения. Вместе с братьями Джеймсом и Эдвардом Роберт Вуд Джонсон арендовал помещение бывшей фабрики по производству обоев и начал производство новых перевязочных материалов, мягкой абсорбентной ваты, безопасных марлевых повязок. Хирурги больше не оперировали в обычной домашней одежде — стали надевать халаты.

Как могло случиться, что потомки славных братьев Джонсонов принялись выращивать мак и получать опиум на острове? Из разговоров с тасманийцами, а потом из скудных на этот счет

публикаций можно представить картину высадки компании на тасманийских берегах. Это произошло в шестидесятых годах XX века. Скалистый остров с его мягким климатом и удаленностью от крупных материков оказался идеальным для скрытого от глаз производства медицинских наркотических веществ. Компания добилась от местных властей разрешения на создание маковых плантаций в обмен на крупную финансовую поддержку скромного островного бюджета. Компании удалось получить лицензию ООН.

На площади почти в три тысячи гектаров развернулись посеы опийного мака. По две тысячи долларов, слышал я, платит компания тасманийским фермерам за обработку каждого гектара. Фермеры стараются: островной опийный мак по концентрации алкалоидов превосходит турецкий и индийский. Первичный экстракт из маковых коробочек получают на острове, а наркосодержащие фармакологические препараты (морфин, кодеин, бупренорфин, налтрексон и др.) производят на заводе в австралийском штате Виктория. Остров обеспечивает сорок процентов мировой потребности в легальных наркотиках. Компания не сообщает размеры прибыли от опийных хозяйств, но, по прикидкам островитян, она не ниже ста миллионов долларов. Доходность опийной отрасли изумляет тасманийских аборигенов. Они сравнивают: экспорт знаменитых тасманийских яблок приносит только семь миллионов. «Может, всю нашу землю засеять опийным маком?» — размышляет мой приятель из «Собачьего дома». Островитяне не допущены к работам на маковых плантациях. Когда коробочки набирают опийную силу, молодые аборигены устраивают ночные набеги. Прихватив аппараты для стрижки газонов, они пускают их по маковому полю. При свете луны загружают в машину мешки с семенными коробочками. При удачном налете удается взять до десяти тысяч коробочек. Если верить моему приятелю, одному из многих ночных проказников, у него и его друзей производство безотходное: из стеблей выжимают сок, цветки идут в чайную заварку, а из сваренных коробочек делают сильную опийную вытяжку.

Тасманийцы равнодушнее к кокаину, для большинства он слишком дорог — грамм стоит двести долларов, тогда как пособие по безработице — двести девяносто долларов в месяц. Молодежь оказалась перед мучительным выбором. Перевозчики кокаина из Южной Америки в Австралию бизнеса ради готовы уступать аборигенам в цене, предлагают разные скидки, но широкого распространения на острове кокаин пока не получил.

— Скажи, когда ломает, а денег на наркотики нет, что делаете? — спрашиваю брата и сестру.

— А что я могу делать? Подстерегаю ночью прохожих, отнимаю что удастся, продаю и покупаю наркотик.

— А я уйду в лес, — говорит сестра.

— Это снимает тягу? — удивляюсь я. — Успокаивает?

— Нет! — смеется. — Моя бабушка показала в лесу места, где весной появляются грибы. Нарезешь, сварить, поешь и будешь чувствовать себя, как будто лизнула марку с ЛСД... Очень красивые картины.

Мне снова было что вспомнить и о чем подумать.

Растительные галлюциногены использовались людьми с доисторических времен. Древние охотники и собиратели знали о свойствах психотропных грибов: сырые или сваренные над костром, они изменяли сознание, исцеляли больных, вызывали причудливое восприятие реальности. Часто они давали людям ощущение полета в незнакомых мирах, позволяя видеть из подоблачных высот благополучными свои стада и хижины. Мне рассказывали об этом аборигены Сибири. Их далеким предкам токсические грибы знакомы были со времен, когда отступили ледники и на материке стали появляться березы и ели, которым с тех пор сопутствует гриб с красной шапочкой, усеянной белыми пупырышками. Без мухомора когда-то не обходилась в тундре ворожба, без него невозможно было вызвать сверхъестественные силы, получать высшие удовольствия. Кажется, только принесенная за Урал-камень русскими людьми водка (XVIIв.) стала вытеснять из быта чукчей, юкагиров, камчадалов, других народностей токсические грибы, беря на себя их функцию стимулятора безумных состояний, а иногда бешенства^{ex}.

У костров северных аборигенов я слышал мифы о мухоморах. Например, о том, будто в их мякоти находят убежище силы, общаться с которыми способен только шаман. Наевшись грибов, шаман впадал в глубокий транс, в этом состоянии он выполнял советы духов, укрывшихся в теле гриба. Говорят, поев мухоморов, северяне видят перед собой новых людей, причем точно в таких количествах, сколько было съедено грибов. Пришельцы увлекают человека в экстатическое путешествие к отдаленным мирам.

Мухомор известен на всех континентах, кроме Южной Америки и Австралии. Растущий на Тасмании гриб, как можно понять, по воздействию на психику похож на мухомор, но описания гриба столь общи и приблизительны, что говорить с уверенностью о том, какой вид грибов мои собеседники имеют в виду, невозможно. «Как грибы называются?» — спрашивал я знакомую в «Собачьем доме». «Грибы...» — «А на языке ваших предков?» — «Грибы!» Судя по рассказам, с их употреблением у людей совершенно меняются параметры окружающей среды. Содержащиеся в грибах алкалоиды воздействуют, скорее всего, на сетчатку глаза, увеличивая или уменьшая предметы до фантастических размеров. Реальные существа превращаются в великанов или предстают карликами — надо опускать голову, чтобы заметить копошащиеся у ног фигурки.

По-своему используют грибные галлюциногены горцы Новой Гвинеи. Под воздействием грибов в определенное время каждый год, независимо от праздников или ритуалов, они приводят себя в состояние высшего возбуждения. Женщины без устали поют, яростно предаются эротическим танцам и сексуальным утехам, а потерявшие голову мужчины, размахивая руками, истошно крича, бегают вверх и вниз по холмам, демонстрируя прилив энергии. Наблюдавшие их поведение исследователи относят это состояние к приступам грибного бешенства. В припадке наркотического безумия горцы терроризируют всех, кто попадает им под руку. Они обращаются к диким грибам и перед тем, как идти убивать людей. Убийство в состоянии неистовства выглядит одной из форм их самореализации^{сxi}.

Метаморфозы сознания, связанные с употреблением галлюциногенных грибов, описаны в романах Кастанеды, хорошо знакомого с грибами Мексики. Там больше двадцати видов психотропных грибов. Их ели свежими, катаясь по земле от приступов смеха и погружаясь в причудливые цветные видения. Эти грибы у древних правителей считались высшим деликатесом, их подавали на стол во время банкетов и церемоний. Древние майя до вторжения испанцев настолько почитали психотропные грибы и вызываемые ими галлюцинации, что оставили дошедшие до наших дней их каменные и глиняные изваяния.

В Мексике и Центральной Америке растет псилоциб — гриб с черной шляпкой и стелющейся по земле длинной волнистой ножкой. В просторечии его называют «шрумсом», «поганкой», «волшебным грибом». В нем обнаружены алкалоиды псилоцибин и псилоцин, способные изменять мышление, ощущения, настроение. Человек остается один с внезапно остановившимся временем, среди окружающих предметов необычных форм и раскраски. Принимающие наркотик «видят звуки» и «слышат цвета». Примерно то же самое ощущают принимающие синтетический псилоцибин^{сxii}.

Разговор с посетителями бара «Собачий дом» в Хобарте был не настолько продолжителен, чтобы можно было обнаружить умственное расстройство или неадекватное восприятие реальности у потребительницы тасманийских психотропных грибов. Но литература дает нам множество фактов, подтверждающих возможность некоторых растительных галлюциногенов резко менять настроение, вызывать смятение, подозрительность, неожиданные вспышки насилия. Снижается способность человека принимать обдуманные решения. В результате — непредсказуемые поступки, пренебрежение опасностями, несчастные случаи.

В нашей практике редко попадают больные грибной наркоманией. Мухомор, другие ядовитые грибы не водятся в кыргызских лесах; местами встречается другая растительная отравка, так называемые «бледная поганка» и «иссык-кульский корень», от их употребления бывало, что люди умирали, но эффектов, подобных псилоцибиновым, не наблюдалось. Большинство пациентов, когда-то пробовавших грибы с активными психоделическими ингредиентами, оказывались из районов Русского Севера, из ленинградских и карельских лесов, но они страдали зависимостью от других наркотиков. Был единственный случай, когда женщина из Петрозаводска привезла в клинику двадцатипятилетнего сына, действительно больного грибной наркоманией. Повышенный интерес медиков вызвало не только знакомство с редким у нас диагнозом, но и личность пациента. Небритый, неопрятный, с падающими на плечи длинными волосами, сутулый и замкнутый, сам похожий на сохнувший гриб, он оказался человеком музыкально одаренным, пишущим тонкие лирические стихи и прозу. Со слов матери, он хорошо играл на скрипке, в детстве ему прочили большое будущее, но в подростковом возрасте в нем пробудился протест против нажима родителей, он забросил инструмент, стал нелюдим. И в клинике поведение больного было странным: он не выходил из палаты, был постоянно уныл, смотрел исподлобья, избегал любых контактов, общался только с лечащим врачом. Даже еду из столовой мать приносила в палату. На ее слова он реагировал нервно и грубо. Врачи, проходя по коридору,

слышали его срывающийся голос: «Замолчи! Что ты в этом понимаешь! Ты дилетантка!» Приходилось постоянно его успокаивать, и если это удавалось, а в особенности впоследствии, когда он окончательно вышел из болезненного состояния, окружающие видели доброжелательного, застенчивого, интеллигентного молодого человека, с трудом веря, что это тот самый пациент.

Но почему грибы?

Действие наркотического препарата во многом зависит от склада личности, к нему пристрастившейся. Галлюциногены одинаково причудливо изменяют восприятие окружающего мира, но механизмы воздействия, характер эффектов, оттенки настроения разные. ЛСД чаще всего вызывает кошмарные видения, неприятные психические реакции, нередко панику и смятение. А грибы, к которым привык наш пациент, давали отвечавшие его мироощущению красивые, фантастические переживания, которые он описывал, никому свои рукописи не показывая, пряча страницы в ящики стола. Он любил их перечитывать, заново переживая дорогие ему ощущения, никого не допуская в свой внутренний мир. Потом, доверившись лечащему врачу, он кое-что рассказывал о пережитом и пережитом. Например, о том, как, прохаживаясь в погожий день по городу, поймав на ладони солнечные лучи, он видел в своих руках яркие цветные крутящиеся шары, часто полужидкие, которыми на ходу жонглировал, как это делают артисты цирка.

Однажды в студенческие годы (он учился в медицинском институте и ушел с третьего курса), поев перед лекцией грибов, он смотрел, как преподаватель ходит взад-вперед у черной доски, что-то пишет мелом, и вдруг в доске образовалась обитая кожей красивая дверь с резным окладом. Это была совершенно реальная дверь, с глазком и замками. Он наблюдал, как дверь бесшумно отворилась, за ней видна была изящная деревянная лестница с балясинами, как в старинных дворянских домах. Преподаватель вошла в эту дверь, обернулась и, помахав всем рукой, стала исчезать на этой лестнице, уходя в никуда.

Самые страшные видения приходили в морге во время занятий по патологической анатомии. Обычно это приходило весной, когда запас сухих грибов заканчивался и он закладывал за щеку промокашку, смоченную ЛСД. Трупы в морге оживали, на лицах менялись гримасы, тела приподнимались, жестикулировали, угрожали ему. Он бежал прочь, искал, куда спрятаться. Но на улицах шли мимо и навстречу тоже трупы, без одежды и страшные, с биркой на большом пальце ноги. В конце концов ему удавалось спрятаться от них в кустарниках городского сада. Но в это время как бы со стороны он видел самого себя — тоже голого, в страшных язвах, и на ноге бирка с номером. Дальше он ничего не помнил. Просыпался на следующее утро в нормальном, трезвом состоянии — под кустами. Как потом ему рассказывали, он действительно носился по улицам, шарахался от прохожих, плакал и кричал. Прохожим он казался подвыпившим, а они ему — трупами. В таком состоянии, говорил он, погибли многие его друзья. Они путали балконы в многоэтажном доме с входной дверью или, чувствуя себя птицами, спасались от кошмарных видений в комнате, выбрасываясь в окно.

Грибы он собирал летом в карельских лесах под Петрозаводском, там же ел их сырыми, от десятка до сотни штук за один раз, в зависимости от величины, от концентрации псилоцибина, от скорости прихода видений. А осенью привозил домой мешками и сушил впрок, чтобы хватило на зимние месяцы, когда можно связки обдать кипятком или варить в кастрюле, поедая мякоть и запивая отваром. Грибные места ему по секрету открыл художник-сюрреалист, хронический потребитель галлюциногенов. Искаженное наркотиками восприятие реальности он воспроизводил на своих полотнах, поражая зрителей неумным буйством фантазии. Когда заканчивались грибы, они оба принимали «кислоту» (ЛСД). Если и этого не оказывалось под руками, переходили на ежедневный прием марихуаны, которая давала похожий, но слабый для них галлюциногенный эффект. Оба приятеля, поев в лесу грибов, с радостным возбуждением наблюдали, как чудесным образом все изменялось вокруг: воздух отчетливо серебрился струями, можно было под струю подставить ладонь, а вековые сосны становились мягкими, словно были вылеплены из воска. Если попытаться повторить тот же эффект на следующий день, грибов надо было съесть вдвое больше: толерантность организма к псилоцибину начинала быстро возрастать. Чтобы снизить ее, они ели грибы с перерывами, два раза в неделю, получая те же ощущения при прежних дозах.

Нашего пациента почти не покидало депрессивное состояние, чаще всего с необъяснимым для него самого мрачным оттенком. И даже когда лечение пошло на лад, когда он стал поднимать прежде постоянно опущенные глаза, когда постригся, наконец, он оставался легкоранимым, малоразговорчивым. Медикам стоило немалых трудов вызывать его улыбку. Он оживлялся только

при вопросах, как грибы заготавливать и есть.

Одно время он приезжал в лес с подругой. Они вместе ели грибы, отдаваясь пьянящим галлюцинаторным переживаниям. Однажды в таком остоянии они возвращались домой, шли по улице мимо стройки, с радостными криками взбегали на кучи мусора и, балансируя, ходили по трубам. Взобравшись на леса, девушка прыгала, смеялась, пятилась назад, и он отчетливо видел, словно при замедленной киносъемке, как она падала с лесов под колеса проезжавшего самосвала с гравием.

После похорон он долго не мог прийти в себя и вместо грибов стал снимать подавленность водкой. Когда однажды он добрался до грибной поляны, ее уже охраняли вооруженные парни из криминальных структур. За сбор грибов надо было платить. По дорогам в разных направлениях уходили доверху заваленные грибами полутоннажные грузовики.

Ничего этого я не стал рассказывать юной тасманийке в баре «Собачий дом», потому что не припомню случая, когда кого-либо убеждал чужой опыт: каждый верит только собственному и обращается к нему тем чаще и искренней, чем последствия непоправимей.

— А где в Хобарте снимают абстинентный синдром? — спрашивал я смотрительницу островного музея, когда мы обошли последний зал. Музей густо населен скелетами вымерших животных. Среди них оказался последний тасманийский тигр, убитый в тридцатых годах, его предков когда-то завезли с Японских островов, но второй родины зверей из Тасмании не получилось.

Да что там японские тигры — такая же судьба ожидала коренных тасманийцев. Их чистых потомков практически не осталось. На острове живут четыре тысячи слегка смуглых, почти белокожих аборигенов, в жилах которых есть кровь древних обитателей острова.

Самую большую часть населения Тасмании составляют потомки англосаксов, за ними идут датчане, немцы, итальянцы, греки (их много появилось здесь после Второй мировой войны), есть общины латышей, латвийцев, поляков, венгров, словаков, в последнее время появились ливанцы и курды. Говорят, есть шесть-семь семейств из России. Среди экзотических музейных экспонатов я увидел медный самовар с черными ручками. Какими судьбами, дружище, ты попал из России в Тасманию? Чьи силы ты укреплял своим кипятком в опасных морских походах? На меди я разобрал гравировку: «Самоварная фабрика Воронцова». Самовар знаменитой фабрики Дмитрия Осиповича Воронцова был спутником английского капитана Бригса, коменданта тасманийского форта Маккори в пушкинские времена. Не знаю, русский ли самовар умягчал нравы, но капитан Бригс слыл среди островитян человеком добрым, не допускал жестокого обращения с осужденными, какое здесь было обычным до и после него.

Я не надеялся услышать от смотрительницы адреса клиник, где лечат наркозависимых больных, но, к приятному удивлению, она прекрасно знала единственный в Хобарте медицинский центр, где снимают абстинентный синдром, и долго рисовала на бумаге, как к нему пройти.

— Будьте здоровы! — сочувственно пожелала она, глядя мне в глаза.

Центр по излечению алкоголизма и наркомании оказался на одной из многих крутых улиц, взбегających от залива на склоны холмов. Был субботний день, дежурный фельдшер долго допытывался, что за наркоман ломится в закрытое учреждение. Повторял, что нет ни места, ни врача и лучше самому снять ломку небольшой дозой наркотика, а уже завтра показаться. Я успокоил его, заставив поверить в отсутствие каких-либо просьб, кроме желания встретиться со своим коллегой, лечащим врачом. Впустив меня, дежурный набрал номер домашнего телефона врача Джексона. «Откуда-то из Азии!» — сказал он, и это, похоже, на другом конце провода произвело впечатление.

Через полчаса доктор Дэвид Джексон приехал в центр. Я увидел человека лет сорока, очень спокойного, как почти все психотерапевты. Он родом из Варбуртона, долгое время занимался общей практикой, а когда на острове открылась вакансия врача-нарколога, он подал документы на конкурс в надежде заняться страдающими зависимостью, интерес к которым испытывал всегда. В штате Тасмания четыреста двадцать тысяч населения. Каждый пятый — выпивоха (если еще не хронический алкоголик), треть жителей курят, многие употребляют амфетамины, опиий, героин. Он сам, говорит, не ожидал от тихого острова, мирового лидера в производстве тонкой шерсти, одного из крупных поставщиков пшеницы и яблок, такой пораженности наркотиками.

Алкоголизация Австралийского материка, он уверен, идет от шотландцев и ирландцев, которые привили аборигенам вкус к спиртным напиткам, приучили принимать их часто и в

неумеренных количествах. «Кельтские народы принесли в Австралию культ виски, как русские в Восточную Европу — культ водки», — запомнилось мне его сопоставление. А опий пришел сюда лет сто пятьдесят назад, когда на золотые прииски хлынули завязтые курильщики — китайцы. Героин попадает в эту часть Индийского океана из Индонезии и Таиланда.

Чистые наркотики дороги для основной части населения. Люди скромного достатка изготавливают «тасманийский коктейль» — добавляют в опийный раствор барбитураты, димедрол, ангидрид, варят на открытом огне, смесь процеживают через вату и вводят себе внутривенно. Менять шприцы большинству не по карману, они моют в ручье уже использованные — шприцы идут по рукам. Среди больных не так много зараженных ВИЧ-инфекцией, но гепатит находят у большинства.

Психология тасманийцев, особенно аборигенов, принципиально островная, отлична от психологии населения на материке. Космологическая и этическая детерминация их сознания тесно связана с ограниченным пространством, где многие между собой знакомы, по крайней мере, лица друг другу примелькались. Они совершенно лишены чувства «титанизма», свойственного многочисленному сообществу, и не заблуждаются относительно своего места в мировых процессах. Может быть, этим отчасти можно объяснить, например, почему островитяне — потребители наркотиков не проявляют интереса к кокаину, выступающему у наркоманов других народов как бы символом принадлежности к высшей касте.

В Хобарте купируют абстиненцию, применяя валиум-диазепам (при алкоголизме), при опийной наркомании используют клонидин, а длительное лечение зависимых от опийных наркотиков ведется по известным метадоновым программам. В те дни, когда я был на острове, метадон систематически принимали триста больных. «На большой земле, — говорит доктор Джексон, имея в виду Австралию, — пробуют лечить опийных наркоманов налтрексоном, бупренорфином, длительно действующими морфинами, но мы подождем: медики не могут позволить себе роскоши экспериментировать на больных тасманийцах — их и без того мало»^{схiii}.

Доктор Джексон предложил пройти с ним по палатам, извиняясь за невозможность заранее обещать разговор с кем-либо из пациентов — тасманийцы замкнуты, стеснительны, малоразговорчивы, им не нравится проявляемый к ним интерес посторонних людей. В одной из палат я увидел тощего человека с татуировками, покрывшими тело с головы до ног. Это была ходячая картинная галерея. Безо всякой надежды я повернулся к доктору с вопросом, нельзя ли испросить у этого больного разрешения поговорить с ним.

— Марк, со мной врач-нарколог из Кыргызстана.

— И что ему надо? — сверкнул глазами Марк.

Начало знакомства не предвещало ничего хорошего. Но когда доктор Джексон сообщил о моей готовности осмотреть и, возможно, вместе обсудить его проблему, странный пациент бросил на меня изучающий взгляд, подвинулся на койке, заправленной байковым одеялом, и кивком головы разрешил сесть рядом. Я послушал пульс и задал пару вопросов. Он отвечал нехотя, глядя не на меня, а на своего лечащего врача, словно видел впервые.

Итак, тасманиец Марк, тридцати лет, употребляет все, что оказывается под рукой или что можно достать в острый момент, — героин, бензоаты, снотворное, алкоголь. Употребляет наркотики с восемнадцати лет. Обычная доза — полграмма героина в день. Лечился в разных клиниках; самый большой промежуток, когда обходился без наркотиков, — шесть месяцев. Отец в тюрьме, мать лечится от алкоголизма. Сам тоже отбывал наказание, но не подолгу. На вопрос, есть ли семья, отвечать не захотел. Последний раз принимал наркотики пару дней назад — семьдесят таблеток диазепамина по пять миллиграммов в каждой.

— Что вы думаете о кокаине?

— Гадость, действует два часа, а мне нужно шесть-семь часов.

— Марк, почему героинщики часто кончают смертью?

— В тюрьме забывают, у кого покупать чистый порошок.

— Что же вы им не подскажите — у кого?

— Когда они здесь — я снова там.

В тюрьмах Австралии, включая штат Тасманию, криминализированных больных, как наш собеседник, пять тысяч. Но даже среди избежавших суда молодых людей, по наблюдению тасманийских медиков, шестьдесят процентов употребляют наркотики. Теряют работу, семью, друзей. «Наркоманы, — говорит доктор Джексон, — чувствуют себя виноватыми, стесняются. Мы прибегаем к психотерапии. Не в тебе все зло, утешаем мы, а в твоей болезни. Это большая разница. Сваливая все на наркотики, мы даем человеку шанс».

Он хороший психолог, доктор Джексон. Все сваливая на наркотики, ничем не задевая самолюбия больных, все еще настороженных, он лишает их желания копаться в их прошлом, снова переживать тяжелые истории. Снимая с них вину, он освобождает, очищает души от сорняков — во вспаханную почву можно бросать здоровые зерна.

Глава шестнадцатая

ПАКИСТАН: ОПИУМ, БЕЖЕНЦЫ И АЛЛАХ

Муллы мечети Фейсала на антинаркотических занятиях — Генерал Зафар Аббас: «И да поможет нам Аллах!» — «Най Зиндаги»: десять дней на детоксикацию и годы — на реабилитацию — Приют Парвин Азам-Хан в Пешаваре — Поездка в лагерь афганских беженцев — Зачем губы детей мажут опиумом — К пуштунам через Хайберский проход — У пограничников поста Мични

О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны, пока не будете понимать, что вы говорите...

На зеленом газоне сидят семеро бородатых мужчин в чалмах. На коленях у одного мальчик лет пяти или шести и раскрытый Коран. Он нараспев читает суры, возвышенные слова взмывают в чистое небо высоко над головами. За ними на зеленой лужайке другие группы верующих людей, среди них женщины в шароварах, скрывающих фигуру, в одеждах до пят и в паранджах, покрывающих голову так, чтобы оставалась только узкая щелка для глаз. У некоторых женщин лица открыты, но на это нарушение закона ислама никто не обращает внимания даже здесь, перед мечетью Фейсала, великолепным украшением Исламабада. Архитекторы отошли от традиционных решений и предложили проект изломанной стеклянной конструкции с четырьмя устремленными в небо остроконечными минаретами, похожими на готовые к старту ракеты. Красивее ее нет мечети в Пакистане. Здесь совершаются наиболее торжественные богослужения с участием высших иерархов мусульманской церкви.

Сейчас вечернее время, служба закончилась, но верующие не расходятся, прогуливаясь вокруг мечети, которая так органично вписывается в изломанные контуры синеющих гор, словно была рождена одновременно с ними. Я прилетел в пакистанскую столицу в те дни, когда мусульманские паломники возвращались из Мекки, гордые отныне полученным титулом «хаджжи». На их лицах еще свеж загар от аравийского солнца, на них длиннополые туники, зеленые чалмы, у каждого в руках пластмассовые бочонки со святой водой. Их многие тысячи. Они белым облаком плывут от трапа самолета и заполняют собой залы аэровокзала. В местах паломничества они были в особой белой одежде «ихрам», в сандалиях и с непокрытой головой. Почти десять дней странствия (у некоторых больше) они жили в частных домах и в палатках, не стриглись, не брились, не пользовались благовониями. Но испытывали огромный душевный подъем во дворе мечети аль-Масджидуль уль-харам, слушая проповеди и семь раз обходя вокруг Каабы, стараясь поцеловать Черный камень или хотя бы дотронуться до него рукой.

В священных местах они чуть отошли от потрясения, испытанного ими в аэропортах Карачи и Исламабада перед посадкой в самолеты, когда громкоговорители строго предупреждали пилигримов не брать от посторонних людей никаких подарков для передачи в порту назначения, чтобы не попасться на невольной перевозке наркотиков. Им не советовали также брать в дорогу пищу. Служащие авиакомпаний каждому вручали листовку с предупреждением, что грозит любому, какой бы ни был у него сан, за соучастие в контрабанде запрещенных веществ. Багаж у всех просвечивали, иногда рылись в вещах, подозрительных обыскивали. Еще недавно такого даже вообразить было нельзя.

Вернувшись на родину, отдохнув в своих домах и переодевшись, паломники прогуливаются со своими семьями у мечети Фейсала. Кого тут только нет — молодежь, женщины, дети, люди старшего поколения, иные передвигаются, опираясь на палку. Но сколько я ни приходил сюда, ни здесь, ни в каком-либо другом месте, в столичных ресторанах тоже, я не видел

даже слегка выпивших людей. Говорят, эта традиция берет начало с 628 года, когда после Хейбарского сражения пророку Мухаммеду был ниспослан коранический стих о запрете спиртных напитков. Тогда все жители Медины — и употреблявшие алкоголь, и производившие его, и торговавшие им — одновременно вылили все запасы на улицы города, который потом тридцать дней источал запахи запретных напитков. Мусульманская религия отвергает винопитие, но я представить себе не мог, что существуют сегодня страны, где люди, большинство их, на самом деле не употребляют спиртных напитков и считают грехом сидеть за одним столом с теми, кто в соблюдении этого закона не слишком строг. В какой-то мере такой запрет объясним, по всей вероятности, характером молитвы. Мусульманин должен пять раз в сутки (на рассвете, в полдень, в середине дня, после захода солнца и в начале ночи) совершать намаз, при этом вставать на колени, простираться ниц, делать другие телодвижения, причем не раз, и вряд ли у него получатся ритуальные действия, если он в состоянии хотя бы легкого опьянения. Эту ситуацию имеет в виду Коран, запрещая пытаться совершать молитву в нетрезвом состоянии ума.

— Но есть же верующие с алкогольной и даже наркотической зависимостью! — вызывал я на разговор пожилого муллу, с которым познакомился на ступеньках мечети Фейсала. Он не стал отрицать, а попытался объяснить сложность ситуации некоторым противоречием в самом Коране. Верующие не вправе прикасаться к натуральному вину (по арабски «хамр»), но в тексте священного писания нет прямого запрета на крепкие напитки и на наркотики. Возможно, во времена создания Корана (VII — VIII вв.) мусульманское население еще не знало крепких напитков. Но наркотические вещества появились раньше! Беседуя с пакистанскими священнослужителями и роюсь в книгах, я искал разгадку этой странности и в конце концов нашел. Знатоки арабского языка объяснили: арабское слово «хамр» обозначает не только натуральное вино, но любые спиртные напитки и наркотики. Это подтверждает Валерия Порохова, осуществившая поэтический перевод Корана на русский язык, одобренный высшими авторитетами мусульманской церкви. В ее переводе стихи звучат так: «О вы, кто верует! / Все, что пьянит (и травит) ум, / азартные затеи, / и камни (жертвенников, алтарей и мест молений), / (и жребии) на стрелах — / все это — мерзость, что измыслил Сатана. / Так воздержитесь же от этих искушений, / и может быть тогда / вы обретете (истинное) счастье/»¹.

«Пьянит и травит» — переводчица убеждена в абсолютной точности передачи смысла понятия «хамр», употребленного составителями Корана, призывавшего мусульман никогда не быть рабами плотских привычек. Тело человека по исламу — это храм Святого Духа, который не должен быть осквернен. Свод правил предостерегает мусульманина от жадности, мнительности, недоверия, лживости, предательства, несправедливости, прелюбодеяния, высокомерия, многих других пороков, несовместимых с исламской моралью. В их ряду — алкогольное и наркотическое омрачение разума.

В Коране содержится еще одно прагматичное объяснение причин, по которым верующие должны быть подальше от веществ, вызывающих изменение сознания: «И хочет Сатана азартом и вином/ вражду и ненависть средь вас посеять / и уклонить от поминанья Бога и молитвы. / Ужель вы не сумеете сдержаться?»².

Увы, сегодня в Пакистане многие беззащитны перед Сатаной. Медики оценивают число наркозависимых пакистанцев в четыре с половиной миллиона, а если учесть, что у каждого по крайней мере десять близких родственников, тоже страдающих от мучений дорогого им человека, то получается: в стране каждый четвертый — жертва наркомании.

Одни пакистанцы употребляют наркотики, другие употребляют и торгуют ими, третьи сами не употребляют, занимаясь исключительно наркобизнесом. Их сдерживают почти триста тысяч полицейских, сотрудников антинаркотических сил, пограничников, таможенников, при этом по обе стороны противостояния находятся мусульмане, есть даже те, кто совершал паломничество в Мекку, клялся соблюдать священные заветы посланника Аллаха, но заветы понимают по-разному. Над людьми, которые связали себя с наркотиками, довлеет свойственное мусульманскому вероучению чувство фатализма. Мусульманин больше, чем приверженец другой религии, верит в предопределенность судьбы, отпущенной ему до конца дней. И если кому-то суждено страдать от наркотической зависимости или быть гонимым за выращивание мака или за уличную торговлю наркотиками — таков свыше предписанный жизненный путь. Каждому свое: один ловит рыбу — другой ее ест. Всевышний одаряет одного и отказывает другому.

— Европейцы пытаются убедить остальной мир, будто наркоманов лучше снабжать препаратами и инструментами, в которых они нуждаются, чтобы не заставлять их, например, пользоваться грязными иглами... Это у них называется снижением вреда! — говорит мне

лейтенант полиции Абдул, несущий патрульную службу у мечети Фейсала.

На газонах вокруг мечети много людей, почти все семьями или группами. В зоне патрулирования все спокойно, нарушения порядка здесь почти не бывает. Лейтенант не прочь скоротать время в разговорах со случайными людьми.

— Вы думаете иначе? — спрашиваю я.

— Священное право мусульманина — требовать дозволенного, законного, добиваться всего, что по исламским законам положено, любыми способами, вплоть до джихада, священной войны. Но если человек требует запрещенного, если не понимает, чему учит священное писание, и не слышит голоса пророка, чем можно уменьшить вред, который он сам себе наносит несправедной жизнью?

— Кто может быть арбитром в этом споре, лейтенант?

— Шариатский суд!

Для мусульманина шариат — свод высших беспрекословных юридических и этических правил поведения. В свое время им руководствовался пророк Мухаммед, вслед за ним халифы, султаны, шахи, ханы и другие мусульманские феодалы. Сегодня на решение шариатского суда выносят запутанные дела, в том числе связанные с наркотиками.

— Скажите, лейтенант, вы здесь дежурите постоянно, заходите в мечеть во время службы, слушаете проповеди — бывает, чтобы муллы говорили верующим о наркотиках?

— Очень часто! Нельзя участвовать в наркоперевозках, употреблять гашиш, опиум, героин, надо воздерживаться от всего, что искажает сознание!

— Муллы сами решают, что и как говорить, или...

— В мечети приезжают сотрудники Антинаркотических сил. Они собирают мулл на семинары, говорят о своей стратегии, советуют — что и как объяснять пастве. Обычно во время пятничной проповеди муллы напоминают пастве о вреде наркотиков. Некоторые муллы сами едут в Равалпинди посоветоваться с генералами антинаркотических войск.

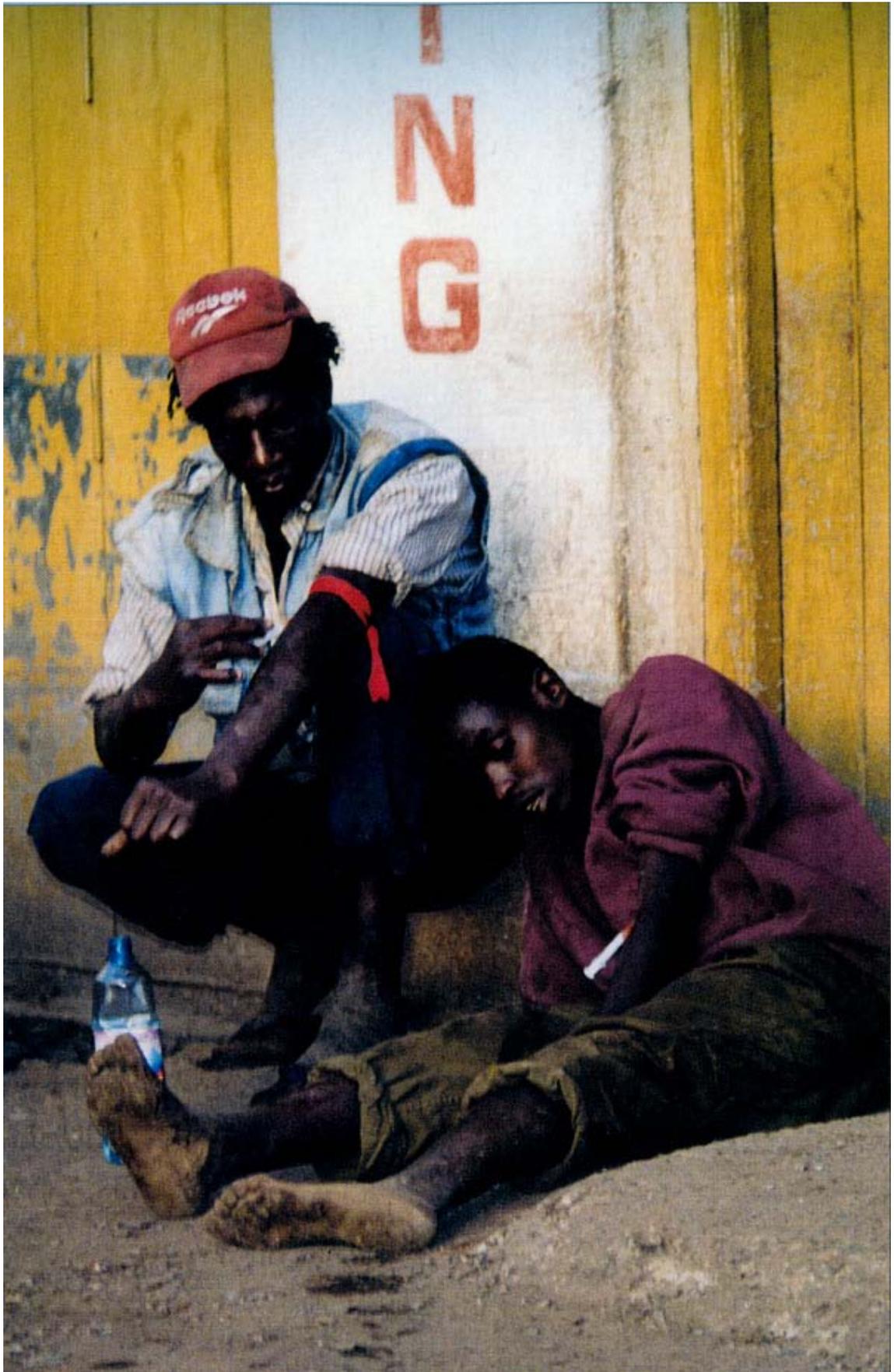
— Помогает?

Вопрос смутил лейтенанта.

— Пока хоть один пакистанец употребляет наркотики или зарабатывает на перевозке, воздержимся говорить об успехах.

Я слышал легенду о существовавшей когда-то близ долины Бекаа в Ливане мусульманской секты, основанной в конце XI века Хасан-ибн-ас-Саббахом. Ее приверженцы, агрессивные фанатики, своей жестокостью повергали в ужас соседние племена и отряды крестоносцев. От них в Европу пришло странное слово «ассасин» (в переводе «убийца»), искаженное арабское «гашишашин», как называли себя члены секты, возбуждаемые гашишем, поддерживавшим в их сознании постоянную иллюзию блаженства. Потом слово вошло в лексикон других народов, в небольшой набор слов, которые со временем люди стали произносить с оглядкой по сторонам. Вряд ли существовали широкие контакты фанатиков той долины с народами нынешнего Пакистана, но пакистанцы с тех же древних времен выращивали коноплю и получали из нее смолу, которую тоже любили есть и курить, называя ее по-своему — «шарас». Сегодня почти везде растет конопля, а особые сорта ее, дающие жирный гашиш, встречаются в труднодоступных горных районах пакистано-афганской границы.

Особая головная боль пакистанцев — опиаты. Маковые поля здесь заалели много веков назад. Опиум употребляли сам по себе, смешивали с другими веществами и курили, иногда ели, а гурманы добавляли в чай, в прохладительные напитки. Большинство предпочитали курить и смотрели на любителей внутривенных инъекций с недоумением. Медики применяли опиаты как сильнодействующие болеутоляющие средства, открытые еще врачами Древнего Египта, Греции, Рима. Так было до новейшего времени, когда опасность зависимости от опиатов заставила правительства спешно вносить изменения в законодательство. В шестидесятые годы нашего столетия пакистанцы стали спешно закрывать легальные опийные лавки. Но наркоманы-то остались! И нужда их не уменьшилась, а в условиях запрета стала возрастать. На действия властей наркобизнес ответил ошеломляюще: даже двадцать лет спустя здесь продолжали собирать каждый год по восемьсот тонн запрещенного опиума — больше, чем прежде, — и он находил сбыт, но уже в обход контролируемых каналов, возник огромный криминальный бизнес. Большую часть урожая

В городах Африки удручает вид уличных наркоманов

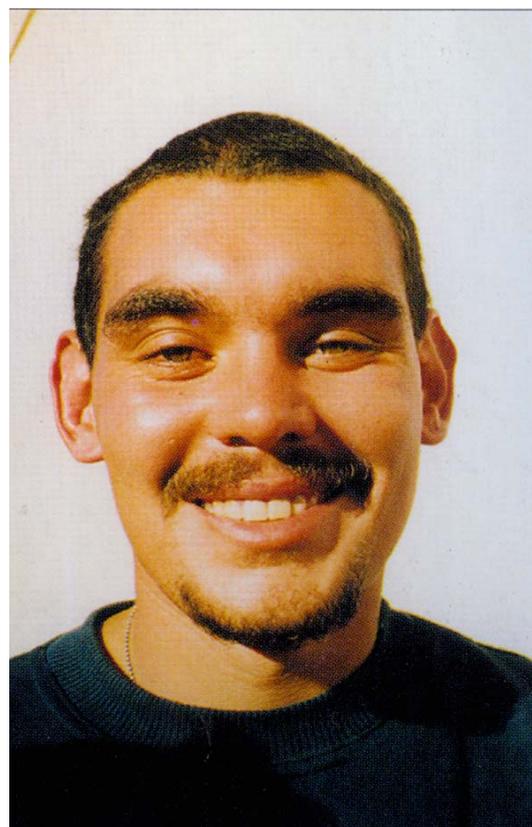
Наркотики угрожают даже Сейшелам

Борьбу с наркотизмом на островах возглавила Сара Рене, жена президента республики. За контрабанду наркотиков 30 лет тюрьмы и штраф 500 000 рупий

Пристань в Хобарте (Тасмания)

Накурившись марихуаны (аборигены острова, сестра и брат)

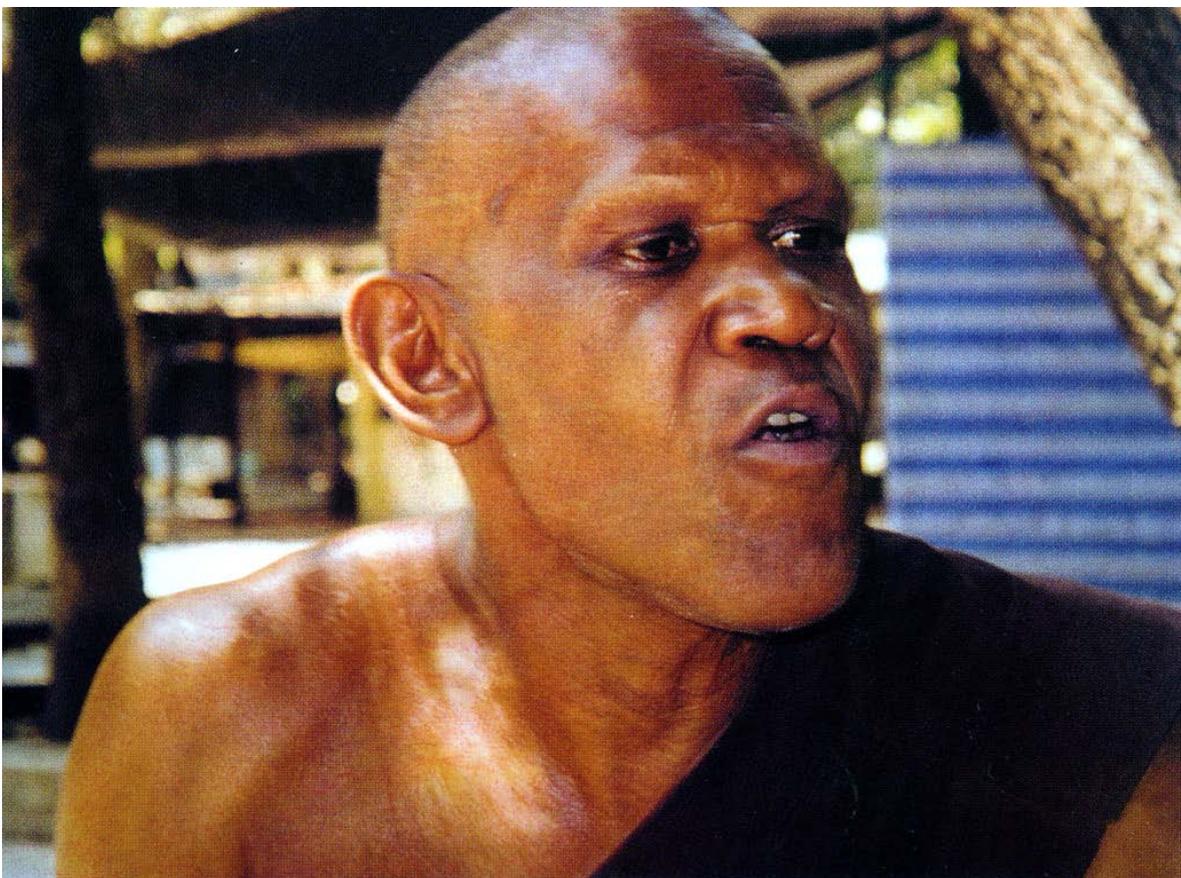
С пациентом наркологической клиники Хобарта

Разговор с буддийскими монахами (Бангкок)

Монастырь Тамкрабок, одна из крупнейших мировых нарколечебниц (Таиланд)

Мистер Гордон: «Это сверхсекретно!»

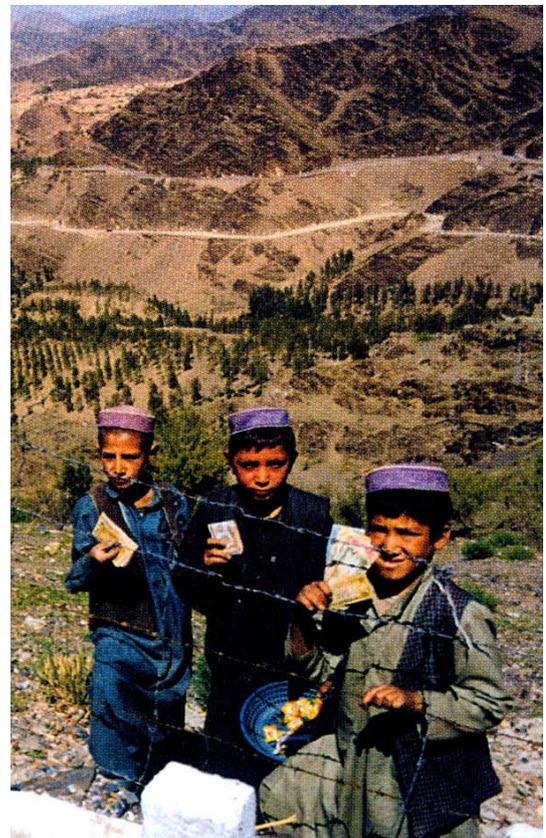

Пациенты монастыря Опiumной Трубки (Тамкрабок)

У бригадного генерала Шахдулы Джана, главы Антинаркотических сил Северо-западной пограничной провинции (Пакистан)

Пограничный пост Мични на границе Пакистана и Афганистана. У афганских мальчишек можно купить что угодно...

Все о том же – на Великой Китайской стене

Реабилитационный центр принудительного лечения в Куньмине

В даосском монастыре Чиньянгун (г. Чэнду)

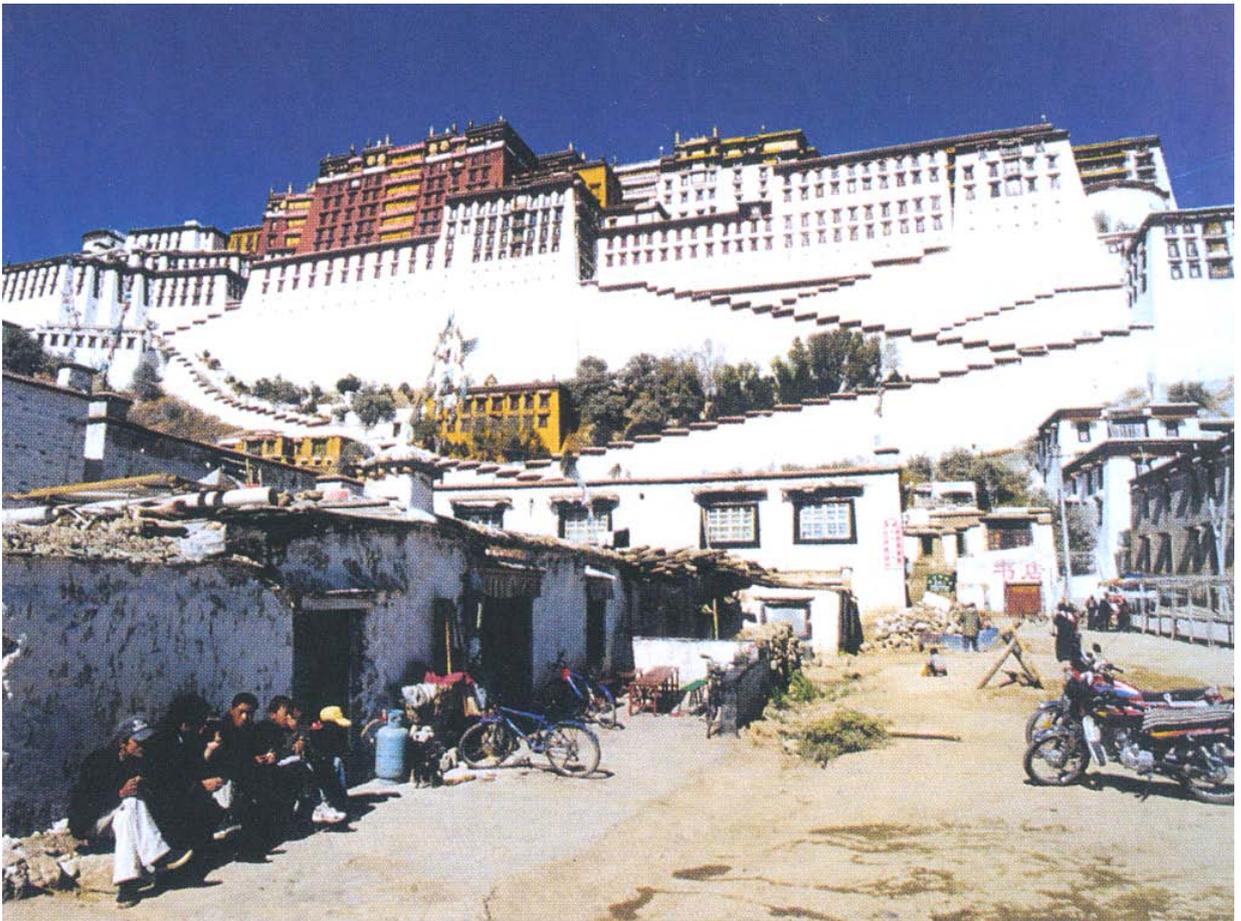
Даосский мудрец: «Человеку никто не поможет, пока он не решится помочь себе сам...»

Известный китайский нарколог – профессор Янг Гудонг

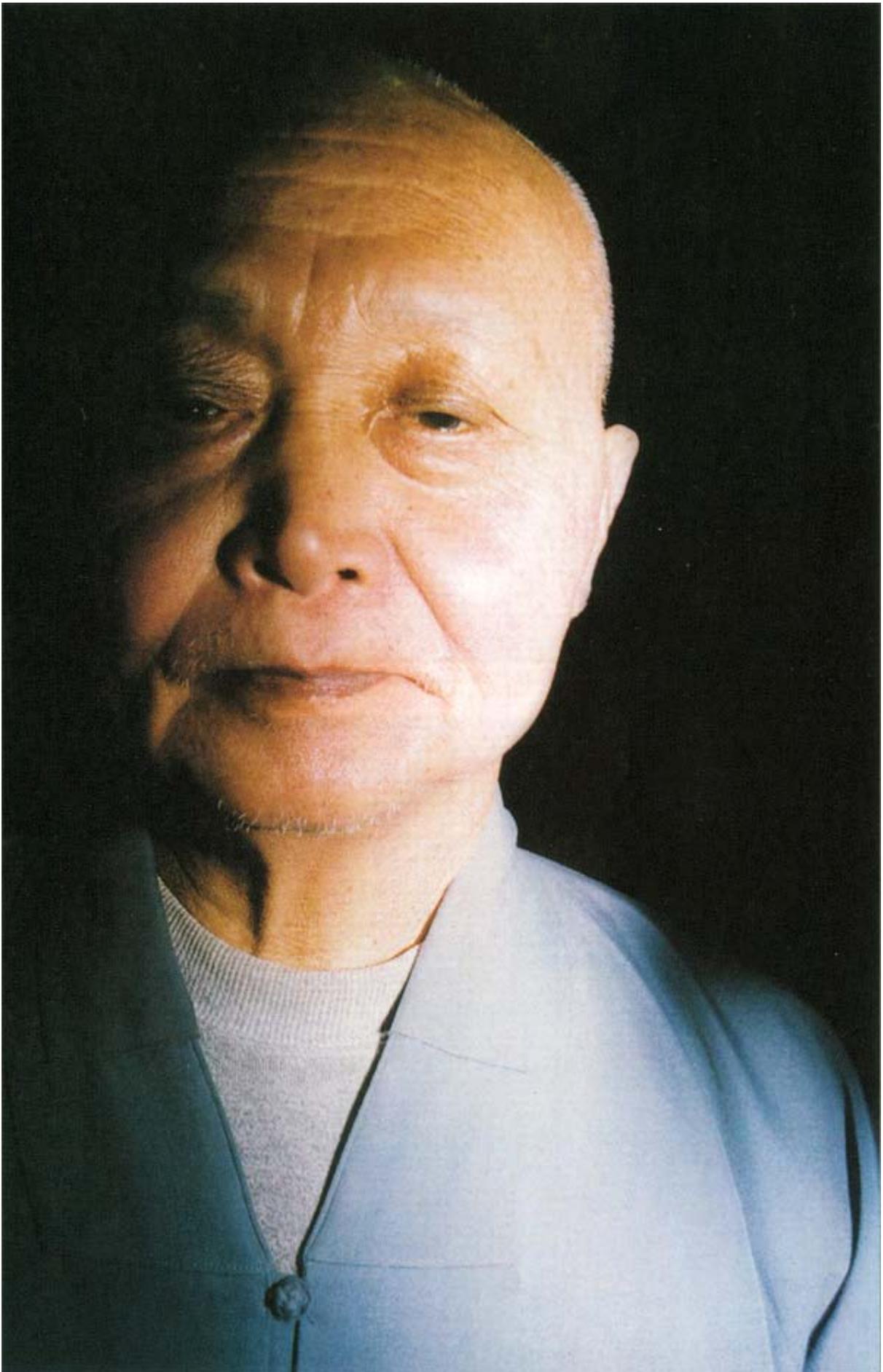
В клинике профессора Янга Гудонга (г. Нимбо)

Лхаса, вид на дворец Потала (Тибет)

Хочешь помолиться – вращай цилиндры у монастырских стен

«Избегай привычек, наносящих ущерб здоровью...»

У стен Джокана, главного храма Лхасы

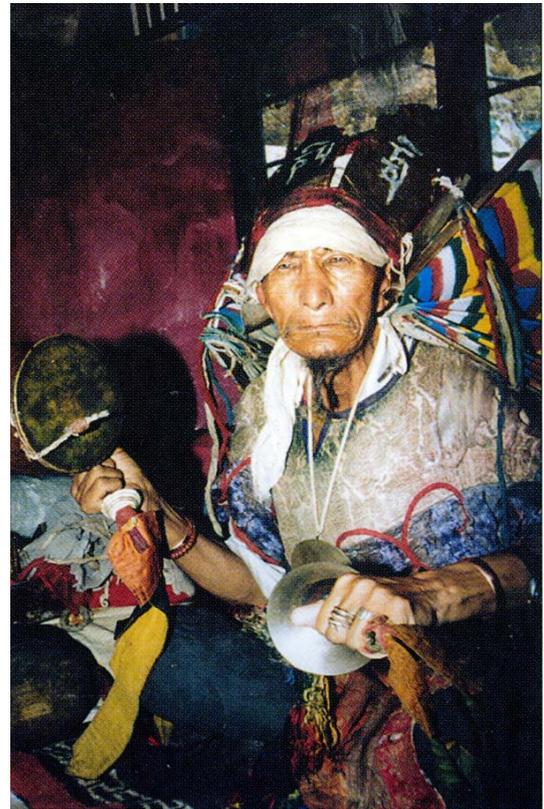
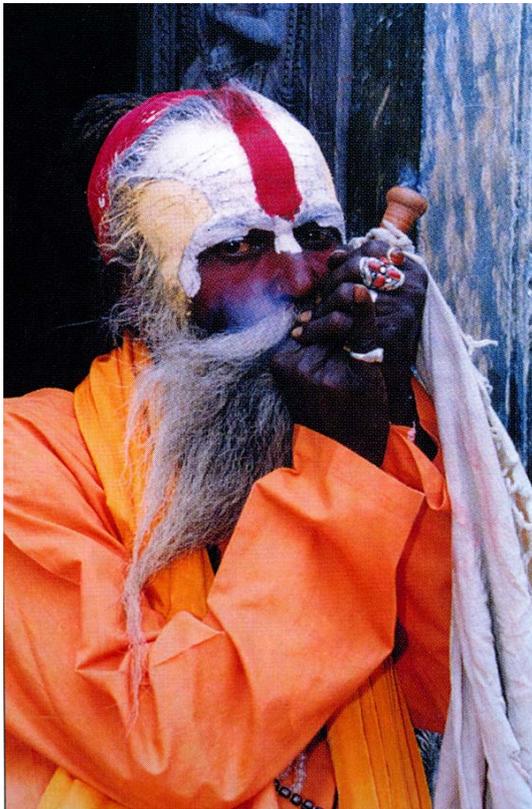
Центр тибетской медицины в Лхасе

Старый лама из Поталы: «Надо только верить в себя...»

Под крылом – Гималаи

**Индус-отшельник уверяет, что курит марихуану по примеру верховного бога Шивы...
Знаменитый тибетский шаман Лхава Ванг Чук**

Так хочется, чтобы их поколение сумело жить без наркотиков

А красный мак в горах пусть только радует их счастливые глаза

дельцы переправляли в Европу для переработки в героин, а в восьмидесятых годах появились пакистанские подпольные героиновые лаборатории. Они совершенно изменили структуру производства и распространения наркотиков. Другими становились наркоманы: их эйфория казалась причудливой и сладостней, привыкание выражалось в еще более тяжелых формах. С обращением к шприцу, чаще всего грязному, участились случаи заражения крови, распространения смертельных заболеваний. В середине девяностых годов в Пакистане насчитывалось три миллиона наркоманов. Больше половины — героиновых³.

Стратегию борьбы с наркотиками разрабатывают в Равалпинди.

Этот типичный колониальный город бывшей Британской Индии, расположенный в горной долине, одно время был столицей Пакистана, когда ею перестал быть Карачи и еще не построили Исламабад. Здесь до сих пор шумные базары, где прохожих хватают за рукава и тащат к торговым рядам с металлическими тарелками, украшенными эмалью, с медными и бронзовыми кувшинами, подсвечниками, разной утварью. Надо смотреть под ноги, чтобы случайно не задеть примостившихся в неожиданных местах заклинателей змей и их кобр, внимающих звукам дудочки.

Я ехал на машине из Исламабада в Пинди (так пакистанцы называют Равалпинди). В старинном особняке, когда-то занимаемом премьер-министрами Пакистана, теперь штаб-квартира национальных Антинаркотических сил.

Глава ведомства генерал-майор Зафар Аббас тридцать лет служил в танковых частях. Даже если не знать об этом, по коренастой фигуре и манере ходить вразвалочку можно догадаться, что большая часть жизни этого военного прошла в замкнутом пространстве. За два года его руководства ведомством Пакистан сумел сделать то, чего не удавалось ни одной крупной макосеющей стране Азии: разгромив две сотни героиновых лабораторий, заявить мировому сообществу, что это вещество в стране больше не производится и производиться не будет. Власти говорили чистую правду. Но зависимых от героина пакистанцев не становится меньше. Для разгадки этой таинственности я искал встречи с генералом.

— Вы задаете мне философский вопрос, можно ли в принципе победить наркобизнес в одной стране...

Генерал принялся вышагивать из угла в угол.

— Если вдоль границы построить железобетонную стену, поднять сторожевые вышки и на всем протяжении установить пулеметы, бьющие по нарушителю автоматически, даже такая самоизоляция не спасет страну от проникновения наркотиков, когда соседи ищут рынки сбыта.

Сосед Пакистана — Афганистан.

— Но почему? — не понимал я.

— Соседи обязательно что-нибудь придумают. Начнут приручать журавлей и перебрасывать капсулы с героином в их желудках. Нам что — сбивать птиц залповым огнем из всех танковых орудий? Перенацеливать на них боевые ракеты? Поднимать в воздух истребители-перехватчики?

Генерал помолчал.

— Допустим, пакистанцы покончили с опиатами. Нет их больше! Но где гарантии, что в результате нас не обступят новые проблемы, еще более тяжкие, которых пока мы не знаем, слава Аллаху?

— Что вы имеете в виду?

— Амфетамины и метамфетамины. Знаете, я не уверен, что с полной ликвидацией опиатов не начнут расти подпольные фабрики по выпуску химических стимуляторов. И тогда вместо трех с половиной миллионов пакистанцев, сегодня употребляющих опиаты и пребывающих в полусне, появятся три с половиной миллиона раздражительных, охваченных судорогами людей с гиперактивными рефлексиями и параноидальным бредом. Мы этого хотим?

Но до ликвидации опиатов далеко.

Генерал достает с полки том, изданный Программой ООН по наркотикам, и открывает заложенную страницу: между 1998 и 2000-м годами Афганистан увеличил посевы опийного мака вдвое и теперь лихорадочно ищет пути вывоза в близлежащие государства. Лидеры талибов оказались между молотом и наковальней. С одной стороны, им не хочется навлекать на себя раздражение мировой общественности. Они обнародуют ультиматумы о закрытии героиновых лабораторий и привлечении их владельцев к шариатскому суду. С другой стороны, они не в силах помешать крестьянам выращивать опийный мак. В разрушенной войной и бедствующей стране это единственная культура, имеющая постоянный спрос, способная привлекать банковские

кредиты, кое-как обеспечивать малоимущие хозяйства. И что делать Пакистану, когда граница местами проходит через разделенные деревни — половина на пакистанской стороне, другая — на афганской. Запретить людям ходить из хижины в хижину, то есть из одного государства в другое?

— Мы хотим убедить правительство талибов и афганских крестьян все-таки ликвидировать плантации опийного мака. Но прежде надо каждой деревне помочь восстановить дороги, школы, электросети, водоснабжение. Этот подход сработал у нас. Мы должны талибам тоже дать шанс.

Афганистан не выходит из головы генерала Зафара Аббаса.

Пакистано-афганская граница протяженностью две тысячи сто километров. Местами высоко в горах пересечена древними караванными тропами. На скрещении дорог из Китая через Центральную Азию к югу Европы встречались, знакомились, обменивались товарами и мыслями купцы, миссионеры, художники. Сегодня их заменили контрабандисты, несущие в пакистанские города и к морскому побережью афганские опиаты, в том числе героин. Среди контрабандистов преобладают афганцы, но есть пакистанцы, непальцы, нигерийцы, узбеки. Пакистан из страны-производителя превращается в зону международного транзита. Отсюда опиаты проносят на самолеты, совершающие рейсы в Иран и в страны Европы. Перевозки планируют состоятельные люди, часто с высоким общественным положением и политическим весом. В дни моей поездки газеты писали об аресте бывшего члена пакистанского парламента, владельца крупной газеты. Его подозревали в причастности к наркоторговым операциям. Пакистанские наркобароны связаны с международной мафией, они хорошо известны властям. Для задержания нужны стопроцентные доказательства вины, а их трудно поймать на месте преступления.

В Пакистане запрещено употреблять любой наркотик. Если полиция застала человека, поддавшегося искушению или хотя бы хранящего психоактивные вещества, его не бросят в тюрьму, но обяжут за счет государства пройти курс детоксикации. Уличный торговец наркотиками приговаривается судом к лишению свободы на долгое время, а то и пожизненно. А попадись он с килограммом и больше героина, его может ждать смертная казнь через повешение. Говорят, за последние три года смертные приговоры вынесли двум десяткам наркоторговцев, но нет ни одного свидетельства приведения приговора в исполнение. Это в Саудовской Аравии каждую пятницу при стечении огромной массы людей злостных наркоторговцев публично вешают. В Эр-Риаде и Джадде на зрелище собираются бедуины из ближайших пустынь. Пакистанцы же суровы по форме. А когда доходит до дела, верх в душах берет сострадание. «У наркоторговца может быть четверо-пятеро детей. Кто их будет обеспечивать?» — слышал я от полицейского у отеля «Голубая звезда» в Исламабаде.

На прощание генерал Зафар Аббас произнес слова, неожиданные в устах грозы наркомафии, но естественные для верующего мусульманина:

— От вина и от наркотиков человек теряет разум, забывает о Боге, легко совершает дурные поступки, которых сам потом стыдится. Путь к спасению один — следовать заветам пророка Мухаммеда: запретить самим себе употребление веществ, которые нарушают нашу физическую, умственную, душевную целостность. И да поможет нам Аллах, милостивый и милосердный!

Дорога из Исламабада в Ангори петляет меж лесистых холмов. Пакистанский водитель ведет машину на больших скоростях. Деревья сливаются, различить породы не удастся. Только на островках красной земли замечаешь хвойных красавцев с длинными темными иглами, очень похожих на сибирский или ливанский кедр (да простят мне ботаники эту неразборчивость).

Мы быстро преодолели тридцать километров на восток от Исламабада и оказались у цели нашей поездки — у реабилитационного наркологического центра «Най Зиндаги», частной некоммерческой медико-социальной службы. По рассказам, она отличается от других, виденных прежде.

На тропе нас встретил Тариг Зафар, совладелец и менеджер проекта, в который вовлечены по преимуществу уличные наркоманы — исламабадцы, афганцы, эмигранты из других стран. Созданный в 1995 году медицинский и социальный проект казался изобретением ума не вполне здорового — на первых порах он сулил сплошные убытки. Но в долговременной перспективе проект обещал вернуть предпринимателям расходы и укрепить секторы бизнеса (строительство, восстановление разбитых автомашин, производство кожаных изделий) квалифицированными и преданными работниками, подготовленными компанией из бывших наркоманов. По большей части уличных — самых униженных и беззащитных.

Их подбирали на окраинах и с их согласия (это обязательно) привозили в «Най Зиндаги»

для детоксикации, а затем для послебольничного медицинского ухода, профессионального обучения. Сама детоксикация большинству пациентов мало что давала. Они возвращались в подворотни и снова засучивали рукава для инъекции. Сегодня курс лечения и учебы продолжается не меньше трех-четырёх месяцев, иногда больше. Сюда не принимают курильщиков марихуаны — только потребителей опиатов, первым делом героина. Типичный новичок — молодой человек, не имеющий дома, семьи, профессии, трудовых навыков. Ему предлагают стандартный курс: десять дней на детоксикацию и десять недель на реабилитацию. Иногда десять недель растягиваются до года. Ни пациент, ни компания не в состоянии брать на себя расходы по столь длительному содержанию.

— Ладно, говорим мы ему, оставайся у нас, будешь получать питание, чай, сигареты, от двухсот до четырехсот рупий на личные нужды, не будешь оплачивать электроэнергию, но возместишь эти наши расходы работой в компании, — рассказывает Тариг.

— Но почему «Най Зиндаги» в тридцати километрах от города?

— Никакой романтики — чистый прагматизм. Здесь дешевле земля, здоровая природная среда, микроклимат позволяет обходиться без кондиционеров, меньше расходы на электричество. А в город ходят автобусы, шесть раз в день.

— А бывает, что пациенты и здесь принимают наркотики?

— Иногда... Обнаружив, мы говорим: ладно, больше так не делай. Или просим покинуть центр. Замков у нас нет, никого насильно не держим.

Почему пациенты тянутся в «Най Зиндаги»?

В других реабилитационных центрах отбирают пациентов, пригодных для лечения и адаптации. Если кто-либо не отвечает условиям содержания, ему вряд ли найдется место. В «Най Зиндаги» свой подход: принятые в центре принципы должны отвечать потребностям пациента. А если не отвечают, *надо менять не пациента, а принципы*. Вначале сотрудники центра внушали себе и друг другу: мы помогаем тем, кто хочет бросить наркотики, а если такого желания нет, тогда это не наш пациент. Действительность выработала иную философию: лучше, если ты вообще к наркотикам не будешь прикасаться, но если тебе совсем невозможно, кури или глотай, но не колись. А если все же приходится колоться, не используй общие иглы!

— Вас не упрекают в потакании наркоманам? — спрашиваю я.

— Нужно выслушать и спросить пациента, чего он хочет, и если сразу отвратить от наркотиков не получается, остается помочь из всех зол выбрать меньшее.

Меня интересовала экономическая сторона.

В промышленной компании из двухсот пятидесяти работников восемьдесят процентов — бывшие пациенты центра. От строительных, авторемонтных, столярных, прочих работ компания получает хорошую прибыль. По общему согласию треть (точнее, тридцать процентов) направляется на содержание реабилитационных центров (теперь их два — в Ангори и в Лахоре): на детоксикацию больных, последующую медицинскую помощь, занятия групповой и семейной терапией, оплату высокопрофессиональных наставников. Почти все наставники тоже из бывших наркоманов. Работающие пациенты, продолжая лечиться и заниматься, получают в месяц три тысячи рупий, а когда закончат курс реабилитации и будут числиться полноправными сотрудниками, их заработная плата поднимется до тридцати тысяч рупий. И никаких доноров — только из прибылей компании. Для новичков это реальный свет в конце тоннеля. Есть ради чего брать себя в руки.

— А если, уже работая, человек сорвался — с ним прощаются?

— Это было бы проще всего, но невыгодно ни ему, ни компании. Мы поступаем совершенно беспринципно: нарушителя дисциплины отправляем на детокс. Через десять дней он возвращается на рабочее место как ни в чем не бывало. Такая беспринципность — наш принцип.

По статистике, после детокса пятнадцать процентов больных воздерживаются от наркотиков в течение года. При детоксе с реабилитацией — пятьдесят пять процентов, при детоксе, реабилитации и последующей работе — девяносто четыре процента.

— Кто вас надоумил так обходиться с пациентами? — спросил я.

— Меня не надо было учить. Я сам употреблял наркотики пятнадцати лет, с 1974 по 1989 год, вплоть до женитьбы. Теперь у меня жена, двое детей, успешный бизнес... А «Най Зиндаги» мы стали создавать через год после того, как я сумел переломить себя и уже был в состоянии убеждать других своим примером.

Под навесом десятка два пациентов, находясь на реабилитации, строгают, сколачивают ящики, мастерят домашнюю утварь. Вот красит тумбу сорокалетний инвалид Музомел, родом из

Бангладеш. Он без обеих ног — попал в автокатастрофу, пришлось ампутировать. Просил подаяние, восемь лет употреблял алкоголь и героин. Пять лет назад его подобрали работники центра — прошел детоксикацию, реабилитацию, программу обучения, стал работать в красильном цехе. На родине остались жена и двое детей. Я спросил, сколько времени Музомел намерен провести в этом центре. Он не понял вопроса, а когда я переспросил, ответил не без удивления:

— Всю свою жизнь!

— Но почему? — настаивал я. — Вы не намерены возвращаться к семье?

— Уходить из «Най Зиндаги» не хочу и боюсь. Я долго жил на улице, употреблял наркотики, был безработным, меня не уважали. Теперь все иначе. А семья... Жена и дети рады, что я жив и бросил наркотики. А дальше видно будет.

Я пожелал Музомелу скорейшей встречи с любимыми.

Будь у Музомела обе ноги, он бы, по его словам, непременно участвовал бы в новом проекте центра «Най Зиндаги». Бывшие больные, покончив с пристрастием, идут на улицы, знакомятся с бродягами, употребляющими вещества, провоцирующие половую распущенность и увеличивающие риск заражения СПИДом. Если только начали принимать — уговорить скорее заняться лечением, увести в центр. А хронических наркоманов, не способных и не желающих бросить наркотики, хотя бы научить безопасным приемам.

Что привлекает в опыте «Най Зиндаги»?

Частная некоммерческая медико-социальная служба демонстрирует способность организовать длительную реабилитационную помощь широкому кругу больных. Каждый год через центр проходят полторы тысячи человек, по преимуществу из группы риска. Им не навязывают программы, требующие быстрого, полного, окончательного отказа от пристрастия. Здесь учитывают эмоционально-психический склад пациентов и стремятся минимизировать негативные для личности и общества последствия от употребления наркотиков.

Социальная стратегия центра предусматривает достижение конкретных реалистичных целей, связанных с обучением пациента рабочей специальности, способной обеспечивать пациента и его семью средствами существования. Достоинствами такого подхода можно считать обретение пациентами уверенности в себе и своем будущем. Чувство уверенности укрепляют гарантии промышленной компании, содержащей наркологический центр и заинтересованной создавать для людей, прошедших через «Най Зиндаги», рабочие места на производствах и в самом центре. Девяносто процентов служащих центра — бывшие пациенты.

Приоритетами «Най Зиндаги» являются, повторяю, не собственные принципы, предварительно выработанные, а только интересы пациентов. Если установки и потребности пациентов не совпадают, персонал готов пересматривать и менять свои принципы, руководствуясь генеральной задачей — уменьшением вреда, принятой в социальной стратегии Великобритании и Нидерландов. Она предусматривает, в частности, обеспечение наркоманов чистыми безопасными шприцами. Вопреки доводам критиков такого подхода, число пакистанских наркоманов по этой причине не увеличивается, но наблюдается их декриминализация и сокращение числа зараженных ВИЧ-инфекцией.

Пешавар еще издали поражает путников крепостными стенами, количеством мечетей и мазаров (могил святых), цитаделью Бала-Гиссар. Когда-то столица древнего Кушанского царства, город оставался цветущим торговым центром на пути из глубин Азии в Афганистан, излюбленным местом отдыха верблюжьих караванов, переносивших через горы и пустыни сокровища Востока. И сегодня на узких грязных улицах видишь сложенные из кизячных кирпичей загоны для верблюдов. С давних пор за пешаварцами сохраняется слава прекрасных гончаров, чеканщиков, воинов, оружейников. Сегодня пистолеты и ружья делают по деревням вручную из рессор старых автомобилей.

По пути в Северо-западную пограничную провинцию мы проезжаем городок Хасан Абдал. Останавливаемся перекусить на восточном берегу Инда. За трапезой в придорожной харчевне удобно наблюдать за жизнью главной улицы, по которой несутся легковые и грузовые автомашины, мотоциклы, автобусы, обгоняя двуколки, запряженные лошадьми. Иногда таможенники останавливают транспорт и учиняют досмотр, предлагая людям спустить вещи и выйти. В мешках с луком или апельсинами может быть спрятан шарас, опиум, героин.

По количеству конфискуемых наркотиков и числу страдающих зависимостью Северо-западная пограничная провинция в Пакистане лидирует. Если здесь для любого человека нет проблемы приобрести оружие, можно представить, как вооружены перевозчики наркотиков,

переправляемых из Афганистана для подпольной уличной торговли в пакистанские города и переброски по всему свету. Пешаварцы в возрасте от двадцати до сорока лет предпочитают шарас или бханг (жидкий гашиш), но больше половины страдающих зависимостью — потребители героина. Еще недавно его готовили в отдаленных деревнях, иногда в тех же хижинах, где куют оружие. Но власти стали выявлять и уничтожать подпольные кустарные производства, и теперь в ходу исключительно афганский героин. Хотя он делается, возможно, в десяти-пятнадцати шагах от условной пакистано-афганской границы, то есть от проведенной на картах разделительной линии, но все же формально в другом государстве.

Еще недавно провинция тоже адела плантациями опийного мака. К середине лета поднимались сотни тысяч ростков с зеленоватыми коробочками величиной с куриное яйцо. Пешаварские власти сумели часть крестьян прижать, других убедить, третьим помочь заменить посадки на овощи и фрукты. К тому времени, когда я попал сюда, маковых полей на пакистанской территории практически не оставалось. Я просил полицию показать хотя бы крошечный участок, чтобы сделать фотографию, но бригадный генерал Шахдула Джан, глава Антинаркотических сил провинции уверял, что еще год назад это не составило бы труда, а к настоящему ничего не осталось. Может быть, где-то в горах еще прячется участок, но облеты с воздуха уже ничего не обнаруживают.

Особый колорит провинциальной ситуации придают живущие здесь три миллиона афганских беженцев. Они собраны в лагерях, построенных пакистанскими властями. Перебирая в памяти встречи, я ловлю себя на мысли о том, что во всех разговорах о наркотиках непременно назывался Афганистан: то как источник контрабанды, с которой трудно справиться, то как родина беженцев-единоверцев, живущих на пакистанской земле и занятых наркобизнесом, то в другой связи, указывающей на соседа как на причину неизбежного зла. Самое поразительное — в горестном согласии, с каким сами афганцы слушают упреки в свой адрес. Должны же люди войти в их бедственное положение и разобраться: прихоть ли это? Жажда ли наживы? Или последняя возможность выжить на чужой земле?

Сами пешаварцы не склонны во всем винить только афганцев и представлять соотечественников исключительно страдающей стороной. Как убеждал меня один полицейский, чтобы произвести героин, не нужны никакие лаборатории; требуется только уксусный ангидрид и еще пара ингредиентов. «Вы легко можете это делать у себя на кухне. Раньше наши люди ездили в Афганистан за порошком, а теперь могут привозить оттуда опиум и самостоятельно готовить героин. А привезти опиум проще простого. Поэтому, если у тебя есть опиум — у тебя есть героин»⁴.

Как и кто лечит наркоманов здесь?

Наркозависимых больных Пешавара и других поселений провинции я встретил в реабилитационном центре Дост. Его основала в пешаварском районе Хайатабад госпожа Парвин Азам-Хан на территории, пожертвованной центру ее мужем Азам-Ханом, местным землевладельцем. Госпожа Парвин по профессии врач, создала неправительственную организацию для помощи людям, страдающим от наркотиков, и уже восемь лет лечит, ищет деньги — все на волонтерских началах. Встреть я на улице эту женщину, само воплощение спокойствия, которую многие пешаварцы называют матерью, никогда бы не подумал, что эта состоятельная горожанка, мать трех взрослых сыновей, по доброй воле с утра до вечера проводит в кругу алкоголиков и наркоманов, которых к ней приводят отовсюду, и что с некоторыми ей и ее сотрудникам приходится возиться месяцами, а иногда год и больше. Есть больные, проходящие реабилитацию семь-восемь лет, но даже после этого врачи не спешат их отнести к полностью излечившимся. Для уменьшения вероятности рецидива пациенту, если он сорвался, каждый раз предлагается видоизмененная программа. Перед ним ставятся новые цели. Это проверенный способ поддерживать постоянную активность больного. Для большинства пациентов лечение бесплатно, для других плата символическая — примерно пять тысяч рупий в месяц (двадцать американских долларов). Дост существует на субсидии международных организаций и состоятельных пакистанцев.

Госпожа Парвин использует разные формы групповой психотерапевтической работы. Большинство ее пациентов — пешаварские бродяги, часто неграмотные, среди них много афганских беженцев, есть иранцы. Пациенты, не умеющие даже читать и писать, по наблюдениям медиков центра, имеют, как ни кажется странным, бесспорные преимущества перед больными образованными: необразованные часто быстрее и успешнее выздоравливают. Они верят врачам,

полностью на них полагаются, не задают на каждом шагу множества вопросов, как люди с образованием, а потому избавляются от зависимостей с лучшими результатами, с меньшим процентом рецидивов. У нас в Бишкеке не было материала для таких выводов: образовательный ценз наших пациентов в общем более высок и однороден.

С госпожой Парвин обходим палаты. Останавливаемся у постели афганского беженца Туриале, из кишлака Карагай провинции Лагман. Отец четверых детей, участник войны с Советской армией, был командиром у Ахмада Шаха Масуда. До войны, говорит, не знал наркотиков. Был ранен, перебрался с семьей в Бадахшан, там многие употребляли опиум, он попробовал тоже и не смог остановиться. Туриале и другие восемь обитателей палаты занимаются в психотерапевтической группе самопомощи по программе «Двенадцать шагов». Раз в неделю его навещает семья. Она в лагере для беженцев «Хурасан», в тридцати пяти километрах на запад от Пешавара.

— Какая проблема самая трудная? — спрашиваю госпожу Парвин.

— Доступность наркотиков. Их можно найти где угодно. За ближайшим углом. Поэтому семьдесят — восемьдесят процентов наших больных, пройдя полный курс лечения, какое-то время спустя снова возвращаются в Дост.

Количество больных растет быстрее, чем число чех, кто проходит курс лечения и реабилитации. Семь лет назад средний возраст пешаварских пациентов был сорок — пятьдесят лет. Сегодня двадцать шесть — тридцать два. Завтра может быть восемнадцать — двадцать. Когда мы прощались, хозяйка центра сказала о своей мечте: с помощью правительства и богатых сограждан построить под Пешаваром специальную деревню на двести — триста пациентов, которые могли бы после курса лечения жить в нормальных условиях, со своими семьями, обрабатывать землю, работать в садах, пасти скот. И продолжать курс реабилитации под наблюдением медиков-волонтеров.

Да поможет вам Аллах, госпожа Парвин!

К лагерю «Хурасан» мы приближаемся под сенью тутовых деревьев. Вдоль дороги торговые палатки с железными весами, картошкой, помидорами, зеленью. Люди в длиннополых рубахах и шароварах едут па ишаках по обочине, едва не доставая сандалиями земли.

Лагерь афганских беженцев — глиняный кишлак, он отличается от других, виденных нами по дороге, лабиринтом более узких кривых улочек, в которых едва ли разойдутся два ишака, да еще гораздо большим числом патрулирующих военных в черных беретах и с автоматами через плечо. Здесь живут две тысячи афганских семей, преимущественно узбеки, таджики, туркмены. Первая волна их подкатила в начале восьмидесятых годов во времена вторжения в Афганистан Советской армии. После ухода чужих войск многие двинулись обратно, но внутренняя междоусобная война заставила их снова искать прибежища на пакистанской земле. Некоторые в этом лагере во второй раз. Под навесом, сидя рядом по пять-шесть человек, они вручную ткут ковры. Многие торгуют овощами и всяким барахлом, а молодые и смелые постоянно ездят в Афганистан, в приграничные с Пакистаном районы, возвращаясь с партиями гашиша, опиума, героина. Чаще всего пункт назначения лагерных наркочеревозчиков провинция Бадахшан. Многие беженцы оттуда родом, там остались родственники и друзья, готовые заранее готовить товар. Черевозчиков ловят, но наказания никого не останавливают.

Рынками сбыта являются и сами эти лагеря, где сошлись люди, потерявшие близких, повидавшие ужасы, от которых не могут прийти в себя даже двадцать лет спустя. В сонном состоянии, при общей заторможенности, когда затуманено мышление и ослаблена память, им легче. В новой среде, не умея приспособиться к ней, вчерашние лавочники, конторщики, военные, ремесленники, учителя, каменщики получают ощущения, какие ожидают, а с этими ощущениями им не так тяжело переносить то, что еще недавно казалось непереносимым. Вначале употребление было спровоцировано социальными факторами, а после, с развитием толерантности, стало продолжаться и возрастать в масштабах как средство снятия наступающих при воздержании болезненных ощущений.

Среди употребляющих наркотики много беженцев, в том числе молодых матерей. Когда надо работать или что-то делать по дому, а ребенок плачет, ребенку мажут губы водным раствором опиума, и он засыпает. Я видел под навесом рядом с работающими коврощицами спящих на полу детей от годика до трех. Они могут спать весь день. Опиум — средство успокоения. Детям дают раствор вместо чая. Матери, поев немного опиума, чувствуют себя бодрее, работоспособнее. С опиума начинают рабочий день все афганские коврощицы. В лагере

употребляет опиум или шарас каждый третий.

Беженцы-медики, создали маленький центр детоксикации и реабилитации. Медикаментами помогают пакистанские общественные организации. Лечат больных в центре, а реабилитацию они проходят в своих хижинах, где время от времени их навещают лагерные медики. Здесь организовали новый ковровый цех специально для тех, кто прошел детоксикацию и кому необходимо постоянно чем-то заниматься, причем в свободном от наркотиков окружении.

В одном таком цехе я разговорился с Али Мухаммедом, пятидесяти двух лет, родом из северной части Афганистана. Он употреблял наркотики четырнадцать лет. Прошел детоксикацию три года назад и рад, что теперь есть дело, которое приносит небольшие, по живые деньги.

— Как случилось, что вы обратились к наркотикам? — спрашиваю я. — Почему?

— Война! Отца убили, сын погиб. Кто-то сказал, что так можно облегчить душу.

— Облегчили?

— В первый раз укололся героином. Через час стошнило. А день спустя потянуло еще раз принять дозу. Что-то внутри говорило мне — возьми, возьми снова! И я стал колоться, трижды в день.

— Больше не тянет?

— Больше не могу платить за героин. Курю гашиш.

Из толпы окруживших нас афганцев кто-то выкрикнул почти на чистом русском:

— Добрый день, товарищ!

Вперед вышел беженец, ничем не отличавшийся от других, в таком же тюрбане и сюртуке поверх длиннополой рубахи. Сами Олхак, инженер-геолог, попавший в лагерь семь лет назад. Русский язык учил в Кабульском политехническом институте, занимался у русского преподавателя. Толпа с любопытством прислушивалась к непонятной ей речи.

В ответ на просьбу рассказать, что за люди живут в лагере, Сами обвел рукой притихшую толпу (у многих дети на плечах) и уверил, что можно обратиться к любому — у них прошлое разное, но настоящее одинаково. Типичная афганская семья в лагере из десяти — двенадцати человек: муж, две жены, семь-восемь детей. У некоторых десять детей и больше. Проблема, считает он, не в том, что беженцы употребляют наркотики. Она в другом — большинству нечем заняться. В основном к наркотикам тянутся те, у кого нет дела. Сами, кстати, тоже безработный.

О том, что происходит на родине, Сами и другие афганцы знают по рассказам тех, кто оттуда возвращается с товаром. На большей части их родины издавна преобладали курильщики гашиша. Опиум запрещали почти все предыдущие правительства. Маковые плантации можно было встретить в труднодоступных горах, где ими занимались крестьяне, связанные с дельцами-экспортерами. Афганцы же использовали опиум в традиционной медицине для снятия боли и для анестезии при хирургических операциях. Правительство талибов стало преследовать курильщиков гашиша и выпивох как нарушителей святых заповедей. Когда взялись их принудительно лечить, опуская на несколько часов в ледяную воду, когда начали строго наказывать также торговцев каннабисом, это ускорило обращение людей к опиатам.

Афганские опийные поля и героиновые лаборатории заставили говорить о себе весь мир. Лидерам талибов ничего не оставалось, как объявить о преследовании также всех, причастных к нелегальному производству и торговле этими наркотиками, уже перевозимыми через Бадахшан в республики Средней Азии, в Россию и Европу и через Белуджистан к Индийскому океану. На самом деле талибы все-таки разрешили крестьянам сеять опийный мак, рассматривая это как компенсацию за избавление от конопляных посевов, но также давая крестьянам заработать на выращивании единственной культуры, которая во времена войны и разрухи имеет постоянных оптовых покупателей и, давая два урожая в год, может стимулировать банки на выдачу краткосрочных кредитов. По данным международных организаций, к середине 1997 года в Афганистане сосредоточилась треть мировых посевов опийного мака. Большая часть — в Гильмендской и Кандагарской провинциях⁵.

Я спросил Сами, почему он не возвращается на родину.

— Под пули? У нас в провинции еще идет война. Не осталось ни школ, ни больниц, ни дорог, ни почтовой связи... Куда?

В «Хурасане» школа, больница, мечеть. Содержать их помогает правительство Пакистана, международные организации, Верховный комиссариат ООН по делам беженцев. В пограничной провинции двести пятьдесят шесть таких лагерей. В них почти три с половиной миллиона афганцев. Люди привыкают к перебоям с электроэнергией и подачей воды, к нехватке лекарств. Но годами не иметь работы, жить подаяниями, заниматься воровством, вливать в рот детям опиум

или класть им под язык, чтобы не заходились в крике, и видеть, как, еще не научившись ходить, малыши становятся наркоманами, а потом хоронить их в чужой земле, не зная, сколько самим еще предстоит здесь оставаться, — с этим смириться трудно. Потому в лагере так много военных патрулей — слишком часты взрывы ярости, отчаяния, насилия.

Лагерь афганских беженцев в Пакистане больше трехсот.

Два дня я ждал в Пешаваре, пока Антинаркотические силы пограничной провинции договорятся с властями района Хайбер о моей поездке на землю пуштунов, живущих по обе стороны пакистано-афганской границы. Эта территория формально контролируется пакистанскими властями, но имеет статус особой административной единицы, управляется независимой властью. Никто, в том числе пакистанцы, не могут без разрешения вторгаться в этот край, где трудно встретить мужчину, при котором не было бы оружия. К утру третьего дня в Пешавар прибыла открытая бронированная машина с двенадцатью автоматчиками и пулеметом, установленным на кабине водителя. Только при такой охране разрешалось идти через пуштунскую территорию легковой машине со мной и сопровождающими меня официальными лицами из Исламабада. Речь, как я понял, шла не столько о безопасности моей персоны — кто я для пуштунов? — сколько о стремлении пуштунских властей каждый раз демонстрировать пакистанским властям, кто на их территории хозяин.

Наша машина неслась вслед за бронированным военным грузовичком. На обочине каждые пятьсот-шестьсот метров под деревьями сидели, скрестив ноги, молчаливые люди с большими бородами и в тяжелых тюрбанах, держа на коленях автоматы. Мои спутники затруднялись объяснить, чего они охраняют на полупустой дороге, отделяясь словами, которые в этой поездке я услышу не раз: «У пуштунов свои порядки, не будем вмешиваться». И правда, не надо домысливать то, чего все равно не узнать, а лучше всматриваться в пролетающие мимо скалы Хайберского прохода, свидетеля волнующей истории многих веков. Здесь в обе стороны шли караваны в города Центральной Азии, Аравии, к равнинам Инда и Ганга. На этом участке Великого шелкового пути встречались купцы, миссионеры, философы, умнейшие люди разных эпох.

Можно представить, как на каменистых холмах лошади и верблюды спотыкались, сбивали копыта и всадники тянули их за собой, поднимаясь с перевала на перевал. Вдали возникал долгожданный караван-сарай, где животные могли под навесом отдохнуть, а люди — выпить чашечку кофе. И послушать или рассказать какую-нибудь романтическую восточную легенду. Сегодня воинственные пуштуны, летом кочующие в предгорьях Гиндукуша, а зимой в долине Инда, больше рассказывают о собственных приключениях и личной храбрости в борьбе с врагами. Не потому, что легенды предков вылетели из памяти, а из желания постоянно доказывать самим себе и всему миру свое право жить так, как хотят.

Машина идет вдоль железной дороги, когда-то построенной британцами, дабы показать пуштунам свою промышленную мощь и образумить гордецов. Но ни девяносто крутых поворотов, ни тридцать четыре тоннеля, ни паровоз со свинцовыми вагонами, продвигающийся с такою же скоростью, как если бы это шел усталый человек, не произвели на пуштунов впечатления. А еще больше сплотили их в стремлении отстоять племенные права и обычаи. Никакая власть со стороны не может вмешиваться в их споры, независимо от того, происходит ли дележ земли или скота или жестокое наказание девушки, замеченной в объятиях юноши из другого племени. Пуштуны, превыше Корана чтят племенное обычное право, как оно трактуется в кодексе чести «Пуштунвали».

Как мне говорили в Пешаваре, в горных пуштунских районах по обе стороны границы выращивают опийный мак, но с пуштунами мало кто хочет связываться.

Военный грузовичок лихо развернулся у каменных ворот с металлической аркой и встал. Наша машина, следуя указаниям автоматчиков, остановилась рядом. Мы вышли и прочитали на арке: «Пост Мични». Конец пути. За каменной оградой горное артиллерийское орудие стволом на запад, в сторону границы. У орудия — ни единого человека. Может быть, это трофей? Шагах в десяти граница с Афганистаном. Это условная линия, которую наркоперевозчики переходят с той же уверенностью, с какой в городе переходят с одной стороны улицы на другую. В сопровождении военных мы поднялись по каменным ступеням к зданию заставы.

На вершине холма капитан Махмуд Тарак жестом школьного учителя показывает местность, как если бы перед ним была географическая карта. Объясняет схему продвижения контрабандистов с наркотиками. Пятнадцать бойцов пакистанской армии, охраняющие этот

участок границы, отлично знают их лазейки. Но слишком велика протяженность границы, чтобы сделать ее невозможной для проникновения.

Бойцы поста участвовали в разгроме героиновых лабораторий, расположенных вблизи маковых полей. На пакистанской территории, уверяют они, после 1999 года таких лабораторий не осталось, а маковые поля сохранились разве что в глуши, до которой пограничникам и контрабандистам одинаково трудно добираться.

— Капитан, как же удается контрабандистам, в том числе афганским беженцам, переходить границу с наркотиками?

— Не думаю, что удастся.

— Откуда же у них товар?

— С базаров Пешавара. Будь вы в пакистанской одежде и знай наш язык, вы бы тоже могли на наших базарах купить что угодно.

— А в Пешавар это как попадает?

— Откуда мне знать?

Он, конечно, знает, откуда. Пограничный район между Пакистаном и Афганистаном, населенный предприимчивыми, рисковыми, вооруженными пуштунами, остается практически не контролируемой территорией со своими подпольными плантациями, подпольной инфраструктурой, подпольными торговыми операциями. Это составная часть Золотого полумесяца (Афганистан, Иран, Пакистан), которая вместе с Золотым треугольником (Лаос, Мьянма, Таиланд) дает почти девяносто процентов незаконного мирового производства опиатов. Ликвидация пуштунского наркопромысла затруднена общим стремлением соседних государств развивать свободную торговлю, увеличивать товарооборот, либерализовать национальные законодательства, регулирующие пересечение границ. Этим пользуются хозяева наркобизнеса, организаторы перевозок. Они накапливают и направляют опиаты на афганский Север, на границу с Таджикистаном. Выждав удобное время, переправляют наркотики через Таджикистан в Россию, Белоруссию, на Украину, в страны Балтии и дальше в Европу. Тревожно не только расползание опиатов, но и рост их внутреннего потребления самими афганцами, иранцами, пакистанцами.

Мы сидим в тени под навесом и осматриваем холмы. В низинах серебрятся горные речки. Справа пробитый в горах тоннель. За весь день, сколько мы были на посту, ни один поезд не простучал. Ветерок утих, листва не колышется, птицы пересекают границу бесшумно, как тени. Не верится, что в этих горах, может быть совсем близко, круглые сутки работают героиновые фабрики. Пушка на посту Мични своим одиночеством усиливает ощущение тревоги и ожидания. Вдруг бабахнет? Если бывает абсолютная тишина — она здесь. Холмы Востока умеют хранить тайны. И минувших, и тем более сегодняшних дней.

Глава семнадцатая

**ЧЕМУ УЛЫБАЮТСЯ БУДДЫ
В ТАИЛАНДСКИХ МОНАСТЫРЯХ**

Король Рама IX амнистирует всех смертников, кроме наркоторговцев — Пайон Панси: «Закон отрезвляет не возможностью кары, а осознанием масштабов своего преступления» — Реабилитация в полицейском участке Супанбури — Врачи и пациенты комплекса Таньярак — Монастырь Опшумной Трубки: «Это сверхсекретно!»

Ранние утра в Бангкоке запоминаются дробным глухим перестуком. Уборщики в соломенных шляпах и в сандалиях на босу ногу, подметая тротуары, бросают в пластмассовые ведра использованные шприцы, подбираемые на опустевших рынках, под мостами каналов, даже у монастырских стен, под которыми спят бездомные. Наркоманы — постоянная головная боль тайландских властей, мало где в мире законы так строги к ним, как здесь. Говорят, за торговлю наркотиками в Таиланде каждый год приговаривают к смертной казни в среднем десять человек. «И все-таки, смертная казнь за наркотики — может быть, слишком?» — спрашиваешь полицейских, патрулирующих по Силом-роуд, где во дворах вечерами собирается жаждающая взбодрить себя молодежь. Полицейские пожимают плечами.

Королевство Таиланд — одно из немногих государств, где с 1959 года существует закон о смертной казни (через повешение) для торговцев наркотиками. Его приняли в те времена, когда военные, устроив очередной переворот, придя к власти, попытались таким образом поубавить в городах бродивших как тени полуголых людей с гримасничающими лицами, высматривающих, что плохо лежит, чтобы обменять краденое на шепотку опия. Тайские торговцы наркотиками и их иностранные компаньоны, чаще всего китайские, быстро делали состояния и держали в своих руках часть государственных чиновников, офицеров полиции, служащих таможни. Дело шло к созданию подпольной армии для защиты наркобизнеса. Власть не знала другого способа покончить с угрожавшей ей теневой экономикой и коррупцией, кроме жестокого наказания. Суды выносили смертные приговоры за продажу более ста граммов сильных наркотиков. Но не пытайтесь выяснить, сколько с тех пор наркоторговцев на самом деле были повешены. Говорят, такой учет не ведется. Вам расскажут о другом: в день рождения королевы тайландский король Рама IX делает своей добросердной супруге подарок — подписывает указ о помиловании преступников. Но торговцы наркотиками — единственные осужденные, на кого милость монарха не распространяется.

Я расспрашивал тайцев, интересуясь их собственным отношением к принятому в стране закону о смертной казни для торговцев наркотиками. Опрос совершенно, как говорится, не репрезентативный, но три ответа можно отнести к типичным.

— В уме, готовом отнять чужую жизнь, вы всегда обнаружите некоторое состояние ненависти, отвращения, эгоизма. — Монах столичного храма Ват Суан Моке («Сад освобождения») так объяснял мне одно из главных предписаний буддизма. Сидя на корточках на красном покрытии пола в окружении позолоченных будд, сосредоточенный на очищении и развитии своего сознания, он затруднялся выразить отношение к закону иначе. Проблема наркотиков слишком далека от него. Свою долю эндогенного наркотика и связанного с ним душевного подъема монах получает от комплекса упражнений, повышающих в крови содержание эндорфинов, или «гормонов радости». Что ему до мирской суеты за белокаменными стенами храма?

На Большом канале, когда узкая прогулочная лодка с загнутым носом, как у башмачка

восточной красавицы, уткнулась в подмости на сваях, поднимаешься по мокрым доскам на пахнущую сушеной рыбой висячую торговую улицу. В полутемном баре за неприбранными столами люди тянут пиво. В углу подростки, подначиваемые своими сверстниками, сменяя друг друга, занимаются борьбой. Ты не сразу войдешь в доверие обитателей бара, как бы не обращающих на тебя внимания, но когда к тебе присмотрятся, когда убедятся, что ты опасности не представляешь, тебе назовут цены на пакетики, которые у многих при себе. Таблетка экстази — тысяча пятьсот батов (сорок долларов), грамм героина — тысяча шестьсот батов, кокаина — три тысячи батов. Не опасно? «Конечно, меня, возможно, когда-нибудь повесят или расстреляют, но сегодня я сделаю семью счастливой. Я принесу много денег».

В те же дни у меня был разговор с пожилым врачом из Таньярака, одной из самых крупных тайландских государственных больниц для алкоголиков и наркоманов. Мой тайский коллега двадцать лет занимается детоксикацией, реабилитацией, послелечебным уходом за больными. Он знает: без учета социальных факторов терапевтические подходы недостаточны, но в меру своих возможностей он помогает пациентам снять неприятные симптомы. Через его руки прошло множество больных, в том числе подростки, ровесники трех его сыновей, посаженные на иглу торговцами героина. Как любой медик, он не сторонник лишения жизни кого бы то ни было. «И все-таки, когда передо мной жертвы наркотического бизнеса, молодые люди с обезображенной психикой, я не могу не думать о своих детях, что с ними может случиться, и поддержку любые законы, если они убергут от беды».

Отношение к строгостям тайландских законов во многом связано с разными взглядами на характер наркомании. Что это — тяжкое преступление, заслуживающее строжайшего наказания, вплоть до смертной казни? Болезнь? Или симптом других нарушений физического состояния организма? Или стиль жизни, мода, поветрие, пусть осуждаемые обществом, но совершенно не требующие его вмешательства?

— Если у задержанного найдем в кармане хоть малую щепотку героина, он получит на первый раз три месяца тюрьмы. Разве это много? — говорит Пайон Панси, председатель королевского Совета по контролю за наркотиками.

Мы обсуждаем тайскую систему наказаний, и я выражаю сомнение в оправданности смертной казни. Она влечет не только смерть человека, беды для его семьи, грех на душах вынужденных палачей, но само государство делается убийцей, пусть даже ради праведной цели.

Таксист привез меня на цветущую магнолиями Дин-Дэнг-роуд и проводил к желтеющему в зелени четырехэтажному зданию Совета. Он хорошо известен тайцам, даже не связанным с наркотиками. Это особая структура, патронируемая премьер-министром и наделенная чрезвычайными правами, вплоть до самостоятельного, без участия полиции, ареста подозреваемых в торговле запрещенными веществами или в их хранении. Заключение его лабораторий по химическому составу изъятых наркотиков обязательны для судопроизводства, тем более когда уголовное дело тянет на высшую меру. В здании полно электронной техники. Газовые хроматографы, электронные микроскопы, масс-спектрометры, приборы для экспресс-тестов... При помощи реагентов химика быстро определяют вид наркотика, откуда он. В застекленных шкафах образцы почти всех известных природных и синтетических наркотиков. Сюда приходят полицейские за результатами анализов и для консультаций. В Таиланде подобных лабораторий восемьдесят.

Пайону Панси принадлежит инициатива в подготовке самых грозных антинаркотических законопроектов. Его гордость — принятый пять лет назад закон «Об акте конфискации имущества». У осужденных за операции с наркотиками конфискуются в пользу государства земля, недвижимость, машины, ценные вещи. Средства от распродажи добра идут на поддержку антинаркотических служб и лечебниц — в стране шестьсот тысяч наркозависимых. Председатель не считает законы чрезмерными¹.

Законы разрешают препроводить в участок любого подозреваемого в употреблении наркотических веществ. Если тесты подтвердят, что это на самом деле больной человек, его направят в реабилитационный центр. Предпочтение отдается тем, кто по доброй воле обратился за помощью. В стране больше двухсот пятидесяти таких центров, пятая часть их — частные. Это не тюрьмы, а охраняемые больницы. Лечение предполагает снятие абстинентного синдрома (сорок пять дней) с применением либо метадона, либо настоек целебных трав. Затем шесть месяцев реабилитация: психологическая, социальная, профессиональная, физическая. За это время не

имеющим профессии помогают овладеть ею. Прошедший курс лечения должен к моменту прощания с центром иметь трудовые навыки, которые помогут ему зарабатывать на жизнь. На заключительном этапе пациентам предлагают составить самоотчет с предложением, где и когда он хотел бы пройти курс повторного лечения и консультаций.

— Какой процент больных выдерживает курс лечения?

— Хвастать нечем... После детоксикации продолжают программу девять процентов, а продержаться шесть месяцев удается только трети и этого числа.

Мы вернулись к разговору о наказаниях.

Тайские законы предусматривают освобождение от наказания тех, кто добровольно приходит в больницу или реабилитационный центр с желанием избавиться от болезни. Тем не менее продолжают действовать законодательные документы, принятые Революционным правительством в 50-х годах, предусматривающие наряду с различными сроками заключения смертную казнь. Суровые наказания ждут не только торговцев наркотиками, но также нелегальных импортеров химикатов для производства героина.

— Эффект закона в его существовании. Он отрезвляет не возможностью кары, а осознанием масштабов своего преступления, — уверен Пайон Панси.

История противоборства тайцев и опиумной наркомании насчитывает шестьсот лет. Уже в XIV веке предводители королевской армии, наблюдая за ходом сражений, стали замечать физическую слабость воинов, куривших опиум. В середине столетия (точнее, в 1360 г.) был издан первый закон, который предусматривал шестидневное публичное унижительное наказание курильщиков. Их собственность конфисковывали, а самих бросали в застенки и держали до тех пор, пока они сами не избавлялись от зависимости. Этот метод лечения назывался «замороженной индейкой». Осужденного держали под стражей от нескольких недель до месяца, пока абстинентный синдром не исчезал. Перед освобождением осужденные и их семьи приносили клятву в вечном воздержании от курения опиума. Это был сильнейший психотерапевтический способ предотвращения рецидивов, во многом основанный на подходах, используемых современной медицинской практикой.

Наблюдая физическое и моральное угасание людей, страдавших от наркотической зависимости, тайские правители шаг за шагом ужесточали меры наказания. Это многих удерживало от соблазнов, но массовую тягу к опиумной трубке не искореняло². Только король Рама IV признался себе в бессилии одержать над наркоманией верх репрессивными мерами. Он издал закон, разрешающий курить опиум китайцам, но по-прежнему лишавший такой возможности своих подданных. Больше того, при нем стали выделять инвестиции китайцам для посевов мака, но приняли закон об обязательной очистке опиумной смолы. Опиум стали открыто продавать по специальным лицензиям, выдаваемым китайской части населения.

В 1909 году правительство Таиланда обнародовало государственную программу лечения опиумной наркомании. Метод был для тех времен интересен и нов. Больных в течение трех дней помещали в горячую паровую ванну, а после шла пятидневная детоксикация с применением местных трав, содержащих галлюциногены. При острых абстинентных синдромах, обычно случающихся в первую неделю отказа от наркотика, галлюциногены отвлекали сознание больных. Горячие паровые ванны и физиотерапия снимали костно-мышечную боль, раздражительность. Тайская медицина не отставала от мировых центров лечения зависимостей.

В декабре 1958 года Революционное правительство обратилось ко всем подданным королевства с декларацией, объявлявшей незаконными производство, продажу, курение опиума. Некоторое время спустя в центре Бангкока в присутствии множества жителей разожгли огромный костер, в который бросали употребляемые при курении опиума предметы, конфискованные в притонах. Было зрелище, но не победа.

Правительство потеряло значительную часть доходов от монополии на опиумную торговлю (около пяти миллионов долларов ежегодно). А добиться цели не удалось. Курильщики опиума перешли на морфин и героин. Порошки легче транспортировать, полиции стало сложнее их обнаруживать, ломать новую дилерскую сеть. Первым вошел в моду «цветной», или «смешанный», героин с очень низкой очисткой (от восьми до двенадцати процентов). Скоро в Бангкоке обнаружилось до тридцати тысяч героиновых наркоманов.

В сельской местности, особенно в горах, большинство наркоманов все еще предпочитает традиционный опиум. Полукучевые тайские горцы с давних времен используют опиум как лекарственное средство. Они производят каждый год сто сорок пять тонн — примерно по полтора

килограмма на человека. Тайцы обеспокоены не столько численностью наркоманов, сколько их переходом от слабых веществ к сильным: марихуану и опиаты уже теснят амфетамины. Прежде всего, таблетки йабаа («сумасшедшие»), самые распространенные в молодежной среде.

Машина несется по бетонной дороге от Бангкока на юг. Я попрощался, пусть пока ненадолго, с многомиллионным азиатским городом. С арочными мостами над каналами, с летящими по зыби моторными лодками, покрытыми тентом, с ночными базарами на воде и очаровательными торговками в соломенных шляпах-абажурах. С лазурной черепицей столичных храмов, с седыми монахами в оранжевых накидках через плечо, похожими на античных мудрецов, с золотыми шпильями буддийских ступ, за которые цепляются облака. В королевском храме я долго не мог оторваться от гигантского спящего Будды, перед которым ощущаешь собственную малость на этой земле, свою неспособность следовать советам достойных учителей — замедлить скорость невротического ума и начать видеть мир в напряженной безмятежности.

Я рос в мусульманской семье, среди близких мне людей — носители христианской культуры. Но почему каждый раз, когда я оказываюсь в тишине буддийского храма, ко мне приходит особое психическое состояние, заставляющее сосредоточиться, приостановить поток мыслей, всмотреться в себя и с горечью подумать о живущих во мне предрассудках? Сидя в машине, смотрю на проплывающие по обе стороны дороги рисовые поля, заросли сахарного тростника, домики на сваях. При них домашние алтари в виде маленьких раскрашенных пагод и медные чаны для сбора дождевой воды. Прикрыв глаза, стараюсь вызвать в себе состояние безмятежности. Мысленно говорю себе: ты в красивой экзотической стране, твое лицо приятно греет солнце, твои глаза рады небесной синеве, ты совершенно свободен, твои дела успешны, ты счастлив... Но погрузить себя в это состояние не удастся, только заставляешь себя думать, что тебе надобно это состояние достичь, и ты, как посторонний, наблюдаешь за борением собственных мыслей и чувств. Моему внутреннему разладу кладет конец низкий прокуренный голос сидящей рядом переводчицы Патчарапи:

— За поворотом уже Супанбури!

Патчарапи, дочь тайландского журналиста, много лет работавшего диктором на радио в Москве, училась в русской школе, окончила Московский университет и теперь, живя с сыном на родине, обрадовалась возможности поговорить на своем втором родном языке, который стал чуточку забываться без практики. Работы у нее нет, и она с энтузиазмом взялась выполнять функции гида и переводчика. Патчарапи познакомила меня со своим другом — офицером бангкокской полиции. Он посоветовал побывать в провинции Супанбури, где девять молодых полицейских, никакого отношения к медицине не имеющих, устроили для юных наркоманов как бы реабилитационный центр. Их пациенты — отбившиеся от рук шалопаи, продававшие из дома вещи для покупки наркотиков, многие и приторговывали ими. За полгода, говорили мне, через руки полицейских прошли сорок три подростка, зависимых от наркотиков по три-четыре года. Они покидали центр, большинство их, уже другими людьми. Я не очень поверил в эту затею, даже скорее готов был осудить ее за профанацию сложной медицинской работы, но прежде захотелось увидеть учреждение, которое еще не получило своего имени.

Одноэтажный белый домик утопает в зарослях сирени и деревьев сумбандан, похожих на акации и усыпанных желтыми, красными, фиолетовыми цветами, смешавшимися на ветвях, словно заблудились и не могут отыскать родные побеги.

У входа нас встречают трое сержантов и заводят в отгороженную от коридора стеклом большую комнату с письменными столами. Сюда матери из окрестных селений приводят упирающихся детей. Этот центр — проект не медицинский, а полицейский. Молодые сержанты — здесь они все в цивильных одеждах — не переоценивают свои возможности по части лечения, но вполне уверены в своих силах научить ребят дисциплине, взаимному общению, производственным навыкам, спорту. Когда к ним попадают наркоманы, перекорезанные ломкой, полицейские ведут их в расположенную через дорогу больницу — переливанием крови там снимают абстиненцию. А после новичку отводят место в помещении с зашторенными мелкой сеткой окнами и электрическим вентилятором, дают подстилку, он сам себе находит место на плиточном полу. Подъем в шесть утра, личная гигиена и уборка помещения, все собираются для исполнения гимна, как принято в школах, затем занятия. Вернее, беседы — о наркотиках, о законах, о многом полезном, чего прежде они ни от кого не слышали. В середине дня обед, потом два часа работы на земле или в мастерских. Затем спортивные игры. Их любимая игра «тэкао» похожа на волейбол, только мяч перебрасывают ногами. В шесть вечера снова все поют гимн, до

восьми можно читать или смотреть телевизор, а в восемь двадцать — групповая психотерапия.

Сержанты проводят с ребятами круглые сутки. Если врачи посоветуют, подростково-героинщиков будут провожать в больницу на прием метадона, но в другое время у них не будет свободной минуты. Убирают постели, готовят еду, работают во дворе, обсуждают в группе свои проблемы с участием монахов из местного храма. Монахи знают, что здоровая психика не у тех, кто живет без конфликтов, а у тех, кто умеет из них выходить с минимальными потерями, и дают ребятам советы. Их ежедневные разговоры тоже можно отнести к групповой психотерапии. Монах или сержант полиции — активные партнеры в дискуссии, в которую вовлечены ребята.

Почему матери ведут сыновей к полицейским, а не в больницу?

Ответ для меня неожиданный.

С некоторых пор больница направляет к полицейским своих наркозависимых пациентов на долечивание. Медикам трудноато подолгу держать ребят, создавать условия для их общения, требовать дисциплины. В центре выпрямляются быстрее. Но полицейские принимают только тех, кто на это согласился, пусть даже под нажимом родителей. Полицейские сами, напомним, молодые, ненамного старше своих подопечных, и копаться с группой в саду или вместе гонять в футбол для них тоже приятное времяпрепровождение.

Говорю с молодым курчавым атлетом лет двадцати из Паттайи. Он перепробовал марихуану, йабаа, экстази, последние три года сидел на героине. Дважды был судим, каждый год пытался лечиться по метадоновой программе, но больше четырех месяцев без наркотика не выдерживал. Смотрю его руки — все вены сожжены. В последнее время колелся в шею, в язык, в пах.

— С наркотиками я покончу, — смеется. — Только две вещи бросить не смогу: алкоголь и женщин.

— Когда сидишь на героине, с женщиной можно опозориться, — говорю я.

— Знаю, друзья говорили... Но сейчас я нормальный!

У Патчарапи в глазах стояли слезы.

— Что с вами? — спросил я.

— Он так похож на моего сына.

Пока мы говорили с сержантами и подростками, пожилая женщина привела новичка. Ему двадцать один, в семье он четвертый, три года назад начал принимать йабаа, по три таблетки в день, испытывал эйфорию в течение четырех-пяти часов. Мать год назад обнаружила его пристрастие, видела, как он худеет, как его мучают боли в пояснице, надеялась образумить, но когда сын стал уносить из дома вещи, ничего не оставалось, как притащить в полицию.

Практически никто центр не финансирует. Полиция, нуждаясь в средствах, не в состоянии брать расходы на себя, хотя гордится молодыми сотрудниками. Пока хватает частных пожертвований — список меценатов на стене у входа в центр. Открывает список заместитель министра внутренних дел Таиланда. Походив по центру, он не удержался, достал из кармана пятьдесят тысяч батов. Жители городка приносят картошку, мясо, овощи... Почему бы с родителей не брать плату на содержание их непутевых детей? «В провинции люди небогатые и деликатные. Возьмешь деньги с состоятельных родителей, поостерегутся приводить своих бедняки», — говорят сержанты.

В сущности, молодые полицейские из провинции Супанбури, в ста километрах к югу от Бангкока, напоминают простую истину о лежащем камне, под который вода сама не потечет, как бы громко мы вокруг ни заклинали, воздевая к небу бездеятельные руки.

Потребители наркотиков не торопятся стать на учет, потому трудно, а подчас невозможно подсчитать с достаточной достоверностью, сколько их на самом деле. И когда в 1963 году первый директор Таньяракской больницы для наркоманов доктор Прэйон Норакарнфадунг отнес к потребителям опиума и героина четыреста тысяч тайландцев (одна четверть тайцев и три четверти китайских иммигрантов), медиков заинтересовала не столько численность, сколько массовая склонность к употреблению кустарно приготовленного и сравнительно дешевого «цветного» («смешанного») героина с чистотой очистки от восьми до двенадцати процентов. Четыре года спустя в стране появился и быстро вышел в лидеры наркотического рынка так называемый «героин № 4» с чистотой очистки девяносто — девяносто пять процентов. Его принимают внутривенно почти восемьдесят процентов всех зависимых. Большинство пациентов больницы — выходцы из среднеобеспеченных семей, где есть что выносить из дома и продавать для постоянной подпитки себя наркотиками.

Первый лечебный центр был создан в сорока двух километрах от Бангкока в конце пятидесятых годов как ответ официальной медицины на постановление правительства об отмене курения, торговли, производства опия в стране. Центр способен был принять до тысячи добровольцев — курильщиков опия, готовых лечиться в стационарных условиях. Для купирования синдрома отмены врачи применяли опиумную вытяжку в комбинации с бромидом калия и хлоралгидратом (эту методику тогда использовали в лечебном центре Св. Джона в Сингапуре). Но когда через год здесь появился очищенный героин, для снятия абстиненции героиновых наркоманов тайские медики одновременно с американскими коллегами впервые опробовали метадон. Вскоре центр разделили на два отделения — в одном устроили стационар для снятия абстиненции, в другом — пункт реабилитации больных.

В 1967 году в тридцати километрах к северу от Бангкока открыли специализированную Таньяракскую больницу — национальный центр лечения и реабилитации наркозависимых. Я принял приглашение тайских медиков посетить эту лечебницу. Из окна машины виднелись кукурузные поля и буйные заросли кустарников. Возможно, эти заросли натолкнули короля Таиланда на мысль назвать новую лечебницу сочетанием двух слов: «танья» (пышная растительность) и «арак» (лечение). Таньярак — «зеленый район лечения» или «лечебный растительный район».

Доктор Смит Ватанатуньярума ведет меня через холл с позолоченной статуей Будды и фотографией под стеклом ныне здравствующего короля, покровителя всех форм помощи подданным, страдающим наркотической зависимостью. Повышенное внимание к лечению алкогольных и наркотических зависимостей — передаваемая по наследству традиция тайских монархов. Доктор Ватанатуньярума и шесть сотен его коллег довольны отношением короля к предмету их забот и к ним самим. На содержание комплекса выделяется семьдесят миллионов батов в год. Ежемесячная заработная плата врача-нарколога от двенадцати до сорока тысяч батов (от трехсот до тысячи долларов). При довольно низких ценах на товары и услуги — это очень даже неплохо. Я спросил, берут ли врачи с пациентов незаконные поборы. Доктор удивился подозрению.

— Ну как же, — не унимался я, — мне говорили, пациенты приносят врачам мясо, молоко...

— Это совсем другое дело! Больной вылечился, врач стал его приятелем... Каждый благодарит как может.

В год здесь проходят курс лечения до десяти тысяч человек. Полный курс, применяемый таньяракскими врачами, предусматривает четыре стадии.

На стадии предварительного приема продолжительностью семь дней медики в беседах с больным выясняют его прошлое и психологически готовят к предстоящему лечению. Эффективность лечения во многом зависит от того, насколько осознанно пациент его принимает. В это же время больница знакомится с семьей пациента, выясняет ее проблемы и ориентацию, стараясь помочь понять свою ответственность перед больным.

На стадии снятия абстиненции (сорок пять дней) зависимым от героина предлагают под наблюдением врачей метадон, замещающий привычный наркотик. Начинают с суточной дозы тридцать миллиграммов и, постепенно снижая дозу, выводят пациента из абстиненции.

На стадию реабилитации отводится шесть месяцев. Имеются в виду четыре аспекта реабилитации: физический, психологический, социальный, профессиональный. За это время больной освобождается от физической и психической зависимости и вовлекается в нормальную трудовую жизнь.

Заключительная послелечебная стадия рассчитана на один год. Прошедшие курс лечения должны за этот срок подготовить самоотчет для решения возможных новых проблем, консультаций с медиками и, не исключено, повторного лечения. Хотя врачи пять лет наблюдают за бывшим пациентом, навещают дома его и его семью, из шестидесяти тысяч больных, каждый год поступающих на лечение в клиники Таиланда (девятьюстами пятью процентами мужчин и пятью процентами женщин), две трети — уже не в первый раз.

В одной из палат я говорил с пациентом-рецидивистом. Парень лет двадцати четырех сидел на койке, опустив на колени обнаженные руки в серебряных браслетах, величественный, как принц из восточных сказок. Сам из Малайзии, десять лет был на метадоне. Лечился травами в монастыре Тамкрабок, но не помогло. «Уж лучше на метадоне, чем в монастыре!» — хмурится принц.

— А что в монастыре?

— Доберетесь до него — не будете спрашивать!

В последнее время пациент вернулся к героину.

— Какой максимальный срок удавалось продержаться без наркотиков, метадона, любых препаратов? — продолжаю я.

— Один год.

— Судимость была?

— Пять лет сидел.

— В тюрьму попадают наркотики?

— А то нет...

— Есть среди приятелей больные СПИДом?

— Откуда мне знать.

Из бесед с врачами выяснилась их повышенная деликатность в отношении с пациентами, зараженными СПИДом. Таких — каждый пятый. Их особенно много среди героинщиков, привыкших к внутривенным инъекциям. Обнаружив смертельное заболевание, медики ни за что не скажут об этом пациенту, пока он сам не потребует ответа. Многие не хотят об этом знать, не желают пользоваться препаратами, способными уменьшить ВИЧ-инфекцию, и медики хранят их тайну, опасаясь безысходным сообщением довести человека до самоубийства (такое бывает) или вызвать к нему брезгливо-неприятное отношение в семье. Для тех, кто сам хотел бы провериться, существуют анонимные клиники. В Таньяраке сказать о болезни готовы только тому, у кого она уже на второй или третьей стадии или если пациент сам проявит к этому интерес. Немой вопрос, почему бы не создать для таких больных особое отделение и тем самым ограничить их контакты, доктор Ватанатуньярума удивился:

— Какое у нас право их изолировать? Они не делают ничего плохого. Предупреждают только тех, чья работа или образ жизни предполагают угрожающие обществу неизбежные связи. Например, проституток.

Мы вышли из главного корпуса и направились вдоль прудов с белыми лилиями к зданиям под красными черепичными крышами, где прошедшие курс лечения и не имеющие квалификации учатся ремеслу, чтобы вырваться из деклассированной среды. Наркоманы-подростки (есть пятнадцатилетние) здесь ходят в школу. Для пациентов постарше — курсы кройки и шитья, кулинарии, по сварке решеток и оград, токарного дела, деревообработки, ремонта машин, земледелия и ухода за скотом. Шесть месяцев пациенты будут заниматься в рамках индивидуальных реабилитационных программ, включающих психотерапию, моральное и религиозное обучение, профессиональный и поведенческий тренинг, активный отдых. После выписки больной обязан следовать предложенной ему программе в течение года. Пациенты — жители Бангкока и соседних провинций — объединяются в группу домашнего посещения и послелечебного ухода. По информации врачей (она подтверждена анализами мочи), в течение года не прикасались к наркотикам больше половины прошедших лечение, на протяжении двух и трех лет — четырнадцать с половиной процентов, больше трех лет — пять с половиной процентов.

Тридцатилетний опыт лечебного центра Таньярак обнаружил тревожную закономерность. Многие пациенты покидали больницу задолго до окончания курса и снова обращались к наркотикам. Иногда молодые люди, попав на лечение как зависимые от легких наркотиков, находясь в палатах вместе с наркоманами-рецидивистами, быстро переходили к более сильным органическим и синтетическим препаратам, обучались технике их использования.

Выход нашли в ноябре 1985 года в Скандинавии, когда семеро тайландских медиков и с ними один пролеченный пациент при поддержке шведской стороны отправились на четырехмесячную стажировку в городок Дэйтон (Швеция). Там гости впервые услышали о существовании ТиСи — терапевтического общества (коммюнити, как они говорят). Новая форма работы с пациентами их увлекла. По возвращении на родину они нашли единомышленников, арендовали кусок земли со старым деревянным баракком, который объявили центром национального ТиСи. Его назвали «Дом Бремберга» — в честь шведа Ларса Бремберга, которому пришла мысль о такой программе для Таиланда и достало энергии добиться от шведских благотворительных фондов поддержки проекта, одного из первых в Юго-Восточной Азии. Пять лет спустя тайландское правительство выделило бюджетные средства для основания вблизи комплекса Таньярак крупного Центра терапевтического сообщества с тремя отделениями для мужчин (на пятьдесят человек каждое), женщин (на тридцать пять человек), для амбулаторных больных (на сто пятьдесят человек) и для больных рецидивом (на тридцать пять человек).

Программа ТиСи включает в себя элементы групповой психотерапии, но в большей мере

ее следовало бы отнести к терапии коллективной, или массовой, при которой на больного воздействует не столько группа, сколько общность лечебных методик, применяемая в случайном объединении людей, мало влияющих друг на друга. Основным фактором воздействия здесь выступает личность психотерапевта. Таиландская программа предполагает добровольное участие пациентов, прошедших детоксикацию и готовых стационарно или амбулаторно войти в терапевтическое общество для окончательного закрепления послелечебного эффекта.

В первые пятнадцать дней пациентам помогают определить их ориентации и цели, которых они хотели бы добиться в теперешней жизни. Иначе говоря, люди должны ответить на вопрос, чего они желают для себя в сложившихся обстоятельствах.

Лечебная стадия, продолжающаяся год, предусматривает различные терапевтические подходы к достижению осознанных больным его психосоциальных целей. Их стремятся реализовать в двух параллельных группах — терапевтической и рабочей.

В основе терапевтической группы есть много от принципов, принятых в 1958 году американским врачом Чарльзом Дедериком, в прошлом алкоголиком. Он организовал в Сайнаноне (Калифорния) общество взаимопомощи для тех, кто хотел излечиться от алкогольной или наркотической зависимости. Пациенты, находясь вместе, должны были сообща участвовать в самоизлечении. От них требовался полный отказ от алкоголя и наркотиков, полное самообслуживание, занятие тяжелым физическим трудом, готовность жить общиной, не имеющей лидера. Способ лечения предусматривал встречи новичков с теми, кто уже избавился от зависимости и собственным опытом мог убеждать новичков, помогая им укрепиться в своем выборе. Таиландские медики привнесли в программы кое-что от гештальттерапии с ее стремлением выявить скрытые возможности пациента, поощряя осознание им своих потребностей и помогая ему самостоятельно выходить из тупиковых ситуаций.

Рабочие группы моделируют общественные отношения, участвуют в приготовлении пищи и уборке на кухне, на открытом грунте и в парниках выращивают цветы, декоративные растения, овощи, разводят кур и уток, а в прудах — рыб, учатся быть продавцами магазинов... Иными словами, пациенты готовятся реинтегрироваться в общество. Программа ТиСи предполагает перед выдачей пациентам диплома о прохождении курса помочь каждому найти работу.

Большинство участников программы — обитатели городских окраин и бедных селений. Многие из них, особенно лишенные семьи и крова, не готовые пока вернуться в общество, находят приют в созданном в рамках программы «доме наполовину» или «полудоме», где бывшие пациенты получают койку, питание, уход и, как говорят тайцы, возможность управлять собой в более ответственной степени.

Интересным мне показался принятый здесь порядок наблюдения за судьбой тех, кто окончил программу. Не менее трех месяцев сотрудники программы должны держать бывших своих пациентов в поле зрения. Как складываются их семейные отношения, что изменилось в их поведенческих функциях, насколько их удовлетворяет работа. Этот непрекращающийся интерес тайские медики относят к поддерживающей терапии. К слову, в штате программы ТиСи заняты сорок профессионалов (медсестры, психологи, социальные работники), приглашаемые по необходимости врачи разных профилей и двадцать пять бывших пациентов, успешно окончивших программу и после специального тренинга с энтузиазмом включившихся в работу с новичками.

Мне казалось, что я имею некоторое представление о таиландском опыте лечения наркоманий, но эта уверенность оставила меня, когда, заинтригованный рассказами наркоманов, я добрался до монастыря Тамкрабок.

— Это секретно. Это сверхсекретно! — восклицает мистер Гордон в ответ на мою просьбу назвать целебные травы, которыми в монастыре Тамкрабок монахи в обнесенной оградой и недоступной для посторонних таинственной зоне, закрытой для врачей от официальной медицины, лечат алкоголиков и хронических наркоманов. Лечат всех, независимо от вида употребляемых наркотических веществ, применяя в разных сочетаниях отвары местных горных трав. Монастырский комплекс лежит на северо-востоке, в горном селении Чал Кал. Это самый крупный из известных мировых центров по лечению и реабилитации больных наркотической зависимостью. Триста священнослужителей в оранжевых накидках через плечо лечат одновременно восемьсот — девятьсот пациентов. Когда по пустынной дороге через пальмовые заросли и кукурузные поля я добрался до монастыря, в нем оказалось девятьсот восемьдесят больных. По преимуществу опийных наркоманов. В переводе с тайского Тамкрабок — монастырь Опiumной Трубки.

О мистере Гордоне я кое-что узнаю позднее, но именно здесь уместно сказать о нем. Он из Нью-Йорка, из небогатой негритянской семьи, рос во дворе большого гарлемского дома, где на балконах сушилось белье, отчего семиэтажный старый, облупленный дом походил на побитый штормами и выброшенный на берег парусник. Дитя протестантской общины, он необъяснимым образом увлекся буддизмом, к удивлению всех обитателей, обрил голову, где-то раздобыл желтые ткани и один, без гроша в кармане, в рваной обуви на босу ногу отправился странствовать по Юго-Восточной Азии. Молодой странник с четками на запястье учился в монастырях, в совершенстве овладел искусством медитации, научился наблюдать свои ощущения без каких-либо связанных с ними мыслей. Увидев много чудес, познав науки и языки (тайский, санскрит), он получил разрешение служить в Тамкрабоке и со временем занял пост одного из высших иерархов монастыря.

Для строительства Опиумной Трубки буддийская церковь Таиланда в пятидесятых годах выбрала живописную и достаточно удаленную от туристических троп холмистую местность. Собрали монахов — аскетов, имеющих практику интенсивной медитации, знающих свойства растений и способных стать учителями для духовно заблудших людей. Среди пятнадцати тысяч пролеченных в монастыре больных, по преимуществу буддистов, есть последователи разных религий, даже атеисты. Для монастыря это неважно. Были бы готовы к безусловному послушанию и символической плате (с обеспеченных — сто долларов в месяц). Среди пациентов много молодых, привезенных отчаявшимися родителями. Средний возраст мужчин — двадцать семь, женщин — двадцать пять. Старше сорока пяти и младше восьми лет не принимают.

Мы сидим с мистером Гордоном под навесом из сухих банановых листьев, в десятке шагов от монастырской ограды, совершенно невозможной для проникновения через ее ворота, охраняемые круглосуточно и строго. Оттуда не доносятся голоса, хотя ветерок тянет в нашу сторону. У меня было много вопросов, но почти все они вызывали у монаха выброс руки с предупреждающе торчащим указательным пальцем: «Это секретно. Это сверхсекретно!» Как будто мы были у стен завода по производству оружия для космических войн. Мне казалось, тамкрабокские монахи опасаются потерять привилегии, которые дает любой миф.

Мало-помалу все же удастся кое-что вытянуть из странного собеседника и хотя бы приблизительно представить, что происходит за монастырской оградой. От подъема (пять утра) до отбоя (двенадцать ночи) больные на ногах. На первом этапе, в период детоксикации (от одного до пяти дней), больные пьют из передаваемой по кругу миски травяной отвар, вызывающий рвоту и снимающий тягу к наркотикам. У многих выворачивает все внутренности. При коллективном приеме отвара присутствуют мужчины и женщины, уже прошедшие лечение. Они хором поют навевающую приятные воспоминания песнь о родителях и покинутом отчем доме. Придя в себя, больные медитируют, принимают травяную сауну — она снимает мышечные боли. На втором этапе (шесть — десять дней) пациенты вместе с монахами изучают доктрины буддизма и дают клятву не употреблять наркотики. А после продолжают психотерапевтические и религиозные занятия. На протяжении всего лечения больные ходят в горы — собирают травы, пашут землю, разбивают кувалдой камни, строят новые здания комплекса. И за пределами монастыря сооружают из железобетона гигантские (высотой с трехэтажный дом) статуи Будды, выкрашенные черной краской с желтой лентой через плечо. Я видел эти изваяния, рядом с которыми чувствуешь себя лилипутом. Их столько, что кажется, будто все три тысячи тайландских храмов направили в Тамкрабок своих самых больших Будд.

Когда пациенты, не выдержав нагрузки, валяются с ног и рыдают, им никто не поможет подняться.

— Каждый сам себе должен помочь, — говорит мистер Гордон. — Мы не верим в больницы, в докторов. Мы верим в сознание и помогаем больному лечить самого себя. Мы отнимаем у него имя, все убираем из его головы, он становится овощем. Он спит в наушниках, в состоянии гипноза, мы всю ночь говорим с ним. Мы думаем за него, мы — его мозги.

Содержание Тамкрабока обходится в месяц двадцать — двадцать пять тысяч долларов. Продукты питания дает монастырская земля, скромную одежду для себя и больных монахи шьют сами. В штате нет работников, которым бы приходилось платить как служащим, — для дисциплинированной монашеской общины любая простая работа есть проявление заботы о других. Среди монахов бывшие полицейские, солдаты, бродяги-наркоманы. Спонсоров здесь избегают.

— Никакого государства, никаких компаний, никаких организаций! — говорит мистер Гордон. — Например, нам принесли миллионы долларов. Нам это не нужно. Потому что наши

больные захотят узнать, кто владельцы таких сумм, как их зовут. Это все лишнее. Когда что-либо приносят простые люди — мы берем. Не приносят — мы не берем и долго молимся.

Я все-таки прошу разрешения пройти на территорию монастыря. Мистер Гордон неумолим:

— Это секретно. Это сверхсекретно!

Гостям остается сквозь щели ограды наблюдать, как, сидя на полу, скрестив ноги, больные по очереди передают из рук в руки чашу с отваром, а час спустя строем выходят из ворот, поднимаясь в горы. Призвав на помощь все свое красноречие, я продолжал уговаривать взять меня с собой на территорию. Умягчили сердце монаха не доводы рассудка, а внезапно осенившее меня спасительное желание внести свой скромный вклад в монастырскую казну. Как же это раньше не пришло мне в голову! Мистер Гордон уточнил, какой суммой я могу помочь монастырю, и после недолгих колебаний решительно поднялся, жестом приглашая следовать за ним. Мы прошли через крашенные железные ворота, открытые монастырскими охранниками, склонившими перед монахом в почтительном поклоне бритые головы.

Просторный барак со сплошными окнами, по обе стороны от входа на плоских возвышениях, окрашенных в красный цвет, тесно один к другому зеленые дерматиновые матрасы для больных — я насчитал семьдесят и сбился со счета. Таких барачков, мужских и женских, на территории с десяток. Их разделяют фруктовые деревья. Когда мистер Гордон ненадолго отлучился, мы поговорили с обитателями монастыря, собиравшими плоды. Все довольны и были бы даже счастливы, если бы не наказания за проступки, особенно за попытки побега. Провинившихся монахи привязывают к каменному столу вниз животом и на глазах у всех обитателей бьют палками ниже спины. Двенадцать ударов — это чувствительно. С женщинами поступают таким же образом, но в отсутствие мужской половины монастыря.

Во дворе мы встретили швейцарца из-под Цюриха. Тридцатипятилетний католик, десять лет зависимый от кокаина и алкоголя, живет здесь почти год.

— Не хочу возвращаться, видеть старых друзей, хочу жить от них подальше.

— Вы уверены в излечении?

— Пока я здесь, все в порядке, но не знаю, что случится, когда передо мной не будет замков.

Нет ничего удивительного в том, что буддистская община, подобно общинам других мировых религий (христианства, ислама), использует свои институты для помощи людям разных культур для восстановления сил, освобождения от страха и беспокойства, преобразования сознания, угнетенного психоактивными химическими веществами. Церковные учреждения разных конфессий пытаются по-своему помочь человеку изменить эмоциональное состояние, при котором весь потенциал сознания или большая его часть сфокусирована на удовлетворении неотвязной тяги к наркотику. Как бы ни относиться к конкретной практике монастыря Тамкрабок, если принятые здесь подходы помогают хотя бы небольшому числу людей освободиться от физической и психической зависимости, мистер Гордон и другие священнослужители стараются не зря.

Иностранцы живут в барачке, расположенном чуть поодаль и выкрашенном в голубой цвет. Там австралийцы, немцы, итальянцы, англичане, поляки... По словам мистера Гордона — и шестеро русских. Один, он знает, по имени Иван. Как мы ни просили о встрече с ними, на этот раз монах был непреклонен.

Ну что же, пусть буддийские монахи и поможут Ивану и его товарищам. Дай Бог им избавиться от беды. Жаль только, что эти шестеро не нашли монастыря, знающих травы монахов и матраса на полу — в России.

ИНДИЙСКИЕ ФЕРМЕРЫ ВЫРАЩИВАЮТ МАК

Зачем Робинзон Крузо продавал опиум в Китай? — Верховный бог Шива: тайна синего горла — Что курят в двух шагах от Тадж-Махала — «Второй фронт» в Азии — «Под маком у нас сегодня 13000 гектаров» — Монополия государства и деревенский ламбрадар — Как стал наркоманом фермер Нир из Пенджаба — Легализация: аргументы доктора Мохана

Больше двух с половиной веков назад Даниэль Дефо во «второй и заключительной части» жизни йоркского моряка Робинзона Крузо отправил своего героя, когда-то заброшенного на необитаемый остров и сумевшего выжить в невероятных обстоятельствах, в новое кругосветное плавание, которое не могло обойти Индию. Сам писатель, как известно, не совершил ни одного продолжительного морского путешествия, но, перечитывая книги и периодические издания, прекрасно ориентировался в конъюнктуре мирового рынка. Именно поэтому его отважный и предприимчивый Робинзон, удачливый коммерсант, по-прежнему озабоченный интересами английской торговли, везде занимался коммерцией. В Сибири скупал соболей, лисиц, горностаев, а в Индии, конечно, взялся за поставки опиума в соседний Китай¹.

Я прилетел в Дели без какого-либо намерения усомниться или, напротив, удостовериться в безупречности описания новых приключений Робинзона, оказавшегося вовлеченным в сбыт наркотиков. Во всяком случае, индийская столица в первые часы знакомства ни с какой стороны не напоминала об этой странице своей истории. На берегу реки Джамны видишь пришедшие в запустение средневековые поселения Лалкот, Сири, Джахан-панах, Туглакабад, дальше Пуранакила и Фируз-шах-котла, а за ними шумные торговые улицы и высотные административные здания нового города, построенного по всем канонам колониальной монументальности в сочетании со стилизованными архитектурными элементами Востока.

Строг и величествен торговый центр на Коннаут-плейс, размещенный на круглой, словно очерченной циркулем огромной площади, окруженной одинаковыми трехэтажными зданиями, выходящими на площадь симметрично расположенными колоннами. На нижних этажах — богатые магазины и рестораны, а на лотках между ними бойкая торговля газетами, восточными сладостями, сувенирами, всякой всячиной, какую может предложить туристам город ремесленников и торговцев. А неподалеку комплекс строгих правительственных зданий из мрамора и камня, перемежаемых лужайками, мощеными дорожками, красивыми фонтанами, безуспешно пытающимися ослабить жаркую, томящую духоту.

Вбирать бы в себя экзотический город целиком, как он есть, с фешенебельными виллами во глубине цветущих садов, с бредущими по улицам людьми в длинных полотняных рубахах и жилетах, в узких хлопчатобумажных брюках, в «пилотках» или чалмах на голове, любоваться бы царственным нарядом индийских женщин, vyplывающих из роскошного отеля «Ашока», но с раздражающей себя самого непоследовательностью снова думаешь о чем-то давно прошедшем. О том, например, как британские корабли вывозили отсюда золото, изумруды, алмазы, пряности.

А Робинзон Крузо вместе с земляками-англичанами вывозил индийский опиум в Китай. Две опиумные войны случились через сто с лишним лет после смерти создателя романа, и ни автор, ни его герой ни с какой стороны не могли быть к ним причастны. Но почему, когда сегодня видишь на тротуарах Дели рваную рогожку и мешковину, а на ней полуобнаженных людей,

спящих на боку, опустив головы на локоть, никак не реагируя на ползающих по высохшим лицам насекомых, с горечью думаешь о том, что судьба этих несчастных, возможно, сложилась бы иначе, не будь их земля богата сокровищами, в которых нуждалась британская корона и ради которых пускались в рискованные плавания предприимчивый Робинзон и его европейские современники.

— Какой же от марихуаны вред, когда ее курил верховный бог Шива?! — удивляется в Дели администратор отеля «Кларисс», скосив глаза на висящее в холле изображение почитаемого им божества. Ты боишься неосторожно задеть религиозные чувства администратора и, глядя на изображение, пытаешься вспомнить, что тебе известно о божестве.

Шива имеет обыкновение возникать в неожиданных местах, будь то речной берег, где индусы сжигают трупы, или поле битвы, или край обрыва, где кончается путь. Окруженный злыми духами и призраками, он олицетворяет разрушение, которым завершается существование всего сущего. И он же появляется на склонах Гималаев на тигровой шкуре, с длинными волосами, заплетенными узлом на макушке, в серьгах из свившихся змей. Здесь его тело покрыто золой. Он погружен в медитацию и видит мир глазами мудрости. Почти всегда с ним рядом жена Парвати и верный бык Нанду, на котором он странствует. Но едва ли не самое распространенное изображение идола — Шива, танцующий на горе Кайлас или в своем дворце Чиндамба-рам. Ему приписывают изобретение ста восьми индийских танцев с бешеным ритмом и особой пластикой.

Из многих мифов о Шиве мне в душу запала история, объясняющая связанный с ним и довольно редкий даже в цветастой восточной речи эпитет «синегорлый» (налаканат-ха). Говорят, спасая других богов от гибели, он выпил припасенный для их умерщвления яд (калакату). Горло стало синим, почти черным, а боги и вселенная были спасены.

Но при чем тут марихуана?

Ответ появился в то же утро. Ко мне в отель пришел индусский доктор Радж Анут, лет сорока, когда-то проходивший практику в московском Институте микрохирургии глаза у Святослава Федорова и еще не забывший русский язык. У него здесь своя клиника, обслуживающая дипломатов, в том числе России и Кыргызстана. Среди пациентов часто попадаются алкоголики, а зависимый от наркотиков был не так давно, студент какого-то колледжа из Агры, причем не сам заявился, а родители привезли. Как лечили? В первый день врачи справились с острыми проявлениями передозировки опиатов, затем заперли в комнате, не разрешая выходить, а когда начался синдром отмены, провели детоксикацию, давали снотворное. Пациент три дня спал; родители забрали парня домой. Их предупредили: при краткосрочном курсе лечения опиатной зависимости редко бывает стабильный результат.

Радж рассказывал:

— У нас в Дели я наблюдал сценки на железнодорожном вокзале: в зале ожидания доверчивым пассажирам, часто из деревни, бесплатно предлагают сладости: «Вам гостинец от Бога!» Сладости смешаны с опиатами. Люди засыпают, их обворовывают. Когда-то я работал на «скорой помощи», нам постоянно приходилось увозить пострадавших в больницу.

И все-таки, чем была марихуана для Шивы?

Не ей ли божество обязано беззаботностью, состоянием расслабленности, хроническим воспалением горла? Приверженец индуизма, в котором огромное число богов и нет единого для всех, нет основателя религии или пророка, Радж признает триаду («Тримурти»), где существуют Брахма, Вишна и Шива. Из них ему ближе всех Шива. Он слышал от своих стариков рассказы о том, будто в упанишадах и в древних эпосах есть намеки и даже прямые указания на увлечение Шивы марихуаной, усиливавшей его космическую энергию, особенно при исполнении зажигательных танцев. Мне же увиделось прямое доказательство пристрастия Шивы к марихуане как раз в легенде о «синем горле». Хроническое воспаление горла и изменение окраски языка — одно из распространенных последствий использования марихуаны. Приверженцы индуизма, его течения шиваизма, скорее всего, употребляя каннабис, приписывали своему божеству последствия, которые с древних времен с испугом наблюдали у самих себя, когда курили или ели марихуану.

Опийный, мак и особенно коноплю можно и в наши дни встретить в Индии на больших площадях, по преимуществу в холмистой местности, где их специально культивируют, и услышать историю их употребления с древнейших времен, задолго до того, как на ее берега накатилась волна колонизации. Европейцы застали времена, когда в глухих индийских деревнях

конопляные листья жевали, марихуану курили; из этих растений, смешав их с молоком и сахаром, лепили сладости, а вязкий коричневый ком опиума в Раджастане и Пенджабе растворяли в глиняной чашке с водой и принимали внутрь как пищу или напиток.

И сегодня в каком-нибудь селении штата Уттар Прадеш (в районах Найнитал, Пилибхит, Кери, Алмора и других) увидишь, как крестьяне лепят из зерен конопли вкусное (по их понятиям) блюдо «чутни», свободное от наркотических свойств, а конопляные листья идут на приготовление салатов. Но жители деревни назовут соседей, употребляющих каннабис и как наркотик. Таких в деревне до пяти процентов. К этому относятся спокойно. В предгорьях Гималаев многие фермеры выращивают наркосодержащую коноплю для приготовления популярных здесь некрепких наркотиков — шараса, ганджи, бханга. Их особенно любят сидхи. Они собираются вечерами на окраине деревни, чтобы выкурить пару «чиламов» — удлиненных глиняных трубок с ганджой. В некоторых семьях традиционно, как ежедневный ритуал, используют бханг — из конопляных листьев делают пасту, разбавляя ее сладким напитком. Многие употребляют бханг во время индуистских праздников Холи и Шивратри, приносят его как пожертвование Шиве или применяют как стимулирующее средство для повышения сексуальных возможностей².

Есть индийские общественные ритуалы и религиозные собрания, на которых употребление наркотиков традиционно и обязательно. Каннабис раздается верующим в храмах во время церемоний и больших праздников. Многие индусы, прежде всего сидхи, убеждены в способности наркотических веществ освободить сознание от мирского хаоса и помочь сконцентрироваться на поклонении божеству. В известных местах паломничества (Каши, Матура, Пури) употребление наркотических веществ в больших количествах общепринято, и верующие были бы удивлены, если бы кто-либо словом или делом помешал следовать обычаям отцов.

Чаще других наркотиков индусы употребляют бханг. В каждом регионе страны у напитка свое название, но почти везде это водный настой растения, смешанного с черным перцем и сахаром. Гурманы для вкуса добавляют приправы, вроде анисовых семян, шафрана, гвоздики, мускуса, кардамона, лепестков розы. Часто в дело идут лакрица, фисташковые орехи, сок граната и фиников, кокосовое молоко. Приготавливая из бханга сладости, используют масло буйволицы, пальмовый сахарный сироп. Эти и другие компоненты идут на приготовление слегка пьянящих конфет, халвы, желе «мажун». Состав бханга выглядит безобидным, даже соблазнительным, но продукт часто приводит к потере пространственной и временной ориентации, как при сильной алкогольной выпивке, к странностям и неожиданностям поведения. В высших и средних слоях индийского общества такое состояние считают недостойным. Сегодня только не имеющая работы малограмотная беднота соблазняется бхангом, чтобы хоть ненадолго испытать чувство эйфории. Желе «мажун» обычно раскупают провинциальные молодожены и женщины легкого поведения в надежде усилить сексуальные желания.

Было жаркое утро, когда машина вырвалась из шумных торговых улиц Дели и вышла на прямую дорогу к Агре, древнему индийскому городу, известному усыпальницей Тадж-Махал. Я напрасно надеялся сосредоточиться на предстоящем восприятии одного из чудес света, как называют в литературе этот памятник старой мусульманской культуры. Дорога запружена отчаянно ревущими, обгоняющими друг друга лимузинами, грузовичками, туристическими автобусами. Им приходится подолгу стоять у семафора, нервно и пронзительно сигналив в ожидании, пока дорогу пересечет караван навьюченных лошадей, которых ведет за собой, спотыкаясь, горбатый индус. Ближе к городу на дороге идут ремонтные работы, и это опять создает проблемы.

Не знаю, как другие путешествующие люди, но когда я обессиленно вышел из машины и добрался до беломраморного чуда с царственным куполом и высокими шпилями, поддерживающими небо, разум мой понимал, что это, конечно, чудо, но усталая от дороги душа не трепетала. Сюда, наверное, следует добираться не три с лишним часа в облаках выхлопных газов, а на вертолете или на воздушном шаре, и воспринимать ансамбль чистым сердцем.

Миновав мозаичные ворота тончайшей работы восточных мастеров, переведя дух на каменных ступенях перед выложенным мраморной плиткой бассейном, в котором ансамбль отражается с зеркальной резкостью, проходишь вдоль стриженных газонов, сдаешь у входа свою обувь и получаешь взамен матерчатые тапочки. Восемнадцать лет (1632 — 1650) строили на возвышенном берегу Джамны этот ослепительной белизны мавзолей жены Шаха Джахана. Это воплощенная в камне песнь вечной любви к женщине, вознесенной на Небеса. Под сводами золотого мозаичного купола действительно чувствуешь, как красота и гармония входят в душу,

наполняют ее до краев.

Выйдя с толпой туристов из арки, украшенной восточными изразцами, пересекаешь улицу и прячешься от полуденного солнца под тентом углового кафе. Потягиваешь из бутылочки «севен-ап», наблюдая за перекрестком. Туристы спешат к автобусам, не обращая внимания на маленьких бродяжек в рубашках до пят, театрально склонивших набок взлохмаченные головенки, выбросив вперед тонкую руку с согнутой ладошкой, согнутой самую малость, чтобы из нее не выпала брошенная в нее медь. Я не заметил, чтобы маленькие попрошайки курили, хотя бы тайком, и это было удивительно в стране, где табак растет повсюду. Здесь, кстати, выращивают два самых популярных ботанических вида табачной культуры: никотина табака и никотина рустика. Лучшие сорта вроде Вирджинии идут в необработанном виде на экспорт, а сами индийцы чаще всего курят кустарные сигареты «биди» из непритязательных сортов, жуют дешевый табак и курят его в компаниях через кальяны.

Мало где увидишь столько беспризорных детей, как на улицах индийских городов. Они собирают тряпье, чистят проходим обувь, в придорожных ресторанах моют посуду и разносят товары. Они привыкли к враждебности мира, который их окружает. Люди вокруг каждый день причиняют им боль, втягивают в воровство, совершают над ними насилие, в том числе сексуальное. Убежать от этой жизни хотя бы на короткое время и утолить голод им помогают наркотики. Они вдыхают клей, краску, керосин, бензин, курят каннабис, а кое-кто героин. Как мне потом скажут индийские медики, среди бродяжек распространена полинаркомания. Зависимость в их среде прослеживается с шести лет.

Зависимы дети чаще всего от шараса. Подросткам не представляет труда за небольшие деньги раздобыть шарас вблизи железнодорожных вокзалов, на рельсовых путях, у входа в храмы, в театры, в супермаркеты. Сигарету с шарасом можно купить за сто пятьдесят рупий (около четырех долларов), а наполовину выкуренную — втрое дешевле. Обычный источник денежных поступлений — попрошайничество и мелкое воровство.

Каждому приходится быть свидетелем разных ситуаций, при воспоминании о которых долго ноет сердце. Но беспризорные девочки лет девяти-десяти на улицах Индии представляют едва ли не самое мучительное зрелище. Старшие их опекуны, а чаще молодые люди, составляющие им компанию при ночевках под открытым небом, принуждают девочек употреблять наркотики. Нетрудно представить, чем девочки расплачиваются. Как и за долги, в которые они попадают, когда их вовлекают в карточные игры. От индийских медиков можно услышать об устрашающем росте числа детей со следами сексуального насилия, венерическими заболеваниями, положительной реакцией на вирус гепатита. Уличные торговцы заставляют девочек быть наркокурьерами. Дети и подростки меньше вызывают подозрения.

Сидишь за столиком и наблюдаешь жизнь улицы у стен мавзолея. Буфетчик в белом переднике и в мусульманской шапочке, по-своему истолковавший твою неторопливость, наклоняется к уху:

— Может быть, я могу вам помочь?

— Не понял, — смотрю на него.

— Отдохнуть: покурить, понюхать...

Мне от него ничего не нужно, но я делаю вид, будто его слова заставляют задуматься, и интересуюсь, что и по какой цене. Он присаживается, изображает на лице улыбку, дожидается, пока освободились соседние столики, чтобы никто не услышал беседы, и, сохраняя на лице приветливое выражение, деловито называет подпольное меню. Есть ганджа, шарас, бханг, а если я располагаю временем, он готов принести опиум и героин. Через дорогу стены величайшего памятника мировой архитектуры, воплощения красоты и гармонии, созданных прорывом человеческого духа, а рядом буфетчик, возможно, потомок зодчих или строителей усыпальницы, с заискивающей улыбкой ждет ответа на свое предложение, уверенный в способности его меню быть достойным завершением знакомства с Тадж-Махалом.

— А что, — тоже шепотом спрашиваешь, — после Тадж-Махала многие не прочь «отдохнуть»?

— Кое-кто даже не после, а — вместо!

Смотришь, как буфетчик нетерпеливо ждет ответа, чтобы подсесть к другому, потенциальному покупателю, переводишь взгляд на узорную стену красного кирпича, за которой мраморный мавзолей, и думаешь: что же с нами происходит? Неужели вековая культура, созданная гениями человечества в часы озарения, — все может померкнуть и отступить перед слепой страстью к наркотическим веществам? И если с этой бедой не совладать, во что же мы, в

конце концов, выродимся?

Индийцы раньше многих других выращивали на плантациях опиный мак. Цветущие поля до горизонта, особенно прекрасные на восходе солнца, приводили в восторг путешественников еще в XVI веке. Уже тогда опиум был важной статьей индийского экспорта, первым делом в соседний Китай, да и внутри страны его ели, курили, пили разбавленным в воде во всех социальных группах, в том числе в высшем свете. Гурманы из индийской знати обожали «чарбугу» — смесь опиума, гашиша и вина. Больше всего опиум употребляли в Пенджабе, Ассаме, Западной Бенгалии. Индийские медики назначали опиум как лечебное средство для усиления сексуального чувства, им кормили детей, чтобы успокаивать их. В северных районах в кругу простолудинов опиум раздавали гостям курить на свадьбах, на похоронах, во время других сходок родственников или соседей как признак объединения. А в Гуджарате напиток с опиумом всегда был на столе, за которым собиралась знать, и отказ от употребления хозяин дома воспринимал как неуважение.

Первое упоминание об опиуме Индии содержат записки путешественника Барбозы о побережье Малабары (1511 г.). Маковые поля тянулись вдоль океанского берега, позже проникли в глубь полуострова, а во времена государства Великих Моголов распространились едва ли не по всем равнинам и плоскогорьям. Особенно в районах Агры, Аллахабада, Бенгалии и Ориссы. Сильным наркотическим веществом индусы торговали с китайцами и другими восточными народами. Доходы оказались привлекательны. В конце XVI столетия император Акабар объявил производство опиума монополией государства. Со временем государство монополию утратило. Продажей опиума занялись оптовые торговцы из древнего североиндийского порта Патна на реке Ганг, во второй половине пятидесятых годов XIX века монополия перешла в руки Ост-Индийской компании. И только при генерал-губернаторстве британца Уоррена Хастингса правительство вернуло себе полный контроль над производством, продажей, хранением опиума.

Курить опиум индийцы начали в XIX веке, но этот способ употребления не был так распространен, как прием внутрь в виде пищи или питья; бытовала уверенность, что от потребления внутрь можно в любой момент отказаться, а бросить курить труднее. Пройдет немало времени, пока люди на собственном опыте убедятся, что безвредных способов немедицинского употребления опиума не существует. Могут быть только разные степени поражения внутренних органов и мозга. Но тогда неизбежность последствий еще не была очевидной. Курильщики собирались в опиумных притонах, подогревали вещество, вместе готовили опиумные препараты (их называли «мадак» и «ченду»), садились на корточки на полу и дымили долгими часами. Опиокурильни были единственным общественным местом, где не существовало социальных различий — важный чиновник, брамин, заклинатель змей, уличный торговец, погонщик каравана, каменщик, бездомный бродяга только здесь могли сидеть в одном кругу...

И все-таки спрос на опиум в Индии никогда не принимал таких угрожающих масштабов, как в Китае и странах Юго-Восточной Азии. Может быть, одна из причин — в торговой политике британских колониальных властей. Для них индийский опиум оставался высокоприбыльной товарной культурой. Было бы в высшей степени недальновидно рисковать производством, вовлекая в употребление наркотиков широкие слои крестьянства, сущих или потенциальных производителей. Разумнее было беречь их рабочие руки, блюсти свои коммерческие и финансовые интересы, вывозить наркотовар в Китай, Гонконг, Таиланд, Лаос, на Филиппины, в Шри-Ланку, не слишком заботясь о последствиях наркотизации для населения этих стран.

На протяжении почти всего XIX столетия Индия была международной лабораторией по изучению различных аспектов производства и употребления опиума. Королевская комиссия 1893 года обнародовала результаты наблюдений: внутри страны употребление опиума невелико, фактов явной физической и моральной деградации людей, принимающих наркотик, практически не обнаружено. Опиум употребляли по преимуществу орально как стимулирующее средство, а также для лечения заболеваний (ревматизм, диабет, простуда, понос) и как снотворное для детей. Присмотревшись к народным традициям, комиссия выразила сомнение в возможности законодательным путем ограничить использование наркотика исключительно в медицинских целях. Это привело бы, по её мнению, к необходимости создавать сеть доносчиков, внедрять их в семьи, а попытки насильственно помешать употреблению наркотика расходились бы с желаниями многих людей и усиливали бы в стране оппозицию к власти. По причинам религиозного свойства индусы, подобно мусульманам, не одобряли склонность к алкоголю, но к опиуму относились терпимо. Побоялись — запрет на немедицинское употребление опиума может автоматически

повлечь за собой рост потребления алкоголя.

Только с началом XX столетия опиумная политика индийских властей стала подвергаться сомнению. Комитет Всеиндийского Конгресса (1924 г.) впервые отважился объявить от имени индийского народа требование полностью запретить торговлю опиумом. На это колониальное правительство, ссылаясь на рекомендации медиков, отвечало эластично: власти готовы ограничивать, сводить к минимуму потребление опиума, но ввести полный запрет нет возможности. Эта позиция не находила понимания в международных кругах, обеспокоенных не столько аспектами морали и нравственности, как незаконным распространением наркотика. Его источник виделся в Индии. Американцы пытались было настоять на запрете легального употребления опиума, разрешив наркотик только для медицинских и научных целей, но этот подход не отвечал практике местной индийской медицины Аюрведы и тибетской Тибби. Американцы возобновили свои требования в 1944 году, открыв одновременно со «вторым фронтом» в Европе еще один «второй фронт», на этот раз в охваченной опиумной войной Азии, попытавшись заставить своих европейских союзников-англичан изменить опиумную политику в Индии. Но тут им пришлось отступить: индийские власти не собирались отказываться от терпимого отношения к умеренному и контролируемому потреблению опиума. Только два-три года спустя под давлением международных кругов индийское колониальное правительство всё-таки вынуждено было объявить о запрещении опиумного производства, кроме как для медицинских и научных целей.

После того как в Дели над Красным фортom 15 августа 1947 года взвился государственный флаг независимой Индии, национальное правительство стало добиваться снижения потребления опиума на душу населения до уровня, не превышающего нормы Лиги наций (двенадцать фунтов или около шести килограммов на десять тысяч населения). Должно было начаться сокращение государственных запасов опиума на одну десятую часть ежегодно, чтобы к концу пятидесятих годов изъять весь опиум, не предназначенный для медицинских и научных целей. Курение опиума запретили. Но страдающим наркотической зависимостью стали выдавать дозу по рецепту врача.

Медицинское и немедицинское употребление опиума часто переплетались. Он был постоянным компонентом свободного времяпрепровождения и ритуальных празднеств индусов и мусульман, его вред здоровью и пагубные последствия для общества еще долго не вызывали тревогу.

Только в конце сороковых годов XX столетия индийцы стали, наконец, замечать масштабы опиумной беды. Общественность подвергла критике свое правительство, к тому времени уже вызывавшее осуждение международной общественности. В 1949 году Всеиндийская опиумная конференция приняла десятилетнюю программу ликвидации немедицинского употребления опиатов. Хронических потребителей взяли на учет и прикрепили к государственным складам, где им выдавали дозу для избежания синдрома отмены.

В шестидесятые — семидесятые годы в Индии замечен спад потребления опиатов. Но не прекращение. Многие люди в городе и деревне продолжают по традиции принимать опиум. Замечен преобладающий спрос на него в деревнях, в местах скопления крестьян среднего возраста и не слишком большого достатка. Отношение социального окружения к потребителям наркотиков чаще всего ровное, без осуждения. Редко где к ним предъявляют претензии органы правопорядка. А в Гуджарате, говорят, в местном наречии появился особый термин: «бандани» — так уважительно называют человека, способного принимать опиум в больших количествах.

Присматриваясь, отчего меняются в Азии пристрастия к тем или иным наркотикам, ученые обратили внимание на парадоксальное явление. Как только в середине сороковых годов XX века в Гонконге, Таиланде, Лаосе приняли строгие антиопиумные законы, потребители изменили ориентацию: переключились на героин. Это был ответ наркобизнеса на вызов мирового сообщества. Испытывая затруднения со сбором, транспортировкой, продажей опиума, наркодельцы сконцентрировали производство на переработке опиума в героин, сильно опередив власти разных стран, не успевавших просчитывать последствия собственных решительных действий. Новый наркотик оказался предпочтительнее для всех участников бизнеса. Его безопаснее транспортировать (он свободен от специфического запаха опиума), сама перевозка удобнее (компактен и легок), его можно долго хранить, он быстрее и сильнее воздействует на мозг. А главное, единица веса героина много рентабельнее, нежели того же веса опиум.

— Все-таки хорошо, что Индия в конце концов отказалась от выращивания мака и вывоза опиума, — говорю доктору Раджу.

— Нисколько не отказалась! — возражает доктор. — Под маком у нас сегодня тринадцать

тысяч гектаров. Это одна из самых крупных опиных плантаций мира. Мы снабжаем опиумом многие страны. Мы им торгуем!

— Как же удастся такие площади прятать? — недоумевал я.

— Зачем прятать? О них знают в ООН. Они у всех на виду!

Индия — одна из немногих стран, где под присмотром властей разрешено выращивать опиный мак. Контроль возложен на Департамент по наркотикам — структуру Министерства финансов. Индийская казна открыто пополняется отчислениями от производства и экспорта опиума, такими же для нее существенными, как от производства чая, риса, арахиса, хлопка, пряностей, табака. В штатах Уттар Прадеш, Мадхайя Прадеж, Раджастан государственные чиновники выдают фермерам лицензии на выращивание мака, ведут надзор за плантациями и сбором опиума. Предварительно собирают сведения о фермерах, претендующих на лицензию: можно ли на них положиться, кто их окружает, не уплывет ли часть урожая мимо государственных складов. Местные власти формируют прогнозы потребностей и раздают квоты. Выращивать мак фермеров не неволят, есть много других не более хлопотных и не менее доходных культур. Но многие предпочитают возиться с опиумом — этот товар на корню, по твердой цене, гарантированно закупает государство.

С фермерами заключают ежегодное соглашение. В нем обозначены размеры и границы их опиных полей. Перед тем, как составить детальную карту участка, власти выясняют, как претендент пользовался землей последние три года и каких успехов добивался. В лицензии называют предполагаемый урожай и закупочную цену. Каждая деревня получает, кроме того, общую лицензию на всех фермеров, имеющих разрешение выращивать мак. В нее вносятся записи во время сбора урожая: вес собранного опиума, по какой цене продан. Записи ведет глава деревни (ламбрадар). В страдные дни он отвечает за охрану полей, урожая, продукции. Самое эмоциональное время в деревне, когда ламбрадар собирает фермеров, чтобы взвешивать урожай и договариваться, где будет окончательное взвешивание продукции и оплата.

Обо всем этом я не имел представления, пока не попал в кабинет Девендры Датт, заместителя генерального директора Бюро по контролю наркотиков Министерства финансов. Женщина в роскошном сари с гладко зачесанными черными волосами по-королевски восседала в мягком кресле, не давая никакого повода заподозрить, будто она может иметь касательство к низменному предмету разговора — к маковым полям. Между тем именно ее называют одной из разработчиц индийской политики в области легального опиного производства. На вопросы она отвечает с улыбкой, но когда я спросил, есть ли гарантия, что никакая самая малая доля собранного урожая не попадает на черный рынок, красивое лицо посерьезнело.

— Гарантировать практически невозможно. Когда на маковой плантации появляются первые ростки, региональные чиновники проводят тщательные обмеры, выискивают неучтенные участки, наблюдают за кругом общения фермера. Чтобы у хозяина плантации не было соблазна утаивать часть продукции, эксперты, представляющие местную власть, тщательно оценивают урожай: учитывают размер и состояние растений, условия произрастания, особенности почвы, сорт мака. Как только в деревне начинается сбор урожая, представители власти вместе с фермером в его доме взвешивают каждый сбор и вес заносят в особую книгу. При сдаче опиума проверяются чистота и влажность.

— А что, бывает мошенничество?

— Очень редко! При подозрении приемщик пальцем размазывает щепотку опиума по стеклу и рассматривает против света. Так обнаруживают включения, подобные песку. Опиум проверяется также на сахар, крахмал, клей, другие вещества. Вся сомнительная продукция передается лабораториям для химического анализа. Только через два месяца после взвешивания и проверки фермеры получают окончательный расчет.

В Дели от врачей услышишь типичную, по их словам, историю хронического деревенского наркомана. Парень лет тридцати пяти, назовем его Нир, малограмотный сикх, получил в наследство от отца небольшой участок земли в штате Пенджаб. Не имея достаточного дохода, с молодости вынужден был, чтобы содержать семью, круглый год работать на пашне, в том числе на участках соседних фермеров. Однажды, когда во время сбора урожая он сильно устал, хозяин участка посоветовал ему съесть маленькую порцию афима (так у сикхов называют опиум). Нир последовал совету, и усталость как рукой сняло. Маленькой порции скоро стало недостаточно, хозяин постепенно ее увеличивал и в течение года довел до половины грамма в день. Это была

теперь норма, без которой Нир уже обходиться не мог. Он работал как бык, не жалея себя и радуясь тому, как легко к нему возвращаются силы.

Год спустя фермер отказался от услуг Нира и перестал снабжать его афимом. Не подозревая о последствиях, парень был даже рад немного отдохнуть, но почувствовал сильные боли. Отказывали ноги, давила спина, тело выделяло обильный пот, как будто он был в жару. Любые движения давались ему с трудом, он подолгу не мог уснуть. Не понимая, что с ним, Нир обратился к фермеру. Тот знал причину болезни и объяснил молодому соседу, что его ждет, если он не возобновит курение афима. Они заключили договор: сосед снова начинает работать на фермера, а фермер оплачивает половину ежедневного заработка ежедневной дозой наркотика. Некоторое время спустя ежедневная потребность Нира поднялась до десяти граммов. Он даже думать не смел о том, чтобы отказаться от курения, — так свежи были в памяти боли.

Продолжая курить афим, к вечеру он испытывал физические страдания: тело коржило, ломало, он не находил себе места, пока не пришел к мысли принимать дозу дважды — утром и вечером. В последующие двенадцать лет доза, избавляющая от болей, возросла до пятнадцати граммов, потребовался переход на трехразовый суточный прием. Тратить на наркотики приходилось много больше, чем можно заработать, и Нир не заметил, как задолжал фермеру огромную сумму. Но даже при столь высокой дозе он все реже испытывал кайф, силы покидали его, заработков почти не было. Собственный участок оставался единственным источником полуголодного существования семьи.

Нир и его семья занялись уличной торговлей, но доход едва позволял сводить концы с концами. Нир все чаще срывал нервное напряжение на близких, в доме возникали скандалы. Временами в состоянии агрессивности он избивал жену. Растерял друзей, заменил общение с ними встречами с теми, кто употреблял афим вместе с ним, или с теми, у кого он теперь покупал наркотики. Крушение всего казалось убийственным и не оставляло никаких шансов на возвращение семьи, профессиональных навыков, социально-экономического статуса.

Но Ниру повезло. На его пути встретился односельчанин, тоже страдавший наркотической зависимостью. Земляк побывал в лечебнице, расположенной в двухстах километрах от их деревни, прошел детоксикацию и был доволен. Нир запряг лошадей, отправился в путь. Тридцать шесть дней его лечили, консультировали, проводили сеансы психотерапии, популярной здесь йоготерапии. Он втянулся в занятия группы самопомощи.

Возвращался домой окрыленным, полным надежд, и они вполне могли бы сбыться, если бы в его отсутствие не возникли обстоятельства, окончательно его доконавшие. Пока Нир находился в больнице, родной брат прихватил его землю. Оба втянулись в земельный спор, затаскали друг друга по судам, и в состоянии крайнего нервного истощения Нир сорвался, снова потянулся к афиму. Но теперь, кроме опиатов, он еще жевал табак и пил местное вино. Врачи, рассказавшие мне эту историю, пытались ему помочь, даже сумели привлечь к своей работе его семью, но случай оказался слишком тяжелым. Человек утратил всякую веру в себя³.

— Я прошел, поверьте, нелегкий путь споров с самим собой, прежде чем убедился: у человечества нет другого пути покончить с наркотиками, кроме как посмотреть правде в глаза, подняться над страхом несведущих людей, перестать прислушиваться к недобросовестным коллегам и на уровне правительств всех стран мира принять единственное мудрое решение — легализовать наркотики.

Прочитав в моих глазах сомнение в правоте радикального суждения, профессор Д. Мохан, глава Департамента психиатрии Всеиндийского института медицинских исследований (AIIMS), подумал, скорее всего, о том, как трудно даются иностранцу тонкости чужого языка, и пояснил, выбирая слова, что он вовсе не считает приём наркотиков безвредным, не отрицает ужасных последствий и, конечно же, у него в мыслях нет кого-то склонять к их употреблению. Ему важно другое: результат, которого люди хотели бы добиться, то есть ликвидация наркоторговли как процветающего бизнеса и резкое снижение масштабов потребления наркотических веществ, лежит не на пути ужесточения карательных мер, а на противоположном направлении — на пути соблюдения прав человека (в том числе права распоряжаться своим здоровьем и жизнью), полного доверия к людям и к их собственному выбору. Дело государства — поставить весь духовный, культурный, экономический потенциал на распространение здорового образа жизни. Если удастся сделать употребление наркотиков немодным, непрестижным, предосудительным, наркотическое половодье со временем вернется в узкие безопасные берега.

Странное дело: идея легализации наркотиков живет по преимуществу в умах постоянных

потребителей, ожидающих времена, когда можно будет свободно, не боясь полиции, купить в аптеке желаемые вещества, но такой оборот дела не устраивает наркоторговцев, получающих большие прибыли как раз на запретах. Риск оправдывают высочайшие рыночные цены, которые вынуждены платить больные люди, лишённые выбора. В поездках я встречал официальных лиц, в том числе полицейских, бывших наркозависимых, даже некоторых депутатов парламента, склоняющихся к возможности узаконить, например, торговлю марихуаной как наименее вредным наркотическим веществом. Но в первый раз я встретил авторитетного медика, убежденного в разумности легализации не только марихуаны, а всех наркотиков, не делая разницы между «легкими» и «тяжелыми». И где — в столице Индии, одной из колыбелей мирового распространения наркотических веществ.

Аргументы сторонников легализации, как бы к ним ни относиться, нельзя назвать абсолютно беспочвенными. Если бы они не имели под собой оснований, можно было бы не обращать на эту позицию внимания, а только изумляться странным людям, в том числе уважаемым, не ищущим в легализации выгод для себя. Но споры переместились из кухонь на международные симпозиумы. Специалистов давно не умиляют победные реляции силовых структур разных стран, демонстрирующих мировому сообществу мешки конфискованного героина или кокаина и наркоторговцев, чаще всего уличных, как на них надевают наручники и ведут в полицию. Чему радоваться, если общий уровень потребления наркотиков не снижается: конфискации и аресты никого не останавливают. Так будет до тех пор, пока наркотики выступают на рынке в качестве товара, приносящего огромные доходы не столько производством, как его запретами. Наркобароны относят на стоимость свой риск, страхи, уловки по обходу запрета, включая подкуп силовых структур и высших правительственных чиновников.

— Мы разве не знаем, как теневые деньги наркомафий идут на поддержание войн, криминальных организаций, стремящихся к власти политиков? — горячится профессор Мохан.

Хорошо понимаю его состояние. Медикам, выхаживающим наркозависимых больных, особенно горько наблюдать, как виновники массовых человеческих трагедий, владея огромными денежными средствами, для их легализации («отмывания») инвестируют капиталы в экономические и культурные программы, на создание политических партий, движений, институтов; по словам профессора, кое-где эти средства идут даже на показательную борьбу с наркомафией и лечебную помощь наркобольным. Это поступки не мотов, не благодетелей, не глупцов. А дальновидных воротил, предпочитающих держать наркоситуацию под контролем и направлять ее. А еще это небольшая плата за дорогостоящее доброе имя покровителя медицины, ремесел, искусств. Запрет на производство и продажу наркотиков создает для теневого бизнеса благоприятную среду. Именно наркобаронов более всего страшит легализация, при которой денежные потоки направились бы в другую сторону — на счета государства.

Запрет — это и миллионы подростков, которые в предвкушении наркотика, в ожидании повтора однажды узнанного нового ощущения, будь это расслабление, эйфория, возбудимость или чувство агрессивности, готовы ради дозы пойти на преступление. Они ни перед чем не останавливаются, увеличивая масштабы воровства, грабежей, проституции, а также уличной наркоторговли, — только бы на дозу заработать.

Так рассуждает собеседник, убежденный в неизбежном пересмотре основ, на которых держится мировое антинаркотическое законодательство. Аргументы сторонников легализации можно свести к четырем наблюдениям, кажущимся им безупречными.

Во-первых, так называемая «борьба» с наркотиками пока оканчивается поражением всех структур, занятых ею. Крупные инвестиции в органы правопорядка, в таможенную систему, в структуры государственной безопасности не дают адекватной отдачи. Тюремь переполнены мелкими торговцами марихуаной, а наркобароны, в чьих руках производство, перевозки, сбыт сильных наркотиков, процветают.

Во-вторых, легализация наркотиков дала бы государству возможность контролировать их производство, потребление, качество, чтобы не было вредных примесей, усугубляющих разрушение организма. При открытой торговле наркотиками финансовые органы могли бы получать дополнительные налоговые отчисления, которые можно было бы направлять на лечение наркозависимых больных.

В-третьих, судя по истории легализации алкоголя в странах, где его продажа когда-то была запрещена или ограничена, после отмены запрета уровень потребления вырастает только в самом начале, а после стабилизируется.

В-четвертых, при легализации резко упадут доходы наркодельцов. Их картели и другие

мафиозные структуры неизбежно распадутся, а это повлечет снижение общего уровня насилия и преступности.

Вывод: финансовые затраты на борьбу с наркотиками и общественные потери, вызванные порожденной запретами криминализацией всех сторон жизни, никак не оправдывают мизерные результаты «антинаркотических войн».

— Любое государство способно контролировать наркоситуацию, имея только одного наркодельца, но крупного, всем известного, — говорит профессор.

— Кто же им может быть? — спрашиваю я.

— Само государство, конечно!

— И оно будет вправе свободно продавать наркотики? Всем без разбора?

— И сколько душа желает! — улыбается профессор моей тревожной интонации.

Разумеется, он утрирует свою позицию, предлагая не реальную программу действий, а только шокирующие слух способы решения сложного комплекса действительных проблем. Он понимает иллюзорность своих рекомендаций в современных условиях. Никто из сторонников легализации наркотиков, даже самые прозорливые, не берутся предсказать медицинские, социальные, криминальные последствия свободной, неограниченной продажи наркотических веществ, в том числе марихуаны. В большинстве стран к этому не готово общественное мнение, не развита сеть доступной профессиональной наркологической помощи. Доктор Мохан и его единомышленники рассуждают скорее о временах грядущих. Обретя больше опыта, благополучия, свобод, в условиях политической стабильности и на новом этапе международного сотрудничества человечество созреет до всеобщего референдума. Тогда всем землянам будет задан единый вопрос: какой подход к наркотикам полнее отвечает интересам человека разумного. Даже самые торопливые сторонники легализации не представляют, можно ли в наши времена, не дожидаясь согласия всех наций, внутри отдельно взятых государств снять запреты на распространение наркотиков без тяжелых последствий.

Я внимательно слушал аргументы профессора, мысленно соглашаясь со многими его наблюдениями, особенно с тем горьким фактом, что запреты *не решают* проблему, а в лучшем случае слегка *сдерживают* неблагоприятное развитие событий. Иначе и быть не может в условиях, когда наркобизнес приносит такие доходы, что любой риск и безрассудство кажутся оправданными. Но, с другой стороны, в легализации тоже мало смысла, если она проводится в недостаточно развитых странах (а их большинство), не имеющих ресурсов для обеспечения государственного контроля над ситуацией и создания системы лечения физической и психологической зависимости. Сделайте продажу свободной, и на рынке в лучшем случае произойдет замена одних наркодельцов другими — даже если ими будет само государство или структуры, им назначенные.

Можно спокойно рассуждать, встречаясь с коллегами-медиками или полицейскими. Почему не послушать? Ход чужих размышлений, отличный от твоего, бывает привлекателен. Но стоит вернуться в свою клинику, зайти в палату, увидеть на подушке мертвенное лицо пациента с расширенными зрачками, а рядом склонившуюся над ним несчастную мать — чужие и свои рассудочные доводы в пользу легализации разом оставляют меня. Прочь! Даже думать об этом не хочу. Как можно делать общедоступными вещества, способные менять сознание и вызывать зависимость? Вспоминая своих больных и пациентов Эрика Калина в Лондоне, сеньоры Марии Изабель в Боготе, доктора Маломо в Лагосе, доктора Томпсона в Мельбурне, доктора Джексона в Хобарте, наконец — судьбу индийца Нира из Пенджаба, задыхаешься от беззвучного протеста. Легализация? Доступность? Новые искалеченные жизни? Сегодня?

Нет! Нет! Нет!

Глава девятнадцатая

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ:
РАССТРЕЛЫ И ЛЕЧЕНИЕ

Опиумные войны: мой герой Линь Цзэсюй — Все в руках министерства общественной безопасности — Высшая мера: за и против — Даосы из Сычуани: «Только совершенствуя себя, поднимаешься по лестнице, ведущей к Небу» — Чем рискуют контрабандисты в Юньнани — Куньмынь: опыт принудительного лечения — «Один плюс один» профессора Янга Гудонга — Юные монашки Района Тысячи Островов: освободись от сильных страстей и никогда не будешь печалиться

В Пекине я слушал своих земляков-дипломатов, не вполне понимая их оптимизма.

Граница между Кыргызстаном и Китаем тысячи лет была водоразделом между исламским и конфуцианским мирами. На стыке двух цивилизаций между соседями всякое случалось, в том числе распри, вызванные несходством религий, разностью культур, непониманием чужого уклада, хотя китайцы и кыргызы — самые древние народы Азиатского материка. Первые упоминания о кыргызах содержатся в китайском источнике «Шицзи» (I в. до н. э.). Во времена существования кыргызского государства на берегах Енисея (VI — VII в. н. э.) его правителей и послов китайские императоры принимали с большими почестями.

Учитывалось местоположение кыргызов на трассе Великого шелкового пути. Иностранцы обменивались с кыргызами товаром и привлекали кочевников для охраны караванов и как проводников по малоизвестным тропам. Мои праотцы долго оставались одной из опор мирового моста между народами и культурами. На пороге третьего тысячелетия, в новой исторической ситуации, Кыргызстан, продолжая оставаться в центре Евразийского материка, предлагает возродить великий древний путь, чтобы на новом витке развития цивилизации он снова стал мостом между Востоком и Западом.

Слушаешь кыргызских дипломатов, а из головы не идут сообщения информационных агентств о проникновении в страны Центральной Азии, на Восток России китайских наркотиков (метамфетаминов и эфедриновых) и транзитных опийных из смежных государств «Золотого треугольника». Не превратится ли вчерашний Великий шелковый — в Великий наркотический путь?

В конце беседы прошу земляков помочь встретиться с китайскими властями, занятыми борьбой с наркотиками.

— Это непросто, сразу попасть в МОБ!

— В министерство внутренних дел, что ли?

— Нет, в МОБ!

— Может быть, начать со встречи с китайскими наркологами?

— Только с разрешения МОБ!

— Минздрава, что ли?

— Да нет же. Всеми аспектами наркотиков занимается МОБ — министерство общественной безопасности Китая.

Это было что-то новое.

Мне давно хотелось побывать в Китае.

От знакомых, наблюдавших Пекин двадцать пять — тридцать лет назад, можно было услышать об архитектурных ансамблях императорских дворцов и роскошных парках, о том, как

они соседствуют со скопищем развалюх за глухими каменными стенами. Толпы мужчин и женщин в синих штанах и куртках, к синему цвету густо примешан зеленый и красный — город наводнен военными, марширующими под красными флагами. Основной вид грузового транспорта — велорикши. С утра по улицам плывет велосипедная река. Крутя педали, китайцы переговариваются, парочки едут в обнимку, а самые азартные, оторвав, как в цирке, руки от руля, умудряются целоваться. «Они и рожают на велосипедной раме», — шутили приятели, недоумевая, как удавалось густонаселенной нищей стране изумлять мир великими философами, поэтами, учеными, героями, влиявшими на ход мировой цивилизации.

Странно даже мысленно связывать древнейшую китайскую культуру с практикой курения опиума, но нельзя вынуть эту страницу истории. Наркосодержащие маковые растения завезли в Индию и Китай в XI веке арабские торговцы. Климат ли тому благоприятствовал, уклад ли жизни, общая склонность к созерцанию, скученность ли городского населения, но к первой трети XVIII века опийных наркоманов среди китайцев было много. Со времен Обособленных царств китайские мудрецы учили: человек есть то, что он употребляет. Питающиеся зерном разумны и понятливы; питающиеся травой сильны, но слабоумны; питающиеся мясом храбры, но безрассудны; питающиеся землей лишены разума и дыхания. А потребляющие опиум теряют здоровье, разум, человеческое обличье. Когда их, теряющих, десятки, сотни, тысячи, это драма общества. Но когда миллионы, приближается распад общества, гибель нации. Китайские власти попытались ограничивать ввоз и употребление опийных веществ. В ответ английские наркоторговцы начали обмен индийского опиума на китайский чай: их сторонниками стала влиятельная китайская верхушка, владельцы чайных плантаций и чаеразвесочных фабрик¹.

У меня были свои представления об опиумных войнах 1840 — 1842 и 1856 — 1860 годов. В школьные годы мне виделась корабль Британского военного флота. В сизом дыму поворачиваются жерла орудий, матросы на мокрой палубе, подгоняемые офицером, сбрасывают в джонки мешки с наркотиками. Джонки причаливают к берегу. Рикши везут мешки через влажные леса. И вот в чаду опиекурилен старики-китайцы дымят трубками и заходятся в кашле.

От торговли опиумом в Китае британцы получали в виде налогов больше трех миллионов фунтов стерлингов в год. Это десятая часть всех доходов казны. За честь страны вступился уполномоченный цинского правительства Линь Цзэсюй, один из китайских кумиров прошлого столетия. Рискнув своим будущим, чиновник приказал отобрать у торговцев тысячу двести тонн опиума и публично сжечь в местечке Хумэнь (провинция Гуандун). Неважно, много или мало это было от объемов наркотиков, завозимых британцами в его страну, но пламя большого костра продемонстрировало миру готовность китайцев самим спасти себя. Это был сигнал к началу великого противостояния. Китайцы проиграли: пришлось смириться с легальным беспошлинным завозом из Британской Индии огромных партий опиума, выплатить британцам контрибуции, уступить часть территории. Чувство поруганности ощущали все. Не зная эту страничку прошлого, трудно понять психологию наших китайских современников, когда они приветствуют суды, выносящие наркоторговцам смертные приговоры.

К началу XX столетия тринадцать с половиной миллионов китайцев (двадцать семь процентов взрослого населения) страдали опийной зависимостью. По объемам потребления наркотиков Китай опережал все страны мира. Китайские чиновники в одеждах, украшенных яшмой, покачивая за спиной длинной косой, оглашали на площадях законы, запрещающие курение опиума. Британские власти объясняли тревогу китайцев склонностью к преувеличениям. Им было трудно представить масштабы чужой беды. В Европе опиум применяли в медицине, но хронических наркоманов можно было по пальцам перечесть.

Две опиумные войны обессилили китайскую нацию. В стране ширилась антинаркотическая кампания. Перед ее угрозой и под давлением собственных влиятельных кругов британские власти отменили наконец заморскую опиумную торговлю. А три года спустя (1909 г.) в Шанхае собралась Международная комиссия по опиуму. С этого времени началось объединение мирового сообщества в борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков.

Говорят, ко времени провозглашения Китайской Народной Республики (1949 г.) в стране насчитывалось до двадцати миллионов наркоманов. Эти опустившиеся люди, существовали в собственном мире, отдельно от военных и политических событий, которые сотрясали их родину.

Народная власть объявила «Циркулярный приказ о строгом запрещении опиекурения»². Не прошло и пяти месяцев со времени создания республики, как появилась сила, сумевшая за три года закрыть опиекурельни, перепахать посевы мака, осуществить принудительное лечение больных. Правительство нашло сорок миллиардов юаней (в старом исчислении) для производства

антинаркотических препаратов и помощи тем, кому воздержание давалось с особым трудом. В последующие три десятка лет Китай практически не знал наркомании.

Это было чудо не меньшее, чем экономический бум в Японии, Сингапуре, Южной Корее.

Подрастали поколения китайцев, воспитанных в духе полного неприятия «буржуазных пережитков», готовых вершить «культурную революцию», изолированных от многого в современном мире, но в том числе от социальных бед — наркомании, алкоголизма, организованной преступности. Можно как угодно оценивать последствия долгой зашоренности масс, но нельзя не видеть успех исторического масштаба: до восьмидесятых годов XX столетия, когда в странах Европы и США наркомания становилась национальным бедствием, Китай шагал к социализму, удерживая наркотические волны, бушующие вокруг, не давая им где-нибудь перевалить через свои границы.

Только в 1979 году, через тридцать лет после победы революции, в провинции Юньнань, в приграничных южных субтропиках, народная милиция, к собственному удивлению, задержала китайца — перевозчика наркотиков. Никто не предполагал, что не пройдет и года, как власти зафиксируют во внутренних районах страны девятьсот случаев торговли опиумом. Из небытия вернутся призраки недавнего прошлого, опять угрожая здоровью нации, безопасности государства.

Имея тяжелую наркотическую «наследственность», еще не до конца справляясь с социальными трудностями, дисциплинированные и возбужденные лозунгами китайцы поддержали народную власть в ее бескомпромиссном отношении к наркобизнесу. Профессионалы-военные вступал в отряды специального антинаркотического назначения. Создали три кольца обороны: вдоль государственной границы, на контрольных пунктах городов и поселков, на транспортных магистралях (автотрассы, железные дороги, водные пути, аэропорты). В ноябре 1990 года образовали Государственную комиссию по контролю за наркотиками. В нее вошли руководители общественной безопасности, министерства здравоохранения, таможенной службы, верховного народного суда и верховной прокуратуры, комитета по делам просвещения, канцелярии Госсовета, генерального штаба Народно-освободительной армии.

Прилетев в Китай незадолго до начала года Дракона (2000 г.), ожидая увидеть страну, какой она представлялась по рассказам людей, наблюдавших ее два-три десятка лет назад, отказываешься верить глазам. Ошеломляют конструкции международного аэропорта в Пекине: словно из иной цивилизации, из третьего тысячелетия, откуда-то из космоса спустились на землю сплетения стальных труб, чтобы явить фантастику грядущей архитектуры. И это соорудили правнуки китайцев, валявшихся с трубкой во рту на полу опиекурильни и захлебывавшихся в кашле?

На площади Тяньаньмынь величествен, как всегда, императорский дворец с перекинутыми через каналы мраморными мостиками. Но сколько ни ищешь глазами синие куртки, синие брюки, синие кепки — куда все подевалось? Военные в отглаженных зеленых френчах и в белых перчатках. На большинстве прохожих одежды, шляпы, украшения, в каких сегодня ходит вся молодая Европа. Кое-где можно увидеть велорикш, предлагающих туристам экзотическую прогулку. Зазвав седока, рикша радостно и весело, как бы в свое удовольствие, крутит педали, прижимаясь к тротуару и не обращая внимания на несущиеся рядом автомобили китайского производства и новейших мировых марок. На улицах высотные здания из стекла и алюминия. Супермаркеты на первых этажах ломятся от товаров. И опять тривиальный вопрос: неужели это деды нынешних китайцев везли с собой опиум на причалы Сиднея, на строительство железных дорог в Чикаго, в харчевни Бангкока, связывая в сознании многих народов свою этническую принадлежность с полусонным существованием в густом наркотическом дыму?

В ответ на рассказ о первых моих впечатлениях молодые кыргызские дипломаты в Пекине переглядывались, теряясь перед слишком открытым проявлением чувств, не принятым в стенах внешнеполитического офиса.

— Всем комплексом проблемы занимается министерство общественной безопасности! — повторяли дипломаты, давая понять приезжему, как непросто в обход установленных правил добиться встречи в самой влиятельной из государственных структур. Китайцы не рассматривают просьбу, если не лежит перед глазами биография иностранца, который напрашивается на прием, и бумага с вопросами, предлагаемыми для обсуждения. У меня не было желания несколько дней сидеть у телефона в ожидании ответа, я почти расстался с надеждой на встречу в МОБ.

Но кое-что удалось выяснить.

Китайские власти долго надеялись, что с наркотиками покончено навсегда, прошлое не вернется, а одиночных торговцев можно приструнить угрозой лишения свободы на пять лет. Занятие наркотиками в крупных объемах грозило утратой нажитого имущества и перспективой состариться в тюрьме, но о лишении жизни речь поначалу не шла. В уголовном кодексе 1979 года не было статьи, которая за распространение наркотических веществ предусматривала бы смертную казнь. Но когда число задержанных наркоторговцев пошло на тысячи и милиция столкнулась с организованными преступными группами, владевшими десятками килограммов героина и оружием, власти обнародовали постановление: за преступления в области наркобизнеса суды получают право назначать наказание в виде лишения свободы на десять и больше лет, пожизненного заключения и смертной казни (1982 г.). Последовало разъяснение. За контрабанду, торговлю, перевозку, производство килограмма и больше опиума, пятидесяти граммов и больше героина или синтетического наркотика «лед» (метамфетамина) или других наркотиков в больших объемах суд может приговорить преступника к тюремному заключению от пятнадцати лет и выше, или к пожизненному заключению, или к высшей мере.

Жаль, думал я, что обо всем этом нельзя поговорить в таинственном МОБ.

Утром следующего дня меня разбудил звонок и я услышал радостный голос кыргызского дипломата:

— Встреча в МОБ в двенадцать ноль-ноль. Посольская машина придет за вами в одиннадцать тридцать!

Четыре офицера безопасности — все в штатском — сидели за столом, напротив усадили меня и советника посольства. Офицеры немногословны. Один постоянно оттягивал у шеи галстук, к которому был, как видно, не привычен, другие смотрели в глаза, не торопясь отвечать на вопросы, но аккуратно записывая их в свои тетради, после чего обменивались мнениями и поручали кому-то одному озвучить общий ответ. Они подтвердили: министерство действительно направляет работу ведомств, занятых пресечением контрабанды наркотиков и лечением наркозависимых, под его патронажем и наркологические клиники. Министр общественной безопасности — глава Всекитайской комиссии по контролю за наркотиками.

В Англии, мы знаем, эти функции возложены на полицейского Кейта Хеллоуэла, но принцип у англичан и китайцев один: народу должен быть известен человек, отвечающий за наркоситуацию и наделенный реальной властью. В обеих странах эту роль предложили высшему офицеру силового ведомства. К какому бы психологическому типу он ни принадлежал, к холерикам или флегматикам, значение имеет не темперамент, не опыт, даже не интеллект, а совокупность этих и других свойств, образующих масштаб личности. Берущийся за дело известный человек, имеющий узнаваемое лицо, вызывает больше доверия, нежели занятая тем же делом почтенная, но безликая организация.

Перебирая в памяти разговор в МОБ, улавливаешь мысль, сформулированную собеседниками прямо, затем повторенную по разным поводам, чтобы она прочно вошла в чужое сознание: сегодняшней Китай — жертва мировой наркоторговли. Для китайцев дорого сочувственное понимание их ситуации с наркотиками, точно так же, как им важно избавить другие народы от страха перед ростом китайского населения, якобы вынужденного когда-нибудь расширять свои земли за счет соседей.

Я спросил, как отнестись к частой информации о китайцах, переходящих границу с российским Дальним Востоком для торговли там наркотическими препаратами из эфедры.

Собеседники удивились:

— Все наоборот! Это русские с Дальнего Востока проникают в приграничные китайские районы, закупают у наших крестьян эфедру и увозят к себе на родину. Мы — жертва!

Офицер, которому мешал галстук, заговорил о лечении наркоманов. По-видимому, он отвечал за этот сектор и ему не терпелось доложить о победах. К ним он отнес массовое *принудительное лечение* наркотических зависимостей. Это предмет особой гордости китайцев. Я не уверен, возможно ли это вообще — насильно избавить человека от злоупотреблений наркотическими веществами. Это не простуда — проглоти таблетку и будь здоров. Тут мы имеем дело с последствием разных воздействий на организм — психологического, физиологического, фармакологического, нейробиологического и, конечно же, социального, а часто и политического. Как лечить принудительно?

Но не будем спешить.

Помните, Европа смеялась, видя в кадрах кинохроники, как миллионы китайцев из рогаток отстреливают воробьев? Сколько было шуток и анекдотов. А когда в январе 1995 года Госсовет

КНР решился на эксперимент не менее экстравагантный — принял постановление «О принудительном лечении наркоманов», — мир, говорят собеседники, стал присматриваться. Китайцы уже доказали, что не переходят реку, прежде чем не ощупают камни.

В китайской истории бывали лагеря трудового перевоспитания. Фрагменты прежней системы снова оказались востребованными. Без суда, по решению участковых милиционеров и уличных комитетов, знающих жильцов, прописанных в квартале, выявленных наркоманов направляют в «центры реабилитации». Чтобы избежать ошибки, подозреваемого направляют в клинику для лабораторного анализа крови и мочи. Получив заключение медиков, больного под конвоем везут в один из центров, открытых по всей стране. Применяя метадон и шесть китайских трав, ему снимут абстинентный синдром, зачислят в отряд, и от трех месяцев до полугода он будет жить как солдат, соблюдая дисциплину и особый распорядок дня: уборка помещения, строевая подготовка, работа на производстве, лекции о вреде наркотиков, физкультура и спорт, сеансы психотерапии, художественная самодеятельность, снова уборка и маршировка... Смысл безостановочной занятости — научить зависимых жить вне прежней среды, забыть о наркотиках.

— Где отработывают методику принудительного лечения? — спрашиваю я.

— В центре провинции Юньнань.

Мне бы попросить разрешения побывать в юньнаньском центре, но поездка в южную провинцию тогда не планировалась. Нельзя объять необъятное, утешал я себя, не подозревая, что обстоятельства сами приведут меня к воротам самого центра принудительного лечения и как же я буду жалеть о своей непредусмотрительности.

Речь зашла о практике применения смертной казни.

В Таиланде власти признавали принятую в стране смертную казнь за торговлю наркотиками, как бы стесняясь, избегая даже намека на масштабы применения наказания. Китайские офицеры, напротив, говорят о расстрелах, воодушевляясь, как о победах народа над угрозой безопасности. Очевидно, у великого народа на обширных пространствах иное восприятие высшей меры наказания соотечественника, чем у сообщества немногочисленного. Послушав китайцев, начинаешь лучше понимать ход их мышления. Громкие судебные процессы и казни преступников, конечно, противоречат Конфуцию: его идеям ненасильственного исправления нравов, важности управления страной не страхом, а добросердечием, равноценности всякой жизни, в том числе преступивших закон. Но революционный народ, повторяли мне тем более когда-то пострадавший от наркотиков, вправе защищать свою безопасность всеми способами.

— Если наведем у себя порядок, наши соотечественники будут приезжать на родину, неся на спинах своих детей! — говорили собеседники.

Офицеры вспоминали истории, кого и за что конкретно приговаривают к смертной казни.

К началу девяностых годов Китай столкнулся с действующей в провинциях Сычуань, Юньнань, Ганьсу, Гуандун международной преступной группировкой, хорошо организованной, с опытом подпольного наркобизнеса. Громкое «Дело 89-11», когда задержали больше семидесяти торговцев наркотиками и изъяли двести двадцать килограммов героина, заставило говорить о себе весь Китай. Даже тех, кто не имел к наркотикам никакого отношения.

В провинции Гуандун до сих пор помнят, как в конце 1998 года трое рыбаков — Хуан Шан, Сюй Тао и Линь Хэ — попались пограничникам в международных водах, когда с грузового судна перегружали на свои шхуны двести девятнадцать ящиков марихуаны общим весом около четырех с половиной тонн. Марихуану они пытались доставить к китайскому берегу. Суд приговорил всех троих к смертной казни. Не веря, что за марихуану могут лишить жизни, рыбаки подали кассационные жалобы. Вся деревня, переживая за них, была убеждена, что наказание слишком сурово. Об этой истории писали китайские газеты. Суд второй инстанции оставил жалобы без удовлетворения — рыбаков расстреляли.

В Пекине судили Ма Юна, безработного из Ганьсу. Он и его подруга пытались продать триста граммов героина. Девушку осудили на пожизненное заключение, а сообщнику дали высшую меру. И снова страна зачитывалась репортажами из полицейского участка, из зала суда, из тюрьмы, сочувствуя бедолагам, но не сомневаясь в праве властей отводить от народа беду любым способом.

Больше всего публичных казней в провинции Юньнань. Оттуда китайцы несут героин и метамфетамины в свои городки и дальше, через Тибет и Непал, в Европу. Две тысячи китайских милиционеров (половина численного состава милиции, брошенного на борьбу с наркобизнесом по всей России) контролируют дороги этой провинции. Но соблазн быстрых денег сильнее страха

смерти. В северных мьянманских деревнях килограмм героина можно купить за десять — двадцать тысяч юаней. В Сянгане (Гонконге) цена сто тысяч, в Пекине — двести... Две тысячи процентов прибыли! Торговцы помнят, что им грозит за пятьдесят граммов героина. Поэтому волокут через границу партии до ста килограммов и больше. Где наша не пропадала!

В 1997 году в Китае казнили 1876 наркодельцов³.

Численность казненных в последующие годы не обнародована; по мнению экспертов, меньше их не становится. При смягчающих обстоятельствах исполнение приговора может быть на два-три года отложено. Не пересмотрено, не отменено — отложено. Можно спорить, и в мире спорят, о нормах китайского законодательства, примеряя их к традициям своей страны, к психологии собственного народа. Но, может быть, не жесткости кары следует учиться у китайцев — присмотреться стоит к ее неотвратимости.

Протесты «Международной амнистии», других авторитетных правозащитных организаций китайцы выслушивают спокойно, не собираясь в угоду репутации рисковать здоровьем нации и государственной безопасностью. Для властей оба эти понятия — здоровье нации и безопасность государства — равнозначны.

— Когда покончим с наркотиками, изменим меры наказания, — говорят мои собеседники.

Сами китайцы не думают, что их законы слишком суровы. По соседству, в Юго-Восточной Азии, замечают они, торговца героином ждет смертная казнь за продажу даже пятнадцати граммов.

У меня сложные чувства.

Врач, да и вообще человек со здоровой психикой не может принять насильственное лишение жизни другого человека как способ решения каких бы то ни было проблем — личных, семейных, общественных, по суду или по собственному пониманию справедливости. Жизнь вправе отнимать только тот, кто всем нам ее дает, надеясь, что мы проживем ее с достоинством. И, прежде чем дух покинет тело в отведенные каждому сроки, в своих детях продолжим ее на Земле. У китайских собеседников своя логика, тоже вытекающая из обязанности сохранить и продолжить существование жизни. Если кто-либо в здравом уме несет гибель множеству себе подобных и нет способа остановить его, отвести от общества угрозу, не существует способов противодействия, какие нельзя было бы оправдать.

В поездке стараешься послушать суждения разных людей. Услышанное не отличается разнообразием, люди предоставляют властям право решать, как защитить народ. Среди имеющих собственный взгляд оказались монахи даосского монастыря Чиньянгуан (XI в.) в Чэнду, центре провинции Сычуань. В черных одеждах, с черным бантом на макушке головы, отшельники, философы, поэты, последователи Лао-цзы (IV — III вв. до н. э.) стремятся достичь единства с первоосновой мира (дао) и путем самосовершенствования обрести бессмертие. Их предки исповедывали самоценность жизни и как могли продлевали ее. Говорят, во времена Танской и Сунской династий некоторые даосы жили в своих общинах по двести — триста лет. Они мечтали построить страну, где «земля и воздух смягчаются, прекращаются страшные болезни, люди становятся уступчивыми и согласными, никто не спорит и не борется, сердца у всех нежные, кости слабые, люди не заносчивые и не завистливые. Взрослые и дети живут вместе, без царей и слуг. Мужчины и женщины гуляют вместе, без сватов и свадебных подарков... у них нет ранних смертей, нет и болезней. У этого народа — большое потомство, не сосчитать. Радуются и веселятся, нет ни дряхлых, ни старых, ни печали, ни горя. Любимый обычай — петь песни».

Моих книжных знаний хватало на представление о даосах как о наивных и трогательных мудрецах, живущих как бы в этом мире, но принадлежа доброму царству своих иллюзорных представлений о будущем. Надо ли говорить, как я обрадовался нестыковке моих авиарейсов в Чэнду, задержке вылета, чтобы схватить такси и с переводчиком махнуть из аэропорта в близлежащий даосский монастырь, упоминаемый в старинных трактатах. Уже приближаясь к нему, я был смущен неожиданными для моих представлений строгими, даже аскетическими линиями строений, мрачноватым темно-коричневым цветом ограды и храмов, несколько странным для жизнелюбивого, веселого монашеского братства, каким оно рисовалось воображению.

Главный храм поддерживают тридцать шесть круглых деревянных столбов, испещренных резьбой. В центре храма — гигантская фигура Лао-цзы. Мыслитель в красном халате и с золотой короной на голове. За ним двенадцать апостолов в белых халатах и черных шапочках. Тихо звучит музыка — даосы играют на флейте, трубят в раковины, бьют в медные тарелки и палкой о палку.

У даосов нет аллергии на фотокамеры, они разрешают фотографировать, только просят, чтобы фотографии с их собственным изображением не появлялись в печати. «Мы не любим чрезмерного внимания к своим персонам и шума вокруг себя. Когда наши лица путешествуют отдельно от нас, нам плохо».

Монахи в свободных синих платьях до пят старательно выводят кисточками на рисовой бумаге иероглифы и размышляют о жизни. Их постулаты кажутся простыми, а вдумавшись — не достанешь дна. Мой переводчик читает с листа: «Человек при рождении нежен и слаб, а после смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежны и слабы, а при гибели тверды и крепки. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое есть то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает, а, подобно крепкому дереву, гибнет. Сильное и могущественное не имеет того преимущества, какое имеет нежное и слабое. Вода — самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного. Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое. Это знают все, но люди не умеют этим руководствоваться. Мудрый человек говорит: кто принял на себя унижения страны — становится государем, и кто принял на себя несчастья страны — становится властелином».

Смысл бытия, говорят даосы, в неделании. По-нашему, в совершенном бездействии, подобном состоянию, какое испытывает на волнах щепка, уносимая рекой к океану. Отчего появилось зло? Оттого, что люди, интересуясь, узнали о существовании добра. Почему на свете существует безобразное? Потому что людям открылась красота красивого. Не знай мы высокого, мы бы не замечали низкого.

Вопрос о том, как относиться к смертной казни за провоз и торговлю наркотиками, у даосов не вызывает интереса, они стараются перевести беседу в другое русло, но когда я возвращаюсь к вопросу в третий и четвертый раз, старый даос сказал, не прекращая водить кистью по бумаге:

— Мы против насилия по отношению к любому живому существу, даже насекомому; наш мир — сострадания, любви, развития духа — не знает злобных чувств, в том числе отмщения. Но намерение властей остановить наркотики — понимаем.

Наркотики в Китае допекли всех.

— Что делать, когда человек привык к наркотикам? — спрашиваю я.

— Вы ничего не можете поделать. Все зависит от воли человека. Он сам выбирает свой образ жизни, и никто ему не поможет, пока он не решит помочь себе сам. Каждый по-своему понимает смысл жизни. Со стороны никому нельзя помочь.

Из Сычуани до соседней провинции Юньнань (центр Куньмынь) не больше двух часов полета. Пограничная провинция полна наркотиков, поступающих по горным тропам из наркосеющих районов смежных государств — все тех же Мьянмы, Лаоса, Таиланда.

Если, прилетев в Куньмынь, сесть в ночной поезд, утром окажешься на перроне вокзала Дали, на озере Эрхай с буддистскими храмами. В великолепном парке три древние пагоды, достающие до облаков. Это центральная часть древнего монастыря Чуншэнь. Вокруг цветущие рододендроны (китайцы их зовут «кукушкины цветы») и море камелий — от белоснежных и розоватых тонов до фиолетовых, почти черных. Камелии этой местности дарили китайскому императору, они стали гордостью его сада в Пекине и распространились по всему Китаю. Здесь благодарственно повторяешь: как прекрасен дарованный нам мир!

Утопающий в зелени Дали — самый близкий к китайско-мьянманской границе пункт перевалки наркотиков. Усиливая контроль над горными тропами, правительство Китая нашло способ, как предотвращать или хотя бы сокращать наплыв опиатов из соседних стран. В 1997 году китайцы предложили мьянманцам приграничной полосы (Шанская национальная область) заменять посевы мака на посевы риса, зерновых, сахарного тростника, гарантируя закупать урожай по мировым ценам. Мьянманцы поверили соседям. Гектар сахарного тростника приносит втрое больше дохода, чем гектар опийного мака. Больше не надо маскировать участки в лесах и волноваться, когда пролетают патрульные самолеты. За пару лет две трети мьянманских крестьян перешли на выращивание сахарного тростника. Опыт китайцев доказывает: существует возможность для заинтересованных государств применять этот ненасильственный подход к владельцам плантаций наркотических растений не только в пределах собственной страны, как это практикуют боливийские власти в Чапаре, но и по другую сторону границы, как это удалось китайцам.

Водитель такси Чан, с которым мы выезжаем из города, местный уроженец, приветливый и

разговорчивый. Машина бежит по государственной дороге в сторону Мьянмы, вдоль кипарисов и туи, за которыми белые одноэтажные домики — контрольные посты, проверяющие транспорт, идущий в обратном направлении, от китайско-мьянманской границы. По словам Чана, в последнее время полиция очистила город от наркоманов. Много молодых людей от девятнадцати до тридцати лет отправлены в центры принудительного лечения.

— Их возят по этой же дороге...

У Чана хорошее настроение. Жена — продавец газет, шестилетняя дочь в детском саду, на жизнь хватает. Среди знакомых есть любители наркотических забав, но попался только приятель его знакомых — не в Дали, а в Гоуанчжоу. Взяли при перевозке на грузовике большой партии «льда». Несчастливого казнили вместе с шестью сообщниками. Сам Чан ничего не имеет против смертной казни. Власти, считает он, отвечают за безопасность государства и вправе наносить кому следует «сокрушительный любовой удар». Так думают многие китайцы. Они доверяют властям и не желают возвращаться во времена, когда в опекурильнях собиралось больше людей, чем в храмах.

В Юньнани, кроме ханьцев, живут два десятка малых народностей. Их можно увидеть всех разом, побывав в построенном под Куньмынем этнографическом музее под открытым небом. Там весь день маленькие электромобили снуют по дорожкам. В сопровождении очаровательных девушек, представляющих какую-либо из народностей и одетых в традиционную для этой народности одежду, за день можно объехать поселение. Входить в домики с типичной для каждого народа архитектурой и утварью, говорить с молодыми людьми, готовыми рассказать об обычаях предков, показать песни и танцы и позировать перед вашими фото- и кинокамерами.

Бросив вещи в отеле, мы поймали машину и отправились из Куньмыня в знаменитую «деревню». Меня интересовали участки двух народностей — и-дзу и хуэй-дзу.

Наружные стены глинобитного дома и-дзу прикрыты от крыши до земли ожерельями золотистого репчатого лука, красных перцев необычайной величины. Проводницы по участку — широколицые девушки и-дзу, поигрывая зонтиками, укрывающими их личики от солнца, показывают плуги и бороны, ведут на экспериментальное поле с поливочной машиной, приглашая полюбоваться образованной струями воды радугой.

— «Правда, красиво?» — допытываются они, не успокаиваясь, пока гости не проявят восторг. Я преклонялся перед трудолюбивым живущих в горах и-дзу, неутомимых земледельцев, как все китайцы, но не мог забыть рассказы моих случайных знакомых: молодые и-дзу и хуэй-дзу, смелые люди, прекрасно знающие местность, как раз и есть перевозчики наркотиков от лежащего на границе с Мьянмой поселка Баошань по тайным тропам и дорогам Китая.

Когда мы прощались, я спросил подруг, правду ли говорят, что некоторые парни и-дзу зарабатывают на жизнь переносом наркотических веществ.

— У нас таких нет! — бойко ответила одна.

— Мы с такими не водимся, — уточнила другая.

Электромобиль остановился у усадьбы народности хуэй-дзу. Моими гидами оказались девушка и парень, оба в национальных одеждах, похожие на участников фольклорного ансамбля. Я слышал, по склонности к частым переездам, к торговле и промыслу конным извозом хуэй-дзу похожи на цыган. Но, сколько ни всматривался в их лица, ничего «цыганского» в них не заметил. Меня завели в просторный дом-музей со множеством бытовых предметов, вырезанных весьма искусно. Хуэй-дзу, к слову, исповедуют ислам, это заметно в их одежде и убранстве дома. Люди этой народности селились вдоль главных дорог провинции и на лошадях перевозили грузы по Китаю, в Тибет и Непал. Торговля, риск, быстрый оборот денег — их призвание. Когда не было товаров для легальной торговли, они перевозили оружие в Гонконг, а с провалом этого рынка принялись за доставку наркотиков.

Это не первое знакомство хуэй-дзу с наркотическими веществами. В период между окончанием опиумных войн и победой народной революции Юньнань была французской колонией; пришельцы заставляли крестьян засеивать поля опиумным маком и сами торговали опиумом. Многие хуэй-дзу, по преимуществу бедняки, жили в горах Сычуани на границе с провинцией Юньнань. Услышав о французских экспериментах, они предложили пришельцам торгово-транспортные услуги. Помимо опиума, развозили героин, который сами же и доставляли сюда из Индии, пробираясь через Непал и Тибет. Заработав на наркотиках, сегодняшние хуэй-дзу раз в год отправляются в Мекку поклониться Святой земле, а затем возвращаются в Куньмынь к месту постоянной рискованной работы⁴.

И-дзу и хуэй-дзу, не желающих заниматься запретным промыслом, можно встретить в торговых лотках, в мастерских по пошиву одежды, на промышленных предприятиях, среди сотрудников туристических агентств, в том числе в расположенном в ста двадцати километрах от Куньмыня природном заповеднике «Каменный лес». На огромном пространстве ветры и дожди за миллионы лет изваяли меж озерами и водопадами причудливые скалы. Одиночные, парные, собранные в группы, они образуют скульптурные композиции, в которых без труда обнаружишь черты классического реализма, импрессионизма, сюрреализма. Переходишь от скалы к скале, стоишь перед ними, задрав голову, пока не одеревенеет шея, и думаешь: если бы природа и человек, ее венец, состязались бы в игре фантазии, верх, конечно же, одержала бы природа.

В осенней траве, в тени каменного леса, в котором чувствуешь себя лилипутом, приходит мысль о драматизме краткого пребывания человека на Земле. Мы являемся в прекрасный, не устающий удивлять нас красотой и разнообразием мир, пробуждающий высокие стремления, помогающий мыслить, но при всей его щедрости, при явной расположенности к нам не способный чувствовать и думать вместо нас. Это должны делать мы сами. Обидно уступать соблазнам обманчивых усад и, давая обмякнуть в безделье мозгу и сердцу, теряя время, лишая себя истинных радостей жизни. Каменный лес предлагает думать о вечном. О возникшей задолго до появления каждого из нас нашей встроенности в мудрый всепроникающий Космос.

Машина бежит по государственной дороге № 320.

На пятнадцатом километре видим синий щит-указатель: поблизости центр принудительного лечения наркоманов. Тот самый! Крупный реабилитационный центр, о котором я слышал в министерстве общественной безопасности в Пекине. Как же я не предвидел такую возможность, не предусмотрел, не запасся нужными бумагами?! Ведь знал же о неумолимости китайского чиновника в ситуации, связанной с качеством оформления любого документа. Я ругал себя последними словами. Будучи почти у ворот центра принудительного лечения, горько жалея о своей недалекости, я все же прошу водителя подъехать к воротам в надежде поговорить хотя бы с кем-нибудь. Минут через десять наша машина тормозит у каменной арки со стеклянной будкой комендатуры и красным щитом: «Если мы не искореним наркомафию — потеряем нацию» — слова Цзян Цзиминя, Председателя КНР.

Дежурные офицеры долго выясняют, кто мы и откуда, идут куда-то звонить, но помочь ничем не могут. Воскресный день! Без разрешения пекинских властей нас не могут пропустить во внутреннюю зону — особо охраняемый городок с жилыми, производственными, лечебными помещениями, беговыми дорожками, площадкой для строевой подготовки и спортивных игр. Это мы можем видеть только издали. Офицер по имени Ли Кан все же согласился ответить на наши вопросы. Центр принудительного лечения в Куньмыне открыт в 1989 году. Строительство обошлось в двадцать четыре миллиона юаней (три миллиона долларов). В штате до пятисот милиционеров, подчиненных отделу общественной безопасности провинции Юньнань. Милиционеры в синей форме, с погонами и нашивками. Часть их работает в исследовательском отделе и имеет на своем счету изобретенный для больных антинаркотический препарат. Это капсулы под кодовым названием «6, 26». Химический состав препарата наш собеседник не знает, но если бы и знал, сообщать был бы не вправе — это ноу-хау центра. Большинство находящихся здесь мужчин и женщин страдали опиатной зависимостью, и препарат, скорее всего, предлагается как средство лечения опиатной интоксикации и поддерживающей терапии. Краткосрочное лечение даже в сочетании с психотерапией в целом не слишком эффективно, а держать здесь наркозависимых больных годами нет возможности.

— А если, освободившись, молодой человек снова потянется к наркотикам? — спрашиваю я.

— Опять заберут лечить, но на этот раз по решению суда, на три года, в трудовом лагере или в тюрьме.

Практикующие врачи, с кем я встречался в разных странах, сильно сомневаются в возможности вылечить хронически больного наркоманией вопреки его желанию, без его собственных усилий. Мне тоже не известны случаи, когда бы освобождали от наркотической зависимости человека помимо его воли. Такие попытки равносильны обещаниям разного рода «народных целительниц» излечивать алкоголиков по фотографии. Я вижу достоинство принудительного лечения в другом — страх перед перспективой попасть в жернова жестких милицейских программ вынуждает тех, кто не способен бросить наркотики самостоятельно, добровольно обращаться в общедоступные бесплатные государственные клиники, имеющие

наркологические отделения на двадцать пять — тридцать коек. Такие отделения открыты по всей стране. Их пациентам гарантирована поддержка уличных комитетов, участковых милиционеров, а также соседей, бдительно следящих за моральным состоянием живущих рядом. В Китае общественность, представленная микросредой, в которой люди обязаны знать соседей и отвечать друг за друга, часто определяет поступки индивидов.

В Юньнани 87 центров принудительного лечения и 8 трудовых лагерей. Пораженный таким их количеством, Пино Арлакки, исполнительный председатель Программы ООН по борьбе с наркоманией, назвал эту китайскую провинцию «образцом для всего мира»⁵.

Эффективно ли принудительное лечение?

Как посмотреть. За три года (1997 — 1999) принудительное лечение в реабилитационных центрах прошли 320 тыс. наркозависимых китайцев. В трудовых лагерях — 210 тысяч. Многие не смогли выносить симптомов прекращения приема наркотиков. По наблюдениям китайских медиков, больше 90 процентов больных после выписки из отделений принудительной терапии снова принимали наркотики. Таким образом, если иметь в виду число бросивших курить (большинство китайцев наркотики курят), результаты не слишком обнадеживают.

Зато наркоман, пока он изолирован, дает стране отдохнуть.

В 1993 году Управление по лекарственным препаратам министерства здравоохранения Китая выдвинуло комплексный принцип лечения наркоманов, включающий четыре аспекта: избавление от пристрастия, восстановление здоровья, предотвращение рецидива, социальная реабилитация.

При лечении наркотических зависимостей китайские медики используют средства традиционной медицины (наборы местных трав) и общепринятые химические препараты. С начала девяностых годов в работе с опийными наркоманами для детоксикации и поддержки применяют метадон китайского производства. Академия военно-медицинских наук Китая синтезировала собственный эффективный обезболивающий препарат (акцептирующий двуводородный атрофен), применяемый для ослабления опиатной зависимости, но продолжительность его действия довольно короткая. Повышению иммунитета и восстановлению здоровья наркоманов хорошо помогают традиционное здесь иглоукалывание и лекарственные растения с тонизирующими и общеукрепляющими свойствами.

Я был наслышан о научно-исследовательском Институте микроциркуляции крови в городе Нимбо, в трех часах езды на автобусе от Шанхая. Там профессор Янг Гудонг еще в восьмидесятых годах изобрел собственный антинаркотический препарат на основе белены (скополии японской). Он ездил по районам с наибольшим распространением наркотической зависимости (Жуйлинь, Выншань), испытал новое средство с применением скополамина (алкалоида растений семейства пасленовых, к числу которых принадлежит белена) и разработал способ лечения, получивший известность как метод «Один плюс один». Клинические испытания подтвердили высокую эффективность препарата и метода. По наблюдениям медиков, результаты заметно выше тех, какие удается достичь при применении препаратов группы метадона. С 1991 года за восемь лет лечение новым методом прошли восемь тысяч больных. Каждый пятый обходится без наркотиков два года, некоторые — четыре, пять и больше лет. На Всемирной выставке в Брюсселе король Бельгии удостоил доктора Янга Гудонга титула рыцаря.

В пятимиллионном Нимбо на набережной всю ночь горят огни, освещая лотки со свежей рыбой и морепродуктами. Я, конечно, не упустил возможности попробовать морские деликатесы, но задерживаться не было сил — утром предстояло быть у доктора Янга Гудонга.

Институт по улице Северной, 42 — комплекс зданий с научными отделами, лабораториями, лечебным корпусом. Сотрудники ведут фундаментальные и прикладные исследования, изучая механизмы воздействия героина на мозг и организм в целом. Эксперименты проводят с белыми мышами и обезьянами (я видел в клетках четырех подопытных мартышек). В лаборатории — приборы для микроскопического, молекулярно-биологического, экспресс-анализа. Я слушал коллег рассеянно: мне интереснее были созданные здесь новые антинаркотические препараты на основе белены. Растение было известно традиционной китайской медицине и описано в древнем «Классическом шеннонском травнике». Алкалоиды белены воздействуют на психику человека (китайцы называют их словом, звучащим в переводе как «безумие») и особенно эффективны в комбинациях с другими антинаркотическими препаратами. В поисках оптимальной дозы доктор Янг испытывал их на себе, принимая дозы, превышающие традиционные до ста раз. Созданный им препарат по воздействию похож на метадон, но не вызывает зависимости,

восстанавливает иммунную систему и выводит из организма наркотики полностью.

Мне не терпелось встретиться с Янгом Гудонгом.

Любопытство подогревали рассказы его коллег. В 1992 году некий коммерсант из Гонконга, человек средних лет, начавший принимать наркотики подростком, постоянный пациент гонконгских психиатрических клиник, не желая больше выносить боли при отмене наркотиков, рванул на своей машине через границу в Нимбо. В багажнике был запас наркотиков — на тот случай, если и здесь боль будет невыносима. Пока доехал до институтских ворот, снова начался синдром отмены. Выйдя из машины, он сильно дрожал, сам идти не мог. Медики внесли его в палату и сделали инъекцию. На следующий день, открыв глаза, коммерсант не сразу сообразил, где находится и как сюда попал. Но чувствовал себя лучше, чем когда-либо за последние двадцать лет. Прошел еще день, прежде чем он захотел есть. Пища ему показалась такой вкусной, какую он помнил с детства, когда ее готовила мама. В течение недели врачам удалось с помощью препаратов и психотерапии поставить пациента на ноги: полностью вывести из организма вещества, вызывающие пристрастие, улучшить общее состояние здоровья. Поддержали его готовность продолжить лечение до полного возвращения к нормальной жизни. С той поры участились звонки и письма больных из Гонконга: живой пример лучше всякой рекламы.

Янг Гудонг не похож на фанатика, жертвующего собой ради сомнительной идеи. Он ученый и практикующий врач необычайной целеустремленности. Когда его осенила идея использовать белену и надо было убедиться в ее полной безопасности, он испытывал препараты на себе самом, принимая по пять таблеток, потом по десять, двадцать, сорок, доводя дозу до сотни таблеток за прием. Кружилась голова, учащался пульс, что-то случилось со зрением: предметы становились расплывчатыми, тело обретало прекрасную легкость, он чувствовал себя парящим над землей. Было ясно: передозировка беленой даже в сто раз по сравнению с общепринятыми дозами — не фатальна. Экспериментируя, подвергая риску только собственное здоровье, он нашел оптимальную дозу вещества растительного происхождения, не вызывающего зависимости, способного противостоять отравлению наркотиками. При этом улучшать микроциркуляцию крови, укреплять иммунную систему организма. Это особенно важно: у многих наркозависимых больных нервные окончания выделяют токсическую субстанцию, или ядовитое вещество (ацетилхолин), вызывающее бессонницу и боль во внутренних органах. Поддерживающая терапия с применением нового препарата безопасна, не вызывает побочных эффектов, в том числе чувства угнетения, какое бывает, когда прекращаешь прием наркотиков.

С Янгом Гудонгом мы пошли по палатам.

Металлические решетки на дверях, за которыми лежат больные, прохаживающийся по коридору надзиратель в военной форме... Тюремная атрибутика неожиданна и странна; мы в бишкекской клинике отказались даже от намека на насильственное удержание пациента, полагаясь на его добровольный выбор и заинтересованность полностью пройти лечебный курс. У нас пациенты принимают пищу одновременно и в столовой, за исключением тех, кому это по разным причинам трудно, — им еду приносят в палату. А тут каждый ест в палате и в одиночку. Я рассказал, как это делается у нас, и спросил, не давит ли строгая изоляция на психику пациента.

Янга Гудонга вопрос не удивил.

— Сначала не было решеток, но врачи стали замечать, как пациенты, общаясь между собой, возвращаются к разговорам о наркотиках, к возбуждающим воспоминаниям. Кто-то, сумев тайно пронести шепотку героина, делился с другими. Это разрушало нашу задачу — помочь больным совершенно забыть о пристрастиях. Выбросить из головы.

Тут я снова подумал о принятом у нас порядке принимать больного вместе с близким человеком, заинтересованным в его выздоровлении, и еще больше укрепился в мысли, что наши созависимые, постоянно находясь рядом с больным, как раз и выполняют, помимо многого другого, функцию металлических решеток, не допускающих контактов, будоражащих пациента.

Надзиратель поворачивает ключ в металлической двери. Янг Гудонг пропускает гостей вперед, и мы входим в палату. На койке молодая женщина лет двадцати трех. Сотрудница торговой компании в Шанхае. Своей семьи пока нет, родители на пенсии — содержат небольшой ресторан.

Курит героин больше года, но систематически, по полграмма в день, — три месяца. Курить приучили подруги. В день выкуривала примерно на двести юаней (грамм героина стоит четыреста юаней). Бросить пыталась, и не раз, но больше двух дней не выдерживала. Мысль самой пойти лечиться пришла, когда милиция стала забирать подруг и отправлять на принудительное лечение. Клиника в Нимбо, предоставляющая пациентам повышенный комфорт, в отличие от других

государственных медицинских учреждений, — платная. Этой пациентке деньгами помогли родители. Полный курс (восемь дней) больному обходится в семь тысяч юаней (около тысячи долларов).

За неделю сон больной нормализовался, появился аппетит, чувствует себя хорошо. Теперь ее выпишут и порекомендуют принимать дома препарат по этой же схеме «Один плюс один». Самолечение будет продолжаться от шести месяцев до года. Это значительно снизит вероятность рецидива.

— Родители все время плакали, не могли видеть, как я страдаю.

— Как собираешься утешить их?

— У меня больше не будет подруг, которые курят.

В соседней палате двадцативосьмилетний предприниматель из-под Нимбо, состоятельный человек, владелец мастерских по выпуску пластмассовых упаковочных коробок. Все началось с того, что на предприятие приехали артисты, выступили с концертом, а во время фуршета, когда все расслабились, ему как бы шутя предложили закурить героин. Чем обернется затяжка, он не представлял, а если бы ему сказали, рассмеялся бы в лицо: это он-то не сумеет остановиться? Почти пять лет он курил героин, потом стал делать себе внутривенные инъекции. В последний год колосился не меньше двух раз в день. Пробовал бросать, давал клятвы, рыдал, чтобы никто не видел, но больше десяти дней не выдерживал. Дважды лечился по метадоновой программе: без уколов обходился по четыре месяца, но потом руки сами, говорит, находили шприц.

— У меня сорок рабочих, ни один не курит и не колется.

— А если бы? — спрашиваю я.

— Уволил бы!

Можно представить в общих чертах суть метода Янга Гудонга. Терапия предусматривает две стадии. Вначале больным назначают капельницы с раствором глюкозы в смеси с антинаркотическим препаратом и искусственно погружают в глубокий сон. В это время из организма безболезненно выводятся наркотики. Затем на стадии восстановления пациент принимает препарат растительного происхождения: он усиливает сопротивление организма патологическим факторам и укрепляет иммунную систему. Как принято в Китае, в процессе лечения больного стараются перевоспитать, давая рекомендации, каким образом, освобождаясь от зависимости, изменить прежнюю жизнь так, чтобы в ней не было места наркотикам.

Напоследок я спросил доктора Янга Гудонга, что думает он и его сотрудники о китайском законодательстве. Задавая вопрос, я только хотел укрепиться в предположении, скорее даже в надежде, что если среди миллиарда китайцев существуют люди, не согласные с правом кого бы то ни было лишать человека жизни, то это священники и врачи. Священники, как оказалось, осторожны в суждениях, но врачи-то, китайские врачи?

Янг Гудонг и его коллеги молчат. Им трудно объяснить свои ощущения чужому человеку, выросшему в другой культуре и истории. С генами иностранца, задающего вопрос, не передается ли из поколения в поколение древний этический постулат о примате интересов целого (государства, общества) над интересами личности. Твои прадеды, иностранец, не гибли в опиекурильнях, их не вовлекали в две опиумные войны, их не унижали оккупанты, их дочери (твои бабушки!) не шли в проститутки. Тебя, видно, не подводила жизнь к краю пропасти, когда государство могло спасти себя и тебя, только приняв «беззаконные законы». Все это я прочитал в глазах китайских врачей, прежде чем Янг Гудонг сказал:

— Поставим вопрос иначе: вправе ли избранная народом власть жалеть безумцев, размахивающих ядерной бомбой и уже изготовившихся для резкого броска? Какое вы сами приняли бы решение в ситуации, когда ваши семьи не защищены, а времени философствовать не осталось?

Наши с доктором взгляды на мгновение пересеклись, и я сдался: не знаю!

На прогулочном теплоходе идем к Району Тысячи Островов. Я не считал, сколько на самом деле выступает из воды кусочков суши, но, зная китайскую склонность к образным преувеличениям, смею предположить, что их все же меньше тысячи. Разбросанные до горизонта, разновысокие, часто безлюдные, кое-где обрамленные рыбацкими джонками, они выглядят устьем большой реки. Наш курс — на остров Чин Янгунг. Вместе с туристами и паломниками мы собираемся побродить по местности Цжулин («Бордовый Бамбуковый Лес»), зайти в буддийский монастырь, поклониться Гуань-инь (Гуань-ши-инь) — воплощению бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары, любимому божеству народов Юго-Восточной Азии (китайцев, корейцев,

японцев).

К монастырю ведет бетонная дорога. Машины и велорикши обгоняют бредущего по обочине бритоголового пилигрима. Я присматриваюсь к его движениям: начинает с левой ноги, четыре шага вперед, падает на колени, распластывается, вытянув руки перед собой, выворачивая ладони к небу, касается лбом земли. Поднимается в полный рост, снова шаг левой ногой, еще четыре коротких шага вперед, опять падает на колени, распластывается — так ему продвигаться четыре километра до монастырских ворот. Его движения спокойны и ритмичны. Куда спешить? Впереди вечность. Ему так идти до конца жизни, оберегая благодати своей веры — никому не делать зла, творить добро, очищать ум. Этому его учит сангха (монастырская община), прибежище для фанатиков истины, как и он сам.

Сквозь ветви мандариновых роц видишь на вершине холма парящую над островом Гуань-инь. В буддийской мифологии она из немногих божеств в женском облике. По свидетельству «Садххамапундарика-сутры», богиня может предстать в тридцати двух образах, в зависимости от того, с кем общается или к кому обращена ее проповедь. Иногда она четверорука, восьмирука, одиннадцатирука; существуют ее изображения с тысячей рук, на каждой ладони — глаза. Они наблюдают за вселенной, отыскивают попавших в беду и нуждающихся в ее помощи. Чаще всего она покровительствует женщинам, одиноким или не имеющим детей, а также людям, чьи профессии сопряжены с опасностями. Китайцы наделяют богиню способностью слышать мольбу о помощи, с какого бы далека ни звучала и какой бы тихой, даже беззвучной, ни была, — и спешить на зов.

Говорят, Гуань-инь — реальная историческая фигура, как Сиддхартха Гаутама из рода шакьев. По слухам, она явилась на эти острова из других мест, здесь проповедовала сорок лет, прошла со своими учениками весь Китай и Тибет. Из событий ее жизни, услышанных от монахов, мне запомнилась история, относящаяся к юным годам. Тяжело болел ее отец. Лекари-монахи предложили последнее средство: срочно дать умирающему крепкий мясной бульон. Гуань-инь отрезала часть своего бедра и бросила в кипящий котел.

У монастырских ворот богиню охраняют четыре каменных бодхисаттвы. А над храмом вознесена сама Гуань-инь, с согнутой в локте левой рукой и приподнятой на уровень плеча правой. Ладонь правой руки развернута и открыта миру, как экран радиолокатора, улавливающий незримые сигналы. Обе руки, как они расположены по отношению одна к другой, предупреждают о напрасных надеждах почувствовать себя в полной мере счастливым от достижения земных целей. Ищи источник счастья внутри себя, говорят руки богини.

В прохладе храма стоишь перед огромными рельефными композициями. Резьба по дереву передает мифические сказания о Гуань-инь. Можно рассмотреть, как по бурному морю плывут военные корабли с пушками на борту. Чиновник, по виду времен Цинской династии, посланный, судя по всему, для управления островами, борется с драконом, и неизвестно, как сложилась бы его судьба, не явись ему богиня. Он победил врага и, задумавшись о смысле существования, оставляет службу, уходит в монахи — поклоняться той, которая помогла уйти от мирской суеты. Так объясняли смысл композиций служители храма, извлекая из глубин памяти легенды, воплощенные в дереве.

Спускаемся к берегу. По мокрым валунам, торчащим из воды, можно вместе с паломниками пройти к скале и подняться на вершину. Все стремятся постоять здесь хотя бы мгновение, а самые терпеливые ждут, пока люди оставят скалу, чтобы скрестить на вершине ноги, прикрыть глаза и медитировать. По легенде, на этот камень опустилась Гуань-инь, когда объявилась в Районе Тысячи Островов.

У скалы встречаем бритоголовых монашек, учениц буддийской школы. Им лет по четырнадцать-пятнадцать. Весело и с усердием монашки показывают нам сохраненные камнем, омываемые волнами отпечатки обуви Гуань-инь в том самом месте, где богиня, приземляясь, коснулась скалы. Они приглашают разделить их радость, словно сами сделали это открытие, которое изумит человечество. Простите меня, милые монашки, но мое воображение поразили не вмятины, действительно похожие на следы ног, а их миниатюрные размеры. Никогда бы не подумал, что у всемогущей богини были такие маленькие узкие ступни.

Мы сидим с юными монашками на согретом камне, слушаем шум прибоя. Они в скроенных на восточный манер свободных балахонах, беззаботно щебечут. Но едва мы заговариваем о предмете, для меня и для них одинаково интересном, монашки преображаются. Наделенные умом и серьезными знаниями, они рассуждают о жизни не вполне так, как это свойственно их сверстникам. На мой вопрос, счастливы ли они, девочки закивали, и я спросил,

что, по их мнению, нужно человеку, чтобы испытывать это состояние.

— Печаль рождается от страсти. Освободись от сильных страстей и никогда не будешь печалиться.

— Если радостное настроение в душе, это счастье.

— Но что же это такое? — не унимался я.

— Быть невраждующими среди враждебных, — ответила девочка по имени Тимья. Она выглядела младше своих подруг, на вид ей было лет двенадцать-тринадцать, но в разговорах оказалась бойчее.

— Радость бывает от разных вещей. Обычные люди часто находят счастье в семье. Может быть счастливое чувство от успеха в работе, от достижения материальных благ. Когда этого нет, вы страдаете. У нас счастье совсем другое. Не причинять зла другим существам, ничего не брать у других, если нам это не дают добровольно, говорить только правду, не терять контроль над собой. Нельзя быть как лошадь, которая взбрыкивает, где и когда захочет.

Интересно, как их этому учат?

— Тимья, — спрашиваю я, — что бы ты сказала своей сверстнице, узнав, что она курит, принимает алкоголь, употребляет наркотики?

— Если бы она спросила меня, как ей быть, я бы ей советовала так не поступать. От этого вред не только ей, но страдают близкие люди. А приносить зло любому живому существу — большой грех.

— Как от него избавиться, Тимья? — продолжаю я.

— Старайтесь больше так не поступать.

— Легко сказать... Я почти охрип повторять это своим пациентам, но не все меня слышат.

— А вы не уставайте повторять.

Мы сидим на камне, свесив ноги, глядя, как по водному зеркалу скользят джонки, направляясь к пристани. Монашки молчат, им трудно меня понять, а я не могу им объяснить, почему в моей стране их сверстники не следуют простым правилам жизни, необременительным и не требующим особых усилий. Почему из пяти наставлений, от которых берет начало буддизм (не причинять вреда живым существам, ничего не брать у других, если это не дают добровольно, хранить супружескую верность, не прибегать ко лжи), для этих девушек непреложных, едва ли не самым трудным для их сверстников во многих странах оказывается пятый обязательный постулат: воздерживаться от употребления опьяняющих напитков и наркотических средств, постоянно сохранять контроль над собой?

Монашки, по возрасту мои дочери, утешают как могут:

— Из-за ощущений у них появляется сильное желание, от желаний привязанность или зависимость. Они прекратят страдать, только отказавшись от желаний.

— Объясните им: в будущей жизни такие люди попадают в нижнее царство, в подземную тюрьму. Перейти в других людей, в живые существа они уже не смогут.

— Но они больны. Им нужна помощь, а не наказание! — возражаю я.

— Каждый отвечает за свои поступки.

— Путь к освобождению для всех один.

Тимья пояснила:

— Под землей тоже есть царь. Если он заметит, что они стали вести себя хорошо, подведет их к воротам Будды и вернет в колесо перевоплощений. Падшие начнут с низших существ, но со временем им могут быть опять доступны шесть царств сансары.

Монашки знают, о чем говорят, но им трудно понять незнакомый мир, в котором живут их сверстники, выросшие в другой культуре и цивилизации.

Мы сидим на замшелом камне и смотрим в море. Рядом, протяни руку, неглубокие отпечатки ступней Гуань-инь. Богиня незримо парит над островами, всегда среди нас, всех видит и слышит. Вспоминая своих пациентов, я думаю о том, как было бы славно, если бы возможности Гуань-инь спешить на помощь простирались далеко за горизонт.

Глава двадцатая

ТИБЕТ: ТРУДНАЯ ДОРОГА К ИСТИНЕ

Мой друг Ильяс и уроки обучения сердца — На подступах к Лхасе: «Губительны не поступки, а помыслы» — Тень Будды в садах Лумбини и на развалинах Капилавасту — Пять наставлений этической практики — Что пьют на Гималаях? — Центр тибетской медицины: «Наркоманов у нас нет» — Три составляющих «внутренней теплоты» — Лама из Поталы: «Надо только поверить в себя!»

Если усталый читатель, дойдя наконец до этих последних, тибетских страниц, спросит автора: тут-то, на вершине мира, при чем наркотики? — ответу: решительно ни при чем. Ни от кого не слышал, чтобы в гималайских пещерах или среди камней, готовых сорваться с вершин, прятались контрабандисты или чтобы страдало наркотической зависимостью население, веками ищущее духовной мудрости. Когда представляешь плавающие в туманах хребты, страну высокочтимых лам, адептов тайных учений, странствующих паломников, отшельников, прорицателей, кошунственной кажется сама мысль связывать труднодоступный мир с предметом нашего интереса. Шест с черепом яка и черная полоса, которой обведены двери и окна тибетских жилищ, оберегают народ от злых духов, от пагубных привязанностей. Но наберитесь терпения, и вы узнаете, зачем мы отправляемся к живущим под облаками.

Мне не пришлось, подобно забайкальскому буряту Г. Ц. Цыбикову, выпускнику Петербургского университета, под видом буддиста-паломника с караваном из четырех верблюдов отправляться в девятимесячный путь, чтобы изучить образ жизни тибетских монахов и оставить наиболее полное по тем временам описание их святынь¹. Многие путешественники (Н. Пржевальский, П. Козлов, В. Рокхилл, Г. Бунвало, С. Гедин — список можно продолжить) добирались до гималайских предгорий, проводили на подступах к Тибету утомительные недели, ожидая разрешения властей следовать дальше, но, не получив его, поворачивали обратно.

Сегодня китайская туристическая компания берется оформить документы и за три часа доставить из Чэнду в Лхасу. Такая скорость перемещения прекрасна, но она лишает возможности постепенной адаптации организма к высокогорью, и я наслушался немало историй о том, как в тибетском аэропорту при выходе из самолета пассажирам не хватает воздуха и их снимают с трапа врачи «скорой помощи».

Ранним осенним утром спускаешься по трапу в Лхасе, воздерживаясь от резких движений. Толкают спешащие пассажиры, пропускаешь их вперед и медленно, как бы со значением, ставишь ногу на ступень, потом вторую. Оглядываешься по сторонам и осторожно, врасстяжку, точно приносиваясь, втягиваешь в ноздри прохладные комочки воздуха. Снова опускаешь ногу на ступень ниже, медля и задерживая на весу, как делал в детстве, когда входил в холодную воду.

На стокилометровом шоссе, пробитом между отвесными скалами и рекой Брахмапутра, вбираешь глазами размытые туманом ландшафты, тибетские поселки, лики традиционных буддийских святых, неожиданных на пролетающих мимо скалах. В горах пещеры. Можно представить неяркий свет лампад: огоньки золотят фигуры отшельников, смиренно сидящих, скрестив ноги, в позе лотоса и сосредоточенных на единственной существующей для них ценности — на движении собственной мысли. Постоянная смена окружающих отшельника, происходящих с ним физических и психических явлений не отражается в его жизни. Она протекает в совершенном соответствии с его представлением о круговороте бытия. Медитируя, концентрируясь на потоке сознания, он может вызывать галлюцинации и силой мысли даже

других заставить увидеть призрак, созданный его напряженной психической работой. Прибежища отшельников остаются островками божественного света в унылом мировом океане меркантильности, прагматизма, погони за внешними удовольствиями.

— Не уснули? — спрашивает переводчик Нима.

Водитель Сало всматривается в дорогу: еще клубится утренний туман.

Высота дает о себе знать. Чувствуешь легкое головокружение, слабость, дыхание учащается. Надо меньше вертеть головой. Но попробуй удержаться, когда по обочине гуськом тянутся крестьяне в одеждах из домотканого сукна, в соломенных шляпах, с огромными снопами соломы за спиной. И как пропустить пахаря, погоняющего пару черных мохнатых яков, тянущих деревянный плуг? Или не заметить отчаянно тарахтящие на обочине божьи коровки — маленькие тракторы, и одиночные беленые молельни, вокруг которых ходят по кругу согбенные люди, крутя серебряные вертушки и шепча молитву?

А над склонами гор низко кружат, подлетают к нашей машине орлы, опасно близко машут мощными крыльями. Чувствуешь себя песчинкой, занесенной ветрами в мистические края, живущие по законам, далеким от тех, которым следуешь сам и которые исповедуют окружающие тебя.

Загадочность пришла на Тибет не с буддизмом (он проник сюда в VII в. н. э.), не с его северной ветвью — ламаизмом, а много раньше, во времена первых тибетских царей и господства «черной веры», или религии бон (бон-па). Эта древняя религия, связанная с местными верованиями и культами — аналогами шаманства, была обителью сверхъестественных явлений, имела глубокие корни среди кочевого населения, долгое время конкурировала с буддизмом и дожила до наших дней. Приверженцев бон, жителей тибетской глубинки, можно встретить на торговых улицах Лхасы. Их легко узнать по черному цвету одежд. Сало просит Ниму предостеречь меня от попыток попасть в их деревни. Жители, исповедующие религию бон, заманивают чужеземцев в свои дома и во время трапезы умерщвляют оккультным ядом. Шоферы в Лхасе отказываются подвозить иностранцев к этим деревням, какие бы деньги им ни предлагали.

Трудно сказать, какие верования сегодня господствовали бы здесь, если бы царь Сронцзан Гамбо, вступивший на престол в 629 году нашей эры, взявший в жены двух просвещенных женщин — непальскую царевну и китайскую принцессу, не вступил в противоборство со жрецами религии бон. Ему на помощь пришли буддийские монахи из свиты обеих жен. Царь принял новую веру, стал завозить из Индии и переводить на тибетский язык священные книги. При нем начали строить Лхасу и первые храмовые комплексы. Однако при наследниках царя власть оказалась в руках министров, исповедовавших религию бон. Они выслали китайских и непальских монахов, стали громить буддийские храмы, уничтожать манускрипты. Довести дело до конца им не удалось. Приверженцы буддизма сумели сплотиться, разработали план устранения противников. В их числе главного смутьяна — министра Мажана. Они заманили министра в подземную гробницу и навечно замуровали выход.

В Кыргызстане я сблизился с человеком, живущим в уединении, постоянно медитирующим, воспринимающим доктрины буддизма не отвлеченно, как чужое экзотическое учение, а как личное ожидание прихода в мир нового человека, способного раскрыть колоссальную потенцию скрытых в каждом космических сил. Это известный ученый-геолог Ильяс Садыбакасов, долго работавший в Гималаях, автор интересных гипотез о происхождении культур и цивилизаций.

В домике у подножия гор под Бишкеком Ильяс составляет таблицу соответствий уровня и инструментов сознания человеческим сообществам, их культурам, характеру открывающейся народам Истины. Его мысль обращена в давно ушедшие времена, когда царил подразумный уровень сознания, а людей, образующих род, племя, клан, даже империи, еще нельзя было назвать личностями; в их среде знали фольклор (эпос, сказки, легенды, песни, танцы и т. д.), поклонялись шаманизму, магии, колдовскому культу, анимизму, пантеизму, тотемизму. Ту эпоху сменил разумный уровень сознания; он заявил о себе развитым интеллектом, способностью к аналитическому мышлению, к созданию гипотез и теорий. Ему соответствуют сообщества в форме наций и государств с просвещенными личностями, знающими философию, литературу, искусство, естественные и другие науки; с этими образованиями возникли мировые религии (буддизм, христианство, ислам) и национальные (конфуцианство, индуизм, даосизм, ламаизм, иудаизм и др.); на рациональном уровне приходит понимание бессмертия души.

Теперь, говорил мой ученый друг, нас ждет надразумный (сверхразумный) уровень

сознания. Он будет обеспечен такими инструментами, как нирвана, озарение, откровение, интуиция, прямое видение Истины. Это под силу сверхличностям, объединенным в наднациональные космогонические или космологические сообщества; их культуру будут определять Божественная Истина в виде абсолютной силы и абсолютной любви, а также трансцендентные силы (энергия, вибрации, волны, свет, скрытое сознание). Верой сверхличностей будет трансцендентный Бог, Конечная Реальность, Абсолютная Истина и то, что на Востоке называют Сатчита-нандой, проявляющейся как бесконечное бытие, суть которого в сознании. А существо сознания, в свою очередь, есть блаженство.

Несмотря на крутые изломы пути, учил меня Ильяс, человечество раскрывает шаг за шагом собственное сознание и совершает радостное восхождение к величайшим вершинам духа. Каждый из нас, познавая самого себя, постигая смысл собственного существования, неизбежно участвует в общем поступательном развитии мирового интеллекта, в совершенствовании сознания. Материальный прогресс способен создавать условия для зажиточной и цивилизованной жизни. От него зависит, удовлетворяем ли мы свои желания и получаем ли внешние физические удовольствия. Но он сам по себе не способен дать нам ощущение полного, безраздельного счастья. Это ощущение можно найти только в духовной сфере.

О путях избавления людей от страдания и постижения великого закона жизни размышлял учитель Будда Шакьямуни. Его учение, его любовь ко всему живому на Земле пробудили веру и надежду в душах людей, осознавших бесценность собственной жизни и ищущих в ней точку опоры. Я люблю те нечистые дни, когда Ильяс приходит в наш Центр, встречается с врачами и больными, и мы говорим о том, что может почерпнуть современный мир из сокровищницы древней мудрости.

Дорога до Лхасы долгая, есть время еще прокрутить в памяти поездку в Непал, к предгорьям Гималаев. В 623 году до нашей эры царица Майя Дэви, супруга царя Шуддходаны, властителя шакьев, шла в обществе слуг из Капилавасту, главного города шакьев (двести пятьдесят километров к юго-западу от Катманду), в селение к матери, как это делали все женщины ее народа, когда собирались рожать. Она сильно волновалась: в ночь зачатия ей приснился белый слон, будто он вошел в нее, и это было великим предзнаменованием. Ее ребенка ждала необыкновенная судьба. Как пророчили предсказатели, новорожденному суждено стать либо правителем шакьев, как отец, либо святым, готовым изолировать себя от мира, чтобы достичь абсолютного понимания природы вещей. Пройдя двадцать восемь километров, царица и ее свита расположились отдохнуть в садах Лумбини. Здесь царица почувствовала: час настал... Она освежила тело в пруду и под раскидистым деревом при помощи слуг родила младенца. Его назвали Сиддхартхой Гаутамой. Хотя до его явления в мир в буддийском пантеоне уже насчитывалось шесть просветленных (будд), именно Сиддхартхе Гаутаме, или Будде Шакьямуни, странствующему проповеднику, суждено было стать основателем мирового вероучения.

В садах Лумбини, когда я оказался там, было много паломников. Еще не стряхнув с одежд пыль непальских дорог, они торопятся к храму, где стены разрисованы сюжетами на тему вешего царицына сна и рождения младенца. Паломники касаются лбами статуи Будды Шакьямуни. А пройдя по дорожкам сада, задержат шаг у полуразрушенной колонны императора Ашоки, который в III веке до нашей эры объединил почти всю территорию Индии и воздвигнул эту колонну на том самом месте, где младенец, как гласит легенда, появился на свет и сразу засеменял ножками по высокой траве. Еще говорят, будто при появлении ребенка с неба хлынули разом два потока воды. Один прохладный и освежающий, другой теплый и благоуханный, они омыли мать и сына.

Полуденное солнце проливало на дорогу золотые дожди лучей, когда я брел по земле царя Шуддходаны и царицы Майи Дэви, мимо непальских деревень, где живут потомки народа шакья, направляясь к развалинам Капилавасту. В тени манговых и финиковых рощ находились царские дворцы, купальни, глиняные хижины горожан, торговые ряды, где продавали товары лучших мастеров. И хотя владения Шуддходаны не превосходили богатством и силой соседние царства, скорее, уступали им, это был уголок с плодородной землей и мягким климатом. Шакья были монголоидной расы, похожи на современных тибетцев. Они собирали плоды, сеяли рис, держали скот.

В лесах Капилавасту сегодня не поют птицы, никто не плещется в прудах, нет ни трех царских дворцов, ни крепостных стен, отгородивших столицу шакьев от беспокойного мира. На равнине, где располагался дворец правителя, теперь развалины почерневшей кирпичной кладки; из-под травы пробиваются камни. Возможно, это фрагменты когда-то мощеной улицы, по которым слуги несли на носилках Шуддходану и Майю Дэви, обмахивая господ опахалами из

павлиньих перьев. Здесь, окруженный любовью близких, рос в роскоши, учился у мудрецов, совершал священные омовения принц Сиддхартха, отдыхая среди наложниц, танцоров, музыкантов. Принц женился на двоюродной сестре Яшодхаре, одержав верх над соперниками, в числе которых был его двоюродный брат Девадатт. Яшодхара родила Сиддхартхе сына Рахулу. Со временем все трое — жена, сын, двоюродный брат — стали последователями его учения.

Путь от принца Сиддхартхи к Будде Просветленному мы знаем по легендам, которые потом использовали историки и писатели. Принцу было двадцать девять лет, когда он упросил возницу помочь ему проникнуть за дворцовые ворота. В селении он увидел бредущего по дороге немощного старика, на пороге хижины скрючился больной человек, по улице двигалась печальная процессия с пылающими факелами — как объяснил возница, это умершего несли на носилках в последний путь. Принц был ошеломлен тем, как слаб и беспомощен человек, неспособный самостоятельно направлять свою жизнь. Люди болеют, старятся, умирают, но воспринимают такой ход вещей, как повторяющийся неизбежный круговорот жизни. Как принц потом вспоминал, бесстрашие молодости и вся радость, какую он до той поры испытывал от собственного здоровья и благополучия, навсегда покинули его. Мир чувственных страстей и мир познания теперь казались ему ничтожными. Именно тогда его осенила мысль о возможности освобождения от болезней, страданий, перерождений путем прорыва от неведения к просветлению. Сиддхартха решил отречься от престола. Подойдя к ложу, принц поцеловал в лоб спящую жену и со слугой верхом отправился в путь. Вряд ли он подозревал, что его исход окажет влияние на тысячелетние духовные поиски человечества.

В лесах Сиддхартха примкнул к странствующим мудрецам-отшельникам, людям философского ума, учась у них религиозному аскетизму. Семь лет скитаний превратили его в странника с посохом, отрешенного от мирских забот, живущего на подаяния, занятого медитацией и размышлением о том, как преодолеть человеческие страдания. Он прозрел в окрестностях Буддха Гая (в двухстах километрах к юго-востоку от современного индийского города Бенарес). Здесь, в царстве Магадха, под сенью дерева джамбу, сидя в позе лотоса на циновке из сухой травы, сконцентрировав внимание на утренней звезде, когда она поднималась по небосклону, он достиг полного просветления. Ему увиделись его прошлые жизни, тайны мироздания, все вещи бытия и что всех ждет впереди. Духовный прорыв позволил ясно и резко узреть предметы такими, какие они были на самом деле, не искаженные представлениями о них. Он пришел к мысли о бесплодности выбора между двумя крайностями — удовлетворением мирских желаний и самоистязаниями аскетизма; существует срединный путь, ведущий к мудрости, прозрению, духовному совершенству. Человек способен сам, без помощи божественных сил, разрешить загадку земного существования, освободиться от бесконечных перерождений, перестать страшиться смерти. Эта мысль стала зародышем новой религии.

Сиддхартхе открылось понимание законов колеса дхармы: пока человек пребывает в невежестве, ему суждено бесконечно перерождаться в чреде сменяющих одно другого шести царств сансары, где обитают все непросветленные, переходя из благодатного верхнего состояния богов в состояние асуров, буруеваемых желанием достичь верхнего царства; им предшествует состояние ненасытных голодных духов со вздутыми животами и тонкими шеями; еще ниже — измученные существа, наказанные болью и страхами; рядом царство животных, занятых поисками пищи и истребляющих все живое; наконец, царство людей, живущих обыденными заботами, сопровождающими их от рождения через старость к смерти.

Никому не дано остановить колесо превращений и навечно задержаться в каком-либо царстве. Почувствовав себя пылинкой в круговороте мироздания, человек увидит собственную смерть и повторное рождение как естественные формы существования. Наше сознание в разное время проходит через эти шесть состояний, давая хотя бы на мгновение почувствовать бесконечную радость, невыносимую боль, острую зависть, изнуряющий гнев... Прекратить страдания можно мудростью, нравственным поведением, дисциплиной ума. Как учит Будда, человек, сумевший перед смертью разрушить три главные зависимости (страстное желание, зависть, привязанность к существованию), не должен бояться состояния, которое его ждет. Подобно тому, как река в конце концов достигает моря, так и разум умершего будет включен в более высокое существование и поведет к окончательной цели — к вечному миру нирваны. Новообращенному же (полностью просветленному) не грозит новое рождение и страдание, ему уготовано окончательное освобождение.

Из городка Буддха Гаи принц Сиддхартха Гаутама, теперь проповедник Будда Шакьямуни, прошел за десять дней почти две сотни километров до Сарнатхи, селения вблизи Бенареса. В

Оленьей роще он обратился со своей первой проповедью к пятерым монахам, осуждавшим его за отказ от аскетизма и жажду, как им казалось, земных радостей. По сути, это было обращение через них — к миру. Величие и искренность просветленного, предельная ясность умозаключений сделали монахов его друзьями и последователями. Они образовали первую буддийскую общину, которой суждено было стать колыбелью мировой церкви, сегодня насчитывающей сотни миллионов верующих.

Пять наставлений буддийской этической практики, определяющих правила поведения человека на все времена, предусматривают обязательства, которые должен принять на себя человек, намеренный противостоять губительным страстям: не причинять вреда живым существам, ничего не брать у других, если это не дают добровольно, не нарушать супружескую верность, воздерживаться от лживых обещаний. И пятое обязательство, как его адаптировали современные исследователи буддизма, — «воздерживаться от употребления опьяняющих напитков и наркотиков, чтобы не терять контроль над собой»². Мне бы не хотелось специально выискивать в буддийском учении моменты, как бы «работающие на тему», но было бы неоправданным обойти молчанием прямой завет Будды Шакьямуни.

Я еще толком не видел Лхасы, когда тибетцы, сотрудники местной туристической компании, уговорили отправиться с ними через Брахмапутру к перевалу, откуда открываются панорамы Гималаев. Мы выехали, чуть солнце позолотило пики гор. Какой простор! Горные цепи как волны: одна синее другой. Кажется, я начинаю понимать словосочетание — оглушительная тишина. Впрочем, может быть, это от высоты так наглухо заложило уши. Проводники машут, шевелят губами, но их возгласы не долетают до слуха, хотя они в нескольких шагах от меня. Голоса уносит в сторону бесшумный ветер.

Спустившись с перевала, мы остановились у пирамиды из камней. Это культ хозяина местности, обиталище добрых духов, которых путники одаривают деньгами, конфетами, платочками. Когда-то у таких пирамид тибетцы совершали коллективные ритуальные жертвоприношения. Теперь проходящие или проезжающие мимо странствующие люди оставляют маленькие дары, надеясь если не на перемены в судьбе, то, по крайней мере, на благополучное завершение маршрута. Свежие подношения вызывают улыбку: баночки из-под кока-колы, обертки жвачек, монеты разных стран...

Машина остановилась в деревне.

Дворов десятка три, дома с плоскими крышами, слегка напоминают монастыри — такие же массивные, прямоугольные, аскетичные, с маленькими узкими оконцами, способными противостоять песчаным ветрам. На первых этажах тибетцы держат скот и хозяйственный инвентарь — деревянная маслобойка, ведерки для доения овец, ступы для размола зерна. Заходим в первое попавшееся строение и по приглашению хозяев в окружении ребятишек поднимаемся по крутой лестнице. Потолок поддерживается круглыми деревянными столбами, ярко раскрашенными в красные, желтые, зеленые цвета; на комод (алтаре) фотографии высших ламаистских священников и ритуальные предметы — колокольчики, ваджра, мандала. По стенам танки (картины на сукне) с изображением будд, бодхисаттв, мирового дерева, животных буддийской мифологии. В помещении ни стула, ни табуретки — только подушки в цветастых наволочках на полу...

Хозяева провели во двор, усадили в тени за столик, угостили тсампой — главным блюдом тибетского стола. Я наблюдал, как ее готовят. Ячмень поджаривают до потемнения на сковороде, зерна идут на помол, коричневую муку снова жарят, сыпают в деревянную чашку, заливают горячим чаем с топленным ячьим маслом. В кашу добавляют масла и соли. Вязкой массе придают форму печений или рулета. Тсампа хорошо принимается организмом в любое время года и везде — под крышей дома, на пашне под открытым небом или на пешем пути в Лхасу, куда семья раз в год направляется к большим монастырям поклониться буддам и, если удастся, отвести душу в беседах с мудрыми старцами-предсказателями.

Мои спутники из туристической компании о чем-то попросили хозяев, и скоро хозяйка принесла кувшин и рюмки.

Местный самогон чанг из проросшего забродившего ячменя не слишком крепкий, похож на подогретое пиво. Путем перегонки можно из чанга получить напиток покрепче. Судя по литературе, контакт тибетцев с алкоголем не столь продолжителен, как у европейских народов, их организм пока не приобрел защитных функций и под воздействием даже слабых напитков, даже в малых дозах, разрушается быстрее. Как рассказывают сами тибетцы, несмотря на каноны

ламаизма, среди них, даже среди монахов, есть люди, генетически расположенные к употреблению алкогольных напитков и в состоянии опьянения проявляющие агрессивность, враждебность, склонность к скандалам. В городах состоятельные чиновники могут себе позволить покупать в магазинах китайскую рисовую водку, но большинство предпочитают пиво и чанг. Самогон способен вызвать зависимость, обычно наблюдаемую, когда выпивохе приходится от более крепкого спиртного воздерживаться. Содержание алкоголя в крови падает, и снять эту физическую и психическую тяжесть он может только новой пиалой самогона.

Хозяин и хозяйка, по их словам, к алкоголю равнодушны, но в доме напиток всегда есть. На случай праздника или появления гостей. Среди соседей не замечалось выпивающих сверх меры. Но сыновья некоторых, побывав в Лхасе, возвращаются, бывает, другими людьми: требуют у родителей самогон, сами его варят; в часы их веселья деревня долго не может уснуть. В горах, не избалованных событиями, об этих эпизодах вспоминают месяцами.

Пожав руки хозяевам, мы вернулись к машине и скоро спустились к озеру Ямдрок Тео.

На берегу и в воде неподвижно стоят яки с печальными глазами. Их десятка три-четыре. Похоже, они сами пришли из деревни на водопой. Мои провожатые отыскивали хозяев старого баркаса, договорились о водной прогулке, но мотор давно не был в работе, долго не заводился, а когда взревел, яки как по команде повернули головы в нашу сторону, не испугавшись, а как бы из интереса увидеть сумасшедших, которым взбрело на ум прогуливаться по озеру в этот пасмурный, ветреный час.

К вечеру возвращаемся в Лхасу.

Улицы безлюдны, только вблизи храмов по земле стелются огоньки, выхватывая из темноты морщинистые лица торговцев и их товар. Ритуальные предметы, деревянные фигурки зверей, дешевые украшения в серебре предназначены для туристов, сохранивших силы бродить по ночному городу или прокатиться в фаэтоне на велосипедных колесах мимо храмовых комплексов на холмах. По обочинам сгорбились нищие. Их обнюхивают бродячие собаки, но, не найдя ничего, что представляло бы интерес, растворяются в темноте.

В отель «Лхаса» я вернулся поздно. Миновав полукруглую входную арку, по каменной лестнице поднялся к парадному входу. В вестибюле не было ни души, кроме дежурного администратора. Он протянул ключ, интересуясь, как гость себя чувствует, не нужен ли баллончик с кислородом: к утру ожидается усиление ветра и атмосферное давление может упасть. Аптечный киоск при отеле уже закрыт, но у администратора имеется второй ключ, и он готов дать баллончик или кислородную подушку. Спасибо, мне ничего не нужно, кроме простой подушки, на которую можно опустить голову и увидеть на потолке заново, как в кино, еще один прожитый день.

— Среди тибетцев нет наркоманов, — говорит доктор Нима.

— И я не встречу никого, кто курит, нюхает, колется?

— Возможно — иностранные туристы.

— И нет тибетцев, страдающих зависимостями?

— Только от алкоголя!

Центр тибетской медицины — на улице Нян Жил Лу. У входа статуя старца с развевающейся на ветру бородой и лицом мудреца. Это великий тибетский гуманист Ютог-гонбо (708 — 833), один из самых просвещенных людей своего времени, основатель тибетской медицины. Он трижды ездил в Магадху, североиндийское царство, где достиг просветления и начинал проповедовать Будда. Но руководила врачом не тяга паломника к святым местам, а профессиональный интерес. В этом центре духовной культуры индийского общества, славного мудрецами и подвижниками, практиковавшими религиозный аскетизм, еще до появления буддизма создавались фундаментальные медицинские труды. Одним из выдающихся авторов называют врача-мыслителя Дживака Кумара (в тибетских источниках Цоджед-Шонну), современника Будды, который, по преданиям, лечил Будду. Ютог-гонбо обучался врачебному мастерству у потомков прославленных индийских медиков.

Перевоплощением Ютог-гонбо считают врача Ютог-Йондан-Гампо (XII в.). По легенде, Ютог-младший начал обнаруживать медицинские познания с трехлетнего возраста. Ему приписывают создание «Четырех тантр» («Четверокнижия»), или «Чжуд-ши», энциклопедического по охвату болезней, фармакологических средств, способов лечения древнего трактата, написанного в стихах. До сих пор его заучивают наизусть студенты тибетских медицинских школ. Хотя многие теоретические положения трактата восходят к индийским источникам, схожи с ними, все практические советы по лечению учитывают особенности климата

и флоры тибетского высокогорья. Удивительно мудрая книга! Причиной всех бед в ней называется невежество. Нет ничего в мире, учит трактат, что не могло бы быть лекарством. Вся история поисков и открытий в тибетской медицине доказывает справедливость этих слов. Некоторые буддийские источники приписывают авторство трактата Будде, которого еще называют Буддой Врачевателем.

Меня и моих спутников принимает доктор Нима, заместитель директора Центра. Он каждому подносит на вытянутых руках длинный белый шарфик — хата, мы опускаем шарфик на плечи, концами на грудь, как бы вступая в некий тайный орден. Устроившись на мягких стульях, внимаем доктору. Ему не в первый раз приходится говорить гостям, далеким от тибетских реалий, о медицине, созданной его предками. Он не строит иллюзий, будто слушатели, пусть даже медики по образованию, способны за два-три часа постичь глубину предмета. В старом Тибете будущих врачей обучали десять — пятнадцать лет.

Я не рассчитывал найти в тибетской медицине препараты или подходы, которые можно перенять для лечения наркозависимых больных, здесь почти не известных. Но хранимые традицией тайны здоровья, внимание ко всем аспектам земного существования, подчиненным единым для всех законам, вера в способность человека воздерживаться от слабостей, разрушающих его суть, поучительны системным подходом к нашим недугам. Для тибетских лекарей человек — частица вечной природы, пылинка нескончаемого Космоса. И только зная законы Вселенной, можно представить, что происходит с больным.

С древних времен у тибетских медиков существует интерес к космической сущности человека. Жизнь и страдания неотделимы от вселенского бытия; биологические и физиологические процессы в организме, в любой живой материи постоянно испытывают на себе воздействие земных, планетарных, космических сил. Утрата человеком своей связи с невидимым миром, попытки относиться к своей жизни как к изолированной от предшествующих и последующих неминуемо ведет к болезням, ослаблению мыслительных способностей, укорачиванию жизни.

Доктор Нима говорит:

— В первой проповеди в Сарнатхе Будда Шакьямуни сказал пяти монахам: мы обязаны сохранять тело здоровым. Иначе не сможем привести в порядок светильник мудрости, сохранять наш ум сильным... Но чтобы понимать тело, надо учиться слышать, о чем оно говорит.

В окружающей среде, в любой живой материи наблюдаются комбинации пяти первоэлементов (махабут) — огня, воды, земли, воздуха, пространства. Из этого исходят все концепции индийской, тибетской, китайской медицины. Пять материальных субстанций, их сочетания и пропорции, дают возможность оценить состояние здоровых и больных организмов. Они же обеспечивают функции физиологических регулирующих систем («рлунг», «мкхрис», «бадкан») и служат индикатором для определения трех основных конституциональных типов людей: холериков, сангвиников, флегматиков (меланхоликов). «Рлунг» присущ холерическому типу, «мкхрис» в сочетании с «бадкан» — сангвиническому, «бадкан» — флегматическому. Три регулирующие системы, их соотношения между собой, лежат в основе рекомендаций пациентам по образу жизни (режим труда, питания и т. д.) в разное время суток, в разные месяцы и сезоны. Болезнь — это нарушение равновесия первоэлементов в организме. Искусство врачевания — найти дисбаланс и уравновесить первоэлементы.

Так или примерно так говорил доктор Нима, не забывая подливать из термоса в наши чашки ароматный чай, приготовленный из целебных растений, собранных им и его студентами.

О фармакологии разговор особый.

Каждую осень врачи и студенты отправляются верхом в горы для сбора цветов, семян, корней, коры растений. Вполголоса повторяя божественные мантры, они с величайшей осторожностью обращаются со всем, к чему прикасаются их руки. Нельзя что-либо помять, надломить, искрошить, но все собранное следует хорошо просушить в местах, свободных от посторонних запахов, при этом растения, которые помогают при болезнях «жара» (то есть способствуют возрастанию в организме внутренней теплоты, укреплению энергетических ресурсов), сушат в тени, а помогающие при болезнях «холода» (снижающие тепловые ресурсы) — на солнце. Старинные фармакологические таблицы содержат тысячи наименований лекарственных средств растительного, животного, минерального происхождения. Как их все запомнить, уметь отыскать, различать на вкус, разбираться в силе и механизме их воздействия на организм, а еще знать способы приготовления препаратов при разных заболеваниях?

— Создав человека, природа позаботилась о том, чтобы его лечить самою собой, —

говорит доктор Нима.

Едва ли не треть сознательной жизни он провел в горах на сборе лекарственных средств. Их лечебное воздействие тибетские врачи связывают более всего с их вкусом. Они выделяют шесть вкусовых ощущений (сладкое, кислое, соленое, горькое, жгучее, вяжущее), получаемых при комбинациях все тех же стихий — земли, огня, воды, воздуха. Стихии сами по себе не образуют вкуса и не дают лекарственного эффекта, но их сочетания рожают богатую гамму того и другого. К сладким лекарственным средствам (сладкий вкус считается самым важным для поддержания жизни) тибетцы относят, например, солодку, изюм, сахарный тростник. К кислым — айву, гранат, кумыс, водку. К горьким — лимон, мускус, желчь и т. д. С этими свойствами связаны врачебные рекомендации больным. Так, при нарушениях нервной системы рекомендуются продукты вкуса сладкого, кислого, соленого, жгучего.

Центр обеспечивает лекарствами больных открытого здесь стационара и пациентов других клиник столицы, всего автономного округа. Эти препараты можно купить также в аптеках Лхасы. На складе лекарственного сырья, помимо сушеных трав, коры, корней, много лечебных средств животного происхождения. В дело идут части чела ящериц, змей, животных (рога, головной мозг, железы внутренней секреции, сухожилия и пр.), а также моллюски, пиявки, насекомые. На их основе тибетцы создали различные сыворотки, вакцины, кровезаменители, множество других средств, широко используемых и современной классической медицине. Масса когда-то применявшихся тибетцами препаратов животного происхождения до сих пор остается неизученной до конца и загадочной³.

Для меня таинственнее других были лекарственные средства из минералов или, как говорят тибетцы, «из драгоценностей, камней, земли». Я держал в руках лечебные шарики, включавшие изумруд, бирюзу, кораллы, ртуть, множество других природных соединений, представляя себе многовековые эксперименты врачей, пока удалось выявить целебное действие разных элементов на определенные части организма и установить, какие из них благотворны при лечении переломов костей, какие при воспалениях брюшной полости, какие при нервных расстройствах и т. д. Возможно, именно медикам древнего мира, открывшим целебные свойства минералов, обязаны женщины приятной традицией украшать себя камнями и носить их как талисман.

Не меньший интерес вызывали у тибетских медиков драгоценные металлы. По их наблюдениям, золото продлевает жизнь, укрепляет здоровье престарелых, предохраняет организм от вредных воздействий. Серебро лечит болезни суставов, гнойные раны, кожные заболевания... Не забыты медь, железо, другие металлы. Тибетцы подозревают, что окружающий нас мир, возникший задолго до появления человека, создан Небесами специально и с единственной целью — обеспечивать разумные существа пищей и лечебными препаратами. Потому лекарством может служить любой компонент природного окружения, даже если это стихийные силы мироздания.

Доктор Нима видит своеобразие тибетской медицины в ее установке рассматривать здоровый или больной организм через призму окружающих его природных условий, системы питания человека, образа жизни. Это три составляющих понятия «внутренняя теплота». Речь идет о способностях организма переваривать, усваивать, утилизировать пищу в широком смысле. Подразумеваются присущие этим функциям процессы, в том числе на энергетическом уровне. Продукты питания тибетцы делят на «холодные» (обладающие охлаждающими свойствами) и «теплые» (имеющие согревающее действие). При потреблении первых наблюдается понижение «внутренней теплоты», а со вторыми она идет в рост. Оптимальную и стабильную «внутреннюю теплоту» обеспечивает полное соответствие системы питания природным условиям и образу жизни. Жителям полярных стран следует рекомендовать «теплую» пищу, способную компенсировать воздействие северных холодов, а для населения, например, субтропиков для тех же целей предпочтительнее пища «холодных» свойств. Уровень «внутренней теплоты» воспринимается врачами как симптом общего состояния организма. И если, например, уровень идет на спад, можно говорить о возникновении условий для заболевания. Опытному врачу уровень «внутренней теплоты» указывает, как протекает болезнь и какие осложнения возможны. На основе наблюдений, накопленных за столетия, «Чжуд-ши» заключает: если следовать легкости и теплоте в повседневной жизни, а в системе питания поддерживать «внутреннюю теплоту», то приумножатся сила организма и годы жизни.

После возвращения из Тибета мне в руки попадутся записки доктора Еше Дондена, в пятидесятые — восьмидесятые годы личного врача Далай-ламы XIV. Согласно канонам, им

исповедуемым, общей причиной болезней является неведение живых заблудших существ, бессильных осознать природу явлений, а потому подверженных страсти, ненависти, омрачению. Эти свойства предопределены состоянием ума в прошлом, предшествующими омрачающими эмоциями. От них особый психический склад, при котором в организме нарушается баланс между Ветром, Желчью, Слизью. В учении Будды о врачевании они названы тремя жизненными началами, поддерживающими здоровье и противостоящими болезням.

При взгляде на человека буддийские медики легко различают, какое из трех жизненных начал (Ветер, Желчь, Слизь) или какое их сочетание в нем от рождения преобладает. Это тоже учитывается, когда определяют характер заболевания и назначают лечение. Иногда лекарственных средств недостаточно для излечения, и тогда медики предлагают пациентам сочетать прием препаратов с усилиями духовного свойства — раскаяться в дурных поступках, уменьшить силу их воздействия на организм благородными намерениями и поведением.

Древние тексты, в частности «Гантра устной традиции», увязывают грубые поступки, отчуждение людей друг от друга, взаимную враждебность с периодом общего нравственного упадка и вырождения. Я выписал себе в блокнот совет Еше Дондена, отвечающий моему собственному пониманию вещей: «Вам нужно осознанно избегать двух условий, способствующих болезни: негодных привычек питания и негодного поведения, каковыми является, например, обычай пить смеси различного рода алкогольных напитков... Вам надо также всеми силами избегать, насколько это возможно, различных форм неблагих поступков — трех физических: убийства, воровства и неправильного полового поведения; четырех словесных: лжи, речей, ведущих к распрям, вредных разговоров и бессмысленной болтовни; трех умственных: алчности, злых намерений и ложных взглядов. Вы должны как можно меньше допускать все это»⁴.

Тибетские трактаты учат медиков начинать лечение с перестройки сознания, с формирования здоровых понятий, доброжелательности к другим людям. Пациент приходит к врачу, полный доверия и надежд. От психотерапевтических способностей врача зависит, сумеет ли он воспользоваться этой душевной открытостью. Тибетские лекари, а это в большинстве священнослужители, не торопятся поставить диагноз прежде, чем определяют наверняка психическое состояние больного. Они не будут что-либо выпытывать и наблюдать реакцию на тесты, как это часто практикуют наши невропатологи и психотерапевты. Но по внешнему виду глаз, ушей, языка, по цвету кожи и запахам безошибочно уловят причину, нарушившую в организме равновесие жизненных сил.

В Лхасе давно и успешно изучают болезни системы «мкхрис», в том числе заболевания печени. Разрушает печень не только переохлаждение и перегревание организма, сон в жаркое время дня и многое другое, но еще употребление некоторых пищевых продуктов, включая водку. По наблюдениям тибетских медиков, алкогольная интоксикация способствует переходу острых инфекционных гепатитов в тяжелые формы цирроза. Алкоголь как одна из причин возникновения болезней «мкхрис» называется еще в «Чжуд-ши».

Все мы хотим жить долго, счастливо, без страданий. Медицина и религия указывают к этому возможные пути. Среди них — отказ от алкоголя, от наркотиков, от любой физической, ментальной, духовной распушенности. Почему же люди ведут себя как глухие? — думаю я вслух.

В тибетской медицине изучены и детально описаны восемьдесят четыре тысячи различных болезней, известны их причины и способы лечения, но ответить на вопрос или ввязываться в дискуссию доктор Нима не торопится. В этом мире все, что дышит, и человек в первую очередь, испытывает разного рода страдания, и все мы больны, независимо от того, как в данный момент себя чувствуем. Болезнь может быть дремлющей или даже спящей, до поры никак не проявляющей себя, но нет иного способа не дать болезни пробудиться, кроме как подавлять в себе страсть, ненависть, омрачения. Легко сказать, но как это сделать? Где найти силы обуздать наследственную предрасположенность, собственную психическую слабость, неспособность устоять перед соблазнами, которые предлагает запутавшийся и сам себя разрушающий мир? Прощаясь, доктор сказал:

— Вы будете в Потале, поговорите со старыми ламами. Монастырским мудрецам часто известны секреты, пока недоступные нашему слабому уму.

Лхаса — город монастырей и монахов.

На пересечении центральных улиц скульптура двух могучих яков. Они покрыты позолотой, словно на землю их отпустили боги с небес. На яках держится хозяйство и быт всех тибетцев. Особенно монашества: ячье масло идет на светильники внутренних монастырских

покоев, на изготовление храмовых лепных украшений, цветных барельефов.

Но знаковым символом города все же выступают монахи и паломники. Больше всего их на кольцевой дороге Линкор, вдоль которой стоят окнами на дорогу двухэтажные каменные дома зажиточных тибетцев. Паломники разбивают палаточные лагеря, а не имеющие даже такого пристанища, совершенно свободные от любой собственности, кроме той, которая наброшена на их костлявые плечи, ночуют там, где подкосятся ноги или застанет ночь. Милостыню они принимают без чувства униженности — со спокойным беззвучным достоинством. Вы мне милостыню, но я вам больше — прощение Небес.

С утра мы поехали к монастырю Сера («Живой изгороди из дикой розы»). Комплекс в пяти километрах к северу от Лхасы. Когда-то это был один из трех самых влиятельных тибетских монастырей. Его молельные дома, учебные заведения, хозяйственные постройки вмещали одновременно семь с половиной тысяч монахов. Любой тибетский храм был автономным городком со всеми подсобными службами, в том числе госпиталем, гостиницей, типографией, иногда со своим театром и тюрьмой. Теперь все скромнее. Какие тысячи монахов — не уверен, сохранились ли теперь в Сера их сотни две-три. Многие вместе с Далай-ламой покинули Тибет в 1959 году. Мы переходим из одного помещения в другое в густом чаду благовоний, мимо выстроившихся вдоль стен изваяний будд. Молельные залы с расписными потолками и деревянными столбами пусты, но тянущиеся посреди помещения ряды низких продолговатых столов с мягкими подушками дают представление о часах, когда здесь восседают ламы в золотых накидках, скрестив ноги, лицом друг к другу, читая священные книги и проговаривая молитвы, прерываемые боем барабанов, звоном колокольчиков, протяжными трубными звуками.

Выйдя за монастырские стены, мы поднимаемся на холм, откуда прекрасно видны летящие ввысь золотые крыши комплекса. На скалах художественная галерея — рисованные маслом по камню лики будд и бодхисаттв. Верующие идут по узкой тропе, задерживая шаг у каждого святого, и, прикоснувшись лбами, торопятся к следующему изображению, чтобы до вечера обойти всех, никого невниманием не обидев. Но не панорамы ради провожатые уговаривали меня подняться на холм. Они идут к покатоному выщербленному камню. Такой, по их словам, вряд ли можно увидеть в другой стране. Отдышавшись, я стал присматриваться к граниту с глубокими вмятинами, похожими на следы доисторического животного, наполненные дождевой водой, но не мог взять в толк, что могло бы вызвать интерес. Не метеорит ли это? Никакой фантазии не хватает мне для отгадки, чем любопытна серая глыба. Дав мне рассмотреть глыбу со всех сторон и удовлетворившись моей растерянностью, тибетцы сообщили:

— Сюда свозили умерших и на этом камне разрубали на части.

— И куда девали? — изумился я.

— На той скале сидели грифы, дожидались, пока ламы прочитают молитвы и топорами кончат свою работу. Видите мелкие выбоины? Это грифы, дерясь между собой за мясо, били по камню клювами. Они склевывали все без остатка, а кровь на камне смывали дожди. Птицы не доедают останки только плохих людей.

Тибетцы не боятся смерти, то есть переселения души в другую оболочку, но перед тем как покинуть этот мир, приглашают ламу, желая получить телепатическое напутствие, как бы облегчить душе переход к новой фазе существования. Жизнь человека, верят буддисты, повторяется бесконечно. Не обязательно на Земле, но в безграничных количествах мирозданий, чаще всего населенных. Причем существами, обитающими в более высоких формах цивилизации и по развитию превосходящими самых просвещенных из нас. Физическая смерть для души — это ее рождение для новой сияющей жизни вне пространства и времени. Как заметил монах Лобсанг Рампа, только дикари могут верить, будто после смерти кто-то им готовит жаровню и дыбу, а удачливые, оказавшись в раю, будут в ночных рубашках восседать на облаке и обучаться игре на арфе. На самом же деле, уверены буддисты, только на Земле человек подвергается пыткам, а по другую сторону жизни «мы свободны во сне и в смерти пролетать в астральных мирах самые высокие районы, которые носят название Страны Золотого Света. Мы убеждены в том, что там мы встретим тех, кого любили, потому что мы с ними были в гармонии. Но мы не встретим тех, кого презирали, поскольку презрение вызывает диссонанс, а в Стране Золотого Света диссонанс немислим»⁵.

Перед смертью человек, если еще в силах, добирается до места, где будут расчленять его труп. Он приляжет на камень и убедится, удобно ли будет ему и рубшикам. Он представит, как у этого камня в присутствии родственников усопшего — его родственников! — лама будет читать молитву. А после сильно нажмет указательным пальцем на его лоб, появится желтое пятнышко,

сквозь отверстие выпорхнет на свободу душа для переселения в другое существо. Расчленение трупа обычно проходит спокойно. Но бывают ситуации, когда процедура оканчивается долгими разбирательствами между родственниками и медиками. Например, когда в госпитале называли одну причину смерти, а при вскрытии оказывалась другая.

Из Сера мы направляемся в Джокан, главный храм Лхасы, построенный тринадцать веков назад. Он известен мастерами, формирующими и покрывающими золотой краской фигуры будд. Монастырь мне запомнился рядами цилиндров с молитвами вдоль длинных белых стен и водруженным на крыше главного храма гигантским золотым «колесом жизни», охраняемым с двух сторон позолоченными ланями. Говорят, лани были первыми существами, услышавшими откровения Будды Шакьямуни. В центре колеса угадываются фигурки свиньи, петуха, змеи, воплощающих невежество, жадность, пресыщение — источники наших пороков и слабостей. Эти три символа грехов соединены круговым движением, как будто кусают друг друга за хвост, демонстрируя мирской круговорот — взаимосвязь наших слабостей.

С крыши Джокана открывается панорама Лхасы, над нею парит вознесенная к облакам Потала, великая тибетская святыня, а внизу, только опусти глаза, под белыми монастырскими стенами толпы паломников, выстраиваясь в затылок друг другу, чуть сгорбясь, вышагивают вдоль латунных цилиндров. Коротким движением ладони вращают их, а вместе с ними опущенные внутрь бумажки с молитвами. Чаще других повторяется молитва «Ом мани падме хум» («Будь благословен, рожденный из лотоса»), в которую каждый верующий вкладывает свой тайный смысл. За рядами цилиндров на небольшой площадке несколько сотен людей, расстелив на земле плетеные из ячьей шерсти подстилки, шепчут молитвы и, воздев руки к небу, а потом сведя их на груди, опускаются на колени и падают на подстилки ниц, распластываются на них, чтобы через мгновение встать и проделать все сначала. Я стал было считать, сколько раз во время одной молитвы человек падает и поднимается, но сбился со счета. Остается поверить сопровождающим, что это положено проделать десять тысяч раз.

Солнце уходило за горы, когда мы подъехали к Потале.

Многовековая резиденция глав буддийской религии вознеслась высоко над городом. Собственным месторасположением дворец напоминает о своем божественном долге быть оплотом возвышенного учения, дарующего живущим душевный покой, а умершим — надежду вернуться на Землю, пусть в другом обличье. В начале XX столетия в Тибете насчитывалось шесть тысяч монастырей. Каждый четвертый житель был монахом, добровольно отрекшимся от всех соблазнов мира, кроме соблазна следовать учению и быть его проводником. Не было семьи, где хотя бы одного сына не отдали в монастырь. Он не возьмет в руки оружие, не обидит живое существо, не произнесет лживых слов, а будет сострадать опечаленным, развивать свой ум, совершенствовать душу. Я благоговейно смотрел на приподнятую над скалой тринадцатизэтажную суровую крепость с белыми стенами, темно-красными карнизами, с кровлей из листового золота, поражаясь тому, как его творцам удалось совместить в архитектурном обличье неприступность средневекового замка с подобием собранной из кубиков легкой игрушки.

Поталу воздвигли во времена тибетского властителя Сронцзан Гамбо, основателя Лхасы. Его жена-китаянка мудрая Вэнь Чей одарила супруга свитой китайских ученых, художников, мастеров. От них быстро пошли в рост тибетские науки и ремесла. А вторая жена, дочь непальского царя Лхачжиг Тицзун, неистовая приверженка буддизма, веры отца, привезла с собою медную статую Будды Шакьямуни, своего священного земляка. Будда, скрестив ноги, сидит на лотосе, опустив левую руку к колену и держа в правой полусогнутой руке чашку. Он весь — спокойствие, весь — сосредоточенность и мудрость. Для огромной статуи пришлось строить особый «Храм чудесного сияния» и замок на трех вершинах скалы, от которых, по преданию, берет начало тибетская столица. После пожара, уничтожившего первую Поталу, возведенную в VII веке, при пятом Далай-ламе (XVII в.), тысячи тибетцев принялись восстанавливать дворец. Когда владыка умер, его окружение, говорят, шестнадцать лет не объявляло о том народу, чтобы оплакивание не затянулось и строители не бросили бы работу.

Я смотрю на широкие каменные лестницы, полукружиями восходящие к главным дворцовым воротам. Ступени выщерблены, стерты, побиты за сотни лет миллионами пар обуви всевозможного происхождения, но людской поток не прекращается. Толпы странников торопятся подняться в одиночку и семьями, неся детей на руках и отвешивая святыням глубокие поклоны.

Смешавшись с паломниками, ты не можешь передвигаться самостоятельно. Узкая людская река перемещает тебя полутемными помещениями, от одной резной колонны до другой, строго

установленным маршрутом. Слева гигантские серебряные лампы с горящими фитилями освещают изваяния установленных справа будд. Они покрыты золотом, украшены изумрудами, кораллами, бирюзой. В золотых ступах — забальзамированные мощи предыдущих далай-лам и панчен-лам. Люди прикасаются к святыням лбами, что-то шепча, прося о своем. Трудно понять, вдыхая прогорклый запах масла, струится ли тепло к твою лицу от горящих лампад или это эманация кармических воли, излучаемых святынями. А тебя несет в новые помещения, где густые ароматические запахи, обволакивая статуи будд и покоящиеся в деревянных ячейках священные манускрипты, обернутые в разноцветные ткани, усиливают мистическое состояние и кружат голову. Над всеми мыслями главенствует одна: народ с такими сильными религиозными чувствами еще будет давать миру, тонущему во грехах, уроки душевной чистоты и мудрости.

Где-то в этих помещениях с Далай-ламой встречался Лобсанг Рампа, наделенный талантом постигать тайны астральных путешествий и видения ауры. Обнаружив невероятные способности юноши, ламы просверлили ему посреди лба дырку, прошли сверлом насквозь лобную кость, вбили в голову прочную деревянную пробку. Он провел в операционной, в полной темноте, с пробкой во лбу, около трех недель, слыша только голоса лам, посвящавших его в тайны «третьего глаза». Теперь до конца своих дней он будет видеть людей такими, какие они есть на самом деле, а не какими стараются казаться. Отец-настоятель монастыря так напутствовал ясновидящего: «Твой дар дан тебе для оказания помощи ближнему. А не для собственного обогащения. Ясновидение может открыть тебе многое, но никогда не открывай своим ближним то, что может вызвать их страдания и попытку изменить жизненный путь»⁶.

По поручению Далай-ламы XIII Лобсанг Рампа, спрятавшись за шторами резиденции в Норбулинке, ничем не выдавая своего присутствия, наблюдал за переговорами Далай-ламы с китайской делегацией. Юный ясновидец безошибочно определял по цвету и интенсивности ауры собеседников их истинные мысли.

Монахи Поталы — само спокойствие и доброжелательность. Они слегка улыбаются, словно тоже читают твои мысли. Единственное, что сгоняет улыбку с их уст и заставляет насторожиться, это если кто-то из туристов поднимает фотоаппарат и начинает прицеливаться, не уплатив монастырский сбор. Платить нужно за съемки отдельно в каждом помещении дворца. Стоимость разрешения в каждой комнате эквивалентна примерно десяти долларам. А комнат во дворце девятьсот девяносто девять. И не вздумай хитрить: в помещениях установлены глазки видеокамер, и на выходе могут возникнуть проблемы.

В одной из боковых комнат Поталы в пристенном углублении, как в пещере, сидит на циновке старый монах. Неподвижные глаза устремлены вовнутрь, не замечают никого, кто проходит мимо, не обращая внимания на бедного старца. Словно он не живой, а тоже изваянный и покрашенный, как будды, но пока не заслуживший чести, чтобы перед ним сводили на груди руки и прикасались лбами к его платью. В его глазах застыло что-то печальное и глубокое, выдающее напряженную мыслительную работу. Не из тех ли он мудрецов, кого подразумевал доктор Нима и кто способен на обдумывание основополагающих истин положить жизнь? Я долго не решаюсь нарушить его покой, но когда он замечает мое и моих сопровождающих бестактное присутствие и бросает в нашу сторону вопрошающий взгляд, я прошу моих спутников передать на его языке мои извинения и спросить, могу ли я быть удостоен чести поговорить с ним. Он еле заметным движением руки приглашает сесть рядом.

Спутники представили меня. Старец не стал, подобно многим, уточнять, где находится моя страна, о существовании которой вряд ли до сих пор подозревал; врожденная деликатность удерживает его от вопросов, которые могут нечаянно задеть чувства собеседника, но не исключено также, что у него тоже имелся прочитавший все обо мне «третий глаз», скрытый за прядью упавшей на лоб седины. Как мне сказали, монаха зовут Чжан Там, ему шестьдесят восемь, во дворце с детства. Мы заговорили о восьми заповедях Будды («Аттанга сила»), и я не удержался от вопроса, какой человеческий грех, по мнению монаха, следует отнести к самым большим. Старец посмотрел в мои глаза, приглашая поискать ответ не вне себя, а внутри и как бы не надеясь на мою перед самим собой честность, тихо добавил:

- Какой грех ты сам считаешь, что он самый большой, вот он самый большой и есть.
- А самое доброе деяние?
- Кого-то спасти.

Тогда я спросил, что делать человеку, если он по молодости и по слабости своей не всегда вел праведный образ жизни, не слишком задумывался, что правильно и что неправильно, а со

временем, когда грехи вошли в привычку, когда стал зависим от них, хочет, но не может от дурных привычек избавиться. Взгляд старца снова заставил меня уйти в себя, и я почувствовал, как горят мои щеки. Видимо, прочитав в окружающей меня ауре мои угрызения совести, лама сказал:

— Старайся больше так не поступать.

— Но как избавиться от грехов?

— Делай чаще добро.

Лама заговорил о том, как все мы являемся частью друг друга, зависимы один от другого. Никому не дано испытать полное счастье нирваны в одиночку. Он вспомнил притчу о Будде, как тот достиг небесных ворот счастья, они распахнулись перед ним. Перед тем как войти, он увидел миллионы страдающих душ, так же устремленных к благословенным воротам. И когда привратники пригласили Будду войти, он отказался: «Я не могу, пока не дождусь всех. Мы с ними одно целое. Не может рука толкнуть дверь, пока не подошли ноги. Мне придется подождать остальных».

Речь зашла о предмете моих земных интересов. Разумеется, я не надеялся услышать рецепт или практический совет, что делать с угрожающим ростом числа людей, зависимых от наркотиков. Вряд ли на этом сосредоточивал внимание старый лама, уже полвека не покидавший дворец и никогда не встречавший людей, зависимых от наркотиков. Откуда им здесь взяться? Тибетцы, мы знаем, свободны от пристрастия. Иностранцы туристы, сюда добирающиеся, обычно адепты буддистской религии, большинство их, предпочитают здесь медитировать, отвлекаясь от всех беспокойных влияний, и наблюдать свой ум, очищая его, а не затуманивая. Те же из иностранцев, кто употребляет наркотики и берет их в поездку, могут в городе искать себе компанию, в ресторане присматривать схожего с ними бедолагу. Но маловероятно, чтобы им хотелось исповедоваться перед тибетским ламой.

Лама задумался.

— Не нужно слишком часто внушать больному: «Забудь наркотики!» Это похоже на историю, когда человека заставляли не думать об обезьянах, и чем настойчивее ему об этом говорили, тем чаще обезьяны стояли у него перед глазами и являлись во сне.

— Но что делать? — повторил я.

Лама снова помолчал.

— Как я понимаю, особые химические элементы действуют на организм, вызывают красивые видения, фантазии, иллюзию удовольствий. Заменить наркотики трудно. Нечем. Человек как ребенок: он плачет, но когда ему сунут в рот конфету, успокаивается. Можно испытывать то же самое, когда занят своим делом, когда любишь это дело, когда успех приносит радость.

Похоже, лама не был уверен в моей способности достаточно полно постичь его мысль и после короткой паузы добавил:

— Есть четыре великие истины: истинные страдания, истинные их источники, истинные их пресечения, истинные пути. Страдания мы должны познать, источники устранить, сами страдания пресечь, а путь к освобождению пройти. Так учил Будда Шакьямуни.

— Что же с нами будет? — спросил я.

— Он знает! — Лама кивнул в сторону.

Среди других будд улыбался золотой Будда Майтрея, или Будда Грядущего. Он должен явиться на Землю, когда завершится текущий цикл мирового развития (через восемьдесят четыре тысячи лет) и принести всем вечную справедливость, всеобщее равенство, счастье. Ноги владыки на троне не скрещены, как обычно у будд, а опущены. Это должно означать скорое пришествие его эры. Что значит это божество для тонко чувствующей души тибетца, прекрасно выразил Николай Рерих в серии живописных полотен «Майтрея», написанных в двадцатых годах XX столетия. Картины связывают его приход с лучезарным всепроникающим светом, который прольется на Землю из таинственного царства Шамбалы, пока напоминающего о себе отблесками северного сияния. Художник считал Шамбалу «краеугольным понятием Азии», в легендах и преданиях о которой «заключается, быть может, наиболее значительная восточная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он знает пульс современной Азии»⁷.

Будда Майтрея загадочно улыбается.

Хочется верить, что наше будущее ему приятно.

Вокруг уже толпились люди, прислушиваясь к разговору. Мне было неловко и дальше отвлекать ламу от внутренней работы, которой он занят. Истина одна и та же в буддийском,

христианском, мусульманском, иудейском мирах, на Востоке и на Западе. Чтобы убедиться в одинаковом понимании добра и зла, думал я, нет необходимости далеко ездить; интересней, пожалуй, совершать путешествия, подобно мудрому старцу, по лабиринтам собственной души. Но мне предстояло возвращаться в Бишкек, к своим больным, я видел их измученные лица, отчаяние в умоляющих глазах матерей, и, когда подоспело время прощаться с ламой, само собой сорвалось с губ: что сказать моим пациентам? Ламе не надо было объяснять, что я имею в виду. Он прочитал мой вопрос, мое состояние, мое чувство бессилия раньше, чем я произнес слова.

— Для преодоления скверны, греха, страстного желания требуется воля. Надо только *поверить в себя*. Я могу, я обязательно брошу, больше не повторю. Только в этом спасение существ в круговороте бытия...

Прощай, Тибет! Ты заставляешь о многом задуматься и кое-что понять. Стремление переступить через общие законы, как через предрассудки, освободиться от их обязывающего воздействия, жить только для себя в поисках усад, развращающих ум, растлевающих душу, вызывающе противостоит прекрасной космической гармонии мира. Нам еще так много надо понять и от познания мира, а с ним собственной сущности испытать божественную радость и наслаждение. Я верю, мне хочется верить: придет новый человек, наделенный способностью раскрывать неисчерпаемые возможности своего сознания, души, всей энергетики. Он сумеет преодолеть страдания и в союзе с другими вселенскими силами, пока скрытыми от нас, ждущими нашего к ним энергичного обращения, выстоять против зла и победить.

Как сказал старый лама в Потале, надо только поверить в себя.

Надо только поверить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я заканчиваю книгу в своем рабочем кабинете, время от времени откидываясь на спинку стула, и как другие успокаиваются, перебирая четки, я ладонью вращаю глобус на моем столе. Материки и океаны крутятся на тонкой ножке, напоминая о нашей хрупкости и незащищенности в вечном кружении мироздания. На протяжении отпущенной жизни нам предстоит пройти через испытания и искушения, временами очень сильные, перед которыми трудно, почти невозможно устоять, но высшей мудростью небес любому дан шанс. Как прекрасно это выразил современный поэт: «Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу. Дьяволу служить или пророку — каждый выбирает для себя».

По натуре я оптимист, но, наблюдая почти два десятка лет своих пациентов, слабо верю в лозунги, призывающие человечество войти в третье тысячелетие, оставив наркотики, как перед входом в чистый, вымытый дом оставляют на пороге грязную обувь. Люди, употребляющие наркотические вещества и зависимые от них, шагнули в новый век вместе со всеми. Продолжая наказывать тех, кто сегодня преступает закон, прививая здоровый образ жизни малышам и подросткам, помогая каждому, кто страдает и хочет избавиться от болезни, мы должны подумать о том, как в наступающем светлом будущем жить с людьми, все-таки зависимыми от наркотиков, и что с ними делать.

Мировой опыт дает основание, по крайней мере, для трех умозаключений.

Нет доказательств бесспорного преимущества карательных действий и направленного общественного ожесточения как способов избавить кого-либо от тяги к наркотикам и от соблазна заниматься наркоторговлей. Не останавливает даже смертная казнь. Силовые приемы скорее в интересах властных структур, неспособных контролировать ситуацию, но вынужденных постоянно доказывать полезность своего существования.

Нет доказательств и безусловного предпочтения либеральных подходов как единственно способствующих оздоровлению общественной психологии и снижению уровня преступности. Выступающие против жестких мер, называя себя «правозащитниками», как бы радея за свободу личности, в том числе связанной с наркоманией и наркобизнесом, не неся при этом никакой ответственности, часто руководствуются собственными амбициями и политическими интересами.

Нет доказательств существования универсальной модели (механизма) избавления индивида или общества от наркотиков и даже принципиальной возможности создать что-то подобное. И дело не в нехватке средств для разработки модели. США, страна богатейшая, много лет вкладывает в борьбу с наркоманией и наркобизнесом больше денег, чем многие страны, вместе взятые, но не в состоянии искоренить ни болезнь, ни преступную торговлю. Стало быть, человечеству придется в обозримом будущем сосуществовать с этой бедой и применительно к особенностям каждой страны настойчиво искать пути снижения вреда.

А что бесспорно доказано?

Наше бессилие радикально изменить ситуацию опробованными способами.

Один восточный мудрец говорил: если вы не можете бросить курить, продолжайте, но наблюдайте за своими действиями, и вы скоро обнаружите их нелепость, сигарета однажды сама выпадет из ваших рук. Если человек бросит курить под чьим-то воздействием, играм все равно останется, будет напоминать о себе и зависимость проявится в какой-то другой форме. Не оставляет следа лишь то, что отпадает само собой. Проповедь сопротивления злу недействием, возможно, оправдывает себя в случае с табаком, но я не уверен в дальновидности этого подхода, когда в дрожащих пальцах не сигарета, а шприц.

Здесь надо что-то делать.

Но кто всерьез возьмется утверждать, будто знает — что?

Мы живем в прекрасные и трудные времена, когда человек, вооруженный изобретениями цивилизации, самоуверенно отбрасывает простые этические постулаты предков как предрассудки, как мешающие пути и видит в легком с ними расставании праздник освобождения. Жизнь ему видится цветущей долиной, где улады и наслаждения гейзерами бьют из-под земли.

Он добрался до волшебных струй, играющих всеми цветами радуги. Он чувствует себя богом! И не понимает скучных людей, не советующих под эти струи подставлять голову. Он подставил под струи лицо, ему хорошо, безумно тянет повторить удовольствие, почувствовать новый прилив сил. Это так прекрасно. Он не слышит, не хочет слушать, что последует выброс раскаленного пара и он будет сварен, как цыпленок в кипящем котле. Что слушать тех, кто не рожден испытать счастливой радости сумасбродства!

Но еще горше наблюдать за людьми, когда они заглядывают в страшный котел и поскорее отходят прочь, удовлетворенные: это не мой сын, не мой муж... С моими такого не случится!

Мне видится единственный способ изгнать из жизни наркотики. Он может показаться тривиальным, но пока другого, по-видимому, не существует. Не мной он придуман, две тысячи лет о нем говорят мыслители разных эпох и народов, независимо от веры, которую исповедуют. Мы избавимся от дьявольских наваждений, когда каждый обратится, наконец, к себе, к своей страдающей душе, к тому божественному, что есть внутри любого из нас, пусть даже мы о том не подозреваем. Никогда не поздно прислушаться к непреложным космическим законам, пронизывающим нашу жизнь и наступающим всюду, где бы мы ни пытались укрыться. В джунглях Амазонки, в горах Тибета, среди небоскребов Манхэттена, в хижинах Лагоса, в ночном Брикстоне, в лагерях афганских беженцев под Исламабадом — законы мироздания одинаковы.

В гармонии с окружающим миром живет только человек, имеющий духовную опору. Не так важно, в чем конкретно ты ищешь себя, каковы пути твоих поисков. Даже не то главное, религиозен ли ты, веруешь ли, — это дело твоей совести, и никого, кроме тебя, не касается. Есть люди, наблюдающие, как другие за них работают, выполняют их обязанности перед родителями и детьми, за них молятся, за них защищают родину. Но никто не может за них противостоять соблазну сомнительных услуг и разрушающих минутных удовольствий. Никому не под силу за них — за нас! — чувствовать и думать. И если научиться видеть свою связь с прошлым и будущим всего живого (не только с преходящим сиюминутным), то независимо от того, признаешь ли критерии Небес или критерии Права, ты начнешь возвращаться к вечным законам бытия. Эта связь, только она, дает ни с чем не сравнимую радость внутреннего освобождения.

Хочется закончить книгу простыми словами, которые я постоянно говорю пациентам, когда прощаюсь с ними после курса лечения, перед их возвращением в реальность нелегкой жизни: внутренне свободный человек все пересилит и победит.

А пока я надеваю глухую черную одежду, спускаюсь в залитый потолочным светом зал к своим больным, уже готовым после курса комплексного лечения пройти заключительную стадию. У медиков — помните? — она называется стресс-энергетической психотерапией. Вместе с коллегами мы ставим пациента в удобную для работы позу, его подсознание открыто для восприятия, мы должны ему помочь изменить субъективную модель мира. Я наклоняюсь к его уху и не устаю повторять:

— Ты сильный человек, мощный человек, заряженный человек. Машина! Стой спокойно, работаем, идет мощная энергетическая накачка. Помоги себе сам! Руки вперед! Оттяни руки! Сейчас ты делаешь самую важную работу в своей жизни. Отныне нет такой силы, которая заставит тебя принимать наркотики. Ты будешь радовать тех, кого любишь, своих детей, весь белый свет. Ты другим человеком возвращаешься в мир!

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

1. Опиум, гашиш, кокаин употребляли еще охотники палеолита во время ритуальных обрядов и для придания мужчинам отваги. На Ближнем Востоке опиумный мак использовали в 5 тыс. до н. э.; в Центральной и Южной Америке жевали коку в 3 тыс. до н. э.; в Китае делали настой из конопли в 2700 г. до н. э. По мнению исследователей, наркотики продолжали широко употреблять и в более поздних доиндустриальных обществах. (W.La Barre. Old and New World Narcotics: A Statistical Question and an Ethnological Reply. *Economic Botany*, 24, 1970, pp. 73 — 80; A. Pokorny. The Hallucinogens in Anthropology, Pre-history, and the History of the Plastic Arts. Paper read at the Seventh Congress of the Collegium Internationale. Neuro-Psychopharma — Cologium. Prague, 1970).

В конце 90-х гг. экспедиция Института археологии РАН при раскопках на юго-востоке Туркмении легендарной страны Маргуш (Маргианы), ровесницы Древнего Египта и Месопотамии, обнаружила в храмах огня специальные помещения для приготовления наркосодержащего напитка «наома». В глиняных сосудах нашли следы эфедры, индийской конопли, опийного мака. Это самое раннее свидетельство производства наркотических препаратов. По мнению ученых, раскопки датируются концом 3-го — началом 2-го тыс. до н. э.

2. Мировую общественность обеспокоило нелегальное использование наркотических средств «во всех новых демократических странах, которые переходят от строя тоталитаризма к демократии. Эти явления представляют серьезную угрозу национальной безопасности государств, стабильности общества и демократическим организациям», — отмечалось на международном семинаре в Бишкеке (10—12 июня 1996 г.), организованном институтами ООН и правительством Кыргызстана («Наркотики и преступность: новые вызовы»). Сводное резюме международного семинара. Бишкек, 1996, с. 50).

3. По результатам математического анализа 4384 историй болезней пациентов МЦН в Бишкеке, новая технология лечения обеспечивает результативность, превышающую показатели государственных клиник в 20 раз, многие международные показатели – в 3—10 раз (Ж. Назаралиев. Научное обоснование новых технологий лечения в негосударственном наркологическом центре. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук. М., 1998, с. 23).

Глава первая

Восемьсот километров по Памиру: контрабандисты и пограничники

1. По оценочным данным, через Центральную Азию перевозится 65% всего афганского опиума, морфина, героина (Report of the International Narcotics Board for 1998. NY, 1999, p. 45).

2. В мире 25 млн. исмаилитов (Пакистан, Афганистан, Индия, Франция, Бельгия, Великобритания, Швейцария, США, Канада, страны Южной и Западной Африки). Памирцы — единственные исмаилиты на территории бывшего Советского Союза. С 1957 г. общий духовный вождь всех исмаилитов — Ага Хан IV.

3. Д. Карамшоев, И. Харкавчук. Пограничники и жители Памира. Душанбе, 1995, с. 131.

4. По данным Международного Совета по контролю за наркотиками, контрабанда химикатов (в частности, уксусного ангидрида) в обратном направлении уже идет. Их перевозят из стран-членов СНГ в Центральной Азии и промышленных районов России в Афганистан и соседние государства, где нелегально производят героин.

5. А. Зеличенко. Аналитический обзор наркоситуации в районе действия Международною Антинаркотического Проекта ООН «Ошский узел». Бишкек, 1999.

6. На российско-таджикской границе удается задержать 5 — 10% перевозимых наркотиков; остальное растекается по России и в сопредельные страны («Наркомания в России: угроза нации»). Доклад Совета по внешней и оборонной политике. М., 1998, с. 4).

Как рассказывают больные, и это подтверждают органы правопорядка, на пути в Москву в транзитных городах перевозчиков облагают «налогом» местные преступные группировки, чаще всего чеченские и цыганские. Они перепродают наркотики уличным торговцам.

Глава вторая

Провидцы и целители из рода кытай

1. В 1984 г. в Ошской области обнаружены свитки с молитвами-оберегами. Одна из них напоминает слова хазрата Османа о том, что «Бог сотворил для человека три тысячи болезней. Кто эту молитву с искренним чувством при себе держит, того она от трех тысяч болезней, посылаемых Аллахом, предохранит, и шайтан к этому человеку дорогу не найдет...» (В. Галицкий, В. Плоских. Старинный Ош. Очерк истории. Фрунзе, 1987, с. 89). Это, если вдуматься, та же попытка лечить посредством внушения, передавая информацию, способную влиять на течение нервно-психических процессов.

2. Народное целительство, как подмечено, привлекает население еще и потому, что «переживаемый нами период полон тревог и неясностей перспектив», а в мире целительства, который сконцентрирован и направлен на пациента, «можно почерпнуть уверенность, снизить уровень тревожности» (Д. У. Адылов. Психиатрические и психотерапевтические аспекты целительства в Кыргызстане. Бишкек, 1999, с. 107).

3. Рабочие Фрунзенской табачной фабрики, «сговариваясь со спекулянтами и наркоманами, примешивали наркотические вещества конопли к табаку и выпускали папиросы, сигареты, затем сбывали их заказчикам по высокой спекулятивной цене» (Т. Усубалиев. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. Бишкек, 1996, с. 491).

4. В конце 90-х гг. дикорастущая конопля занимала в Кыргызстане до 60 тыс. га. Отсюда наркотики поступали по меньшей мере в 87 точек на территории бывшего СССР («Региональное сотрудничество правоохранительных органов в области контроля за оборотом наркотиков». Материалы семинара. Бишкек, 1996. с. 10).

5. Мак занимал в Кыргызстане 7 тыс. га, каждый давал по 200 и больше тыс. маковых коробочек. В летнее время не меньше 1,5 млрд. коробочек по 4, 5, 6 раз в сезон сквозь надрезы выделяли наркотическое вещество. Наркомания, как чума, стала распространяться по республике. Многие мои сверстники, по крайней мере разок-другой, пробовали наркотик, а некоторые привыкали и уже не могли без него обходиться.

Из официальной статистики: в 1993 г. в республике на 100 тыс. населения с наркологическими расстройствами насчитывалось 29,7 чел., в 1994-м — 32,6, в 1995-м — 43,7, в 1996-м — 53,6... (Региональная база данных по здоровью и здравоохранению Информационного центра ВОЗ по здоровью ЦАР. 1996, с. 8).

Глава третья

Молодой медик ищет свой способ врачевания

1. По данным Кыргызского республиканского центра непрерывной подготовки медицинских и фармацевтических работников (Бишкек), изучавшего в 1999 г. результативность лечебно-реабилитационной программы в МЦН (по критериям эффективности, сформулированным ВОЗ и предложенным ООН наркологическим службам как отчетные формы), из общего числа пролеченных больных с полным воздержанием от употребления наркотиков в гарантированные сроки зарегистрировано 72,6% пациентов. Из них 56,61% имели стабильный 12-месячный период ремиссии, 43,66% при 6—9-месячном воздержании перешли от употребления препаратов опия на потребление алкоголя, гашиша, лекарственных наркосодержащих препаратов. Внутривенным инъекциям большая часть их предпочла внутреннее потребление и курение.

2. От заключительного этапа (стресс-энергетической психотерапии) отказываются 70% пациентов из криминальной среды, настороженные к императивным формам внушения. Они решаются пройти сеанс только при повторном обращении в клинику.

3. Подр. об институте сопровождающих или созависимых в гл. 11.

Глава четвертая

Наркопожар в златоглавой Москве

1. В 1988—1998 гг. количество выявленных в России преступлений, связанных с

наркотиками, возросло более чем в 10 раз. Из каждых десяти имущественных преступлений шесть совершаются наркоманами. («О неотложных мерах по борьбе с распространением наркомании в России». Материалы парламентских слушаний. М., 1998, с. 4). В уличные торговцы («торчки») часто вовлекаются беспризорные дети и подростки. В России их около миллиона; каждый второй пробовал наркотики или употребляет постоянно. На учете с диагнозом «наркомания» появился шестилетний мальчик («Россия и наркотики». Краткий обзор ситуации. М., 1999, с. 4). Известны случаи, когда подростки, достав грамм героина, половину употребляют, а в другую примешивают сахар, смесь продают сверстникам, расширяя круг «подсаженных на иглу». Общее число активных наркоторговцев в Москве достигло 20 тыс. чел. («Наркомания в России: угроза нации», с. 2).

Приводимая здесь и дальше российская статистика базируется на данных ведомств, заинтересованных в одном случае их преувеличивать в надежде на прирост ассигнований, в других — преуменьшать, демонстрируя «успехи» правоохранительных органов. Тем не менее, держа в уме эту особенность, приходится оперировать величинами, называемыми в официальных материалах и печатных источниках.

2. За 1988—1998 гг. смертность от наркотиков в России среди взрослого населения возросла в 12 раз, среди детей — в 42 раза. По статистике, 92% ВИЧ-инфицированных заразились при внутривенном введении наркотиков и 8% — при сексуальных контактах или от инфицированных матерей. (Материалы научно-практической конференции «Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» и актуальные проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков». М., 1998, с. 33).

3. По официальным данным, за 5—6 лет число зависимых от наркотиков увеличилось: в Московской области — в 14 раз, в Москве — в 12, в Челябинске — в 24, в Удмуртии — в 38 раз. В середине 1998 г. эксперты оценивали число наркозависимых в России в 12 млн. чел. Учитывая родственные связи, к жертвам наркомании относят не менее 30 млн. россиян («Известия», 24.07.1998.). Официальные цифры много ниже. Так, в постановлении Государственной Думы РФ от 16 декабря 1998 г. число регулярно потребляющих наркотики определено в 2 млн. человек, пробовавших — почти 4 млн.

4. Кстати, в результате опроса студентов канадские исследователи выяснили: среди поклонников рейва число употребляющих наркотики выше, чем среди приверженцев другой музыки и иных развлечений. Лица, употребляющие наркотики, чаще тяготеют к рейву, в то время как более юные потребители наркотиков предпочитают рок-музыку (Party subculture or dens of doom? An epidemiological study of rave attendance and drug use patterns among students. — Adlaf Edward M., Smart Reginald G.-J. *Psychoact. Drugs* — 1997 — 29. № 2, pp. 193—198). Связь между музыкальными предпочтениями молодежи и их склонностью к употреблению психоактивных веществ изучали англичане. Поклонники рейва в несколько раз чаще употребляют алкоголь, табак, наркотики (марихуану, растворители, экстази), чем любители других стилей — поп, рок, хеви-метал, джаз и пр. Это характерно для всех возрастных групп подростков в обследованных районах Великобритании (Musical preference as an indicator of adolescent drug use — Forsyth Alasdair J.M., Barnard Marina, McKeganey Neil P. — *Addiction* — 1997-92, №10, pp. 1317—1325).

5. В 1997 г. наркооборот в России оценивался более чем в \$1,5 млрд. («Материалы научно-практической конференции...», с. 9).

6. На российской фирме «Авиаконверсия» разработали генератор специальных электромагнитных сигналов. Они облучают предмет, усиливая запах наркотиков до такой степени, чтобы его учуяли собаки-детекторы. Совместное применение прибора и собак позволит «увеличивать вероятность обнаружения наркотиков, упакованных внутрь сильнопахнущих посторонних веществ, а также в герметически закрытые радиопрозрачные упаковки...» («Материалы научно-практической конференции...», с. 65).

7. Комитет по безопасности Государственной Думы РФ подготовил материалы, согласно которым российский «Альфа-банк» якобы участвовал в организации транзита наркотиков из Юго-Восточной Азии через Россию в Европу. Как следует из публикаций, в конце 1993 г. в Вене состоялась встреча руководства банка с представителями колумбийских наркобаронов. Была «достигнута договоренность о «закачке» в «Альфа-банк» денежных средств из оффшорных зон (Багамы, Гибралтар) для их вложения в экономику России путем скупки акций российских предприятий» (отрывки из документов опубликованы газетой «Версия», 1999, 6—12 июля).

8. Б. Ф. Калачев. Использование достижений НТР в деятельности наркосиндикатов («Материалы научно-практической конференции...», с. 18).

9. «Известия», 1999, 20 января.

1. Голландские эксперты уверяют, что возрастной лимит на руку только подпольным торговцам: лица моложе 18-ти, не допускаемые к марихуане в кофе-шопах, ищут тяжелые наркотики, попадают в криминальную среду. Это подтверждают полицейские отчеты о торговле наркотиками на прилегающих к кофе-шопам улицах и на территории амстердамских школ.

2. Правом закрытия кофе-шопов наделено трехстороннее совещание: бургомистра, старшего прокурора округа, шефа корпуса полиции. В последнее время такие полномочия предоставлены также бургомистрам (*Drug Policy in the Netherlands*, Sept. 1997, pp. 16 — 17). Закрытие кофе-шопов, по наблюдению исследователей, стимулирует продажу наркотиков на улицах и в частных домах; растёт также число лиц, уносящих наркотики из кофе-шопов домой, там их употребляют вместе с алкоголем, что в кофе-шопах запрещено.

3. *Marijuana: Harder Than thought?* — Wickelgren I. — *Science*. 1997, №5321, pp. 1967—1968. В отличие от английских ученых, настаивающих на бесспорном влиянии марихуаны на мозг, биологи французской Академии наук затрудняются судить об этом с уверенностью.

4. Законы и инструкции в Нидерландах регламентируют культивирование марихуаны, особенно в целях коммерции и экспорта. Допускается торговля семенами, у которых уровень содержания тетрагидроканнабинола (ТГК) не превышает 0,3%. За этим следят специальные лаборатории. Власти склоняются к запрету выращивать марихуану в домашних условиях, в то же время оставляя за предприятиями право иметь конопляные плантации для промышленного использования волокна, а также кустов для оград. На эти исключения часто ссылаются наркодельцы, чтобы избежать наказания за подпольные посадки.

5. В США во второй половине 90-х гг. Калифорнийская медицинская ассоциация по результатам референдума среди населения приняла т. н. Предложение 215, допускающее право врачей прописывать тяжелобольным (в частности, зараженным ВИЧ-инфекцией) марихуану в качестве лечебного средства. Федеральное правительство опротестовало эту инициативу как противоречащую действующему законодательству (*Proposition 215: A dilemma* — Mead Alice — *J.Psichoakt. Drugs* — 1998, 30, pp. 149—153). Дискуссии продолжаются также в других странах.

6. В Нидерландах не замечено крупномасштабных действий преступных групп по борьбе за контроль над рынками крэка, как это происходит в США. В Калифорнии, например, войну за эти рынки ведут между собой и с пришлыми бандами вооруженные группировки «Бладз» и «Крепс». Жертвами их беспорядочных перестрелок становятся жители приморских городков (Проф. Д. Соломзес, проф. В. Чеурсон, док. Г. Соколовский. *Наркотики и общество*. М., 1998, с. 74).

7. В последние годы производство экстази в Нидерландах идет на спад. По иронии судьбы, страну наводняют таблетки из стран, где в свое время голландцы помогали нелегально выпускать прекурсоры для переработки в экстази (Румыния, Венгрия, Польша), не предполагая, что однажды поток направится к их домам.

8. Согласно министерству здравоохранения, социально-бытового обеспечения и спорта, в Нидерландах в 1999 г. на учете было 28 тыс. человек с серьезной степенью зависимости от психоактивных веществ. В Амстердаме (население 700 тыс.) героиновых наркоманов до 5 тыс. Из них 40% — коренные голландцы, 30% — суринамцы, 30% — живущие в городе немцы, итальянцы, выходцы из других европейских стран. Голландские медики видят значительную разницу между героиновой и кокаиновой наркоманиями: при героиновой появляется прочная долговременная зависимость; многие же кокаинисты способны отказаться от наркотика без особых затруднений.

9. Программы «Центра Еллинека» финансируются министерством здравоохранения, социально-бытового обеспечения и спорта, министерством юстиции (работа с условно осужденными), органами социального страхования, частными лицами; вместе они выделяют центру 50 млн. гульденов в год. В программы ежегодно вовлекаются 10—11 тыс. больных.

10. В 30-е гг. голландский врач Кверидо первым установил наличие причинной связи между психологическими проблемами и социальными факторами (безработица, задолженность по оплате жилья, выселение и др.). С 80-х гг. социальная интеграция признана необходимой частью любой программы работы с наркоманами, претендующей на эффективность. Трудности внедрения социальной интеграции голландцы видят в ее изначальном свойстве вступать в противоречие с традиционными взглядами на способы лечения наркоманов, что неизбежно вызывает противодействие ответственных за

медицинский аспект (Social Integration. Finally on the map. Amsterdam, 1998, pp. 1—44).

11. Исходя из «принципа целесообразности», правительство Нидерландов с 1998 г. в порядке эксперимента выдает практически неизлечимым наркоманам по рецепту врача дозы героина; в эксперимент вовлекли 750 чел. не моложе 25 лет, часто отсталых не только физически, но и умственно. Для получения дозы пациенты должны не меньше 3 лет жить в муниципалитете, где проводят эксперимент; наркотик получают в лечебном центре без права выноса за его стены. В любом случае, считают голландские медики, будет прок — получая свою дозу героина, человек не станет ради нее грабить квартиры, автомобили, прохожих.

Глава шестая Британцы за снижение вреда

1. У хронического английского наркомана уходит на разные вещества до 400 ф. в неделю. Постоянная потребность в средствах — основная причина высокого уровня преступности, особенно грабежей со взломом, ограблений, краж. В Интерполе называют цифру: с наркотиками связано 90% преступлений в стране. Почти треть заключенных в тюрьмах мужчин и половина женщин — наркоманы. За преступления, связанные с изготовлением и торговлей амфетаминами, в Англии и Уэльсе в середине 80-х гг. заключалось в тюрьму в среднем по 250 чел., а в 90-х — по 350 — 400 чел. Это меньше, чем за распространение героина (в середине 90-х гг. осуждалось примерно по 600 — 800 чел.) и кокаина (по 700 — 1000) (Statistics of drug addicts notified to the Home Office, United Kingdom, 1996. Area tables by Martin Corkery. A publication of the Government Statistical Service. London, 1997).

2. В Большом Лондоне за соблюдением антинаркотических законов («Акт о злоупотреблении наркотиками» принят в Великобритании в 1971 г.) следят 28 тыс. полицейских Скотланд-Ярда; в его отделе по борьбе с организованной преступностью (там 100 офицеров) 2/3 работы также связана с незаконным оборотом наркотиков. В 1998 г. в группе советников лондонской полиции было 32 социальных работника и 14 медиков.

Британские власти выделяют на борьбу с наркотиками ежегодно около 1,5 млрд. ф. из казны и привлекают фонды компаний («Проктор энд Гэмбл», «Маркс энд Спенсер», «Макдональдс» и др.). Но средств не хватает. Значительные капиталы приходится вкладывать в проекты по пресечению контрабанды на дальних подступах к стране.

Борьба с наркобизнесом затруднена слишком большими деньгами, которые крутятся в этой сфере. В Пакистане 1 кг героина продают по 850 ф., в Турции за него возьмут 7 тыс., в Нидерландах — 15,5 тыс., в Британии — 24 тыс. А уличные торговцы будут выручать по 72 тыс. ф. за кг.

3. Через 24 года после Олдера Райта, в 1898 г., немецкий фармацевт Генрих Дрезер снова получил это же химическое соединение. С тех пор героин стал входить в медицину как обезболивающее средство, пока не выяснилась его способность вызывать наркотическое привыкание.

4. Действительно, зачем это английскому полицейскому, если новичком он получает 12,5 тыс. ф. годовых, а став квалифицированным — 26 — 27 тыс. Годовой доход старшего офицера — от 80 до 100 тыс. Но дело не в жалованье; законопослушность здесь наследственна и не зависит от превратностей политики.

5. В конце 80-х гг. Британская разведывательная служба взялась проследить за движением химикатов, применяемых при нелегальном производстве наркотиков. Удалось раскрыть сеть подпольных амфетаминовых лабораторий. Созданный в структурах разведки отдел собирает информацию о синтетических наркотиках и прекурсорах по всему миру. Специалисты отдела проводят международные семинары для всех антинаркотических служб по распознаванию синтетических наркотиков и применяемых для их изготовления химикатов.

Британское законодательство в отношении химикатов основано на международных стандартах, определенных, в частности, Венской конвенцией 1988 г., предусматривающей закрытие всеми странами бесконтрольных путей в производстве и торговле химическими продуктами, используемыми при изготовлении наркотиков. Тем не менее некоторые крупные страны с развитой химической промышленностью не ввели эффективного контроля. Сделки по химическим продуктам, строго контролируемые в одной стране, могут в меньшей степени или вовсе не контролироваться в другой (National Criminal Intelligence Service. Annual Report 1997—1998. London, 1998).

6. Из средств, ежегодно выделяемых правительством Великобритании на борьбу с наркотиками 13% идет на лечение наркозависимости и около 12% — на профилактику. По

подсчетам М. Фарелла, каждый фунт, вложенный в лечение наркоманий, приносит 3 ф. прибыли, в том числе за счет сокращения числа потенциальных преступников.

7. В соседнем районе Кинг-Кросс создан филиал «Ангела». Семь дней в неделю действует пункт по обмену игл; его сотрудники разъезжают по улицам, предлагая наркоманам услуги этого рода, медицинские и юридические консультации; 60% обращающихся к волонтерам — бездомные. Волонтеры работают в контакте с местной полицией, которую обучают приемам психологической поддержки наркобольшных.

8. Tackling Drugs To Build A Better Britain. The Government's Ten-Year Strategy for Drugs Misuse. London, 1998, p. 1.

По подсчетам британского правительства, ежегодный совокупный ущерб (социальный, экономический, психологический, криминальный), наносимый стране наркотиками, оценивается в 4 млрд. ф. (Там же, с. 6.)

9. В среде английских подростков наиболее часто употребляемы алкоголь, каннабис, амфетамины, экстази, ЛСД. К сильным наркотикам (героин, метадон, опиум, кокаин, крэк, ЛСД, каннабисное масло, экстази и галлюциногенные грибы) обращаются реже, хотя в одном из лондонских районов 40% подростков используют именно их (The Contribution of Youth Services to Drug Education. London, 1997, p. 8).

Образовательные программы по наркотикам учитывают возраст и уровень знаний учащихся. Так, в начальной школе детям предложили представить, что они нашли сумку с наркотиками, и подумать, что и сумке еще могло быть, кто мог ее уронить, что с ней делать. Обнаруженная детьми осведомленность оказалась выше той, какую предполагали учителя. Информация помогла составить для класса более продуктивную программу занятий. Некоторые школы обсуждают программы антинаркотического обучения с родителями и к проведению занятий привлекают также полицейских, медиков, бывших наркоманов и т. д. (Drug Education in Schools. London, 1997, pp. 1—28).

Глава седьмая

Героиновые лабиринты Нью-Йорка

1. В 1995—2000 гг. в МЦН из 50 врачей пятеро защитили диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук, двое — кандидата медицинских наук (всего у нас пять кандидатов медицинских наук), трое имеют звание профессора. С 1997 г. МЦН является коллективным членом Всемирной Федерации по психическому здоровью, с 1999 г. имеет статус академической организации и коллективного члена Российской академии естественных наук.

2. США признаны самым крупным в мире рынком наркотиков. В 1993 г. американцы затратили на кокаин, героин, коноплю US \$ 48,3 млрд. (World Drug Report. United Nation International Drug Control Programme. Oxford. 1998. p. 328).

Согласно американским источникам, из федерального бюджета США на антинаркотическую борьбу направлено в 1995 г. US \$ 13.3 млрд., в 1996-м — US \$ 13,8 млрд., в 1997-м — US \$ 15 млрд. (DEA — Drug Enforce Administration. October 1996, p. 8).

3. В США существуют три завода, имеющие государственную лицензию на изготовление метадона. Он выпускается в таблетках или дискетах по 80 г, разделенных на четыре сегмента по 20 г, или в растворе («жидкий метадон»). Клиники покупают у изготовителя препарат по цене \$18 за 1000 дискет. Это в 4000 раз ниже его стоимости на нелегальном рынке. Во избежание злоупотреблений пациент обязан в присутствии медицинской сестры проглотить таблетку или выпить препарат, растворенный во фруктовом соке. Чтобы не было соблазна принимать раствор через шприц внутривенно, изготовитель предусмотрел растворимость препарата до гранул, исключая возможность их использования через шприц.

4. Героин задерживается в крови 4 — 6 часов, после чего организм требует новой дозы. Потому типичный наркоман колется до 5 — 8 раз в день. Метадон же остается в крови до 24 часов, вымывая героин и не требуя новых инъекций.

Федеральные стандарты США допускают к лечению метадоном лиц не моложе 18 лет, с минимальным стажем опийной наркотизации 1 год и при очевидной зависимости на момент обращения в клинику. Стаж наркотизации не требуется для страдающих зависимостью беременных женщин. Если больной моложе предусмотренного возраста, для него может быть сделано исключение при согласии родителей и представленных доказательствах по крайней мере двух попыток лечения наркомании или краткосрочной детоксикации.

5. По мнению Национальной Ассоциации сторонников метадона в США, предубеждения

против препарата вызваны недостатками в программах высшего образования, а также нападками приверженцев других методов, пытающихся опорочить метадон как единственное эффективное средство лечения героиновой аддикции и таким образом улучшить свои шансы на существование.

6. В начале 90-х гг. 30% заключенных в тюрьмах США признавали, что совершали преступления в состоянии наркотического опьянения. Осужденные за грабежи, кражи, незаконный оборот наркотиков чаще всего шли на преступление с целью добыть деньги для приобретения наркотиков (World Drug Report... p. 329).

Согласно докладу спецслужб США, в 1994 г. 48% всех убийств в стране (8 тыс. чел.) было связано с наркотиками (DEA... с. 4).

По данным Пола Дж. Голдштейна, наблюдавшего связи наркотиков и насилия в США, основной наркотик, приводивший к насилию, сменился на протяжении 15 лет с героина на кокаин, а затем на крэк. В 30-е гг. причиной преступлений в большинстве случаев был алкоголь (World Drug Report... p. 117).

7. Annual Report Office of the Special Narcotics Prosecutor for the City of New York. 1996, N 4.

8. Основными программами Бюро по альтернативным наказаниям остаются: «Лечение наркотической зависимости как альтернатива тюремному заключению» (продолжительность 12 — 15 месяцев); «Лечение и реабилитация беременных женщин и мам, страдающих наркотической зависимостью»; «Альтернативное выполнение вынесенного приговора путем лечения и реабилитации» (цель — помочь подсудимым в процессе лечения сохранить рабочие места и семейный статус); «Лечение подростков и образование» (программа предусматривает помощь осужденным наркоманам в профессиональном обучении, в завершении среднего образования или учебы в колледже).

9. В Нью-Йорке обследовали 2159 жертв случайной передозировки наркотиков в возрасте старше 15 лет. Среди них оказалось 646 (29,9%) ВИЧ-инфицированных. Больше женщин (37,5%), чем мужчин (27,9%). Наибольший риск инфекции наблюдался в возрасте 35 — 44 (38,8%) и 45 — 54 лет (33,7%). Смерть от передозировки опиатами была в 2,4 раза выше у ВИЧ-инфицированных. Если употребление опиатов в США будет продолжать расти, исследователи прогнозируют неизбежное увеличение также числа ВИЧ-инфекций (HIV infection among victims of accidental fatal drug overdoses in New York City— Tardiff Kenneth, Marzuk Peter M., Leon Andrew C., Hirsch Charles S., Portera Laura, Hartwell Nancy. Addiction — 1997, № 8, pp. 1050 — 1054).

10. При поступлении в школу специальных агентов DEA у абитуриента берут анализы и проводят тестирование на возможное употребление любых контролируемых веществ. Подобной проверке агент подвергается все 16 недель обучения и затем регулярно в течение всего периода работы, где бы ни находился (DEA, p. 4).

Глава восьмая

К индейцам Амазонки

за секретом божественного листа

1. По мнению исследователей, применение аяхуаски не предполагает ее использования в качестве лекарства. Вероятнее, «здесь речь идет о сильном средстве, помогающем достигнуть главной цели — дать знахарю ключ от входа в очень важную сферу культуры — причинностный мир болезней. Это позволит ему выяснить природу недуга, от которого страдает пациент, и отразить или нейтрализовать ответственную за его болезнь злую магию» (Марлин Добкин де Риос. Растительные галлюциногены. М., 1997, с. 196).

2. Для индейцев Анд кока до сих пор — средство народной медицины. Её используют при болезнях желудка, психических расстройствах, ревматических болях, для адаптации организма к разреженному воздуху на больших высотах. Социологи считают бесполезным запрещать индейцам употребление коки, пока не удастся изменить нищенские условия их существования.

3. Басука — сырой нерафинированный экстракт листьев коки, содержащий часть ее алкалоидов, а также остатки растворителей, используемых для приготовления кокаина. В ней 45 — 50% кокаина. Подр. в гл. 10.

Колумбийские медики объединяют полинаркоманов в группы взаимопомощи и моральной поддержки. После детоксикации и снятия абстиненции, считают они, почти все больные способны проходить дальнейшее лечение амбулаторно. Исключение составляют пациенты с серьезными психическими проблемами, которых лучше наблюдать в условиях стационара. Групповые занятия оказываются продуктивнее, когда в них участвуют бывшие больные, которые длительное время воздерживаются от наркотиков.

4. Исследователи находят в сухих листьях коки кальций, фосфор, витамины. Эти и другие питательные вещества считаются полезными для организма человека, всасывающего их из кокового шарика. Индейцы использовали коковый лист для лечения разных заболеваний, даже снимали с его помощью зубную боль. Они знали фармакологические свойства растения задолго до того, как в 80-х гг. XIX в. З. Фрейд стал пропагандировать кокаин в качестве лекарства.

5. Масштабы распространения кокаиновой наркомании в Европе изучены недостаточно. Однако установлено, что передозировка кокаина дает один из самых высоких процентов смертности от наркотиков. Среди жертв кокаина известны знаменитые спортсмены, киноактеры и т. д. Кокаин вызывает конвульсии, аритмию сердца, спазмы коронарной артерии, прекращение доступа крови к сердечной мышце и другие нарушения, угрожающие жизни. В США в 1985 г. от передозировки кокаина умерло более 500 чел. (Проф. Д. Соломзес и др. Указ. соч., с. 80). Помимо передозировки, причиной смерти наркомана может быть СПИД, гепатит, другие заболевания, так или иначе связанные со злоупотреблением наркотиками.

Глава девятая

Картели Колумбии:

до и после Пабло Эскобара

1. В 1996 г. уличная цена на кокаин в большинстве стран была порядка US \$ 75 тыс. за кг, оптовая — до 50 тыс. (Cocaine Situation Report. Prepared by Drugs Sub-Directorate of the ICRO — Interpol General Secretariat Lyons, France. March 1997, p. 1.).

2. В Колумбии, как во всех наркопроизводящих странах, уровень потребления психоактивных веществ довольно низкий. Общее количество потребителей оценивается в 6,5% от численности населения (более 1,6 млн.). Наибольший спрос на токсические вещества (из-за их сравнительной дешевизны) на марихуану, затем на кокаин и крэк. Торговая практика Патрисии обычна. Подавляющее большинство уличных торговцев пользуются прикрытием местной полиции, с которой делятся доходами.

3. Центр «Прометей» имеет в штате 15 лечащих врачей и предоставляет следующие услуги: индивидуальная терапия; терапия супружеских пар; семейная терапия; групповая терапия; трудовая терапия; физическая реабилитация; спорт и др. (PROMETEO: programas de education; tratamiento y orientacion social; en el campo de las drogas. Santafe de Bogota, 1998).

4. Согласно национальному опросу (1992 г.), больше всего каннабис распространен в среде колумбийских школьников и студенчества (World Drug Report...p. 262).

5. Л. Рон Хаббард — автор более 800 работ, в том числе художественных произведений и научных трудов в области философии, наркологии, педагогики; его считают создателем дианетики (науки о человеческом разуме) и религиозной философии — саентологии. В 70-е гг. он разрабатывал методы решения нравственных и физических проблем, вызванных употреблением наркотиков. Он предложил эффективный и безопасный способ удаления из организма накапливающихся в жировой ткани химикатов при помощи физических упражнений, сауны, специальной диеты, добавки масел и витаминов в пропорциях, способствующих их выведению с потом, сальными выделениями, мочой. Его последователи есть во многих странах мира, в том числе в России.

6. В Медицинском Центре в Бишкеке отделение физиогенной детоксикации (сауна) предусматривает 10-минутную пробежку по беговой дорожке, после парилки (при температуре 100 градусов, с веничком) — холодный бассейн, затем снова парилка, так три-четыре раза. Для усиления потоотделения пациенты пьют чай с шиповником. После первого захода больной получает легкий ланч, отдыхает 45 мин., может поспать. Продолжительность всего сеанса 3 часа. Физиогенную детоксикацию больные проходят на 12 — 15-й день после поступления, уже приняв достаточное количество медикаментозных средств; при всей их эффективности часть лекарств обладает токсическим действием. При детоксикации горячим паром их остатки также выводятся из организма.

7. Обычно пасту (в ней 25% чистого кокаина) получают на четвертой-пятой стадии химической обработки листьев коки, но в некоторых местах коммерсанты предпочитают обратный процесс: чистый кристаллизованный кокаин растворяют в воде, в раствор добавляют ацетон; после испарения на стенках сосуда остается коковая паста, или басука. Ее производство дешевле кокаина. Низкие цены привели к широкому распространению пасты в школах, университетах, ресторанах, банях, барах, кафе, на молодежных дискотеках. Она стала ходовым товаром уличных торговцев, предлагающих проходим пакетики. Одного пакетика хватает на четыре-пять сигарет. Чаше всего басуку курят в смеси со

слабым табаком, изредка — с марихуаной, кокаином, другими химическими веществами. Кое-кто сопровождает курение басуки приемом алкогольных напитков, обычно агвардиенте («огненной водки») — самогона из сахарного тростника.

8. По данным Управления Национальной полиции Колумбии, в стране 79 500 га плантаций коки, 6600 га — опиумного мака, 5000 га — конопли. Общая площадь наркотических культур 91 100 га. Это база для ежегодного производства 555 т кокаина, 6,6 т героина, 7500 т марихуаны.

По информации производителей, с коковых плантаций собирают 6 урожаев год. С одного га при каждом урожае берут 80 мешков листа; из них получают 1,6 кг кокаиновой основы, или 1,44 кг чистого кокаина. Таким образом, 1 га коковых плантаций дает 8,64 кг чистого кокаина (сведения привел в беседе с автором полковник Б. Нуньес, заместитель начальника управления антинаркотической полиции Колумбии).

9. Впрочем, вот наблюдения обнадеживающего свойства. В России 1 г кокаина дилер может продать за US\$ 150 — 200; есть еще в стране богатые люди. В Европе, например, за 1 г больше US\$ 80 — 100 никто не даст. И все-таки кокаиновый бизнес меньше всего может рассчитывать на успех. Российский средний класс для емкого стабильного рынка пока недостаточно многочислен. У большинства других людей, склонных к наркотикам, лишние деньги тоже не водятся.

10. Здесь и далее частично использованы факты биографии П. Эскобара, приведенные в кн.: Luis Canon M. El Patron. Vida y muerte de Pablo Escobar. Santafe de Bogota, 1998.

Глава десятая

Боливийцы перед выбором:

ананас или кока

1. В провинции Лос-Юнгас выращиванием коки заняты 10 тыс. крестьянских семей, в провинции Чапаре — 35 тыс. Таким образом, выращивание коки дает средства к существованию по меньшей мере 200 — 220 тыс. боливийцев (не считая рабочих чайной фабрики и др.).

2. Листья боливийской и перуанской коки перерабатываются на химическом комбинате в Нью-Джерси (США); из них производят вытяжку кокаина для использования в медицине, а остаток в малых дозах применяют более чем в 155 странах для придания кока-коле специфического привкуса (National Geographic. vol. 175, 1989, p. 10).

3. В 1997 г. боливийские власти разгромили больше 6 тыс. подпольных лесных лабораторий и конфисковали 16 т кокаина. Это 20 — 30% от общего объема производимых в стране наркотиков, находящихся в обороте.

Для усиления контроля над ввозимыми в Боливию химикатами для производства кокаина с января 1998 г. вступил в действие «План Солнца», предусматривающий пресечение контрабандной поставки в наркосеющие районы, прежде всего в департамент Кочабамбу, соляной кислоты, серной кислоты, ацетона, уксусно-кислого ангидрида, а также других веществ, используемых в технологии переработки кокового листа в наркотики.

4. Одно время значительная часть боливийской кокаиновой пасты вывозилась в Колумбию и Бразилию для переработки на созданных там подпольных производствах в чистый кокаин для последующего экспорта в Европу и США. С 80-х гг. этим занимались колумбийские наркокартели, в частности П. Эскобар и братья Родригес. С середины 90-х гг. боливийский наркобизнес стал самостоятельно искать выходы на мировые рынки.

5. В «Сан-Висенте» стараются привлечь к общей работе родственников обитателей центра, их семьи. Многие боливийские медики убеждены в необратимости патологических состояний как особенности наркомании, но в «Сан-Висенте» так не думают. По крайней мере, предпочитают сосредоточиваться на примерах, пусть не частых, когда пациента удается довести до выздоровления, вернуть в привычную социальную среду.

6. Боливийская стратегия на 1998 — 2002 гг. предусматривает финансирование в размере US \$ 952 млн., из которых US \$ 700 млн. направляется на альтернативное развитие, US \$ 108 млн. — на уничтожение посевов, US \$ 129 млн. — на запреты и US \$ 15 млн. — на профилактику (Estrategia Boliviana de la Lucha Contra el Narcotrafico. La Paz, 1998, p. 16).

Особенность этого пятилетнего плана — ставка на вовлечение в борьбу с наркотиками всего боливийского общества, независимо от возраста, социального статуса, места проживания. Впервые правительство призвало само население быть активными участниками новой стратегии.

7. Дневниковые записи Че Гевары свидетельствуют о настороженности властей, подозревавших его отряд в незаконных операциях с наркотиками: «Под проливным дождем пришел Лоро (Васкес Мичикадо), который сообщил, что Альгараньяс дал ему понять, что

он много знает. Он предложил войти в пай с нашими людьми на ранчо и заниматься с ними производством кокаина или же чем-то еще, чем они заняты... В поисках «фабрик наркотиков» туда на джипе приехал лейтенант Фернандес и четверо полицейских, одетых в гражданское платье. Они обыскали дом, и их внимание привлекли некоторые странные для них вещи: например, горючее для наших ламп, которое мы не успели отнести в тайники...» («Боливийский дневник», Цит. по рус. перев. в прилож. к журн. «Новое время», № 42, 1968, 18 октября).

Глава одиннадцатая
Бразильский карнавал
с запахом марихуаны

1. В 1997 г. в 608 фавелах Рио-де Жанейро проживало 17% населения города. По данным Бразильского института географии и статистики, почти 15,5% жителей этих «поселков нищеты» в возрасте старше 15 лет неграмотны. Почти 99% школьников на всю жизнь остаются травмированными постоянно наблюдаемыми в фавелах сценами жестокости и насилия («Строительная газета», 1997, № 19).

2. Огромное количество бездомных и беспризорных детей обычно для стран Латинской Америки. В Бразилии их 17 млн. в возрасте от 5 до 18 лет. У них в ходу марихуана, кокаин, басука и валиум. В этой среде с рискованным сексуальным поведением высок процент ВИЧ-инфицированных (Children in the streets of Brazil: Drug use, crime violence, and HIV risks. — Inciardi James A., Surratt Hilary 1.-Substance Use and Misuse, 1998 — 33, №7. pp. 1461 — 1480).

3. В середине 90-х гг. в Рио-де-Жанейро еженедельно продавалось 1,5 т марихуаны и до 700 кг кокаина.

В Бразилии идут дискуссии о возможности легализации употребления марихуаны. Существовал даже проект создания государственного предприятия «Наркобраз» по легальному производству и продаже наркотиков. Между тем 80% опрошенных жителей страны выступают против изменения существующего законодательства, предусматривающего наказание за употребление и хранение марихуаны в виде тюремного заключения сроком от 3 до 15 лет.

4. Разработанная властями Рио-де-Жанейро программа «Фавела-квартал» предусматривает урбанизацию фавел и их постепенное вхождение в структуры города как законных кварталов. До 2004 г. предполагается реконструировать 149 крупных и средних фавел. Это позволит жителям быстрее ощутить себя полноправными гражданами. К строительным работам привлекают население фавел; занятость и стабильные заработки, как ожидается, облегчат борьбу городских властей с царящими здесь наркоманией и наркобизнесом.

5. Мария Тереза де Акино изучает специфическое влияние наркотиков и токсических веществ на организм женщины. Она наблюдала зависимых от алкоголя, транквилизаторов, кокаина, других наркотических препаратов. См. Maria Thereza C. de Aquino. A Mulher e a droga: motivação para o uso, efeitos diferenciados, tratamento e possibilidades de prevenção. Toxicomania abordagem multidisciplinar. Rio de Janeiro, 1997, pp. 43 — 53.

6. «Согласно концепции, заложенной в метод лечения, семья представляет институт реабилитации и содействия реинтеграции пациента в общество. Как у участников терапевтического процесса, у созависимых лиц в течение всего периода госпитализации формируются жесткие психологические установки на проблему наркомании, на подходы к больным и уход за ними, на медицинскую реабилитацию и социально-средовую адаптацию в постгоспитальном периоде» (Ж. Б. Назаралиев. Научное обоснование новых технологий лечения в негосударственном наркологическом центре... с. 19 — 20).

7. Бывает, сопровождающими выступают те, кто в свое время пролечился в МЦН и теперь сам привез пациента. Это идеальный случай, помогающий созависимому закрепить реабилитацию, а больному — относиться к сопровождающему с повышенным доверием.

8. Вкратце наркотическая история Д. Марадоны такова. В 1982 г. он заболевает гепатитом и начинает употреблять наркотики. В марте 1991 г. медицинский контроль находит в его организме следы кокаина, его отлучают от футбола на 1,5 года. Вскоре пойман в Аргентине с кокаином, заключен в тюрьму. После участия в матчах Кубка мира в США в 1994 г. в его организме обнаружен эфедрин. Лечится в разных клиниках, в том числе в Канаде. В результате сильной передозировки кокаином в начале 2000 г. попадает в уругвайскую больницу Пунта-дель-Эсте, затем едет в закрытую клинику на Кубе. Судя по всему, в Рио-

де-Жанейро, в клинике Солар-ду-Сул, великого футболиста не дождалась.

Глава двенадцатая

Откуда пошли

африканские наркокурьеры

1. В 80—90 гг. Гана и Нигерия стали основными производителями конопляных наркотиков в Западной Африке. Значительная часть каннабиса потребляется местным населением, остальная экспортируется в страны региона и в Европу (Integrated Drug Control Programme for Nigeria 1999 — 2001. Lagos, 1998).

В 1996 г., например, во время полицейской операции в Гане арестовали свыше 6 т марихуаны, предназначенной для вывоза в Европу. Одновременно в пяти европейских странах задержали группу ганских граждан, занимавшихся перевозкой и торговлей наркотиками (The Drug nexus in Africa. Vienna, 1999, p. 32).

2. Ибога (*tabernanthe iboga*) произрастает главным образом в Габоне, Конго, Заире, Анголе, Камеруне. По литературе, большие дозы растения вызывают фантазии, конвульсии, паралич и могут оказаться смертельными. Согласно преданиям, галлюциногенные свойства ибоги впервые были обнаружены африканскими пигмеями, познакомившими с растением другие племена (Марлин Добкин де Риас. Указ. соч., с. 170 — 181).

3. The Drug nexus in Africa...p. 20.

4. Большинство ганских наркологов обучались в медицинских центрах Европы (Великобритания и др.). Их методы детоксикации и реабилитации практически не отличаются от общепринятых. За исключением отношения к метадону. В Центральном психиатрическом госпитале в Аккре, подобно России и некоторым другим странам, его решительно отвергают как лечебное средство. Предпочтение отдают психотропным препаратам (диазепаму, пропромазину и др.). По словам проф. Ж. Б. Асапе, эти препараты помогают за 5 — 7 дней снять боли, после чего пациенты могут работать в терапевтических группах по программе «Двенадцать шагов». Зависимые от сильных наркотиков (героин, кокаин и пр.) содержатся отдельно от курильщиков каннабиса. Их лечение рассчитано на 3 месяца. Пациенты приходят в госпиталь добровольно. В среднем 90% пролеченных через 6 месяцев дают рецидив, многие возвращаются в госпиталь повторно.

В частных клиниках Аккры двухнедельный курс лечения обходится пациенту в 1 млн. сиди (около US \$ 450).

5. В 1994 — 1999 гг. пациентами центра REMAR в Аккре были 2 тыс. человек. В Африке девять реабилитационных центров. Кроме Ганы — в Буркина-Фасо, Мозамбике, Анголе, Намибии, ЮАР и др. Работа в них идет одновременно по двум программам: «духовной» (спасение через Слово Божье) и «естественной» (через обучение, приобретение профессии, работу).

6. По рекомендации ООН в ноябре 1990 г. в Гане создан Совет по контролю наркотиков из 12 известных в стране людей. Несмотря на усилия сотрудников полиции, таможни, тюрем, фармацевтических предприятий, пристаней и аэропортов, перекрывающих транзитные пути, высокая доходность продолжает вовлекать в подпольную отрасль все новых перевозчиков.

Ганцы разработали систему наказания за употребление, хранение, перевозку, продажу наркотиков, независимо от их вида и количества. За курение марихуаны можно получить 5 лет лишения свободы. За незаконную торговлю грозит 10 лет тюрьмы. Для рецидивистов предусмотрено пожизненное заключение. Если же задержан гражданин другой страны, где за совершенное им преступление, связанное с наркотиками, полагается смертная казнь, он будет казнен.

7. Несмотря на действия властей по уничтожению посевов конопли, фактическое производство конопляных наркотиков в Нигерии продолжает возрастать. Причиной тому опережающие темпы подпольного широкомасштабного культивирования конопли (Report of the International Narcotics Control Board for 1998. NY, 1999, p. 28).

8. Аэропорты и морские порты в Африке стали перевалочными пунктами для транспортировки героина из Азии и кокаина из Южной Америки. По мнению Международного Совета по контролю наркотиков, это стало возможным в результате возросшего злоупотребления героином и кокаином, особенно в крупных городах Африки (Там же).

9. NDLEA имеет 20 зональных управлений, размещенных по всей территории Нигерии. Широкое вовлечение нигерийцев в перевозку наркотиков стало серьезной проблемой для правительства, населения, международного сообщества. По сообщению Интерпола, с 1994 — 1996 гг. на нигерийских перевозчиков падает подавляющая часть мировой

транспортировки героина и кокаина. Страна стала важной составной частью международной контрабандной сети. Некоторым показателем усилий нигерийских властей в борьбе с наркобизнесом могла бы служить статистика конфискаций наркотиков на протяжении 4 лет. В 1994 г. изъято 20 009,36 кг (в т. ч. героина 91,65 кг и кокаина 90,75 кг), в 1995 г. — 15 515,31 кг (в т. ч. героина и кокаина соответственно 30,27 и 15,91), в 1996 г. — 18 834,27 кг (в т. ч. 19,38 и 6,16), в 1997 г. — 17 683,12 кг (в т. ч. 10,49 и 31,9). (Integrated Drug Control Programme for Nigeria 1999 - 2001. Lagos, 1998, p. 4.)

10. В результате операции «Жгите траву!» в 1994 г. на фермах уничтожили 40 тыс. кг каннабиса. В 1996 г. количество изъятых наркотиков увеличилось до 250 тыс. кг, в 1997 г. — до 1 327 727 кг, что подтверждает рост нелегальных площадей, несмотря на принимаемые меры (Там же, с. 5).

11. Госпиталь Йаба воспротивился попыткам медиков США внедрить в Нигерии метадоновые программы. Единственный наркотик, который врачи Лагоса считают возможным использовать при лечении опиатной интоксикации и поддерживающей терапии — бупренорфин.

Глава тринадцатая Зависимые люди Кении и Сейшел

1. Во время поездки по Африке в 1975 — 1980 гг. А. Моравиа, например, встретил в Кении девушку-немку и ее друга — «истинный образец массового туризма, который устремился сюда не столько из живого любопытства, сколько из-за дешевизны путешествия. Впрочем, она шагает в ногу со временем. Об этом говорит не только роман Гессе, но и сигарета из «травки», которую она скрутила умелыми, опытными пальцами. Она затягивается сама и дает затянуться другу, который сел рядом» (Альберто Моравиа. Письма из Сахары. М., 1987. с. 153).

2. Моран придерживается всевозможных табу и воздержаний, предписанных традициями. Например, он не может пить молоко из домашнего чайника, прежде чем из него не напьются его старшие товарищи. Он не вправе также пить молоко в одиночку, а только в присутствии другого воина, который должен первым открыть сосуд и сделать первый глоток. Если моран оказался в деревне и голоден, он может принять молоко только из рук девушки, еще не прошедшей инициацию. Или, напротив, от женщины старше себя. Моранам запрещено также есть мясо, которое видела, или трогала, или рядом с которым была женщина. Эти и многие другие табу отражают принятые масаями этические нормы.

3. Масайские целители используют отвары трав, корней, коры для профилактики болезней крови и желудочно-кишечного тракта, а также для лечения гонореи, простуд, зубной боли, детских и гинекологических заболеваний, болей в ногах и суставах. В деревнях не перевелись «колдуны», выясняющие характер заболевания по коровьему навозу, который носят вокруг больного, «обнаруживая» в нем странные волосатые существа, якобы вышедшие из тела пациента. Другие делают массаж, якобы извлекая из тела больного песок и тех же волосатых существ, якобы внедренных в организм злыми силами. Оплата труда масайских лекарей — теленок или телка, хотя иногда они могут ограничить свой гонорар козой (S.S. Ole Sankan. The Maasai. Nairobi, 1979. pp. 59 — 63).

4. Перед заключительной стадией лечения стресс-энергетической психотерапией среди медиков возникли споры, следует ли пациента допускать к столь серьезному испытанию его физических и психических ресурсов. Хроническим отравлением мозг был сильно ослаблен, какие-то новые значительные нагрузки он может не перенести. И, поскольку человек не утратил связи ни с семьей, ни со своим социальным статусом, мы решили ограничиться психотерапевтической работой. К моменту, когда я пишу эту главу, прошло больше года с тех пор, как мы распрощались с пациентом, и он снова стал жить без наркотика.

Глава четырнадцатая Австралия: «наркотизация вспясть»

1. Об этом см. Ф. Роуз. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989, с. 120.

2. Чтобы усилить наркотические свойства питури, австралийские аборигены смешивали растение с акацией вирра. К 50-м гг. XX в. питури практически исчезло из флоры континента, оставаясь лишь в воспоминаниях коренных жителей (Марлин Добкин

де Риос. Указ. соч., с. 32).

3. По данным ООН, к середине 90-х годов 1/3 населения Австралии так или иначе употребляла конопляные наркотики (World Drug Report... р. 250). Четверть учащихся средних школ курит гашиш, 60% из них — постоянно. В некоторых штатах отказались от уголовного преследования за курение гашиша, в других наказывают. Преобладание гашиша отчасти объясняется принятым у австралийцев выращиванием конопли в домашних условиях при помощи гидропоники. Это уменьшает зависимость от погодных условий и снижает риск попасться на глаза полиции. Гидропоника создает условия для выведения новых сортов конопли с повышенным содержанием ТСН. Уличная цена гашиша из гибридной конопли почти вдвое выше, чем из обычной.

4. Первые группы АА и АН появились в Австралии в 60-е гг. в Сиднее (Recovery Down Under Narcotics Anonymous in Australia. A short History. Printed in Perth, Australia, 1997).

5. В Советском Союзе к программе «Двенадцать шагов» официальные власти долгое время относились с предубеждением как к постулатам религиозного характера. В Москве и Санкт-Петербурге первые центры, работающие с зависимыми от алкоголя, появились в 1986 — 1987 гг.; с зависимыми от наркотиков — в 1992 г. (Е. Иванова. Как помочь наркоману. СПб, 1997; С. Белогуров. Популярно о наркотиках и наркоманах. М — СПб, 1998).

6. В конце 90-х гг. в Австралии от передозировки наркотиками каждый год умирало до 620 — 700 человек, в том числе аборигены («Australien», Sept. 9, 1997, р. 5). Одна из причин — дешевизна героина из Южной Азии. В 1998 г. уличная цена 1 г героина опустилась до \$10 и даже до \$5. Многие бездомные переходили с потребления алкоголя на героин.

7. С 1993 г. Мэрг Уэлш входит в группу разработчиков социальной политики р-на Св. Килда. (The St.Kilda Project Cities Toolkit and Workbook. A local Response to Alcohol and Drug Issues. Melbourne, 1997).

8. Стратегия наркорепформ правительства штата Виктория. Предварительный отчет. Мельбурн, 1997 (на англ. яз.). Об австралийской антинаркотической политике «минимизации вреда» см. также «Safer Cities and Shires. A Guide to Developing Strategic Partnerships» Melbourn, 1997, pp. 131 — 138; World Drug Report... pp.256 — 257. В январе 1997 г. правительство Виктории объявило об ассигновании на выполнение четырехлетней программы «Наркотизация вспять» \$ 100 000 000.

9. Tom Skott & Trevor Grice «The Great Brain Robbery». Wellington, 1996.

10. Тревор Грайс — любимец медицинского персонала и пациентов госпиталя Королевы Марии в Ханмер-Спрингсе, самого крупного наркологического центра Новой Зеландии; его лекции неизменно имеют высокий рейтинг («Queen Mary News», jan. — mar. 1998, р. 5).

Глава пятнадцатая

Аборигены Тасмании

и компания «Джонсон и Джонсон»

1. Потоки наркотиков, алкоголя, денег в зонах СССР в 60 — 80-х гг. и позднее регулировали «паханы» или «авторитеты», самые влиятельные в неформальной иерархии отбывающих наказание. Об этом свидетельствуют пациенты наркологических клиник и мемуарная литература (См., напр., Тюремный мир глазами политзаключенных. М., 1993, и др.).

2. Со временем сами криминальные «авторитеты» установили запрет на пронос в клинику наркотиков. Были два-три случая, когда уличные наркоторговцы сильно поплатились, проникнув в помещение клиники, попытались там сбывать товар. «Авторитеты» их вылавливали и наказывали по-своему. Одному сломали руку, у другого отбили почку, у третьего оторвали печень и полуживого выбросили в канаву. Торговля наркотиками в клинике прекратилась.

3. За 1996 — 1999 гг. из прошедших у нас лечение пациентов, связанных с уголовным миром, насколько нам известно, по меньшей мере десять человек погибли в междоусобных «разборках» или перестрелках с органами правопорядка.

4. Интоксикация грибами еще долго оставалась одной из техник шаманизма многих народов мира, в том числе народов Сибири, и помогала шаманам входить в состояние транса (См.: Мирча Элиаде. Шаманизм. Киев, 1998, с. 174).

5. Как полагает Марлин Добкинс де Риос, грибы могут вызывать галлюциногенные эффекты, когда нестабильное химическое воздействие усиливается предрасположенностью, обусловленной особенностями культуры. В отличие от обществ, где главная цель употребления грибов — установление контакта со сверхъестественным, употребление токсичных грибов в Новой Гвинее связано исключительно с внутриплеменными

отношениями (Указ. соч. с. 98).

6. Среди синтетических галлюциногенов распространен фенциклидин (PSP), известный также под названиями «ангельская пыль», «ракетное топливо», «зомби», «кристаллический косяк», «любовь». Препарат выпускается в виде белого порошка или прозрачной жидкости, употребляемых вместе с марихуаной или с петрушкой. Наркотик вызывает сильную физическую зависимость, приводит к нарушениям психики и потере памяти. Об использовании фенциклидина тасманийцами я не слышал.

7. По свидетельству доктора Джексона, в клинике Хобарта после курса лечения воздерживаются от алкоголя 20% и от наркотиков (по метадоновой программе) почти 90% больных.

Глава шестнадцатая

Пакистан:

опиум, беженцы и Аллах

1. Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. Третье издание, дополненное и переработанное (Сура 5, с. 142).

2. Там же.

3. Данные ООН за 1993 г. (World Drug Report... p. 283). Официальные лица в Исламабаде называют число наркозависимых к началу 2000 г. 4,5 млн., в том числе героиновых 2,1 млн.

По наблюдениям, в конце 90-х гг. XX в. героиновая наркомания возростала во многих странах Западной Азии, в том числе там, где прежде это явление не замечалось.

4. Согласно пакистанским источникам, вещества для производства героина сюда поступали из Индии как легальный импорт химикатов, по документам предназначенных для иных хозяйственных целей.

Международный Совет по контролю наркотиков констатирует перевод в 1998 г. нелегального производства героина из Пакистана в Афганистан. Лаборатории размещены по большей части на территориях Нанхагара и Хеллманда, а также вблизи границ с Таджикистаном и Туркменистаном (Report of the International Narcotics Board for 1998... p. 47).

5. По Сообщениям афганской исламской прессы, в 1999 г. верховный лидер талибов Мулла Мухаммад Омар приказал в течение недели уничтожить в Афганистане все героиновые лаборатории, угрожая в противном случае предать виновников шариатскому суду.

Однако о запрете выращивания опиума речь не шла. В конце 90-х гг. опия в стране выращивалось все больше год от года. В 1997г. под плантациями опийного мака находились 63 тыс. га. Правительство талибов согласно пойти на запрет в том лишь случае, если ООН и мировое сообщество возьмут на себя финансирование перехода фермеров на выращивание альтернативных культур.

Глава семнадцатая

Чему улыбаются Будды

в тайландских монастырях

1. Степень суровости тайландских законов можно оценить при их сравнении с законодательством других стран. В США за торговлю метамфетаминами в количестве 10 — 99 г, героином 100 — 999 г, кокаином 500 — 4999 г задержанного ждет тюрьма на срок от 5 до 40 лет. При отягчающих обстоятельствах — если в результате использования проданных наркотиков наступили серьезные последствия — не меньше 20 лет тюрьмы, но не больше пожизненного заключения. Если же речь идет о наркотике в количествах, превышающих названные, виновный получит от 10 лет тюрьмы до пожизненного заключения. При отягчающих обстоятельствах — от 20 лет тюрьмы до пожизненного заключения.

В России за незаконные приобретение или хранение в целях сбыта, изготовления, перевозку, сбыт наркотиков и психотропных веществ преступника лишат свободы на срок от 3 до 7 лет с конфискацией имущества или без таковой. В случае «крупных размеров» задержанных наркотиков свободы лишат на срок от 5 до 10 лет (опять же с конфискацией имущества или без таковой). А за наркотики «в особо крупных размерах» можно получить от 7 до 15 лет с конфискацией имущества. Без многотомных комментариев Верховного суда трудно понять, что подразумевает законодатель под размерами «крупными», «особо крупными» и какие он считает нормальными.

2. Тяга усилилась во времена короля Рамы III (1824—1851), когда Таиланд захлестнула

китайская эмиграция с ее склонностью к употреблению и контрабандной торговле опиумом. Эмигранты образовали тайное общество «Энг-И», подобное существовавшему на их родине и занятое распространением наркотиков.

Глава восемнадцатая

Индийские фермеры
выращивают мак

1. «Да, к сожалению, Крузо занимался торговлей опиумом. Но не он и ему подобные приучали к наркотикам китайцев. Им издавна торговали индийские купцы, и наш негодяй лишь пытался конкурировать с ними» (А. М. Петров. Запад — Восток. Из истории идей и вещей. М., 1996, с. 32). Не думаю, что кумир нашей молодости нуждается в защите. Он был сыном своей страны, своего времени и вряд ли в читательском сознании несет ответственность за наркотизацию Китая в XIX в.

2. A.K.Agarwal, S.Kumar and A.Khalid. Cannabis Use in Indian Context (Cannabis. Health Damage? Legislative options. New Delhi, 1997, pp. 1 —2).

3. По данным индийских исследователей, в последние 70—75 лет в стране распространилось наркотическое использование кокаина. Его потребляют перорально, завернув в лист растения бител. Хотя законодательство Индии предусматривает строгое наказание за ввоз и продажу этого наркотика, кокаиновая наркомания наблюдается в Дели, Бомбее, Калькутте, Ахмедабаде, Пенджабе и других регионах (Drug Addiction. With special reference to India. New Delhi, 1965, p. 7).

Глава девятнадцатая

Китайский опыт:
растрелы и лечение

1. С 30 гг. XIX в. британцы ввозили в Китай ежегодно до 300 т опиума. В китайских городах, особенно Гонконге, британцы быстро делали состояния. Девять лет спустя после окончания второй опиумной войны побывавший в Гонконге русский путешественник М. И. Венюков замечал: «От времен, когда Гонконг пользовался монополией опиумной торговли, остались только великолепные памятники в виде дворцов Дента, Джардиня, Росселя и других отравителей Китая... Обширный дом Джардиня с великолепным парком, разведенным на голых некогда скалах, красуется несколько в стороне от города; но сам хозяин его живет в Лондоне и состоит членом парламента, как и товарищ его по фирме, Матисон. А сын великого отравителя, который держал тринадцать клиперов для развозки контрабанды по китайским портам, уже принадлежит к сословию ученых и составил себе известность путешествиями в Австралию» (М. И. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1979, с. 158 — 159).

2. За три неполных года существования КНР было зарегистрировано 369 705 человек, занятых выращиванием мака и наркоторговлей. Из них 51 627 понесли наказание. Власти конфисковали около 170 т опиума, 15 716 комплектов оборудования для его обработки, 882 ствола огнестрельного оружия (Китай: борьба с наркотиками. Пекин, 1998, с. 5).

3. По данным «Международной амнистии», приведенным в сообщении ИТАР-ТАСС от 26 июня 1999 г., в КНР в 1997 г. приговорены к высшей мере наказания 3152 человека, а приведены в исполнение 1876 смертных приговоров.

4. Согласно сообщениям информационных агентств, для борьбы с незаконным оборотом наркотиков министерство общественной безопасности КНР совместно с Центральным разведывательным управлением США создали в местечке Жуйли провинции Юньнань секретный электронный пост радиоперехвата и слежения за наркодельцами в районе китайско-мьянманской границы. Пост оборудован американской аппаратурой и техникой. С его помощью уже удалось перехватить на границе несколько крупных партий героина и других наркотических веществ, предназначавшихся для переправки через КНР в страны Латинской Америки (Боливию, Перу, Колумбию).

5. Из выступления П. Арлакки в Куньмине 12 мая 1998 г.

К концу 90-х гг. XX в. в КНР принудительное лечение практиковали в 760 реабилитационных центрах и множестве трудовых лагерей, созданных практически во всех провинциях. С дальнейшим расширением системы принудительного лечения министерство общественной безопасности Китая во многом связывает окончательное решение проблемы наркомании.

1. «Буддист-паломник у святынь Тибета» — самая известная из работ проф. Г. Ц. Цыбикова (1873 — 1930), написанная по дневникам 1899 — 1902 гг. и впервые изданная Русским географическим обществом в 1919 г. По наблюдениям путешественника, между прочим, в дни празднеств светские жители Лхасы пьют «туземное вино», «многие усердные любители вина пошатываются, но, однако, нет безобразно пьяных...» (Г. Ц. Цыбиков. Избранные труды. Новосибирск, 1991, т. 1, с. 130).

2. Цит. по: Клайв Эррикер. Буддизм. М., 1999, с. 17.

3. «Препараты тибетские врачи обычно готовили незадолго до использования или непосредственно у постели больного. По-видимому, это связано с тем, чтобы соблюсти соответствие состава препарата состоянию больного, т. е. в определенной мере осуществлялся индивидуальный подход к больному. Возможно, это также связано с недостатком сырья для приготовления лекарств в больших количествах» (Эльберт Базарон. «Очерки тибетской медицины. Улан-Удэ, 1992, с. 196).

4. Еще Донден. Здоровье через баланс. Введение в тибетскую медицину. М., 1996, с. 114 — 115.

Тибетские источники с древнейших времен рассматривают человека в единстве с окружающим миром, живущим по общим законам мироздания, и многие болезни связывают с внешними воздействиями, в том числе социальными условиями жизни. См.: Э. Ю. Кушниренко. Два цветка на древе медицины. Учение индо-тибетской медицины о здоровье и долголетию (Москва — Воронеж, 1999); В. Востоков. Тайны тибетской медицины и восточных учителей, тт. 1 и 2 (СПб, 1994); Н. Д. Болсохоева. Тибетская медицина в Непале (СПб, 1994); Н. Ц. Жамбалдагбаев. Учение тибетской медицины о «внутренней теплоте» (Нсб, 1983) и др.

5. Лобсанг Рампа. Третий глаз. Киев, 1997, с. 106.

6. Там же, с. 73.

7. Н. К. Рерих. Избранное. М., 1979, с. 153.

Женишбек Болсунбекович
НАЗАРАЛИЕВ

ИЗБАВЬ И ПРОСТИ

Записки врача-нарколога
о встречах с полицией,
наркодельцами, больными,
медиками, политиками
на пяти континентах

Корректор

Т.П. Поленова

Компьютерная обработка иллюстраций

Л.А. Заволока

DeLacrua

Подписано в печать 15. 03. 2001 г. Формат 100X70/16

Бумага «GalleryArt» 115г/м² Гарнитура «Newton»

Объем 34 усл. печ. л. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 2004.

Издательство «Медицинская пресса»

Лицензия ИД № 01974 от 05. 06. 2000г.

195271, С.-Петербург, пр. Мечникова, 23

тел./факс (812) 543 97 37, 543 99 64

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Экспериментальной типографии

103051. Москва, Цветной бульвар. 30